РОССІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ЗАКАВКАЗЬЮ, ТУРКМЕНІИ, БУХАРѢ, САМАРКАНДСКОЙ, ТАШКЕНТСКОЙ И ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТЯМЪ, КАСПІЙСКОМУ МОРЮ И ВОЛГѢ.

Евгенія Маркова.

2470-2

ВЪ 2-ХЪ ТОМАХЪ И 6 ЧАСТЯХЪ.

ТОМЪ II-й.

Ч. IV. Фергана. Ч. V. Долина Заравшана.
Ч. VI. Домой по Волгѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1901.

3036

59186-51

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ II.

Часть IV. Фергана.

		стран.
1.	Въ долинахъ Чирчика и Ахангрена	1
2.	Ходжентъ и Сыръ-Дарья	26
3.	Старая и новая столицы Ферганы	46
4.	Настоящее и прошлое Кокандскаго ханства	69
5.	Ошъ и его обитатели	91
6.	Подъемъ на Малый Алай	116
7.	Въ кочевьяхъ Черныхъ Киргизовъ	129
8.	Киргизскія женщины	142
9.	Родовой бытъ киргиза	159
10.	Спускъ черезъ Ленгаръ	172

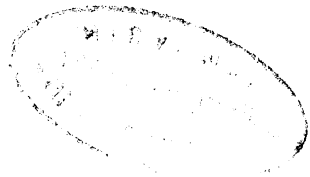
Часть V. Долина Заравшана.

1.	Выѣздъ изъ Ферганы	183
2.	Черезъ воды и броды	197
3.	„Разноситель золота“	211
4.	Медрессе Ригистана	231
5.	Биби-Ханымъ и „Желѣзный Хромецъ“	240
6.	Мавзолей Тимура	254
7.	Промыслы самаркандцевъ	267
8.	Геройская цитадель	280
9.	Калай-Афросіабъ	293
10.	Гробница Даньяра	309
11.	Возвращеніе	316

СТРАН.

Часть VI. Домой по Волгѣ.

1. Дербентъ, „городъ желѣзныхъ воротъ“ 327
2. Устье Волги 338
3. Древняя столица Хозаръ 354
4. Историческіе памятники Астрахани 366
5. Волжскій народъ 382
6. Царицынскій плёсъ 397
7. Бугры Стеньки Разина 408
8. Саратовъ 419
9. Самарская лука 433
10. Жигулевы горы 445
11. Отъ Симбирска до Казани 454
12. Столица Казанскаго царства 465
13. Между Казанью и Нижнимъ 483
14. Древне-русскіе памятники Нижегородскаго кремля 499
15. Заключеніе 510



Часть IV.

ФЕРГАНА.

I.

Въ долинахъ Чирчика и Ахангрена.

До сихъ поръ, несмотря на зрѣлые годы, радостное дѣтское чувство охватываетъ меня всякій разъ, какъ я усаживаюсь въ дорожный экипажъ или вскакиваю на коня, отправляясь въ какое-нибудь далекое путешествіе. Должно быть, мой древній предокъ, бродяга безпредѣльныхъ русскихъ равнинъ, глубоко еще живетъ во мнѣ. Наша маленькая ташкентская семья провожаетъ насъ до первой станціи. Мы проѣзжаемъ, какъ по аллеямъ колоссальнаго парка, чудными зелеными перспективами пирамидальныхъ тополей. Но мы беремъ теперь нѣсколько лѣвѣе Самаркандской дороги, по которой пріѣхали въ Ташкентъ, и переѣзжаемъ по Маріинскому проспекту цѣлую новую часть города. Тутъ обширная богадѣльня и разныя другія благотворительныя учрежденія: кромѣ того, неудавшаяся ярмарка генерала Кауфмана, долженствовавшая, по проекту его, поглотить собою всю торговлю Туркестана. Теперь она стоитъ почти праздникомъ свидѣтелемъ слишкомъ смѣлыхъ и слишкомъ теоретиче-

скихъ разсчетовъ. Цѣлый маленькій городокъ узенькихъ галлерей подъ желѣзными крышами, разбросанный на огромномъ пространствѣ среди зеленыхъ садовъ и предназначавшійся для склада товаровъ, частью совсѣмъ теперь пустуетъ, частью занятъ грузами хлопка и военными матеріалами. Для военнаго хозяйства тутъ полный просторъ и удобство. Сюда, въ эту зеленую окраину города, вообще сбилось много солдатскихъ казармъ и военныхъ учрежденій всякаго рода; здѣсь и плацы ихъ для ученья, защищенные отъ палящаго солнца высокими аллеями и густыми садами. Частныхъ дачъ тутъ тоже много, и русскихъ, и богатыхъ сартовъ, и всѣ онѣ тонутъ въ садахъ.

Мы весело несемся на бойкихъ лошадяхъ, болтая другъ съ другомъ и наслаждаясь видами, по превосходному шоссе, широкому и покойному, обсаженному тѣсными рядами гигантскихъ тополей на цѣлыя 15 верстъ отъ города. Старые арыки, широкіе и глубокіе, какъ наши рѣки, — такія же серьезныя гидротехническія сооруженія, какъ и каналы Европейской Россіи, прославляемые въ каждой географіи,—хотя и неизвѣстные никому за предѣлами Ташкента и не стоившіе казенныхъ милліоновъ,—Саларъ, Карасу и пр., — то и дѣло пересѣкаютъ намъ путь, и мы перебѣгаемъ черезъ нихъ по прекраснымъ каменнымъ мостамъ, которымъ не грѣхъ позавидовать нашей земской Руси.

Дождь прошелъ недавно, вся природа освѣжена и оживлена, сверкаетъ красками и лучами солнца. Людная дорога кишитъ движеньемъ, точно улица большого торговаго города. Воды теперь вездѣ много, самые маленькіе арыки гудятъ и пѣнятся отъ полноводія.

Вотъ и мостъ черезъ Чирчикъ,—эту главную водную артерію всего края, живую душу Ташкента и всѣхъ его многочисленныхъ арыковъ, которые онъ питаетъ своими обильными горными водами. Большіе арыки, какъ Саларъ, Карасу и другіе, только искусственные рукава Чирчика, цѣдящаго свои струи изъ ледниковъ заоблачнаго отрога Тянь-Шаня.

Верхнія долины Чирчика, соблазнительно синѣющія влѣво отъ насъ своими туманными далями, живописныя, какъ Швейцарія, и многіе жители Ташкента поднимаются на лѣто туда на дачи, въ цѣлебный прохладный воздухъ горъ.

Отлично устроенный деревянный мостъ черезъ Чирчикъ тянется болѣе полуверсты, на цѣлыхъ 300 саженъ; стремительная пучина водъ кружится, пѣнится и реветъ вокругъ его устоевъ, широкою скатертью сбѣгая внизъ къ далекимъ берегамъ Сыръ-Дарьи. Кишлаки, сады на каждомъ шагу, какъ подобаетъ окрестностямъ столицы—хотя бы и Туркестана. На первой же станціи «Чирчикъ»—двѣ остановки, двѣ неудачи, хотя одна изъ нихъ невольно помогла другой. Нѣтъ лошадей,—нужно ждать на станціи часа два. Я забылъ въ кабинетѣ у сына всѣ деньги свои,—нужно ѣхать за ними обратно въ Ташкентъ. Дѣлать было нечего, и сыну пришлось прокатиться еще въ два конца между Чирчикомъ и Ташкентомъ. А мы въ это время, нисколько не пеняя на судьбу, которая неожиданно продолжила наше свиданье съ близкими нашими,—преспокойно занялись, подъ гулъ полившаго опять дождя, самоварчикомъ и разными домашними снадобьями. Когда сынъ вернулся назадъ, часа черезъ два, лошади уже были готовы, и мы, покончивъ чай и выпивъ на прощанье по стакану искрометной влаги,—тронулись уже одинокіе въ свой далекій путь, провожаемые сердечными напутствіями и пожеланьями. Дождь только-что прошелъ, и яркій солнечный закатъ освѣтилъ своими косыми лучами увлажненную землю. Далекія горы Туркестанскаго хребта вдругъ вырѣзались странно и ясно до осязательности своими снѣговыми пирамидами, вспыхнувшими на вершинахъ розовымъ румянцемъ, и туманно-голубыми—внизу, на свинцовомъ фонѣ дождевыхъ тучъ, заволочившихъ горизонтъ.

Вечерѣло удивительно быстро, какъ всегда на югѣ. Дороги испортились дождемъ, и уже никто не сталъ попадаться навстрѣчу: у сартовъ и киргизовъ теперь ураза, ихъ великій постъ своего рода,—и всякій правовѣрный обязанъ почтить праздникъ

ночнымъ пиршествомъ. Въѣдешь въ черную, грязную улицу кишлака и видишь вездѣ, среди черной ночи, горящіе огоньки фонарей, свѣчекъ, лампочекъ, притулившихся гдѣ-нибудь подъ галлерейкою или у воротъ дома, или, просто, подъ тѣнистымъ деревомъ. Вездѣ дымятъ и сверкаютъ въ темнотѣ наши тульскіе самовары, висятъ котелки надъ разложенными кострами, а вокругъ нихъ сидятъ живописными группами, эффектно освѣщаемыя красноватымъ отблескомъ огней, характерныя фигуры въ чалмахъ и тюбетейкахъ, приступившія къ ночной трапезѣ.

Отъ этого сверканья огней дѣлается еще вдвое чернѣе въ узкой, неприглядной улочкѣ тѣсно застроеннаго кишлака, заслоненной отовсюду черными тѣнями домовъ, садовъ и заборовъ. И, какъ нарочно, на каждомъ шагу арыки, мостики, повороты во всякіе переулочки и закоулочки.

Мальчишка-киргизенокъ, не смыслящій ни слова по-русски, и, повидимому, не часто имѣвшій дѣло съ такимъ грузнымъ экипажемъ, пренеловко поворачиваетъ свою дикую тройку при съѣздахъ съ мостовъ и при въѣздахъ на мосты, такъ что я вотъ-вотъ жду, когда же онъ, наконецъ, опрокинетъ насъ вполнѣ основательно въ какой-нибудь изъ многочисленныхъ арыковъ и свернетъ намъ наши православныя шеи. Въ одномъ кишлакѣ темнота ночи совсѣмъ сбила съ толку бѣднаго киргизенка, и онъ завезъ нашъ тарантасъ въ такой тупикъ, откуда не было выѣзда ни туда, ни сюда. Киргизы, ужинавшіе на улицѣ, живо оттащили тарантасъ назадъ за колеса и направили глупаго дикаря на путь истинный. Къ счастью, послѣ изрытой дождями дороги, опять пошло на 4 версты прекрасное шоссе, обсаженное деревьями, по которому можно было смѣло ѣхать быстро даже и въ такую черную тьму и даже и въ нашемъ ковчегѣ Ноевомъ. Мы добрались, такимъ образомъ, до станціи Той-Тюбе, гдѣ рѣшились переночевать. Вскочилъ я на ноги раньше 4-хъ часовъ утра, потому что необходимо было спѣшить до свѣта переѣхать въ бродъ опасную рѣку Ангрену, пока солнце не на-

топило горныхъ снѣговъ и льдовъ и не поддало воды въ безъ того полноводную рѣку, пожирнѣвшую отъ вчерашняго дождя.

Утро чуть брезжило, а уже всякаго рода крикъ, писк и гамъ стояли надалеко кругомъ въ улицахъ огромнаго кишлака. Пѣтухи, воробьи, всякія птицы надрывались отъ крика, на перебой другъ съ другомъ, словно на пожарѣ. Даже въ первой комнатѣ станціи, не прикрытой потолкомъ, въ тростниковой крышѣ, какъ разъ надъ кроватью кого-то изъ хозяевъ, назойливо и немолчно чирикали невидимые голоса птицъ, забившихся въ крышу. Мы, балованные питомцы городской цивилизаціи, рѣдко слышимъ эти шумливо-веселые голоса ранняго деревенскаго утра и долго не можемъ привыкнуть къ нимъ.

Когда я вышелъ на крыльцо распорядиться насчетъ лошадей, въ тепломъ и влажномъ воздухѣ лѣтней зари кишлакъ все рѣзче выяснялся на блѣдномъ небѣ темными силуэтами своихъ тополей и курчавыхъ садовъ. Цѣлыя вереницы киргизовъ, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, высоко приподнявъ свои халаты, двигались въ полутьмѣ, шлепая по грязи сухощавыми босыми ногами.

Почта на двухъ тройкахъ, вся заваленная тюками и чемоданами, съ однимъ сонным почтальономъ на обѣ повозки, только-что подъѣзжала къ станціи, гремя своими колокольчиками. Въ этой дикой киргизской степи она безопасно ѣздитъ даже по ночамъ, почти никѣмъ не охраняемая, до того великъ страхъ кочевника передъ русскимъ именемъ и до того грозенъ еще здѣсь авторитетъ военной власти.

Вотъ двинулся, наконецъ, по узкой, безконечной улицѣ и нашъ рыдванъ. Огромный кишлакъ уже просыпался; множество лавченокъ пооткрыло свои дверочки и ставенки. Всѣ житейскія дѣла простодушнаго туземца на глазахъ у всѣхъ. Вонъ они и спятъ, и ѣдятъ, работаютъ и торгуютъ, никого не стѣсняясь, прямо на улицѣ. Тутъ голыя костлявыя ноги еще торчатъ изъ-подъ теплыхъ ватныхъ одѣялъ, а рядомъ уже бритая башка постукиваетъ молоточкомъ или шьетъ башмакъ. Дома

тутъ — всѣ въ открытыхъ галлерейкахъ, и на нихъ-то, подъ ними—вся жизнь.

Тройка наша въѣхала въ цѣлый караванъ верблюдовъ, разряженныхъ какъ на свадьбу, въ яркихъ, расшитыхъ чепракахъ, узорчатыхъ коврахъ, въ разноцвѣтныхъ махрахъ и кистяхъ на мордѣ, на шеѣ, на брюхѣ... Это ужъ скоты не для вьюка, а для верха. Они съ дикимъ испугомъ мечутся въ сторону при звукѣ почтовыхъ колокольчиковъ, давятъ и сбиваютъ съ ногъ другъ друга. Удушливая вонь какимъ-то прѣлымъ пòтомъ—надалеко разитъ отъ нихъ, когда приходится такъ близко протискиваться сквозь стадо ихъ.

До солнца успѣли проѣхать мы влажную низину, прорѣзанную рѣкою Ахангареномъ, именуемой въ просторѣчьи Ангреною. Рѣка эта не такъ велика, какъ Чирчикъ, но играетъ ту же важную роль въ хозяйствѣ страны. Это двѣ крупнѣйшія артеріи, которыми стекаютъ въ Сыръ-Дарью обильныя воды высокихъ горныхъ хребтовъ, отдѣляющихъ Ташкентскій уѣздъ на сѣверѣ отъ Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ, а на востокѣ — отъ Ферганской области. Хребты эти, снѣга которыхъ бѣлѣютъ теперь на горизонтѣ влѣво отъ насъ, вовсе не шуточные: все это отроги титаническаго Тянь-Шаня, который протянулъ свои безчисленныя каменныя лапы далеко въ Туркестанъ; одна изъ этихъ лапъ, та именно, что̀ образуетъ сѣверную границу Ташкентскаго уѣзда, называется хребтомъ Ала-Тау, чаще всего Таласскимъ Ала-Тау, потому что съ ея сѣвернаго склона течетъ къ сѣверу черезъ Ауліеатинскій уѣздъ довольно большая рѣка Таласъ. Другая лапа отходитъ отъ первой на юго-западъ отъ общаго горнаго узла, высотою въ 12.000 футовъ, и называется Чаткальскимъ хребтомъ, опять-таки по имени рѣки Чаткала, родящейся своими истоками въ ея ледникахъ. Чаткалъ, собравъ въ себя нѣсколько другихъ горныхъ рѣкъ, прорывается черезъ горы на юго-западъ, разливается по долинѣ и впадаетъ въ Сыръ-Дарью подъ другимъ названіемъ — Чирчика, черезъ который мы только-что переѣхали вчера. Вмѣстѣ съ Чаткаломъ Чирчикъ

имѣетъ длины 280 верстъ и, захватывая своимъ бассейномъ болѣе милліона десятинъ, на всемъ этомъ протяженіи служитъ питателемъ и разносителемъ плодородія для окрестныхъ земель.

Цѣлая сѣть арыковъ растерзываетъ его во всѣ стороны и такъ перепутываетъ его съ водами сосѣднихъ рѣчекъ, что трудно разобрать, какими собственно рукавами бѣжитъ самъ Чирчикъ. Такъ же точно, и еще, пожалуй, больше, разбита на рукава, и природные, и искусственные, рѣка Ангрена, и такъ же точно напояетъ и утучняетъ всѣ поля своей широкой долины, хотя длина Ангрены всего только 175 верстъ.

Ангрена вытекаетъ изъ пазухи двухъ горныхъ вѣтвей, на которыя раздѣляется Чаткальскій хребетъ; одна вѣтвь—Адамъ-Тау, идетъ прямо на западъ, разобщая своими отрогами долину Чирчика отъ долины Ангрены, другая вѣтвь — Курама-Тау, идетъ прямо на югъ и потомъ на юго-западъ, очень мало не доходя до Сыръ-Дарьи и составляя собою границу между двумя областями: Сыръ-Дарьинской и Ферганской. Конечный отрогъ Курама-Тау, мимо крутыхъ и эффектныхъ скалъ котораго идетъ наша почтовая дорога изъ Ташкента въ Ходжентъ и Коканъ, называется Могулъ-Тау. Въ настоящее время лѣса, когда-то покрывавшіе всѣ эти заоблачныя цѣпи горъ, до такой степени вырублены хищническимъ хозяйствомъ киргизовъ и курамы, что и Чирчикъ, и Ангрена, въ прежніе годы всегда черезъ край переполненные водами, теперь частенько пересыхаютъ лѣтомъ въ тѣхъ низменныхъ мѣстахъ своихъ, гдѣ разливу ихъ слишкомъ большой просторъ. А главное, стокъ водъ съ высоты по русламъ этихъ рѣчекъ сдѣлался, безъ регулирующаго вліянія лѣсовъ, удивительно неровнымъ и рѣзкимъ, такъ что, при полномъ пересыханіи русла, въ одну ночь можетъ вдругъ низринуться сверху какой-нибудь опустошительный потокъ.

Мы, кажется, попались именно въ одну изъ такихъ скверныхъ минутъ. Вчерашніе дожди обратили Ангрену въ широкій бушующій потокъ, такъ что вечеромъ и ночью переѣздъ черезъ нее былъ невозможенъ. Только къ утру воды схлынули на-

столько, что черезъ рѣку стали пускать караваны и проѣзжихъ, но и то съ большимъ рискомъ.

Когда мы проѣзжали ея береговую равнину, все кругомъ было пропитано и залито водою. Самый крошечный арыкъ гудѣлъ и катилъ свои струи, будто настоящая рѣчка. Лужи на каждомъ шагу, вся почтовая дорога превратилась въ сплошной рядъ озеръ. Тѣмъ не менѣе широкая зеленая долина, еще не освѣщенная лучами утра, смотрѣла людно, обильно и весело. Вездѣ кишлаки, сады, обработанныя поля, сочные луга, на лугахъ кибитки цѣлыми гнѣздами, стада верблюдовъ и коровъ. Коровы тутъ впрочемъ маленькія и плохонькія, совсѣмъ не подходящія къ этому степному простору и этимъ непроѣднымъ кормамъ. Хозяйственная суета уже вездѣ: доятъ коровъ, вьючатъ верблюдовъ, запрягаютъ арбы. Въ раннемъ утреннемъ часѣ, который такъ рѣдко приходится видѣть и испытывать въ нашей искаженной городской жизни, ничѣмъ неззмѣнимая красота и ничѣмъ незамѣнимая польза!.. Въ немъ богатство и здоровье, въ немъ нравственная сила человѣка. Дѣды наши хорошо знали это и не губили лѣнивымъ сномъ лучшихъ часовъ своей жизни. Оттого-то они были здоровы и могучи тѣломъ, спокойны нервами, веселы духомъ, совсѣмъ не то, что̀ мы.

Въ ожиданіи солнца и на далекихъ снѣговыхъ горахъ тоже залегли стада своего рода—бѣлые клубы облаковъ увили собою горныя вершины и набились, какъ клочья ваты, въ глубокія ущелья.

На берегу Ангрены цѣлый таборъ. Караванъ въ добрую сотню верблюдовъ, только-что переправившійся сюда съ того берега, оправляется и отдыхаетъ, собираясь дальше въ путь. Киргизская кибитка раскинута около рѣки, и возлѣ нея нѣсколько запасныхъ арбъ. Это перевощики, обязанные переправлять черезъ рѣку почту и проѣзжихъ. Они слѣдятъ за подъемомъ и спадомъ водъ въ рѣкѣ и отвѣчаютъ за безопасность переправы.

Тарантасъ нашъ остановился среди песковъ берега, со всѣхъ

сторонъ окруженный верблюдами и киргизами; мы вышли изъ него, чтобы полюбоваться, какъ это люди въ здравомъ умѣ и твердой памяти совершаютъ безумную переправу прямо на колесахъ черезъ пучины водъ.

Обыкновенно мирная Ангрена разлилась теперь, словно какая-нибудь Аму-Дарья. Всѣ рукава ея слились въ сплошную скатерть водъ, которыя бѣжали внизъ съ гуломъ и стремительностью водопада. Жутко было смотрѣть, какъ головъ двѣсти нагруженныхъ верблюдовъ, загоняемые отчаянными криками и палками погонщиковъ, длинною вереницею медленно и неувѣренно вступали въ несущійся потокъ, ощупывая своими надежными толкачами скрытую отъ глазъ почву. Подъ тяжестью ноши своей, они все глубже и глубже погружались, удаляясь отъ берега, въ коварную пучину, которая неудержимо относила ихъ далеко отъ того мѣста, куда они направлялись.

Молодые верблюды то и дѣло срывались напоромъ стремнины и исчезали подъ водой, выныривая оттуда съ торопливымъ ужасомъ. Вотъ они наконецъ перетянулись кое-какъ черезъ разливы водъ, и одинъ за однимъ, важистою тяжкою поступью, съ трудомъ выпрастывая свои мозолистыя ноги изъ каменистой розсыпи, завалившей дно рѣки, начинаютъ вылѣзать на кручи нашего берега; вода такъ гладко прилизала ихъ, что ихъ всегда лохматая шерсть теперь лоснится, какъ шелкъ, и сами они кажутся какими-то исхудавшими скелетами.

Теперь очередь за большимъ четырехмѣстнымъ тарантасомъ, запряженнымъ пятеркою почтовыхъ коней, который уже давно, повидимому, поджидаетъ на томъ берегу рѣки, благополучно ли переправится черезъ нее многоголовый верблюжій караванъ.

Намъ видно, какъ киргизы живо перебрасываютъ весь обильный багажъ помѣстительнаго тарантаса на высочайшія двухколесныя арбы, подвезенныя вплотную къ тарантасу. Тучный мужчина въ военномъ китилѣ умащивается съ цѣлою семьею женщинъ и дѣтишекъ поверхъ своего скарба на этихъ домо-

рощенныхъ трясущихся колесницахъ, на которыхъ, навѣрное, ѣздилъ еще въ дни всемірнаго потопа праотецъ Ной.

Арбы, полныя народа и клажи, первыя въѣхали въ воду; сначала онѣ долго двигались въ одну сторону, какъ-будто уступая теченію, потомъ вдругъ разомъ круто повернули и стали перерѣзать навкось широкій разливъ водъ, потомъ какъ будто вернулись назадъ и полѣзли къ берегу совсѣмъ въ другомъ направленіи. Нужно знать такъ, какъ это знаютъ киргизы, малѣйшіе изгибы рѣки, скрытые теперь разливомъ водъ, чтобы съ такою безошибочною точностью вести переправляющихся путешественниковъ по всѣмъ поворотамъ невидимаго пути. Тарантасъ съѣхалъ въ рѣку уже за арбами и сразу глубоко ушелъ своимъ грузнымъ кузовомъ. Верховые джигиты-киргизы съ отчаянными криками провожали его со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ захлестнулъ веревку вокругъ задней оси тарантаса и натягивалъ ее въ сторону, чтобы не дать экипажу опрокинуться въ опасныхъ мѣстахъ, а двое другихъ привязали веревки къ гужамъ коренника и тащили его впередъ какъ на розвязяхъ, не давая ему спотыкаться и нырять подъ воду. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вода совершенно покрывала кузовъ тарантаса, и самъ весь онъ качался и трясся, словно въ предсмертныхъ судорогахъ, пересчитывая колесами огромные камни, навороченные рѣкою. Многоопытный старикъ-киргизъ въ рваномъ мѣховомъ малахаѣ безостановочно сыпалъ удары кнута на спины своихъ многострадальныхъ, столь же опытныхъ, а вмѣстѣ и сильныхъ лошадей, которыя и безъ того впрочемъ лѣзли изъ кожи. Какъ ни высоки были колеса кокандской арбы, вода все-таки подходила подъ самое сидѣнье ея, а у киргиза-кучера, стоявшаго босыми ногами на ея оглобляхъ, ноги давно были по щиколку въ водѣ.

И намъ судьба сулила такую же дикую переправу. И мы точно такъ же переселились со всѣми своими пожитками на толкучую двухколесную коканé, съ которой, казалось, можно было слетѣть на каждомъ шагу, при первомъ порядочномъ толчкѣ;

и нашъ пустой тарантасъ потащили точно такъ же на розвязяхъ джигиты-киргизы, наполняя тихій воздухъ ранняго утра своими громкими криками и бранью...

То туда, то сюда смѣло поворачивалъ свою изумительно-умную и изумительно-выносливую лошадь киргизъ-возница, отыскивая по памяти среди сплошной пучины водъ знакомые ему рукава и изгибы рѣки. Бѣдная лошадь, тащившая по убійственнымъ камнямъ рѣчного дна арбу, нагруженную людьми и багажемъ, надрывалась отъ усилій и чуть не съ ушами уходила подъ воду, все время упираясь противъ одолѣвавшаго ее теченія. Мы съ немалыми акробатическими усиліями держались на грудѣ своихъ дорожныхъ чемодановъ и мѣшковъ, съ вышины которыхъ каждый изрядный толчокъ стряхивалъ насъ внизъ, будто какихъ-то, не въ свое мѣсто залѣзшихъ, досадливыхъ насѣкомыхъ. Это и не мудрено, потому что досчатое дно арбы прибито прямо, всею шириною своею, къ оси громадныхъ колесъ, и каждый камень рѣчного дна отражается на этомъ трясущемся помостѣ, немилосердно подкидывая его вверхъ, а съ нимъ вмѣстѣ подкидывая также высоко и всѣхъ, кто по неблагоразумію своему основалъ на немъ свою, хотя бы и кратковременную, судьбу.

Въ глазахъ рябило и кружилось отъ безпрерывнаго мельканья водяной стремнины, катившейся широкимъ полотномъ по затопленной долинѣ, и когда, среди этого одуряющаго движенія водъ, арба съ лошадью начинала на нашихъ глазахъ все глубже и глубже уходить въ невѣдомые намъ омуты, намъ не разъ искренно казалось, что вотъ-вотъ и мы съ своими чемоданами, и одноглазый киргизъ, служившій намъ Харономъ, всѣ мы сейчасъ исчезнемъ въ этомъ бурномъ Стиксѣ, черезъ который можно переправляться только развѣ въ царство тѣней. Однако, арбу нашу, благодаря Бога, не залило, мы сами уцѣлѣли со всѣмъ своимъ добромъ, и мало-по-малу умница-лошадь, такъ добросовѣстно протащившая насъ сквозь всѣ мытарства, выбралась, нося боками и тяжело дыша, сначала на мелкое мѣсто, потомъ и на пески того берега...

Мы перекрестились отъ всей души, очутившись на безопасной и знакомой сердцу сушѣ.

Тарантасъ, потерпѣвъ настоящую морскую качку и зачерпнувъ раза три по полному кузову воды, тоже выкарабкался на берегъ. Вода стояла въ немъ, какъ въ какой-нибудь потонувшей лодкѣ. Старикъ-киргизъ, сидѣвшій на его козлахъ, не долго думая, вынулъ изъ-за пояса тщательно спрятанный кривой ножикъ и, повернувшись назадъ, спокойно, какъ давно привычное ему дѣло, вдругъ взрѣзалъ насквозь кожаную обшивку тарантаса. Навѣрное, онъ неособенно давно употреблялъ это любимое оружіе туркестанца на дѣла, далеко не столь мирныя, и съ такою же хладнокровною ловкостью взрѣзалъ своимъ кривымъ ножемъ вмѣсто кожи тарантаса горло своего врага.

Вода съ тихимъ бульканьемъ стала выливаться въ отверстую рану, быстро понижая свой уровень. Старикъ подождалъ, пока вылилась послѣдняя струйка воды, не спѣша спряталъ опять за поясъ кривой ножъ и, захвативъ въ корявую лапу толстый пукъ сѣна, до́-суха вытеръ имъ внутренность тарантаса.

— Теперь опять садись, баринъ, гайда дальше!..—произнесъ онъ, сверкая на насъ своими смѣющимися зрачками и бѣлыми зубами, хищными, какъ у волка.

Да самаго Пскента мы не выѣзжали изъ зеленой влажной низовины, заливаемой весенними водами Ахангрена, его рукавовъ, притоковъ и арыковъ. Солнце уже вошло, и молодая яркая зелень, омытая дождями, сверкала всею свѣжестью и всею радостью весны. И въ воздухѣ тоже сверкаютъ яркія краски: миріады лазоревыхъ ракшъ, синезолотыхъ щуровъ, свѣтлозеленыхъ и краснопестрыхъ дятловъ, розовыхъ удодовъ, весело перелетаютъ съ куста на кустъ, шаловливо гоняются другъ за другомъ, унизываютъ телеграфныя проволоки сплошными монистами, будто крупныя зерна дорогихъ самоцвѣтныхъ каменьевъ.

Пскентъ — цѣлый городокъ. Мы его изучили довольно основательно, потому что насъ продержали на станціи отъ 8 часовъ утра до часа дня, пока вернулись и отдохнули почтовыя лошади. Пскентъ расположенъ на маленькой возвышенности, которая островомъ своего рода раздѣляетъ надвое широкую низину Ахангрена. Тутъ много лавокъ, русскіе дома, русское училище; тутъ живетъ приставъ и разное другое начальство; словомъ, это въ нѣкоторомъ смыслѣ административный центръ округа. При кокандцахъ Пскентъ былъ настоящимъ городомъ и, вѣроятно, даже городомъ очень древнимъ. На это указываетъ самое имя его. Старинные города Туркестана обыкновенно носятъ это имя *кента* или *кенда*, то-есть «города»: Таш-кентъ, Яр-кендъ, Самаркендъ, Чим-кентъ, Ходж-кентъ, и тому подобные. Положеніе Пскента среди плодородной Ангренской равнины дѣлаетъ его естественнымъ ключемъ для всей мѣстной системы орошенія, стало быть, своего рода хозяиномъ мѣстности. Базары его всегда очень оживленны. Но сегодня пятница, обычный еженедѣльный праздникъ мусульманъ, замѣняющій имъ наше воскресенье, а кромѣ того ураза. Поэтому нынѣшій базаръ обратился въ настоящую ярмарку. Пестрота одеждъ невообразимая, истинно восточная. Ярко-полосатые халаты, красно-желтые, сине-зеленые, черно-бѣлые, голубые и всякіе иные халаты въ огромныхъ букетахъ, халаты, разведенные затѣйливыми узорами,—кишатъ на каждомъ шагу. Тутъ и киргизы, и сарты, но еще больше курама, особое нѣсколько загадочное племя, повидимому, помѣсь между сартами, таджикомъ и киргизомъ. Курама, собственно говоря, и значитъ — «помѣсь», «сбродъ». Курама главнымъ образомъ населяетъ окрестности Ходжента и отчасти Ташкента, то-есть тѣ именно порубежныя мѣста между Коканомъ и Бухарою, между киргизами и сартами, гдѣ чаще всего происходило незамѣтное смѣшеніе расъ.

Населеніе какой-нибудь Курской и Воронежской губерніи, не великорусское и не хохлацкое, а какое-то особое украинское, зародившееся точно такъ же на старомъ историческомъ рубежѣ

между Москвою и Малороссіею, между Польшей и Русью, между вольною казацкою степью и царскими городами — даетъ нѣкоторое понятіе о туркестанской курамѣ.

Курама любитъ пестроту не меньше киргиза, но они всѣ въ тюбетейкахъ, между тѣмъ какъ киргизъ чуть ли не отъ дней Чингисъ-Хана не мѣняетъ своего характернаго, островерхаго колпака изъ бѣлаго войлока, съ разрѣзными, отогнутыми полями, подбитыми краснымъ. Дѣтки здѣсь особенно красивы, черноглазыя, румяно-смуглыя, и ихъ здѣсь особенно много. Въ яркомъ и пестромъ коврѣ базарной толпы это самые яркіе и самые пестрые цвѣточки.

Рѣдкій городокъ Туркестана расположенъ такъ живописно, какъ Пскентъ. Его плоскокрышіе глиняные домики лѣпятся другъ надъ другомъ, ярусъ на ярусѣ, по обрывамъ узкаго глинистаго ущелья, совсѣмъ какъ сакли дагестанскаго аула. На крышахъ трава и вѣники, и крыши, и сами дома того же цвѣта, того же матеріала, какъ и гора, на которой они торчатъ, точно это не жилища, построенныя человѣкомъ, а только уступы глинистаго обрыва, или ярусы природныхъ пещеръ. Какъ нарочно рядомъ съ ними и дѣйствительно чернѣютъ кое-гдѣ пещеры. Стрижи вьются тучами, будто рои пчелъ, около своихъ безчисленныхъ норокъ, выдолбленныхъ въ твердой глинѣ обрыва, который они обратили въ настоящее сито.

Дорога вьется въ глубинѣ ущелья, у подножія этихъ пробуравленныхъ стѣнъ, этихъ глиняныхъ домовъ-террасъ. И тутъ, какъ вездѣ, слѣды строгаго и прочно установленнаго порядка: дороги ровныя, широкія, обсаженныя молодыми деревьями, орошенныя журчащими арыками, хотя и порядочно безпокойныя вслѣдствіе недавняго дождя и засохшихъ грязныхъ колевинъ; на каждомъ арыкѣ исправный мостикъ, который можно переѣзжать безъ страха и риска и безъ молитвы ко всѣмъ угодникамъ Божіимъ, какъ это приходится дѣлать на мостахъ нашихъ проселочныхъ дорогъ. Одно изумительно, какъ, при такой заботливой внимательности къ каждой мелочи, туземныя власти

заставляютъ честныхъ людей ежедневно по нѣскольку разъ рисковать своею головою на такихъ средневѣковыхъ переправахъ, какъ черезъ Ангрену, которая къ тому же иногда на нѣсколько недѣль прекращаетъ всякое сообщеніе по единственной почтовой дорогѣ изъ Ташкента въ Ферганскую область, останавливая даже правильное движеніе служебныхъ дѣлъ. Въ сезоны сильныхъ разливовъ Ахангрены чиновникамъ, военнымъ, почтѣ, всѣмъ приходится дѣлать далекій крюкъ, объѣзжая изъ Ходжента на Чиназъ и уже оттуда по самаркандской дорогѣ добираться до Ташкента.

За Пскентомъ все еще продолжается плодородная Ангренская низина, особенно годная для посѣвовъ риса и хлопчатника. Рисъ только-что сѣяли, и его поля, раздѣленныя на маленькіе четырехугольники земляными валиками, были всѣ залиты напущенною изъ арыковъ водою. И волы, и пахари двигались по колѣно въ водѣ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ липкой, илистой грязи, которую съ еще бо́льшимъ трудомъ ворочаетъ первобытная деревянная соха. И другимъ рабочимъ приходится тоже работать по колѣно въ водѣ и грязи,—валить валики, прокапывать канавки. Только воловье здоровье и воловья сила киргиза способны переносить такія варварскія условія. Но и они, однако, надламываются, и изнурительная лихорадка нерѣдко скашиваетъ въ этихъ мѣстностяхъ обильную человѣческую жатву. Кромѣ воды и воздухъ приноситъ здѣсь временами изрядный вредъ одновременно человѣку и его посѣвамъ. Съ безбрежныхъ, песчаныхъ пустынь, изъ-за Сыръ-Дарьи, нерѣдко дуетъ здѣсь, такъ-называемый, «гармъ-силь», — «горячій вѣтеръ», который портитъ даже эти влажныя рисовыя поля. У этихъ кажущихся дикарей — вездѣ посѣвное сѣно, несмотря на сосѣдство степей. Русскому цивилизатору въ его родномъ хозяйствѣ, пожалуй, еще не скоро этого дождаться. На обильно орошаемой почвѣ—посѣвы люцерны, по-сартски «дженушка», почему-то называемой здѣсь клеверомъ, удивительно роскошны; съ одного поля въ одно лѣто снимается до четырехъ укосовъ.

Въ сущности, здѣсь съ глубокой древности укоренилось многополье хозяйство, не оставляющее праздным ни одного вершка поливной земли, да и поля скорѣе похожи на огороды; почва, глубоко вспаханная волами, тщательно раздѣлывается чекменями сартовъ, киргизъ, курамы.

Мѣстное рабочее населеніе нанимается тутъ къ хозяевамъ земли на разныхъ условіяхъ: одни работники обработываютъ землю изъ половины дохода, на своихъ харчахъ и въ своихъ домахъ, получая отъ владѣльца только воловъ и сѣмена; это «ширики», нѣчто въ родѣ фермеровъ. Другіе — настоящіе батраки,—«чарикоры»—живутъ у хозяина на полномъ его содержаніи и получаютъ вмѣсто опредѣленнаго жалованья четвертую часть дохода. Такъ какъ и подати бо́льшею частью взимаются здѣсь въ видѣ извѣстной доли дохода, какъ, напримѣръ, десятинная подать «харачъ»,—то обстоятельство это дѣлаетъ положеніе туркестанскаго земельнаго хозяйства нѣсколько болѣе прочнымъ, чѣмъ при нашихъ порядкахъ, гдѣ работникъ, казна, земство и пр. не имѣютъ никакого участія въ убыткахъ хозяйства, а каждый годъ взимаютъ съ него одну, заранѣе опредѣленную, цыфру расхода, несмотря на то, доходъ или убытокъ принесло въ этомъ году хозяйство.

Несмотря на пятницу и на уразу, вонъ они всѣ теперь на своихъ поляхъ съ чекменями въ рукахъ; это тоже не русская черта, такъ что врядъ ли русскому цивилизатору придется когда-нибудь научать туземца-азіата хозяйственному трудолюбію.

Садоводство здѣсь тоже давно привычное занятіе; каждый домъ окруженъ густымъ садомъ; сартъ садитъ деревцо вездѣ, гдѣ только можетъ, ради плода, ради тѣни, ради подручнаго строительнаго матеріала. Постройки въ кишлакахъ здѣсь тоже болѣе приличныя и болѣе обширныя: вездѣ громоздкія крытыя ворота, глубокія и широкія; домики все больше двухъ-этажные, съ галлерейками. иногда даже съ узорчатыми деревянными рѣшетками въ окнахъ, и съ характерно-изукрашенными потолками

наружныхъ галлерей, словомъ, на всемъ замѣтенъ отпечатокъ извѣстнаго вкуса и извѣстныхъ житейскихъ требованій. Базарчики въ кишлакахъ вездѣ крытые, и хотя всѣ ихъ крыши большею частью кое-какъ слѣплены и стоятъ на курьихъ ножкахъ своего рода, однако, это все же сравнительное удобство.

Пестрыхъ и яркихъ птицъ и тутъ тучи; должно быть, ихъ никто здѣсь не трогаетъ, иначе онѣ не приближались бы къ человѣку такъ довѣрчиво и въ такомъ множествѣ. Вообще, кажется, магометанинъ имѣетъ какое-то религіозное уваженіе къ птицѣ. Невольно вспоминаются аисты, царящіе своими гнѣздами надъ мечетями и дворцами Бухара-ель-Шерифа, и священные голуби, откармливаемые тысячами въ одной изъ знаменитыхъ Стамбульскихъ мечетей. Гнѣзда ласточекъ здѣсь въ такомъ уваженіи, что ихъ никто не смѣетъ потревожить даже внутри дома, и меня не разъ изумляло въ почтовыхъ станціяхъ Ферганской и Сыръ-Дарьинской области не всегда удобное сожительство съ проѣзжающими этихъ проворныхъ длиннохвостыхъ птичекъ, которыя завладѣваютъ обыкновенно углами и карнизами комнатъ, гдѣ ночуютъ проѣзжіе, и изъ своихъ гнѣздъ-мѣшечковъ, наполненныхъ зѣвающими желтыми ротиками, ведутъ оживленную междуусобную войну другъ съ другомъ, какъ нѣкогда средневѣковые рыцари-бароны въ своихъ горныхъ замкахъ. Впрочемъ, я только-что видѣлъ за Пскентомъ живую иллюстрацію моей мысли: большіе длинноногіе и красноклювые аисты съ важною самоувѣренностью шагаютъ тамъ по рисовымъ болотамъ рядомъ съ пашущимъ плугомъ, рядомъ съ колокольчикомъ почтовой тройки. Ихъ нисколько не смущаютъ всѣ эти затѣи суетящагося человѣчества, ибо они твердо знаютъ, что ихъ, священныхъ птицъ, законныхъ хозяевъ этого поля и этихъ посѣвовъ, никто не осмѣлится тронуть.

Ближе къ Уральской станицѣ плодородная равнина, орошаемая обильными водами Ахангрена и его притоковъ, начинаетъ мало-по-малу принимать характеръ дикой степи. Все чаще встаютъ кругомъ и вырѣзаются на далекомъ горизонтѣ угрю-

мые могильные курганы, безмолвные и загадочные памятники давно прошумѣвшей здѣсь исторіи; все больше попадаются на глаза пасущіяся стада верблюдовъ и темныя кибитки кочевниковъ, скученныя, какъ гнѣзда грибовъ.

Уральская станція уже стоитъ какимъ-то одинокимъ боевымъ бастіономъ среди пустой степи, недовѣрчиво щетинясь противъ нея своими двумя круглыми башнями и крѣпостными стѣнами. Такъ мало лѣтъ еще прошло съ тѣхъ поръ, какъ эта пограничная мѣстность подвергалась чуть не ежедневнымъ набѣгамъ сосѣднихъ кокандцевъ, тогда еще не покоренныхъ и дышавшихъ ненавистью противъ русскихъ за отнятые у нихъ города и области. Отъ Уральской до Джамъ-Булака—сплошная степь, гладкая какъ ладонь, во всей своей суровой серьезности. Ни одного арыка, ни одного деревца, ни одного жилья... Безчисленныя стада овецъ и верблюдовъ, которые по цѣлымъ днямъ могутъ обходиться безъ воды, бродятъ по этимъ необхватнымъ сухимъ пастбищамъ, гдѣ уже въ концѣ апрѣля трава выгораетъ, какъ въ развалъ лѣтняго зноя. Овцы здѣсь совсѣмъ не похожи на нашихъ: огромныя, съ длинною шерстью, съ двойными жирными курдюками, на ногахъ, высокихъ, какъ у теленка, цвѣтомъ онѣ почти всѣ черныя, темнокоричневыя, желтыя, бѣлыхъ не попадается вовсе. Кибитокъ однако не видно въ степи; онѣ всѣ теперь подобрались выше, въ прохладу горъ. Эти горы кажутся такъ близко, рукой достанешь; но до нихъ порядочно много верстъ. Это виденъ намъ хребетъ Курама-Тау. Онъ тянется по горизонту голыми, окаменѣлыми волнами, чуть только зеленѣющими у подножія, высоко поднимаясь въ облака. Эта степь на рубежѣ двухъ старыхъ ханствъ, на рубежѣ дикихъ скиѳскихъ кочевій, отдѣлявшихся Яксартомъ отъ Согдіаны и Трансоксаны, была во всѣ вѣка полемъ жестокихъ схватокъ между народами; оттого, конечно, она и щетинится теперь частыми курганами, которые въ иныхъ мѣстахъ залегаютъ сплошнымъ кладбищемъ. Уральская станція обсыпана ими. Щедрая мать-природа, цѣлительница людской вражды и людской злобы, при-

крыла эти печальные памятники смерти веселою багряницею весенних цвѣтовъ; вездѣ, по холмамъ, по равнинамъ пробрызнули, будто выступившія изъ древнихъ могилъ безчисленныя капли пролитой здѣсь нѣкогда крови,—кроваво-красные цвѣты полевого мака. Должно быть, киргизамъ-кочевникамъ, дѣтямъ крови, пришлись вполнѣ по вкусу эти кровавые цвѣты: и они тоже нарядились съ головы до ногъ въ кроваво-красныя одежды, не находя, повидимому, ничего радостнѣе для сердца степного разбойника, какъ этотъ цвѣтъ свѣже-пролитой крови.

Поразительно полное отсутствіе русскаго элемента въ этой «русской» степи. Даже солдатъ совсѣмъ не видно. Рѣдко попадается гдѣ-нибудь на станціи русскій староста, безпомощно затерянный среди курамы или киргизовъ, русскій почтальонъ, русскій проѣзжій. Я съ дѣтски-радостнымъ чувствомъ увидѣлъ на дорогѣ человѣкъ шесть русскихъ рабочихъ, проходившихъ босикомъ изъ Ташкента въ Ходжентъ, съ сапогами на плечахъ. Они казались такими далекими пришлецами изъ другой части свѣта, такими «чужестранцами» въ этомъ царствѣ киргиза и верблюда! Еще больше удивилъ меня одинъ порядочно одѣтый господинъ, подъѣхавшій верхомъ изъ глубины степи къ станціи Джамъ-Булакъ. Онъ оказался прикащикомъ одной изъ ташкентскихъ купеческихъ фирмъ, имѣющей по близости какія-то торговыя дѣла. Мнѣ стало жутко за него, когда, окончивъ свое дѣло на станціи, этотъ одинокій всадникъ въ европейскомъ платьѣ, опять потонулъ въ сѣрыхъ даляхъ пустынной степи, гдѣ не видно было ничего кромѣ безмолвныхъ старыхъ могилъ.

Особенно странно, что въ этихъ новыхъ «забранныхъ» мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ русскаго монаха, русскаго священника.

Когда вспомнишь плодотворное воспитательное значеніе древнихъ православныхъ обителей, проникавшихъ бывало въ глухія дебри разныхъ инородческихъ странъ раньше пахаря и горожанина, далеко впереди государственной силы; вспом-

нишь, что милліоны инородцевъ приводились къ единенію съ державою русскою, крѣпко входили въ составъ русскаго народнаго тѣла гораздо больше вдохновенною проповѣдью самоотверженныхъ отшельниковъ, чѣмъ силою меча или искусствомъ управленія: то дѣлается обидно и больно за апатію нашего теперешняго многочисленнаго и зажиточнаго монашества, которое словно утеряло славныя историческія традиціи своей апостольской миссіи и довольствуется бо́льшею частью безцѣльнымъ пребываніемъ въ богато украшенныхъ и роскошно всѣмъ снабженныхъ штатныхъ монастыряхъ внутренней Россіи, въ Москвахъ, Петербургахъ, Кіевахъ, гдѣ уже давно нѣтъ для нихъ высокихъ евангельскихъ задачъ, и гдѣ самое существованіе иноковъ и монастырей является крайне неудобнымъ, можно сказать, даже невозможнымъ и противоестественнымъ, извращающимъ по неволѣ самый характеръ этихъ святыхъ учрежденій, посвященныхъ уединенію, лишеніямъ и подвигамъ.

Между тѣмъ не только католическая Франція или Италія, но даже протестантская Германія, протестантская Англія и Америка передовыми піонерами своей гражданственности и своихъ будущихъ политическихъ завоеваній до сихъ поръ посылаютъ миссіонеровъ, священниковъ, монаховъ, членовъ разныхъ конгрегацій. Въ Сахарѣ среди туареговъ, на Сенегалѣ и въ Дагомеѣ, во внутренней Африкѣ, новооткрытой Ливингстонами и Стенлеями, въ Тонкинѣ, Бирмѣ, Китаѣ и Японіи, — вездѣ одушевленно работаетъ, не жалѣя трудовъ и самой жизни, энергическій европейскій миссіонеръ.

Наши киргизы и туркмены, почти не имѣющіе никакой религіи, настолько же мусульмане, насколько фетишисты-язычники, несомнѣнно представили бы самое благодарное поле для привитія имъ христіанской религіи и христіанской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что русскимъ они привыкли вѣрить больше, чѣмъ всякому другому европейцу, и что русскіе какъ-то особенно умѣютъ сживаться съ азіатскимъ дикаремъ и пріучать этого дикаря сживаться съ ними.

Смѣшно сказать, что на всю Туркменію, Бухарію, Самаркандскую область, громадную Сыръ-Дарьинскую и Ферганскую области — не учреждено до сихъ поръ даже отдѣльной епархіи, а всѣ онѣ приписаны къ Семирѣченской области! Подумаешь, въ Россіи не нашлось одного архіерея для отправки въ эти громадныя мусульманскія царства, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе населяющіяся русскимъ православнымъ людомъ, между тѣмъ какъ папа создаетъ сотнями епископскіе престолы и епархіи даже in partibus infidelium, въ странахъ, гдѣ найдешь всего нѣсколько десятковъ католиковъ. Нельзя, конечно, думать, что долгое господство въ этомъ краѣ генералъ-губернаторовъ съ нѣмецкими фамиліями (быть можетъ, и нѣмецкой вѣры?) имѣло какое-нибудь вліяніе на это прискорбное положеніе такого важнаго государственнаго вопроса.

Станція Джамъ-Булакъ совсѣмъ пустынная и окружена пустыней. Только противъ нея выстроены для заѣзда каравановъ двѣ, три «курганчи», нѣсколько напоминающія наши большіе постоялые дворы прежнихъ торговыхъ дорогъ. Кругомъ обширнаго двора длинные навѣсы, огромныя крытыя ворота ведутъ во дворъ. Но дворъ уже, конечно, не тесовый и не плетневый, а глиняный, какъ вся эта глиняная страна. Когда заперты на засовъ и на замокъ крѣпкія ворота, «курганча», обнесенная высокими сплошными стѣнами, смотритъ тою же «калою», какія такъ часто попадались намъ въ степяхъ Туркменіи. Все безотраднѣе и пустыннѣе дѣлается степь по дорогѣ къ Мурза-Рабату. Тутъ уже не встрѣчаешь ни скота, ни проѣзжихъ; только валяются среди выжженой травы и яркаго пурпура маковыхъ цвѣтовъ до-бѣла обглоданные шакалами костяки павшихъ лошадей. Это тоже «голодная степь» своего рода; сходство съ нею еще усиливается знакомымъ намъ названіемъ станціи «Мурза-Рабатъ». Въ старину однако и эта степь была, повидимому, плодородна и населена. На каждомъ шагу встрѣчаешь большіе, давно изсохшіе арыки, но воды—ни капли нигдѣ! Изъ травы,

впрочемъ, поднимаются довольно часто куропатки какой-то крупной породы; значитъ, жизнь природы еще не вполнѣ замерла здѣсь.

Вмѣсто воды зато необыкновенное изобиліе камней. Дорога засыпана ими. Обломки гранита, гнейса, трахита валяются кучами. Это ужъ передовые вѣстники совсѣмъ близко надвинувшихся на насъ горъ. Южная отрасль Курамы-Тау, идущая къ Сыръ-Дарьѣ, называется Муголъ-Тау. Мы ѣдемъ теперь именно у ея подножія. Муголъ-Тау — это рядъ отдѣльныхъ каменныхъ волнъ гигантскаго размѣра, и каждая такая волна въ свою очередь словно составлена изъ другихъ мелкихъ волнъ. Весь хребетъ — голый какъ кость, унылый до отчаянья; ни травки, ни кустика на немъ. Хребетъ обрывается и кончается этими лысыми валами, какъ разъ у станціи Мурза-Рабатъ, слѣва нашей дороги. Тутъ же, справа дороги, поднимается отдѣльнымъ островомъ короткая и обрывистая горная цѣпь, такая же голая и каменистая, провожающая на нѣкоторомъ разстояніи теченіе Сыръ-Дарьи противъ города Ходжента. Горы эти закрываютъ теперь отъ насъ и рѣку, и городъ, и мы должны потомъ объѣзжать ихъ, чтобы повернуть назадъ къ Ходженту по теченію Сыръ-Дарьи.

Передъ станціею Мурза-Рабатъ насъ въ третій уже разъ нагналъ всадникъ страннаго вида, на котораго мы давно обратили подозрительное вниманіе. Онъ сталъ равняться съ нами еще отъ Тою-Тюбе, но по временамъ бросалъ почтовую дорогу и бралъ вправо и влѣво знакомыми ему степными стѣжками, сокращая свой путь на нѣсколько верстъ. Это былъ киргизъ, перевязанный зачѣмъ-то краснымъ шарфомъ черезъ плечо и красною шалью кругомъ пояса. Онъ все почти время ѣхалъ рядомъ съ нашимъ тарантасомъ, привѣтливо улыбался и кланялся намъ всякій разъ, какъ вновь появлялся на нашей дорогѣ у какого-нибудь неожиданнаго поворота, и разсказалъ нашему ямщику-киргизу, что ѣдетъ въ Коканъ. Признаюсь, такой непрошенный спутникъ въ безлюдной степи не вселялъ намъ

особеннаго довѣрія къ себѣ, а объявленное имъ намѣреніе не покидать насъ до самаго Кокана — тоже мало послужило къ нашему успокоенію. Больше всего меня озадачивало, какъ это онъ приноравливается не отставать отъ почтовой тройки. Мы мѣняли свѣжихъ лошадей на каждой станціи и ѣхали не шуточною рысью, какъ всегда ѣздятъ почтовыя лошади здѣсь въ Киргизіи; а онъ все на одной и той же гнѣденькой лошадкѣ своей, совсѣмъ немудреной на видъ, — но, правда, костистой и съ сухимъ мускуломъ, — отжаривалъ себѣ спокойною ровною «тропотою» у колесъ нашего тарантаса, и даже конь его не вспотѣлъ ни разу, словно для него самое плевое дѣло сбѣгать, не отдыхая, изъ Ташкента въ Коканъ.

Когда мы поворачивали во дворъ станціи, онъ уже опять скрылся изъ нашихъ глазъ, незамѣтно нырнувъ на какую-то боковую тропку, чтобы опять перенять насъ гдѣ-нибудь дальше на пути. По всей вѣроятности, онъ продѣлывалъ эти фокусы безъ малѣйшей задней мысли, единственно стараясь укоротить свой путь; но вѣдь я не былъ на душѣ у него и потому невольно смотрѣлъ съ большою подозрительностью на эти постоянные заблаговременные объѣзды его нашихъ почтовыхъ станцій, гдѣ каждый киргизъ-почталіонъ ѣздитъ съ револьверомъ за поясомъ, гдѣ станціонные старосты почти всегда лихіе отставные солдаты.

Станція Мурза-Рабатъ — чистая крѣпостца. Кромѣ угловой башни съ бойницами и высокихъ глиняныхъ стѣнъ, двѣ узенькія, круглыя башни фланкируютъ даже ворота ея. Это воспоминанія того еще недавняго времени, когда Мурза-Рабатъ былъ крайнею станціею нашихъ сыръ-дарьинскихъ владѣній, и за нимъ уже начиналось враждебное намъ и всегда съ нами враждовавшее Кокандское ханство. Было уже поздно, и въ Мурза-Рабатѣ пришлось заночевать. Станціи здѣсь, вообще, довольно просторныя, хотя безъ излишняго комфорта. Диваны, обитые клеенкой, очень мало отличаются своей мягкостью отъ низенькихъ каменныхъ лежанокъ, тоже предназначенныхъ для ноч-

лега. Комнатъ почти всегда двѣ, самоваръ и лампа вездѣ есть, а больше и грѣхъ спрашивать въ такой азіатской пустынѣ. Въ добавокъ, старосты и ямщики здѣсь отлично вымуштрованы военнымъ народомъ, запрягаютъ живо, везутъ рѣзво, грубить не смѣютъ.

Мы встали, по обыкновенію, въ четыре часа утра и, пока запрягали лошадей, пошли посмотрѣть развалины старой станціи, черезъ дорогу отъ теперешней. Чудное утро только-что загоралось въ небѣ. Молодая киргизка изъ сосѣдней «курганчи», плечистая и высокая, сходила въ эту минуту съ двумя огромными кувшинами на плечахъ, къ ключу холодной воды, который выбивался изъ-подъ холма, съ боку станціи, пріосѣненный характернымъ, меланхолическимъ купольчикомъ мусульманской часовенки. Рослая, статная фигура живописно вырѣзалась своимъ чернымъ силуэтомъ на огнистомъ фонѣ утренней зари.

Посреди дороги, какъ разъ передъ станціей, мы съ удивленіемъ увидѣли памятникъ, сложенный изъ кирпича. На вдѣланной въ него красной доскѣ я прочелъ короткую надпись: «Безсрочно-отпускной стрѣлокъ 3-го туркестантскаго баталіона, Степанъ Яковлевъ Яковлевъ, убитъ 6-го августа 1875 года шайкою кокандцевъ, защищая станцію Мурза-Рабатъ. Памятникъ достойному воину воздвигнутъ пожертвованіями проѣзжающихъ, въ 1877 году». На станціи намъ разсказали уже подробнѣе патріотическій подвигъ этого безвѣстнаго героя.

Степанъ Яковлевъ былъ старостою на станціи Мурза-Рабатъ. Коканъ тогда еще не былъ присоединенъ къ Россіи, и пограничные рубежи нашей Сыръ-Дарьинской области постоянно подвергались его набѣгамъ. Мурза-Рабатъ былъ послѣднею станціею на нашей границѣ. 5-го августа сосѣдніе киргизы прискакали на станцію со страшною вѣстью, что сильный отрядъ кокандцевъ ворвался на нашу границу и двигается на Мурза-Рабатъ, грабя, разоряя и убивая всѣхъ. Ямщики-киргизы, не

долго думая, засѣдлали почтовыхъ лошадей и удрали подальше, въ степь, за своими собратьями-киргизами. Но напрасно они уговаривали Яковлева уѣхать съ ними. Стараго служиваго не уломали ничѣмъ. Съ бранью и гнѣвомъ кричалъ онъ на нихъ:

— Что жъ вы, собачьи дѣти, когда жалованье получать, такъ вы тутъ, а какъ добро казенное защищать,—такъ васъ и слѣдъ простылъ? Я присягу солдатскую приносилъ за царя, за вѣру до послѣдней капли крови стоять и довѣренное мнѣ царское добро охранять всѣми мѣрами. Какъ же я теперь съ вами, съ разбойниками, уйти могу, когда у меня казна почтовая на рукахъ, и книги приходныя, опять же повозки, сбруя, и кони казенные?.. Какой же я послѣ того отчетъ въ нихъ начальству могу дать? Вѣдь меня за это начальники не похвалятъ...

Увѣщанія ветерана не удержали, конечно, перетрусившихъ киргизовъ, и они, потуживъ о глупомъ московѣ, котораго всѣ любили, разсыпались, кто куда успѣлъ. Старый стрѣлокъ, оставшись одинъ, завалилъ повозками ворота двора, загородилъ чѣмъ могъ двери и окна глинянаго домишка, разыскалъ бывшія на станціи три ружья и, зарядивъ ихъ какъ должно, уставилъ въ щели оконъ съ разныхъ сторонъ станціи, рѣшившись защищаться хотя бы и въ одиночку.

На другое утро толпа кокандцевъ охватила запертую кругомъ станцію. На крики отворить никто не отворяетъ. Смѣльчаки бросились ломать ворота, но сейчасъ же попадали мертвые, поражаемые мѣткими пулями стараго стрѣлка. Съ какой стороны ни пробовали заходить они, вездѣ ихъ встрѣчали тѣ же пули. Уже нѣсколько убитыхъ и раненыхъ валялись кругомъ. Вообразивъ, что на станціи заперлись хорошо вооруженные русскіе солдаты и боясь новыхъ жертвъ, кокандцы рѣшили, наконецъ, отступить. Они набрали въ лощинѣ сухого камыша, обвалили имъ станцію и зажгли ее, надѣясь хоть огнемъ выжить оттуда неустрашимыхъ защитниковъ, такъ отчаянно бившихся противъ цѣлой ихъ шайки.

Степану Яковлеву дѣться было некуда. Заряды свои онъ

уже всѣ разстрѣлялъ и рѣшился лучше пасть въ открытомъ бою, какъ подобаетъ честному воину, чѣмъ задохнуться въ дыму.

Онъ выбѣжалъ съ ружьемъ въ рукахъ въ самую гущу враговъ и сталъ крушить ихъ направо и налѣво... Черезъ минуту онъ лежалъ мертвый, изрубленный въ куски саблями кокандцевъ, но все-таки окруженный новыми, убитыми врагами...

Эта гомерическая битва одного русскаго воина съ цѣлымъ отрядомъ азіатовъ, эта непоколебимая вѣрность своему долгу и присягѣ — заслуживаетъ увѣковѣченія на страницахъ исторіи рядомъ съ самыми славными подвигами русскаго патріотизма. Народъ, который такъ понимаетъ свой долгъ передъ отечествомъ, народъ, который способенъ такъ биться и такъ умирать, — не можетъ имѣть на страницахъ своихъ лѣтописей ни Седановъ, ни Мецевъ.

II.

Ходжентъ и Сыръ-Дарья.

Мы проѣхали всего версты двѣ отъ Мурза-Рабата, какъ изъ-за каменистой гряды горъ, провожавшей насъ слѣва, выкатился ослѣпительный дискъ солнца. Узкая каменистая долинка между двухъ горныхъ отроговъ кончилась, и направо отъ насъ вдругъ широко развернулась, далеко за открытою равниною, неохватная панорама снѣговыхъ горъ. Онѣ стояли сплошнымъ хребтомъ отъ одного края горизонта до другого, чудно сверкающія своими бѣлоснѣжными вершинами, — всѣми этими, словно изъ чистѣйшаго серебра вылитыми, шатрами, гребнями, пирамидами, зубчатыми многобашенными замками, видныя сквозь необыкновенно прозрачный воздухъ до того отчетливо, что можно было разглядѣть издали каждую складку ихъ, ощупать глазами каждый мускулъ ихъ могучаго каменнаго тѣла. Даже и въ этихъ жаркихъ и сухихъ краяхъ большая рѣдкость такое ясное утро, такой чистый воздухъ; даже ничему не удивляющійся

киргизъ-ямщикъ и тотъ былъ очевидно растроганъ поразительною картиною этого громаднаго снѣгового хребта, словно нарисованнаго какою-то волшебно-нѣжною кистью по блѣдной лазури утренняго неба. Обернувшись къ намъ, онъ весь вдругъ просіялъ ласковою улыбкою и съ глазами, искрившимися дѣтскою радостью, взмахнулъ головою на горы, бормоча что-то по-киргизски. Наивный дикарь очевидно хотѣлъ подѣлиться съ нами этимъ рѣдкимъ для него наслажденіемъ и, съ авторскимъ самолюбіемъ своего рода, вмѣстѣ съ тѣмъ наслаждаться нашими восторгами передъ красотами его родной природы.

— Снѣгъ, усе снѣгъ!.. — не безъ труда произнесъ онъ по-русски, махая рукою вдаль и радостно осклабляя свои бѣлые зубы.

Горы лѣвой стороны, стоявшія подъ солнцемъ, напротивъ того, не только ничѣмъ не сверкали, но тонули въ волнахъ какого-то синяго тумана, исчезая все больше и больше изъ глазъ по мѣрѣ того, какъ онѣ приближались къ восходу солнца. Это ужъ виднѣлись съ того берега Сыръ-Дарьи хребты Тянь-Шаня, — Мальгузарскій и Алайскій. Каменистые обрывы береговъ Сыръ-Дарьи, въ упоръ облитые утреннимъ солнцемъ, правильные, какъ стѣны крѣпости, видны намъ отсюда въ большой близи вмѣстѣ съ капризными синими луками исторической рѣки, которая, прорвавшись не безъ труда черезъ тѣснины горъ, катитъ свои обильныя волны черезъ пески Туркестана къ пескамъ Каспія. Уже за нею на огромномъ пространствѣ темнѣютъ курчавыми чащами многочисленные сады Ходжента, на фонѣ безплодныхъ каменныхъ горъ, до половины загораживающихъ далекіе снѣговые хребты. Никакой Оберландъ, никакой Кавказъ не могутъ представить картины, болѣе эффектной.

Дорога стала покойною, какъ отличное шоссе. Мелкій гравій, нанесенный разливами рѣки, устилаетъ здѣсь всѣ дороги, а вмѣстѣ съ тѣмъ засыпаетъ и всѣ поля, обращая ихъ почву въ безплодный камень.

Пустыня еще продолжается, все такъ же суровая и безлюд-

ная, безъ жилья человѣка, безъ встрѣчи человѣка. Но конецъ ея уже близокъ, уже виденъ глазами. Она замираетъ тамъ, на югѣ, у широкой ленты Сыръ-Дарьи, обросшей зелеными садами. Мы замѣтно забираемъ назадъ, почти на встрѣчу только-что пройденной дороги.

Вотъ и деревянный мостъ черезъ древній Яксартъ,—предметъ глубокаго изумленія для киргиза и сарта; какой-то отставной чиновникъ Флавицкій построилъ его на свой счетъ и собираетъ за проѣздъ по 50 коп. съ тройки, по 15 коп. съ одной лошади.

Съ торжественнымъ громомъ, прокатили мы въ своемъ тяжеломъ тарантасѣ по его гулкимъ половицамъ.

Ходжентъ весь передъ нами, на томъ берегу рѣки. Маленькій фортъ съ пушками защищаетъ переѣздъ черезъ рѣку. Недалеко отъ него, тоже на берегу, казарма, могущая служить въ минуту нужды и блокгаузомъ. Русская цивилизація, впрочемъ, сказалась здѣсь не однѣми этими боевыми предосторожностями. Широкая набережная рѣки шоссирована бульваромъ изъ тополей. Почтовая станція довольно близко отъ берега; все пространство между нею и старою крѣпостью на вершинахъ скалы—занято русскимъ поселкомъ. Тутъ нѣтъ грандіозныхъ проспектовъ съ рядами колоссальныхъ тополей, какъ въ Ташкентѣ или Самаркандѣ; маленькіе плоскокрышіе домики мало отличаются отъ обычныхъ туземныхъ, и только трубы на крышахъ, да большія окна за занавѣсками говорятъ вамъ о жилищѣ цивилизованныхъ людей. Садикъ только вокругъ дома уѣзднаго начальника, прикурнувшаго подъ тѣнью крѣпостной скалы. Около него, какъ всегда водится, нѣсколько верховыхъ коней на приколахъ, въ богатой сбруѣ, нѣсколько щегольски одѣтыхъ джигитовъ, терпѣливо сидящихъ на корточкахъ подъ тѣнью деревьевъ въ ожиданіи распоряженій начальства.

Тутъ же сейчасъ и русская церковь, кажется, единственная въ городѣ. Церковь каменная, красиваго строго-русскаго стиля, издали смотрящая маленькимъ монастыремъ. Она стоитъ въ

тополевомъ садикѣ, обнесенная крѣпкою оградою. Ея окна съ желѣзными рѣшетками высоко подобраны вверхъ.

Сейчасъ видно, что при постройкѣ ея разсчитывалось на всякія случайности, возможныя въ этой далекой варварской странѣ. Жаль только, и для меня совсѣмъ непонятно, зачѣмъ это единственный русскій храмъ брошенъ безъ всякой охраны и дозора среди мусульманскаго города. Сторожъ церковный живетъ далеко отъ церкви, и во дворѣ ея для него нѣтъ даже маленькой караулки. Священникъ тоже живетъ не здѣсь. Мы хотѣли осмотрѣть внутренность церкви, но она была заперта кругомъ, и никого не было ни отворить намъ ее, ни разсказать о ней что-нибудь. Въ ночное время, при разбойничьихъ туземныхъ правахъ, долго ли до грѣха при такихъ безпечныхъ порядкахъ?

Самое интересное мѣсто Ходжента — его цитадель. Къ ней надо подниматься черезъ небольшой городской бульваръ по довольно крутой скалѣ. Крѣпость эта считалась у бухарцевъ неприступною, и въ самомъ дѣлѣ, при плохихъ орудіяхъ, какими могли располагать восточные ханы, взять ее было не легко. Маленькій гарнизонъ подъ защитою этой отвѣсной скалы и этихъ высокихъ глиняныхъ стѣнъ и башенъ могъ посмѣяться надъ цѣлою арміею халатниковъ. Теперь въ цитадели расположены казармы мѣстной команды, уѣздное казначейство, сберегательная касса, цейхгаузъ,—все то, что̀ нужно особенно оберегать въ минуты опасности и что всегда не лишнее держать подальше отъ празднаго любопытства и празднаго шатанія. На внутреннемъ плацу крѣпости происходило ученіе, и мы искренно полюбовались на бравый видъ и ловкую выправку нашихъ молодцовъ-солдатиковъ, то бѣгавшихъ разсыпнымъ строемъ, то мгновенно строившихся въ тѣсныя атакующія колонны, подъ бодрящіе звуки барабаннаго боя.

Въ одномъ углу крѣпости возвышается довольно значительно надъ всѣми ея стѣнами и башнями—особый фортъ, нѣчто въ родѣ цитадели въ цитадели. Съ его плоской террасы, висящей

надъ пучиною Сыръ-Дарьи, открывается широкій видъ на окрестности и на самый Ходжентъ.

Городъ очень большой, похожій, какъ двѣ капли воды, на всѣ вообще города Туркестана. Среди безконечной зелени его садовъ чернѣютъ узенькіе, словно ножомъ прорѣзанные проулки, обнесенные глиняными дувалами, желтѣютъ и сѣрѣютъ глиняныя плоскія крыши обычныхъ домиковъ-кубовъ, домиковъ-башенъ съ рѣдкими маленькими окошечками безъ стеколъ, выплываютъ кое-гдѣ круглые сѣрые купола мечетей, тянутся длинными крытыми корридорами многочисленные базары. Далеко, далеко, за предѣлами этихъ необозримыхъ садовъ виднѣется со своими полуразрушенными башнями городская стѣна, охватывающая на протяженіи одиннадцати верстъ двойнымъ кольцомъ весь Ходжентъ и служившая когда-то для отчаянной защиты города отъ русскихъ.

Ходжентцы всегда кичились своимъ духомъ независимости и пользовались своимъ выгоднымъ положеніемъ между Бухарою и Коканомъ. Ходжентъ дѣйствительно составляетъ своего рода входныя и выходныя ворота въ Ферганскую область, то-есть въ прежнее Кокандское ханство; съ другой стороны онъ точно также служилъ ключомъ съ востока къ Бухарскому ханству. Узкая долина между хребтами горъ, по которой рѣка Сыръ-Дарья вырывается изъ Ферганской котловины въ безбрежныя пустыни Туркестана, съ древнѣйшихъ вѣковъ имѣла своимъ вооруженнымъ стражемъ—городъ Ходжентъ. Это дало возможность ходжентцамъ удерживать нѣкоторую политическую самостоятельность подъ чередовавшимся господствомъ то бухарскихъ эмировъ, то кокандскихъ хановъ.

Собственныя городскія власти Ходжента распоряжались почти независимо всѣми дѣлами города, и Ходжентъ, защищаемый двумя рядами высокихъ стѣнъ и башенъ, пріобрѣлъ славу неприступной крѣпости, которая еще ни разу не была взята силами врага.

Русскимъ первымъ пришлось нарушить эту дѣвственность

Ходжента. Онъ былъ взятъ послѣ четырехъ-дневнаго бомбардированія и жестокаго боя небольшимъ отрядомъ генерала Романовскаго 24 мая 1866 года. Этотъ славный бой не обошелся безъ обычнаго геройскаго участія отца Малова. Въ баттареѣ нашей, обстрѣливавшей стѣны города отъ берега рѣки, были перебиты и переранены выстрѣлами осажденныхъ всѣ артиллерійскіе офицеры, да и солдатъ-артиллеристовъ оставалось всего четверо; тогда священникъ Маловъ рѣшился принять на себя командованіе баттареей; скоро онъ пробилъ брешь въ стѣнѣ и подъ выстрѣлами непріятеля съ нечеловѣческими усиліями перетащилъ черезъ этотъ проломъ въ городъ двѣ пушки; расчищая себѣ путь картечью, отецъ Маловъ добрался до цитадели и сталъ громить ее своими ядрами, сокрушая въ прахъ ея стѣну. Въ эту минуту главныя атакующія колонны наши овладѣли послѣ кровопролитнаго приступа Келаунскими воротами и тоже прорвались въ городъ.

Бухарскія войска и сами жители Ходжента защищались какъ львы, и грудью отстаивали каждый шагъ. Всѣ улицы были улиты кровью, завалены трупами. Но цитадель все-таки была взята. Живо втащили туда наши пушки и съ вершины ея, господствующей надъ всѣмъ городомъ, стали поражать беззащитныхъ теперь отчаянныхъ защитниковъ его, все еще не хотѣвшихъ слышать о сдачѣ; только къ ночи Ходжентъ наконецъ былъ нашъ. Двѣ съ половиною тысячи азіатскихъ труповъ было найдено на улицахъ и стѣнахъ взятаго города, не считая раненыхъ.

Русскій кварталикъ съ своими веселыми бѣлыми и разноцвѣтными домиками, съ своими опрятными двориками и бульварчиками, благоразумно жмется къ подножію крѣпости, подъ спасительный покровъ русскихъ пушекъ и русскаго солдата. Русскіе уже открыли въ Ходжентѣ свое училище, открыли лѣчебницу для туземныхъ дѣтей и женщинъ, устроили нѣсколько хлопкоочистительныхъ заводовъ и фабрику стеклянныхъ издѣлій.

Но, конечно, имъ остается впереди сдѣлать въ десять разъ больше того, что они уже успѣли сдѣлать въ короткій срокъ своего господства въ Ходжентѣ.

Намъ пришлось проѣхать насквозь, изъ края въ край, весь азіатскій Ходжентъ. Новаго, конечно, ничего послѣ Бухары, Самарканда, Ташкента. Тѣ же улочки между глиняныхъ стѣнъ, гдѣ съ трудомъ разъѣзжаются два встрѣтившихся верблюда, тѣ же полуслѣпые глиняные дома, среди которыхъ довольно рѣдко попадаются характерно разукрашенные двухъ-этажные дома мѣстныхъ богачей, съ ярко расписанными колоннами и потолками галлерей, напоминающими въ болѣе грубомъ видѣ наивную постройку дворца эмира бухарскаго. Безконечно длинные крытые базары съ своими уютными лавчонками, «чайхане» и «ашъ-хане», сразу говорятъ вамъ о сильно торговомъ городѣ. Ходжентъ все больше и больше становится центромъ хлопчато-бумажнаго производства; кромѣ яркихъ ситцевъ, миткалей и бумазей, Ходжентъ много торгуетъ посудою мѣстнаго приготовленія, конскою сбруею и разнымъ другимъ восточнымъ товаромъ.

Мы съ женою съ особеннымъ любопытствомъ разсматривали ходжентскую толпу, заполонявшую базары и улицы. Всѣ «ашъ хане» и «чай-хане», опрятно устланные ковриками, были биткомъ набиты кейфующимъ на досугѣ народомъ. Типъ здѣшняго населенія гораздо красивѣе, чѣмъ въ Ташкентѣ и другихъ городахъ. Здѣсь все больше таджики или сарты, переродившіеся изъ таджиковъ. Съ сановитою важностью и наивнымъ благодушіемъ возсѣдаютъ они вокругъ огромныхъ самоваровъ «чайхане» съ чашками въ рукахъ, всѣ франтовато одѣтые въ свѣжіе ярко-пестрые халаты, благопристойные и мирно настроенные, нисколько не напоминающіе азіатскихъ варваровъ.

Благородный иранскій типъ своею бѣлою кожею, своими мягкими прекрасными чертами лица,—сразу выдѣляется среди звѣроподобныхъ физіономій монгольской крови, косоглазыхъ, плосконосыхъ, скуластыхъ. Особенно красивы тутъ дѣти, дѣ-

вочки преимущественно. Они гораздо больше похожи на европейцевъ, чѣмъ эти злые коричневые старики въ сѣдыхъ лохматыхъ бородахъ,—очевидно, сарты киргизской крови,—что осаждаютъ въ эту минуту двери мечетей. Женщинъ тутъ не меньше, чѣмъ мужчинъ; эти мнимыя восточныя «затворницы» безъ устали снуютъ взадъ и впередъ по базарамъ и улицамъ города, всѣ укутанныя въ синіе широкіе плащи, закрытыя совсѣмъ съ глазами черными завѣсками.

Ходжентъ считается городомъ Александра Македонскаго. Этотъ удивительный человѣкъ, прикрывавшій геніемъ завоевателя свое страстное, до безумія доходившее стремленіе къ открытію невѣдомыхъ странъ и народовъ, этотъ своеобразный сухопутный Колумбъ древняго міра, доходилъ въ свое время и до Сыръ-Дарьи, древняго Яксарта, составлявшаго въ его время сѣверный рубежъ громаднаго Персидскаго царства Дарія. Сатрапія Согдіаны, заключавшая въ себѣ теперешній Чиназъ, Джизакъ, Самаркандъ, Бухару, примыкала къ лѣвому берегу Яксарта, а на правомъ берегу его уже обитали вольныя скиѳскія племена, которыхъ не могли покорить своей власти самые грозные персидскіе цари. Древніе знали, конечно, очень плохо эти недоступные имъ края, и царственный ученикъ Аристотеля наивно смѣшивалъ Яксартъ съ Дономъ, который издревле почитался границею между Европою и Азіею.

«Бактріанъ отъ европейскихъ скиѳовъ раздѣляетъ рѣка Донъ, которая между Азіею и Европою граничитъ», увѣряетъ его біографъ Квинтъ Курцій, который влагаетъ тѣ же географическія понятія и въ уста самого Александра.

«Одна рѣка намъ препятствуетъ, а буде мы за нее переправимся, то *ужъ въ Европу* перенесемъ оружіе!» обращается къ своимъ воинамъ Александръ въ ту рѣшительную минуту, когда утомленная многочисленная рать македонскихъ героевъ, послѣ ужасовъ безводныхъ пустынь и постоянныхъ битвъ съ согдіа-

нами, была остановлена въ своемъ побѣдоносномъ движеніи могучимъ потокомъ Сыръ-Дарьи...

Скиѳы, жившіе тогда за Сыръ-Дарьею, не были ни монголами, ни тюрками, которые подвинулись изъ Монголіи къ западу гораздо позднѣе, уже въ началѣ среднихъ вѣковъ.

Квинтъ Курцій, въ своей исторіи Александра Великаго, называетъ этихъ скиѳовъ саками. А нашъ глубокій знатокъ языковъ и исторіи востока—покойный Григорьевъ, доказалъ вполнѣ убѣдительно, что саки эти были наши праотцы, предки славянъ, что и раньше его уже приходило на мысль многимъ изслѣдователямъ древности.

Страбонъ еще подробнѣе описываетъ скиѳовъ, сосѣднихъ съ Согдіаною:

«Скиѳы, которыхъ жилища начинаются отъ Каспійскаго моря, называются дагіяне или даги; а живутъ ближе къ востоку массагеты и саксане или саки»,—говоритъ онъ.

О дагіянахъ упоминаетъ и Квинтъ Курцій, какъ о «скиѳскомъ народѣ, жившемъ въ Согдіанѣ». Дагіяне оные ѣздятъ *на одной лошади по два*, изъ которыхъ по одному соскакиваютъ съ лошадей поперемѣнно, и на бою конницу приводятъ въ замѣшательство, *а сами бѣгаютъ такъ скоро, какъ лошади*".

Обычай ѣздить вдвоемъ на одной лошади сохранился въ древней Согдіанѣ и до сихъ поръ, несмотря на протекшія 23 столѣтія: и въ Туркменіи, и въ Бухарѣ, и въ Ташкентѣ, и въ Ферганѣ—вездѣ мы на каждомъ шагу встрѣчали этихъ двойныхъ и тройныхъ всадниковъ, торчащихъ на одномъ сѣдлѣ...

Проворство тогдашнихъ степныхъ кочевниковъ, бѣгавшихъ такъ же скоро, какъ лошади, не могло особенно удивлять воиновъ Александра,—воспитанниковъ олимпійскихъ игръ. Курцій разсказываетъ между прочимъ въ своей книгѣ, что, послѣ одной побѣды Александра надъ скиѳами, Филиппъ, братъ Лизимаха, совсѣмъ еще юноша, слѣдовалъ цѣлыхъ 500 стадій (слѣдовательно, около 70 верстъ) пѣшкомъ, не отставая ни на шагъ за лошадью Александра, который, часто перемѣняя лошадей, гнался

за бѣгущимъ непріятелемъ». Онъ былъ при томъ въ кольчугѣ и въ оружіи и отчаянно бился потомъ съ варварами, но отъ утомленія истекъ потомъ и умеръ стоя.

Эти жившіе у Каспійскаго моря даги, можетъ быть, оставили свое имя теперешнему Дагестану, также примыкающему къ Каспійскому морю, хотя обыкновенно названіе Дагестана производятъ отъ турецко-татарскаго имени Дагъ-гора («страна горъ»).

Скиѳовъ Яксарта, какъ и древнихъ славянъ и руссовъ, считали въ то время непобѣдимыми.

Не даромъ, даже Киръ, великій завоеватель Азіи, погибъ въ войнѣ противъ нихъ. Недаромъ и впослѣдствіи, два вѣка спустя, послѣ своихъ битвъ съ Александромъ, тѣ же скиѳы-саки разрушили основанное имъ могущественное Греко-Бактрійское царство, предѣлы котораго простирались отъ Яксарта до Инда. Александръ однако нанесъ этимъ непобѣдимымъ сакамъ полное пораженіе. Они оберегали на своихъ коняхъ правый берегъ Сыръ-Дарьи, разсчитывая, что родная рѣка ихъ остановитъ грознаго врага. Но онъ на глазахъ ихъ, осыпаемый тучами стрѣлъ, переправилъ своихъ воиновъ на плотахъ черезъ быстрину рѣки, ударилъ на скиѳовъ и прогналъ далеко въ степь, гнавшись за ними цѣлыхъ 80 стадій, около 11 верстъ. Любопытно извѣстіе Курція, что на мѣстѣ битвы, гдѣ пали воины его, Александръ насыпалъ бугоръ. Слѣдовательно, курганы, покрывающіе въ такомъ обиліи окрестности Сыръ-Дарьи, на которые я смотрю теперь съ нѣмымъ вопросомъ, далеко не всегда нужно приписывать дикимъ степнымъ кочевникамъ.

Все заставляетъ думать, что Александръ построилъ свой новый городъ для защиты отъ этихъ кочевниковъ, свою «Александрію Эсхату»—«дальнюю Александрію»,—въ мѣстности нынѣшняго Ходжента.

У Птоломея есть указаніе, что Александрія эта находилась на томъ мѣстѣ рѣки Яксарта, гдѣ она дѣлаетъ значительный изгибъ; и дѣйствительно рѣка Сыръ-Дарья вырывается сейчасъ

же ниже Ходжента изъ тѣснины между двумя хребтами горъ и поворачиваетъ очень круто на сѣверо-западъ, къ Чиназу, въ совершенно открытую равнину. Ходжентъ находится въ самомъ узкомъ мѣстѣ этихъ естественныхъ воротъ изъ Сыръ-Дарьинской области въ Ферганскую, изъ бывшихъ бухарскихъ владѣній въ кокандскія. Поэтому онъ издревле имѣлъ значеніе важнаго военнаго пункта, какъ ключъ ко входу и выходу для двухъ сосѣднихъ областей, и древнія дороги изъ Персіи, Трансоксаны, Индіи въ теперешнюю Фергану направлялись именно на Ходжентъ. Проницательный взглядъ великаго македонскаго полководца, разумѣется, не могъ не оцѣнить огромнаго преимущества подобной мѣстности. Курцій говоритъ по этому поводу: «Подъ новый городъ выбралъ онъ мѣсто на берегу Дона (т.-е. Яксарта), *который застáвою быть могъ и побѣжденнымъ народамъ, и тѣмъ, на которые идти былъ намѣренъ*“.

Трудно болѣе точно опредѣлить географическое мѣстоположеніе и стратегическое значеніе Ходжента. Помимо него по всему теченію рѣки Сыръ-Дарьи нѣтъ ни одного мѣста, сколько-нибудь подходящаго подъ описаніе Квинта Курція, такъ что не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія, что Александрія Эсхата была именно на мѣстѣ теперешняго Ходжента.

Александрія была, повидимому, обнесена такою же глиняною стѣною и глиняными башнями, какою до нынѣ туземцы обносятъ свои крѣпости, и, конечно, заключала въ этихъ стѣнахъ такіе же глиняные дома и глиняные дувалы, какими наполнены до сихъ поръ всѣ города и кишлаки Бухары, Ферганы, Хивы и Туркменіи. Иначе представить себѣ невозможно, какимъ бы образомъ воины Александра, не будучи ни плотниками, ни каменщиками, не имѣя подъ руками среди дикой, почти необитаемой пустыни, готовыхъ строительныхъ матеріаловъ, могли бы съ такою баснословною быстротою построить стѣну чуть не въ 10 верстъ длины и при томъ всѣ воины, безъ исключенія, исполняли каждый свой урокъ.

«Александръ возвратился къ рѣкѣ Дону, повѣствуетъ Кур-

ціи, и сколько мѣста подъ станъ занято было, повелѣлъ обнести стѣною. Городская стѣна вокругъ была 60 стадій. И сей городъ приказалъ звать Александріею. Означенное дѣло происходило съ такою поспѣшностью, что въ 17-й день отъ заложенія стѣнъ и дома достроены были. Воины другъ передъ другомъ рвались, чтобъ *свой урокъ, который каждому данъ былъ*, отдѣлать и показать прежде. Сей городъ населенъ плѣнниками, которыхъ Александръ, выкупя изъ холопства, учинилъ свободными».

На Сыръ-Дарьѣ у Ходжента мы увидѣли очень своеобразные плоты, на которыхъ здѣсь обыкновенно сплавляется хлѣбъ изъ плодородной Ферганской области, внизъ по теченію рѣки, въ Казалинскъ и Аральское море. Плоты эти приготовляются обыкновенно въ старинномъ кокандскомъ городѣ Наманганѣ и вяжутся изъ куги, густыя заросли которой покрываютъ тамъ берега Сыръ-Дарьи. Это очень остроумно, легко и дешево. Мнѣ пришло въ голову, ужъ не на такихъ ли импровизированныхъ плотахъ переправлялось черезъ Яксартъ и войско Александра на битву съ скиѳами, точно такъ же, какъ ранѣе переправилось оно черезъ Оксусъ на турсукахъ изъ-подъ воды?

Верстъ на 10 или на 15 за Ходжентомъ непрерывно тянутся по берегу Сыръ-Дарьи богатые кишлаки, зеленѣющіе садами, и прекрасно воздѣланныя поля. Это очень промышленная и зажиточная мѣстность, одно изъ главныхъ гнѣздъ шелководства, хлопководства и разведенія риса. Но, кромѣ того, въ гористыхъ мѣстностяхъ вблизи Ходжента, особенно въ логу Кокине-сай, добывается каменный уголь, который вообще встрѣчается довольно часто въ горахъ, сосѣднихъ съ Ташкентомъ, и въ хребтахъ Ферганской области. Въ настоящее время всѣ каменныя зданія въ Ташкентѣ и въ городахъ, сколько-нибудь близкихъ къ горнымъ мѣстностямъ, уже отапливаются мѣстнымъ каменнымъ углемъ. Устроенный близъ Ходжента стеклянный заводъ Иванова также исключительно потребляетъ каменный уголь соб-

ственныхъ своихъ копей, такъ что, повидимому, каменноугольному промыслу предстоитъ здѣсь современемъ широкая будущность, съ которою тѣснѣйшимъ образомъ связано и развитіе всякаго рода заводской промышленности. Вообще горы Туркестана далеко не бѣдны минералами, и немногія попытки къ разработкѣ ихъ даютъ пока довольно счастливые результаты. Тутъ уже получается и свой асфальтъ и своя нефть, и сѣра, и каменная соль, и селитра, и нашатырь; больше всего этихъ минеральныхъ богатствъ въ Ферганской области, въ тѣхъ именно предгоріяхъ ея, мимо которыхъ мы теперь ѣдемъ. Разработка этихъ ископаемыхъ развивается до того быстро, что, напр., вмѣсто 400 пудовъ асфальта, добывавшихся въ 1885 г., въ 1889 г., всего черезъ 4 года, добыто его въ Ферганскихъ горахъ уже больше 11.000 пудовъ! Туркестанъ имѣетъ также и свинцовыя, и мѣдныя, и сурьмяныя руды, но добыча ихъ до сихъ поръ еще не достигаетъ значительныхъ размѣровъ вслѣдствіе отсутствія серьезныхъ научныхъ изысканій и капитальныхъ предпринимателей.

Что еще интереснѣе,—Туркестанъ заключаетъ въ своей почвѣ золото. Золотыя розсыпи его довольно многочисленны, но процентъ золота въ нихъ такъ ничтоженъ, что не окупаетъ труда, затраченнаго на промывку; поэтому только туземцы предаются въ минуты своего досуга этому мало благодарному занятію. Но, конечно, такое плачевное положеніе туркестанской золотопромышленности въ настоящую минуту вовсе не устраняетъ возможности открытія въ томъ же Туркестанѣ и очень богатыхъ розсыпей золота, если за это дѣло основательно примутся люди знаній и капитала.

Слухъ о громадныхъ мѣсторожденіяхъ золота въ Туркестанѣ существовалъ еще съ древнихъ временъ, и въ первое время послѣ завоеванія края наши смѣлые предприниматели Хлудовъ и Первушинъ, прокладывавшіе здѣсь первые пути для русской торговли и промышленности, затратили большія деньги на безплодные поиски золота.

Мудрый и заботливый хозяинъ земли русской, русскій царь Петръ I-й, тоже слыхалъ о золотѣ Туркестана и тоже пытался искать его. Получивъ отъ сибирскаго губернатора, князя Гагарина, сообщенные имъ слухи о нахожденіи золота въ «Малой Бухаріи, въ калмыцкомъ владѣніи, въ рѣкѣ Дарьѣ», великій царь собственноручно написалъ Гагарину указъ: «построить городъ у Ямышева озера, а буде може и выше, а построя крѣпость, искать далѣе по той рѣкѣ вверхъ, пока лодки пройти могутъ, а отъ того идти далѣе до *города Иркети*, и онымъ искать овладѣть».

Подъ городомъ Иркеть, повидимому, царь разумѣлъ городъ Яркендъ, и уже это одно показываетъ широту и смѣлость его замысловъ. Осуществился ли и какъ именно этотъ новый Язоновъ походъ за золотымъ руномъ,—я не знаю.

Снѣговыя горы совсѣмъ уходятъ изъ глазъ и на замѣну имъ выступаютъ, тоже въ порядочной дали отъ насъ, низкія каменныя гряды. Къ станціи Костокозъ мѣстность дѣлается все пустыннѣе и безплоднѣе, а верстъ за 5 до него начинаетъ стелиться голый крупный песокъ, перемежающійся съ солончаками. Ни верблюдовъ, ни арбъ не встрѣчается больше на опустѣвшей дорогѣ. Рѣку Сыръ-Дарью мы увидѣли опять только у самой станціи; темнозеленая полоса деревьевъ провожала ея берегъ. Станція Костокозъ была совсѣмъ разрушена землетрясеніемъ въ 1888 году. Кругомъ нея и за нею полное безплодіе. Дорога потомъ обращается въ какую-то мучительную каменоломню, по которой пересчитываетъ всѣ наши ребра нашъ тяжелый казанскій тарантасъ. Камни, пески, солонцы—ничего другого кругомъ. Верстъ черезъ 10 за Костокозомъ—граница Ферганской области; стоитъ каменный порубежный столбъ съ надписью, и отсюда уже начинаются верстовые столбы, которыхъ почему-то нѣтъ въ Сыръ-Дарьинской области. Среди охватывающей насъ среднеазіатской дичи даже такіе ничтожные признаки русской власти, какъ верстовой столбъ и телеграфная проволока, какъ-то бодрятъ душу русскаго человѣка, заѣхавшаго въ эти дебри.

Сейчасъ же за пограничнымъ столбомъ, влѣво отъ дороги, надъ берегомъ Сыръ-Дарьи, стоитъ опустѣвшая Кокандская крѣпостца, когда-то защищавшая входъ въ ханство. Высокія стѣны образуютъ довольно внушительный четырехугольный замокъ, фланкируемый по угламъ башнями. Его романтическія очертанія составляютъ эффектный первый планъ для живописной панорамы Сыръ-Дарьи, которая тутъ дѣлаетъ рѣзкое колѣно и разливается довольно широко, зеленѣя множествомъ острововъ и желтѣя лысинами своихъ частыхъ мелей. Блѣдно-красныя каменныя горы, окаймляющія съ той стороны ея правый берегъ, и знойнымъ тономъ своихъ красокъ, и своими голыми изломами, какъ нельзя болѣе подходятъ къ общему характеру картины.

Еще на шесть верстъ—печальные пески, сметенные вѣтромъ въ необозримыя стада желтыхъ бархановъ. Но за 6-ть верстъ отъ станціи Кара-Ушхунъ пески прекращаются, и начинаются равнины здѣшняго плодороднаго лёсса, или «желтозема», какъ удачно назвалъ его академикъ Миддендорфъ. Вмѣстѣ съ плодородною почвою появляются и многочисленные кишлаки съ своими садами, полями, арыками и дувалами. Прославленная своимъ обиліемъ, Ферганская область все-таки начинаетъ сколько-нибудь оправдывать свою репутацію послѣ столь мало ободрительнаго въѣзда въ нее. Множество праздная народа въ тѣнистыхъ галлерейкахъ базаровъ, множество дѣтишекъ торчатъ на гребняхъ глиняныхъ оградъ и на лавочкахъ глубокихъ воротъ. Вездѣ отрадная тѣнь деревьевъ. Стриженныя деревца шелковицы разсажены по краямъ всѣхъ арыковъ, вдоль всѣхъ дорожекъ, кругомъ полей вмѣсто изгороди. Тутъ много и лоховнику, по мѣстному «игды», дающаго очень любимыя туземцами и необыкновенно дешевыя ягоды, много карагачу съ его удивительно плотною и красивою короною, и, — странное дѣло, — много также нашей родной щигровской ракиты-мятушки, которую зовутъ здѣсь таломъ, но безъ которой, какъ видно, не обошлось даже это далекое Кокандское ханство. Въ поляхъ разбросаны маленькія глиняныя башенки, совсѣмъ такія, какъ мы видѣли въ Туркменіи; значитъ, эти пограничныя

мѣста были далеко не безопасны и требовали особенныхъ мѣръ предосторожности для охраны работавшихъ въ полѣ земледѣльцевъ. Въ самомъ кишлакѣ Кара-Ушхунъ—порядочная глиняная кала, да и сама станція — похожа на крѣпостцу: широкій ровъ кругомъ, башни, стѣны. Староста на Караушхунской станціи оказался русскій, чуть не единственный во всемъ кишлакѣ.

— Тутъ, ваше благородіе, не простой сартъ живетъ,—доложилъ онъ мнѣ, — а болѣе все таджикцы. Они, положимъ, хоть тѣ же сарты, и закону такого же мусульманскаго, только говорятъ иначе, по-своему, другъ дружку не понимаютъ. Ну, а для нашего брата, разумѣется, все одна Азія безпонятная! Вотъ киргизовъ тутъ нѣтъ. Оттого и верблюдовъ нѣтъ. На той сторонѣ Сыръ-Дарьи много ихъ въ горахъ, а тутъ нѣтъ.

— Богатый народъ здѣсь? Чѣмъ больше занимаются?—спросилъ я.

— Какое-жъ богатство, помилуйте! Воды тутъ мало, а народу много. А безъ воды что подѣлаешь? Изволили видѣть, земля-то у нихъ какая: камень да песокъ. Только и родитъ, что съ воды. Ну, а все-таки хлѣба сѣютъ по плепорціи своей, сколько кому нужно. Больше только хлопкомъ занимаются, да шелкомъ, да вотъ виноградъ еще по садамъ разводятъ, не то чтобы въ полѣ, а по кишлакамъ.

— А живутъ мирно?

— И, Боже мой! ужъ такъ тихо, сказать нельзя. Никогда ничего не бываетъ. Боятся, конечно, русскихъ; взыскиваютъ съ нихъ строго, коли что такое. Начальство имъ этого не спускаетъ, вотъ и сидятъ смирно...

Сейчасъ же за Караушхуномъ и знаменитая когда-то Кокандская крѣпость Махрамъ. Она стоитъ на самомъ берегу Сыръ-Дарьи и считалась однимъ изъ главныхъ оплотовъ стараго ханства. Дорога проходитъ насквозь черезъ всю крѣпость, изъ однихъ воротъ въ другія. Крѣпость окружена глубокимъ и широкимъ рвомъ, за которымъ поднимаются двойнымъ кольцомъ глиняныя

стѣны съ башнями. Вторая стѣна особенно высока и толста, и и устроена очень удобно для защитниковъ. Внутри ея множество глиняныхъ мазанокъ для войска, замѣнявшихъ палатки. Махрамъ—своего рода Геокъ-Тепе кокандцевъ. Тутъ разыгралась кровавая битва, рѣшившая судьбу воинственнаго ханства. Генералъ Головачевъ разбилъ здѣсь на голову все, засѣвшее въ Махрамѣ, войско кокандцевъ, и столица ихъ Коканъ послѣ этого безъ боя отворила русскимъ свои ворота. Можно сказать поэтому, что въ Махрамѣ совершилось завоеваніе всей Ферганской области. Начиная отъ Махрама, сплошная лента кишлаковъ и садовъ удаляется вправо и течетъ, будто темнозеленая рѣка, у подножія горной цѣпи, провожающей насъ справа; напротивъ того, дорога приближается къ берегу Сыръ-Дарьи, а потомъ перерѣзаетъ на многія версты безплодные глинисто-песчаные курганы. Мѣстность дѣлается опять довольно скучною. Рѣка хотя и виднѣется по временамъ, но въ низкихъ и пустынныхъ берегахъ; вокругъ нея никакой жизни и очень мало зелени. За нею—все тѣ же надоѣвшія глазу блѣднорозовыя горы съ голыми ребрами. Такія же безплодныя каменистыя горы видны и справа, только онѣ заслоняютъ теперь солнце и кажутся уже не розовыми, а темносиними. У Махрама по этой синевѣ трупа проступали яркокрасныя пятна какихъ-то раскопанныхъ рудъ, желѣзныхъ или свинцовыхъ, словно это краснѣло до кости ободранное мясо горъ, съ усиліемъ выдвинувшихся изъ жесткихъ нѣдръ земныхъ. Хотя во многихъ мѣстахъ дорога подсыпана на подобіе шоссе, но тряска невыносимая. Наконецъ, потокъ садовъ и селеній заворачиваетъ вмѣстѣ съ небольшою грядою поперекъ дороги, и мы опять въѣзжаемъ въ область душистаго лоховника, арыковъ, садовъ и домовъ. Мы проѣхали 20 верстъ отъ Кара-Ушхунъ и теперь въ Патарѣ. Отъ Патары кишлаки съ садами переходятъ налѣво къ Сыръ-Дарьѣ, а дорога углубляется направо, въ пески. Впрочемъ, и кишлаки кругомъ осаждены песками отъ самаго берега рѣки. Чтобы песокъ не заносилъ дворовъ и садовъ, срѣзанный камышъ натыканъ тѣсными рядами по околицамъ ки-

шлака со стороны этихъ надвигающихся песковъ; въ другихъ мѣстахъ даже посажена съ этою цѣлью особая порода желтаго камыша уже наполовину однако занесеннаго. Гдѣ нѣтъ такихъ защитъ, высокіе барханы песку, изборожденные ровными складками, будто полосатая кожа тигра, двигаются чуть не въ самыя улицы кишлаковъ и идутъ длинною цѣпью отъ рѣки въ поле. На 20-ть сплошныхъ верстъ тянется безплодная пустыня, покрытая ровными мелкими камнями, словно комьями отлично вспаханной земли, — и на всемъ этомъ протяженіи ни одной травинки, ни одного кустика! Настоящая «Голодная степь», если бы рядомъ съ нею, слѣва, не шла все время зеленая полоса кишлаковъ, провожающая теченіе Сыръ-Дарьи, съ своими садами и плодородными землями. Единственныя растенія, которыми оживляетъ себя эта пустыня камней,—разсѣянныя по ней кладбища и мазары. А между тѣмъ эту пустыню такъ не трудно было бы обратить въ одинъ громадный виноградникъ, точно такъ же, какъ и каменистыя поля за Ходжентомъ. Это тоже въ сущности очень богатая, но требующая обильнаго орошенія и обработки, почва Крыма, Кавказа, Швейцаріи, которая прославила ихъ своими виноградниками и винами. Что и эту пустыню можно обратить въ цвѣтущій садъ — въ этомъ мы убѣдились воочію. Цѣлыхъ 7 верстъ передъ станціею Бишъ-Арыкъ идетъ черезъ ту же каменистую равнину густая аллея роскошно зеленѣющихъ молодыхъ тутовыхъ деревьевъ, къ корнямъ которыхъ, разумѣется, проведенъ арыкъ изъ кишлака.

Тряска по камнямъ такая убійственная, что она должна была окончиться какимъ-нибудь неблагополучіемъ. Одно изъ переднихъ колесъ нашего тарантаса вдругъ откатилось въ сторону, и грузный ковчегъ нашъ клюнулъ носомъ въ землю. Пришлось пройти нѣсколько верстъ назадъ по этимъ же камнямъ, рѣзавшимъ ногу даже черезъ толстую подошву сапогъ, пока не отыскался злополучный колпакъ съ гайкою, привинчивавшій колесо.

Между тѣмъ уже сильно вечерѣло и не хотѣлось запазды-

вать, а почтовыя лошади изъ силъ выбились, таща по грудамъ камней тяжелый экипажъ. Сдѣлавъ 22 версты по мучительной дорогѣ, нужно было заночевать въ Бишъ-Арыкѣ въ 32-хъ верстахъ отъ Кокана.

Встали мы, по обыкновенію, въ 4 часа утра. Было 28 апрѣля, праздникъ Красной Горки у насъ въ православной Руси Фергана встрѣтила насъ тоже празднично; и ея грозные заобалачные хребты обратились въ своего рода ликующія «красныя горки», красныя, конечно, не по цвѣту, а въ смыслѣ прекраснаго, какъ говорится про красныхъ дѣвушекъ и красное солнышко.

Воздухъ ранняго утра былъ до того ясенъ, что ни одна легкая тучка не затуманила его дѣвственной лазури, и весь Алайскій хребетъ, направо отъ насъ, вырѣзался, будто вылитый изъ серебра, въ ослѣпительномъ сіяніи своихъ льдовъ и снѣжныхъ пирамидъ. Восходившее солнце ударяло ему прямо въ лицо своими еще низкими, скользившими по землѣ лучами, и, несмотря на большую даль, можно было, казалось, ощупать всѣ углубленія и выступы, всѣ ребра и грани этого бѣлаго хребта, что̀ поднимался, будто какое-то чудное видѣніе, изъ-подъ горизонтовъ земли, охватывая громадное пространство зубчатою лентою своихъ ледяныхъ твердынь.

Рѣдко приходится видѣть такую обширную панораму снѣговыхъ горъ въ такой, по-истинѣ, восхитительный моментъ. Я много разъ и съ разныхъ сторонъ любовался картиною Кавказскаго хребта, но могу сказать, что даже и онъ не производилъ на меня такого поражающаго впечатлѣнія, какъ эти титаническіе снѣговые отроги Тянь-Шаня, ярко освѣщенные весеннимъ солнцемъ среди чарующей лазури утренняго неба.

Старый ямщикъ-киргизъ съ бронзовымъ лицомъ, на которомъ, казалось, нельзя было докопаться ни до какихъ человѣческихъ чувствъ,—и тотъ растрогался сердцемъ и обернулся къ намъ, осклабивши до ушей свой безъ того широкій ротъ и гла-

зами взывая къ нашему сочувствію. Вся долина Сыръ-Дарьи, отъ одного хребта горъ до другого, разстилалась теперь передъ нами однимъ сплошнымъ плодороднымъ полемъ, изрѣзаннымъ арыками, однимъ роскошнымъ зеленѣющимъ садомъ, въ рамѣ этихъ далекихъ снѣговъ. Кишлаки тоже повалили сплошь. Въ 5-ть часовъ утра базары ихъ уже полны народа; почти всѣ за чашками чая вокругъ тульскихъ самоваровъ, съ туземными бѣлыми лепешками въ рукахъ. Дома чаю не пьетъ никто; послѣдній бѣднякъ съ утра отправляется въ чай-хане, своего рода веселый деревенскій клубъ, гдѣ уже всѣ сосѣди его давно сидятъ подъ тѣнью старыхъ деревьевъ на низенькихъ рундукахъ и кроватяхъ (по-сартски «супа)», покрытыхъ коврами, или въ глубинѣ прохладныхъ галлерей, сообщая другъ другу всѣ новости кишлака, покуривая кальянъ или трубку и потягивая свой неизмѣнный и невообразимо дешевый кокъ-чай. Народъ здѣсь вообще живетъ довольно таровато и праздно, одѣвается щеголевато, не убиваетъ себя на работѣ, а проводитъ много времени въ болтовнѣ базаровъ и въ сновании по улицамъ. Оттого, конечно, базары каждаго порядочнаго кишлака полны лавокъ и торговли всякаго рода. Тутъ и мясныя, и посудныя лавки, и лавки краснаго товара, и уже непремѣнно множество чай-хане и ашъ-хане, по нашему, харчевенъ.

Всѣ онѣ окружены и наполнены яркими тюрбанами, пестрыми халатами, веселыми лицами, оживляющими этотъ шумный базаръ. Впрочемъ, не меньше оживленія и на поляхъ. Тамъ тоже работа кипитъ съ ранняго утра. Дороги полны арбъ и верховыхъ, а подъ часъ и нагруженныхъ верблюдовъ. Везутъ массами сѣдла, шкуры, войлоки, тюки хлопка. Все сразу говоритъ о близости большого торговаго рынка.

Ярко разодѣтые таджики и сарты набиваются по десяти въ одну арбу, отправляясь въ свою былую столицу цѣлыми семьями, съ женами и дѣтьми.

III.

Старая и новая столица Ферганы.

Тѣнистыми, шумными улицами подгородныхъ кишлаковъ мы незамѣтно въѣхали въ Коканъ и по широкому Розенбаховскому проспекту, обсаженному сначала молодыми, потомъ громадными маститыми тополями,—мимо русскихъ домовъ очень порядочной архитектуры, мимо разныхъ обычныхъ учрежденій русскаго города, аптекъ, магазиновъ, складовъ, — направились на площадь передъ ханскою урдою, гдѣ съ неподобающею ей торжественностью въ гордомъ уединеніи стоитъ почтовая станція. Русскіе солдатики, русскіе ямщики, русскіе извозчики съ крытыми пролетками—отрадно подѣйствовали на наши нервы, нѣсколько утомленные сплошною азіатчиною. Не безъ удовольствія поѣли мы наконецъ и горячаго русскаго супа съ курицей послѣ нѣсколькихъ дней походныхъ закусокъ.

Въ Коканѣ, собственно говоря, только и есть интереснаго, что бывшая «ханская урда», теперь обращенная въ центръ русской власти. Урда — все то же, что орда. А орда у татарскихъ народовъ никогда не имѣла того значенія, которое ей придалъ русскій языкъ. Орда означаетъ по-татарски ханскій шатеръ, ханскій дворъ. «Золотая орда» была просто-на-просто «золотымъ шатромъ волжскихъ хановъ», точно такъ же, какъ и у многихъ другихъ азіатскихъ хановъ были такія же «золотыя орды» или «урды». Впослѣдствіи, когда кочевники-татары и монголы стали привыкать понемногу къ осѣдлости, они перенесли названіе урды или орды на деревянныя и каменныя жилища своихъ владыкъ, на великолѣпные дворцы Тамерлана и его потомковъ. Русскій же смыслъ орды, какъ большой толпы, скопища народа, вѣроятно, возникъ изъ того обстоятельства, что въ ордѣ, то-есть ставкахъ хана, жилъ весь его многочисленный

дворъ, всѣ его главные сподручники; когда ханъ поднимался со всѣми ними, «цѣлою ордою», то, конечно, за ними поднимались и всѣ кочевыя полчища ихъ, — и вотъ «орда» невольно явилась въ воображеніи нашихъ древнихъ предковъ синонимомъ многолюдной толпы, цѣлаго кочевого племени.

Отсюда и пошли у насъ всякія крымскія и ногайскія орды, ордынцы и т. п.

Урда кокандскаго хана—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дворцовъ Средней Азіи. Это что-то до такой степени красивое, изящное, оригинальное, что глазъ никакъ не налюбуется имъ, не оторвется отъ него. Конечно, это все та же персидско-арабская архитектура, которая создала самаркандскія мечети, бухарскія медрессе, гробницы Стараго Мерва. Но въ кокандской урдѣ много своеобразныхъ и счастливыхъ особенностей. Лучше всего любоваться урдою, войдя на ея широкій дворъ сквозь ворота маленькой, окружающей ее, цитадели, охраняемой русскимъ карауломъ. Урда поднята высоко надъ дворомъ на своихъ каменныхъ террасахъ, такъ что издали кажется какимъ-то колоссальнымъ драгоцѣннымъ изваяніемъ, покоящимся на массивномъ пьдесталѣ. Весь ея широкій фасадъ, и громадный серединный порталъ,—этотъ характерный центръ персидской архитектуры, — и стройные минареты, словно выточенные искусною рукою артиста, и всѣ стѣны ея кажутся вылитыми изъ сверкающаго китайскаго фарфора самыхъ нѣжныхъ тоновъ, голубого, зеленаго, сѣраго, бѣлаго, желтаго... Отъ этого дворца, одѣтаго въ вѣчно яркія одежды стеклянной глазури, переходъ къ настоящимъ фарфоровымъ кіоскамъ и башнямъ Китая—совсѣмъ незамѣтенъ. Самое поразительное въ кокандской урдѣ— это чудное сочетаніе узоровъ и красокъ и изумительное разнообразіе арабеска. И странное дѣло! это затѣйливая пестрота тоновъ и линій производитъ впечатлѣніе гармоніи и цѣльности, радующее глазъ.

Но блескъ фарфоровыхъ одеждъ, въ которыя облекся ханскій дворецъ, не заслоняетъ однако собою его строгихъ архи-

тектурныхъ линій. Дворецъ изящень и по стилю своему. Высокій и широкій серединный порталъ съ воротною аркою обрамленъ съ обѣихъ сторонъ двумя стройными минаретами, сквозныя верхушки которыхъ, увѣнчанныя ярко-голубыми фарфоровыми шапочками, нѣсколько шире остального столба. Другіе два минарета подъ желтыми фарфоровыми купольчиками, увитые такою же сверкающею спиралью голубыхъ и зеленыхъ арабесковъ, возвышаются по краямъ фасада, словно два крыла, поднимающія его въ воздухъ, сообщая всему зданію удивительную легкость и вмѣстѣ строгую законченность линій.

Впрочемъ, самъ хрустальный блескъ его стѣнъ, самые тоны небесной лазури, насквозь его проникающіе, невольно придаютъ массивному корпусу урды эту изящную воздушность...

Верхній поясъ зданія, замѣняющій карнизъ, учень удачно оттѣняетъ нѣжныя краски стѣнъ своимъ темно-синимъ фаянсомъ, по которому тѣсною вязью извиваются бѣлыя арабскія строки. Ниже ихъ стѣна свѣтло-голубыхъ и зеленыхъ изразцовъ вся въ разнообразныхъ маленькихъ нишахъ художественнаго рисунка и замѣчательнаго богатства колеровъ. Оконъ немного, и они не вытянуты казеннымъ ранжиромъ въ одну линію, какъ въ нашихъ европейскихъ домахъ, а разбросаны на разной высотѣ, разной величины, но всегда удивительно къ мѣсту, окруженныя тѣми же сверкающими рамами голубого и зеленаго фаянса...

Впрочемъ, слово безсильно передать впечатлѣніе этой своеобразной красоты, гдѣ все зависитъ отъ тона красокъ и капризныхъ изгибовъ линій, и которую могла бы воспроизвести сколько-нибудь вѣрно только мастерская кисть художника.

Мы вошли по длинному каменному подъему въ серединныя ворота между двухъ террасъ, окаймляющихъ передній фасадъ урды, и очутились въ большомъ внутреннемъ дворѣ, обнесенномъ кругомъ крытыми галлерейками съ пестро раскрашенными стѣнами, потолками и колонками, какъ это всегда водится въ богатыхъ туркестанскихъ жилищихъ. Со двора ходъ въ церковь.

Она занимаетъ двѣ лучшія залы бывшаго дворца, и раскошные лѣпные потолки этихъ залъ сохранили еще всѣ былыя свои восточныя украшенія. Иконостасъ и царскія двери своею темною отдѣлкою изъ полированнаго чинара вполнѣ подошли къ темнымъ бархатистымъ тонамъ туркменскаго ковра, какими росписаны внутри лѣпныя ниши потолка, полныя необыкновеннаго вкуса. Въ церкви шла служба по случаю табельнаго дня, и хотя народъ уже выходитъ изъ церкви, когда мы вошли въ урду, однако намъ удалось таки найти здѣсь одного изъ мѣстныхъ военныхъ А. М. М—ва, къ которому мы имѣли письмо отъ нашего общаго знакомаго и который любезно помогъ намъ потомъ ознакомиться съ достопримѣчательностями Кокана. Въ урдѣ, и кромѣ церкви, сохранилось нѣсколько комнатъ съ восточными украшеніями потолковъ и стѣнъ. Одна изъ нихъ, богато отдѣланная, теперь въ квартирѣ батальоннаго командира, другая—въ военной канцеляріи. Эта послѣдняя, цѣлый залъ съ двойною галлереею — верхнею и нижнею, и съ множествомъ низенькихъ дверочекъ за колонками нижней галлереи. Лѣпной потолокъ съ красивою центральною впадиною пріосѣняетъ собою каменную «супу», окруженную колонками, на которой сидѣли въ прежнее время просители имѣвшіе дѣло до хана. Эта комната была пріемною хана, а низенькія дверочки вели въ коморки, гдѣ помѣщались его сокровища. Теперь тамъ все попрѣло, и вообще урда съ каждымъ годомъ приходитъ все больше въ запустѣніе. Средствъ на ея содержаніе отпускается очень мало, а между тѣмъ такое во всей Азіи знаменитое зданіе, такой драгоцѣнный памятникъ туземной архитектуры, стоило бы поддержать въ его первобытномъ блескѣ. Урда теперь занята разными военными учрежденіями, которыя вообще мало церемонятся съ нею и отнюдь не признаютъ ея историческаго значенія. Урда окружена крѣпостью своего рода,—каменною стѣною и казармою-редюитомъ. Рядомъ къ ней примыкаетъ старое кладбище кокандскихъ хановъ. Усыпальница ихъ не очень роскошна. Хороша и своеобразна только ограда ея съ гипсовыми сквозными украшеніями типическаго

восточнаго рисунка. Внутри же—самыя обыкновенныя гробницы изъ кирпича, залитаго известкою, полукруглыя и длинныя, какъ будки арбы. Кладбище отдано на попеченіе города, которому даже отпускается на поддержаніе гробницъ нѣкоторая сумма. Мы посѣтили и главныя мечети Кокана — Омарову, султана Бекра и другія. Всѣ онѣ большія, съ большими дворами, при всѣхъ медрессе со множествомъ софтъ; но всѣ онѣ такъ похожи на другія, нами видѣнныя мечети, что о нихъ ровно нечего сказать.

Базары Кокана глубоко характерны и любопытны для наблюденія надъ мѣстными нравами и мѣстною толпою. Но и они, какъ двѣ капли воды, похожи на видѣнные нами базары Бухары, Ташкента и другихъ большихъ городовъ Туркестана. Съ нихъ можно брать фотографіи и снимать акварельные этюды, но описывать ихъ—значитъ повторять въ десятый разъ то, что уже приходилось говорить раньше.

Кокандцы праздновали свой праздникъ байрамъ, наступающій послѣ поста ихъ, или «уразы». Ураза кончается и байрамъ начинается не въ какое-нибудь строго опредѣленное время: необходимо для этого, чтобы кто-нибудь увидѣлъ новую луну. Луну эту разыскиваютъ, однако, не на верху, а внизу. Благочестивые люди просиживаютъ цѣлые часы надъ какимъ-нибудь священнымъ прудкомъ около старой мечети, поджидая, когда появится въ немъ отраженіе перваго чуть примѣтнаго еще серпа луны. Съ этого момента постъ прекращается, и настаютъ радости праздника. Счастливецъ, который первый узритъ почитаемое исламомъ свѣтило, получаетъ за радостную, вѣсть («сеунчу», какъ здѣсь говорятъ) халатъ въ подарокъ. Не всѣ города бываютъ въ этомъ отношеніи одинаково счастливы. Въ Коканѣ, напр., увидали въ первый разъ луну и начали праздновать байрамъ въ пятницу, а въ сосѣднемъ Маргеланѣ, куда мы потомъ пріѣхали, въ пятницу еще продолжалась ураза, а праздникъ начался только въ субботу, когда пріѣзжіе изъ Кокана сообщили желанную вѣсть объ открытіи новой луны и о прекращеніи тамъ уразы.

Несомнѣнно, что это еще пережившіе вѣка остатки древняго поклоненія лунѣ, очень распространеннаго когда-то въ Азіи и заимствованнаго потомъ религіею Магомета, какъ многія другія, крѣпко укоренившіяся въ народѣ языческія вѣрованія его.

Съ помощью нашего любезнаго спутника мы накупили себѣ въ кокандскихъ базарахъ разныхъ мѣстныхъ издѣлій, мѣдные кубганы съ тазами, кофейники оригинальнаго восточнаго стиля, кашгарской матеріи — изъ верблюжьей шерсти, которую здѣсь зовутъ «чалма» и которая тутъ баснословно дешева. Впрочемъ, отыскивать нѣкоторыя вещи приходилось не въ лавкахъ, а въ караванъ-сараяхъ, примыкающихъ къ базару, гдѣ можно достать всякій товаръ не отъ перекупщиковъ-лавочниковъ, а изъ первыхъ рукъ, отъ мѣстныхъ производителей, хотя и эти «первыя руки» уже жестоко навострились обдувать нашего брата, русскаго.

Въ Коканѣ мы посѣтили и хлопко-очистительный заводъ братьевъ Каменскихъ. Онъ работаетъ водянымъ приводомъ, устроеннымъ внизу, внизъ же попадаютъ изъ-подъ чесальныхъ машинъ сѣмена хлопка, смѣшанныя съ частицами ваты, и образуютъ громадныя черно-сѣрыя кучи, которыя охотно покупаютъ, чтобы выжимать изъ нихъ особеннаго рода хлопчатобумажное масло, а жмыхи употреблять на топливо и кормъ скоту. Чешутъ хлопокъ особыми цилиндрами, на которые насажены круглыя пилы съ зубцами; чистый хлопокъ снѣжною пылью отлетаетъ въ одну сторону, а сѣмена съ приставшими къ нимъ частицами хлопка проваливаются внизъ. Высокая зала, куда попадаютъ летучія хлопья ваты, вся полна этою сухою метелью своего рода. Въ ней трудно пробыть нѣсколько минутъ, до того невозможно дышать въ этой атмосферѣ повсюду рѣющихъ бумажныхъ волоконъ. Самые привычные рабочіе избѣгаютъ входитъ въ нее безъ особенной нужды, и набивка ваты въ мѣшки происходитъ въ сосѣднемъ съ ней помѣщеніи. Прессуютъ хлопокъ на открытой галлереѣ завода, гдѣ тяжелый чугунный винтъ проходитъ сквозь толстый деревянный футляръ,

крѣпко окованный желѣзомъ, и жметъ положенный снизу тюкъ. Намъ разсказывали, что въ городѣ Андижанѣ, на такомъ же хлопко-очистительномъ заводѣ, недавно, одинъ изъ сартовъ-рабочихъ забрался какъ-то пьяный въ футляръ пресса и тамъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Не подозрѣвая его пребыванія тамъ, работники завинтили жомъ и расплющили въ блинъ своего легкомысленнаго собрата. Очищеніе хлопка приноситъ большой барышъ хозяевамъ завода. Расходы на устройство и эксплоатацію его не особенно велики, а между тѣмъ разница въ цѣнѣ хлопка очищеннаго и неочищеннаго — громадная. Нечистый хлопокъ можно было покупать въ Коканѣ въ прошломъ году по 1 р. 80 коп., 1 р. 90 коп. пудъ, продавая его, по очищеніи на заводѣ, по 7 р. 50 коп. за пудъ.

Особенно это было выгодно прежде, когда у московскихъ фабрикантовъ, основавшихъ здѣсь первые хлопко-очистительные заводы, почти не было конкурентовъ; теперь же заводовъ этихъ развелось видимо-невидимо, и появилось даже множество сартскихъ заводовъ, довольствующихся гораздо меньшимъ барышомъ, чѣмъ наши, и сильно подрывающихъ доходы крупныхъ русскихъ заводовъ, затратившихъ на свое устройство гораздо бо́льшіе капиталы и понесшихъ на себѣ всю тягость ошибки и потерь, неразлучныхъ съ первыми попытками водворить новую промышленность въ полудикомъ краѣ. Кромѣ завода Каменскихъ, вблизи города Кокана устроенъ большой хлопко-очистительный заводъ одной изъ богатѣйшихъ московскихъ фирмъ Корзинкиныхъ.

Пообѣдали мы втроемъ съ нашимъ путеводителемъ очень недурно въ военномъ клубѣ. Офицерство все было въ лагерѣ, и мы оказались чуть ли не единственными посѣтителями клуба, просторнаго и очень приличнаго, съ хорошенькимъ садомъ и тѣнистыми балконами. Утѣшительно было то, что въ недавнемъ царствѣ Худояръ-хана мы уже пили свое мѣстное русское вино изъ плантацій Филатова и лакомились, несмотря на раннюю весну, прекрасною клубникою-викторіей, обильно разводимою

теперь по слѣдамъ русскихъ въ Коканѣ и въ Ташкентѣ, и во всѣхъ городахъ и городкахъ Туркестана.

Впрочемъ, русскій элементъ въ Коканѣ угнѣздился не такъ еще прочно, какъ въ другихъ большихъ городахъ Средней Азіи. Въ Самаркандѣ, Ташкентѣ, Маргеланѣ — русская часть города совершенно отдѣльная отъ азіатской и принимаетъ размѣры цѣлаго самостоятельнаго города, разрастаясь безъ малѣйшаго препятствія все больше и больше. Въ Коканѣ же русскія улицы устроились среди старой столицы кокандскихъ хановъ, покупая за деньги уже ранѣе занятыя мѣста. Пока возникло до шести русскихъ улицъ, и изъ нихъ, разумѣется, самая великолѣпная и самая главная — это широкій и длинный Розенбаховскій проспектъ. Но дальнѣйшее развитіе новаго русскаго поселка со всѣхъ сторонъ натыкается на давно насаженныя туземныя гнѣзда и встрѣчаетъ подчасъ неодолимыя препятствія. Уже теперь мѣста продаются по 2 руб. сер. за квадратную сажень, словно въ какомъ-нибудь Петербургѣ или Парижѣ. При этихъ условіяхъ самое положеніе русской силы въ Коканѣ нѣсколько опаснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ забраннаго нами края, такъ что обращеніе ханской урды въ русскую военную цитадель здѣсь какъ нельзя болѣе кстати. Кокандцы менѣе всѣхъ другихъ покоренныхъ народовъ Средней Азіи свыклись съ русскою властью, да и покорены они были много позднѣе другихъ. А между тѣмъ они самые воинственные изъ нихъ и болѣе другихъ проникнуты вкусами недавняго прошлаго, когда разбои и междоусобія составляли ихъ обычное занятіе. Хотя купцы и землевладѣльцы вообще довольны русскими порядками, при которыхъ имъ вполнѣ обезпеченъ ихъ мирный трудъ и ихъ достояніе, — бывшіе еще такъ недавно игрушкою своеволія ханскихъ біевъ и самаго хана,—но фанатическіе муллы не перестаютъ питать въ народѣ ненависть къ невѣрнымъ собакамъ-московамъ, поработителямъ правовѣрныхъ сыновъ ислама, такъ что при первой серьезной искрѣ можно ждать единодушнаго возстанія кокандцевъ.

А Коканъ—сила очень серьезная. Въ немъ считается жителей 50.000, но въ сущности этихъ тысячей никто не считалъ, а наши офицеры думаютъ, что тутъ ихъ чуть ли не цѣлыхъ сто тысячъ. По крайней мѣрѣ, размѣры города огромны и даютъ поводъ вѣрить этому счету. Только отъ почтовой станціи до выѣзда ѣдешь по верстовымъ столбамъ ровно пять верстъ городомъ, а это всего только половина. Въ окружности городъ занимаетъ не меньше 30-ти верстъ. Онъ обнесенъ кругомъ стѣною съ 12-ю воротами и съ множествомъ башенъ.

Мы проѣхали черезъ одни изъ этихъ воротъ, глубоко вдвинутыхъ между двумя старыми башнями и прикрывающихъ своимъ мшистымъ сводомъ еще и помѣщеніе для караула...

Особенно интересно проѣзжать ночью, да еще въ праздникъ, большіе среднеазіатскіе города, подобные Кокану. Впечатлѣніе получается поистинѣ фантастическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очень поэтическое. Всѣ эти безконечные крытые базары живутъ ночью самою разнообразною жизнью. Весь городъ здѣсь отъ стара до мала, мужчины и женщины, разодѣтые и праздные. Высоко подвѣшанные въ разныхъ мѣстахъ большіе фонари льютъ какой-то таинственный свѣтъ въ темные закоулки, извивающіеся въ разныя стороны, какъ тропинки дремучаго лѣса, среди безчисленныхъ лавчонокъ, мастерскихъ, кузней, харчевенъ, чайныхъ и цируленъ базара. Вездѣ на супáхъ, на рундукахъ, подъ крышами галлерей, подъ тѣнью деревьевъ, мирно бесѣдующіе за чашками чая или за кальянами кружки разноцвѣтныхъ халатовъ, яркихъ чалмъ, сѣдыхъ и черныхъ бородъ, на далеко бросающіе отъ себя темныя ползучія тѣни; тутъ и сидятъ, и лежатъ, болтаютъ, ѣдятъ, спятъ прямо на улицѣ, словно отдыхая отъ утомившаго всѣхъ дневного зноя; тутъ и молятся, и работаютъ, и торгуютъ. Всѣ чувствуютъ себя, какъ въ земномъ раю, въ этомъ лѣнивомъ фарніенте южнаго вечера, у кипящихъ самоваровъ, въ такомъ же кипящемъ очагѣ городскихъ сплетенъ и анекдотовъ, въ

мимолетныхъ развлекающихъ встрѣчахъ со всѣми знакомыми. А мимо ихъ, чуть даже не черезъ нихъ, продолжаютъ непрерывными вереницами шагать тяжело нагруженные верблюды, и ихъ строгія библейскія физіономіи вырѣзаются на мгновенье словно на стеклѣ волшебнаго фонаря въ яркомъ кружкѣ свѣта, въ который они внезапно попадаютъ изъ глухой темноты степей, съ неодобрительнымъ удивленіемъ озираютъ эти толпы разряженныхъ бездѣльничающихъ людей, и опять, будто призраки сновидѣнія, тонутъ во мракѣ ночи... А съ ними вмѣстѣ проносятся, такъ же на мгновеніе всыхивая свѣтомъ, прилегшія къ ихъ горбамъ и высоко приподнятыя въ воздухъ такія же сурово-удивленныя и неодобрительныя физіономіи кочевниковъ, везущихъ свой безхитростный товаръ въ караванъ-сараи Кокана. Выберешься наконецъ изъ этихъ лабиринтовъ восточной торговли въ узкіе безмолвные переулки, словно провалившіеся между двухъ безконечныхъ лентъ глиняныхъ дуваловъ,—и опять другіе эффекты, другая красота. То и дѣло проѣзжаешь подъ тѣнью гигантскихъ вѣковыхъ каргачей, шелковицъ, орѣшниковъ, поднимающихся изъ-за глиняной стѣнки дувала выше двухъэтажныхъ домовъ и мечетей чудными своеобразными храмами своего рода, съ цѣлымъ поколѣніемъ живописно изогнутыхъ рогатыхъ сучьевъ, вырѣзающихъ свои черные силуэты на фонѣ южнаго неба, съ широкими курчавыми шапками густой листвы, въ которыхъ мирно спитъ теперь цѣлое птичье населеніе. Стройные и высокіе, какъ минареты, тополи тоже поднимаются кое-гдѣ изъ гущи садовъ, рядомъ съ воздушными виноградными галлереями, обильно обвѣшанными еще не спѣлыми гроздьями... Вмѣстѣ съ темными очертаніями плоскокрышихъ каменныхъ ящиковъ безъ оконъ, называемыхъ здѣсь жилищами человѣка, и живописныхъ купольчиковъ и башенекъ мечетей, — всѣ эти характерные ночные силуэты рисуютъ вамъ самую выразительную картину азіатскаго востока.

Коканъ, какъ и Ташкентъ, какъ и Ходжентъ, незамѣтно

переходитъ въ цѣлый рядъ загородныхъ садовъ и пригородныхъ кишлаковъ. Сады и селенія тянутся сплошь всѣ 26 верстъ до станціи Дурманчи и почти всю 30-ти-верстную станцію до Курганъ-Тепе. Вездѣ прекрасно обработанныя поля, дороги и арыки, опрятно обсаженные молодыми тутовыми деревьями, которыхъ вѣтки срѣзаются на кормъ шелковичныхъ червей. Это исконная страна шелководства и хлопководства, а вмѣстѣ съ тѣмъ житница всей Средней Азіи. Немудрено, что она производитъ впечатлѣніе одного громаднаго и многолюднаго кишлака, кишащаго базарами.

По случаю праздника байрама, не только всѣ базары, улицы, всѣ плоскія крыши, заборы и уютные уголки у воротъ, но даже и дороги полны ярко разодѣтаго и веселаго народа; дѣтей, кажется, еще больше, чѣмъ большихъ, и они тутъ такіе красавцы, съ огромными огненными глазами въ густыхъ рѣсницахъ, съ пылающимъ румянцемъ, наивными смуглыми личиками... Дѣвочки въ тщательно завитыхъ косичкахъ, черными змѣйками сбѣгающихъ на ихъ плеча, въ хорошенькихъ цвѣтныхъ кафтанчикахъ сверхъ такихъ же яркихъ платьевъ. Эти красныя, желтыя, зеленыя и малиновыя комашки набились всюду, куда только можно пролѣзть, и подъ арбы, стоящія оглоблями внизъ около дуваловъ, и на арбы, и на дувалы, и на плоскія крыши домовъ.

Въ деревенскихъ чай-хане нынче совсѣмъ парадная публика,—отлично одѣтая, важно возсѣдающая на коврахъ, важно потягивающая по китайскому обычаю чаекъ безъ сахара изъ своихъ «піоля», напоминающихъ величиной и формой наши полоскательныя чашки. За подкопѣйки можно хоть до десятаго пота пить, — развлеченіе безобидное, доступное всякому поденщику по нѣскольку разъ въ сутки. Сверкаютъ кое-гдѣ и блестящіе вычищенные мѣдные кофейники, но охотниковъ до кофе что-то мало видно; монгольская привычка къ чаю заполнила тутъ всю страну. Кокандцы празднуютъ свою «томашу», повидимому, такъ же, какъ и нашъ деревенскій русскій людъ—свои

храмовые праздники. Цѣлыми кишлаками идутъ и ѣдутъ они изъ села въ село, разряженные во весь свой парадъ, навалившись по 8 и 10 человѣкъ на одну арбу, насѣвъ по-двое и по-трое на одну лошадь. Сначала всѣ въ одно село, потомъ въ другое, и такъ во всѣ сосѣдніе кишлаки, по-очереди, чтобы ни одному не было обидно. Дѣти и женщины принимаютъ самое дѣятельное участіе въ этихъ «томашахъ», единственной отрадѣ однообразной деревенской жизни. На многихъ арбахъ пѣсни, бубны, дудки и барабаны. Нескончаемые караваны этого веселаго народа двигаются туда и сюда, такъ что разминоваться трудно. Богатые туземцы празднуютъ байрамъ, какъ наши зажиточные однодворцы свой «престольный», цѣлую недѣлю; бѣднота довольствуется и тремя днями. Но веселіе кокандцевъ не переходитъ въ безобразное пьянство и обжиранье, какъ это, къ несчастью, сплошь да рядомъ бываетъ у православнаго россійскаго человѣка; весь этотъ веселый шумъ ихъ, вся эта ихъ громогласная суетня кончаются скромнымъ чаепитіемъ въ пріятной компаніи подъ прохладною тѣнью карагача; да такою же скромною грошовою трапезою въ ашъ-хане.

Наша несущаяся почтовая тройка съ двумя залихватскими валдайскими колокольчиками, съ ихъ отчаяннымъ «малиновымъ» звономъ, а особенно сидѣвшая въ открытомъ тарантасѣ русская барыня въ незнакомомъ для нихъ костюмѣ, да еще подъ зонтикомъ, производитъ поражающее впечатлѣніе на женскую публику кишлаковъ. Цѣлыя толпы траурныхъ фигуръ, закутанныхъ въ черное съ головы до ногъ, высыпали на улицу глазѣть на насъ. Своими черными бородатыми покрывалами, висящими на ихъ лицахъ, онѣ такъ напоминаютъ издали тѣхъ пугалъ-монаховъ въ черныхъ длинныхъ маскахъ, которые во времена инквизиціи жгли на кострахъ несчастныхъ еретиковъ. Но эти отщельническія одѣянія — тоже лукавая маска своего рода. Многія изъ этихъ внучекъ Евы словно ненарокомъ то и дѣло распахиваютъ свои мрачные саваны, и тогда намъ отлично видны ихъ длинные бешметы по пятки, золотисто-желтые, крас-

ные, зеленые, съ яркими крупными букетами въ родѣ парчи, ихъ широкія разноцвѣтныя шальвары, складками падающія на ступни, словомъ, весь ихъ роскошный и кокетливый нарядъ, лицемѣрно прикрываемый отъ глазъ непосвященнаго черной монашеской мантіею. Нѣкоторыя, болѣе смѣлыя и, конечно, болѣе молодыя, ухитряются будто невзначай даже приподнять свою черную фату и дать полюбоваться на себя хотя мелькомъ любопытному глазу. Хорошенькія попадаются, однако, рѣдко, бо́льшая же часть все сильно сложенныя, ширококостыя бабы самой прозаической конструкціи. Зато подросточки ихъ—красавица на красавицѣ: румяныя, въ черныхъ змѣйкахъ косъ, сверкающія чернымъ огнемъ глазъ и зубами, бѣлыми, какъ жемчугъ. Изъ нихъ, вѣроятно, вырастаютъ очень красивыя дѣвушки, но онѣ тускнѣютъ, грубѣютъ, жирѣютъ и старятся не по годамъ, а по днямъ. Кокандцы не считаютъ грѣхомъ работать и въ праздникъ, хотя бы только до обѣда. Несмотря на торжественныя процессіи съ пѣснями и музыкой, двигавшіяся по дорогѣ, тутъ же рядомъ на участкѣ, обсаженномъ молодою шелко́вицей, не одинъ трудолюбецъ-пахарь пахалъ, боронилъ или унавоживалъ свое поле подъ клеверъ, тщательно разбрасывая желѣзною вилкою до́-черна перепрѣвшій навозъ. Бо́роны тутъ такія же первобытныя, какъ и плуги: доска, выпуклая кверху и утыканная снизу гвоздями, везется парою воловъ, мѣжду тѣмъ какъ босоногій работникъ стоитъ на ней для увеличенія тяжести.

Въ жаркій весенній день отъ души оцѣнишь спасительность узенькихъ туземныхъ переулковъ, ныряющихъ между садами и дувалами. Деревья тутъ громадны и ростомъ, и обхватомъ, какія-то величественныя сооруженія, прикрывающія одною могучею вѣткою цѣлый маленькій сартскій дворъ. Тутъ и орѣхъ, и шелковица, и карагачъ, и наша ракита, но только они вдвое выше и роскошнѣе нашихъ. Виноградъ тоже видимъ часто. Тутъ особый способъ разводить его: цѣлые корридоры изъ слегъ, которые обращены кудрявыми лозами хмельного плода въ зе-

леныя галлереи, затканныя и сверху, и съ боковъ колеблющимися шпалерами гроздьевъ и листьевъ. Въ загородномъ дворѣ бухарскаго эмира, помню, мы видѣли точно такія же виноградныя бесѣдки. Впрочемъ, много виноградныхъ лозъ растетъ и покавказски, обвивая до самой макушки большія одинокія деревья. Вообще здѣсь виноградъ держится около дома между другими растеніями и не обособляется въ отдѣльные сплошные виноградники, какъ въ Европѣ. Сила растительности на этой богатой почвѣ изумительна. Пшеница какая-то темно-синяя, широколистая, съ сытымъ колосомъ уже въ апрѣлѣ. Со многихъ полей снимаютъ два урожая въ одно лѣто: послѣ пшеницы просо или особый сортъ горошка. Теперь, впрочемъ, всѣ стали увлекаться хлопкомъ, благо вездѣ настроили заводовъ для очищенія его. Народа тутъ такое же обиліе. Жалуются уже на тѣсноту, на бѣдность воды.

Сплошная область кишлаковъ прекращается верстъ за пять до Курганъ-Тепе. Снѣговой хребетъ открывается здѣсь во всемъ своемъ неожиданномъ величіи, и мы поворачиваемъ направо, прямо къ нему. Подумаешь, бѣлые шатры сказочныхъ великановъ, внезапно раскинутые кругомъ горизонта, станъ титановъ, оцѣпившій небо и собирающійся на битву съ нимъ,—островерхіе, многоверхіе, плосковерхіе, какъ сахаръ бѣлые, какъ облака далекіе. Ближе ихъ, чернымъ горбатымъ чудовищемъ лежитъ короткій каменистый кряжъ съ посыпаннымъ снѣгомъ хребтомъ, хотя и въ дымчато-лиловомъ туманѣ, но настолько близкій, что можно разглядѣть всю могучую каменную мускулатуру его утесовъ, всѣ морщины его пропастей и рытвинъ, которыя дѣлаютъ его издали лохматымъ.

Курганъ-Тепе—среди большихъ холмовъ сыпучаго песка. За нимъ кишлаки идутъ уже не подъ рядъ, а рѣдко-разбросанными оазисами, черезъ 7, 8, 10 верстъ. Кругомъ же песчано-глинистая степь. И однако вездѣ, гдѣ возможно провести арыкъ, то же изумительное плодородіе. На 20 сплошныхъ верстъ почтовая дорога обсажена цвѣтущею бѣлою акаціею и айлантомъ. Это уже

распоряженіе русской власти. Подъ деревьями, конечно, канавки воды, и оттого въ три года они уже семиаршиннаго роста. Эти аллеи стройныхъ молодыхъ деревьевъ, прорѣзающія своею безконечною стрѣлою безплодные пески и разубранныя бѣлыми цвѣтами, какъ невѣсты подъ вѣнцомъ,—кажутся самымъ выразительнымъ олицетвореніемъ побѣды человѣческаго ума, человѣческой культуры надъ дичью азіатской пустыни. И, напротивъ того, гдѣ продолжаетъ царить въ прежней несокрушимой мощи безплодная степь, тамъ сейчасъ же являются стада верблюдовъ и кибитки кочевниковъ, — эти естественныя произрастенія пустыни, высыпающія на ея поверхности, какъ гнѣзда грибовъ на гніющей почвѣ.

Городъ Маргеланъ тоже среди голой степи. Издали — это огромный зеленый лѣсъ, пріосѣненный далекими бѣлыми пирамидами снѣговыхъ горъ. Тополямъ тутъ числа нѣтъ. Тутъ цѣлые полки, цѣлыя арміи гигантскихъ тополей, и одинъ стройнѣе, одинъ выше другого. Наша среднеазіатская военная администрація вездѣ съ особеннымъ стараніемъ насаждала пирамидальный тополь. Асхабадъ, Самаркандъ, Ташкентъ, Коканъ, Маргеланъ — это прежде всего безконечныя густыя аллеи громадныхъ тополей. Это дерево юга дѣйствительно очень удобно. Оно не затѣняетъ такъ жилищъ и не отнимаетъ столько мѣста, какъ развѣсистыя деревья; оно опрятно и красиво, какъ никакое другое; оно растетъ такъ скоро и такъ неприхотливо, какъ никакое другое, и потомъ оно сразу дѣлаетъ пейзажъ мѣстности южнымъ пейзажемъ. Но мнѣ кажется, что привычное къ равненью строя, къ постройкѣ въ колонны и шеренги, военное сердце чувствуетъ, кромѣ того, невольное пристрастіе къ этому, такъ сказать, дисциплированному, сжатому и подобранному дереву, такъ легко поддающемуся солдатскому ранжиру, чуть не готовому маршировать вдоль прямыхъ длинныхъ улицъ своими неподвижно вытянутыми, будто армія на смотру, зелеными рядами. Насажденіями этими Маргеланъ и другіе города Ферганской области обязаны бывшему талантливому губернатору

области, генералу Абрамову, который, вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ Кауфманомъ, былъ одушевленъ особенною ревностью къ древонасажденіямъ всякаго рода. Теперешній губернаторъ, Корольковъ, тоже славится, какъ любитель и знатокъ древонасажденія и, какъ я слышалъ, даже былъ вызванъ въ Закаспійскую область, въ Государево имѣніе Байрамъ-Али, для совѣщаній относительно хорошо знакомаго ему вопроса разведенія садовъ и лѣсовъ; свою подготовленность къ этому дѣлу онъ доказалъ, еще бывши помощникомъ губернатора въ Самаркандѣ, гдѣ имъ такъ удачно сдѣланы почти всѣ многочисленныя насажденія его.

Но кромѣ безконечныхъ рядовъ тополей, въ Маргеланѣ и безконечные ряды казармъ, лагерей, батарей. Тутъ стоятъ двѣ артиллерійскія батареи, изъ которыхъ одна горная, конная, особенно потребная въ подобныхъ мѣстностяхъ, три линейныхъ баталіона по 4 роты каждый, одинъ казачій полкъ, — цѣлый внушительный отрядъ, способный держать въ почтеніи и страхѣ не совсѣмъ смирившійся духъ разныхъ дико каменныхъ киргизовъ, кипчаковъ и другихъ воинственныхъ племенъ Кокана, такъ недавно еще боровшихся съ нами съ оружіемъ въ рукахъ. Немудрено, что теперь все здѣсь тихо и спокойно. А выведите завтра войско, и все перевернется кверху ногами. Впрочемъ, здѣшніе сарты и въ мирномъ положеніи доѣзжаютъ насъ. Осмотрѣвшись повнимательнѣе послѣ перваго страха, нагнаннаго на нихъ скобелевскимъ разгромомъ, они убѣдились, что русская власть не на словахъ только, а на дѣлѣ примѣняетъ ко всѣмъ русскимъ подданнымъ одну мѣрку закона, что русскій судъ одинаково доступенъ, одинаково безпристрастенъ къ сарту и киргизу, какъ и къ русскому. И вотъ охрабрились до наглости, постигли живо всякую судебную кляузу, всякіе ловкіе гешефты съ векселями, контрактами, залогами, стали брать подряды и поставки на войско, научились понимать и говорить по-русски все, что́ имъ нужно говорить и понимать, и, какъ жиды въ Бѣлоруссіи, сцѣпившись другъ съ другомъ въ неразрывный ка-

галъ, завладѣли мало-по-малу всею торговлею и промышленностью края, отбили у русскихъ рѣшительно всѣ выгодныя дѣла. Въ русскомъ Маргеланѣ — бо́льшая часть домовъ ихъ, магазины, склады—ихъ.

Все это, съ искреннимъ прискорбіемъ развивалъ намъ одинъ изъ мѣстныхъ артиллерійскихъ начальниковъ, И. Р. В—ій, къ которому мы имѣли письмо отъ своего ташкентскаго родственника, товарища его по службѣ, и у котораго намъ съ женою пришлось обѣдать на другой день нашего пріѣзда въ Маргеланъ, въ компаніи нѣсколькихъ почтенныхъ его сослуживцевъ. Гостепріимный землякъ нашъ явился къ намъ въ тотъ же вечеръ, какъ мы пріѣхали, и, хотя жилъ на холостую ногу, настаивалъ, чтобы мы съ женою переѣхали въ его квартиру изъ мало удобныхъ номеровъ почтовой станціи. Но перевозиться такъ надоѣло, что жена не рѣшилась на новую перекочевку, и мы остались ночевать на станціи, условившись съ И. Р. В—мъ отобѣдать у него завтра. На другой день, въ 7 часовъ утра, коляска В—скаго и его конный джигитъ были уже у нашего подъѣзда. Намъ хотѣлось до обѣда осмотрѣть подробно Маргеланъ. Русскій Маргеланъ называется Новымъ Маргеланомъ, въ отличіе отъ Стараго, Кокандскаго Маргелана, до котораго отсюда цѣлыхъ 12, если не 15 верстъ. Если всѣ туземные города Средней Азіи похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, то и русскіе среднеазіатскіе города, въ свою очередь, до неразличимости напоминаютъ одинъ другой.

Новый Маргеланъ отличается отъ Ташкента и Самарканда развѣ еще бо́льшимъ обиліемъ и бо́льшею густотою зелени. Положительно это одинъ тополевый садъ. Необозримыя перспективы деревьевъ-колоссовъ открываются во всѣ стороны, перекрещиваясь другъ съ другомъ. Эти сплошныя зеленыя стѣны безконечной длины, огромной высоты,—оригинальны и красивы чрезвычайно. Веселое несмолкающее журчаніе арыковъ, струящихся у ихъ корней, еще больше переноситъ воображеніе въ сферу садовъ и деревенской природы. Тополевыя аллеи дѣлаютъ

городъ очень обширнымъ; въ Маргеланѣ десятки такихъ широкихъ тѣнистыхъ улицъ, отлично вымощенныхъ, ежедневно поливаемыхъ водою арыковъ и освѣщенныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ фонарями, какъ всякій цивилизованный городъ.

Губернаторская улица — главная артерія города. Тамъ всѣ мѣстныя учрежденія; тамъ между прочимъ и превосходный двухъэтажный домъ военнаго собранія съ роскошными балконами и террасами въ восточномъ вкусѣ, окруженный цвѣтниками и садомъ. Внутри—множество комнатъ, отдѣланныхъ съ большимъ вкусомъ, огромная танцовальная зала, съ изящнымъ паркетомъ, возвышенная платформа для концертовъ и спектаклей, гостиныя и уборныя, полныя модной мебели, читальни со всевозможными газетами и журналами. Трудно повѣрить, что находишься въ недавнемъ царствѣ Худояръ-хана, въ странѣ кипчаковъ и киргизовъ.

Новый домъ губернатора области строится на той же улицѣ и уже совсѣмъ почти готовъ. Теперешняя же резиденція губернатора и своимъ скромнымъ видомъ, и своимъ положеніемъ скорѣе похожа на дачу. Въ нее въѣзжаютъ черезъ аллеи Губернаторской улицы. На другомъ концѣ этой улицы городской садъ, очень тѣнистый и уютный. Нѣсколько широкихъ утрамбованныхъ аллей, обсаженныхъ высокими деревьями, идутъ вдоль улицы, другія лучами сходятся въ центральной площадкѣ. Тамъ маленькая деревянная церковь, временно замѣняющая собою строющійся неподалеку новый соборъ.

Въ Маргеланѣ есть два училища, одно женское, другое городское четырехклассное съ шестилѣтнимъ курсомъ. Оба имѣютъ свои помѣстительные и удобные дома.

Есть и азіатскій базаръ, въ которомъ нѣтъ ровно ничего интереснаго и въ которомъ вся торговля, за исключеніемъ какихънибудь 2-хъ, 3-хъ русскихъ лавченокъ въ рукахъ мѣстныхъ сартовъ. Есть порядочные магазины и въ городѣ, Захо, Филатова и др,, но вообще торговля здѣсь тихая, хотя Маргеланъ— оффиціальная столица Ферганской области, резиденція ея губер-

натора и высшихъ военныхъ властей края. Чтобы убить въ глазахъ туземцевъ прежнее господствующее значеніе Кокана и лишить его опаснаго историческаго престижа, главенство покореннаго ханства перенесено было на новосозданный Маргеланъ, подобно тому, какъ и при завоеваніи Крыма Екатериною старый Бахчисарай, резиденція Гиреевъ,—былъ разжалованъ въ заштатный городъ и долженъ былъ отдать свое былое первенство ничтожной Акъ-Мечети, пожалованной въ губернскій городъ и переименованной Симферополемъ. По той же причинѣ уничтожено было самое имя кокандскаго ханства, которому было придано древнее арабское названіе его Ферганы, Ферганской области.

Нельзя сказать, чтобы выборъ новой столицы области былъ сдѣланъ особенно удачно. Климатъ Новаго Маргелана считается однимъ изъ самыхъ вредныхъ въ Туркестанѣ. Лихорадки жестоко мучаютъ здѣсь русскихъ, особенно новоприбывшихъ. Приписываютъ его слишкомъ большой близости подпочвенной влаги, что̀ объясняетъ съ другой стороны роскошный и необыкновенно быстрый ростъ здѣшнихъ деревьевъ. Сарты тоже болѣютъ и мрутъ въ Маргеланѣ, но какъ растенія, уже акклиматизированныя, страдаютъ отъ жары и сырости значительно меньше, чѣмъ русскіе, оттого они могутъ и работать здѣсь, въ привычныхъ имъ условіяхъ, лучше русскаго, хотя вообще и силою, и смѣткою своею русскій рабочій гораздо выше туземнаго.

Поѣздку въ Старый Маргеланъ мы предприняли уже на извозчикѣ; какъ вездѣ на южныхъ окраинахъ нашихъ, извозчики здѣсь съ хорошими, удобными экипажами и на бойкихъ лошадяхъ. Г-нъ В—ій прислалъ намъ, кромѣ того, надежнаго сарта, знающаго по-русски и опытнаго во всякихъ торговыхъ дѣлахъ, на случай, если бы намъ захотѣлось дѣлать покупки въ сартскомъ базарѣ. Мы закупили кое-чего на дорогу въ предвидѣніи долгихъ странствованій по закоулкамъ туземнаго города, и веселою рысью двинулись по прекрасному шоссе, окруженному садами. Тутъ уже много подгородныхъ имѣній, пріобрѣтаемыхъ

и русскими. Хотя дачныхъ обиталищъ построено еще не особенно густо, но можно предсказать, что все пространство между Новымъ и Старымъ Маргеланомъ очень скоро обратится въ одну громадную подгородную слободу. Уже здѣсь открываются помаленьку заводы и фабрики; Фирсовъ устроилъ здѣсь пивоварню, чуть ли не единственную пока въ Ферганской области.

Яръ-Базаръ—первый кишлакъ, встрѣтившійся намъ на пути. Прежде это была крѣпость, оберегавшая со стороны горъ Старый Маргеланъ; въ ней жилъ родной братъ кокандскаго хана, управляющій Маргеланомъ, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ политической и торговой жизни ханства. Крѣпость отчасти уцѣлѣла и до сихъ поръ, но большія постройки, когда-то наполнявшія ее, уже разрушены; теперь въ ней высится, среди старыхъ садовъ, только мечеть съ окружающими ее хазретами и мазарами, да неизбѣжный базаръ.

Немного дальше Яръ-Базара другія развалины и тоже крѣпости. Здѣсь былъ сначала основанъ Скобелевымъ Новый Маргеланъ. Но мѣсто оказалось слишкомъ неудобнымъ, и генералъ Абрамовъ перевелъ городъ нѣсколько выше къ горамъ, на теперешнее его мѣсто. Отъ самыхъ садовъ Новаго Маргелана насъ все премя провожалъ, громко журча и пѣнясь, глубокій арыкъ. По его слѣдамъ, нигдѣ его не покидая, шоссе сбѣгаетъ внизъ къ Старому туземному Маргелану. Это такой же типическій сартскій городъ, какъ Коканъ и другіе большіе города Туркестана, поэтому описывать его узкіе переулочки, его безконечные дувалы, слѣпые кубики его глиняныхъ домовъ было бы повтореніемъ много разъ уже сказаннаго. Арыки тутъ особенно обильны водою, звонко журчатъ и падаютъ каскадами съ уступа на уступъ; сады особенно густы и роскошны, деревья нерѣдко чудовищной высоты. Множество «мазара», посвященныхъ разнымъ чтимымъ «хазаретамъ», то и дѣло попадаются на дорогѣ, въ тѣни этихъ деревьевъ-гигантовъ, надъ говорливыми струями этихъ арыковъ. И всѣ мазара отдѣланы съ замѣчательнымъ вкусомъ и большою тщательностью: колонки и потолки галлереекъ затѣйливо рас-

писаны яркими и пестрыми восточными красками. Вездѣ бараньи и козлиные рога вѣнчаютъ портики, вездѣ передъ входомъ конскіе хвосты съ мѣдными шарами и разноцвѣтныя тряпки на высокихъ шестахъ,—наивная дань уваженія народнаго своимъ прославленнымъ чѣмъ-нибудь покойникамъ. Мечети разубраны въ такомъ же вкусѣ. Переметы широкихъ галлерей, ихъ столбы съ оригинальными рѣзными капителями, ихъ потолки и стѣны—все это расписано зелеными и желтыми букетами по красному, краснымъ и желтымъ по зеленому, въ такомъ ярко грубомъ и наивно-красивомъ колерѣ, въ которомъ расписываются московскіе сундуки. Собственно говоря, эти глубокія помѣстительныя галлереи—и суть мечети. Онѣ охватываютъ собою съ трехъ сторонъ маленькое закрытое помѣщеніе, въ которомъ молятся только зимою, а весь народъ почти исключительно толпится подъ наружнымъ навѣсомъ. Внутренняго убранства въ кокандскихъ мечетяхъ также мало, какъ и въ бухарскихъ, и въ ташкентскихъ. Въ Киблѣ—ровно ничего, каѳедры нѣтъ, а вмѣсто нея оштукатуренныя кирпичныя ступеньки въ видѣ лѣсенки.

Мы заглянули и въ бани Маргелана, по-здѣшнему «хаммамъ». Они тутъ же на базарѣ, откуда спускаются въ нихъ; опрятная и просторная зала, до половины скрытая въ землѣ, уставлена мягкими тахтами, устлана коврами и войлоками; вокругъ всѣхъ ея стѣнъ устроено что-то въ родѣ длинныхъ палатей, или хоръ, на которыхъ кейфуютъ, улегшись на матрацахъ и подушкахъ, полуголые сарты, только-что вкусившіе сладость горячей бани. Внизу тоже возлежитъ, сидитъ и неспѣшно распиваетъ чай распотѣвшая до́-красна публика. На полкахъ сверкающіе ряды большихъ оловянныхъ чашекъ, на высоко подтянутыхъ веревкахъ безцеремонно сушатся всякія цвѣтныя принадлежности сартскаго туалета, вымытыя ради дешевизны тутъ же въ банѣ собственными руками владѣльцевъ, такъ сказать, даровымъ матеріаломъ и даровымъ трудомъ. Большіе часы украшаютъ стѣны, по полу наставлены сундуки съ бѣльемъ. Вообще чисто и уютно, гораздо чище, уютнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ нашихъ «общихъ

русскихъ баняхъ для простого народа», бо́льшею частью поражающихъ своимъ свинствомъ.

Интересные базары Маргелана на этотъ разъ оказались не особенно интересными. По случаю байрама почти всѣ лавки были заперты, и только ашъ-хане да чай-хане залиты были толпами разодѣтаго празднаго народа. Но живописную и характерную толпу эту нужно описывать не перомъ, а кистью или карандашомъ художника.

Должно быть, русскіе не особенно часто посѣщаютъ Старый Маргеланъ, потому что появленіе наше съ женою возбудило среди многочисленной публики базаровъ немалое любопытство. Не скажу также, чтобы это любопытство выражалось особенно дружелюбно относительно насъ. Взрослые, конечно, сдерживали себя и о дѣйствительномъ расположеніи ихъ къ нашему брату русскому, не пугавшему ихъ видомъ сабли и пистолета или нагайкою джигита, можно было судить только по ихъ злобно-враждебнымъ взглядамъ. Но туземныя дѣтишки, болѣе искреннія въ своихъ порывахъ и менѣе благоразумныя, чѣмъ ихъ отцы, — нисколько не стѣснялись кричать намъ въ глаза хотя и непонятныя намъ, но, повидимому, очень выразительныя вещи, грозить своими смуглыми кулаченками, и даже, гдѣ было можно, пускать намъ вслѣдъ маленькіе камешки...

Когда мы, мирно и ласково настроенные, должны были волей-неволей быть свидѣтелями этой грубой незаслуженной вражды со стороны людей, никогда насъ не видавшихъ и ничего о насъ не знающихъ,—мнѣ пришло въ голову, что человѣкъ самъ по себѣ хорошая тварь, но есть вещи, которыя дѣлаютъ изъ него злого звѣря. Вотъ и эти маргеланцы, — трудолюбивые садовники, искусные оросители, мирные торговцы, — добрые сосѣди другъ другу, любящіе своихъ женъ и дѣтей, усердно постящіеся въ уразу, ежечасно молящіеся въ мечетяхъ, подающіе помощь бѣдному и сирому. А вотъ стоило имъ только увидать насъ,—и они ощетинились, какъ волки, и все доброе глубоко спряталось въ нихъ, и оскалились на насъ злобою одни

ихъ звѣриные зубы... Таковъ печальный плодъ войны, фанатизма и невѣжества.

Байрамъ помѣшалъ намъ ознакомиться съ интересовавшими насъ мѣстными фабриками шелковыхъ издѣлій и мѣдной посуды. Работъ нигдѣ не было, и наши поѣздки туда оказались напрасными.

За обѣдомъ у гостепріимнаго В—скаго мы много разспрашивали своихъ бывалыхъ собесѣдниковъ о мѣстномъ краѣ и мѣстныхъ людяхъ, и узнали отъ нихъ не мало любопытнаго. Узнали, между прочимъ, что въ горахъ Ферганской области кромѣ множества ядовитыхъ змѣй водится туземный змѣй-удавъ, боа-констрикторъ своего рода, котораго покойный натуралистъ—герой Сѣверцевъ, бывшій, какъ извѣстно, не отъ міра сего, въ своей философской разсѣянности разъ схватилъ спящаго голыми руками. Узнали мы также, что нѣкоторыя мѣстности, лежащія въ горныхъ долинахъ Ферганы, иногда подвергаются ужаснымъ опустошеніямъ отъ такъ называемаго «силя», то-есть внезапнаго прорыва сквозь ледники скопившейся въ нихъ воды. Какъ и въ Ташкентѣ, всѣ здѣсь жаловались на слишкомъ несвоевременное введеніе новыхъ судовъ съ неподходящими къ Азіи пріемами слѣдствій и судебныхъ процессовъ и приписывали вредному вліянію этой реформы все усиливающуюся распущенность туземнаго населенія. Порядокъ и послушаніе поддерживаются, по словамъ нашихъ собесѣдниковъ, только тамъ, гдѣ еще держится прежняя военная строгость, гдѣ еще не расшатанъ разными кляузами авторитетъ власти; а тамъ, гдѣ начальство слабо или гдѣ русской силы слишкомъ мало (какъ напр., въ Коканѣ) — туземцы дѣлаются до-нельзя дерзки и даже нерѣдко бьютъ нашихъ солдатъ.

Выѣхали мы изъ Маргелана только въ 6 часовъ вечера. Крайнимъ оплотомъ его съ западной стороны служитъ цитадель своего рода, обнесенная стѣнами и башнями,—Новомаргеланскій

тюремный замокъ, въ обширныхъ дворахъ и корпусахъ котораго можно, кажется, безъ труда помѣстить всѣхъ сартовъ и киргизовъ Ферганской области. Это хотя и печальная, но весьма существенная узда для разбойничьихъ нравовъ до сихъ поръ враждебнаго намъ кокандскаго народа, а на случай весьма возможной опасности надежный «редюитъ» для защитниковъ новаго русскаго города.

УЧЕНИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ПЕРВОЙ МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

IV.

Настоящее и прошлое Кокандскаго ханства.

Цѣлый день моросилъ тихій дождикъ, и туманный воздухъ, пропитанный водяными парами, какъ глухимъ занавѣсомъ закрылъ отъ насъ всѣ перспективы далекихъ горъ. Пейзажъ сдѣлался сѣрымъ и будничнымъ, такъ что полудремлющему глазу казалось, будто мы ѣдемъ унылыми осенними полями русской черноземной равнины, пробираясь изъ какого-нибудь села Покровскаго въ село Теребужъ. Мелькнули впереди двѣ фигуры всадниковъ, и мнѣ искренно померещилось, что я вижу бѣлую фуражку деревенскаго кавалера, провожающаго верхомъ черную амазонку изъ сосѣдней помѣщичьей усадьбы. Вблизи однако оказалась бѣлая азіатская чалма рядомъ съ чернымъ азіатскимъ халатомъ. Было совсѣмъ темно, когда мы добрались до станціи Куа, въ $26^1/_2$ верстахъ отъ Маргелана. Смотритель тутъ одинокій, безъ всякаго хозяйства. Но самоварчикъ, конечно, нашелся, и мы усѣлись около него, совсѣмъ какъ пріѣзжіе въ русскомъ постояломъ дворѣ въ добрую русскую зиму, болтая о своихъ впечатлѣніяхъ и пощелкивая жареныя съ солью фисташки, которыя здѣсь очень удобно замѣняютъ наши сѣмячки и развлекаютъ путешественника въ праздные часы его длинныхъ и однообразныхъ переѣздовъ. Впрочемъ, насъ развлекали на этой станціи и оригинальные жители ея. По обычаю, укоренившемуся въ Средней Азіи, вѣроятно съ давнихъ вѣковъ, ласточки сво-

бодно вьютъ гнѣзда въ комнатахъ азіатскаго дома, постоянно сообщающагося съ вольнымъ воздухомъ черезъ его вѣчно открытыя окна и двери. Я видѣлъ ласточкины гнѣзда даже въ нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденіяхъ Ташкента; а ужъ степныя почтовыя станціи, гдѣ публика то и дѣло входитъ и выходитъ, вноситъ и выноситъ свои вещи, — обратились естественнымъ образомъ въ привилегированныя резиденціи этихъ проворныхъ птичекъ. Въ комнатѣ, гдѣ мы распивали чай, всѣ 4 угла надъ карнизами были застроены жилищами этихъ безцеремонныхъ птицъ. Черные самки и самцы поочередно сидѣли на своихъ гнѣздахъ, спустившись въ нихъ пушистою грудью и далеко выставляя изъ нихъ свои длинные развильчатые хвостики, а изъ сѣрыхъ кошельковъ, слѣпленныхъ изъ грязи, выглядывали набитые туда, какъ грузди въ плетушку, маленькіе желторотые птенчики. Только одинъ осиротѣвшій самецъ, можетъ быть, случайно залетѣвшій въ эту кампанію своихъ зажиточныхъ собратьевъ, торчалъ безпріютно посрединѣ комнатнаго карниза, и вотъ на этого-то пернатаго пролетарія то и дѣло накидывались, гнѣвно срываясь съ своихъ гнѣздъ и поочередно теребя его своими клювами, домовитые хозяева и почтенные отцы семействъ, возмущенные опасною близостью къ ихъ мирному очагу невѣдомаго бездомнаго бродяги. И бродяга этотъ, должно быть, самъ чувствовалъ свою вину передъ почтенными осѣдлыми обывателями почтовой станціи, потому что метался отъ нихъ въ ужасѣ, не зная, гдѣ приткнуться, колотясь по очереди о всѣ рамы оконъ и о всѣ углы карнизовъ, и не помышляя о защитѣ.

Мы давно уже лежали на своихъ постеляхъ, затушивъ огонь, а шумная травля четырьмя одного все еще продолжалась надъ нашими головами. Зато скорпіоны и фаланги, которыми, по всеобщимъ разсказамъ, кишатъ станціи въ этой мѣстности, совсѣмъ не тревожили насъ. Нельзя сказать этого самаго о другихъ хозяевахъ края—о сартахъ здѣшняго кишлака. Вѣроятно по случаю байрама, кутежъ ихъ затянулся далеко за полночь,

и противные гортанные звуки ихъ полудикихъ пѣсенъ долетали до насъ даже сквозь плотно запертыя окна и двери. Напиваются они обыкновенно своею самодѣльною бузою, приготовляемой изъ джугары, которая, впрочемъ запрещается нашимъ акцизнымъ вѣдомствомъ. Пьютъ сарты, конечно, достаточно много и вина, но вино все-таки дороже и опаснѣе, поэтому и не такъ часто появляется на туземныхъ вечеринкахъ.

Въ 4 часа утра мы уже тронулись въ путь. Дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Всѣ поры кожи съежились. Мѣстность тоже по плечу погодѣ, пустынная и однообразная; кишлаки и сады ушли влѣво, къ берегамъ Сыръ-Дарьи, гдѣ они зеленѣютъ вдали широкою и длинною полосою. Только согрѣвшись чайкомъ на станціи Ассаке, послѣ 25 верстъ дороги, мы опять пришли въ обычное свѣтлое настроеніе духа. Маргеланскій уѣздъ здѣсь кончается, и отъ рѣки Большого Шароханя начинается Андижанскій уѣздъ, самый плодородный во всей Ферганской области. Пейзажъ опять становится оживленнымъ, и дорога идетъ многолюдными кишлаками среди садовъ, жилищъ и полей, усѣянныхъ дынями. Справа появились, на радость глазамъ, и горы. Только уже не далекія и не сплошныя, а отдѣльными утесистыми хребтами и островами, изъ-за которыхъ выглядываютъ бѣлые черепа снѣговыхъ великановъ Алая. Лёсовая почва изъ желтой и бѣлой сдѣлалась темною, какъ кофе, и еще болѣе плодородною. Весело ѣхать не очень жаркимъ синимъ днемъ среди этихъ старыхъ уютныхъ садовъ, переполненныхъ орѣхами, винными ягодами, урюкомъ, тутомъ, лаховникомъ, среди домовитыхъ, давно насиженныхъ хозяйствъ, по зеленымъ берегамъ глубокихъ древнихъ арыковъ, бѣгущихъ, журчащихъ и прыгающихъ съ уступа на уступъ, какъ настоящіе горные ручьи.

Внизу, въ тѣни громадныхъ густыхъ деревьевъ, прячется въ обрывахъ берега какая-нибудь мельница-колотовка съ своимъ малосильнымъ, брызгающимъ колесомъ, у котораго сидитъ весь бѣлый отъ муки старый сартъ-мельникъ въ красной тюбетейкѣ на голомъ затылкѣ. Вездѣ въ кишлакахъ прохладные узкіе пере-

улочки, таинственные проходцы и дверочки, высокія стѣны, осѣненныя нависшими вѣтвями деревьевъ, съ окошечками и балкончиками плоскокрышихъ глиняныхъ домовъ, наивно расписанныя галлереи-мечети безъ минаретовъ, пріютившіяся надъ какимъ-нибудь мутнымъ прудкомъ, вездѣ живописная толкотня крытыхъ базарчиковъ на курьихъ ножкахъ, съ ихъ глиняными «супàми», мѣдными самоварами и кумганами, съ ихъ вѣчно одинаковой публикой разноцвѣтныхъ тюрбановъ и яркихъ халатовъ, распивающей день и ночь свой неизмѣнный «кокъ-чай» и взирающей съ суровымъ изумленіемъ на проѣзжающую мимо нихъ русскую барыню.

Поля тутъ—чистые огороды; послѣ деревяннаго клина, именуемаго здѣсь плугомъ, вся земля размѣшивается, словно каша ложкою, желѣзною круглою лопатою, не шутя очень похожею на ложку. Эта тяжелая работа рукъ происходитъ съ зари до зари на страшномъ припекѣ солнца почти совсѣмъ голыми рабочими, у которыхъ, какъ у африканскихъ негровъ, только коротенькіе бѣлые штаны наполовину прикрываютъ ляжки. Немудрено, что земледѣльцы эти кажутся намъ издали гнѣдыми, какъ лошади. Бабы нигдѣ здѣсь не работаютъ въ полѣ, и это, пожалуй, одна изъ выгодъ ихъ затворничества. Несмотря на весеннее время, дыни уже вездѣ сильно раскустились, и, конечно, не долго еще ждать ихъ спѣлости. Это обычная здѣсь пища народа, къ которой желудки его отлично приспособились, и потому онъ истребляетъ безчисленное количество дынь не только лѣтомъ, но и зимою, такъ какъ здѣшія дыни могутъ сохраняться до весны. Впрочемъ, и на желудки проѣзжихъ туземная душистая дыня не дѣйствуетъ вредно и нисколько не напоминаетъ въ этомъ отношеніи пресловутыхъ дынь-болтушекъ нашей малороссійской бахчи.

Здѣшніе сарты пріятно поражаютъ своимъ трудолюбіемъ. Тутъ никого почти не видишь праздно сидящаго за трубкою, между тѣмъ какъ плоскія крыши домовъ въ турецкихъ и арабскихъ деревняхъ постоянно полны бородатыми лѣнтяями съ

наргиле въ зубахъ, проводящими чуть не цѣлые дни въ неподвижномъ кейфѣ...

Удодъ — обычная домашняя птица сартскихъ деревень. Онъ толчется во всѣхъ дворахъ, во всѣхъ садахъ, у каждаго арыка, то и дѣло вздергивая и опуская свою пестренькую головку, заостренную кпереди длиннымъ клювомъ, а кзади длинною косичкою. Мы съ женою не разъ любовались изумительною бытротою и точностью, съ какою удодъ клевалъ вокругъ себя ползающихъ и летающихъ комашекъ, проворно работая своей головой-молоточкомъ и вправо и влѣво, и назадъ и впередъ, и проглатывая въ какихъ-нибудь нѣсколько секундъ цѣлый рой насѣкомыхъ.

Дѣтишки толкутся тутъ тоже вездѣ, какъ и удоды, и еще пестрѣе, еще проворнѣе удодовъ. У всякой дверочки дувала непремѣнно яркая толпа дѣвчонокъ и мальчугановъ. Маленькіе мальчишки большею частью начисто голы, какъ мать ихъ родила; слиты крѣпко, какъ кирпичики, и мѣдно-красные, какъ кирпичики; плечисты, мускулисты, ножисты, и у всѣхъ здоровый смуглый румянецъ на щекахъ, у всѣхъ черные, какъ угольки, сверкающіе глазенки и черные, какъ смоль, волосы,—всѣ сплошь красавцы и всѣ сплошь черномазые; бѣлокураго по ошибкѣ не найдешь среди нихъ. Но дѣвочки, даже и самыя маленькія, всѣ тщательно пріодѣты; у всѣхъ завитыя змѣйками черныя косички висятъ по плечамъ, иногда даже ниже стана; всѣ въ ситцевыхъ бешметикахъ и широкихъ шаровархъ, ярко желтыхъ или яркопунцевыхъ, съ такими же яркими букетами; всѣ въ красненькихъ и желтенькихъ плоскихъ шапочкахъ. По ихъ наряду и по ихъ типу лица вы вполнѣ можете судить о нарядахъ и лицахъ здѣшнихъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, закрывающихся отъ насъ, по крайней мѣрѣ при мужчинахъ, непроницаемыми покрывалами.

Дѣтки здѣсь не только у калитокъ и на заборахъ, но и верхами. Вонъ одинъ такой мордатый, босоногій бутузъ преважно правитъ конемъ, покровительственно оглядываясь на двухлѣтнюю

дѣвчонку, что́ сидитъ за нимъ, раскорячившись крошечными ноженками и крѣпко уцѣпившись за его одежду. Немудрено тутъ слѣлаться джигитомъ, когда хребетъ коня дѣлается привычнымъ средствомъ передвиженія даже для младенцевъ, еще не умѣющихъ говорить. Проѣзжающія арбы тоже набиты разодѣтыми по-праздничному дѣтишками, особенно дѣвочками, которыхъ везутъ съ собою напоказъ роднымъ и сватамъ завѣшенныя черными чадрами чучела здѣшнихъ бабъ. А нерѣдко увидишь и двуногихъ коней, засѣдланныхъ тоже дѣтишками. Какой-нибудь сѣдобородый старикъ самаго злющаго вида, готовый, кажется, съѣсть васъ глазами,—идетъ вдругъ вамъ навстрѣчу, неся предобродушнѣйшимъ образомъ на своей, стуломъ согнутой, спинѣ черномазаго внука или внучку.

Тутъ ужъ попадается другой, совсѣмъ для насъ новый типъ сарта, съ тонкими длинными губами, рѣдкоусый, рѣдкобородый, злого вида, напоминающій турецкаго евнуха, съ рѣзкимъ перевѣсомъ монгольской крови надъ иранскою. И все больше и чаще попадаются настоящіе киргизы. Это все крѣпкій плотный, ширококостый народъ, здоровый и сильный, съ наклонностью къ ожиренью; смуглы до-черна, съ всклоченными, черными бородами, суроваго и смѣлаго взгляда, всегда въ нахлобученныхъ на глаза характерныхъ острыхъ колпакахъ съ разрѣзными, вверхъ загнутыми, полями изъ бѣлаго войлока. Эти бѣлыя шапки еще рѣзче оттѣняютъ черноту ихъ лица и ихъ волосъ и придаютъ имъ еще болѣе воинственный видъ. Кажется, это кара-киргизы, то-есть черные или каменные киргизы, живущіе по Алайскимъ горамъ, потому что въ другихъ мѣстахъ Ферганской области мы уже встрѣчали иной типъ киргиза.

Когда такой смѣлый и ловкій наѣздникъ ѣдетъ на своемъ лихомъ скакунѣ, увѣшанномъ со всѣхъ сторонъ вьюками, вы его сейчасъ отличите отъ цѣлой толпы сартскихъ всадниковъ, среди которыхъ онъ выдѣляется, какъ коршунъ среди галокъ рѣшительностью и увѣренностью всѣхъ движеній своихъ, своею молодецкой посадкой, всѣмъ своимъ видомъ хорошо оснащеннаго

и смѣлаго хищника. Сейчасъ виденъ рыцарь степныхъ разбоевъ, былой владыка края, привыкшій къ быстрой расправѣ и къ безцеремонному распоряженію чужою собственностью и чужою жизнью.

У Оша киргизовъ уже очень много: надъ кишлаками сартовъ намъ видны издали бобровые шалаши ихъ кибитокъ, усѣявшіе пяты горъ, гдѣ начинаются ихъ степи. На Алаѣ и его отрогахъ они кочуютъ въ огромномъ множествѣ, и вообще кочевья ихъ охватываютъ съ обѣихъ сторонъ, и съ юга и съ сѣвера, плодоносную долину Сыръ-Дарьи. Вездѣ, гдѣ хоть немножко запахнетъ привольемъ степей, гдѣ сады, кишлаки, поля и арыки дадутъ хотя маленькій просторъ дикой травѣ, тамъ сейчасъ, какъ грибы изъ влажной почвы, высыпаютъ кибитки киргиза.

Народы, племена появляются на лицѣ земномъ какъ-то сами собою, по роковымъ законамъ природы, тутъ киргизъ, тамъ сартъ, тамъ туркменъ, совершенно такъ же, какъ въ растительномъ мірѣ одна мѣстность вдругъ на сотни верстъ покрывается какою-нибудь ассафетидой, другая на такія же сотни верстъ— дикимъ хрѣномъ или красными цвѣтами мака. Киргизъ, какъ и ассафетида, сытъ, живучъ и могучъ своею безлюдною пустынею и черпаетъ изъ ея, повидимому, безплоднаго лона, какъ жирные стебли ассафетиды изъ солончаковъ Голодной степи всѣ свои обильные соки...

Въ русскій городъ Андижанъ въѣзжаешь совсѣмъ незамѣтно изъ туземнаго Андижана, — такого же огромнаго кишлака съ тѣсными переулками и длинными базарами, какъ всѣ здѣшніе города. И русскій Андижанъ точно такъ же повторяетъ хорошо уже намъ знакомый типъ среднеазіатскаго военнаго города — огромныя геометрически правильныя аллеи, обсаженныя цвѣтущею бѣлою акаціею, и за ними въ тѣни садовъ веселые бѣленькіе дома подъ желтыми крышами съ большими и свѣтлыми окнами, такъ мало похожіе на полуслѣпыя мурьи туземныхъ жилищъ. Аллей этихъ далеко не такъ много, и онѣ не такъ

густы, какъ въ Маргеланѣ, но общая физіономія города одинакова. На площади строится хорошенькая православная церковь изъ тесаннаго камня, очевидно, русскаго стиля. Около квартиръ начальниковъ обычныя сцены и обычныя фигуры: верховыя лошади на приколахъ, разставленныя подальше другъ отъ друга, чтобы онѣ не угощались взаимно ударами кованныхъ ногъ, и терпѣливо присѣвшіе на корточки въ тѣни деревьевъ красиво разодѣтые джигиты; кони ихъ тоже разодѣты еще, пожалуй, нарядѣе ихъ самихъ. Пестро раскрашенныя и раззолоченныя сѣдла съ одною переднею лукою, тонкіе персидскіе и бухарскіе ковры вмѣсто попонъ; у дорогихъ лошадей попоны и на головѣ, и на шеѣ, и на всемъ туловищѣ, несмотря на жаркій весенній день. По улицамъ снуютъ взадъ и впередъ неизмѣнныя бѣлыя рубахи съ малиновыми рейтузами, у воротъ русскія горничныя, русскіе кучера, во дворахъ, въ окнахъ домовъ радующая глазъ русская обстановка, тарантасы, лампы, занавѣски, все то, чего не увидишь ни въ какомъ сартскомъ кишлакѣ. Офицерство гуляетъ верхами и въ экипажахъ. Мы проѣхали весь русскій Андижанъ, отъ начала до конца, и опять потонули въ морѣ кишлаковъ, дынныхъ полей и арыковъ.

Русская военная колонія промелькнула мимо нашихъ глазъ, какъ крошечный радостный оазисъ, вокругъ котораго стелется во всѣ стороны безбрежная пустыня азіатчины.

За станціею Хаджевалъ, въ 22-хъ верстахъ отъ Андижана, отроги Алая дѣлаются совсѣмъ близки. Короткіе плечистые хребты и отдѣльныя пирамиды то и дѣло выдвигаются изъ-за горизонта и загромождаютъ собою окрестность, будто собирающаяся по сигналу рать каменныхъ великановъ. Сейчасъ замѣтно, что мы углубляемся въ гористый узелъ, которымъ заканчивается на востокѣ Ферганская область и которымъ спаиваются вмѣстѣ отроги Алайскаго хребта, замыкающаго эту область съ юга, съ цѣпью Ферганскихъ горъ, отдѣляющихъ съ сѣверо-востока Фергану отъ Семирѣченской области. Въ этомъ запу-

танномъ горномъ узлѣ беретъ свое начало бурная Кара-Дарья, которую почему-то считаютъ верховьемъ Сыръ-Дарьи, хотя она гораздо болѣе похожа на ея лѣвый притокъ; непосредственнымъ началомъ Сыръ-Дарьи слѣдуетъ, строго говоря, считатъ огромную рѣку Нарынъ, прорывающуюся изъ горныхъ дебрей Семирѣченской области, къ югу отъ озера Иссыкъ-Куля, сквозь цѣпь Ферганскаго хребта и не составляющую своимъ теченіемъ ни малѣйшаго угла съ русломъ Сыръ-Дарьи, такъ что вѣрнѣе сказать, что Нарыномъ просто называется верхнее теченіе Сыръ-Дарьи.

Андижанъ лежитъ какъ разъ на Кара-Дарьѣ, оберегая переправу черезъ нее; его серединное положеніе въ области, почти въ одинаковомъ разстояніи отъ Маргелана, Оша, Узгена и Намангана, и его сравнительная удаленность отъ всѣхъ рубежей области дѣлаютъ его самымъ удобнымъ административнымъ пунктомъ для управленія цѣлою областью; но, вѣроятно, какія-нибудь серьезныя историческія причины лишили его былого значенія кокандской столицы, такъ что и русская власть обратила его только въ уѣздный городъ, предпочтя установить главный центръ управленія въ Новомъ Маргеланѣ, можетъ быть, вслѣдствіе сравнительной близости его къ Кокану, старой столицѣ ханства.

Мы не выѣзжаемъ теперь изъ цвѣтущихъ яблоновыхъ садовъ и бѣлыхъ акацій: кишлаки сплошь по всей дорогѣ, кишлаками усѣяны вдали пяты горъ. Андижанскій уѣздъ недаромъ считается самымъ плодороднымъ и богатымъ. Это видишь воочію, только проѣзжая черезъ него. Въ настоящее время почти уже два года, какъ идутъ межевыя работы по этому уѣзду для уясненія правъ владѣнія туземцевъ и опредѣленія свободныхъ земель, которыми могло бы располагать правительство. Но пока не сдѣлано даже первыхъ слабыхъ попытокъ къ водворенію здѣсь русской народности, и можно смѣлость сказать,

что мы въ сплошномъ царствѣ сарта и киргиза безъ малѣйшей примѣси.

Этому, впрочемъ, и удивляться нельзя. Уже слишкомъ много Азіи вошло заразъ въ тѣло русскаго царства, чтобы русскіе соки могли обильно разлиться по всѣмъ этимъ новымъ уголкамъ. Здѣсь они пробираются пока малозамѣтною жилкою среди туземныхъ толщъ, будучи еще не въ силахъ отпечатлѣть на нихъ свой господствующій характеръ и только въ состояніи отлагать въ самыхъ важныхъ мѣстахъ этой сплошной чужеземщины маленькіе, хотя и вліятельные, оазисы русской силы, которыми держится въ повиновеніи вся эта азіатская страна, полная свѣжихъ преданій совсѣмъ иного недавняго прошлаго.

Нынѣшняя Ферганская область это—вчерашнее еще Кокандское ханство, надменное своею силою, охватывавшее на нашей памяти почти все теченіе древняго Яксарта отъ Аральскаго моря до Кашгара, владѣвшее большою киргизскою ордою и громадными пространствами теперешней Семирѣченской области, посредствомъ которой оно доходило до рубежа нашей Сибири.

Конечно, всѣ эти притязанія на степныя равнины, гдѣ никогда не было ни опредѣленныхъ границъ, ни постоянныхъ владѣній, гдѣ свободно бродили, вмѣстѣ съ табунами дикихъословъ, верблюды и овцы кочующихъ хищниковъ,—оставались больше празднымъ звукомъ, и киргизы, считавшіеся подвластными кокандцамъ, безъ всякаго стѣсненія барантовали и разбойничали въ предѣлахъ ханства, объявляя себя въ опасную минуту подданными Бѣлаго Царя, но тѣмъ не менѣе по всѣмъ главнымъ торговымъ путямъ, на всѣхъ значительныхъ рѣкахъ и во всѣхъ стратегическихъ пунктахъ областей, лежащихъ по правому берегу Сыръ-Дарьи,—кокандскіе ханы имѣли свои города и крѣпостцы. Имъ принадлежали Акъ-мечеть (теперешній фортъ Петровскій), Азретъ, или Туркестанъ, Чимкентъ, Ауліе-ата, Токмакъ, Пишкентъ, Ташкентъ, Ходжентъ и прочіе доселѣ существующіе наши города Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской

областей, изъ которыхъ каждый напоминаетъ собою какой-нибудь геройскій подвигъ горсти русскихъ храбрецовъ, бравшихъ его почти всегда съ кровопролитнаго боя. Начиная съ 1853 г. желѣзное кольцо русской военной силы начинаетъ неудержимо стягиваться вокругъ хищническаго ханства разомъ съ двухъ сторонъ, слѣва отъ Оренбурга и Аральскаго моря, на которомъ была заведена для этой цѣли въ 1847 г. особая вспомогательная флотилія, а съ 1850 г. даже и пароходы, и справа—отъ Сибирской пограничной линіи, со стороны Семипалатинска. Одинъ за однимъ падали и переходили во власть русскихъ города, стоявшіе по теченію Сыръ-Дарьи, вблизи отъ ея береговъ, въ то самое время, какъ Сибирскій отрядъ все ближе подвигался къ озеру Иссыкъ-Кулю и горнымъ дебрямъ каменныхъ киргизовъ.

Знаменитый городъ Ташкентъ, древній Шашъ, съ которымъ вели торговлю еще хозары и волжскіе болгары, самый многолюдный и богатый центръ среднеазіатской торговли и промышленности, изъ-за котораго, такъ же, какъ изъ-за Ходжента и Ура-Тюбе, шла вѣковая кровавая вражда между вѣчными соперниками, Бухарой и Коканомъ,—служилъ серединнымъ опорнымъ пунктомъ, спаявшимъ между собою линію Сыръ-Дарьинскихъ укрѣпленныхъ городовъ Кокандскаго ханства съ его же городами Семирѣченской области, защищавшими подступы къ ханству отъ сибирскихъ границъ у верховьевъ Иртыша, то-есть Ауліе-ата, Пишкентомъ, Токмакомъ и проч.

Завоеваніе Ташкента вызвано было именно необходимостью соединить наконецъ постепенно сближавшіеся концы того желѣзнаго обруча, которымъ Россія рѣшилась оковать сосѣднія съ нею степныя кочевья киргизскихъ ордъ средней и большой, давно уже номинально признавшихъ русскую власть и служившихъ причиною безконечныхъ столкновеній нашихъ съ кокандцами, въ свою очередь грабившими ихъ и требовавшими съ нихъ податей своему хану.

Малая киргизская орда покорилась намъ еще при Импера-

трицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, когда и были построены для ихъ защиты Омскъ, Уральскъ и др. наши юговосточныя крѣпости.

Теперь дошла очередь и до другихъ киргизскихъ ордъ. Геніальный взглядъ Великаго Петра оцѣнилъ еще около 200 лѣтъ тому назадъ важное значеніе для Россіи киргизской степи.

«Хотя-де оная киргизская орда степной и легкомысленный народъ, токмо-де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и ворота», пророчески сказалъ онъ въ 1722 г. въ Астрахани. И событія оправдали это пророчество, потому что, завладѣвъ киргизскими ордами, Россія роковымъ образомъ вынуждена была идти все дальше и дальше и поглотить послѣдовательно одно за другимъ всѣ среднеазіатскія государства.

Въ защитѣ Ташкента принималъ дѣятельное участіе и Бухарскій эмиръ, который, въ виду общей опасности, рѣшился забыть вѣковѣчную вражду свою къ кокандскому сосѣду. Поэтому для Россіи оказалось невозможнымъ остановиться на Ташкентѣ, а настоятельно потребовалось занять такія твердыя позиціи, которыя бы навсегда разобщили Кокандское ханство отъ Бухары и лишили бы ихъ возможности совмѣстной борьбы противъ русскихъ.

Въ этихъ видахъ взятъ былъ Ходжентъ,—эти историческія ворота Кокандскаго ханства—и Джизакъ,—ворота въ Бухару. Когда-то обширное Кокандское ханство было обрѣзано со всѣхъ сторонъ и ограничивалось теперь горною котловиною верхняго теченія Сыръ-Дарьи, Кара-Дарьи и Нарына, да примыкающими къ ней хребтами горъ. Возникшая въ 1876 г. новая война съ Кокандскимъ ханствомъ, выдвинувшая въ первый разъ Скобелева,—окончилась покореніемъ только этой именно котловины, которая собственно и обращена была въ теперешнюю Ферганскую область, заключая въ себѣ уѣзды Кокандскій, Маргеланскій, Андижанскій съ южной стороны Сыръ-Дарьи, и Наманганскій—съ сѣверной. Эта коренная часть Кокандскаго ханства называлась Ферганою и въ древности, по крайней мѣрѣ при арабахъ, которые завоевали ее, хотя и не надолго, въ VIII

вѣкѣ по Р. Хр., вмѣстѣ со всею Среднею Азіею. До того времени исторіи Ферганы почти не существуетъ. Во времена персовъ и македонянъ она, повидимому, входила въ число земель, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Согдіаны. Александръ Македонскій несомнѣнно побывалъ въ Ферганѣ. Что онъ былъ въ Ходжентѣ,—доказательство этому мы уже приводили раньше. Но есть основанія предполагать, что онъ прошелъ и въ глубь Ферганской котловины. По крайней мѣрѣ, ни одна изъ странъ Средней Азіи не подходитъ такъ близко, какъ Фергана, подъ характерное описаніе Квинтомъ Курціемъ тѣхъ невѣдомыхъ далекихъ земель, въ которыя проникло геройское войско Александра, будучи у рѣки Яксарта, лицомъ къ лицу съ саками и другими скиѳскими кочевниками, обитавшими за этою порубежною рѣкою тогдашней Азіи.

«Александръ прибылъ въ Ксениту», повѣствуетъ между прочимъ Курцій. «*Оная страна съ Скиѳіею смежна и селами весьма изобильна: ибо ради плодородія* не только жители изъ нея вонъ не выѣзжаютъ, но и пришельцы поселяются. Изгнанные бактріяне которые отъ Александра отложились, имѣли тамъ убѣжище».

По теченію Яксарта и смежно съ Скиѳіей только и есть одна страна, поражающая своимъ плодородіемъ и многолюдствомъ, и настолько защищенная горами, что въ ней можно безопасно укрываться отъ преслѣдованія враговъ; это именно Фергана. Замѣчательно, что и во всю свою послѣдующую исторію Фергана служила убѣжищемъ для различныхъ сосѣднихъ народностей, которыя въ нее спасались послѣ всякихъ крупныхъ погромовъ. Въ ней нашли безопасность и остатки арабовъ, изгнанныхъ и истребленныхъ во всей Средней Азіи, и множество древнихъ туземцевъ персидскаго корня, которыхъ называютъ таджиками, и кипчаки, вытѣсненные изъ волжскихъ степей и съ низовьевъ Аму-Дарьи, и караколпаки съ береговъ Аральскаго моря, и ходжи изъ сосѣдняго Кашгара, бѣжавшіе отъ жестокости китайцевъ.

Страна, которую Курцій въ своей исторіи Александра называетъ *Базаріей*, тоже сильно напоминаетъ Ферганскую область. Тамъ, по словамъ его, у богачей цѣлые лѣса обращены въ звѣринцы, держатся ручные львы и всякіе дикіе звѣри.

Фергана еще недавно славилась своими громадными лѣсами, въ которыхъ кишѣло такое множество барсовъ, тигровъ, кабановъ, что жители боялись подниматься въ горы.

Даже ровная низина, провожающая теченіе Сыръ-Дарьи, по которой мы все время теперь ѣдемъ, начиная отъ Ходжента, была въ прежнее время, по разсказамъ стариковъ и по сохранившимся письменнымъ свѣдѣніямъ, сплошь покрыта густыми зарослями туранги (тополя) и другихъ, любящихъ влагу, деревьевъ; вмѣсто теперешнихъ песковъ и камней, на каждомъ шагу были озера, ручьи, болота и камышевые плавни, надалеко кругомъ понимавшіеся весною разливами великой рѣки.

Но мало-по-малу эти заросли или, по-здѣшнему, *тугаи*, вырубались, мѣстность высыхала, поля замѣняли собою болота, а населеніе все выше и выше забиралось вверхъ по склонамъ горъ. Коренные жители иранскаго племени естественно захватили подъ свои поля и жилища самыя удобныя мѣста по берегамъ рѣки и въ долинахъ предгорій; когда впослѣдствіи сюда надвинулись, послѣ арабскаго завоеванія, турки-сельджуки, а за ними, въ XIII вѣкѣ, такъ называемые монголы Чингисъ-хана, то только небольшая ихъ часть, смѣшавшаяся съ мѣстными жителями (таджиками) и усвоившая ихъ осѣдлый образъ жизни, осталась въ долинахъ Сыръ-Дарьи и ея притоковъ, гдѣ они приняли названіе «сартовъ» и образовали мало-по-малу такіе же кишлаки земледѣльцевъ и садоводовъ, какіе нашли у таджиковъ. Огромная же масса кочевниковъ-завоевателей, презиравшая осѣдлость и труды хозяйства и воспитанная тысячелѣтіями въ привычкахъ пастушеской жизни, погнала свои стада верблюдовъ, коней, овецъ на вольныя пастбища окрестныхъ горъ, еще не тронутыя плугомъ. Чѣмъ дальше шла работа перерожденія пастуха въ земледѣльца, киргиза въ сарта, чѣмъ

больше сады, поля и кишлаки отвоевывали подъ себя земли въ необработанныхъ склонахъ горъ, дѣятельно вырубая лѣса, истребляя и отпугивая звѣря, распахивая цѣлины, тѣмъ дальше и выше уходили отъ нихъ вольнолюбивые и просторолюбивые сыны степей, такъ что, наконецъ, въ распоряженіи ихъ остались только трудно доступныя альпійскія пастбища хребтовъ и ихъ верхнія долины. Это не мѣшало, конечно, кочевнику-киргизу считать себя попрежнему хозяиномъ страны и дополнять доходъ отъ тука стадъ своихъ непрекращающимися грабежами осѣдлыхъ сартовъ и таджиковъ. Къ сартамъ, бывшимъ родичамъ своимъ, они стали относиться съ такою же враждебностью и презрѣніемъ, какъ и къ таджикамъ и ко всякимъ другимъ трусливымъ и плутоватымъ обитателямъ городовъ, искренно почитая ихъ достояніе законною собственностью воина-кочевника, взявшаго страну копьемъ и кровью своею. Не мѣшало это, съ другой сторсны, и добычливому сарту забрать мало-помалу въ свои руки всѣ существенныя отрасли мѣстной торговли, промышленности и даже управленія, и, незамѣтно скупая у киргизовъ малоцѣнимыи ими земли, держать ихъ въ тѣсной зависимости отъ себя, если не мечомъ, такъ серебромъ, несмотря на разбойничьи нападенія и всякія другія обиды киргизовъ.

Теперешніе киргизы—несомнѣнно потомки Чингисовыхъ, Тамерлановыхъ и другихъ воинственныхъ полчищъ, проносившихъ огонь и мечъ по городамъ и весямъ Средней Азіи. Хотя въ нихъ огромная доля монгольской крови, судя по характерному типу ихъ лица, который нашъ русскій солдатикъ мѣтко прозываетъ «калмыковатымъ»,—однако между ними и настоящимъ монголомъ, какъ, напримѣръ, калмыкомъ или китайцемъ, разница громадная.

Хотя и наша русская и общеевропейская исторія пріучила насъ называть монголами побѣдоносныя орды Чингисъ-хана, тѣмъ не менѣе они никогда не были монголами, въ строгомъ этнографическомъ смыслѣ этого слова.

Сартъ и киргизъ никогда не скажутъ, что Чингисъ-ханъ былъ монголъ. Для нихъ онъ узбекъ, и ничего больше. Киргизы тоже не называютъ себя киргизами, а узбеками или казаками. Узбеки были—и турки-сельджуки, узбеки были—татары и ногаи, вѣроятно, также половцы, печенѣги и многіе другіе народы, окружавшіе съ юга и востока юную Русь въ древній періодъ ея исторіи.

Народъ узбековъ былъ, очевидно, однимъ изъ самыхъ распространенныхъ племенъ Азіи и раздѣлялся на множество родовъ, которыхъ до сихъ поръ насчитывается 92. Татаръ, ногай, киргизъ, казакъ, кипчакъ, тюркъ, туркменъ были только крупными родами одного и того же народа узбековъ. Оттого-то всѣ эти племена говорили и говорятъ на одномъ и томъ же джагатайскомъ или татарскомъ языкѣ. Среди родовъ этихъ однимъ изъ очень видныхъ былъ, между прочимъ, монголъ, и самъ Чингисъ принадлежалъ, повидимому, къ этому роду, вотъ, можетъ быть, причина, почему и вся его орда стала называться монголами. Кочевья чингисова рода были въ китайской Монголіи у верховьевъ Онона, впадающаго въ Шилку, и весьма естественно предположить, что родъ этотъ былъ прозванъ монголомъ, вслѣдствіе болѣе тѣснаго смѣшенія своей узбековой крови съ кровью сосѣднихъ монголовъ. Что узбеки вообще не были цѣльнымъ племенемъ кавказской расы, а въ теченіе столѣтій сильно смѣшались съ монгольскою расою, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для тѣхъ, кто видѣлъ въ глаза киргиза и туркмена, но различные роды узбековъ по географическимъ и историческимъ причинамъ хлебнули очень различныя порціи желтой крови, вслѣдствіе чего среди узбековъ можно до сихъ поръ наблюдать всѣ степени переходовъ отъ грубаго калмыцкаго типа нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ къ благородному и красивому типу турка-сельджука. Рядомъ съ родомъ монголъ кочевалъ въ XIII вѣкѣ, по сосѣдней рѣкѣ Керуленѣ, другой узбекскій родъ татаръ; Чингисъ подчинилъ его своей власти ранѣе всѣхъ другихъ родовъ, и главная сила его пол-

чищъ состояла изъ татаръ, вѣроятно, особенно отличавшихся своею храбростью; вотъ опять простая причина, почему узбеки (они же монголы), покорившіе при Батыѣ Россію, были названы въ нашихъ лѣтописяхъ татарами.

Въ путешествіи Плано-Карпини, которое происходило какъ разъ во время Чингиса и его первыхъ преемниковъ, — упоминаются, между прочимъ, «земля киргизовъ», «туркоманы» и «сарты», слѣдовательно, уже тогда существовало и теперешнее дѣленіе узбекскихъ родовъ и обособленность осѣдлыхъ узбековъ отъ кочевыхъ, подъ именемъ сартовъ. Впрочемъ, есть много основаній предполагать, что въ древности существовалъ въ Средней Азіи, и именно на рѣкѣ Яксартѣ, особый народъ—сарты (яксарты Птоломея), считавшійся въ глазахъ кочевника синонимомъ всякаго осѣдлаго народа. Можетъ быть, такъ же, какъ предполагаютъ нѣкоторые мѣстные изслѣдователи, и среди узбековъ былъ прежде особый родъ сартъ, который первый могъ обратиться къ земледѣлію и осѣдлости, и который поэтому могъ дать свое имя всѣмъ послѣдующимъ осѣдлымъ жителямъ изъ узбековъ, хотя для этого предположенія не найдено пока прямыхъ доказательствъ. Въ настоящее время изъ всѣхъ родовъ узбековъ, тюркъ пріобрѣлъ первенствующее значеніе, какъ представитель самаго могущественнаго царства (Турціи), разгромившаго нѣкогда чуть не всю Европу. Поэтому узбеки Средней Азіи охотнѣе всего величаютъ теперь себя «тюрками», придавая этому слову такое же обширное значеніе, какъ мы придаемъ слову татаринъ или монголъ.

Нельзя также не упомянуть объ особомъ значеніи, которое пріобрѣлъ въ бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ и отчасти сохранилъ до нашего времени одинъ изъ узбекскихъ родовъ — кипчакъ. Кипчаки были одною изъ главныхъ составныхъ частей того громаднаго воинства, которое было послано Чингисъ-ханомъ подъ предводительствомъ его родственника Батыя покорить Россію. Но когда Кипчакская или Золотая орда была разорена царемъ Иваномъ и его союзникомъ Менгли-Гиреемъ, то множество

кипчаковъ вернулось въ Среднюю Азію, частью въ свои старые улусы у низовьевъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, частью въ Кокандское ханство, всегда манившее кочевниковъ своимъ плодородіемъ и безопаснымъ мѣстоположеніемъ. Кипчаки, привыкшіе жить въ низменностяхъ и уже нѣсколько пріученные къ земледѣлію, не пошли на альпійскіе луга Алайскихъ или Ферганскихъ горъ, а заняли невысокія предгорія и склоны горъ, самые близкіе къ деревнямъ сартовъ, и скоро явились опасными соперниками ихъ. Они не меньше сартовъ дорожили каждымъ клочкомъ земли, воздѣлывали по возможности всякіе хлѣба и промышленныя растенія, а въ то же время завели такое обширное скотоводство, о которомъ сарты на своихъ тѣсныхъ участкахъ земли не могли и помышлять, и съ помощью котораго кипчаки стали однимъ изъ самыхъ богатыхъ сословій ханства. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ кипчаки были гораздо смѣлѣе и энергичнѣе сартовъ и, какъ потомки завоевателей, считали себя въ исключительномъ правѣ хозяйничать въ странѣ, то скоро въ ихъ рукахъ дѣйствительно очутилась вся правительственная и судебная власть.

Высшей степени вліянія на дѣла ханства кипчаки достигли въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія при Ширъ-Али-ханѣ и Худояръ-ханѣ, когда смѣлый кипчакъ Мусульманъ-Куль сдѣлался регентомъ ханства и всемогущимъ ханскимъ «*минбаши*», то-есть главнымъ визиремъ своего рода. Звѣрствамъ и притѣсненіямъ всякаго рода не было конца. Кипчаки, необразованные даже и въ азіатскомъ смыслѣ, ненавистники сартовъ и сартскихъ муллъ, своевольничали въ Коканѣ какъ хотѣли. Они разгоняли софтъ изъ медрессе, жгли книги, всячески унижали улемовъ, силою отбивали у сартовъ дома и полевые участки, вырубали у нихъ деревья, отнимали арыки, брали съ сартовъ произвольную дань за пользованіе собственною водою. Правосудіе для сартовъ не существовало; казни происходили ежедневно. Кипчаки занимали при Мусульманъ-Кулѣ всѣ правительственныя должности; изъ кипчаковъ онъ составилъ гарнизонъ Кокана, кипчаками-совѣтниками онъ окружилъ несовершеннолѣтняго хана

Худояра, не имѣвшаго ни малѣйшей власти и воли въ своемъ собственномъ ханствѣ. Когда Худояръ-ханъ выросъ и пріобрѣлъ житейскій опытъ среди безконечныхъ интригъ и жестокостей, его окружавшихъ, онъ сталъ невыносимо тяготиться своею зависимостью отъ кипчаковъ и рѣшилъ наконецъ во что бы то ни стало покончить съ «чортовымъ племенемъ». Онъ заранѣе подговорилъ на свою сторону ташкентскія войска и кокандскихъ сартовъ, и въ 1851 году 27 числа мѣсяца курбана, во время обычнаго селяма въ ханской урдѣ, когда раздраженные противъ него кипчаки, окруживъ Худояра, отъ упрековъ и брани перешли уже къ угрозамъ убійства,—ташкентцы на всемъ скаку, шашки наголо, вомчались вдругъ верхами въ урду и безъ разбора стали крошить направо и налѣво перепуганныхъ кипчаковъ. Узнавъ о начавшемся избіеніи ненавистныхъ всѣмъ притѣснителей, кокандскіе сарты, вооружась чѣмъ попало, присоединились къ ташкентцамъ и, разсыпавшись по городу, душили и рѣзали спасавшихся отъ смерти кипчаковъ вездѣ, гдѣ только встрѣчали ихъ,—на улицахъ, въ домахъ, въ садахъ, въ мечетяхъ... Въ тотъ же день вечеромъ, въ Маргеланѣ, собрали въ урдѣ всѣхъ тамошнихъ кипчакскихъ старшинъ и перерѣзали всѣхъ до одного.

Черезъ нѣсколько дней уцѣлѣвшіе кипчаки подъ предводительствомъ Мусульманъ-Куля вступили въ отчаянную сѣчу съ войсками хана при Балыкламѣ. Кипчаки, однако, были разбиты и самъ Мусульманъ-Куль попался въ плѣнъ. Тогда началась обычная азіатская расправа. Громадную толпу плѣнниковъ повели въ Коканъ. Черезъ каждыя четверть версты шествіе останавливалось, и палачи, для утѣшенія публики, перерѣзывали ножами горла нѣсколькимъ плѣнникамъ. На главной площади передъ ханской урдой былъ поставленъ столбъ, и наверху этого столба посаженъ прикованный цѣпями Мусульманъ-Куль. Черезъ каждые 2, 3 часа тащили къ столбу по-двое, по-трое кипчаковъ, разсаженныхъ въ ямы, и рѣзали ихъ, какъ барановъ, на глазахъ ихъ бывшаго вождя. Цѣлыхъ три дня тянулась эта безчеловѣчная бойня. Наконецъ ханъ вернулся въ свою столицу,

и на его свѣтлыхъ очахъ бывшій его регентъ и мингбаши былъ торжественно повѣшенъ на одномъ изъ базаровъ. Но хану было этого еще мало. Во всѣ поселенія кипчаковъ были посланы отряды войскъ, и приближенные хана, раздѣливъ на участки все ханство, старательно истребляли каждый въ своемъ участкѣ поголовно всѣхъ мужчинъ-кипчаковъ. Въ одномъ только селеніи Балыкчи зарѣзано было 1.500 кипчаковъ, трупы которыхъ были брошены въ Сыръ-Дарью. Въ Наманганѣ громадная яма у общественныхъ бань въ нѣсколько минутъ была доверху завалена трупами. Кипчаковъ ловили, какъ дичь, во всѣхъ окрестностяхъ города, выводили десятками на «гузары» (маленькіе базарчики на перекресткахъ улицъ) и рѣзали ихъ здѣсь, какъ скотъ на бойнѣ. Уцѣлѣли только тѣ кипчаки, которые успѣли бѣжать въ горы къ киргизамъ; но во время этого бѣгства отъ голода и холода погибло множество кипчакскихъ дѣтей. Кровожадный ханъ отобралъ послѣ этого всѣ земли кипчаковъ въ свою пользу и велѣлъ распродать ихъ сартамъ за половинную цѣну. Осторожные сарты, опасаясь будущаго, отказывались-было покупать чужую собственность даже и дешево. Тогда ханъ не долго думая, приказалъ силою продавать эти земли сартамъ, палками поощряя ихъ къ покупкѣ.

Я нарочно такъ подробно разсказалъ эту исторію кокандскихъ кипчаковъ, близко напоминающую истребленіе турецкихъ янычаръ султаномъ Махмудомъ 2-мъ или египетскихъ мамелюковъ хедивомъ Мегметомъ-Али, потому что она представляетъ собою особенно характерный образчикъ мѣстныхъ нравовъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что отъ начала до конца всей кокандской исторіи тянется одна сплошная лѣтопись постоянныхъ заговоровъ, обмановъ, коварствъ, мятежей, грабежей и хладнокровнаго рѣзанія людей десятками, сотнями, тысячами, какъ будто ханы, ихъ хакимы и беки были не правители, а кровожадные мясники, злосчастные же подданные ихъ—стадо животныхъ, назначенныхъ на убой. Даже ошибкою не встрѣчается въ этой скорбной лѣтописи хотя бы одного поступка ве-

ликодушія и любви, проявленія хотя бы слабаго сознанія бездушными правителями своихъ нравственныхъ обязанностей относительно страны и народа, врученныхъ имъ игрою судьбы, не говоря уже объ отношеніяхъ къ врагамъ.

«Калля-Минора», то-есть башня изъ мертвыхъ головъ, съ такою потрясающею правдою нарисованная нашимъ знаменитымъ художникомъ Верещагинымъ въ его замѣчательномъ собраніи туркестанскихъ бытовыхъ картинъ, составляла неизбѣжное украшеніе всякаго кокандскаго города, покорявшагося хану или его бекамъ даже послѣ самаго мимолетнаго возстанія, а ужъ особенно послѣ удачной войны съ какими-нибудь сосѣдями, киргизами или бухарцами, головы которыхъ насыпались въ такихъ случаяхъ на базарахъ, гузарахъ и въ притворахъ мечетей, какъ груды арбузовъ въ урожайный годъ на нашихъ малороссійскихъ бахчахъ.

Е. П. Ковалевскій, путешествовавшій по Туркестану всего въ 1849 году, своими глазами видѣлъ въ городѣ Ташкентѣ пирамиды кокандскихъ головъ, человѣка, умиравшаго на колѣ посреди площади, а за городомъ — нѣсколько пирамидъ отвратительно гніющихъ киргизскихъ головъ. Да, несомнѣнно, что и Верещагинъ, посѣтившій Туркестанъ лѣтъ на 25 позднѣе, рисовалъ и свои пирамиды головъ, и головы, торчащія на кольяхъ, и головы, разбросанныя въ мечетяхъ, какъ жертвы къ подножію святынь,—тоже съ натуры.

Что дѣлаетъ особенно возмутительнымъ звѣрское жестокосердіе кокандскихъ хановъ и ихъ клевретовъ, точно такъ же, какъ и самаго народа ихъ,—это фарисейское соблюденіе рядомъ съ этими злодѣйствами самыхъ утонченныхъ предписаній мусульманскаго религіознаго обряда; это—кощунственное смѣшеніе молитвы, педантическихъ омовеній и очищеній съ кровью невинныхъ жертвъ, въ которой они спокойно купались, какъ свиньи въ родной грязи. Только знакомясь близко съ внутреннимъ бытомъ такихъ государствъ, какъ средне-азіатскія ханства, поймешь вполнѣ, какія великія, ничѣмъ не замѣнимыя благодѣянія

принесли намъ христіанская религія и европейская образованность, породившія общими многовѣковыми усиліями своими то, что принято называть христіанскою цивилизаціею. Въ этомъ смыслѣ подчиненіе Россіею своей власти всѣхъ этихъ разбойничьихъ киргизскихъ и туркменскихъ ордъ, всѣхъ этихъ въ корнѣ развращенныхъ мелкихъ ханствъ въ родѣ Кокандскаго, Бухарскаго и Хивинскаго, какъ бы ни тяжело оно было для насъ, русскихъ, и какъ бы вредно ни отражалось на многихъ нашихъ существенныхъ интересахъ, — является истинно-христіанскимъ подвигомъ и однимъ изъ самыхъ отрадныхъ событій всемірной исторіи. Замѣнить жестокихъ и алчныхъ деспотовъ, помышляющихъ только о наживѣ и утѣхахъ своихъ, — царствомъ разумнаго, для всѣхъ равно обязательнаго, закона, замѣнить вѣчную рѣзню и усобицы строгимъ порядкомъ и миромъ, — большаго благодѣянія нельзя было оказать этимъ злополучнымъ азіатскимъ народамъ. Трудно повѣрить, чтобы такое осязательное для всѣхъ преимущество, какъ наступившая теперь безопасность и спокойствіе жизни и достоянія туземцевъ,—не было ими понято и оцѣнено, чтобы они не убѣдились воочію, насколько выгоднѣе и удобнѣе стало всѣмъ имъ при русскомъ владычествѣ. Поэтому, если и ведется еще въ старомъ Кокандскомъ ханствѣ или въ сосѣдней съ нимъ Бухарѣ потайная проповѣдь недовольства противъ русскаго владычества, то развѣ среди тѣхъ сословій, которыя привыкли въ теченіе столѣтій распоряжаться по-своему произволу жизнью, правами и богатствомъ народа, наживаясь на его счетъ и удовлетворяя его несчастіями свои звѣрскія страсти.

Бывшіе беки, хакимы, улемы, имамы, конечно, могутъ имѣть много причинъ негодовать на могучую руку, прекратившую ихъ дикое своеволіе, точно такъ же, какъ шайки кочевыхъ разбойниковъ, жившихъ до того времени грабежами мирныхъ жителей. Но огромная масса народа, всѣ люди труда и мирнаго заработка должны въ глубинѣ души своей благословлять, какъ эру своего спасенія и освобожденія отъ вѣчнаго рабства—паденіе своей призрачной государственной независимости.

Конечно, преданія старой исторіи и религіозные предразсудки, вмѣстѣ съ живымъ вліяніемъ мѣстнаго духовенства и знати,—могутъ еще безъ особеннаго труда при благопріятныхъ обстоятельствахъ всколыхнуть и поднять противъ своихъ благодѣтелей осчастливленный Россіею туземный народъ, но это во всякомъ случаѣ было бы противъ его искренняго убѣжденія и, ужъ разумѣется, противъ его насущныхъ пользъ.

Во всякомъ случаѣ сравненіе недавней исторіи Кокандскаго и Бухарскаго ханства съ ихъ настоящимъ бытомъ подъ властью Россіи должно вселить въ каждаго мыслящаго русскаго утѣшительное сознаніе, что великія жертвы принесены здѣсь Россіею не даромъ, что онѣ могучимъ образомъ послужили высокой задачѣ человѣческаго благополучія и были поэтому святымъ дѣломъ,—Божьимъ дѣломъ, предначертаннымъ Россіи Высшимъ Разумомъ, руководящимъ судьбами народовъ.

V.

Ошъ и его обитатели.

Въ Ошъ выѣзжаешь также черезъ туземный городъ. Его огромные базары по случаю мусульманскихъ праздниковъ биткомъ набиты народомъ, хотя лавки почти всѣ заперты, и только одни «самоварчи», «халвачи» (продавцы халвы), да «баккалы» (продавцы сладостей) продолжаютъ торговать на славу; въ харчевняхъ, по-здѣшнему «ашъ-хане», бородатыя дѣти пророка съ искреннимъ увлеченьемъ настоящихъ дѣтей истребляютъ «шурпу» (похлебку изъ риса), шашлыкъ и кавардакъ, запивая бузою изъ птичьяго проса («кунака»). Но большинство, какъ и вездѣ, въ чай-хане, вокругъ самоваровъ. Очень немногіе потягиваютъ «тамбаку» (табакъ) изъ наргиле; эта турецкая и арабская забава какъ-то не особенно привилась къ здѣшнему мусульманству. Можетъ быть, она тѣсно связана съ привычкою къ кофе, потому что народы-кофейники, какъ турки и арабы,

въ то же время и народы-трубокуры, а любители чая, подобные киргизу, сарту, калмыку, не придаютъ трубкѣ того значенія, какое она имѣетъ на базарахъ Стамбула и Каира.

Маленькая, очень старая мечеть обращаетъ на себя вниманіе своеобразнымъ каменнымъ куполомъ съ каменными же выпуклыми ребрами. Двѣ другія мечети—болѣе новыя, съ высокими красивыми минаретами. Но особеннаго въ мусульманскомъ городѣ ничего; все, какъ вездѣ, и базары, и дома, и сады, и дувалы. А между тѣмъ Ошъ одинъ изъ городовъ глубочайшей древности и даже загадочнаго происхожденія. Мѣстная легенда увѣряетъ, что онъ основанъ еще премудрымъ царемъ и пророкомъ Соломономъ, котораго мусульмане, какъ извѣстно, почитаютъ за святого вмѣстѣ съ царемъ Давидомъ, Авраамомъ, Моисеемъ и Христомъ.

Премудрый «Хазретъ и Сулейманъ Пейгамбѣръ» (т.-е. «святой Соломонъ») шелъ по Ферганѣ съ своимъ войскомъ, двигаясь все впередъ и гоня передъ собою пару воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Дойдя до горъ, онъ рѣшился остановиться и крикнулъ обычный сартовскій кличъ, которымъ они останавливаютъ своихъ пашущихъ быковъ: «Хо-ошъ!» Волы остановились, и на мѣстѣ ихъ остановки былъ впослѣдствіи построенъ городъ «Хо-ошъ» или по-просту «Ошъ», въ память возгласа пророка.

Надъ Старымъ Ошемъ возвышается одинокая утесистая гора, которая до сихъ поръ называется «Соломоновымъ камнемъ» или «скалою Соломона»—«Сулейманъ-ташъ». Это заставляетъ придавать древней легендѣ болѣе значенія, чѣмъ она, повидимому, заслуживаетъ своимъ слишкомъ сказочнымъ складомъ. Вообще города Ферганы должны быть чрезвычайно древняго происхожденія, потому что о многихъ изъ нихъ существуютъ преданія глубокой древности, связывающія ихъ построеніе съ первыми вѣками человѣчества.

Такъ, напр., по легендамъ сартовъ, ихъ бывшій городъ Канибадамъ, на мѣстѣ котораго стоитъ теперь Мазаръ-Ходжа-Яганъ и который существовалъ еще при завоеваніи Ферганы

арабами въ 8-мъ вѣкѣ,—былъ основанъ 6.000 лѣтъ тому назадъ, еще, при пророкѣ Ноѣ.

Въ дни арабовъ уже извѣстенъ былъ и городъ Ошъ, и многіе другіе теперешніе города и кишлаки Ферганы, какъ, напр., Андижанъ, Узгентъ, Мурганъ (т.-е. Маргеланъ), Ходжентъ и проч.

Все заставляетъ думать, что этотъ счастливый уголокъ земли очень рано сталъ привлекать къ себѣ поселенцевъ и играть роль въ исторіи человѣчества.

Когда мы выѣзжали изъ Стараго Оша, собираясь переправиться черезъ мостъ въ русскій городъ, намъ навстрѣчу съ шумомъ, звономъ и трескомъ пронеслась цѣлая многолюдная процессія. Молодцы-джигиты летѣли впереди, разгоняя ногайками вправо и влѣво встрѣчавшіяся арбы, верховыхъ и пѣшихъ, а за ними, провожаемая ярко разодѣтыми верховыми чалмоносцами, катила помѣстительная долгуша, запряженная по-русски тройкою ретивыхъ киргизскихъ коней. Сѣдой полковникъ внушительнаго вида сидѣлъ на этой долгушѣ, окруженный дамами и дѣтьми, сіяя среди облаковъ пыли своимъ военнымъ мундиромъ и оружіемъ и наводя искренній трепетъ на туземныхъ обитателей, благоговѣйно созерцавшихъ неистовый бѣгъ его громоносной колесницы. Оказалось, что это былъ мѣстный уѣздный начальникъ Д. съ семьею, выѣзжавшій въ сосѣдній кишлакъ на тамашу къ волостному старшинѣ. Какъ ни коробитъ наши европейскіе вкусы и привычки такой черезъ-чуръ шумный и показный способъ ѣзды, однако, поживши въ Средней Азіи, приходишь къ заключенію, что обычай этотъ выработался здѣсь не даромъ, и что въ немъ сказалось далеко не одно пустое желаніе «задать форсу» и «показать себя», «знай, молъ, нашихъ, помни, когда начальство ѣдетъ!»

Нужно своими боками ознакомиться съ невозможною тѣснотою, толкотнею и безпорядочностью азіатскихъ узенькихъ переулковъ и базарчиковъ, чтобы понять положительную необхо-

димость заранѣе расчищать себѣ путь черезъ нихъ хотя бы громомъ и молніей... Арбы, верблюды, быки, лошади, люди, все здѣсь упрямо лѣзетъ впередъ, не разбирая, можно ли пройти или нѣтъ, зацѣпишься ли за что, или не зацѣпишься, раздавишь ли кого, или нѣтъ. То и дѣло видишь, какъ арбы сцѣпливаются другъ съ дружкой концами осей, и начинается сначала руготня на весь базаръ, а потомъ потасовка палками. Въ иное время цѣлый часъ нельзя протиснуться сквозь толпу, запрудившую проулочки.

Совсѣмъ иное дѣло, когда въ ушахъ халатниковъ раздадутся знакомые имъ звуки двухъ колокольчиковъ, обычной принадлежности проѣзжающаго начальства, или еще болѣе понятные имъ угрожающіе крики джигитовъ и хлопанье ихъ ременныхъ ногаекъ. Тогда, все, что̀ заслышитъ эти внушительные сигналы, опрометью кидается направо и налѣво, раздвигается и отодвигается, сторонясь въ подворотни, во дворы, въ боковые переулочки и гузары, даже прямо въ канавы, а то и поворачивая поскорѣе назадъ и улепетывая по-добру по-здорову до перваго свободнаго разъѣзда...

Ошъ—это край свѣта своего рода. Онъ считается или по крайней мѣрѣ считался одною изъ важныхъ крѣпостей Ферганы, оберегающихъ ее со стороны Кашгара, хотя очень трудно рѣшить, гдѣ собственно эта крѣпость. Русскій Ошъ, конечно, опять не что иное, какъ обширный садъ изъ громадныхъ тополевыхъ аллей. За этими полками деревьевъ-гигантовъ,—настоящіе сады и дворики, и среди нихъ скромные низенькіе домики съ галлерейками, крылечками и балконами. Тишина такая, что никакой деревни не нужно. Только и слышишь на улицѣ поэтическое журчаніе арыковъ, омывающихъ вдоль всей улицы, по обѣ стороны ея, корни тополей. Отъ тѣни этихъ исполинскихъ тополей даже въ полдень стоитъ на улицѣ зеленоватый полусумракъ, всегда нѣсколько влажный отъ испаренія арыковъ. Солнце пробивается сюда съ своего безотрадно-яснаго знойно-синяго неба

только сѣтью огнистыхъ глазковъ и полосъ, переползывающихъ по темнымъ тѣнямъ шоссе, которымъ отлично вымощены всѣ улицы.

Рѣдко когда проѣдутъ верхомъ казаки или разсыльные джигиты, да торопливо промаршируетъ куда-нибудь партія солдатиковъ-пѣхотинцевъ въ своихъ бѣлыхъ рубахахъ и малиновыхъ замшевыхъ штанахъ. Шаги ихъ недалеко раздаются подъ зелеными сводами длинной пустой улицы, будто въ корридорахъ необитаемаго замка. Миръ и спокойствіе вливаются въ душу, когда вступаешь въ эти тихія зеленыя сѣни, откуда нѣтъ никуда дорогъ и въ которыхъ не существуетъ никакихъ раздражающихъ нервы интересовъ. Словно пріѣхалъ, какъ бывало когда-то, въ далекіе годы дѣтства, въ глухую усадьбу доброй старой бабушки, гдѣ каждый предметъ неподвижно стоитъ на своемъ мѣстѣ десятки лѣтъ, гдѣ ни одно знакомое лицо не измѣнилось съ того времени, какъ сталъ помнить себя, и гдѣ сладкій душевный сонъ незримо убаюкиваетъ всякаго, вступающаго въ эти безмятежные предѣлы.

Еще подъѣзжая къ Ошу, уже можно было предчувствовать этотъ его характеръ совсѣмъ глухого, на край свѣта задвинутаго, угла. На станціяхъ съ удивленіемъ осматривали насъ, спрашивая въ недоумѣніи, куда же это мы ѣдемъ? и терялись въ догадкахъ, зачѣмъ это «вольному» [1]), да еще съ барыней— приспичило забраться сюда, въ Ошъ, въ которомъ никому не можетъ быть никакой надобности, кромѣ живущей тамъ кучки военныхъ, давно извѣстныхъ въ лицо всѣмъ по дорогѣ...

У насъ были письма къ нѣкоторымъ пріятелямъ моего сына, который по своей обязанности военнаго инженера нѣсколько времени тому назадъ не одинъ мѣсяцъ прожилъ въ Ошѣ, производя постройки въ разныхъ пограничныхъ укрѣпленіяхъ.

---

[1]) „Вольнымъ“ мѣстные военные называютъ здѣсь всѣхъ штатскихъ вообще, точно такъ, какъ во Франціи ихъ величаютъ на языкѣ армейцевъ не иначе, какъ „pekins“.

Но день склонялся къ вечеру, и не хотѣлось злоупотреблять гостепріимствомъ добрыхъ людей, доставляя имъ безпокойство въ такой неудобный часъ. Мы расположились поэтому на ночлегъ въ комнатахъ совсѣмъ пустынной почтовой станціи, и уже распаковали было свой багажъ, какъ вдругъ обстоятельства неожиданно измѣнили наши намѣренія.

Мнѣ хотѣлось все-таки не терять времени, и пока солнце еще не сѣло, а самоваръ еще не закипѣлъ, я вздумалъ совершить краткую предварительную рекогносцировку насчетъ предстоявшихъ намъ знакомствъ. Извозчиковъ на этомъ краю свѣта, само собою разумѣется, не водится, городскихъ почтъ, посыльныхъ, коммисіонеровъ, гостиницъ и адресныхъ конторъ—точно также; а потому пришлось прибѣгнуть къ единственному практическому способу, остававшемуся въ моемъ распоряженіи,—это добыть языка. Вышелъ на улицу, словно вымершую отъ чумы, и сталъ поджидать добычи. Не скоро появились въ предѣлахъ моего наблюденія двѣ бѣлыя рубахи, но они шли съ ружьями въ рукахъ куда-то на смѣну и не годились для моей цѣли. Прошелъ еще одинъ солдатикъ, ужъ безъ ружья, но онъ зато несъ разносную книгу съ казеннымъ пакетомъ, а потому тоже былъ мнѣ не въ руку. Только послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ я могъ наконецъ убѣдить одного податливаго защитника отечества, что онъ отлично можетъ исполнить четверть часа позже данный ему отъ начальства приказъ—купить въ лавочкѣ двѣ бутылки филатовскаго «чарасу» и фунтъ сыру, а до того времени успѣетъ честнымъ образомъ заработать себѣ на чаишко, проводивъ меня сейчасъ же въ квартиру поручика Б—го. До квартиры этой было добрыхъ полторы версты, но въ Ошѣ пѣшему хожденію не стать учиться,—и мы живо промахнули съ моимъ чичероне длинную тополевую улицу, въ которой отъ густоты деревьевъ уже лежали тѣни ночи. Огромный и добродушный поручикъ, большой пріятель моего сына и усердный читатель моихъ книгъ, уже былъ заранѣе предупрежденъ о нашемъ пріѣздѣ и встрѣтилъ меня съ трогательнымъ раду-

шіемъ. Онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы мы провели ночь на станціи. Насъ уже давно ждали здѣсь, и все было заранѣе приготовлено къ нашему помѣщенію. Какъ я ни отговаривался и ни уговаривалъ его, не могъ одолѣть его настойчивыхъ просьбъ; пришлось вмѣстѣ съ нимъ зайти къ сосѣдкѣ его, г-жѣ С—й, женѣ мѣстнаго врача, тоже близкой пріятельницѣ нашихъ дѣтей, въ домѣ которой они квартировали въ прошломъ году и къ которой у насъ также было письмо. Въ концѣ концовъ—длинная долгуша, запряженная здоровеннымъ киргизомъ, явилась вмѣстѣ съ добрѣйшимъ поручикомъ и любезною г-жею С—й къ намъ на станцію, и мы съ женою и пожитками, несмотря ни на что, были забраны военноплѣнными и водворены по назначенію. Милый молодой воинъ, имя котораго съ такою честью упоминается теперь въ числѣ безстрашныхъ удальцевъ Памирской экспедиціи, уступилъ намъ всю свою квартиру и даже своего денщика вмѣсто горничной, а гостепріимный домъ добрѣйшей сосѣдки его, примыкавшій дворомъ къ двору, сдѣлался постояннымъ нашимъ мѣстопребываніемъ въ теченіе дня, такъ какъ мы всею компаніей собирались сюда пить чай, обѣдать и ужинать, и мирно болтать на балконѣ въ прохладной тишинѣ ночей...

Я давно хотѣлъ побывать въ настоящемъ глухомъ уголкѣ Туркестана, гдѣ еще живы преданія старыхъ туркестанскихъ нравовъ и типы старыхъ покорителей Туркестана.

И я отъ души порадовался, что мнѣ удалось попасть какъразъ именно въ ту характерную среду, до которой я добирался. Здѣсь, на крайнихъ рубежахъ Китайской имперіи, въ безконечной дали отъ центровъ цивилизаціи, еще сохранилась товарищеская простота отношеній между людьми и привычки безхитростнаго братства, которыми такъ согрѣвается на далекой чужбинѣ однообразная и полная лишеній жизнь военнаго человѣка. Здѣсь царствуетъ какая-то добродушная коммуна въ домашней жизни немногочисленнаго офицерскаго кружка, немножко, пожалуй, напоминающая братскую общину былой Запорожской

сѣчи. Всякій свободно идетъ въ квартиру товарища и безъ стѣснѣнія пользуется всѣмъ, что̀ у него найдется. У кого есть лошадка, всѣ пріятели, разумѣется, разсчитываютъ на эту лошадку, какъ на свою собственность, и посылаютъ за нею всякій разъ, какъ приходитъ нужда. Тарантасы, линейки, телѣжки—все это собственность цѣлаго офицерства, за кѣмъ бы номинально не считались они и кто бы ни платилъ за нихъ деньги изъ своего кармана. Пріѣзжаютъ къ кому-нибудь гости,— и все военное товарищество, — хочетъ не хочетъ — принимаетъ участіе въ гостепріимствѣ. Отъ одного тащится кровать, отъ другого стулъ, отъ третьяго матрацъ; у кого достается подсвѣчникъ, у кого самоваръ. Хозяинъ безъ денегъ,—за сахаромъ посылаетъ сосѣдъ, чай берется у товари'ца. И никому въ голову не придетъ отказать, когда есть на-лицо то, что требуется; но и никто, съ другой стороны, ни малѣйшимъ образомъ не посовѣстится отвѣтить пріятелю, что весь сахаръ вышелъ, что въ домѣ не осталось ни одной свѣчки. И ужъ если отвѣтитъ такъ,— стало быть, дѣйствительно такъ. Соврать въ подобномъ случаѣ, поскупиться въ дѣлежѣ съ товарищемъ—величайшій позоръ для туркестанскаго воина, и товарищи ему прохода бы не дали, если бы онъ былъ уличенъ въ какомъ-нибудь такомъ «жидовствѣ». Да потомъ это же было бы глупо и невыгодно; нынче я, завтра мнѣ, всякому своя очередь; сегодня у него въ карманѣ пусто, а завтра у меня. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ! Ни одинъ порядочный туркестанскій офицеръ не можетъ прожить, какъ нѣмецкій аптекарь, съ такимъ педантическимъ разсчетомъ, чтобы на каждый Божій день былъ непремѣнно заготовленъ свой необходимый зильбергрошъ. Русскія широкія натуры, да еще военныя косточки, не терпятъ такой скучной ариѳметики, а лучше согласятся пожить одну недѣльку въ мѣсяцъ какъ ихъ душенькѣ хочется, пробиваясь впро̀голодь остальныя три, чѣмъ тянуть всѣ четыре недѣли одну и ту же канитель умѣренности и аккуратности. Поэтому отъ перспективы пустого кармана никто здѣсь открещиваться не станетъ.

А когда все въ извѣстной степени принадлежитъ всѣмъ, когда никто не конфузится обнаруживать скудность своего домашняго быта,—никому, разумѣется, не можетъ прійти въ голову чваниться передъ другими своею обстановкою, щеголять красивой одеждой или удобствами жизни. Поэтому совершенная простота быта—здѣсь законъ природы своего рода. Здѣсь все просто до трогательности. Солдатская неразборчивость и нетребовательность воспиталась здѣсь самою исторіею рядомъ съ безстрашіемъ и удальствомъ. Ничтожныя кучки нашихъ геройскихъ воиновъ, побѣдоносно проносившія русскіе орлы черезъ тысячеверстныя пустыни и сквозь безчисленныя орды азіатскихъ варваровъ, должны были въ себѣ самихъ, въ своемъ тѣсномъ братствѣ, въ своемъ безмолвномъ терпѣніи и скромности вкусовъ находить средства своего существованія. Волей-неволей приходилось на обухѣ рожь молотить и шиломъ воду хлебать. Преслѣдовалось всѣми одно, главное—побѣда надъ врагомъ, завоеваніе и умиреніе края. Все же остальное, всѣ личныя потребности и вкусы выкидывались за бортъ, какъ пустыя мелочи, о которыхъ не стóитъ ни говорить, ни думать. Есть что поѣсть,—поѣдятъ, а нѣтъ, такъ подтянутся потуже ремешкомъ, покурятъ трубочки и ждутъ удобнаго случая. Походы въ азіатскихъ степяхъ не балуютъ человѣка, не дѣлаютъ изъ него сибарита. Ночевать негдѣ, кромѣ голой земли подъ открытымъ небомъ, пить нечего по нѣскольку дней сряду, часто и есть нечего. Зато нужно по сту верстъ въ день мѣсить пески, по недѣлямъ не слѣзать съ сѣдла. Ночью мерзнешь отъ мороза, днемъ жаришься на пятидесяти-градусномъ солнцепекѣ.

Поневолѣ упростишь всѣ вкусы свои и станешь на все неразборчивъ. Эта простóта и грубость быта, вмѣстѣ съ желѣзной выносливостью, незнающей усталости ни отъ чего и никогда,—характерная черта истаго туркестанца стараго закала, какимъ мы узнали его въ Ошѣ. Если здѣшній военный народъ немножко кокетничаетъ чѣмъ-нибудь,—то развѣ только этими запорожскими свойствами своими.

Хозяинъ нашъ былъ однимъ изъ самыхъ выразительныхъ представителей этого симпатичнаго типа туркестанскихъ воиновъ. Онъ былъ съ одной стороны начитаннымъ и любознательнымъ человѣкомъ, съ увлеченіемъ изучалъ исторію, этнографію и природу этого богатаго, въ высшей степени разнообразнаго края, собиралъ коллекціи естественныхъ произведеній, набивалъ чучела рѣдкихъ звѣрей и птицъ, которыхъ стрѣлялъ въ горахъ Алая, набрасывалъ самоучкою масляными красками виды трудно доступныхъ мѣстностей, которыя ему удалось посѣщать; а съ другой стороны это былъ истинный запорожецъ со всѣми вкусами и талантами какого-нибудь черноморскаго пластуна. На конѣ онъ спалъ и ѣлъ, на конѣ онъ путешествовалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ по пропастямъ и пустынямъ Алайскихъ и Заалайскихъ хребтовъ и неприступнаго Памирскаго плоскогорія, на конѣ онъ спокойно ѣздилъ въ Ташкентъ, дѣлая тысячу верстъ туда и назадъ, чтобы закупить какихъ-нибудь нужныхъ ему вещей, которыми онъ, конечно, навьючивалъ того же своего конька. Въ охотахъ проходила его жизнь. Онъ былъ начальникомъ охотничьей команды въ своемъ батальонѣ и не зналъ ничего радостнѣе охоты. Кабановъ, туровъ, аргали, сайгаковъ онъ билъ десятками, охотился на тигровъ и барсовъ, и вообще считался настоящимъ ферганскимъ Немвродомъ. Его огромный ростъ, сила и молодость вмѣстѣ съ отличнымъ знаніемъ края, безстрашіемъ и выносливостью—создавали изъ него идеальнаго охотника. Я нисколько не удивился, узнавъ потомъ изъ газетъ, что полковникъ Іоновъ выбралъ его въ число немногихъ смѣлыхъ спутниковъ своихъ, когда отправлялся съ отрядомъ удальцевъ на послѣднюю экспедицію свою въ заоблачныя пустыни Памира. Лучшаго товарища въ опасномъ и трудномъ походѣ по горнымъ дебрямъ—найти бы было трудно.

Хозяйка наша была еще молодая, но уже бывалая женщина. Мужъ ея служилъ когда-то земскимъ врачемъ въ нашемъ Щигровскомъ уѣздѣ, гдѣ я его немножко и зналъ, но потомъ

судьба занесла его въ Фергану, въ Ошъ, гдѣ онъ женился, осѣлъ и завелся своимъ домикомъ. Онъ лѣчилъ военный людъ, жена его акушерствовала и тоже лѣчила сартянокъ и киргизокъ, смѣло разъѣзжая верхомъ по ихъ кишлакамъ и становищамъ. Теперь С. былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ. гдѣ онъ держалъ при Медицинской академіи экзаменъ на степень доктора, а барынька его жила здѣсь одна съ матерью и мальчишкой-сынкомъ. Она тоже смотрѣла истиннымъ туркестанцемъ стараго типа. Такая же сильная, неутомимая и безстрашная наѣздница, какъ ея сосѣдъ, такой же неугомонный путешественникъ по дебрямъ и горамъ, — такая же простая и нетребовательная.

На ея балконѣ, въ ея гостепріимной столовой постоянно собиралась безцеремонная компанія товарищей и пріятелей. Никто ничѣмъ и никѣмъ не стѣснялся; кто бралъ книгу и садился читать, кто просилъ поѣсть или выпить чего-нибудь, кто писалъ нужную ему записку, какъ у себя дома.

И хозяйка также безцеремонно прогоняла гостя, если онъ приходилъ не во-время, посылала его за чѣмъ-нибудь, или сама уходила по своимъ дѣламъ и самымъ откровеннымъ образомъ объявляла требующимъ, что нынче у нея вина нѣтъ, если его дѣйствительно не было.

Бывало, сидишь теплою и синею звѣздною ночью на этомъ балконѣ, въ безконечной аллеѣ деревьевъ-великановъ, среди безмолвія рано заснувшаго городка,—и, забывшись, воображаешь себя гдѣ-нибудь въ деревенскомъ саду своемъ, среди далекихъ родныхъ. Поднимается кто-нибудь идти на-боковую, и всѣ, какъ сидятъ, безъ пальто и фуражекъ, идутъ провожать его въ его скромную холостую квартиру, и кто-нибудь еще возьметъ въ руки горящую свѣчку, чтобы посвѣтить въ потьмахъ, и несетъ ее по неподвижному воздуху ночи, словно по корридору дома, такъ что даже пламя не колыхнется.

И это еще больше наводитъ на меня иллюзію и переноситъ

воображеніе мое въ отрадную простоту родного мнѣ деревенскаго быта.

Среди близкихъ друзей нашихъ хозяевъ обращалъ на себя особенное вниманіе подполковникъ Г—ій, помощникъ уѣзднаго начальника. Это одинъ изъ храбрѣйшихъ боевыхъ офицеровъ, участникъ въ покоренiи края, и администраторъ, «твердой руки», какіе только и могутъ быть полезны въ этой странѣ дикаго насилія и племенной вражды.

Умный, спокойный, рѣшительный, онъ тутъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ и держитъ населеніе въ великомъ уваженіи къ русской власти. Теперь, когда я пишу это, онъ уже занимаетъ постъ, болѣе подобающій его способностямъ и опытности,—начальника Ходжентскаго уѣзда. Это тоже, конечно, туркестанецъ 96-й пробы, образцовый наѣздникъ и охотникъ, глубокій знатокъ края, человѣкъ стойко выработаннаго характера, умѣющій найтиться и распорядиться во всякихъ трудныхъ обстоятельствахъ, а потому самой природою, кажется, призванный для практической дѣятельности на нашихъ далекихъ окраинахъ.

Онъ особенно интересенъ для меня своимъ основательнымъ знаніемъ здѣшняго народа и края.

Признаюсь, когда мимо меня проходила эта новая для меня жизнь далекой азіатской окраины и какъ въ волшебномъ фонарѣ смѣнялись одни другими характерные типы и лица,—мнѣ вдругъ показалось, что я словно уже видѣлъ гдѣ-то эти образы и словно уже раньше жилъ этою жизнью. И когда я силился дать себѣ отчетъ въ этихъ шаткихъ намекахъ памяти, мнѣ стало ясно, что передо мною повторяются теперь въ живомъ видѣ типы и сцены, художественно воспроизведенные когда-то нашимъ талантливымъ знатокомъ Туркестана Каразинымъ въ его первыхъ романахъ и повѣстяхъ изъ среднеазіатской жизни. Я думаю, что въ этихъ инстинктивныхъ впечатлѣніяхъ туриста—

лучшее доказательство достоинства тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя ими напоминаются.

Характерна холостая квартира, которую Г—ій великодушно уступилъ для нашего ночлега. Это скорѣе какой-то безпорядочный музей, чѣмъ жилое помѣщеніе. Обѣ комнаты загромождены на полу, увѣшаны по стѣнамъ разнообразными произведеніями мѣстной природы и туземнаго искусства.

Головы памирскихъ архаровъ съ громадными витыми рогами, бородатыхъ «кіиковъ», замѣняющихъ въ Алаѣ кавказскаго тура, сайгаковъ, дикихъ козъ, кабановъ, шкуры барсовъ и тигровъ, мѣстныя змѣи въ банкахъ, чучела птицъ, гербаріи Памирской и Алайской флоры, куски минераловъ перемѣшаны съ туземными одеждами и домашними вещами. Тутъ и круглыя кожаныя коробки для провизіи, перекидываемыя черезъ сѣдло, и ковровые куржины, и киргизская шуба изъ шкуръ кіиковъ, замѣняющая бурку, и чайныя чашки въ походныхъ кожаныхъ чехлахъ, безъ которыхъ ни одинъ киргизъ и сартъ не выѣдутъ въ путь, и всякаго рода оружіе, азіатское и русское; къ довершенію этого bric-à-brac этнографическія и историческія книги, карты, путевые эскизы разныхъ дикихъ мѣстностей и наконецъ счеты и вѣдомости баталіоннаго казначея, въ должности котораго состоитъ нашъ хозяинъ.

Въ другой, нежилой половинѣ дома—вездѣ нагромождены въ нѣсколько рядовъ и другъ надъ другомъ длинныя доски устланныя листьями тутоваго дерева, на которыхъ кишатъ бѣлыя гусеницы шелковичной бабочки. Когда стоишь молча въ комнатѣ, то слышишь тихое дружное чавканье этихъ десятковъ тысячъ крошечныхъ ртовъ, точащихъ зеленую мякоть листа. Тяжелый непріятный духъ стоитъ въ домѣ отъ миріадъ этой вѣчно жрущей гадины, но съ этимъ волей неволей приходится мириться всякому, кто задастся цѣлью кормить червей. Въ Ошѣ почти каждый нашъ военный и даже цѣлыя солдатскія команды занимаются между дѣломъ кормежкой червей, для которыхъ они

покупаютъ у туземцевъ грену и тутовый листъ. Возни съ этимъ пропасть, мѣста требуется очень много, и тѣмъ больше, чѣмъ дѣло идетъ дальше, чѣмъ крупнѣе выростаютъ черви. Многіе хозяева уходятъ въ садъ, въ палатки, въ кухни, чтобы только очистить мѣсто для полокъ, на которыхъ разстилаютъ листья; когда гусеницы окуклятся и завернутся въ коконы, ихъ отдаютъ разматывать туземцамъ и получаютъ по нѣскольку фунтовъ шелку, который, въ свою очередь, за самую пустую плату отдаютъ ткать тѣмъ же туземцамъ, такъ что въ общемъ итогѣ затратою небольшихъ денегъ и большихъ трудовъ въ теченіе 2-хъ, 3-хъ недѣль—каждая семья пріобрѣтаетъ себѣ изрядное количество аршинъ мѣстной шелковой матеріи.

Ошъ мы осматривали во всѣхъ его уголкахъ въ компаніи съ своими новыми пріятелями. Побывали и въ мечетяхъ, и на базарахъ, и караванъ-сараяхъ, ничѣмъ не отличающихся отъ всего того, что́ уже мы столько разъ осматривали въ разныхъ городахъ Средней Азіи. Пришлось тутъ и покупать кое-что, потому что здѣсь довольно много китайскихъ товаровъ по случаю близости Кашгарской границы; есть и индѣйскіе, и афганскіе, но все, по правдѣ сказать, грубаго сорта и сравнительно дорого, какъ все въ Азіи. Выгоднѣе всего можно пріобрѣсть здѣсь бѣлые мѣха кашгарскихъ козъ и китайскую фарфоровую посуду, довольно, впрочемъ, грубаго разбора.

Въ медрессе, при базарной мечети, мы зашли въ комнату мудериса, старшаго наставника школы; этотъ бѣлый, какъ лунь, старецъ, смотритъ такимъ почтеннымъ и добродѣтельнымъ, что его прямо можно принять за Авраама, и моему чувству художника было немножко досадно узнать отъ провожавшаго насъ Г—го, что этотъ ветхозавѣтный патріархъ изрядный фарисей и сутяжникъ. Въ комнатѣ у него образцовая чистота и порядокъ: книжки опрятно сложены въ альковчикахъ стѣнъ, замѣняющихъ наши шкапы, на полочкахъ разставлена блестящая посуда, вездѣ ковры и войлочки; даже въ маленькой кухонькѣ у откры-

таго камина все педантически прибрано. Мудерисъ представилъ намъ двухъ своихъ сыновей, молодыхъ софтъ, живущихъ въ этомъ же медрессе, и предложилъ пройти на террасу, съ которой открывался видъ на базаръ и на весь старый городъ, такъ какъ терраса эта была ничѣмъ другимъ, какъ плоскою кровлею медрессе. Полюбовавшись на хорошо намъ знакомую и всегда интересную сутолку восточнаго базара, мы отправились въ сопровожденіи неизбѣжныхъ джигитовъ и ихъ ногаекъ, черезъ залитые пестрою толпою переулки, къ горѣ Соломона.

Сарты зовутъ ее «Сулейманъ-тахтъ», т.-е. жилище Соломона, а нѣкоторые измѣняютъ это имя въ «Сулейманъ-тахта», что́ значитъ «сидѣніе или тронъ Соломона». Гора эта составляетъ характерную особенность города Оша. Она поднимается надъ нимъ и среди него обрывистымъ островомъ въ видѣ сросшихся другъ съ другомъ трехъ утесовъ. У подошвы этихъ утесовъ старый садъ изъ вѣковыхъ тополей чудовищной толщины и высоты, должно быть, еще сверстниковъ Тимура. Въ густой тѣни ихъ и подъ сѣнью Сулеймановой скалы, полутемная часовня, посреди нѣе стоитъ массивная каменная гробница, укрытая красными покрывалами. Подъ темнымъ куполомъ часовни, вмѣсто лѣпныхъ карнизовъ, обвиваютъ ея круглыя стѣны двойнымъ поясомъ громадныхъ черныхъ и красныхъ буквъ куфическія арабскія надписи изъ алкорана. Дверочки затѣйливой рѣзьбы изъ почернѣвшаго дерева ведутъ въ эту усыпальницу, полную суроваго величія. Рядъ маститыхъ шейховъ, въ высокихъ бѣлыхъ тюрбанахъ на головахъ, выстроились передъ часовнею, когда мы выходили оттуда, и въ почтительныхъ позахъ, съ сложенными на животѣ руками, ожидали нашего приближенія. Всѣ эти духовные отцы живутъ и кормятся святыней Сулеймана и вышли привѣтствовать насъ, конечно, потому что съ нами былъ мѣстный уѣздный правитель съ толпою своихъ джигитовъ, всегда выдающихъ его присутствіе.

Оттого-то насъ водилъ въ часовню самъ мутавели, распорядитель вакуфовъ,—своего рода большая особа въ духовномъ

мірѣ мусульманъ; онъ прочитывалъ намъ арабскія надписи на стѣнахъ и давалъ почтительныя объясненія на всѣ мои вопросы. Однако, несмотря на его услужливость, намъ сообщили по секрету, что священный мужъ сей порядочный плутъ, и что въ его рукахъ остается не малая толика отъ доходовъ съ вакуфовъ.

Отъ самаго входа въ садъ до дверей часовни стоятъ, какъ и у насъ въ православныхъ монастыряхъ, вереницы нищихъ; проходящіе мимо правовѣрные непремѣнно опускаютъ имъ въ руки какую-нибудь маленькую монетку. Всѣ эти нищіе при приближеніи нашемъ быстро проводили руками по лицу и бородѣ и протягивали къ намъ руки. Мы, конечно, послѣдовали примѣру мусульманъ, не желая производить неблагопріятнаго впечатлѣнія на входившую вмѣстѣ съ нами толпу богомольцевъ. Изъ часовни мутавели повелъ насъ къ мечети, стоящей въ глубинѣ. Это обычная галлерея на рѣзныхъ колонкахъ съ ярко расписаннымъ потолкомъ и стѣнами, только просторнѣе другихъ, въ виду множества богомольцевъ, собирающихся сюда въ нѣкоторые дни. Поблагодаривъ мутавели и вручивъ ему нѣкоторую сумму «на бѣдныхъ», во главѣ которыхъ онъ обыкновенно считаетъ самого себя, мы отправились вверхъ на гору. Но священный мужъ не захотѣлъ насъ покинуть и тамъ. Порядочная толпа народа увязалась за нами. Кто несъ ковры, кто кувшины. кто подносъ, кто шелъ безъ всякаго дѣла изъ одного любопытства. На половинѣ подъема опять часовенька съ маленькою киблою—стало быть, мечеть. Намъ живо разостлали коврики, и мы усѣлись передохнуть на нѣсколько минутъ. Подъемъ былъ довольно крутой, а впереди и совсѣмъ трудный. Приходилось карабкаться по большимъ камнямъ, прямо надъ обрывомъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для непривычнаго человѣка могло быть и жутко. Наверху скалы тоже стоитъ мазаръ съ маленькимъ каменнымъ купольчикомъ; внутри его татарскія и арабскія надписи. Въ полу вдѣланъ какой-то черный камень, пользующійся особымъ уваженіемъ правовѣрныхъ. Около мазара

водружена, въ видѣ флагштока крѣпости, треногая вышка, оставшаяся отъ производившихся здѣсь измѣрительныхъ работъ и довольно кстати вѣнчающая собою вершину утеса. Въ тѣни галлерейки мазара намъ опять разостлали коврики, и, откуда ни возьмись, явился и неизбѣжный дастарханъ на подносѣ, и холодная вода въ глиняномъ кувшинчикѣ, и *„кокъ-чай“* въ мѣдныхъ кумганахъ. Все это несли сюда вмѣстѣ съ нами по распоряженію услужливаго мутавели. Кокъ-чай имѣетъ особенное свойство утолять жажду и подкрѣплять утомленныя силы. Его пьютъ безъ сахара, и какъ это ни казалось мнѣ безвкусно въ теоріи, однако, уставши отъ зноя и отъ крутого подъема, я его пилъ съ большимъ удовольствіемъ.

Отдохнувъ, мы взобрались на самую макушку скалы, къ которой прислоненъ мазаръ. Видъ оттуда одинъ изъ самыхъ красивыхъ, какіе мнѣ приходилось видѣть.

Снѣговой хребетъ Алая съ Алтынъ-Куюкъ и Ульканъ-Тау и такой же снѣговой Ферганскій хребетъ съ Арсланъ-Бопъ на первомъ планѣ охватываютъ сплошнымъ кольцомъ весь горизонтъ. Отрогами своими они спаиваются другъ съ другомъ на востокъ отъ Ошъ, замыкая выходъ изъ Ферганской долины, и всѣ вмѣстѣ образуютъ такой титаническій амфитеатръ снѣговыхъ горъ, котораго нельзя увидѣть ни въ Швейцаріи, ни на Кавказѣ. День былъ ясный, небо знойно-синее, и бѣлыя пирамиды, гребни и стѣны горъ вырѣзались на этомъ идеально чистомъ фонѣ, какъ истинные троны боговъ, выкованные изъ сверкающаго серебра. Это кольцо бѣлоснѣжныхъ хребтовъ окружаетъ громаднымъ обхватомъ прелестную и густо населенную зеленую котловину, полную цвѣтущихъ садовъ, воздѣланныхъ полей и многочисленныхъ жилищъ человѣка. Старый Ошъ лежитъ въ самой серединѣ этого чуднаго оазиса, утонувъ въ своихъ роскошныхъ садахъ и незамѣтно переходя со всѣхъ сторонъ въ такіе же обильные садами кишлаки. Широкій поясъ поливныхъ огородныхъ земель, прорѣзанныхъ безчисленными канавками арыковъ и обработанныхъ старательно, какъ цвѣт-

ной горшокъ, примыкаетъ къ кишлакамъ, а за нимъ стелятся, уже поднимаясь къ пятамъ горъ, такъ называемыя *богара*, поля яровыхъ посѣвовъ, не знающія поливки и всецѣло зависящія отъ весеннихъ дождей. Собственно говоря, поливная земля называется здѣсь «оби», а неполивная «ляльми», но такъ какъ на неполивной сѣютъ только «богару», то-есть яровые хлѣба, то и сами эти поля чаще извѣстны подъ именемъ «богара». Озимые же хлѣба называются «терамой», напр., озимая пшеница—«терамой бугдай», озимая рожь—«терамой джаударъ», рожь здѣсь впрочемъ сѣется рѣдко и называется также «черною пшеницею» («чаудары бугдай»); овса (по мѣстному «сула») почти вовсе не сѣется, и онъ встрѣчается здѣсь только въ дикомъ видѣ. Его вполнѣ замѣняетъ, какъ кормъ лошади, здѣшняя «арпа» или нашъ ячмень, а какъ пищу человѣка—разные виды проса—«таррыкъ» (обыкновенное просо) и «кунакъ» (птичье просо или боръ). Изъ «кунака» чаще всего дѣлается буза, единственный хмѣльной напитокъ туземцевъ, а также «кужа», обычная путевая пища киргиза и сарта, напоминающая нашу кашу, имя которой, можетъ быть, и состоитъ въ какомъ-нибудь историческомъ родствѣ съ этою «кужою» изъ разваренныхъ въ водѣ просяныхъ зеренъ.

Земля здѣсь настолько плодородна, что урожай пшеницы самъ 20-ть считается очень обыкновеннымъ. На «тапанъ», т.-е. 600 кв. саженъ, или $^1/_4$ десятины, — высѣвается обыкновенно 2 пуда пшеницы, и собирается до 5-ти «батмановъ» (въ батманѣ 8-мь пудовъ), слѣдовательно, 40 пудовъ. Съ десятины, значитъ, вышло бы 160 пудовъ. Притомъ пшеница требуетъ здѣсь для своей зрѣлости не 11—12 мѣсяцевъ, какъ у насъ, а менѣе 9-ти, сѣютъ ее въ половинѣ сентября, а къ концу мая, и уже не позднѣе начала іюня—она готова, такъ что послѣ нея еще успѣваютъ посѣять и снять въ то же лѣто какое-нибудь быстрорастущее растеніе. Но наши хлѣба вообще здѣсь сѣются далеко не въ такомъ количествѣ, какъ гораздо болѣе выгодный рисъ («шали» по-здѣшнему), хлопокъ или дыни.

Замѣчательно, что сарты зовутъ дыни — «кавунъ», то-есть тѣмъ самымъ именемъ, которымъ наши хохлы зовутъ арбузъ; арбузъ же здѣсь называется «гарбузъ». А хохлы, напротивъ того, подъ словомъ гарбузъ разумѣютъ тыкву. Такъ какъ трудно сомнѣваться, что арбузы, дыни, тыквы перешли къ намъ въ Россію изъ Средней Азіи вмѣстѣ съ татарами, то нужно предполагать, что наши южане, слышавшіе отъ татаръ эти названія, просто напросто перепутали ихъ

Свирѣпая горная рѣка Ак-Бура, сбѣгающая съ утесистыхъ ущелій Ульканъ-Тау, прорѣзаетъ на нашихъ глазахъ, какъ на развернутой громадной ландкартѣ, прямою стрѣлою всю котловину Ошъ, сначала новый городъ, потомъ старый городъ, потомъ его подгородніе кишлаки и теряется затѣмъ, вся расхватанная и растерзанная на сотни арыковъ, не доходя много верстъ до широкаго русла Кара-Дарьи, куда ей суждено было впадать. Эта рѣка невеличка, коварна и опасна до-нельзя. Глубина ея мѣняется такъ быстро и часто отъ таянья горныхъ снѣговъ, отъ внезапно выпавшаго дождя въ горахъ, что то и дѣло она уноситъ въ своихъ волнахъ человѣческія жертвы. Годъ тому назадъ сынъ мой, будучи здѣсь на работахъ, также едва не погибъ въ Ак-Бурѣ. Онъ возвращался верхомъ съ нѣсколькими джигитами изъ Гульчи, гдѣ производились работы, въ Ошъ. Рѣка, которую онъ переѣхалъ по мосту, отправляясь нѣсколько дней назадъ въ Гульчу, поднялась теперь отъ горныхъ дождей, снесла мосты и клокотала, какъ водопадъ. При первой попыткѣ переправиться вплавь, лошадь моего сына была сбита съ ногъ и залилась, а самого его теченіе понесло внизъ съ такою стремительностью, что джигиты, бросившіеся съ берега одинъ за другимъ наперерѣзъ ему, не могли сначала ни на минуту задержать его, а, схватившись съ нимъ за руки, вмѣстѣ съ нимъ уносились волною, пока наконецъ ихъ не оказалось цѣлыхъ четверо и они успѣли кое-какъ выбиться къ берегу при случайно встрѣтившемся крутомъ колѣнѣ рѣки.

Впрочемъ, не одна Ак-Бура видна намъ отсюда, словно начерченная на картѣ. Вся плетеница тѣсныхъ переулочковъ, вся толкотня базаровъ стараго Оша, всѣ муравейныя кучки его домиковъ, потонувшихъ въ садахъ, раскрываются съ вершины нашего утеса, какъ съ птичьяго полета. Виденъ намъ съ такою же ясностью, хоть сейчасъ на планъ наноси, и новый русскій городъ съ его геометрически разлинеенными и геометрически правильно-пересѣкающимися широкими улицами, стройныя шеренги его высокихъ тополей и сквозящіе черезъ ихъ зелень веселые бѣлые домики. Домъ уѣзднаго начальника выдѣляется уютною дачею въ чащѣ густыхъ садовъ на томъ берегу рѣки, какъ разъ напротивъ новаго города.

Но меня занимаетъ теперь не столько Ошъ, сколько его окрестности. Въ одну сторону отъ него по дорогѣ въ Джеллабадъ мнѣ показываютъ довольно близкій отсюда и довольно высокій холмъ, увѣнчанный обычною мусульманскою муллушкой, или мазаромъ; эта древняя мечеть-гробница носитъ загадочное имя «Іонусъ-мазаръ» — гробница Іоны. Нѣсколько дальше, въ самомъ Джеллабадѣ, дорога въ который, прорѣзающая цѣлый рядъ кишлаковъ, вся отлично видна намъ,—другой, еще болѣе чтимый и тоже очень древній, мазаръ «Хазретъ-Эюбъ»— т. е. святой Іовъ.

Около «Хазретъ-Эюба» знаменитые въ Ферганѣ цѣлебные источники, къ которымъ притекаетъ ежегодно для исцѣленія множество богомольцевъ, тамъ цѣлый мусульманскій монастырь, извѣстный далеко въ Средней Азіи, а недавно устроены купальни и помѣщеніе для нашихъ больныхъ солдатъ, которыхъ присылаютъ туда лѣчиться теплыми минеральными водами. Древнее туземное преданіе говоритъ, что въ этихъ цѣлебныхъ источникахъ библейскій Іовъ обрѣлъ исцѣленіе отъ мучительныхъ язвъ, которыми покрыто было его тѣло, когда онъ безпомощно страдалъ на своемъ гноищѣ. А на холмѣ Іонусъ, по такому же народному преданію древности, былъ выброшенъ изъ чрева китова пророкъ Іона, когда еще море подходило чуть не

подъ самую пяту здѣшнихъ горъ. Немного правѣе «Іонусъ-мазара», въ горахъ около Гульчи, опять загадочный памятникъ древности, и тоже соединенный съ библейскими воспоминаніями. Тамъ стоитъ столбъ въ родѣ долмена изъ плотной глины, прикрытый чернымъ камнемъ въ формѣ котла. Глина вездѣ кругомъ обмылась дождями и вывѣтрилась, и только этотъ тонкій столбъ ея, защищенный и уплотненный сверху каменною плитою, уцѣлѣлъ въ теченіе столѣтій. Туземцы называютъ этотъ столбъ «женою Лота». А вотъ тутъ, у нашихъ ногъ, жилище и тронъ самого библейскаго царя Соломона, миѳическаго основателя города Оша.

Что все это значитъ? какой общій смыслъ можетъ заключаться во всѣхъ этихъ отрывочныхъ, но однородныхъ сказаніяхъ народной фантазіи, такъ странно пріуроченныхъ къ одной и той же мѣстности?

Нѣкоторые предполагаютъ, что тутъ въ древности могли жить евреи, поселенные здѣсь еще до Кира персидскаго, который, какъ извѣстно, возвратилъ евреевъ въ ихъ отечество, и которому, по всей вѣроятности, принадлежали земли теперешней Ферганской области, подъ именемъ какой-нибудь Согдіаны, Базаріи или Ксениппы. Вспоминанія о Ноѣ, Лотѣ, Соломонѣ, Іовѣ и Іонѣ могли въ такомъ случаѣ быть просто остатками еврейскихъ религіозныхъ вѣрованій, случайно уцѣлѣвшими среди позднѣйшихъ наслѣдниковъ ихъ старыхъ владѣній.

Но, кажется, нѣтъ необходимости прибѣгать къ такимъ черезъ-чуръ уже далекимъ гипотезамъ.

Библейскія преданія и библейскія названія мѣстностей Ферганской области гораздо проще можно объяснить себѣ, если вспомнить, что пресловутое «царство попа Ивана», о которомъ въ средніе вѣка было распространено столько баснословныхъ сказаній и которое было небезвѣдомо и нашей древней Руси, по всѣмъ признакамъ, находилось въ мѣстностяхъ теперешней Средней Азіи и было, по всѣмъ вѣроятіямъ, обширною христіанскою общиною Несторіанскаго толка, обнимавшаго собою

многія области, а патріархъ этихъ христіанъ, судившій и рядившій ихъ, повидимому, и слылъ у азіатовъ подъ именемъ «попа Ивана».

По крайней мѣрѣ и исторически и археологически доказано несомнѣнно долговременное пребываніе въ первые вѣка послѣ Рождества Христова въ мѣстностяхъ Самарканда, Мерва и многихъ другихъ—христіанъ-несторіанцевъ, имѣвшихъ своихъ епископовъ и митрополитовъ,—епархіи, церкви и монастыри. Я уже имѣлъ случай при описаніи Мерва упомянуть, что одному митрополиту древняго Меру было подчинено, по персидскимъ источникамъ, 6-ть епископій, и что теперешнія развалины «Гяуръ-Кала» вблизи Байрамъ-Али, вѣроятно, остатки древняго христіанскаго города. Въ окрестностяхъ Самарканда, какъ мнѣ придется разсказать впослѣдствіи при описаніи этого города, тоже уцѣлѣли явные памятники древняго христіанскаго культа и такъ же, какъ въ Ошѣ, запечатлѣнные не столько евангельскими, сколько библейскими воспоминаніями.

А итальянскій путешественникъ XIII вѣка, монахъ Плано-Карпини, въ числѣ странъ Средней Азіи, которыя онъ проѣхалъ, отправляясь съ береговъ Волги въ Китайскую Монголію, къ великому хану, слѣдовательно, по необходимости и Фергану, въ числѣ странъ теперешняго Туркестана или сосѣдняго съ нимъ Китайскаго Туркестана, — называетъ землю *гуировъ* (terram Huyorum), очень напоминающую своимъ именемъ „землю *гяуровъ*“, и при этомъ прямо объясняетъ, что они *„были Христіанс Несторіанскаго толку*, коихъ (татары) также побѣдили». Другой европейскій путешественникъ того же времени по странамъ Средней Азіи, Марко Поло, разсказываетъ даже о христіанскихъ монастыряхъ и церквахъ, которые онъ видѣлъ. Такое несомнѣнное свидѣтельство очевидцевъ о пребываніи въ Средней Азіи христіанскаго народа до самаго 13-го вѣка устраняетъ, намъ кажется, всякія иныя объясненія ферганскихъ памятниковъ съ библейскими именами, кромѣ приведенныхъ нами выше. Это обстоятельство дѣлаетъ, съ другой стороны, понятнымъ, по-

чему въ ордахъ Батыя, набранныхъ изъ кочевниковъ Средней Азіи, болѣе половины было христіанъ, какъ мы уже имѣли случай указать при описаніи Мерва.

«Въ Батыевомъ войскѣ считается 600.000 человѣкъ, а именно, 160.000 татаръ и 450.000 христіанъ и другихъ, т.-е., невѣрныхъ», разсказываетъ въ своей книгѣ Плано-Карпини, лично посѣтившій ставки Батыева войска.

Есть указанія на то, что жена и мать Чингисъ-хана были христіанки, и что даже среди хановъ Хаварезма (Хивы) одинъ ханъ, если не ошибаюсь, Куюкъ-ханъ, былъ христіанинъ и былъ зато погубленъ болѣе сильною партіею мусульманъ. Вообще, судя по персидкимъ источникамъ, въ первое время появленія мусульманства въ Средней Азіи, оно нашло здѣсь чрезвычайно сильно укоренившееся христіанство; борьба съ нимъ мусульманства велась отчаянная, на жизнь и смерть, и въ теченіе долгаго времени составляла главную цѣль вождей ислама. Слѣды этой борьбы гораздо болѣе отразились въ трудахъ персидскихъ и арабскихъ историковъ, чѣмъ въ лѣтописяхъ исторіи европейской, до которой доходили только извѣстія изъ ближайшихъ и болѣе для нея интересныхъ христіанскихъ странъ Азіи—Палестины, Сиріи и Леванта.

Размышляя о всѣхъ этихъ событіяхъ далекой древности, нельзя прежде всего не поразиться изумленіемъ передъ непостижимою силою апостольской проповѣди. Сила эта поистинѣ чудодѣйственная, необъяснимая съ человѣческой точки зрѣнія. Ничтожная горсть бѣдныхъ рыбаковъ съ береговъ какого-то глухого Генисаретскаго озера, неграмотныхъ, нигдѣ не бывавшихъ, съ однимъ посохомъ въ рукѣ, вдругъ расходится, по слову своего Учителя, во всѣ страны міра, заходитъ между прочимъ и въ эти недоступныя предгорія Тянь-Шаня, далеко за безлюдныя пустыни Бактріи и Согдіаны, и тамъ въ сердцахъ свирѣпыхъ хищниковъ и разбойниковъ, опустошавшихъ потомъ съ кровожадностью дикихъ звѣрей цивилизованныя страны,— насаждаютъ кроткое Христово ученіе любви и братства.

Къ сожалѣнію, намъ извѣстны только случайные и ничтожные обрывки изъ глубоко поучительной исторіи этого великаго апостольскаго подвига. То, что мы знаемъ о немъ — это только одна капля изъ цѣлаго моря невѣдомыхъ намъ геройскихъ трудовъ и побѣдъ человѣческаго духа, передъ которыми кажутся дѣтскою игрушкою всѣ походы македонскаго завоевателя въ эти послѣднія грани тогда извѣстной земли, къ этимъ самымъ дикимъ народамъ насилія и крови.

И никакой Эрнестъ Ренанъ не разъяснилъ намъ до сихъ поръ силою своей науки чудесную тайну этихъ сверхъ-человѣческихъ побѣдъ.

Вся гора «Тахта Сулейманъ», по убѣжденію ферганскихъ мусульманъ, исполнена цѣлебной силы. Мутавели съ серьезною важностью убѣжденнаго человѣка свелъ насъ съ вершины утеса сначала къ плоскому камню на обрывѣ скалы. Здѣсь онъ благоговѣйно указалъ намъ двѣ круглыя впадины въ камнѣ.

— Кто голова болитъ, сейчасъ голова здоровъ!—съ нескрываемымъ торжествомъ поспѣшилъ намъ перевести его сартскую рѣчь провожавшій насъ полицейскій чинъ, тоже, конечно, туземецъ.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, съ обстоятельностью англійскаго туриста, которые, какъ извѣстно, не осматриваютъ замѣчательныя мѣстности, а производятъ надъ ними строгое судебное слѣдствіе своего рода,—тотчасъ же протянулся во весь свой ростъ на плоскомъ камнѣ, угодивъ затылкомъ какъ разъ въ одну изъ его ямокъ, невыносимо накаленныхъ солнцемъ.

— Ну что? прошла голова?—смѣясь спросилъ я его.

— Какое прошла!—тяжело отдуваясь и недовольно морща брови, проговорилъ поднявшійся на ноги спутникъ нашъ.—Она у меня и не болѣла совсѣмъ, а какъ легъ на этотъ проклятый утюгъ, такъ сейчасъ и заломило! провались они съ своимъ камнемъ!..

При спускѣ, на половинѣ горы, мутавели опять остановилъ насъ и опять такимъ же почтительнымъ жестомъ указалъ намъ

на другой черный камень, но уже не съ ямками, а съ рѣзкою сѣдлиною по серединѣ. Камень оказался тоже цѣлебнымъ.

— Спина болѣлъ, спина лѣчить можно!—объяснилъ намъ услужливый сартъ, дополняя своею русскою рѣчью непонятныя намъ разглагольствованія мутавели...

Нашъ охавшій спутникъ со вкусами англичанина и тутъ не удержался и еще разъ протянулся, ради пробы, на это Прокрустово ложе, перегнувшись чуть не пополамъ въ поясницѣ.

— Ухъ, больно какъ! чортъ знаетъ, что за глупая выдумка!.. тутъ и послѣдній свой хребетъ переломишь!—крикнулъ онъ, поспѣшно вскакивая.

Но не успѣли мы сойти внизъ еще нѣсколько шаговъ, какъ мутавели обратилъ наши взоры къ глубокимъ впадинамъ въ скалѣ, въ которыхъ вѣрующіе выламываютъ свои болящія руки.

Нашъ чудакъ-товарищъ, только-что ругавшій самымъ искреннимъ образомъ глупыя выдумки сартовъ, поддался однако и этой ихъ глупой выдумкѣ и пресерьезно засунулъ обѣ свои руки въ дыры цѣлебнаго камня, откуда вытащить ихъ было ему не совсѣмъ легко. Я отъ души смѣялся, слушая потомъ его воркотню на эти самыя «нелѣпыя» дыры и камни, которыхъ онъ никакъ не рѣшался пропустить безъ изслѣдованія собственными боками.

Вокругъ священной скалы, проникнутой такой цѣлебной силой, недаромъ ютятся многочисленныя могилы правовѣрныхъ, ихъ часовеньки и мечети. Въ нѣкоторые дни сюда собирается на молитву до 10.000 народа. Множество правовѣрныхъ и въ обыкновенное время проводятъ здѣсь цѣлые дни, бродя по саду, лежа на камняхъ, облитыхъ солнцемъ, молясь и совершая намазъ.

Мы слѣзли наконецъ съ горячихъ голыхъ камней Тахты-Сулейманъ, что̀ гигантскими ступенями поднимаются вверхъ, словно настоящее подножіе царскаго трона, и вступили опять въ прохладныя сѣни густого стараго сада.

Тѣ же безмолвно выразительныя, сановитыя фигуры сѣдобородыхъ шейховъ въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ провожали насъ, почтительно прикладывая къ сердцу морщинистыя руки, тѣ же ряды изуродованныхъ и язвами покрытыхъ нищихъ преслѣдовали насъ своими жалобными причитаньями...

А джигиты уже сидѣли верхами на своихъ лихихъ конькахъ и разгоняли взмахами ногаекъ черезъ-чуръ любопытную толпу, тѣснившуюся у воротъ...

VI.

Подъемъ на Малый Алай.

Ѣхать на Алай, въ гости къ киргизамъ, мы собрались цѣлою пріятельскою компаніей. Въ просторный тарантасъ впряжена была тройка бойкихъ киргизскихъ лошадей и солдатъ вмѣсто возницы. Двѣ наши дамы, жена моя и М. П. С., помѣстились на заднемъ сидѣньи, а мы съ Н. Г. Г—мъ впереди; но я нашелъ, что съ высоты козелъ мнѣ будетъ гораздо удобнѣе и свободнѣе схватывать взглядомъ картины мѣстности и все, что будетъ встрѣчаться намъ въ этой любопытной странѣ, чѣмъ сидя задомъ къ лошадямъ на узенькой лавочкѣ тарантаса; поэтому сейчасъ же, какъ только выѣхали изъ города, я перебрался на козлы и отлично устроился рядомъ съ доморощеннымъ кучеромъ нашимъ.

Мы переправились по новому мосту черезъ зловѣще гудѣвшую Ак-Буру. Пришлось проѣхать насквозь весь туземный городъ, всѣ его базары и «гузары».

При видѣ мундира начальства, солдата на козлахъ и скачущихъ впереди джигитовъ, базарная толпа разомъ преображалась. Все вдругъ смолкало какъ по мановенію волшебнаго жезла. Кто шелъ—тотъ останавливался на мѣстѣ; кто ѣхалъ верхомъ—мгновенно осаживалъ коня и спрыгивалъ съ сѣдла. Сановитые халатники въ величественныхъ тюрбанахъ, важно возсѣдавшіе

на «супàхъ» и коврикахъ чай-хане и ашъ-хане, торопливо покидали свои чашки чаю и недоѣденные куски шашлыка; жирные торговцы, сонливо отпускавшіе товары покупателямъ, бросали свои аршины и куски матерій, и всѣ, соскочивъ на землю, становились въ рядъ, какъ послушныя дѣти передъ строгимъ учителемъ, почтительно привѣтствуя проѣзжавшаго мимо правителя приложенными къ груди руками. Иные усердствовали еще больше и низко кланялись ему, препотѣшно сгибаясь пополамъ въ поясницѣ и въ то же время ничуть не наклоняя головы, а продолжая подобострастно смотрѣть въ глаза начальству, быстро оглаживая рукою лицо и бороду, и прикладывая руку къ сердцу; изъ-подъ ихъ смиренно-лукаваго вида проглядывало, однако, что-то такое злое и хищническое, что вы даже на одну минуту не могли оставаться въ заблужденіи на счетъ истинныхъ чувствъ, одушевлявшихъ этихъ низкопоклонныхъ чалмоносцевъ при видѣ русскаго офицера. Это уже далеко не красавцы-таджики, которыми кишитъ Бухара или Самаркандъ, а подлинныя монгольскія лица, безобразныя до животности, хотя все-таки они сарты, а не киргизы.

Меня и здѣсь, какъ во многихъ другихъ городахъ Средней Азіи, поражало множество женщинъ, укутанныхъ въ свои «паранджи»—длинные темносиніе саваны,—безъ всякаго дѣла толкавшихся по базарамъ и улицамъ. Это даетъ во всякомъ случаѣ довольно своеобразное понятіе о томъ затворничествѣ, въ которомъ будто бы пребываетъ азіатская женщина.

За Ошемъ открывается красивый видъ на Ульканъ-Тау, Алтынъ-Казыкъ и весь Малый Алай, сіяющій среди синяго неба зубчатыми пирамидами своихъ снѣговыхъ вершинъ.

Мы все поднимаемся легкимъ изволокомъ въ гору; воздухъ дѣлается замѣтно свѣжѣе и не томитъ насъ своимъ раскаленнымъ дыханіемъ. Зеленые холмы волнуются кругомъ, кое-гдѣ вспаханные подъ «богару», то-есть яровые посѣвы, не орошаемые арыками, увлажаемые единственно весеннимъ дождемъ. Дальше прекращается и богара, стелются одни травянистыя

пастбища. Попадаются кое-гдѣ кишлачки и зимовники киргизовъ. Царство сартовъ тутъ уже кончается. Зимовникъ—это обыкновенно опустѣвшій загонъ, обнесенный полуразрушрнными глиняными дувалами, съ чуть замѣтною плоскокрышею мазанкою въ углу изъ той же глины. Два-три чахлыхъ деревца, пріютившихся гдѣ-нибудь у ограды, служатъ не столько убѣжищемъ отъ солнца, сколько сигнальнымъ знакомъ своего рода, издали замѣтнымъ путнику.

Внутри этого загона и кругомъ его стѣнъ скучиваются обыкновенно на зиму кибитки киргизовъ, чтобы хотя немного защитить себя и скотъ отъ насквозь пронизывающихъ зимнихъ бурь.

Чѣмъ выше поднимаемся мы, тѣмъ больше начинаютъ заслонять отъ насъ снѣговую цѣпь сухіе каменистые гребни, покрытые теперь яркою травою только по случаю недавнихъ весеннихъ дождей. Они выростаютъ незамѣтно справа и слѣва двумя сплошными стѣнами и наконецъ образуютъ собою широкую долину рѣки Талдыка, вверхъ по которой намъ приходится ѣхать порядочное число верстъ. Талдыкъ—типичная горная рѣка. Она растекается по своему руслу множествомъ змѣею вьющихся быстрыхъ протоковъ, которые едва набираютъ силъ пробираться сквозь сплошное ложе крупной гальки, покрывающей все дно долины.

Кибитки начинаются сейчасъ же за послѣдними кишлаками. Онѣ чернѣютъ своими одиноко разбросанными муравьиными кучками въ зеленыхъ складкахъ и пазухахъ горъ, и у самаго подножья ихъ, и высоко наверху. Все чаще и чаще появляется въ пейзажѣ верблюдъ, все звонче и радостнѣе поютъ горные ручьи, выбѣгающіе изъ тѣсныхъ боковыхъ ущелій въ широкое русло Талдыка. На встрѣчу намъ то и дѣло двигаются своеобразные караваны. Теперь 2-е мая, конецъ здѣшней весны, начало горнаго лѣта. Кочевники, какъ перелетныя птицы изъ южныхъ странъ въ сѣверныя, сбиваются теперь въ стаи и тянутъ общею тягою съ равнинъ предгорій на заоблачныя Альпы Алая, Заалая и Памира.

«Памиръ» собственно и есть туземное названіе высокихъ альпійскихъ равнинъ; слово это нарицательное, примѣняемое ко всякому заоблачному плоскогорію, и если подъ именемъ Памира европейскіе географы знаютъ только опредѣленную страну къ югу отъ нашей Ферганы и къ западу отъ Кашгара, то въ глазахъ кара-киргизовъ Алая или сартовъ Оша «памиры», хотя и не такіе громадные и величественные, какъ пресловутая «крыша міра», одинаково существуютъ и на Алайскомъ, и на Заалайскомъ, и на Ферганскомъ хребтѣ.

Переселяются киргизы цѣлыми родами, потому что и здѣсь внизу, и тамъ на Альпахъ, земля принадлежитъ родамъ, а не отдѣльнымъ семьямъ, да и отстоять свои права на эти никѣмъ не защищаемыя и никакими межами не отграниченныя пастбища отъ захвата другихъ кочевниковъ подъ силу только всему роду. Съ глубокимъ интересомъ смотрѣлъ я на эти картины изъ жизни первобытнаго человѣчества, которыя были вѣковѣчною стариною еще во времена первыхъ библейскихъ патріарховъ; вереницы верблюдовъ, нагруженныхъ коврами, войлоками, барданками, гнутыми деревянными остовами кибитокъ, полосатыми мѣшками, набитыми платьемъ и всякою рухлядью, безхитростною посудою и утварью несложнаго кочевого хозяйства,—шли, мѣрно шагая и глубоко увязая въ наносахъ хряща, одинъ за другимъ, вытянувъ шеи, какъ журавли на полетѣ.

Пестро разодѣтыя киргизки въ своихъ высокихъ и яркихъ головныхъ уборахъ, въ полосатыхъ канаусовыхъ халатахъ, возсѣдали, окруженныя такими же пестроодѣтыми дѣтишками, на горбахъ самыхъ сытыхъ верблюдовъ, по-праздничному разукрашенныхъ разноцвѣтными коврами, махрами, уздами...

Киргизки здѣсь вообще одѣваются очень щеголевато. На головѣ у нихъ затѣйливые тюрбаны, высокіе, какъ башня, съ концами, висящими назадъ; у молодыхъ они еще обшиты бахромой, расшиты золотомъ, украшены монетами.

Волоса заплетаются въ мелкія косы, и каждая коса охвачена на концѣ довольно изящною и не дешево стоющею трубочкою.

Особенно поразила меня роскошью своихъ шелковыхъ одеждъ одна молодая и красивая киргизка, передъ которою поперегъ горба была увязана ярко расписанная, выточенная изъ дерева колыбелька. Повидимому, эта совсѣмъ еще юная мать бережно везла въ ней своего недавно рожденнаго первенца.

На верблюдахъ были только женщины, дѣти и домашняя утварь; на иныхъ даже прямо виднѣлись привязанные къ горбу неразобранныя круглыя верхушки кибитокъ и верхніе обручи ихъ, называемые «чангаракъ». Всѣ же мужчины, молодые и стыре, ѣхали на коняхъ впереди и сзади каравана, съ «канчами» (ногайками) въ рукахъ, а нѣкоторые вооруженные «союлами» (дубинами), гоня передъ собою стада овецъ, коровъ и молодыхъ верблюжатъ, и готовые при малѣйшей опасности броситься на защиту своего добра или въ догонку за дерзкимъ грабителемъ.

Бродячіе рыцари пустыни всячески стараются воспользоваться суетою и безпорядкомъ, неразлучными съ многодневною перекочевкою въ дальнія пастбища цѣлыхъ становищъ съ ихъ стадами и рухлядью, поэтому ночные грабежи и воровства случаются въ это время очень часто, и киргизамъ-охранителямъ карауановъ, а особенно верблюдовожатымъ—«лаучамъ»—необходимо быть всегда на-сторожѣ, имѣть, что называется, ушки на макушкѣ. Не даромъ выработался и характерный крикъ, которымъ здѣсь перекликаются ночные караульщики: «карабъ-утырь!» то-есть: «сиди и гляди!»

Попадались намъ киргизы и верхомъ на коровахъ. Признаюсь, я въ первый разъ въ своей жизни видѣлъ такихъ оригинальныхъ всадниковъ и смотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ любопытствомъ. Ѣзда на коровахъ представляется однако здѣшнимъ жителямъ нисколько не странною; вездѣ въ степи киргизы и калмыки употребляютъ коровъ подъ верхъ и даже изобрѣли для нихъ особенныя сѣдла.

Замѣчательно, что и въ древности монгольскія племена имѣли обычай ѣздить верхомъ на коровахъ. Плано-Карпини въ своей

извѣстной книгѣ «Libellus historicus» говоритъ про татаръ 13 вѣка, что они сидѣли «*на лошади или на быкѣ*». Потомъ уже я пересталъ удивляться этому обычаю кочевниковъ, особенно послѣ того, какъ побывалъ на Маломъ Алаѣ, гдѣ можно встрѣтить всадника даже верхомъ на якѣ, самомъ удобномъ животномъ для путешествія по горамъ.

Глядя на встрѣчавшійся намъ народъ, на всѣ эти коричнево-смуглыя скулистыя образины, съ раскосыми глазами, съ широкими приплюснутыми носами, суровыя, густо обросшія черными волосомъ, поймешь, почему ихъ называютъ «черными киргизами» («кара-киргизъ»). Страннымъ образомъ среди нихъ то и дѣло попадаются ожирѣвшіе толстяки, хотя, казалось бы, непрерывная кочевка, постоянная жизнь на сѣдлѣ или на горбу верблюда не должны бы были располагать человѣка къ ожирѣнію.

Должно быть, слухъ о проѣздѣ уѣзднаго начальства уже разнесся гдѣ слѣдуетъ, потому что въ разныхъ мѣстахъ намъ попадались кучки киргизовъ съ чекменями въ рукахъ, торопливо испрявлявшіе дорогу. Въ одной лощинкѣ стояла изрядная грязь, и мѣстный «аминъ» или волостной старшина, человѣкъ повелительнаго вида, въ бѣлой чалмѣ и красивомъ халатѣ, хлопоталъ закидать эту грязь сухою землею, распоряжаясь довольно многолюдною толпою «мардекеровъ» (копачей). Однако, онъ, по всей вѣроятности, опоздалъ своимъ усердіемъ, потому что тарантасъ нашъ, нырнувъ передкомъ въ грязь, сразу загрузъ въ ней; лошади стали, несмотря на крики и удары кнута.

Въ одно мгновенье Г—ій выпрыгнулъ изъ тарантаса и бросился къ амину. Не успѣлъ я оглянуться, какъ бѣлая чалма злополучнаго амина закачалась во всѣ стороны, а Г—ій, не говоря ни слова, возвратился и сѣлъ на свое мѣсто, будто ни въ чемъ не бывало.

Толпа мусульманъ въ страхѣ глядѣла, разинувъ ротъ, на эту импровизованную расправу русскаго начальства съ ихъ величественнымъ аминомъ.

Повидимому, и они, и самъ аминъ находили все это совершенно въ порядкѣ вещей. Вѣроятно, безъ такого рода быстрыхъ и рѣшительныхъ взысканій, приноровленныхъ къ грубымъ понятіямъ населенія, трудно поддержать порядокъ въ этомъ дикомъ краѣ. Но тѣмъ не менѣе мы были озадачены этою неожиданною выходкою нашего всегда сдержаннаго спутника.

Зато при возвращеніи нашемъ обратно изъ Гульчи мы уже не застали здѣсь ни малѣйшаго слѣда грязи, и тарантасъ нашъ переѣхалъ эту злополучную лощинку, какъ по шоссе. Нельзя во всякомъ случаѣ не признать, что письменные выговоры или жалкія слова врядъ ли достигали бы какихъ-нибудь практическихъ результатовъ среди дикарей, привыкшихъ къ невообразимо-жестокимъ расправамъ былого ханскаго управленія.

Въ Ак-Джарѣ (по-русски «Бѣлый оврагъ») разбросанная группа деревьевъ образовала маленькую рощицу. Тутъ тоже шли работы. Чистили старый «хаузъ» или прудокъ, который служилъ водопоемъ верблюдамъ и лошадямъ; рабочіе отдыхали послѣ обѣда, лежа на кошмахъ въ тѣни деревьевъ. Съ ними былъ самъ «минъ-баши», важная особа своего рода, соотвѣтствующая по власти кавказскому наибу. И минъ-баши, и всѣ люди его вскочили на ноги при нашемъ приближеніи. Они, очевидно, тоже знали о пріѣздѣ начальства и ожидали его. Минъ-баши оказался толстякомъ въ очкахъ, въ богатой чалмѣ и халатѣ. Онъ раболѣпно поймалъ двумя своими огромными лапами протянутую ему руку русскаго начальника и чуть не поцѣловалъ ее. Къ нашему отряду присоединился теперь минъ-баши съ своимъ джигитомъ, и всѣхъ насъ набралось теперь больше десяти человѣкъ.

Мы всѣ были утомлены и нетерпѣливо дожидались роздыха. Къ нашему благополучію, онъ былъ уже не далеко.

Мазаръ въ Ленгарѣ живописно бѣлѣется среди окружающихъ его камней на фонѣ зеленыхъ горъ. Шесты, обвѣшанные конскими хвостами на мѣдныхъ яблокахъ и разноцвѣтными

тряпками, торчатъ передъ его скромнымъ глинянымъ купольчикомъ, будто водруженныя копья воинствующаго ислама,— далеко видные съ дороги.

Здѣсь погребенъ дѣйствительно воинъ ислама, память котораго очень почитается мѣстными жителями, хотя и не особенно пріятна нашему брату русскому. Герой этого памяника ранилъ нашего Куропаткина, теперешняго генералъ-губернатора Закаспійской области, во время его посольства въ Кашгаръ, и былъ убитъ на этомъ самомъ мѣстѣ роднымъ братомъ Куропаткина.

Мазаръ этого воина-фанатика какъ разъ надъ водою у горнаго ключа. Оттого-то онъ сталъ обычнымъ мѣстомъ роздыха для каравановъ, тѣмъ болѣе, что онъ приблизительно на половинѣ дороги изъ Оша въ Гульчу. Кругомъ его поднимаются по скатамъ горъ привольныя зеленыя пастбища. Вонъ и теперь цѣлый караванъ навьюченныхъ верблюдовъ отдыхаетъ около всѣми чтимаго мазара; такъ и хочется схватить карандашъ и набросить въ альбомъ эту характерную азіатскую сцену со всѣми ея живописными подробностями.

Русскіе тоже воспользовались Ленгаромъ, какъ удобнѣйшимъ перепутьемъ. Практическій взглядъ Скобелева сразу рѣшилъ, что тутъ должна быть русская военная станція для сообщенія Оша съ крѣпостью Гульчи. Скобелевъ приказалъ построить тутъ домъ для остановки и ночлеговъ, и поселилъ тутъ маленькій караулъ.

Въ первой просторной, хотя и полутемной, комнатѣ—кухня и помѣщеніе для джигитовъ и простыхъ солдатъ. Другая комната съ каминомъ и двумя широкими «супа́ми», укрытыми коврами,—для ночлега проѣзжихъ офицеровъ. Насъ очень позабавила курьезная надпись, которую мы прочитали на стѣнѣ этой комнаты:

«Ищу титулярную совѣтницу Вильгельмину Михайлову, кто въ Бога вѣруетъ и знаетъ, гдѣ она существуетъ, прошу увѣдомить въ Гульчу, въ интендантскій магазинъ Михайлова».

Это слегка рехнувшійся, несчастный чиновникъ военнаго вѣдомства, отъ котораго бѣжала жена, — безплодно вздыхаетъ о помощи къ рѣдкимъ проѣзжимъ, случайно заглядывающимъ въ Ленгаръ.

Съ дѣтскимъ аппетитомъ и дѣтскимъ искреннимъ удовольствіемъ поѣли мы горячаго плова, который намъ живо приготовили бывшіе съ нами туземцы. Въ этомъ мелко изрубленномъ душистомъ и сочномъ мясѣ горнаго баранчика, пропитывающемъ своими соками разваренный рисъ, — нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ «пилавомъ», который мастерятъ наши русскіе повара.

Въ Ленгарѣ уже необходимо бросить экипажъ и «всѣсть на борзыхъ коней», потому что сейчасъ за Ленгаромъ начинаются настоящія горы,—отроги малаго Алая. Подъемъ дѣлается рѣзко крутъ, со всѣхъ сторонъ открываются прекрасные виды. Особенно поразительное впечатлѣніе производитъ перевалъ «Токà» (по-русски «подкова»). Только-что привычные кони наши успѣли вскарабкаться на вершину высокой конусообразной горы, выстланной, будто зеленымъ бархатомъ, молодою травою, какъ по ту сторону горы распахнулось подъ самыми ногами нашими неохватное провалье; титаническими ступенями сходятъ въ эту глубокую котловину, населенную внизу холмами, лѣсами и скалами,—зеленые скаты окружающихъ горъ. Тамъ, далеко внизу, копошится въ складкахъ холмовъ цѣлый аулъ кибитокъ. Вонъ какая-то ярко-красная комашка, не больше тровяной тли, карабкается тамъ чуть не по отвѣсному обрыву скалы. Вы съ трудомъ вѣрите, что это киргизка въ своемъ кумачевомъ халатѣ лѣзетъ съ кувшиномъ за водою къ горному ключу.

На заднемъ фонѣ этой громадной пропасти, выдвигается, бутдо эффектная декорація театра, изъ затуманенной далью глубины, гигантская голая стѣна съ красными потеками, изъ-за него тяжкая лохматая масса лѣсами покрытой горы. Ребра ея тоже въ кроваво-красныхъ пятнахъ и потекахъ, словно она только-что съ тяжкими усиліями прорвалась наверхъ сквозь

жосткія толщи земныя и ободрала себѣ до крови, оголила до костей свое могучее каменное тѣло.

Эти богатыя жилы ярко-красной желѣзной руды, не уступающія по прелести цвѣта никакой муміи, умбрѣ или сіенской глинѣ,—конечно, никѣмъ здѣсь не разрабатываются, да и врядъ ли обращаютъ на себя чье-нибудь вниманіе, а между тѣмъ онѣ встрѣчаются далеко не въ одномъ мѣстѣ Ферганской области.

Спускъ по карнизамъ горы, все время надъ бездною провалья, повернулъ наконецъ вправо и привелъ насъ къ единственному выходу изъ гигантскаго амфитеатра, которымъ мы только-что любовались. Не скажу, чтобы мы взглянули на этотъ оригинальный выходъ съ особенно довѣрчивымъ чувствомъ. Даже и при моей привычкѣ къ горнымъ странствованіямъ дѣлалось нѣсколько жутко, когда пришлось спускаться по узкой осыпи камней, сдавленной между двумя стѣнами скалъ, подъ угломъ 45 градусовъ. Никакого слѣда тропы, потому что мелкіе камни ползутъ и сыпятся, какъ горохъ по крутому откосу. Вся глубина пропасти, въ которую вы лѣзете, все время передъ вашими глазами, прямо подъ ногаии вашими, и нужно обладать нервами киргиза, чтобы хладнокровно смотрѣть въ эту головокружительную глубину. Въ довершеніе удовольствія и для вящаго успокоенія вашего, лошадь ваша то и дѣло скользитъ внизъ вмѣстѣ съ обсыпающимися камнями, на всѣхъ своихъ четырехъ гладкихъ подковахъ безъ шиповъ. Тогда вамъ невольно представляется, что вы скатываетесь на салазкахъ съ какой-то непомѣрно крутой ледяной горки.

Единственная возможность и лошади, и всаднику не полетѣть внизъ—это пересѣкать постоянными зигзагами крутизну откоса. Мы всѣ тщательно продѣлываемъ это, стараясь ступать въ слѣдки передовыхъ лошадей. Молодецъ Г—ій, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крутизну, удираетъ себѣ впередъ во главѣ отряда на своемъ лихомъ конькѣ. Ему слишкомъ часто приходится спускаться и подниматься по такимъ осыпямъ, чтобы онъ еще давалъ себѣ трудъ замѣчать ихъ.

Характерны и стѣны этого спуска: голыя округленныя скалы, неразличимо похожія другъ на друга, откачнулись отъ насъ въ обѣ стороны, словно поваленныя другъ на друга башни какой-нибудь титанической крѣпости. Но вотъ кончился этотъ жуткій откосъ, и передъ нами новая панорама, уже въ другомъ вкусѣ: опять масса горъ, нагроможденныхъ другъ на друга, краснаго и блѣдно-тѣлеснаго мрамора, а на плоскихъ макушкахъ ихъ, сосѣднихъ съ облаками, ярко-зеленыя, какъ малахитъ, пастбища. Причудливые переливы этихъ оригинальныхъ красокъ сочетаются между собою въ удивительной гармоніи. Бѣдныя киргизскія зимовки виднѣются на далекихъ вершинахъ горъ, поднятыхъ рѣзкими углами, тяжкими пирамидами и гигантскими зелеными скатами прямо въ синія небеса. Въ ущельяхъ, сквозящихъ синеватымъ туманомъ, чернѣютъ кибитки. Разноцвѣтныя букашки, бѣлыя, рыжія, желтыя и черныя, ползаютъ тамъ и сямъ на недоступныхъ обрывахъ. Это пасутся лошади кочевниковъ. Бѣлесоватыми лишаями выдѣляются на гигантскихъ неохватныхъ горныхъ пастбищахъ разсѣянныя вездѣ стада овецъ. А у ногъ этихъ мраморныхъ и малахитовыхъ громадъ, окруженное ими со всѣхъ сторонъ, какъ грозною стражей, сіяетъ своею спокойною лазурью круглое блюдо озера Капланъ-Куль. И надъ нимъ тоже одинокій мазаръ съ своимъ неизмѣннымъ глинянымъ купольчикомъ, съ шестами, хвостами, тряпками и бараньими рогами...

Живописная кучка киргизовъ въ характерныхъ остроконечныхъ колпакахъ толпится у мулушки, на берегу этого яснаго озера.

— Селямъ-Алекюмъ! привѣтствуетъ ихъ провожавшій насъ аминъ, подъѣзжая къ нимъ вплотную конемъ и подавая руку каждому изъ нихъ.

Киргизы, подобострастно согнувшись, бѣгутъ навстрѣчу амину и обѣими руками ловятъ его руку.

— Алекюмъ-селямъ! бормочатъ они, проворно поводя рукою по лицу и бородѣ, и очевидно распрашивая его на своемъ непонятномъ для насъ языкѣ о русской кавалькадѣ.

Это туземные жители изъ сосѣднихъ кибитокъ. Кибитки тутъ раскинуты рѣшительно вездѣ, какъ грибы послѣ дождя. Горные скаты и ущелья еще покрыты здѣсь сочною обильною травою, и нѣтъ пока надобности подниматься выше съ своими стадами. У кибитокъ вездѣ народъ, вездѣ ярко вырѣзаются на зеленомъ фонѣ травы—красныя, какъ сюргучъ, киргизки. И лошади тутъ тоже вездѣ, голова кружится смотрѣть на тѣ заоблачныя кручи гдѣ они безпечно пасутся, придвигаясь къ самымъ краямъ обрывовъ, а между тѣмъ киргизскіе всадники дерутся къ нимъ прямо по этимъ кручамъ, съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ мы ѣздимъ по ровному полю. По истинѣ пауки, а не люди, пауки, а не лошади—въ этихъ горныхъ трущобахъ.

Долина Гульчи показывается только послѣ втораго перевала. Спускъ съ этого перевала хотя и нисколько не опасенъ, но зато утомителенъ до-нельзя. Онъ тянется нѣсколько верстъ, постоянно обманывая глазъ перспективою долины, что́ стелется у нашихъ ногъ,—кажется, рукой подать, — но до нея ѣхать нужно еще много часовъ. Лошади утомились и идутъ уже не прежнею твердою и бодрой походкой, а то и дѣло сбиваются съ шага и спотыкаются. Утомились порядкомъ и мы сами. Хотя до крѣпости Гульчи считаютъ отъ Оша верстъ 70, но, судя по времени, которое беретъ этотъ путь, въ этихъ никѣмъ не мѣренныхъ 70 верстахъ наберется, пожалуй, и всѣ 90. Не считая ѣзды въ тарантасѣ до Ленгара по камнямъ и хрящу, тоже не особенно покойной,—только отъ Ленгара до Гульчи приходится сдѣлать верхомъ около 36 или 40 верстъ, по мѣстному счету, а по настоящему—и добрыхъ 50.

Впрочемъ, туземцы-киргизы верстъ не знаютъ и на версты не считаютъ. Вмѣсто версты у нихъ—«чакрымъ», разстояніе на которомъ слышенъ человѣческій голосъ, что́ для нихъ въ пустынѣ бываетъ гораздо важнѣе счета саженъ.

Только одинъ изъ всѣхъ насъ Г—ій, закаленный въ горныхъ походахъ, продолжаетъ попрежнему бойко подвигаться впередъ во главѣ нашего отряда, мягко покачиваясь на своемъ

покойномъ и сильномъ иноходцѣ. Его примѣръ ободряетъ насъ, и мы чаще постегиваемъ ногайками своихъ отстающихъ коньковъ. О киргизахъ я, конечно, не говорю. Киргизъ не знаетъ никакой устали и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, сколько часовъ или дней ему приходится сидѣть на сѣдлѣ. Онъ на немъ и спитъ, и ѣстъ такъ же спокойно, какъ у себя въ кибиткѣ.

Спускъ къ Гульчѣ все время вьется по карнизамъ горъ, окружающихъ долину. Рѣка Гульча давно уже видна намъ съ высоты во всѣхъ своихъ капризныхъ извивахъ. Къ заходу солнца погода рѣзко перемѣнилась, и вмѣсто знойнаго дня надвинулись дождливыя сумерки. Уже не разъ дождь прорывался на насъ легкою дробью изъ лохмотьевъ сѣрыхъ тучъ, плававшихъ надъ нами. Нужно было спѣшить переправиться черезъ рѣку, безъ того очень бурливую и опасную, раньше, чѣмъ она вздуется отъ дождя и наступитъ ночь. А между тѣмъ передъ нами раскрывался такой широкій и могучій пейзажъ, что хотѣлось до-сыта налюбоваться имъ съ своего горнаго карниза.

Цѣлое населеніе горъ-исполиновъ толпилось напротивъ насъ, за длинною и узкою долиною Гульчи, которой рѣзкіе свинцовые зигзаги блистали въ этомъ туманномъ полусвѣтѣ дождливаго заката, среди влажныхъ зеленыхъ низинъ, какъ жосткія полосы стали. За зелено-красными горами перваго плана высились лилово-зеленыя, за ними глубоко-синія и густо-лиловыя, еще дальше туманно-сѣрыя, и наконецъ изъ-за плечъ всѣхъ этихъ громадъ, завязнувъ головами въ лохматыхъ сѣрыхъ тучахъ, приподнимались далекіе снѣговые великаны Большого Алая. Они такъ тѣсно сливались своими туманами и снѣгами съ туманами неба, что бѣлые потоки ихъ ледниковъ, казалось, текли прямо изъ облаковъ, какъ струи молока изъ переполненныхъ сосцовъ матери.

VII.

Въ кочевьяхъ Черныхъ Киргизовъ.

За три версты до Гульчи встрѣтилъ насъ верхомъ толстый и важный Мухамедъ-бекъ, сынъ знаменитой въ этихъ мѣстахъ киргизской ханши, или по здѣшнему «датхи», которую каракиргизы Алая считаютъ своего рода вождемъ всего ихъ кочевого племени.

«Датха» эта была почти независимою владѣтельницею во времена кокандскихъ хановъ, и хотя мужъ ея получилъ свое званіе бека отъ Худояръ-хана, но эта ханская инвеститура была скорѣе условіемъ приличія, чѣмъ дѣйствительнымъ правомъ хана, такъ какъ алайскіе киргизы высоко чтили родовитую «бѣлую кость» своихъ бековъ и безпрекословно шли за ними, куда они ихъ вели, даже безъ освященія ихъ правъ ханскою властью. Все кокандское ханство уже покорилось русскому воинству, всѣ кокандскіе города и крѣпости давно были взяты, когда смѣлая «датха» съ своими удалыми сыновьями подняла свои горныя кочевья противъ русской арміи. Она отчаянно билась съ Скобелевымъ на недоступныхъ кручахъ Малаго Алая, и недалеко отъ Гульчи произошла рѣшительная битва при Ягни-курганѣ, въ которой были окончательно сокрушены шайки киргизской воительницы. Сыновья «датхи» бѣжали въ Кашгаръ, и она покорилась необоримой силѣ. Русскіе отнеслись къ храброй киргизкѣ съ подобающимъ уваженіемъ, не тронули ея богатствъ и позволили вернуться въ Россію всѣмъ ея сыновьямъ. Только старшій сынъ ея, Абдула-бекъ, наслѣдникъ родовыхъ правъ своего отца, не захотѣлъ вернуться и умеръ въ изгнаніи. Теперь сыновья «датхи» волостными правителями въ разныхъ сосѣднихъ мѣстностяхъ, и «датха» продолжаетъ оказывать на кочевниковъ прежнее вліяніе.

Курносый Мухамедъ-бекъ, красный и сіяющій отъ сала, будто самоваръ сбитенщика, съ медалью волостного старшины на шеѣ, присоединился къ намъ вмѣстѣ съ пятью своими джигитами, такъ что изъ насъ составился цѣлый отрядъ въ 16-ть человѣкъ. Мухамедъ привезъ съ собою и крытую арбу,—такъ называемую «кокане», высочайшія колеса которой, кажется, могутъ переѣхать по-суху всякую рѣку. Это было совершенно необходимо, потому что нужно было нѣсколько разъ переѣхать капризно змѣившееся русло Гульчи, чтобы добраться до кочевья «датхи». А дожди и таявшіе снѣга обратили теперь Гульчу въ очень опасную, шумную и широкую рѣку, которая съ явною угрозою крутилась своими водоворотами среди нанесенныхъ ею же мелкихъ камней и болотистыхъ луговъ.

Кавалькада наша живописно растянулась по долинѣ, торопясь до вечера совершить далеко не легкую переправу. Киргизы, пригнувшись къ сѣдлу, обгоняли насъ отчаянной скачкой, чтобы успѣть до нашего прибытія нащупать бродъ помельче и потверже. Вотъ наконецъ насъ пересаживаютъ въ арбу, убранную коврами; уродина-киргизъ съ засученными до колѣнъ, какъ солонина красными ногами, равнодушный и спокойный, будто дѣто вовсе его не касается, сидитъ верхомъ на здоровой, видавшей виды лошади, уставивъ на оглобли свои босыя ноги. Строго говоря, арба и есть эти двѣ широко раздвинутыя оглобли, придѣланныя къ оси двухъ громадныхъ колесищъ съ набитыми на заднихъ концахъ оглобель дощечками для сидѣнья. Въ лучшихъ случаяхъ вмѣсто дощечекъ прибитъ къ оглоблямъ цѣлый ящикъ, прикрытый отъ солнца круглымъ войлочнымъ навѣсомъ. Назадъ и впередъ вы можете падать сколько угодно, потому что арба прикрыта кибиткою только съ боковъ; поэтому при спускѣ внизъ вы невольно ползета на хвостъ лошади, а при подъемѣ въ гору то и дѣло катитесь назадъ. Но самое ужасное въ этомъ по истинѣ азіатскомъ экипажѣ—это то, что каждый случайный камень дороги, каждый неловкій шагъ лошади въ ту же минуту отзывается и на вашихъ несчастныхъ

ребрахъ. Арба поминутно рывомъ рветъ ваши мускулы и какъ въ ступѣ толчетъ всѣ ваши суставчики.

Г—ій остался однако на сѣдлѣ, надѣясь на своего лихого конька и на свои высокіе охотничьи сапоги.

Съ шумомъ и брызгами въѣхали мы въ бурныя волны Гульчи и осторожно потянулись по брюхо въ водѣ вслѣдъ за передовыми джигитами, сновавшими туда и сюда, чтобы выбрать для насъ болѣе безопасную дорогу.

Здѣсь присоединился къ намъ еще и другой сынъ «датхи», Хасанъ-бекъ, такой же здоровенный и закаленный толстякъ, какъ и его братъ Махмудъ. Мы то переѣзжали поперегъ безчисленные рукава Гульчи, выбираясь изъ нихъ на отмели, шуршавшія подъ колесами арбы своими сухими голышами, то двигались вдоль по рѣчкѣ на встрѣчу ея бѣшеному теченію, пока не приходилось поворачивать куда-нибудь на берегъ. Мѣстами арба уходила такъ глубоко въ рѣку, что сквозь плохо сбитыя дощечки ея сидѣнья плескала къ намъ вода.

Возница нашъ почти все время былъ по колѣна въ водѣ, и если бы не опытная лошадь, давно привыкшая къ такимъ мытарствамъ, наша арба не разъ бы могла перевернуться на бокъ среди теченія и подъ неистовымъ напоромъ горной рѣчки, и отъ огромныхъ камней на днѣ ея, на которыя то и дѣло натыкались колеса.

Волненіе, охватившее мою спутницу во время этого томительнаго плаванья на колесахъ, этого долгаго и медленнаго перепалзыванія съ одного невиднаго глазу камня на другой, усиливалось еще быстро надвигавшеюся темнотою вечера. Тучи не расходились, а сгущались все больше надъ нами, совсѣмъ уже закутавъ своими сѣрыми хлопьями окрестныя горы и обративъ волшебнымъ образомъ живописную картину горныхъ далей, которою мы недавно любовались, въ самый прозаическій и унылый осенній пейзажъ какой-нибудь безотрадной Новгородской губерніи. Дождь то чуть накрапывалъ, то поливалъ насъ будто сквозь мелкое сито и не прибавлялъ, конечно, намъ

особеннаго веселья. Могло легко случиться, что мы не успѣемъ засвѣтло выбраться изъ этой коварной рѣчки, опутавшей насъ со всѣхъ сторонъ своими змѣинными петлями и не дававшей намъ никуда выхода. А ѣхать по ней въ темнотѣ—это вѣрнѣе вѣрнаго—опрокидываться на каждомъ шагу.

Но, слава Богу, мы выбрались благополучно на берегъ, пока еще брезжилъ кое-какъ свѣтъ сумерекъ.

Арба остановилась среди цѣлаго становища кибитокъ, разбитыхъ на самомъ берегу Гульчи, въ уютной пазухѣ слегка отодвинувшихся горъ.

Это былъ аулъ «датхи».

Насъ тутъ ждали, и для насъ были разбиты парадные шатры.

Бѣлая войлочная кибитка, расшитая красными узорами обвязанная красными тесьмами и убранная внутри коврами была поставлена недалеко отъ другого бѣлаго шатра самой «датхи» для ночлега нашихъ дамъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея приготовленъ былъ просторный шатеръ для столовой, а еще дальше наша кибитка—спальня.

Входъ въ столовую былъ широко раздвинутъ на обѣ стороны на подобіе ширмъ, такъ что снаружи можно было хорошо видѣть все, что дѣлалось въ шатрѣ. Полотняная наружная покрышка его была подбита всякими яркими и пестрыми матеріями, одрясомъ и ситцемъ, съ нашитыми на нихъ фигурами другихъ цвѣтовъ. Столъ накрытъ былъ по-русски скатертью и вокругъ стола стояли стулья. На огромномъ подносѣ ждалъ насъ обильный дастарханъ,—фисташки, миндаль, изюмъ, урюкъ, разныя слоеныя пирожныя въ родѣ нашего стариннаго хворостика, лепешечки и всякія мелкія сдобныя печенья, колечки изъ леденца,—и вдобавокъ ко всему чай и сахаръ, которыми мы почти исключительно и занялись.

Послѣ дастархана появился такой же сытный ужинъ: отлич-

ный пловъ съ разными душистыми снадобьями, кавардакъ (мелко рѣзанная жареная баранина съ саломъ) и бараньи кишки, начиненные чѣмъ-то вкуснымъ.

Киргизы все время почтительно оставались на дворѣ, слѣдя издали за странными для нихъ обычаями русскихъ, и даже Мухамедъ-бекъ съ братомъ не смѣли входить въ шатеръ, гдѣ возсѣдало за трапезою ихъ начальство; прислуживали намъ наши джигиты, которымъ киргизы передавали блюда.

Послѣ ужина нашихъ дамъ пригласили къ «датхѣ». Въ бѣлой кибиткѣ ея, заставленной сундуками, заваленной матрацами и подушками, былъ приготовленъ такой же дастарханъ. Сама «датха» бесѣдовала съ ними черезъ джигита-переводчика, сидя на полу, на коврѣ между двухъ большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ съ сальными свѣчками. Низенькіе поддонники этихъ подсвѣчниковъ—величиною въ доброе блюдо. Намъ тоже принесли потомъ въ спальню такіе оригинальные подсвѣчники.

Киргизскіе беки, очевидно, хотѣли поразить насъ своею цивилизаціей. Въ кибиткѣ нашей оказались кровати, постланныя совсѣмъ такъ, какъ стелютъ у насъ, съ матрацами и канаусовыми одѣялами. Это было нѣсколько огорчительно для фантазіи художника, мечтавшаго, что онъ заѣхалъ на самый край свѣта, Богъ знаетъ въ какую дикую дичь, но зато очень отрадно для разбитыхъ косточекъ бѣднаго путешественника.

Я подробно осмотрѣлъ искусное устройство киргизской кибитки. Снаружи она вся плотно укрыта войлоками, увязанными тесьмою, подъ войлоками идутъ такимъ же сплошнымъ кольцомъ кругомъ всѣхъ стѣнъ сплетенныя изъ тростника барданки, а подъ барданками цѣлая сѣть гнутыхъ деревянныхъ дугъ, ловко прикрученныхъ другъ къ другу и составляющихъ остовъ кибитки.

Впрочемъ, въ нашихъ кибиткахъ остовъ этотъ прикрытъ обоями своего рода: куски одряса, ситца и всякихъ пестрыхъ туземныхъ матерій висятъ на стѣнахъ, между тѣмъ какъ полы устланы коврами и войлоками.

Вверху кибитки, какъ разъ посрединѣ ея, широкое круглое отверстіе для выхода дыма и для очищенія воздуха. На ночь, или въ дождливую холодную погоду отверстіе это, которое киргизы называютъ „*тюндюкъ*“, закрывается войлочною полостью, къ угламъ которой привязаны четыре веревки и которую поэтому всегда можно отдернуть снизу съ той или другой стороны, смотря по направленію вѣтра.

Мы отлично выспались на кроватяхъ киргизской кибитки. Гульча всю ночь напѣвала намъ свои бурныя пѣсни, убаюкивая насъ, какъ сердитая нянька. Этотъ несмолкавшій ревъ горной рѣчки казался мнѣ сквозь сонъ шумомъ ливня, цѣлую ночь разражавшагося надъ нами.

Встали мы яркимъ и яснымъ утромъ и, напившись чаю, вышли посмотрѣть на окрестность.

Въ тихомъ береговомъ ущельѣ царствовала удивительная тишина. Влажный воздухъ дышалъ тепломъ и ароматами весеннихъ травъ. Лошади на приколахъ, не разсѣдланныя во всю ночь, мирно фыркали, отдуваясь отъ сочнаго корма. Киргизы безшумно бродили между разбросанныхъ по берегу кибитокъ, занятые разною домашнею суетою утренняго часа.

Нѣсколько поодаль отъ становища «датхи» и ея домочадцевъ торчали на почтительномъ разстояніи, какъ гнѣзда огромныхъ черныхъ грибовъ, кибитки киргизскаго аула. За ауломъ, какъ разъ противъ восходившаго солнца, на зеленомъ коврѣ береговой низины паслись стада верблюдовъ, характерно вырѣзаясь на яркомъ фонѣ травы своими угловатыми громоздкими силуэтами.

Горы, надвинувшіясл на это мирное ущелье, были освѣщены въ упоръ лучами восходившаго солнца, и на нихъ можно было разглядѣть теперь, несмотря на разстояніе, каждый камушекъ, каждый мелкій кустикъ.

Киргизскіе зимовники, забравшіеся на плоскія макушки этихъ горныхъ громадъ, смотрѣли оттуда настоящими саклями Дагестана. Еще выше ихъ, на головокружительныхъ кручахъ, виднѣлись крошечныя, какъ мухи, пасущіяся лошади.

Между тѣмъ «датха» прислала сыновей просить насъ къ себѣ. Намъ и самимъ необходимо было поблагодарить ее за гостепріимство, какъ главную хозяйку кочевья.

Она встрѣтила насъ около своей кибитки.

«Датха»—женщина уже очень старая, но высокаго роста, костистая и сильная какъ мужчина, строгаго и твердаго взгляда. Монгольская кровь ея рѣзко проглядывала и въ желто-смугломъ цвѣтѣ ея лица, и въ грубости его чертъ, крупныхъ, широкихъ, слегка приплюснутыхъ, съ явнымъ преобладаніемъ скулъ, челюстей и носа, всего того вообще, что бываетъ сильно развито у хищныхъ животныхъ—надъ болѣе человѣчною областью глазъ и чела...

По эстетическимъ понятіямъ киргиза, такое лицо и такой цвѣтъ лица именно и составляютъ верхъ красоты.

«Недаромъ Богъ сотворилъ монгола съ выдавшимися скулами; Онъ уподобилъ его этимъ лошади,—а лошадь вѣнецъ созданія!» съ наивною искренностью говорятъ эти степные наѣздники, которые родятся и живутъ на лошади, и, можно сказать, срослись съ нею въ одно существо, какъ Кентавры греческой миѳологіи, несомнѣнно списанные съ натуры съ такихъ же точно кочевниковъ азіатскихъ пустынь.

«Датха» стояла передъ нами въ зеленомъ шелковомъ халатѣ по пятки, съ мѣховою опушкой, въ высокомъ тюрбанѣ изъ бѣлаго шелка, обвязанномъ концами кругомъ всего ея лица. Обвязка эта называется по-киргизски «джаулукъ», а шапочка, вокругъ которой она навертывается, на подобіе чалмы, называется «кимечекъ». Сверху дѣвушки спускаютъ еще шелковую фату (джелекъ), но старуха властительнаго рода не считала нужнымъ прибѣгать къ этому прикрытію, принимая у себя иноземцевъ.

Оба сына ея, тоже одѣтые въ парадные шелковые халаты, стояли по бокамъ датхи.

Когда мы съ Г—мъ приблизились къ ней, дахта привѣтливо протянула намъ обѣ свои руки, предварительно обернувъ ихъ,

однако концомъ краснаго шерстяного платка. Дѣлала ли она это изъ особеннаго уваженія къ намъ или, напротивъ того, предохраняла свои правовѣрныя длани отъ нечистаго прикосновенія гяуровъ, насланныхъ гнѣвомъ Аллаха на ея кочевье, этого мы съ Г—мъ такъ и не рѣшили.

Мы тѣмъ не менѣе тоже подали ей каждый по двѣ руки, даже и не завертывая ихъ ни во что, желая выразить наиболѣе киргизскимъ способомъ свое нарочитое почтеніе къ именитой киргизской воительницѣ.

— Передайте вашей достоуважаемой матушкѣ, что мы пришли поблагодарить ее отъ всего сердца за ея любезное гостепріимство и извиниться, что причинили ей столько безпокойства... попросили мы перевести по-киргизски толстаго Мухамедъбека.

Старуха, не поднимая глазъ и сохраняя свой величественный видъ, отвѣтила намъ черезъ него:

— Прошу извинить, что въ нашемъ бѣдномъ кочевьѣ мы не можемъ принять и угостить васъ такъ, какъ бы подобало для такихъ высокихъ гостей... Хорошо ли вы спали? покойно ли вамъ было?

— Благодаримъ васъ очень; мы спали превосходно, у васъ въ кибиткахъ лѣтомъ еще пріятнѣе спать, чѣмъ въ нашихъ городскихъ домахъ.

— Простите, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, — отвѣчала черезъ сына датха. Послѣ—большихъ городовъ, въ которыхъ вы живете, здѣсь у насъ, должно быть, показалось вамъ очень не хорошо... Прошу васъ сдѣлать мнѣ честь — войти въ мою кибитку.

Она распахнула войлокъ своей кибитки и властнымъ движеніемъ руки пригласила насъ войти.

Мы усѣлись налѣво, на коврѣ, она направо, противъ насъ, на мѣховой шкурѣ. Два сына тоже вошли съ нами, но не сѣли, а стали по сторонамъ матери...

Кибитка была, повидимому, нарочно убрана по-праздничному

къ нашему приходу. Вездѣ развѣшаны были разноцвѣтныя атласныя покрывала, ковры, обдѣланные въ бархатныя рамки. Полъ былъ тоже устланъ новыми коврами и мѣхами. По стѣнкамъ стояли оригинальные кожаные сундуки съ кожаными же на нихъ рисунками мѣстной работы, сложены были опрятными ярусами матрацы, подушки, шелковыя одѣяла.

Около датхи очутились откуда-то два глазастые черномазые мальчугана въ халатикахъ.

— Старшій сынъ мой Батыръ-бекъ живетъ не со мною, далеко отсюда, а это мои внуки,—сказала намъ датха. Съ однимъ изъ нихъ у насъ большое горе. У него ростетъ кривая нога, и никто здѣсь не можетъ его вылѣчить...

— Вы бы повезли его въ Ташкентъ или хоть бы въ Маргеланъ; тамъ есть хорошіе доктора, посовѣтовали мы.

— Мнѣ говорили, что нужно везти въ Москву, что только тамъ могутъ его вылѣчить. Правда ли это? И вѣдь это очень далеко?

— Въ Москвѣ, конечно, отлично вылѣчатъ, только это дѣйствительно очень далеко,—сказалъ я. Вотъ я съ женою ѣду теперь изъ Москвы. Чтобъ только доѣхать оттуда сюда, нужно ѣхать не останавливаясь цѣлыхъ три недѣли.

— О, это слишкомъ далеко, намъ нельзя объ этомъ думать. А зачѣмъ вы сами пріѣхали сюда изъ такихъ далекихъ мѣстъ?

— Хотѣли посмотрѣть на здѣшній народъ. Слышали, что киргизы храбрые и честные люди, и что они вѣрно служатъ нашему царю.

— Да, это правда. Мы прежде воевали съ бѣлымъ царемъ, а теперь его вѣрные слуги. Мы благодаримъ его, что онъ не обижаетъ киргизовъ, оставилъ намъ наши земли и стада и забылъ нашу вину. Бѣлый царь вѣдь живетъ въ Москвѣ?

— Въ Москвѣ и въ Петербургѣ; у него много городовъ и много дворцовъ.

— Бѣлый царь самый большой царь, сильнѣе и богаче его нѣтъ никого. Мы это знаемъ,—подтвердила датха.

Когда мы встали, чтобъ проститься, она подала знакъ сыну, и онъ принесъ ей какой-то свертокъ.

— По нашимъ обычаямъ, дорогихъ гостей дарятъ чѣмъ Богъ послалъ,—сказала датха, подходя ко мнѣ. У насъ, киргизовъ, нѣтъ никакихъ хорошихъ вещей, а примите отъ меня на память этотъ мѣхъ. Это дѣти мои убили здѣсь въ горахъ.

Она подала мнѣ при этомъ двѣ мягко выдѣланныя шкуры горной рыси.

— А вотъ это передайте вашей женѣ!—прибавила она, вручая мнѣ еще двѣ связанныя головками куньи шкурки.

Я поблагодарилъ киргизскую ханшу, извиняясь, что нахожусь тутъ случайно въ пути и прошу у ней позволенія прислать ей свой подарокъ изъ Ош съ ея сыномъ.

Возвратясь въ Ошъ, я дѣйствительно купилъ для нея парчевый халатъ и отослалъ ей въ Гульчу черезъ обязательнаго Н. Г. Г—го.

Крѣпость Гульча устроена, если не ошибаюсь, тоже Скобелевымъ, больше, кажется, для страха алайскимъ киргизамъ, чѣмъ для защиты отъ китайцевъ или англичанъ, хотя отъ нея и очень не далеко до Кашгарской границы.

Намъ, конечно, хотѣлось посѣтить эту порубежную твердыню нашу, заброшенную Богъ знаетъ въ какія далекія горныя дебри. Всѣ же русскіе люди живутъ тутъ, правдою и вѣрою оберегая владѣнія русскаго царя, охраняя интересы русскаго царства, въ глуши этихъ невѣдомыхъ намъ пустынь, гораздо болѣе далекихъ и опасныхъ, чѣмъ тотъ «рубежъ земли русской», который сторожилъ когда-то въ старинныхъ нашихъ сказкахъ «Ивашка, бѣлая епанча, сорочинская шапка».

Побывавъ здѣсь, на этихъ «послѣднихъ краяхъ» необъятнаго царства русскаго, гдѣ черезъ горный хребетъ уже подозрительно смотритъ на васъ косоглазый китайскій мандаринъ, гдѣ люди ѣздятъ верхомъ на быкахъ, обросшихъ шерстью барана, и вмѣсто домовъ, городовъ, селеній,—на цѣлыя сотни верстъ не видишь

ничего кромѣ бобровыхъ шалашей кочевыхъ кибитокъ,—гдѣ самая русская рѣчь звучитъ чѣмъ-то чужимъ и никому непонятнымъ, а крошечныя горсточки передовой русской силы тонутъ какъ въ хлябяхъ моря въ напирающей отовсюду азіатчинѣ,—живо понимаешь и былое положеніе нашихъ иныхъ, болѣе родныхъ намъ окраинъ, тѣхъ первыхъ смѣльчаковъ, проникавшихъ за защитную черту земли русской, въ Дикѣе пустопорожнее Поле, о которыхъ сохранили намъ память старыя лѣтописи, которые задолго до присоединенія этихъ земель къ царству русскому держали въ нихъ караулы и водили сторѣжи, и которымъ съ трогательною христіанскою любовью посылали свое ободряющее пастырское благословеніе изъ далекихъ православныхъ обителей Москвы и Владиміра первосвятители земли русской.

Крѣпость Гульчи не дальше двухъ или полуторы версты отъ кочевья датхи...

Когда подъѣзжаешь къ ней, свободно окидываешь взглядомъ всю эту живописную котловину.

Громадная горная твердыня, съ альпійскими пастбищами наверху, на которыхъ пестрѣютъ крошечными мушками поднятыя подъ облака овцы и лошади, охватываетъ сплошнымъ амфитеатромъ тихую зеленую долинку, всегда обильную водой и травой, всегда кишащую стадами верблюдовъ.

Черныя кибитки кочевниковъ опоясываютъ своими кое-гдѣ разсѣянными муравьиными кучками ея могучую каменную пяту.

Гульча, вырвавшись изъ тѣсныхъ ущелій Алайскаго хребта словно съ перепуга бросается во всѣ стороны, силясь уйти подальше отъ тяжкихъ горныхъ громадъ, надвинувшихся на долину, запруживаетъ сама себя наносами хряща и камня, которые она выгрызаетъ въ горахъ на пути своего бѣшенаго бѣга, и, мѣняя то и дѣло капризное теченіе свое, схватываетъ своимъ змѣистымъ русломъ, будто широкимъ поясомъ, всю эту круглую сочную низину со стороны, противуположной горамъ.

Въ этой-то низинѣ, немного выше, чѣмъ становище датхи,

и тоже на берегу Гульчи, вѣчно рокочущей, вѣчно трубящей въ свои неугомонныя боевыя трубы,—бѣлѣетъ своими низенькими стѣнами и домиками нисколько не грозная на видъ русская крѣпостца.

Правда, крѣпостной ровъ довольно глубокъ и широкъ, на банкетахъ установлены пушки, часовые ходятъ у воротъ, а внутри крѣпости нѣсколько каменныхъ казармъ, изъ которыхъ тоже можно безопасно отстрѣливаться отъ такого не особливо грознаго врага, какъ здѣшніе халатники.

Но все-таки, казалось мнѣ, пальца въ ротъ нельзя никому класть, и ручаться за то, что нашимъ здѣшнимъ порубежнымъ крѣпостцамъ придется всегда имѣть дѣло только съ одними киргизами и ихъ кремневыми самопалами,—право, слишкомъ рискованно.

Въ настоящее время наши друзья—«просвѣщенные мореплаватели» съ одной стороны и наши добрые европейскіе сосѣди нѣмцы—съ другой, самымъ нешуточнымъ образомъ снабжаютъ нашихъ азіатскихъ сосѣдей всякими усовершенствованными орудіями истребленія и съ истинно отеческою заботливостью хлопочутъ обучить ихъ даже на свой счетъ всѣмъ новѣйшимъ пріемамъ боеваго искусства, такъ что мы можемъ разсчитывать въ этомъ отношеніи на самые неожиданные для насъ сюрпризы...

Мы добросовѣстно обошли кругомъ всѣ парапеты крѣпостной стѣны, увидѣли все то немногое, что́ можно было здѣсь увидѣть, и направились къ мирнымъ бѣлымъ домикамъ, за крѣпостной оградой, гдѣ проживало мѣстное офицерство.

Начальства въ этой крошечной крѣпостцѣ все-таки довольно: ротный командиръ, два субалтернъ-офицера, воинскій начальникъ, смотритель интендантскаго склада, если я не забылъ еще кого-нибудь. Кажется, есть еще военный докторъ и священникъ.

Конечно, чтобы жить цѣлые годы здѣсь въ такой тѣсной и постоянной компаніи, въ единственномъ сосѣдствѣ съ киргиз-

скими кибитками, яками, кіиками, кабанами да барсами,—развлекаясь только караулами,—нужно не мало христіанскаго терпѣнья. Но тѣмъ не менѣе люди тутъ живутъ, какъ и въ любомъ Парижѣ или Вѣнѣ, и даже плодятся и размножаются такъ же, какъ тамъ.

По крайней мѣрѣ, въ домикѣ ротнаго командира, у котораго прежде всего остановилась наша многочисленная экспедиція, мы нашли цѣлое почтенное семейство въ моментъ какого-то домашняго горя, не помню ужъ хорошо, какого именно, помѣшавшаго намъ воспользоваться гостепріимствомъ хозяйки дома.

Мы оставили азіатскую партію своего каравана на крѣпостномъ выгонѣ—покормить лошадей и подкрѣпиться горячимъ кавардакомъ, который киргизы живо стали жарить тутъ же на воздухѣ. Сами же мы отправились пѣшкомъ въ стоявшій на отшибѣ отъ другихъ строеній низенькій бѣленькій домикъ, гдѣ квартировали холостые субалтернъ-офицеры. Это все былъ народъ хорошо знакомый нашимъ ошскимъ спутникамъ, и съ ними никакихъ церемоній не полагалось. Офицеры вышли къ намъ навстрѣчу и съ самымъ теплымъ радушіемъ потащили насъ къ себѣ.

— Давайте намъ скорѣе что-нибудь поѣсть, господа!—откровенно объявили имъ гости, дорога дальняя и трудная, опаздывать нельзя. Намъ сегодня же, хоть бы поздно ночью, необходимо быть въ Ошѣ.

— Да вѣдь у насъ разносоловъ не разживетесь, милая барынька!—отвѣчали съ тою же честною откровенностью хозяева.—Денщикъ нашъ изо всего, чему мы его учили, умѣетъ только сжарить на сковородѣ скверные битки. А больше не прогнѣвайтесь... вотъ чаю, водки, вина краснаго — этого сколько угодно... милости просимъ... Говядины, знаете, у насъ часто не бываетъ, а водка и вино, даже шампанское, когда хотите... Этого добра сколько угодно въ долгъ даютъ...

Добрые и милые юноши, простодушно потѣшаясь и надъ

своимъ цыганскимъ хозяйствомъ, и надъ своимъ невозможнымъ кухмистеромъ, самымъ комическимъ образомъ хлопотали о нашемъ угощеніи: одинъ тащилъ самоваръ, другой раздувалъ уголь, не переставая весело болтать съ нами; за сливками пришлось сбѣгать къ ротной командиршѣ, за тарелкою къ воинскому начальнику, розыскъ чайныхъ ложечекъ и блюдечекъ потребовалъ цѣлаго военнаго совѣта своего рода. Но и за всѣми этими смѣло предпринимаемыми хозяйственными экспедиціями— никакъ не выходилъ «весь туалетъ», а все-таки чего-нибудь не доставало то для чаю, то для завтрака, и приходилось чѣмъ-нибудь по-братски дѣлиться съ сосѣдомъ; это, впрочемъ, не приводило ни въ малѣйшее смущеніе ни хозяевъ, ни гостей, а только вызывало добродушнѣйшій общій смѣхъ и забавную болтовню.

Братская простота отношеній между русскими людьми, загнанными судьбою въ этой далекій и чуждый край, сама по себѣ глубоко симпатична. Но кромѣ нравственнаго удовлетворенія, отношенія эти только и дѣлаютъ для нихъ возможнымъ сколько-нибудь человѣческое существованіе среди непочатой дикости туземной жизни. Тѣ же самые воинствующіе пустынники Гульчи, у которыхъ въ домѣ мы распоряжались теперь, какъ въ своемъ собственномъ, пріѣзжая въ какой-нибудь Ошъ, съ такою же безцеремонностью остановятся на цѣлыя недѣли у перваго попавшагося товарища, потребуютъ у кого лошадь, у кого сѣдло, у кого другую необходимую имъ вещь — и будутъ смотрѣть на это, какъ на самое естественное дѣло.

VIII.

Киргизскія женщины.

Мы все-таки сдѣлали маленькую прогулку по Гульчѣ съ своими хозяевами, пока монгольская свита наша приготовляла коней.

Я ничего еще не сказалъ о нашихъ хозяевахъ. Одинъ изъ нихъ Е.,—былъ юноша богатырскаго склада, добродушный и веселый; и душа и тѣло его еще были пропитаны свѣжими, не перебродившими соками молодости.

Другой, Р., былъ болѣе сдержаннаго и серьезнаго характера и, можетъ быть, съ нѣсколько бо́льшими требованіями отъ жизни. Но оба по-юношески увлечены окружающею ихъ грандіозною природою и дикою обстановкою жизни, вызывающею въ человѣкѣ духъ стойкости, отваги и предпріимчивости. Оба они, какъ всѣ здѣшніе военнаго стараго туркестанскаго типа, лихіе и неустрашимые охотники, неутомимые и любознательные бродяги по горнымъ дебрямъ.

Здѣсь почти каждый изъ офицеровъ успѣлъ порыскать верхомъ не только по Большому Алайскому хребту, но и въ глубокихъ ущельяхъ Заалайскихъ горъ, успѣлъ побывать верхомъ и на Памирѣ, и въ Кашгарѣ. Съ такими бравыми защитниками и опытными «слѣдопытами» дикія окраины русскаго царства могутъ быть, дѣйствительно, безопасны. Кабановъ они бьютъ здѣсь, въ привольи дикихъ горъ, какъ у насъ, въ русской деревнѣ, бьютъ зайцевъ. Въ противуположность Кавказу, гдѣ на кабана смотрятъ съ бо́льшимъ страхомъ, чѣмъ на медвѣдя,—здѣсь никто не церемонится съ «свинотой» и наколачиваютъ этой свиноты столько, что бываетъ некуда ее дѣвать. Кабаны очень любятъ зимою солнечную сторону горъ, гдѣ снѣгъ оттаиваетъ и даетъ имъ возможность докопаться до кореньевъ; тутъ обыкновенно и разыскиваетъ ихъ опытный охотникъ; онъ карабкается за ними по утесамъ и пропастямъ и прямо идетъ навстрѣчу цѣлому стаду съ своимъ скорострѣльнымъ ружьемъ.

10-ть, 20-ть штукъ дикихъ свиней — очень не рѣдкій трофей охоты.

Гораздо болѣе ловкости и умѣнья требуется для охоты на «кіика», другого туземнаго обитателя Алайскихъ и Памирскихъ горъ. Кіикъ, подобно туру, имѣетъ громадные трехгранные рога,

откинутые назадъ, и бородатъ такъ же, какъ туръ. Киргизы необыкновенно цѣнятъ кожу кіика, потому что изъ нея дѣлаются самые прочные и непромокаемые чомбары. Чомбары изъ всякой другой кожи промокаютъ даже отъ дождя, а въ кіиковыхъ чомбарахъ можно смѣло плыть по водѣ, не замочивъ тѣла. Оттого-то они и стоютъ здѣсь отъ 8 до 10 рублей, между тѣмъ какъ обыкновенные кожанные чомбары можно купить за 1½ и за 2 рубля. Чомбары — важная вещь въ путевомъ и боевомъ снаряженьи киргиза. Увидѣвъ ихъ въ первый разъ на текинцахъ Туркменіи, я легкомысленно потѣшался надъ ихъ неуклюжестью и изумлялся грубому и глупому вкусу кочевника, безъ всякой нужды нацѣпляющаго на себя такіе «какъ море широкіе» шаровары; удивлялся въ то же время и тому, какъ это народъ, всю жизнь проводящій въ битвахъ, нападеніяхъ и грабежахъ, народъ, можно сказать, рождающійся на конѣ или на верблюдѣ, живущій и умирающій на сѣдлѣ, не выработалъ себѣ за цѣлыя тысячелѣтія своей воинственно-разбойничьей жизни ничего болѣе удобнаго, какъ эти долгополые халаты, мѣшающіе всякому движенію человѣка, и эти возмутительные чомбары, въ каждой половинкѣ которыхъ можно засадить по два человѣка. Но здѣсь, въ горномъ походѣ съ киргизами, подъ весеннимъ дождемъ, въ волнахъ стремительныхъ потоковъ, которые то и дѣло приходится переѣзжать вплавь, я понялъ и вполнѣ оцѣнилъ незамѣнимую пользу этихъ непромокаемыхъ кожаныхъ чехловъ, герметически затянутыхъ снизу, а сверху очень удобно вбирающихъ въ себя полы длинныхъ шубъ и халатовъ, всего того, однимъ словомъ, что мѣшаетъ киргизу крѣпко сидѣть на сѣдлѣ, ловко спрыгивать и вскакивать на него, продираться пѣшкомъ по лѣснымъ дебрямъ и карабкаться по горамъ.

Когда киргизъ отправляется въ путь, въ походъ или на охоту, онъ прежде всего напяливаетъ чомбары, упрятываетъ внутрь ихъ всѣ широчайшія воскрылія своихъ одеждъ и затягивается потуже своимъ «бильбау» — ременнымъ поясомъ, къ

которому привѣшены ножикъ въ чехлѣ, точило, походная чашка въ кожаномъ футлярѣ и другія нужныя въ дорогѣ вещи. Длинополый халатникъ сразу превращается въ воина, одѣтаго, повидимому, очень легко—въ короткую куртку и шаровары, а между тѣмъ онъ не разстается ни съ одною изъ своихъ теплыхъ одеждъ, совершенно необходимыхъ въ этихъ странахъ убійственныхъ зимнихъ вѣтровъ и сырыхъ горныхъ тумановъ; напротивъ того, эти теплые шубы и халаты еще тѣснѣе и теплѣе обнимаютъ его, когда онъ плотно затягиваетъ ихъ ремнемъ и не даетъ раздуваться по вѣтру длиннымъ поламъ ихъ, надежно засунутымъ въ спасительные чомбары.

Огромный Е. вызвался проводить насъ до Ленгара; эта маленькая прогулка верхомъ, 70—80 верстъ туда и обратно, въ пріятной компаніи, которою не часто приходится пользоваться въ Гульчѣ,—все-таки представлялась ему отраднымъ развлеченіемъ среди унылаго однообразія жизни этой крѣпости-скита.

Нашъ караванъ опять потянулся чрезъ разливы бѣшено ревущей Гульчи, такой же многолюдный какъ и прежде, и еще болѣе яркій и пестрый при свѣтѣ знойнаго дня. Опять та же арба и тотъ же невозмутимый арбакешъ-философъ на хребтѣ столь же невозмутимаго философа-коня, на котораго никакія всплескиванія и рокотанія горныхъ потоковъ, никакія ямы и камни, пересчитываемые колесами его арбы, не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Я только теперь обратилъ вниманіе на очень оригинальное дерево, которымъ во многихъ мѣстахъ поросли берега Гульчи. Его называютъ здѣсь «*каменный тополь*». Издали онъ похожъ на старую дуплистую ракиту съ обрубленными сучьями. Но если разсмотрѣть его хорошенько—весь его короткій и толстый стволъ, съ скуднымъ букетомъ вѣтвей на верху, свитъ точно изъ желѣзныхъ узловъ, чѣмъ онъ очень напоминаетъ палестинскія древнія масличины.

Тополь этотъ дѣйствительно каменный во всѣхъ отношеніяхъ: онъ и ростетъ почти исключительно на камняхъ, и крѣпокъ, какъ камень. Ни топоръ, ни пила не берутъ его, и онъ можетъ цѣлые годы оставаться въ землѣ, въ водѣ и воздухѣ, не подвергаясь гніенію.

«Негной дерево» своего рода, которымъ и дорожатъ здѣсь по этому его незамѣнимому качеству. Впрочемъ, Ферганскія горы вообще богаты негніющими деревьями. По пути въ Гульчу и изъ Гульчи мы не разъ проѣзжали мимо лѣсовъ «арчи», похожей на нашу сосну, но гораздо болѣе негніющую, чѣмъ сосна. Бревна и доски изъ этой арчи употребляются во всей Ферганской области на водяныя постройки, въ родѣ мостовъ, шлюзовъ, набережныхъ, гдѣ они держатся несравненно дольше, чѣмъ всякій другой лѣсной матеріалъ. Изъ арчи же и тута дѣлаются здѣсь рѣчныя суда.

Гульчинская котловина въ сколько-нибудь возвышенныхъ и каменистыхъ мѣстахъ своихъ покрыта густыми зарослями какой-то травы-колючки съ очень длинными шипами, которую, однако, мозолистый ротъ верблюда пережевываетъ съ сугубымъ наслажденіемъ. Трава эта нѣсколько похожа на «курай», или «верблюдятникъ», распространенный въ Крыму, на Кавказѣ и во многихъ мѣстахъ Туркменіи и Туркестана. Здѣсь она имѣетъ большое значеніе, какъ любимый кормъ верблюда и какъ надежный притонъ фазановъ. Съ тѣхъ поръ, какъ колючку стали здѣсь истреблять безъ всякой осторожности, то для корма верблюдовъ и топлива, то для расчистки земли подъ посѣвы,—фазаны сильно уменьшились въ числѣ. Теперь даже запрещена киргизамъ, въ цѣляхъ размноженія фазановъ, ихъ любимая старинная охота съ ястребами, въ которой они славились своимъ искусствомъ еще при великихъ князьяхъ московскихъ.

Мы выбрали для возвращенія въ Ленгаръ другую дорогу, хотя нѣсколько болѣе далекую, но зато болѣе покойную, къ

тому же интересно было познакомиться съ горами Малаго Алая, по возможности въ разныхъ мѣстахъ.

Почти сейчасъ же по переѣздѣ Гульчи, мы свернули въ узкую, романтически-живописную тѣснину, по которой бѣжалъ намъ на встрѣчу черезъ камни и пни деревьевъ горный потокъ Джиле-Су. Колоссальными зелеными пирамидами, титаническими каменными стѣнами, сходились здѣсь лицомъ къ лицу горныя громады, и одна только эта бѣшеная рѣчка-водопадъ, не смолкая трубившая въ свою боевую трубу, какъ ножомъ разрѣзала ихъ другъ отъ друга своимъ глубокимъ лѣсистымъ ущельемъ. Очень изрядная колесная дорога лѣпилась вдоль ручья, то и дѣло, впрочемъ, переносясь то на правый, то на лѣвый его берегъ, смотря по тому, откуда тѣснѣе надвигалась на насъ тяжкая пята горныхъ громадъ.

Лѣса, покрывавшіе всѣ скаты и уступы этихъ горъ и уходившіе вверхъ на недоступную глазу высоту, пріосѣняли нашу дорогу тысячами зеленыхъ опахалъ, подъ прикрытіемъ которыхъ могучее дыханіе горнаго ручья радостно и бодряще освѣжало знойный воздухъ полудня.

Соловьи, можетъ быть, прилетѣвшіе изъ нашихъ курскихъ и щигровскихъ рощъ, пѣли знакомыя намъ пѣсни въ этихъ дикихъ чащахъ, раздражаемые немолчнымъ рокотомъ несущагося внизъ потока, и мнѣ казалось, что они встрѣчали этими гимнами весны, какъ заздравными тушами приближающихся дорогихъ гостей—насъ, своихъ старыхъ знакомыхъ далекой русской родины.

Несмотря, однако, на эти чарующіе голоса возрожденной природы, на рокотъ и щекотъ, которымъ, казалось, былъ затканъ весь воздухъ, на душистый зной и зеленыя одежды лѣса,—бѣлыя залежи снѣговъ, будто лохмотья шубы только-что отвалившей отсюда вѣдьмы-зимы, торчали зловѣщими пятнами въ темныхъ складкахъ и пазухахъ горъ, на одной высотѣ съ нами, сочась влажными тонкими струйками по каменнымъ щекамъ скалы.

Намъ пришлось проѣхать, между прочимъ, мимо теплаго ключа, который пробивается изъ земли на полускатѣ горы. Продираться къ ключу на ту сторону, черезъ ручей, да еще по кручѣ, заросшей лѣсомъ, не всѣмъ показалось интереснымъ; отправились туда только мы съ Е. Бойкіе коньки наши безъ раздумья переправились черезъ бурный потокъ и ловко, какъ дикія козы, взобрались на крутой скатъ, покрытый колючимъ кустарникомъ, пнями и буреломомъ.

Тамъ, въ тѣни старыхъ деревьевъ, выбивался прямо среди зеленой травы и заливалъ маленькій прозрачный бассейнъ теплый источникъ. Мы спѣшились, чтобы попробовать его воду. Ее нельзя назвать горячею, а только умѣренно нагрѣтою. Никакого сѣрнаго или какого-нибудь другого характернаго запаха не выдѣляется изъ нея. По всей вѣроятности, вода остываетъ уже на поверхности земли или въ самыхъ верхнихъ слояхъ ея вслѣдствіе слабости и медленности струи. Безъ сомнѣнія, она сдѣлалась бы значительно горячѣе, если бы раскопать глубже источникъ и собрать его въ каменный резервуаръ. Туземцы знаютъ и чтутъ этотъ ключъ и лѣчатся его водою отъ разныхъ болѣзней.

Ущелье Джиле-Су постепенно поднималось все выше и выше въ гору и наконецъ развѣтвилось на три ущелья; три горныхъ потока, зарожденные высоко за облаками въ далекихъ ледникахъ Алая, свергались навстрѣчу намъ съ уступовъ скалъ, неистово пробиваясь и прогрызаясь черезъ сдавившія ихъ каменныя твердыни, нагроможденныя впереди; лѣвѣе всѣхъ несся совсѣмъ черный и мутный Кара-Булакъ, въ серединѣ Джиле-Су, и Чигирчикъ—справа. Лѣсистыя тѣснины, сквозь которыя вырывались на свѣтъ Божій два лѣсныхъ потока, были такъ глубоки и узки, что, казалось, въ нихъ до сихъ поръ еще стояли синіе туманы ночи. Въ поразительно дикой перспективѣ дали хмурились надъ черными лѣсными пирамидами голыя каменныя, а еще дальше изъ-за ихъ гранитныхъ плечъ, мерцали алмазами

своихъ ледниковъ и полями своего вѣчнаго снѣга—видѣвшими, быть можетъ, еще начало творенія,—сѣдыя головы великановъ Алая.

Всѣ три потока, вырвавшись на свободу, соединились въ одну бурную рѣчку Джиле-Су, вверхъ по которой мы до сихъ поръ ѣхали.

Мы повернули въ правое ущелье Чигирчика, далеко не такое мрачное и тѣсное, какъ два его сосѣда и брата. Но и по долинѣ Чигирчика пришлось ѣхать не долго. Арбяная дорога, недавно продѣланная здѣсь распоряженіемъ военной власти для безпрепятственнаго подвоза провіанта и военныхъ снарядовъ къ Гульчѣ и другимъ нашимъ порубежнымъ постамъ, стала въ то же время удобною торговою дорогою съ Кашгаромъ и алайскими киргизами. Конечно, было бы большимъ заблужденіемъ — придавать обычное европейское значеніе этому эпитету: «удобная». Уже карабкаясь верхами изъ долины Чигирчика на огромную горную сѣдлину, замыкавшую справа теченіе рѣки, мы могли воочію убѣдиться, насколько удобенъ былъ бы этотъ безконечный подъемъ для нагруженныхъ товарами арбъ.

По яркимъ краснымъ глинамъ, по свѣжимъ сверкающимъ осколамъ бѣлаго алебастра, мимо скалъ какого-то порфировиднаго камня, съ трудомъ взорваннаго порохомъ для проложенія дороги, лѣзли мы цѣлый часъ вверхъ подъ безжалостнымъ припекомъ полдневнаго солнца.

Съ красной сѣдлины зато открывается широкая и свѣтлая панорама живописныхъ окрестностей, и сейчасъ же начинается чуть ли еще не болѣе крутой спускъ по ту сторону горы. Я вынулъ походный альбомъ и, отъѣхавъ въ сторонку, сталъ набрасывать въ него этотъ характерный видъ, записывая въ то же время для памяти кое-какія впечатлѣнія свои.

Два киргиза, нагнавшіе меня, съ изумленіемъ и тревогою поглядѣли на непонятныя для нихъ манипуляціи мои и стали неодобрительно шептаться между собою, долго не спуская съ меня своихъ подозрительныхъ взглядовъ.

Со смѣхомъ въ душѣ, я невольно вспомнилъ сцену, разсказанную въ «Караванъ-запискахъ» нашимъ средне-азіатскимъ путешественникомъ 20-хъ годовъ Кайдаловымъ: старый киргизъ, увидѣвъ, что Кайдаловъ пишетъ что-то въ свои тетради, подошелъ къ нему и сказалъ гнѣвно:

— Какъ? если бы ты зналъ Бога, то я сказалъ бы, что ты не боишься Его, дѣлая зло людямъ, которые тебѣ кромѣ добра ничего не сдѣлали.

На удивленный вопросъ Кайдалова онъ отвѣчалъ:

— Какже! ты пишешь и черезъ то наводишь вредныя облака, причиняющія смерть скоту нашему! Развѣ ты не знаешь, сколько въ бытность вашу у насъ его перемерло? Давно бы васъ *сжечь слѣдовало*!

Что это была не пустая угроза, Кайдаловъ разсказываетъ, какъ киргизы сожгли въ подобномъ случаѣ одного татарина, у котораго нашли книги.

Мнѣ, впрочемъ, къ счастью, не грозило уже больше ничего подобнаго въ сопутствіи храбрыхъ русскихъ воиновъ, завоевателей и господъ этого невѣжественнаго края, гдѣ даже листокъ бумаги могъ еще недавно ввести человѣка на костеръ.

Чтобы не разбивать лошадей по каменному щебню дорогиручья, намъ не разъ приходится лѣпиться по козьимъ тропамъ береговыхъ обрывовъ, что мнѣ живо напоминаетъ мои старыя кавказскія странствованія.

Многоопытный вожакъ нашъ Г—ій все время держится впереди. Его маленькому коньку цѣны нѣтъ. Ни разу не сбиваясь съ своего аллюра, онъ отъ мѣста до мѣста покачивается все одною и тою же спорою и покойною ходьбою, не уставая самъ не утомляя всадника, баюкая его на сѣдлѣ, словно въ креслецѣ. Другіе увлекутся, ударятся въ перегонки, пустятся вскачь, обгонятъ Г—го подчасъ. Богъ знаетъ какъ далеко, а онъ все себѣ спокойно потрусываетъ съ перевальцемъ на своемъ лихомъ иноходцѣ, неподвижный и серьезный въ своемъ сѣдлѣ, будто только-что сѣлъ въ него,—и, смотришь черезъ полчаса всѣ отстали

отъ него, и онъ попрежнему продолжаетъ вести нашу безпорядочно растянувшуюся походную колонну, съ увѣренностью и выдержкою опытнаго командира, который всегда привыкъ быть впереди, въ головѣ всѣхъ.

Онъ разсказываетъ мнѣ много любопытнаго о горахъ Алая и Заалая, о Памирахъ и киргизскихъ кочевкахъ на нихъ. Онъ отлично знаетъ всѣ эти мѣста, всякій уголокъ ихъ. Вездѣ онъ успѣлъ побывать не одинъ разъ. Онъ тутъ вездѣ хозяиномъ не по одному только званію своему. Правда и то, что онъ цѣлыхъ 20 лѣтъ въ Туркестанѣ и въ одномъ только Ошѣ 15 лѣтъ.

Памиръ, по его словамъ, несомнѣнно нашъ. Но киргизы, которые тамъ бродятъ, не платятъ намъ ничего, не считаютъ себя русскими подданными. Имъ слишкомъ выгодно, кочуя въ этомъ недоступномъ плоскогоріи, на которомъ сходятся рубежи Китая, Индіи, Авганистана, Бухары и Россіи, отказываться отъ дани Китаю, подъ предлогомъ, что они кочуютъ въ предѣлахъ Россіи, и отъ дани Россіи, подъ предлогомъ, будто они платятъ Китаю. Памиръ—совершенная пустыня, безотрадная и безплодная. Тамъ нѣтъ ровно ничего, кромѣ дикихъ звѣрей да кочующихъ лѣтомъ киргизовъ. Границы тамъ тоже не проводились ни когда и никѣмъ, а мы пріобрѣли права на него только потому, что завоевали Кокандское ханство, которому принадлежалъ Ташъ-Курганъ и другія болѣе извѣстныя урочища этой «крыши міра». Между тѣмъ теперь, пользуясь отсутствіемъ границъ, кашгарцы захватили Ташъ-Курганъ и считаютъ его своимъ.

Г—му случилось побывать на Памирѣ и съ оружіемъ въ рукахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный киргизскій разбойникъ Матъ-Карымъ взволновалъ алайскихъ киргизовъ и ошскихъ сартовъ, и ловить его пришлось Г—му. Ему дали знать, что Матъ-Карымъ скрывается въ лѣтнихъ кочевьяхъ Памира, въ мѣстности Кудара, и онъ отправился за нимъ туда съ нѣсколькими казаками и съ однимъ киргизомъ изъ сосѣднихъ волостныхъ старшинъ, который былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ путеводителемъ и сыщикомъ. Когда они окружили кибитки ко-

чевья, поднялась жаркая перестрѣлка; въ самый разгаръ ея киргизъ огромнаго роста съ саблею на-голо, стремительно выскочивъ изъ кибитки, бросился къ стоявшимъ въ сторонѣ казацкимъ лошадямъ, однимъ прыжкомъ вскочилъ на ближайшаго коня, и прежде, чѣмъ казаки успѣли опомниться, умчался въ степь. За нимъ однако бросились и догнали его; это оказался самъ Матъ-Карымъ. Его взяли израненнаго и повезли въ Ошъ.

Вообще Памиръ служитъ постояннымъ убѣжищемъ для киргизскихъ возмутителей и разбойниковъ, вторгающихся въ Фергану и волнующихъ туземное населеніе, еще такъ мало привыкшее къ теперешней мирной жизни и русскимъ порядкамъ.

Безлюдная горная пустыня кончается вмѣстѣ съ спускомъ съ сѣдлистаго перевала изъ долины Чигирчика—въ долину Талдыкъ-Су. Тутъ уже опять киргизскія кочевья на каждомъ шагу, киргизскіе зимовники, киргизскія стада на высокихъ горныхъ пастбищахъ, едва видныхъ намъ снизу.

По болотистымъ круговинкамъ Талдыка важно бродятъ черные аисты, которыхъ я вижу еще первый разъ въ жизни, и часто вспархиваютъ тоже никогда мною невиданныя «отайки»,—или «золотыя утки»,—крупныя птицы сказочной красоты цвѣтовъ, чудно сверкающія на солнцѣ багрянцемъ и золотомъ своихъ перьевъ.

Но для меня интереснѣе всякихъ птицъ — идущіе намъ на встрѣчу караваны. Видно, лѣто разжарило не на шутку нижнія долины Малаго Алая. Перекочевывающіе въ горы киргизы тянутся одни за другими. И у всѣхъ одинъ и тотъ же порядокъ, и вездѣ однѣ и тѣ же картины: впереди гонятъ овецъ, коровъ, верблюдовъ, мужчины съ воинственнымъ видомъ верхами на коняхъ, а на горбахъ тяжело нагруженныхъ верблюдовъ, среди деревянныхъ остововъ кибитокъ, «чангараковъ», свернутыхъ въ трубки войлоковъ, тюковъ съ коврами, котловъ и кувшиновъ—ярко-красные халаты и бѣлые тюрбаны киргизокъ.

Киргизы вѣковѣчные бродяги, и перекочевка для нихъ не

только необходимость, но и искреннее наслажденіе. Весь ихъ домашній скарбъ, весь бытъ ихъ приспособленъ къ сѣдлу и вьюку; у нихъ все дорожное, все передвижное — и жилище, и мускулы, и сама душа.

Характеренъ отвѣтъ, который старая киргизка дала Вамбери, переодѣтому дервишемъ, спросившему ее, зачѣмъ они постоянно кочуютъ:

«Мы не такъ лѣнивы, какъ вы, молла! намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться, потому что посуди самъ: солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, звѣри, птицы, рыбы—всѣ движутся; только земля и мертвые остаются на мѣстѣ!»

Киргизка—больше хозяинъ верблюда, больше хозяинъ кибитки, чѣмъ самъ киргизъ. Киргизка, а не киргизъ будетъ разбивать кибитку по приходѣ кочевниковъ на облюбленное ими горное пастбище; киргизка будетъ навьючивать и развьючивать верблюда, киргизка погоняетъ его, поитъ и кормитъ, точно такъ же, какъ поитъ и кормитъ, обмываетъ и обшиваетъ самого киргиза и его киргизятъ, начиная отъ его бѣлой войлочной шапки до его бараньяго тулупа и «сарапая» и кожаныхъ «чомбаръ».

Можетъ быть, отъ этой постоянной грубой работы среди суровыхъ условій природы, отъ этой всегдашней мужественной борьбы съ нуждами и тягостями жизни, киргизская дѣвушка, киргизская женщина съ дѣтства вырастаютъ такими рослыми, сильными, смѣлыми и выносливыми, такъ похожи на мужчинъ выраженіемъ своего лица и складомъ своихъ костей, такъ самостоятельны и тверды характеромъ.

У рѣдкихъ цивилизованныхъ народовъ женщина пользуется такимъ огромнымъ значеніемъ и уваженіемъ, какими пользуются среди киргизовъ ихъ жены и матери. Онѣ никогда не закрываютъ своего лица, какъ это дѣлаютъ всегда праздныя и безправныя сартянки и таджички, и пользуются наравнѣ съ мужчинами правомъ свободно смотрѣть на другихъ и показывать

другимъ самихъ себя. Въ общественныхъ и семейныхъ дѣлахъ имъ принадлежитъ рѣшающій и во всякомъ случаѣ очень важный голосъ, и нельзя не удивляться, какъ могла образоваться такая поразительная разница въ способностяхъ, вкусахъ и положеніи, повидимому, одной и той же азіатской и мусульманской женщины, какая является теперь между изнѣженными, ни къ чему не пригодными затворницами какихъ-нибудь турецкихъ гаремовъ и этими мужественными и дѣятельными хозяйками киргизскаго кочевья.

Въ нѣкоторыхъ киргизскихъ аулахъ женщины даже рѣшаютъ дѣла, касающіяся исключительно женщинъ. Зависимость всей жизни киргиза отъ его женщинъ онъ выразилъ ва очень мѣткой пословицѣ, столько же насмѣшливой, сколько трогательной:

«Если твоя жена зла, что̀ пользы отъ спокойствія народа? если твой сапогъ тѣсенъ,—что́ пользы отъ обширности міра?»

Киргизка, составляющая въ мирное время всю силу семьи, не остается безполезною для нея въ дни войнъ и междоусобій.

Женщины киргизовъ не разъ вступали въ рукопашный бой, храбро защищая свои кибитки отъ врага, вторгнувшагося въ родной аулъ, и постоянно ухаживаютъ за ранеными, родными и чужими; другихъ докторовъ и сестеръ милосердія у кочевниковъ нѣтъ.

Въ этомъ отношеніи разсказы древнихъ авторовъ о храбрыхъ амазонкахъ, кочевавшихъ около Каспійскаго моря, рисуютъ очень мало видоизмѣнившійся образъ жизни киргизскихъ и туркменскихъ наѣздницъ.

Мужественность и дѣловитость кочевой женщины среднеазіатскихъ пустынь поражали и европейскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ въ XIII столѣтіи монгольскія страны.

«Дѣвки и женщины монголовъ ѣздятъ верхомъ и скачутъ такъ же, какъ мужчины», разсказываетъ Плано-Карпини въ своей классической книгѣ, которую мы уже не разъ приводили. «Жены у нихъ дѣлаютъ все: шубы, платье, башмаки, сапоги и всякую кожаную работу. Онѣ же ѣздятъ на повозкахъ и чи-

нятъ ихъ, также вьючатъ верблюдовъ. Онѣ очень проворны и искусны во всѣхъ работахъ. Всѣ онѣ носятъ портки; нѣкоторыя стрѣляютъ, какъ мужчины».

Читая эти строки, думаешь, что итальянскій монахъ, современникъ Чингиса, описываетъ теперешнихъ киргизокъ. До того сохранили онѣ въ наши дни старинные монгольскіе обычаи.

Киргизъ, несмотря на грубость своихъ нравовъ и на свой семейный деспотизмъ, обычайный у всѣхъ азіатовъ и у всѣхъ магометанъ,—очевидно, сознаетъ великое значеніе женщины въ своей жизни. Онъ украшаетъ свою могучую помощницу самыми ласковыми именами, поистинѣ, очень нѣжными для такого дикаря, и очень мало подходящими къ дѣйствительнымъ качествамъ этихъ мужеобразныхъ дамъ. Вы почти не найдете среди женскихъ киргизскихъ именъ другихъ названій, какъ «Урюкъ» (абрикосъ), «Пистагуль» (фисташковый цвѣтъ), «Алва» (халва, любимое лакомство азіатовъ), «Карлыгасъ» (ласточка), «Джибекъ» (шелкъ) и т. п.

Если встрѣтится среди этихъ нѣжностей какая-нибудь «Сарыкызъ», то-есть «желтая дѣвушка», — то потому только, что въ понятіяхъ желтокожаго монгола нѣтъ краше цвѣта, какъ желтый—для личика любимой красавицы.

Конечно, не нужно составлять себѣ изъ этого черезъ-чуръ идиллическихъ представленій о семейныхъ добродѣтеляхъ киргизскаго кочевника. Все таки киргизъ остается киргизомъ, азіатъ—азіатомъ, дикарь—дикаремъ.

Не даромъ онъ сочинилъ характерную поговорку на счетъ своего семейнаго бита:

«Я могу бить свою жену, сколько мнѣ угодно; а если убью, то заплачу «хунъ».

Впрочемъ, если мужъ очень бьетъ свою жену, то родъ ея вступается и, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже отнимаетъ ее у мужа.

Насколько женщина цѣнится киргизами, лучше всего доказывается тѣмъ, что до послѣдняго времени за нее платился очень высокій калымъ.

Конечно, калымъ вообще служитъ признакомъ зависимости женщины, обращаетъ ее въ товаръ своего рода, въ домашнее животное, которое можно покупать за деньги. Но тѣмъ не менѣе, размѣръ калыма имѣетъ свое несомнѣнное значеніе.

Въ прежнее время, когда киргизы владѣли огромными стадами и не были стѣсняемы въ пастбищахъ, и когда, съ другой стороны, участіе трудолюбивой и энергической женщины въ ихъ постоянно тревожномъ и необезпеченномъ быту было особенно важно для нихъ,—калымъ за невѣсту обыкновенно доходилъ до ста различныхъ скотинъ, но теперь такой калымъ уже рѣдкость, и чаще всего онъ не поднимается свыше 9, 10 головъ (1 или 2 верблюда, 4 лошади, 4 коровы).

При этомъ бѣдняки вмѣсто коровъ и лошадей даютъ столько же мелкаго скота, овецъ и козъ, а иногда даже и лошадь вмѣсто верблюда.

Киргизы, какъ истые азіаты, большіе любители женъ.

Хотя магометанскій писанный законъ, — шаріатъ, не разрѣшаетъ правовѣрному имѣть болѣе четырехъ женъ, но народные обычаи,—или адаты, по-киргизски «зангъ»,—въ этомъ отношеніи гораздо великодушнѣе и дозволяютъ мужу имѣть столько женъ, сколько пожелаетъ душа его, «ибо жена — самка», оттого ей позволительно ходить съ открытымъ лицомъ, какъ и прочимъ животнымъ.

Понятно, что богатые киргизы болѣе придерживаются любезнаго имъ «занга», чѣмъ педантическихъ правилъ шаріата.

«Разбогатѣетъ сартъ—строитъ домъ; разбогатѣетъ киргизъ—набираетъ женъ», говоритъ туземная пословица.

Другая такая же пословица свидѣтельствуетъ о семейныхъ вкусахъ киргиза нѣсколько съ иной точки зрѣнія:

«Домъ съ дѣтьми—базаръ, а безъ дѣтей — мазаръ (т.-е. могила)», говорятъ киргизы.

Меня увѣряли, что киргизъ, у котораго болѣе четырехъ женъ, живетъ брачно только съ четырьмя; остальныя обращаются въ

такъ называемыя «суфи», то-есть, «воздержанныя»,—невольныя монахини своего рода.

Съ каждою же изъ четырехъ дѣйствительныхъ женъ своихъ киргизъ обязанъ по адату ночевать по очереди, а она въ свою очередь обязана готовить ему въ этотъ день кушанье и заниматься всѣмъ хозяйствомъ; такъ что деликатный вопросъ о раздѣленіи на четыре части семейныхъ радостей и семейныхъ обязанностей разрѣшенъ кочевымъ законодательствомъ довольно просто и остроумно, по принципу: «любишь кататься, люби и саночки возить».

Впрочемъ, старшая, или любимая жена киргиза,—байбише»—сохраняетъ надъ всѣми остальными женами нѣкоторое начальственное значеніе.

Всѣ эти полигамическіе вкусы узкоглазаго монгола не мѣшаютъ ему сваливать бѣду съ больной головы на здоровую и оскорблять вѣрныхъ подругъ своей жизни такими пословицами, будто «красивая женщина не можетъ не быть развратницею».

Вѣроятно, чтобы избѣжать этого грѣха, киргизскихъ женщинъ отдаютъ замужъ, а киргизскихъ парней женятъ — очень рано.

Въ большинствѣ киргизскихъ родовъ, малый въ 12, 13 лѣтъ уже считается совершеннолѣтнимъ, а дѣвушки признаются способными къ брачному сожитію даже съ 9 и 10 лѣтъ.

Правда, тутъ бываетъ большая разница—смотря, изъ какой семьи женихъ или невѣста. Въ богатыхъ семьяхъ, гдѣ ѣдятъ много баранины и конины, гдѣ дѣти растутъ сыто и привольно, совершеннолѣтіе наступаетъ значительно ранѣе, чѣмъ среди голодающаго и отощавшаго населенія.

Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что дѣти мясниковъ, даже и не богатыхъ, — вполнѣ приравниваются къ богатымъ семьямъ, именно потому, что имѣютъ частые случаи питаться мясомъ.

Бій Халмахаммедъ, какъ передаетъ генералъ Гродековъ въ своей прекрасной книгѣ о юридическомъ бытѣ киргизовъ и кара-

киргизовъ, на предложенный ему по этому поводу вопросъ отвѣчалъ очень искренно: «о другихъ не могу сказать, а знаю только, что *я съ 12-ти лѣтъ достигъ совершеннолѣтія*, такъ какъ съ тѣхъ поръ сталъ способенъ быть отцомъ семейства. Другіе, болѣе слабые люди годятся только съ 15-ти лѣтъ».

Алайскіе кара-киргизы, у которыхъ мы только-что гостили, чаще всего помолвливаютъ своихъ дѣтей, когда имъ сравняется только одинъ годъ, а иногда даже и до рожденія ребенка. Но женитьба происходитъ все-таки въ свое время и не раньше, конечно, какъ женихъ въ состояніи внести весь назначенный калымъ.

Невѣста у киргизовъ считается собственностью не семьи ея, а цѣлаго рода. Если умретъ женихъ, братъ жениха имѣетъ право взять ее; если умретъ невѣста, женихъ можетъ взять за себя ея сестру.

Мститъ за невѣсту тоже цѣлый родъ. Послѣ того, какъ совершится торжественнное закланіе козла, въ кибиткѣ старшаго брата невѣсты, — нѣчто въ родѣ нашего обрученья, — жениху дозволяется ложиться со своею невѣстою, хотя еще безъ всякихъ брачныхъ правъ, и если онъ злоупотребитъ своимъ положеніемъ, то подвергнется жестокой мести со стороны членовъ оскорбленнаго рода.

Но самая оригинальная черта киргизской свадьбы—это злополучное положеніе несчастныхъ сватовъ, подобнаго которому не встрѣчается, кажется, ни у одного народа на земномъ шарѣ; ихъ раздѣваютъ до-гола и съ веревкой на шеѣ таскаютъ на посмѣшище всего народа; во время свадебнаго пиршества пришиваютъ къ кошмамъ, такъ что они двинуться не могутъ; вытаскиваютъ изъ кибитки за ноги черезъ верхнее круглое отверстіе — «чангаракъ», и вообще продѣлываютъ надъ ними самыя непристойныя шутки, причемъ женщины заигрываютъ ихъ иногда до смерти, какъ увѣряютъ изслѣдователи киргизскаго быта.

Мнѣ кажется, этотъ нелѣпый и возмутительный обычай —

тоже родовая месть особаго вида — безжалостно-шуточное возмездіе, со стороны рода, за увозъ принадлежащей ему цѣнности, — невѣсты,—главнымъ виновникамъ этого добровольнаго похищенія.

УЧЕНИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ПЕРВОЙ МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

IX.

Родовой бытъ киргиза.

А перекочевывающіе караваны, между тѣмъ, все чаще и чаще попадаются намъ на встрѣчу. Перекочевываютъ тоже, обыкновенно, цѣлымъ родомъ.

Земля у киргизовъ, и до русскаго завоеванія, считалась общимъ добромъ всего племени, а теперь, по закону 12-го іюня 1886 года, признана государственною собственностію, которую кочевники могутъ занимать подъ свои стада и кочевья въ безсрочное пользованіе. Кочевки свои киргизы, вообще, называютъ «кушпекъ».

«Зимовыя стойбища» ихъ, болѣе тѣсныя и труднѣе находимыя, отводятся каждому роду, а «лѣтовки», или «лѣтнія кочевья»,—по-киргизски «джейляу»—населенію цѣлаго уѣзда безъ различія родовъ.

Лѣтнія кочевья киргизовъ бываютъ такъ обширны, что въ сухое лѣто въ предѣлахъ какой-нибудь Сыръ-Дарьинской или Ферганской области — иногда не хватаетъ пастбищъ для скота и киргизамъ дозволяется въ такихъ случаяхъ перекочевывать даже въ сосѣднія области Степного губернаторства, гдѣ жары бываютъ не такіе изсушающіе и населеніе не такъ тѣсно, въ области Семирѣченскую, Акмолинскую, Тургайскую.

Осеннія же кочевья—«куздяу»—они находятъ у себя дома, гдѣ за лѣто успѣетъ отрости порядочная трава.

Собственно говоря, земля не имѣетъ никакой цѣны въ глазахъ киргиза, и, вѣроятно, было время, когда всѣ народы, оби-

тавшіе въ сухихъ равнинахъ, относились къ ней такъ же. Цѣнится высоко кочевникомъ только вода и трудъ.

Здѣсь продаютъ и покупаютъ не землю, а воду, да сколько-нибудь осязательные плоды человѣческой работы.

Арыкъ, колодезь, деревья, постройки,—вотъ что всегда считалось у киргизовъ личною наслѣдственною собственностію и на что получались, взамѣнъ купчихъ и данныхъ, ярлыки хановъ или судебные приговоры біевъ.

Пастбища же, сѣнокосы и даже пашню свою кочевники бросаютъ, отъѣзжая, нисколько не заботясь поддерживать свое jus primi occupantis.

Но если родъ вырылъ кудукъ или арыкъ, торжественно заклавъ надъ нимъ козла или барана и принеся такимъ образомъ «кудаи» (т.-е жертву богу),—то ужъ этотъ арыкъ или колодезь дѣлался на вѣки-вѣчные собственностью рода, не прекращаемою никакими земскими давностями.

Ханы считали себя обязанными выдавать родамъ ярлыки на ихъ арыки, лѣтовки и зимовки, при чемъ и лѣтовка и зимовка, непремѣнно, обозначались въ одномъ и томъ же ярлыкѣ, такъ какъ одна безъ другой онѣ теряли всякое значеніе.

Передвиженіе кочевниковъ съ зимовокъ на ихъ горныя «джейляу»,—картиною котораго я теперь любуюсь глазами художника,—очень важное событіе въ жизни кара-киргиза.

Подъ переносъ кибитки выбираются самыя сильныя животныя. Большую кибитку поднимаютъ обыкновенно пять верблюдовъ, для небольшой—достаточно и трехъ.

Наканунѣ выхода съ зимовника устраивается общее угощеніе, гдѣ обильно истребляется «куйрукъ» (курдючное сало), «каймакъ» (топленыя сливки), «айранъ» (кислое овечье молоко съ водою), «крутъ» (кислый овечій сыръ), «кужа» (каша изъ проса), мясо барановъ, козъ и лошадей.

Впрочемъ, по убѣжденію киргизовъ, мясо, до котораго они большіе охотники, вовсе не есть лучшая пища для человѣка. Напротивъ того, они считаютъ самою чистою и полезною пи-

щею хлѣбъ и виноградъ, и увѣряютъ, что самъ Аллахъ признадъ это, сказавъ людямъ: «если бы я могъ употреблять яства, я бы ѣлъ только хлѣбъ и виноградъ».

Остальные плоды тоже считаются «пищею рая», мясо же, по понятіямъ киргиза, не изъ рая», а изъ остатковъ глины послѣ сотворенія Богомъ перваго человѣка.

Въ этихъ наивныхъ взглядахъ кочевника нельзя не видѣть искаженнаго отзвучія древнихъ библейскихъ сказаній о раѣ, изстари распространенныхъ среди народовъ Азіи.

Мясо овцы и козы считается у киргизовъ лучшимъ; лошадь сотворена, по ихъ убѣжденію, изъ воздуха—«ель», оттого она и обладаетъ быстротою и легкостью. Верблюда киргизъ рѣжетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда онъ отправляется на паломничество въ Мекку и приноситъ Аллаху умилостивительную жертву.

На пиршествахъ киргизовъ непремѣнно участвуетъ и музыка. Въ кибиткахъ алайскихъ кара-киргизовъ мы вездѣ видѣли висящія на стѣнахъ туземныя балалайки—«домбра», скрипки—«кобза», и дудки—«сабызга». Почти всякій киргизъ умѣетъ играть на чемъ-нибудь. Кромѣ музыки и пѣсенъ неизбѣжною забавою ихъ пировъ служитъ также ихъ любимая «байга»—отчаянная борьба между собою молодыхъ парней.

Когда прощальное пиршество окончится, зажигаютъ на краю зимовки два костра и становятъ между ними какую-нибудь сѣдоволосую старую вѣдьму,—хранительницу родовыхъ преданій и обычаевъ.

Старуха, творя причитанья, разбиваетъ тыквенный кувшинъ, по-киргизски «кабакъ»—откуда, вѣроятно, произошло и наше названіе «кабачковъ» для мелкой породы тыквъ, изъ которыхъ на югѣ приготовляютъ очень вкусное кушанье.

«Какъ разлетѣлся въ куски этотъ кувшинъ, такъ пусть разлетятся всѣ наши печали!» торжественно провозглашаетъ старуха и, взявъ за поводъ нагруженныхъ верблюдовъ, первая выводитъ ихъ изъ зимняго стойбища.

Присутствующіе киргизы начинаютъ перепрыгивать черезъ костры и кричать вслѣдъ за старухой:

«Аласъ, аласъ!» (прочь, прочь!). Когда на другой день выступятъ изъ зимовища, то верстъ черезъ 5-ть или 6-ть дѣлаютъ остановку, разбиваютъ опять юрты, рѣжутъ лошадей, барановъ и устраиваютъ новое «кудаи» Аллаху. При закланіи животныхъ старшина рода молится:

«Да будемъ мы такъ же счастливы на новомъ мѣстѣ, какъ были счастливы на старомъ!»

Впереди каравана посылаются заранѣе развѣдчики изъ самыхъ опытныхъ стариковъ.

Развѣдчики, отыскавъ колодезь, который долженъ служить средоточіемъ будущаго кочевья, ставятъ *„бельчи“*—или «признаку», какъ говорили у насъ въ старину,—втыкаютъ копье, оставляютъ какую-нибудь свою вещь, связываютъ пучкомъ траву около колодца, а чаще всего чертятъ на землѣ «тамгу» своего рода,—и уже послѣ этого ни одинъ киргизъ не остановитъ своихъ верблюдовъ на захваченномъ пастбищѣ.

«Тамга», отъ которой произошло наше старинное русское слово «таможня»,—служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ пребыванія рода въ извѣстномъ мѣстѣ. «Тамга»—это условный знакъ, тавро, печать, замѣняющая и гербъ, и подпись для киргизскихъ родовъ.

Если на какомъ-нибудь камнѣ или памятникѣ отыщется «тамга» извѣстнаго киргизскаго рода, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что родъ этотъ когда-нибудь кочевалъ здѣсь и поставилъ эти памятники.

Каждый изъ 92-хъ узбекскихъ родовъ,—которыхъ мы, русскіе, смѣшиваемъ подъ общимъ названіемъ киргизовъ,—имѣетъ особую «тамгу», ведущую свое начало съ незапамятныхъ временъ. По преданіямъ киргизовъ, «тамга» была придумана въ старину для того, чтобы 92 брата, родоначальники узбекскихъ родовъ,—могли различать свой скотъ отъ скота другихъ братьевъ.

До сихъ поръ «тамга» эта выжигается здѣшними киргизами и кара-киргизами—на всякой скотинѣ. На лошади и верблюдѣ она выжигается всегда слѣва, такъ какъ садятся на нихъ съ лѣвой стороны. Но одинъ родъ выжигаетъ «тамгу» на головѣ, другой на боку, на плечѣ, на животѣ, на ляжкѣ и т. п.

Общая «тамга» служитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ объединяющимъ знаменемъ для киргизовъ одного рода. Значеніе этихъ древнихъ родовъ хотя и сильно расшаталось послѣ русскаго завоеванія, но все-таки продолжаетъ быть главнымъ общественнымъ началомъ въ жизни киргизовъ.

И киргизы, и кара-киргизы всѣ называютъ себя узбеками, и списокъ 92-хъ основныхъ узбекскихъ родовъ съ небольшими видоизмѣненіями распространенъ во всѣхъ киргизскихъ аулахъ.

Степные киргизы, вопрочемъ, хотя и признаютъ кара-киргизовъ узбеками, но отдѣляютъ ихъ въ совершенно особое племя и увѣряютъ, будто они произошли отъ калмыковъ и даже отъ собакъ.

Мнѣ кажется, такой взглядъ степныхъ киргизовъ на своихъ горныхъ собратьевъ достоинъ серьезнаго вниманія. Уже и при первомъ взглядѣ на кара-киргиза бросается въ глаза его сильная «калмыковатость» сравнительно съ другими кочевниками Туркестана. Кара-киргизъ смотритъ гораздо больше монголомъ, чѣмъ степной киргизъ и сартъ. Въ то же время кара-киргизъ гораздо храбрѣе степного киргиза или казака, какъ они величаютъ сами себя, и независимѣе его по своему духу.

Изъ этихъ сопоставленій можно, пожалуй, вывести заключеніе, что кара-киргизъ, быть можетъ, есть прямой потомокъ монгола-завоевателя, гораздо менѣе смѣшавшійся съ побѣжденными тюркскими народностями, чѣмъ киргизъ-казакъ, чему, конечно, не мало могло способствовать и ихъ трудно доступное мѣсто жительства въ горныхъ трущобахъ Алайскаго и Ферганскаго хребтовъ.

Замѣчательно, что среди кара-киргизовъ нѣтъ привилегированнаго сословія, такъ называемыхъ «тюрей», или «бѣлой кости» («ак-суекъ» по-киргизски).

Тюри считаются потомками Чингисъ-хана (и въ тоже время непостижимымъ образомъ потомками халифа Аббаса) и имѣютъ, а особенно имѣли прежде, среди киргизъ-казаковъ почти такое же значеніе, какъ наше дворянское сословіе имѣло среди крестьянъ и купцовъ крѣпостной эпохи.

Они всегда были наслѣдственными вождями племени, пользовались большимъ почетомъ и важными преимуществами въ правахъ собственности. До послѣдняго времени браки между «бѣлою костью» — «акъ-суекъ»—и «черною костью» — «кара-суекъ» — считались великимъ позоромъ для тюрей; женщина «бѣлой кости», выходившая замужъ за «черную кость», подвергалась проклятію и лишалась своихъ сословныхъ льготъ.

При графѣ Сперанскомъ возникла мысль привести въ извѣстность народные обычаи киргизовъ, подвластныхъ Россіи, и составить общій сводъ этихъ «адатовъ».

Сводъ этотъ, напечатанный на киргизскомъ языкѣ, хранился во 2-мъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и профессоръ Самоквасовъ въ 1876 году издалъ по сохранившимся копіямъ его «Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ» съ спеціальнымъ приложеніемъ къ нему «обычаевъ киргизовъ» (большой и средней орды). Такъ какъ матеріалъ для этого сборника собирался при помощи киргизскихъ старшинъ, то султаны и біи ихъ, принадлежавшіе къ сословію тюрей, повидимому, широко воспользовались представлявшимся имъ удобнымъ поводомъ усилить и закрѣпить свои сословныя привилегіи на счетъ простого народа, выдавая за старинные обычаи многое такое, что только было съ ихъ стороны случайнымъ злоупотребленіемъ или даже просто мечтою будущаго.

По крайней мѣрѣ мѣстные изслѣдователи этого вопроса, какъ, напримѣръ, извѣстный знатокъ киргизскаго быта генералъ Гродековъ, прекрасной книгой котораго «Киргизы и кара-киргизы» мы главнымъ образомъ пользуемся въ настоящемъ случаѣ, — предполагаютъ, что жестокія наказанія и даже смерт-

ная казнь за оскорбленія и нарушеніе преимуществъ «бѣлой кости» людьми «черной кости»—введены въ сборникъ адатовъ по выдумкѣ самихъ киргизскихъ старшинъ, которая не могла быть провѣрена составителями сборника за отсутствіемъ среди русскихъ изслѣдователей того времени хорошо подготовленныхъ знатоковъ киргизскаго языка и обычаевъ.

Можетъ быть, этими же обстоятельствами слѣдуетъ объяснить и включеніе въ сборникъ киргизскихъ адатовъ такихъ жестокосердыхъ и фанатическихъ правилъ, совершенно не подходящихъ къ обычной терпимости и маловѣрію степного кочевника и такъ странно звучащихъ въ книгѣ законовъ христіанскаго государства, какъ «лишеніе живота за поруганіе своего закона», въ случаѣ принятія киргизомъ христіанства, или «повѣшеніе 7-ми человѣкъ» изъ членовъ рода за убійство одного ходжи, которые, подобно султанамъ и біямъ, принадлежали къ «бѣлой кости» и почитались потомками сподвижниковъ пророка. Смертная казнь полагалась по этому сборнику даже и за такой нисколько не уголовный проступокъ, какъ вступленіе въ бракъ сына или дочери безъ вѣдома родителей.

Мы русскіе, всегда отличались излишнею довѣрчивостью и излишнею снисходительностью къ разнымъ инородцамъ, входившимъ въ составъ нашего огромнаго царства. На Кавказѣ, въ Сибири, въ киргизскихъ степяхъ, мы дѣлали тѣ же ошибки, какъ и въ балтійскихъ провинціяхъ, Финляндіи и Польшѣ, освящая могучею поддержкою государства безъ серьезной провѣрки и изученія подлинныхъ обстоятельствъ дѣла, разныя неправыя притязанія и случайныя злоупотребленія господствующихъ сословій, составлявшихъ въ сущности ничтожное меньшинство народа; мы наивно воображали, что пріобрѣтаемъ себѣ вѣрныхъ сторонниковъ въ тѣхъ руководящихъ слояхъ новоприсоединенной народности, которыхъ мы щедро награждали присвоенными ими себѣ льготами,—а вмѣсто того въ нихъ именно и встрѣчали каждый разъ самыхъ упорныхъ противниковъ рус-

ской государственности, самыхъ горячихъ друзей всякаго рода обособленности мѣстнаго края отъ Россіи.

Такими недальновидными простаками являлись мы до послѣдняго времени относительно польскихъ пановъ, остзейскаго рыцарства, финляндскихъ сеймовъ, сибирскихъ шамановъ, горскихъ князей Кавказа,—такими же оказались мы и по отношенію къ ходжамъ и султанамъ киргизскихъ ордъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время, послѣ покоренія Туркестана и устройства киргизскихъ ордъ на новыхъ началахъ, привилегіи «бѣлой кости» уже не признаются русскимъ закономъ, да и въ жизни туземцевъ они потеряли прежнее значеніе.

Съ 1867 года русское правительство раздѣлило киргизскія орды по уѣздамъ, волостямъ и ауламъ, и вмѣсто наслѣдственныхъ родовыхъ старшинъ установило выборныхъ волостныхъ старшинъ и аульныхъ сельскихъ старостъ (аксакаловъ), чтобы ослабить среди киргизовъ прежнее значеніе рода и «бѣлой кости», слишкомъ близкое къ старымъ порядкамъ ихъ быта и слишкомъ поэтому мѣшавшее сліянію киргизовъ съ остальнымъ населеніемъ имперіи.

Это нанесло несомнѣнно глубокій ударъ родовому быту киргизовъ. Хотя подъ видомъ выборныхъ волостныхъ старшинъ пока еще выдвигаются бо́льшею частью тѣ же наслѣдственные вожди родовъ, имѣющіе еще огромное значеніе среди населенія, и хотя вопреки административному раздробленію рода на волости и аулы и искусственному соединенію въ одной волости частей изъ различныхъ родовъ,—въ каждой волости пока распоряжается безпрепятственно господствующій родъ,—но все-таки нельзя не видѣть, что новыя начала замѣтно бродятъ въ народной массѣ и вызываютъ все чаще и чаще явленія новаго характера, несомнѣнно видоизмѣняя взглядъ народа на значеніе и рода, и «бѣлой кости», пріучая его все больше къ равенству передъ закономъ и къ господству надъ всѣмъ государственнаго интереса.

Къ сожалѣнію, эти новыя начала невольнымъ образомъ рас-

шатали тѣ старые нравственные устои, на которыхъ до сихъ поръ покоилась сколько-нибудь твердо общественная и семейная жизнь кочевниковъ. Выборное начало внесло съ собою возмутительную продажность, недобросовѣстность, духъ смуты и интригъ. Почтеніе къ старшимъ членамъ рода, послушаніе родителямъ, страхъ передъ судомъ, религіозное благочестіе,—всѣ эти полезные нравственные тормазы человѣка замѣтно ослабѣли среди киргизовъ и развязали руки болѣе дерзкимъ и корыстнымъ изъ нихъ. Но это, кажется, неизбѣжная ступень, черезъ которую приходится проходить всякой народности, выростающей изъ пеленокъ патріархальнаго быта и призываемой къ болѣе широкой гражданской жизни. Поэтому и смотрѣть на эти печальныя явленія слѣдуетъ безъ малодушія и отчаянія, съ твердою вѣрою, что временная болѣзнь роста окончится въ свой срокъ, и что нужно только зорко слѣдить за ней и не колеблясь примѣнять противъ нея подходящія лѣкарства.

Я сказалъ выше, что кара-киргизы, въ противоположность съ степными киргизами, не знаютъ «бѣлой кости», не знаютъ «тюрей», точно такъ же, какъ не знаютъ «кара-суекъ»—«черной кости». Кара-киргизы всѣ равны, всѣ—одного сословія.

Невозможно воздержаться отъ заключенія, что слѣдовательно «бѣлая кость» киргизовъ есть не что иное, какъ потомство завоевателей, а черная кость, — «подданные» — потомство покоренныхъ.

Это предположеніе дѣлается еще болѣе убѣдительнымъ, когда вспомнишь, что «бѣлая кость», «тюрэ», — считается *не принадлежащею ни къ одному изъ киргизскихъ родовъ и ни одной киргизской ордѣ*, и даже не раздѣляется на колѣна, какъ всѣ роды киргизовъ.

«Бѣлая кость» единая и нераздѣльная—по-киргизски «тагнъ» и признается *потомствомъ хановъ, царствовавшихъ въ степи*, Аблай-хана и другихъ, стало быть, прямо завоевателей.

Интересна въ этомъ отношеніи легенда о происхожденіи

3-хъ ордъ киргизовъ-казаковъ, сохраняющаяся среди нихъ самихъ.

Жили-были два брата—Могулъ и Татаръ. Отъ Могула произошли казаки. Могулы были побѣждены и истреблены татарами. Спаслось изъ нихъ только три сотни, или орды. Они ушли въ горы и размножились. Первый начальникъ у нихъ былъ Алашъ. Оттого-то до сихъ поръ сохраняется во всѣхъ 3-хъ ордахъ киргизовъ ихъ старинный боевой кличъ: «алашъ!» Боевой кличъ по-киргизски «уранъ»; и я сильно подозрѣваю что наше русское «ура»,—несомнѣнно тоже старинный боевой кличъ нашъ,—есть не что иное, какъ заимствованное у вѣковѣчныхъ нашихъ сосѣдей и учителей въ боевомъ дѣлѣ азіатскихъ степняковъ,—укороченное названіе ихъ боеваго клича — «уранъ».

Алашъ-ханъ отправилъ три отряда *холостыхъ наѣздниковъ* въ пограничную область на сторóжу своей земли.

Слово казакъ, по объясненію словаря Будагова, — значитъ, именно, *вольный*, бродяга, разбойникъ, *холостой*. Эти холостые наѣздники, или казаки, подговорили цыганокъ степнаго табора убить мужей и выйти замужъ за нихъ казаковъ, и вотъ отъ этихъ цыганокъ-казачекъ и появились на свѣтъ три казацкія или киргизскія орды. Въ одной сталъ предводителемъ Байшура, бóльшій сынъ Алашъ-хана, въ другой — средній сынъ его — Джаншура, а въ третьей—самый меньшій—Карашура. «Чангаракъ», — то-есть верхній обручъ кибитки, священный у киргизовъ синонимъ домовладычества, остался у Байшуры, въ «Большой ордѣ», которая и прозвана была поэтому «наслѣдствомъ отца»—«ата баласы», въ то время какъ Средняя орда получила названіе «потомство старшаго брата» («ага-баласы»).

Большая орда, или «Улу-юзъ» осталась кочевать у населенныхъ мѣстъ Туркестана. Средняя,—«Орта-юзъ»,—заняла удобныя для табуновъ степныя пастбища, а Малая орда — «Кши-юзъ»,—удалилась еще дальше, къ границамъ Россіи.

Изъ этого преданія ясно одно, что предки киргизовъ-каза-

ковъ были покорены другимъ родственнымъ народомъ, очень можетъ быть, тѣми самыми монголами Чингисъ-хана, которые, присоединивъ къ себѣ своихъ сосѣдей татаръ, лавиною хлынули на степи Сибири и Туркестана.

Тогда понятно, что потомки завоевателей хотя и остались въ тѣсной связи съ покореннымъ народомъ, близкимъ имъ по языку и образу жизни, но все-таки составили среди него господствующее и привилегированное сословіе, — такъ называемое «бѣлая кость».

Кара-киргизы же, которые по всей вѣроятности произошли отъ самихъ завоевателей, не имѣли никакихъ историческихъ причинъ къ выдѣленію изъ себя особаго сословія тюрей или султановъ и къ раздѣленію народа на двѣ «кости» — бѣлую и черную.

Свое происхожденіе кара-киргизы объясняютъ совсѣмъ не такъ, какъ казаки. Названіе кара-киргизы — ими самими не употребляется, а дается имъ русскими и другими сосѣдями. Сами себя они называютъ просто «кыргызъ»; слово это означаетъ, по ихъ объясненію, «40 дѣвъ» (кыръ-кызъ). Миѳическій родоначальникъ ихъ имѣлъ дочь и приставилъ оберегать ее 40 прислужницъ. Купаясь въ рѣкѣ съ своей госпожей, эти 40 дѣвъ увидѣли плывущую по рѣкѣ пѣну и услышали голосъ, который раздавался изъ воды: «и то истина, и это истина!» («Ана эльхакъ, — мана эльхакъ!»). Онѣ обмакнули пальцы въ пѣну и оттого вдругъ всѣ 40 сразу забеременили. Ихъ выгнали на высокую гору, и тамъ онѣ родили 40 сыновей и 40 дочерей. Сыновья переженились на дочеряхъ, и отъ нихъ-то произошелъ *„народъ сорока дѣвъ“* — «кыръ-кызъ».

Адаты, или «зангъ», у кара-киргизовъ почти совершенно такіе же, какъ у киргизовъ-казаковъ съ самыми ничтожными отступленіями.

И у тѣхъ, и у другихъ родъ составляетъ основу всѣхъ имущественныхъ, общественныхъ и политическихъ отношеній. Родъ

защищаетъ своихъ членовъ и отвѣчаетъ за проступки ихъ. Родъ платитъ хунъ, родъ мститъ. По законамъ киргизской кровавой мести, убивается не убійца, а кто-нибудь изъ рода. Невѣста принадлежитъ роду. Гостепріимство оказывается по степени родства.

Родство, то-есть связи съ родомъ, отыскивается до сорокового колѣна.

«Кто не знаетъ имени своихъ семи предковъ,—тотъ отступникъ!» учитъ киргизскій кодексъ нравственности.

Оттого-то первый вопросъ, который киргизъ предлагаетъ незнакомому человѣку, желая узнать о немъ что-нибудь,—это: «кто были твои 7-мь отцовъ?» Каждый киргизскій ребенокъ въ состояніи дать на этотъ вопросъ вполнѣ точный отвѣтъ.

«Лучше быть пастухомъ въ своемъ родѣ, чѣмъ въ чужомъ народѣ царемъ»,—говоритъ киргизская пословица.

Уваженіе къ старшинству рода дотого вкоренено въ киргиза, что самый послѣдній родъ Большой орды имѣетъ преимущество передъ самымъ главнымъ родомъ Средней орды, и эти въ свою очередь вездѣ становятся выше родовъ Малой орды.

Причина же та, что ихъ «предокъ старше». На киргизскихъ пирахъ прежде всего спрашиваютъ, нѣтъ ли среди гостей когонибудь изъ рода Джалаира,—старшаго рода Большой орды. Если членъ этого рода налицо, то ему первому подносятъ угощеніе и вообще ему принадлежитъ первая роль на пирѣ. Если нѣтъ Джалаира, — первенствуетъ Ошакты, второй по старшинству родъ Большой орды. Почетному роду принадлежитъ лучшій кусокъ на пиршествѣ, голова, а въ ней особенно почетною частью считается носъ; плечо же животнаго достается представителямъ младшаго рода.

Вообще у киргизовъ установленъ самый сложный этикетъ на счетъ распредѣленія кусковъ пищи. Быть можетъ, это также отпечатокъ монгольскаго завоеванія, монгольскихъ вліяній, занесенныхъ изъ Китая.

Такъ, напр., при свадебномъ угощеніи бараниной, парнямъ

дается бедро передней ноги, жениху—грудинка, старикамъ—плечо и бедро, а женщинамъ и дѣвушкамъ—всегда самыя плохія части: задняя голень и хвостъ.

У кара-киргизовъ аксакалу, т.-е. старшинѣ, дается голова съ бокомъ, біямъ, ходжамъ, манапамъ и почетнымъ богачамъ—курдючное сало съ другимъ бокомъ, и потомъ еще существуетъ цѣлый десятокъ степеней съ точнымъ указаніемъ, кому что слѣдуетъ давать. Только женщинамъ и дѣтямъ обыкновенно предназначается безъ измѣненія самыя худшія и невкусныя части, какъ кишки.

Обязанность накормить гостя всѣ роды киргизовъ считаютъ одинаково священною, и путникъ въ далекомъ странствованіи не столько надѣется на нѣсколько горстей кужи, захваченныхъ имъ про запасъ, сколько на *„кунакъ-асы“*—безмездное угощеніе гостя и лошади его какимъ-нибудь побратимомъ (по-киргизски «тамыръ»).

Мы тоже пользовались ничѣмъ инымъ, какъ «кунакъ-асы», гостя эти дни въ кибиткахъ кара-киргизской датхи.

«Богъ, который далъ голову, даетъ и пищу!» увѣряетъ киргизъ, отправляясь почти безъ всякихъ запасовъ въ безбрежныя степи.

Хорошо накормить гостя—и честь, и нравственный подвигъ въ глазахъ киргиза.

«Кормившему тебя одинъ день—кланяйся 40 дней», говоритъ киргизская пословица; другая говоритъ: «Гость есть подарокъ Бога».

Если у хозяина нечѣмъ накормить гостя, ближнія кибитки обязаны помочь ему и принести каждый свою лепту «кунакъ-асы».

Иногда такія угощенія становятся въ большую тягость бѣдному кочевнику, и на эти случаи онъ сочинилъ пословицы другого рода.

«Кто даетъ, тому кажется, что пять много, а кто получаетъ, тому кажется, что и шесть мало“, не безъ остроумія выражаются киргизы.

«Если гость останавливается разъ, то это счастіе, если два раза, то бѣдствіе», съ наивною откровенностью исповѣдуютъ они свою задушевную мысль.

X.

Спускъ черезъ Ленгаръ.

Я ѣхалъ, порядочно утомленный ѣздою по горамъ и камнямъ, а еще больше жаромъ весенняго дня, и предавался на досугѣ размышленіямъ всякаго рода.

Мысль мою дразнило какое-то трудно высказываемое, между тѣмъ очень ощутительное для меня, настроеніе духа.

Жизнь кочевника, киргизская кибитка съ какою-то безпорядочною настойчивостью врывались безъ всякаго желанія моего въ опрятно прибранные покои моихъ обычныхъ умственныхъ представленій, и голова моя работала словно не своею волею, усиливаясь переварить еще не переваренныя слишкомъ своеобразныя впечатлѣнія, чтобы пристроить ихъ скорѣе по педантической привычкѣ книжнаго человѣка, на какую-нибудь знакомую полочку, подъ понятный ярлычекъ.

Я не скажу, конечно, чтобы посѣщеніе кочевниковъ пошатнуло во мнѣ естественное пристрастіе мое къ формамъ быта, выработаннымъ европейской цивилизаціей, и пробуждало во мнѣ романтическое влеченіе къ прелестямъ «золотого вѣка» человѣчества на лонѣ природы. Но тѣмъ не менѣе во мнѣ смутно шевелилось сознаніе, что этотъ столь презираемый нами патріархальный бытъ полудикихъ кочевыхъ народовъ далеко уже не такою непроходимою бездною отдѣляется отъ нашего собственнаго многосложнаго и хитроумнаго образа жизни.

Все-таки я убѣждался не безъ радостнаго чувства, что пути къ человѣческому довольству и благополучію,—къ счастью, гораздо разнообразнѣе, шире и многочисленнѣе, чѣмъ это представляется обыновенно намъ, современнымъ европейцамъ, ослѣп-

леннымъ частью истиннымъ, частью ложнымъ блескомъ нашей цивилизаціи, во многомъ, къ сожалѣнію, призрачной. Нашъ уголъ зрѣнія въ этомъ случаѣ слишкомъ тѣсенъ, слишкомъ близорукъ и слишкомъ пристрастенъ къ своимъ собственнымъ слабостямъ. Въ этомъ смыслѣ бываетъ необыкновенно полезно время отъ времени удаляться за предѣлы черезчуръ привычныхъ вліяній и оглядываться на себя, на своихъ, на все свое, тѣмъ здравымъ объективнымъ взглядомъ, который возможенъ только, когда смотришь со стороны, отодвинувшись отъ предмета настолько, чтобы можно было его обнять и понять во всей цѣлости.

Да, повторяю, къ счастью для человѣчества, всякій народъ, на какой бы скромной ступени духовнаго развитія ни стоялъ онъ, умѣетъ выработать себѣ своеобразныя и вполнѣ удобныя для него условія жизни. въ сущности ничѣмъ не уступающія, при данныхъ, обстоятельствахъ, гораздо болѣе совершеннымъ формамъ опередившихъ его народностей. Верховный разумъ, правящій міромъ, вовсе не расположенъ играть въ руку заносчивому самомнѣнію болѣе быстрыхъ и талантливыхъ представителей человѣческаго племени.

Рядомъ со львами, орлами, китами, кичащимися своею силою, величиною,—природа даетъ жить такою же полною, такою же цѣлесообразною и устойчивою жизнью безчисленнымъ породамъ другихъ мелкихъ и крупныхъ животныхъ, и притомъ всякой породѣ, по своему особому вкусу и образцу.

Точно также и человѣчество, покрывающее собою лицо міра, развивается не по одному узкому и однообразному шаблону, а въ самомъ широкомъ разнообразіи и богатствѣ типовъ, красуясь какъ степная равнина дѣвственной силы цвѣтами всѣхъ красокъ и всѣхъ очертаній, изъ которыхъ каждый такъ же прекрасенъ въ своемъ родѣ, какъ и другой.

Комфортъ войлочной кибитки въ обстановкѣ пустынныхъ степей, комфортъ глиняной сартовской мазанки съ ея тѣнистою галлерейкою, въ жаркихъ долинахъ Туркестана,—стóютъ въ

извѣстномъ смыслѣ комфорта гостиницы, вызываемаго обычаями европейскаго города, и требуютъ для своего осуществленія, можетъ быть, не меньше труда и таланта. Во всякомъ случаѣ, удивительная приспособленность киргизской кибитки и къ жару, и къ холоду, удивительная устойчивость ея противъ зимнихъ вьюгъ и лѣтнихъ бурь, удивительное удобство ея для быстрой перевозки на хребтѣ вьючной скотины,—составляютъ ничѣмъ незамѣнимое достоинство, если принять во вниманіе роковыя требованія кочевой жизни.

Точно также поразительная мускульная сила и выносливость киргиза, его острый глазъ, отчетливо различающій малѣйшій предметъ въ туманныхъ даляхъ горизонта. его способность проводить на сѣдлѣ дни и ночи, его глубокое и тонкое знаніе всѣхъ суровыхъ стихій пустыни и господство надъ нею путемъ этого знанія,—всѣ эти практическіе таланты, побѣждающіе дикую природу настолько, насколько это необходимо для скромныхъ потребностей кочевника,—право, тоже стоютъ съ своей точки зрѣнія—многихъ нашихъ книжныхъ и письменныхъ премудростей, несомнѣнно подрывающихъ непосредственную способность человѣка къ борьбѣ съ враждебными силами природы и судьбы.

Но киргизская кибитка поучительна для меня еще и въ другомъ смыслѣ. Этотъ интересный остатокъ глубоко древняго, ветхозавѣтнаго быта, — этотъ живой памятникъ временъ Авраамовыхъ и Іаковлевыхъ, сохраняющій до сихъ поръ свое право гражданства на громадныхъ пространствахъ земнаго шара,—наводитъ на размышленія, далеко не во всемъ благопріятныя для нашей самонадменной европейской цивилизаціи.

Созерцая этотъ простой и скромный бытъ кибитки, гдѣ люди по меньшей мѣрѣ такъ же здоровы, довольны и веселы, какъ и въ нашихъ многоэтажныхъ каменныхъ ящикахъ съ желѣзными крышами, гдѣ поются пѣсни, пляшутся пляски, празднуются праздники съ неменьшею искренностію и одушевленіемъ, чѣмъ въ нашихъ натянутыхъ свѣтскихъ собраніяхъ, гдѣ также

искренно любятъ и ненавидятъ, и, можетъ быть, съ не меньшею вѣрою молятся, какъ умѣютъ, Богу, — невольно приходитъ на мысль, какъ въ сущности мало нужно человѣку для его счастья и какою громоздкою, притязательною и непосильною для него декораціей заслоняетъ отъ себя это простое человѣческое счастье черезчуръ разбалованный и зазнавшійся человѣкъ цивилизаціи. Здѣсь, въ этой кибиткѣ,—всѣ имѣютъ то, что̀ имъ нужно, всѣ довольны и спокойны духомъ. Была бы только около вода и трава—и ничего больше!

Съ водою и травою является и скотъ для перевозки, и шкуры для одеждъ, и войлоки для покрышки жилища, и кумысъ для питья, и баранина для ѣды.

А голубое небо здѣсь то же, что и надъ вѣчно тревожными обладателями милліоновъ, и то же бодрящее дыханіе воздуха, и то же ласкающее душу солнце. та же кругомъ красота и цѣлительная сила матери-природы.

Перемудрившіе питомцы европейской цивилизаціи эту красоту, широту и свободу естественной жизни продали за сомнительныя наслажденія роскоши, за тщеславіе богатствомъ и властію, но однако не нашли въ нихъ душевнаго покоя и нравственнаго удовлетворенія.

Тѣмъ трагичнѣе видѣть, какъ самонадменный европеецъ новѣйшихъ временъ, дошедшій до полнаго разочарованія жизнію, до безвѣрія и отчаянія, при которыхъ немыслимъ никакой намекъ на счастіе,—все-таки имѣетъ смѣлость навязывать многія мертвящія формы своей цивилизаціи, будто какое-то абсолютное спасительное начало,—народамъ, правда, еще младенческаго развитія, но за то сохранившимъ въ себѣ и жизненную радость, и способность надѣяться и вѣрить...

Прощаясь мыслями съ киргизами и Киргизіей, я все время забавлялъ себя мыслію, что въ сущности вѣдь мы съ женою только отдали теперь визитъ тѣмъ самымъ «басурманамъ» нашихъ старыхъ лѣтописей, которые подъ разными кличками мон-

головъ, татаръ, нечестивыхъ агарянъ, Золотой и Кипчакской орды, и проч., и проч., нѣкогда явились съ негаданнымъ-непрошеннымъ визитомъ въ нашу бѣдную удѣльную Русь и на два долгихъ вѣка легли свинцовою гирею на историческій ростъ нашей, еще юной тогда, родины.

Собственно говоря, визитъ этотъ отданъ былъ имъ гораздо болѣе выразительнымъ образомъ — нашими туркестанскими героями: Черняевыми, Скобелевыми, Кауфманами, которые расплатились съ потомками Чингиса и Батыя на ихъ родной землѣ, въ самомъ гнѣздѣ ихъ кочевой силы, за Калку и Сить, за Москву и Кіевъ, и привели ихъ подъ высокую и великодушную руку Бѣлаго Царя, какъ въ свое время приводили они нашихъ усобствовавшихъ князей подъ нечестивую пяту своихъ кровожадныхъ и корыстныхъ хановъ.

Я, по крайней мѣрѣ, нисколько не сомнѣваюсь, что киргизы и особенно кара-киргизы, у которыхъ мы только-что гостили,—это ни въ чемъ почти не измѣнившаяся за 6-ть столѣтій монгольско-татарская орда, ходившая въ XIII вѣкѣ за Чингисомъ, въ XIV вѣкѣ за Тимуромъ, разрушившая столько царствъ старой Азіи и наводнившая когда-то собою половину Европы.

Тѣ элементы ея, которые тѣсно смѣшались съ болѣе просвѣщенными племенами покоренныхъ странъ, кристализовались и осѣли въ Китаѣ, въ Индіи, въ мусульманскихъ ханствахъ Средней Азіи, выдѣлились подъ новымъ именемъ изъ кочеваго быта и изъ киргизской народности; а, такъ сказать, сырой маточный растворъ этихъ дикихъ полчищъ разлился по безбрежнымъ пустынямъ и недоступнымъ горнымъ хребтамъ Средней Азіи, не поддаваясь никакимъ просвѣтительнымъ вліяніямъ, не организуясь въ государства, оставаясь такими же кочующими пастухами и степными разбойниками, какими они были въ дни Чингисъ-хана.

Когда читаешь у Рубруквиса или Плано-Карпини описаніе ихъ пребыванія въ кочевьяхъ Великой орды на берегахъ Орхона, въ

знаменитой Чингисовой столицѣ Каракорумѣ, то искренно кажется, что эти средневѣковые монахи описываютъ вамъ ваше собственное посѣщеніе киргизскихъ кибитокъ гдѣ-нибудь на Маломъ Алаѣ, или въ Сыръ-Дарьинскихъ степяхъ.

До такой степени поражаетъ сходство въ малѣйшихъ подробностяхъ образа жизни этихъ двухъ народовъ, раздвинутыхъ между собою промежуткомъ почти семи вѣковъ.

Правда, и тотъ, и другой — не народы, не государства, а именно «орды», какъ они всегда называли себя и называютъ теперь. Своего рода громадные косяки двуногихъ степныхъ звѣрей, размножившіеся въ тиши вѣковъ, въ глуши пустынь на ихъ вольныхъ кормахъ, какъ размножаются на тѣхъ же безбрежныхъ травяныхъ равнинахъ Азіи—такіе же безчисленные табуны дикихъ лошадей, дикихъословъ или антилопъ.

Монголы и ихъ сосѣди татары (тюркскаго племени) такъ же какъ ихъ потомки киргизы, несомнѣнно коренные туземцы Азіи. Китайскія хроники упоминаютъ имя монголовъ уже за 2.000 лѣтъ до Рождества Христова.

Чингисовъ родъ возникаетъ на берегахъ Онона, впадающаго въ Шилку, на рубежѣ нынѣшней Сибири и Китая, но столица его уже переносится значительно южнѣе, въ сердце теперешней китайской Монголіи. Въ этотъ-то, на краю свѣта лежавшій Каракорумъ отправлялись въ свое время за десятки тысячъ верстъ послы папъ и могущественнѣйшихъ государей Европы искать дружбы грознаго завоевателя, и ѣхали добиваться суда и милости покоренные князья и цари, находившіе здѣсь чаще всего темницу или мученическую смерть.

Мы съ женою входили въ кочевьяхъ кара-киргизовъ въ такіе же шатры, въ какіе входилъ когда-то Плано Карпини, посѣщая Каракорумъ. Но, какъ видѣлъ читатель, мы, къ счастію уже не обязаны были кланяться по три раза въ землю передъ входомъ въ шатеръ и на колѣняхъ держать рѣчь передъ кочевымъ властителемъ, какъ это приходилось столько разъ продѣлывать несчастному посланцу папы Иннокентія IV.

Интересно, что и тогда, у монголовъ Каракорума, знатныя женщины ихъ жили въ кибиткахъ изъ бѣлаго войлока, такихъ точно, въ какой принимала насъ Гульчинская датха и какую разбила она для ночлега нашихъ дамъ.

«У женъ Куине были другіе шатры изъ бѣлаго войлока, довольно большіе и красивые»,—разсказываетъ Плано Карпини про хана Гаюка, котораго онъ въ своей наивности вездѣ называетъ вмѣсто хана «Хамомъ», производя отсюда и соотвѣтствующія прилагательныя: «хамскій шатеръ», «хамскій указъ», и проч.

Интересно также, что кибитка или шатеръ этого «хама» въ Каракорумѣ называлась «Золотою ордою («Quod apud ipsos appellatur Orda aurea)». Орда у татаръ и монголовъ была собственно шатромъ, жилищемъ; отсюда и названье «Урды», удержавшееся до нашего времени за ханскими дворцами Кокана и Бухары; «Золотая орда» Волжскаго низовья точно также была ничѣмъ другимъ, какъ шатромъ хана. Это имя орды было перенесено мало-по-малу на самыя полчища, окружавшія ставку вождя, за которою всѣ они слѣдовали, и которая такимъ образомъ стала олицетворять собою въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣлый народъ, точно такъ, какъ, напримѣръ,—Порта Оттоманская,—стала замѣнять собою понятіе о самомъ государствѣ, а названіе лондонскаго или петербургскаго «кабинета» стало употребляться для обозначенія общей политики Англіи и Россіи.

Съ искреннимъ восторгомъ увидали мы наконецъ съ высокаго карниза дороги столь страстно желанный Ленгаръ, мирно пріютившійся на днѣ горной долины.

Тамъ сейчасъ же принялись за горячій душистый пловъ, не имѣющій для голодныхъ желудковъ ничего себѣ подобнаго, въ кулинарномъ искусствѣ всѣхъ странъ и народовъ.

Мы, какъ людоѣды, пожирали баранину съ рисомъ и съ увлеченіемъ напали на чай, бодрящая струя котораго никѣмъ не можетъ быть такъ оцѣнена, какъ усталымъ всадникомъ,

измученнымъ солнечнымъ зноемъ и скверною каменистою дорогою.

Тройка нашихъ киргизскихъ коней отлично отдохнула безъ насъ и прямо отъ крыльца ленгарскаго привала понесла насъ, какъ на крыльяхъ птицы, по щебню рѣчнаго русла, по камнямъ горной дороги.

Милый воинъ провожавшій насъ отъ Гульчи, и тутъ еще не хотѣлъ сразу разстаться съ нами. Онъ рѣшилъ заночевать въ Ленгарѣ,—для чего мы оставили ему необходимые рессурсы изъ нашего дорожнаго запаса,—а потому счелъ вполнѣ кстати сломать на своемъ конькѣ, уже сдѣлавшемъ вѣрныхъ 40 или 45 верстъ,—еще маленькій кончикъ. А такъ какъ наша сытая тройка неслась во всю свою прыть, то и ему, чтобъ не отстать отъ нея, пришлось все время скакать маршъ-маршемъ. Верстъ черезъ 5 онъ дружески распростился съ нами и повернулъ назадъ. Такой лихой народъ только и можетъ безъ стыда и вреда для русскаго дѣла держать здѣсь въ рукахъ киргизскихъ наѣздниковъ.

Каковы эти наѣздники и ихъ кони,—мы увидѣли маленькій образчикъ очень недалеко отъ себя. Передъ тарантасомъ нашимъ скакалъ джигитъ-киргизъ въ бѣломъ островерхомъ колпакѣ на затылкѣ и въ широчайшихъ желтыхъ чембарахъ. Онъ не понималъ и не говорилъ ни слова по-русски и только зналъ одно, что за нимъ ѣдетъ начальство, что нужно поэтому гнать во-всю.

Его скуластое темнобронзовое лицо съ расплюснутымъ носомъ и узкими калмыцкими глазами, сверкавшее какъ у волка бѣлыми зубами, изрѣдка оглядывалось на нашъ экипажъ въ какомъ-то благоговѣйномъ ужасѣ, и каждый разъ послѣ этого тяжелая коротенькая «канча» начинала нѣмилосердно крестить по чемъ попало безъ того сломя голову летѣвшую лошадь.

Болѣе 3-хъ часовъ неслась наша тройка съ быстротою 15-ти верстъ въ часъ, и лихой джигитъ ни разу не далъ нагнать себя, ни разу его крѣпконогій конъ не споткнулся и не оступился въ грудахъ мелкихъ камней, засыпавшихъ дорогу на многія версты.

Но эта отчаянная скачка едва не окончилась очень печально для насъ. Въ корню тарантаса оказалась сильная и рѣзвая лошадь, имѣвшая скверную привычку носить. Разгоряченная бойкою уѣдою, она вдругъ подхватила насъ при самомъ въѣздѣ въ большой подгородній кишлакъ, уже недалеко отъ Ош̀а. Молодыя пристяжныя подхватили вмѣстѣ съ нею и бурей помчали нашъ злополучный тарантасъ, не разбирая ни рытвинъ, ни лощинъ, ни камней, ни арыковъ. И я, и Г—ій схватились обѣими руками за возжи, чтобы помочь солдату-возницѣ сдержать обезумѣвшую тройку, но усилія всѣхъ насъ троихъ не приводили ни къ чему.

Глупый киргизъ, чувствуя за собою по пятамъ нагоняющую тройку, отчаянно махаетъ своей «канчою», огрѣвая лихого конька уже прямо черезъ голову, чтобы только не посрамиться передъ начальствомъ и не дать переду тройкѣ. Чѣмъ неистовѣе мчится онъ, тѣмъ яростнѣе несутся вслѣдъ за нимъ и наши разыгравшіеся кони. Онъ подзадориваетъ ихъ какъ поддужный ретиваго рысака. Гнѣвные крики Г—аго, русскіе и киргизскіе, только придаютъ еще болѣе прыти дикому наѣзднику, который среди грома колесъ и топота лошадей, разумѣется, не можетъ ничего разслышать и воображаетъ, что грозный начальникъ приказываетъ ему скакать еще скорѣе. У меня душа замирала за нашихъ бѣдныхъ дамъ, глядя на эту сумасшедшую перегонку... Я чувствовалъ полное безсиліе наше остановить озвѣрѣвшихъ коней. А между тѣмъ тяжелый и длинный тарантасъ нашъ то и дѣло съ быстротою стрѣлы перелеталъ черезъ узенькіе мостики арыковъ, какъ нарочно попадавшихся на каждомъ шагу. Рѣзкіе повороты дороги такъ часто приходились у этихъ злополучныхъ мостиковъ, что того и гляди переднія или заднія колеса экипажа сорвутся съ мостика на какомъ-нибудь быстромъ какъ молнія, заворотѣ, и вся наша тройка съ разбѣга полетитъ въ арыкъ. Но возница нашъ, благодаря Бога, какъ-то такъ ловко направлялъ обезумѣвшихъ коней, что мостики и арыки только мелькали мимо. Мнѣ уже приходило въ голову направить

тройку на первый попавшійся дувалъ, рискуя сломить оглобли и порвать упряжь, чтобы только остановить эту дикую скачку, съ каждою минутою становившуюся все опаснѣе. По счастью, тупоумный киргизъ наконецъ разслышалъ энергическую киргизскую ругань русскаго полковника и, оглянувшись на насъ испуганно-изумленною дурацкою рожею своей, сталъ со всей своей грубой силы сдерживать разгорячившагося коня. Съ своей стороны и мы съ Г—мъ налегли, сколько могли, на крѣпкія ременныя возжи, уже безъ того натянутыя, какъ струны, и мало-по-малу бѣшеный бѣгъ степныхъ коней сталъ стихать и приходить въ обычный видъ... Я искренно поблагодарилъ Бога, что этотъ жуткій эпизодъ окончился такъ благополучно.

Мы въѣхали въ Ошъ среди торжественной тишины чудной лунной ночи. Мѣсяцъ сіялъ высоко надъ головой, заливая и небо, и землю цѣлымъ океаномъ фосфорическаго свѣта.

Деревья, дома, далекія горы,—все, казалось, плавало, млѣло и таяло въ этой неподвижной лучистой безднѣ. Никогда на нашемъ тускломъ сѣверѣ не увидишь такого высокаго и глубокаго неба, такой прозрачности и сіяющей голубизны ночи.

Туземный городъ спалъ мирнымъ сномъ въ мягкихъ материнскихъ объятіяхъ теплой лѣтней ночи, и громадные старые тополи, шелковицы и вязы, вырѣзавшіе свои кудрявые черные силуэты на ярко освѣщенномъ небѣ, одни провожали насъ мимо своихъ безконечныхъ рядовъ, словно дремлющая рать исполиновъ, презрительно созерцая съ своей неподвижной воздушной высоты шумливое копошенье нашего жалкаго тарантаса и нашихъ усталыхъ коней, вносившихъ безпокойную ноту въ торжественное безмолвіе этой царственно-сіявшей ночи.

Среди садовъ, налитыхъ ночною прохладою, среди пустынныхъ дуваловъ, отъ которыхъ падали черныя тѣни, сплошь наполнявшія узкіе переулочки,—изрѣдка встрѣчались чуть освѣщенныя красноватымъ огонькомъ фонаря—чайхане, въ которыхъ еще сидѣли, тихонько бесѣдуя, запоздавшіе посѣтители, не то

ропившіеся, повидимому, разстаться съ этою все захватывавшею и всё проникавшею красотою лунной ночи.

Древнія чинары чудовищной величины, осѣнявшія темный прудокъ у мечети, бросали таинственныя тѣни на освѣщенныя голубоватымъ огнемъ мѣсяца глиняныя стѣны ея, словно чертили на нихъ какіе-то загадочные, имъ однимъ понятные іероглифы.

Красотой, нѣгою и миромъ дышало все кругомъ, и растроганное сердце радостно благословляло Бога, Творца этой красоты и этихъ радостей.

Въ гостепріимномъ домикѣ г-жи С. добрая старушка, мать хозяйки, давно уже поджидала насъ съ ничѣмъ незамѣнимымъ самоваромъ. Послѣ горныхъ скитаній верхомъ, послѣ арбъ, кибитокъ, казанскихъ тарантасовъ, киргизскихъ дорогъ, киргизскихъ лошадей, мы чувствовали себя настоящими паломниками, или вѣрнѣе «поломниками» (производя это слово отъ глагола ломать), заслуженно отдыхающими на лаврахъ, и еще долго, потягивая горячій чай, бесѣдовали другъ съ другомъ о только-что пережитыхъ впечатлѣніяхъ новой жизни, новыхъ мѣстъ, новыхъ людей...

Часть V.

ДОЛИНА ЗАРАВШАНА.

I.

Выѣздъ изъ Ферганы.

Приходилось покидать плодоносную Фергану въ самый расцвѣтъ весны. Еще только 4-е мая, а уже громадныя вѣтвистыя яблони здѣшнихъ садовъ осыпаны миріардами яблокъ, которыя уже теперь покрупнѣе нашихъ лѣсничекъ. Тутовыя ягоды совсѣмъ налились, клубнику ѣдятъ уже нѣсколько дней...

Все здѣсь цвѣтетъ, и густыя зеленыя опахала деревьевъ разливаютъ, качаясь по вѣтру, нѣжное благоуханіе своихъ цвѣтовъ! Пшеничныя и ячменныя поля тоже цвѣтутъ и тоже тихо колышатъ по вѣтру свои налитые колосья, осыпанные кругомъ будто золотистою пылью, едва не сквозными, трепещущими на солнцѣ, тычинками... Цвѣтутъ и улыбаются, сквозь зеленыя стѣны колосьевъ, будто кроткіе голубые глаза дѣвушки яркосиніе васильки,—обычные цвѣты нашихъ черноземныхъ полей въ развалъ лѣта. Невольно припоминается чудное маленькое стихотвореніе Генриха Гейне, которымъ заканчивается, какъ самымъ достойнымъ поэтическимъ «эпилогомъ», его „Buch der Lieder“.

Wie auf dem Felde die Weiszenhalme,
So wachsen und wogen im Menschengeist die Gedanken.
Aber die zarten Gedanken der Liebe
Sind wie lustig dazwischenblühende
Roth und blaue Blumen. . . [1])

Даже дикая степь изъ грубой гальки и сухой солонцеватой глины, не напоенная арыками, и та словно проснулась отъ летаргическаго сна, и прохлаждаемая слѣва хрѣбтами лѣсныхъ горъ, справа широкою водною скатертью Сыръ-Дарьи, развернула свою безплодную утробу и одѣлась въ праздничныя одежды цвѣтовъ и травъ. На десятки верстъ провожаютъ насъ по обѣ стороны дороги то сочныя плети и крупные бѣлые цвѣты каперсовъ, то сплошныя поляны цвѣтущаго хрѣна или мелкаго полыня. Проведите въ эту глину, къ этому каменистому щебню воду горныхъ ручьевъ,—и безплодная степь обратится какъ волшебствомъ въ роскошный огородъ. Вода тутъ дѣлаетъ еще бо̀льшія чудеса, чѣмъ у насъ навозъ. Тутъ она не просто вода, а именно: «живая вода», вода жизни.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что подъ чарами весны древняя Фергана кажется земнымъ раемъ своего рода, изъ котораго не хочется уѣзжать.

Фергана—въ сущности одинъ безконечный садъ, одинъ громадный густо населенный кишлакъ, тянущійся вдоль своей рѣки-поильницы на сотни верстъ. Покидая ее, я жадными глазами художника тороплюсь навсегда запечатлѣть въ своемъ сердцѣ ея оригинальный, оживленный пейзажъ, подобнаго которому не увидишь ни въ Италіи, ни въ Швейцаріи,—эти глиняные плоскокрышіе дома съ разукрашенными дувалами, тонущіе

---

[1]) Какъ на полѣ колосья пшеницы,
Такъ растутъ и волнуются въ человѣческомъ духѣ мысли.
Но нѣжныя мысли любви—
Это все равно, что весело цвѣтущіе между ними
Красные и голубые цвѣты...

въ зелени садовъ, эти базары и караванъ-сараи на каждомъ шагу, эти характерныя двухколесныя арбы, высокія, какъ башни, этихъ верблюдовъ, этихъ осликовъ, этихъ черноглазыхъ красавцевъ-дѣтей, этихъ ширококостныхъ киргизовъ въ бѣлыхъ острыхъ колпакахъ и пестрыхъ яркихъ халатахъ...

Сыръ-Дарья почти нигдѣ не уходитъ изъ вашихъ глазъ, вездѣ провожаетъ васъ хоть издали своими сверкающими излучинами. Это мать-питательница, мать-поительница всей страны, безъ которой эта глухая горная котловина навсегда оставалась бы пустынною, безплодною и недоступною. Она дѣлаетъ плодоносною почву Ферганы разливами своихъ водъ; она пропитываетъ своими влажными испареніями воздухъ этой котловины, со всѣхъ сторонъ огороженной высокими горами. Но она не только кормилица страны, она вмѣстѣ съ тѣмъ и дорога въ нее, съ глубокой древности единственное сообщеніе ея съ окрестными странами и народами.

Подобно египетскому Нилу, Сыръ-Дарья была бы достойна поклоненія ей, какъ божеству-покровителю. Жаль только, что трудолюбивый садовникъ-сартъ, что всевыносливый пастухъ-киргизъ—не умѣютъ пользоваться тѣми благами, которыя заключены въ ихъ великой рѣкѣ. Ни потомокъ древнихъ персовъ, ни наслѣдникъ Чингисовыхъ монголовъ—не считаютъ достойнымъ себя дѣломъ заниматься рыболовствомъ на рѣкѣ или гонять по ней суда съ товарами. Поэтому и берега Сыръ-Дарьи, и ея воды—пустынны до поразительности: ни одного человѣка, ни одной лодки. Поэтому же никто не обращаетъ вниманія на мели и пороги, которые постоянно умножаются въ ней. Даже намъ съ почтовой дороги то и дѣло бросаются въ глаза желтыя горбушки и лысины, зловѣще свѣтящіяся среди синихъ струй древняго Яксарта.

Къ чудной веснѣ, будто нарочно на радость намъ, присоединились и чудныя лунныя ночи. Подъ обаяніемъ мѣсячнаго

сіянія все кажется еще поэтичнѣе, еще красивѣе, и эти тихіе переулочки кишлаковъ съ неподвижными статуями женщинъ, укутанныхъ въ саваны, въ тѣни гигантскихъ вязовъ и шелковицъ; и эти сановитыя фигуры бородачей въ величественныхъ тюрбанахъ и длиннополыхъ халатахъ, съ серьезной важностью возсѣдающія подъ уютными навѣсами чай-хане вокругъ дымящагося самовара, освѣщенныя красноватымъ свѣтомъ фонаря. И эти черныя провалья прудковъ у подножія скромной мечети, осѣненныя огромными старыми деревьями; и эти крытые базары со всѣми своими таинственными уголками и наивною, почти младенческою торговлею; эти караванъ-сараи съ неподвижно отдыхающими верблюдами, съ спящими кругомъ нихъ утомленными путниками...

Въ этой привычкѣ проводить свой вечеръ въ мирной бесѣдѣ за чашкою чая, на опрятномъ коврикѣ, въ благопристойной одеждѣ и въ приличномъ видѣ, не оскорбляя священнаго покоя ночи безобразными криками и пьяною руганью,—сказывается глубоко симпатическая черта нравственнаго характера здѣшняго народа, та душевная воспитанность его, которой, къ великому стыду нашему, такъ часто недостаетъ нашему русскому простому человѣку, несмотря на всѣ его многообразныя способности и его несомнѣнный умъ.

Когда я проѣзжалъ такими яркими мѣсячными ночами черезъ безконечные сады и селенія сартовъ, безмолвно впивая въ себя тихую поэзію ихъ мирной трудовой жизни, мнѣ невольно приходило на мысль, какіе долгіе вѣка живутъ здѣсь по-своему счастливо эти люди, которыхъ мы совсѣмъ неосновательно считаемъ какими-то варварами,—живутъ и жили, нисколько, повидимому, не нуждаясь въ европейской указкѣ, давнымъ-давно выработавъ себѣ необходимые имъ пріемы хозяйства, торговли, промышленности, общежитія, учась и работая по-своему, по-своему любя и ненавидя, по своему вѣруя и молясь.

И кто изъ искреннихъ людей рѣшится сказать, послѣ всего

того, что̀ переживаетъ теперь европейское человѣчество, — что имъ, азіатцамъ, приходится позавидовать намъ, хитроумнымъ европейцамъ?

Лѣтняя мѣсячная ночь очаровательна вездѣ. Но тутъ, въ этой теплой и влажной долинѣ, обращенной въ цвѣтущій садъ, она производитъ чисто волшебное обаяніе. Кажется, будто плывешь въ своемъ открытомъ тарантасѣ, какъ въ лодкѣ сквозь море луннаго свѣта, смотришь и дремлешь, видишь и не видишь, скорѣе безсознательно ощущаешь всѣмъ организмомъ своимъ этотъ прозрачный лучистый омутъ, который охватываетъ кругомъ и несетъ въ себѣ, убаюкивая, чаруя, словно младенца въ колыбели. Кажется, что живешь теперь въ самыхъ нѣдрахъ этой торжественной сверкающей ночи, покойно, беззаботно и сладостно, какъ въ утробѣ матери. Чудно на землѣ, смолкшей, стихшей, замершей. Она одѣта, какъ въ праздничную ризу, въ серебряные газы мѣсячнаго сіянія; она скрыла теперь отъ посторонняго взора, она сама забыла теперь всю грязь и злобу своихъ дѣлъ, и, какъ грѣшница, внезапно охваченная жаромъ искренней молитвы, порывомъ высокаго вдохновенія,—она кажется теперь такою чистою и строгою, исполненною одной только доброты, любви и мира, умиленно внимающею таинственнымъ звукамъ неба, растроганно созерцающею его недоступную красоту...

Тамъ на небѣ—еще болѣе чудно! Океанъ свѣта, безпредѣльный, неохватный... Глубина, которой дна не видно...

Высота, высота поднебесная,
Широта, широта—
Глубота, глубота—океанъ-море!

Тамъ все насквозь пронизано свѣтомъ, до недостижимыхъ высотъ, откуда чуть мигаютъ звѣзды, потонувшія въ этой безднѣ свѣтѣ.

Поэтъ тонко и живописно уловилъ своимъ волшебнымъ сти-

хомъ это немолчное трепетанье звѣздъ въ тихую лѣтнюю ночь, когда дѣйствительно чудится, будто они чуть слышно и робко «бродятъ» по небу на своихъ незримыхъ «золотыхъ ножкахъ», словно боясь разбудить спящую внизу землю.

Sternen mit den goldnen Füsschen
Wandeln droben bang und sacht,
Dasz sie nicht die Erde wecken,
Die da schläft im Schoos der Nacht . . . [1]).

Звѣзды искрятся, сыплятся, мигаютъ и переливаютъ тамъ на верху, какъ безчисленные брильянты въ ризѣ Божьей, пріосѣнившей теперь въ объятіи отеческой любви грѣшный міръ.

Звѣзды горятъ и теплятся по всему необъятному своду нерукотвореннаго Божьяго храма, будто зажженныя ангелами миріады свѣчей въ этотъ священный часъ нѣмого всенощнаго богослуженія...

Вся жизнь теперь на небѣ, только тамъ теперь свѣтъ, движеніе, краски и образы... Цѣлыми воздушными вереницами проплываютъ мимо мѣсяца фантастическіе караваны облаковъ, таютъ и переплетаются, и распалзываются въ десятки затѣйливыхъ фигуръ. А мѣсяцъ сзади, точно фокусникъ, показывающій китайскія тѣни,—то ярко пронизываетъ ихъ лучами своего волшебнаго фонаря, то одѣваетъ темною до черноты тѣнью. Набѣгутъ вдругъ разомъ, какъ стая бѣлыхъ птицъ, эти шаловливые клубы паровъ, и глубокая небесная бездна также разомъ превращается вдругъ въ цѣлый перепутанный архипелагъ островковъ, озеръ, проливовъ, и тогда яркій дискъ мѣсяца плыветъ и ныряетъ, будто корабль Аргонавтовъ, отыскивающій золото, среди этого лабиринта бѣлыхъ пятенъ и голубыхъ просвѣтовъ. А то вдругъ невѣдомо когда, невѣдомо откуда нагромоздятся высокія снѣговыя горы, грозные ледяные замки, — и сейчасъ

[1]) Звѣзды золотыми ножками
Бродятъ тамъ наверху робко и тихо,
Чтобы не разбудить землю,
Спящую на лонѣ ночи...

же всѣ эти мнимыя громады сдунетъ, будто нанесенный вѣтромъ пухъ, растопитъ въ своихъ горячихъ лучахъ всепобѣждающій свѣтъ мѣсяца; смотришь, не вѣря глазами, — и уже нѣтъ ничего, все уже другое, новое, и по чистымъ голубымъ полямъ, усѣяннымъ, какъ лугъ, цвѣтами—роящимися звѣздами, проносятся, словно свивающаяся пелена театра, послѣднія лохмотья убѣгающихъ тумановъ.

Кажется, что мѣсяцъ самъ балуется, капризничаетъ и радуется, создавая самъ себѣ всѣ эти фантастическія игрушки, возникающія и разсыпающіяся съ быстротой и легкостью сонной грёзы. И тебѣ мерещится сквозь сонъ, что и ты самъ нераздѣльная составная часть той же чудной ночной грёзы, сотканной изъ движенья и свѣта...

«Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ, сотворивый міръ въ немъ скрытъ», шепчетъ невольно душа, радостно созерцающая эту торжественную ночную красоту, которую, къ сожалѣнію, мы такъ рѣдко желаемъ и можемъ видѣть въ безсодержательной суетѣ нашихъ житейскихъ дѣлъ. Ученые натуралисты умѣютъ извлекать изъ земель и камней ихъ химически-чистое идеальное начало, выражающее въ высшей степени характерныя силы этихъ минеральныхъ породъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по какому-то странному противорѣчію сужденія они съ сомнѣніемъ относятся къ возможности постигнуть духомъ идеальное начало всего міра, гораздо болѣе очевидное и гораздо болѣе необходимое съ логической и нравственной точки зрѣнія.

Фергана осталась за нами, за нами остался и древній Ходжентъ съ своимъ уѣздомъ, помнящій Александра Македонскаго и монголовъ Чингисъ-хана.

Жара такая, что даже ночью душно спать въ тарантасѣ въ одной легкой накидкѣ отъ пыли.

Отъ жары и камней разсохлось и чуть не разсыпалось одно изъ колесъ нашего Ноева ковчега. То и дѣло ямщикамъ при-

ходится поливать его водою и скручивать веревочками. Кузницъ и кузнецовъ, конечно, никакихъ на многіе десятки верстъ во всѣ стороны. Вся надежда на Бейкентъ, но между нимъ и Ходжентомъ еще цѣлая пустыня. Только въ ночь съ 7-го на 8-е мая добираемся мы до него, и то уже къ 4-мъ часамъ утра. Спать я остался въ тарантасѣ и къ половинѣ 6-го уже былъ на ногахъ, разыскивая кузнеца. Оказалось, что и въ этомъ многолюдномъ мѣстечкѣ, похожемъ на городокъ, русскихъ кузнецовъ не водится, а сарты не умѣютъ отягивать колеса шинами. Пришлось опять прибѣгнуть къ спасительной водицѣ, веревочкамъ и крячикамъ, ко всему тому, однимъ словомъ, что̀ ежеминутно грозило намъ перспективою заночевать гдѣ-нибудь на дорогѣ съ разсыпавшимся въ прахъ колесомъ. Но выбора не было, и приходилось ѣхать на-авось,—что̀ Богъ дастъ.

Рано утромъ 8-го мая мы стали подъѣзжать къ Ахангренѣ. Въ горахъ за эти дни выпали сильные дожди, и рѣка обратилась въ цѣлое бурное море. Вереницы верблюдовъ штукъ по 50 и больше, вытянувъ длинныя шеи свои, мѣрно шагали другъ за другомъ, вырѣзаясь своими черными силуэтами, будто какіе-нибудь гигантскіе страусы, на высокомъ бугрѣ, загораживавшемъ намъ солнце.

Начиная отъ Ходжента, тутъ на всякомъ шагу верблюды, и по дорогѣ, и въ степяхъ. Киргизки съ киргизятами одни возсѣдаютъ на ихъ лохматыхъ горбахъ, немилосердно качаясь взадъ и впередъ, среди разобранныхъ кибитокъ и всякой домашней рухляди. За иными верблюдихами бѣгутъ сзади потѣшные длинноногіе верблюжата, совсѣмъ свѣтлой, почти бѣлой шерсти. Мужчины-киргизы въ своихъ острыхъ колпакахъ изъ бѣлаго войлока, съ широкими разрѣзными полями, подбитыми снизу краснымъ, всѣ на коняхъ и гонятъ передъ собою громадныя стада разноцвѣтныхъ овецъ—шеколадныхъ, желтыхъ, бурыхъ, коричневыхъ. А вонъ старый, какъ грѣхъ, и какъ грѣхъ противный, безбородый киргизъ, съ желтымъ лицомъ евнуха, укутанный въ какія-то рваныя тряпки, сидитъ, сгорбившись, на крошечномъ

осликѣ съ длиннымъ шестомъ наперевѣсъ и одинъ гонитъ передъ собою 30-ть груженыхъ верблюдовъ. Верблюды киргизовъ бываютъ разубраны, точно невѣсты, въ яркіе махры, развѣвающіеся султаны, разноцвѣтныя узды, дорогіе ковры и попоны, тоже обвѣшанные всякими яркими кистями.

Оба берега Ангрены запружены верблюдами и арбами, полными товаровъ. Къ утру вода въ рѣкѣ обыкновенно сбываетъ, и всѣ спѣшатъ поэтому переправиться черезъ рѣку. Пѣшеходы храбро разуваются и готовятся принять неизбѣжную ванну. Арбы, только-что перебравшіяся на ту сторону, перекладываютъ и сушатъ свои подмоченные тюки. Насъ тоже высаживаютъ изъ тарантаса, которому придется плыть, какъ подобаетъ ковчегу Ноеву, и сажаютъ на высочайшую двухколесную «кокане». Теперешняя вода заливаетъ и ея помостъ, поэтому сверху него подбиты доски, обратившія арбу въ настоящій эшафотъ. Мы съ женою кое-какъ умѣщаемся на этомъ трясущемся эшафотѣ среди своихъ чемодановъ и мѣшковъ, искренно убѣжденные, что имъ ни въ какомъ случаѣ не миновать нынче купанья въ рѣкѣ... Сѣдой рѣдкозубый киргизъ, сморщенный, какъ обезьяна, садится верхомъ на лошадь, запряженную въ арбу, повидимому, нимало не заботясь о томъ, что ему тоже придется плыть по колѣна въ водѣ... Тарантасъ съ больнымъ колесомъ мы пустили впередъ и съ замираніемъ сердца слѣдили, какъ отчаянно нырялъ и качался онъ, перещупывая колесами огромные камни и черпая воду всѣмъ своимъ просторнымъ кузовомъ. Отъ тройки лошадей видны были только шеи съ мордами, да чуть замѣтно чернѣли вровень съ водой ихъ мокрые хребты... Верховые киргизы, какъ водится, съ гикомъ и крикомъ провожали экипажъ, неистово понукая лошадей и натягивая въ обѣ стороны веревки, привязанныя къ задней оси, чтобы не дать перевернуться нашей грузной казанской посудинѣ. За тарантасомъ поплыли и мы. Стремнина такъ крутилась и кружилась по серединѣ, что и у меня стала слегка кружиться голова. Не легко было съ непривычки и усидѣть на нашемъ досчатомъ эшафотѣ,

когда колеса стали пересчитывать всѣ камни и ямки рѣчного дна и подбрасывать во всѣ стороны насъ и нашъ злополучный багажъ, все время осыпаемый брызгами волнъ.

Но, слава Богу, все окончилось гораздо благополучнѣе, чѣмъ мы ожидали, и арба выкарабкалась наконецъ на высокій, какъ крѣпость, глинистый берегъ, вдобавокъ увѣнчанный зачѣмъ-то, какъ настоящая крѣпость, высокимъ флагштокомъ.

Признаюсь, мы были такъ рады благополучно окончившейся переправѣ черезъ эту опасную рѣку, что прекрасное майское утро на томъ берегу показалось намъ вдвое радостнѣе. Май сіялъ во всемъ разгарѣ. Ковры зелени ослѣпительной свѣжести, густые и мягкіе, какъ бархатъ, среди нихъ сплошныя поляны огненно-краснаго мака, червонно-золотые ахилеи и множество всякихъ другихъ яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ. Весь глинистый берегъ изрытъ, какъ сотъ меда, ячейками птичьихъ норъ; птицы унизываютъ яркими монистами и телеграфную проволоку, и каждое деревцо, которыми обсажены многочисленные арыки. Птицы эти пестры и красивы, какъ попугаи тропиковъ, малахитъ, бирюза, золото и яхонтъ сверкаютъ на ихъ перьяхъ; тутъ цѣлыя тучи щуровъ, ракшей, соекъ и другихъ мнѣ невѣдомыхъ птицъ.

Должно быть, и туземецъ-азіатъ не остается безчувственнымъ къ этимъ радующимъ краскамъ весеннихъ цвѣтовъ и птицъ. По крайней мѣрѣ, сарты проявляютъ несомнѣнную любовь къ цвѣтамъ. Не только дѣти, дѣвушки и мужская молодежь, но даже многіе сѣдые старики украшаютъ свои головы цвѣтами шиповника.

Май здѣсь—время полевыхъ работъ. Къ Ташкенту—всѣ поля въ работающемъ народѣ. И всѣ эти работающіе—голы, какъ ихъ мать родила, въ нѣкоторыхъ только случаяхъ съ ничтожнымъ подобіемъ виноградныхъ листиковъ, въ видѣ холщевыхъ портковъ въ одну четверть длины. И всѣ они смуглы, какъ арабы, отъ загара, пыли и пота. Меня давно занималъ вопросъ, какъ это древніе эллины ходили всегда голые, накинувъ только на

плечи простыню. Но среди современныхъ грековъ я напрасно искалъ обнаженныхъ торсовъ и босыхъ ногъ. Современные греки не похожи на потомковъ Улисса. Они непростительно кутаются въ шерстяныя фуфайки, курточки и юбочки, словно они живутъ не въ благодатномъ климатѣ Эгейскаго моря, а среди какихъ-нибудь гипербореевъ. Но вотъ въ Туркестанѣ я наконецъ встрѣтилъ народъ, который еще умѣетъ ходить голымъ. Только это уже далеко не модели для Аполлоновъ Бельведерскихъ и Антиноевъ. Тутъ еще можно отыскать иногда изъ бронзы вылитые мускулы Геркулеса Фарнезскаго или Римскаго Гладіатора, но чаще всего находишь только живыя статуи сатировъ или фавновъ.

Если и древніе греки походили сколько-нибудь на нихъ, то, правду сказать, для рѣзца Фидія тутъ было бы не особенно много пищи, и нужно думать въ такомъ случаѣ, что античные скульпторы уже черезъ-чуръ не въ мѣру польстили человѣчеству. А можетъ быть древній грекъ, любовавшійся какъ Нарциссъ своею собственною красотою, въ своихъ уродливыхъ сатирахъ, фавнахъ, центаврахъ и минотаврахъ изобразилъ на память потомству именно дикихъ обитателей Азіи, тѣхъ скиѳовъ, именемъ которыхъ онъ окрестилъ всѣхъ невѣдомыхъ ему кочевниковъ-степняковъ, и которые, подобно туркмену, сросшемуся съ своей лошадью, подобно киргизу, загоняющему свои стада верхомъ на быкѣ, представлялись его наивному младенческому воображенію получеловѣкомъ и полузвѣремъ, то человѣко-конемъ, то человѣко-быкомъ. Но если кочевникъ азіатской степи не взялъ красотою лица, то онъ зато трижды взялъ своимъ поразительнымъ здоровьемъ и выносливостью. Киргизъ всю долгую жестокую зиму проводитъ среди пустыни, открытой всѣмъ вѣтрамъ, въ шалашѣ изъ войлока или камышевыхъ барданокъ, не зная ревматизмовъ и простудъ. Киргизъ работаетъ голый нѣсколько недѣль сряду, въ болотистыхъ лужахъ, которыми заливаются рисовыя поля, не схватывая никакихъ лихорадокъ; киргизъ ходитъ зимою съ открытою настежь могучею

грудью своей и не чувствуетъ мороза, хотя бы отъ него заиндевѣли волоса на его груди.

Таковъ же выносливостью и терпкостью неразлучный товарищъ киргиза—верблюдъ, стада котораго то и дѣло попадаются намъ на встрѣчу. Верблюдъ смотритъ глазами закоренѣлаго, тысячелѣтіями воспитаннаго раба, гордящагося своимъ рабствомъ. Есть что-то тупо-ограниченное и обиженное въ его почти человѣческомъ лицѣ съ далеко выдавшеюся нижнею губою, съ нечесаннымъ лохматымъ парикомъ, надвинувшимся на его глаза; весь въ мозоляхъ, въ ссадинахъ, въ лохмотьяхъ, вонючій и грязный, изуродованный безустанною непосильною работою, и жующій въ награду однѣ колючки, онъ и въ часы отдыха не покидаетъ своей рабской позы, а стоитъ на колѣнкахъ, будто испрашивая прощенья за эти минуты незаконнаго покоя. Даже безъ тяжестей, которыя наваливаетъ на него человѣкъ, сама природа нагрузила его никогда неснимающимся грузомъ, навалила на него тюки своего рода—два горба, чтобы онъ никогда не смѣлъ забыть своей вѣковѣчной обязанности раба, своего назначенія звѣря-вьюка, звѣря-повозки. И хотя его голова держится прямо и глядитъ увѣренно, съ горделивымъ сознаніемъ своей рабской вѣрности и рабской выносливости,—но зато шея его глубоко приникнула къ землѣ, словно сама просится подъ ярмо, сама торопится доставить себя подъ рабскія цѣпи.

Я не буду здѣсь описывать нашего пребыванія въ Ташкентѣ на обратномъ пути изъ Ферганы, какъ не описываю своихъ остановокъ въ Маргеланѣ, Коканѣ, Ходжентѣ. Все любопытное для меня въ этихъ городахъ уже было разсказано мною достаточно подробно въ моихъ очеркахъ «На Оксусѣ и Яксартѣ» и «Путешествіи въ Фергану».

Изъ Ташкента мы выбрались 14-го мая. Мой сынъ съ своей молодой женою и полковникъ К., двоюродный братъ мой, провожали насъ до станціи Біюкъ-Ніазъ. Тамъ были опорожнены

прощальные бокалы шампанскаго, — и уже довольно близко къ вечеру мы тронулись въ путь. Киргизскія кибитки здѣсь и дальше до самаго Стараго Ташкента такъ тѣсно перемѣшиваются съ кишлаками сартовъ, кочевники такъ перепутаны съ осѣдлыми земледѣльцами, что можно, не будучи пророкомъ, предсказать очень скорый переходъ этихъ степныхъ пастуховъ за плугъ и борону. Они уже и теперь въ громадномъ множествѣ работаютъ по найму на сартскихъ поляхъ. Это, однако не мѣшаетъ имъ относиться къ сарту, какъ къ существу низшаго разбора, какъ къ былому даннику и работнику своему. Только русская власть освободила сарта изъ этой вѣковѣчной зависимости отъ воинственныхъ хищниковъ, издавна привыкшихъ смотрѣть на нихъ, какъ на покоренное племя. Сравнительно изнѣженный, трусливый и мирный, сартъ всосалъ съ молокомъ матери инстинктивный страхъ передъ своимъ бывшимъ владыкой, такъ что даже джигиты-сарты русскихъ чиновныхъ лицъ, сами представляющіе въ понятіи туземцевъ начальство своего рода, на моихъ глазахъ малодушно уступали дорогу киргизскому всаднику и не смѣли не только стегнуть киргиза плетью, но даже и грубо прикрикнуть на него, хотя все это они прехрабро и преохотно продѣлываютъ, гдѣ только подойдетъ случай, съ своимъ братомъ-сартомъ. Ни для какого-другого племени русское завоеваніе не сдѣлало столько добра, сколько для сартовъ и таджиковъ, которые съ водвореніемъ русской власти получили полную свободу безпрепятственно и безопасно заниматься торговою наживою всякаго рода и эксплоатировать сколько имъ въ голову влѣзетъ не только бывшаго грабителя своего—кочевника-киргиза, но и самого великодушнаго покорителя своего — русскаго человѣка. Въ Туркестанѣ въ сущности произошло въ этомъ отношеніи то же самое, что и на Кавказѣ. Какъ тамъ, установивъ твердое господство для всѣхъ равнаго закона, мы освободили армянъ отъ произвола и притѣсненій господствовавшаго надъ ними грузинскаго племени и положили основаніе самой широкой эксплоатаціи Кавказа почти въ исключительную

пользу дѣятельныхъ, настойчивыхъ и терпѣливыхъ армянскихъ торговцевъ и промышленниковъ, такъ и въ Средней Азіи, смиривъ привычки хищничества и своеволія всякихъ киргизовъ, узбековъ, туркменъ и каракалпаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнивъ своею просвѣщенною администраціею разорительный произволъ прежнихъ хановъ и біевъ, — мы дали возможность трудовому классу среднеазіатскаго населенія—таджикамъ и сартамъ, — захватить мало-по-малу въ свои руки всю торговлю, промышленность и ремесла въ краѣ, и развить свое благосостояніе до небывалыхъ у нихъ размѣровъ. Этотъ чрезвычайно способный и дѣятельный народъ, въ добавокъ изумительно скромный въ своихъ вкусахъ и образѣ жизни, очень быстро усвоилъ себѣ всѣ полезныя нововведенія, внесенныя русскою цивилизаціей, очень хорошо понялъ ихъ выгоду для себя, и въ настоящее время сдѣлалъ почти невозможнымъ соперничество съ нимъ въ его родномъ краѣ,—гдѣ ему и углы помогаютъ, — русскихъ купцовъ, русскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, русскихъ подрядчиковъ, русскихъ мастеровыхъ... Можно предвидѣть, что, пройдетъ еще немного лѣтъ, и русскій элементъ въ краѣ будетъ представляться только военнымъ сословіемъ да чиновнымъ людомъ. Во всемъ остальномъ не будетъ больше никакой надобности, все остальное будетъ доведено до окончательной невозможности конкурировать съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ съ дружно сплотившимися туземными капиталистами, предпринимателями и ремесленниками, со всѣмъ этимъ магометанскимъ міромъ, что такъ враждебно глядитъ до сихъ поръ на вторженіе христіанскаго народа въ свое вѣковѣчное гнѣздо. Русскою кровью добытое достояніе перейдетъ такимъ образомъ всецѣло въ ловкія руки сарта и таджика, до сихъ поръ смиренныхъ данниковъ кочевника, а намъ останется только громкое имя побѣдителей, да сомнительная честь приплачивать русскіе рубли на защиту сартскаго благосостоянія и сартской безопасности.

Киргизъ въ этомъ отношеніи гораздо удобнѣе сорта. Во-первыхъ, его конкуренція намъ не страшна ни въ чемъ, а во-вто-

рыхъ, онъ изстари привыкъ къ властному вмѣшательству Россіи въ дѣла степи, изстари привыкъ считать Бѣлаго Царя чѣмъ-то въ родѣ своего верховнаго владыки. Киргизъ кромѣ того очень плохой и даже сомнительный мусульманинъ. Онъ не пропитанъ до мозга костей предубѣжденіемъ противъ всего русскаго, какъ пропитанъ по-своему цивилизованный сартъ, его муллы не начинили его такою фанатическою ненавистью къ христіанской власти и христіанскимъ порядкамъ. Поэтому всѣ русскія мѣры прививаются среди степныхъ киргизовъ гораздо удачнѣе, чѣмъ среди горожанъ-сартовъ, и внѣдрить киргиза, этого простодушнаго потомка скиѳовъ, въ общее тѣло русскаго государства будетъ несравненно легче, чѣмъ заматерѣлаго въ магометанствѣ сарта,—прямого наслѣдника бактріянъ и согдовъ...

II.

Черезъ воды и броды.

Къ Чиназу подъѣзжать пришлось совсѣмъ въ темнотѣ. Мѣстность стала пустыннѣе, и встрѣчавшіеся изрѣдка киргизы верхомъ о дву-конь не вселяли къ себѣ особеннаго довѣрія. Проѣхали мимо насъ и какіе-то два подозрительные всадника съ огромными шестами въ рукахъ. Ночью все внушало невольное сомнѣніе. А тутъ, какъ нарочно, слухи, о которыхъ мы читали еще въ Ташкентскихъ газетахъ, подтверждаются и разростаются на каждой станціи. Извѣстный туркестанскій разбойникъ и батырь — Баба-Гокленъ, — легендарный герой своего рода изъ туркменскаго племени Гокленовъ, кочующаго около Хивы,—приговоренный русскимъ судомъ за разбой въ каторжныя работы и бѣжавшій въ 1883 году съ гауптвахты г. Петро-Александровска, держитъ съ тѣхъ поръ въ страхѣ все туземное населеніе Аму-Дарьинскаго отдѣла, а въ послѣднее время появился, какъ разсказывали, въ Голодной степи, стало быть, какъ разъ на дорогѣ, по которой намъ приходится ѣхать.

Баба-Утузовъ, больше извѣстный подъ именемъ Гоклена, грабитъ и рѣжетъ туземцевъ безнаказанно вездѣ, гдѣ ему вздумается. Туземцы до того трепещутъ его, что и подумать не смѣютъ открыть русскимъ властямъ его убѣжище. Кто только ни пытался выдать его, всѣ поплатились за это своею головою! Баба смѣло ночуетъ у кого придется, беретъ у всякаго лошадей, деньги, припасы, какъ изъ своего собственнаго дома. Онъ даже не трудится вынимать оружіе, а пріѣзжаетъ къ туземцу и прямо говоритъ ему: «Я—Баба Гокленъ! давай столько-то тиллъ!» И никто, разумѣется, не отказываетъ. Недавно его ловили 20 вооруженныхъ джигитовъ подъ начальствомъ волостного правителя Шейхъ-Абазъ-Вали. Они захватали Утузова съ 2-мя товарищами его и дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ; но отъ ужаса передъ грознымъ разбойникомъ руки ихъ дрожали, и ни одна пуля не попала въ цѣль. Баба своими выстрѣлами живо разогналъ эту толпу трусовъ и въ упоръ застрѣлилъ несчастнаго волостного правителя. Высылались не разъ для его поимки и казаки, но населеніе скрывало его, а въ очень опасныя минуты онъ уходилъ и въ Бухару, и въ туркменскія кочевья, и даже и въ Авганистанъ.

Теперь въ Джизакскомъ уѣздѣ, говорятъ, уже найдено 6-ть убитыхъ имъ сартовъ. Увѣряютъ, правда, будто Баба-Гокленъ русскихъ никогда не трогаетъ и даже великодушничаетъ съ ними на манеръ итальянскихъ бандитовъ. Но испробовать на себѣ, насколько правды во всѣхъ этихъ романтическихъ разсказняхъ, не особенно хочется, тѣмъ болѣе, когда путешествуешь съ женщиной.

Я думаю только, что человѣкъ, который рѣжетъ другому человѣку горло, какъ мясникъ барану, и собственною рукою перебиваетъ свою семью, врядъ-ли способенъ страдать избыткомъ великодушныхъ чувствъ и вкусами къ театральнымъ эффектамъ.

Въ подтвержденіе моихъ сомнѣній смотритель Чиназской станціи объявилъ намъ, будто на станціи Малекъ, въ Голодной степи, только-что зарѣзано двое русскихъ. Не знаю, оправда-

лись ли потомъ всѣ эти слухи; но знаю, что очень скоро по возвращеніи своемъ въ Россію я не безъ интереса прочелъ въ газетахъ, что извѣстный разбойникъ Баба-Утузовъ-Гокленъ былъ пойманъ русскими властями и повѣшенъ въ своемъ родномъ туркменскомъ аулѣ вмѣстѣ съ двумя товарищами на страхъ будущимъ подражателямъ его и на память потомкамъ.

Какъ бы то ни было, а въ Чиназѣ мы рѣшились заночевать, несмотря на то, что на тѣсной станціи уже ночевало четыре почтовыхъ тройки. Это было необходимо уже и потому, что ночное небо было все заволочено дождевыми тучами, а переправляться въ темноту черезъ Сыръ-Дарью было бы слишкомъ безразсудно.

Утромъ насъ задержали лошадьми до половины седьмого. Когда мы подъѣхали къ рѣкѣ, цѣлая шумная ярмарка кипѣла на обоихъ берегахъ ея. Сотни верблюдовъ, нагруженные бѣлыми тюками хлопка, стояли и лежали на прибрежныхъ пескахъ. Очевидно, они ночевали тутъ на берегу и ждали теперь своей очереди переправиться на ту сторону. Цѣлое становище крытыхъ арбъ толпилось среди этихъ живыхъ повозокъ. Верблюды лежали тощіе, сухіе, наголодавшіеся за зиму и еще не успѣвшіе отъѣсться на привольныхъ степныхъ пастбищахъ. Обросшіе пыльно-сѣрыми лохмами свалявшейся шерсти, вонючіе, въ вонючихъ тряпкахъ, насквозь пропитанныхъ потомъ, они лежали, поджавъ подъ себя, по-азіатски, ноги, подобно своимъ собратьямъ-киргизамъ и сартамъ, и какъ-то жалостно вытянувъ по землѣ, будто выбившіяся изъ силъ птицы, свои худыя, длинныя шеи.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ я, какъ эти утомленные, костистые колоссы поднимались прямо съ земли, вмѣстѣ съ навьюченными на нихъ огромными тюками, въ 15 и 20 пудовъ, что тяжко перевѣшивались на сторону при малѣйшемъ неровномъ движеніи ноги.

Киргизы спятъ въ повалку, прямо подъ ногами ихъ и рядомъ съ ними, очевидно, нисколько не тревожимые такимъ нечистоплотнымъ сосѣдствомъ. Въ арбахъ и около нихъ не однѣ

только сахарныя головы бѣлыхъ киргизскихъ шапокъ. Вонъ видны и родныя русскія физіономіи.

Прикащикъ какой-то московской торговой фирмы съ супругою своею устроился подъ арбою, съ маленькимъ походнымъ самоварчикомъ и благочинно потягиваютъ себѣ чаекъ.

— Что-жъ, не боялись ночевать вмѣстѣ съ киргизами? — спросилъ я земляковъ.

— А чего намъ ихъ бояться, — спокойно отвѣчалъ прикащикъ, въ промежуткахъ между медленными глотками чая,—они теперь нашего царя подданные, худого ничего сдѣлать нашему народу не смѣютъ. За это имъ строгое наказаніе полагается... Мы вотъ съ женою шесть лѣтъ среди ихъ живемъ и не слыхали ни разу, чтобы трогали когда русскихъ; сколько разъ въ аулахъ ихъ ночью бывать приходилось и въ степи однимъ ночевать, лошади тоже при насъ бывали и товаръ не дешевый, а никогда пальцемъ никто не трогалъ, ни Боже мой! Все, что попросишь, тебѣ дадутъ, и накормятъ, и напоятъ, они на это хороши... Пустого говорить нечего! Да и то еще сказать, какъ имъ русскаго человѣка тронуть? У русскаго завсегда оружіе съ собою, револьверъ тамъ, али винтовка, али кинжалъ; ужъ имъ это извѣстно. Ну, и боятся...

— Ну, а сарты какъ?—спросилъ я.

— Что-жъ сарты? Сарты тоже народъ смирный. Ты его не трогаешь—и онъ тебя не трогаетъ. Промежъ себя точно, что воровство у нихъ здоровое идетъ, что промежъ киргизовъ, что промежъ сартовъ, овецъ воруютъ другъ у дружки, лошадей, верблюдовъ. Тоже изъ-за земли у нихъ свары каждоденно идутъ. Запашетъ одинъ у другого полосу — и за ножи сейчасъ! Въ прежнее время то и дѣло, бывало, кишки другъ другу выпускали, ну, а теперь поусмирили ихъ, много тише стало. Прежде у нихъ никакого порядку не было; украдетъ, бывало, что̀, ему сейчасъ веревку на шею и вѣшаютъ! А теперь онъ отсидитъ свое, сколько ему по закону полагается — и квитъ! Теперь сарты очень довольны, потому имъ подъ нашимъ цар-

ствомъ не въ примѣръ стало лучше. То, бывало, черезъ нашъ кишлакъ за одну недѣлю человѣкъ полтораста въ Сибирь прогонятъ, а теперь въ цѣлый мѣсяцъ тридцати человѣкъ не наберется...

Паромъ былъ еще на другой сторонѣ, и мы любовались издали чисто азіатскою сценою, какъ все многолюдное и пестрое становище арбъ, верблюдовъ, овецъ, киргизовъ и сартовъ, кишѣвшее на томъ берегу, давя и толкая другъ друга, съ крикомъ двинулось къ парому, чтобы поскорѣе захватить себѣ на немъ мѣсто. Солдатъ-сторожъ отчаянно колотитъ ихъ палкой по чему попало, но они лѣзутъ впередъ неудержимою стѣною. Вонъ одна арба, хотѣвшая объѣхать другія, взяла слишкомъ близко къ краю берега, вмѣсто парома попала колесомъ въ воздухъ и вмѣстѣ съ своимъ верблюдомъ полетѣла въ воду... Киргизы возятся теперь около нея съ веревками и шестами, силясь какъ-нибудь вытащить изъ рѣки испуганнаго горбача и опрокинутую арбу, полную товаровъ. Это порядочно задерживаетъ паромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и насъ. Но, наконецъ, съ помощью русскаго солдатика, главнаго охранителя переправы, тарантасъ нашъ съ грохотомъ пересчитываетъ трясущіяся половицы парома и становится на первенствующее мѣсто, какъ подобаетъ оффиціальному званію почтовой тройки, съ которою не смѣютъ уже состязаться никакія киргизскія арбы и верблюды.

По счастью, теперешній паромъ удобствами своими нисколько не похожъ на тотъ, который американецъ Скайлеръ описываетъ такими грустными красками въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Notes of a journey in Russian Turkistan“, etc.; любознательному янки пришлось тогда цѣлый часъ перетаскиваться черезъ Сыръ-Дарью и все-таки пристать къ другому берегу ея далеко ниже того мѣста, куда онъ направлялся, такъ что киргизы, забравшись въ воду, должны были опять оттаскивать его руками и веревками на его настоящее мѣсто.

Не больше, какъ на версту, много-много на двѣ версты отъ Сыръ-Дарьи виднѣются вездѣ разсыпанныя гнѣзда киргизскихъ кибитокъ и пасутся безчисленныя стада верблюдовъ. Затѣмъ уже стелется необозримая пустыня Голодной степи, пріосѣненная вдали воздушными силуэтами снѣгового хребта.

Голодная степь теперь сѣрая, а не зеленая, какъ прежде, но все-таки еще не желтая, какою она скоро будетъ. Высыхающая трава словно принимаетъ постепенно господствующій цвѣтъ почвы, какъ принимаетъ его здѣсь все, живущее въ этой глинисто-песчаной пустынѣ: и черепаха, и жаворонокъ, и ящерица здѣсь такіе же сѣро-желтоватые и бѣлесовато-пестрые, какъ комья земли, среди которыхъ они бѣгаютъ. Того же сѣро-глинистаго цвѣта и тучи прузовъ, которыми кишитъ теперь Голодная степь. Они сыпятся и брызгаютъ высоко въ воздухъ, какъ мятель изъ-подъ колесъ нашего тарантаса, изъ-подъ копытъ нашихъ лошадей. Кажется, всякая былинка травы превратилась теперь въ цѣлое поколѣніе этой прыгающей гадины. Около ста верстъ подрядъ ѣхали мы въ этой отвратительной атмосферѣ живыхъ тварей, давя и разбрасывая ихъ во всѣ стороны, какъ брызги воды кругомъ быстро двигающейся лодки. Нѣсколько верстъ вправо и влѣво отъ насъ тянулись эти сплошныя залежи пруза, — можно было себѣ представить потому, сколько ихъ было впереди насъ. Это были, конечно, первые предвѣстники, это двигался только авангардъ тѣхъ несчетныхъ полчищъ пруза, которые въ слѣдующемъ году охватили своимъ гибельнымъ нашествіемъ весь югъ Россіи, досылая передовые отряды своей степной конницы до Курска, Орла и даже до самой Москвы.

Асса-фетида все такъ же покрываетъ необозримыя пространства Голодной степи своими густыми лѣсами оригинальныхъ карликовыхъ деревьевъ, съ шарообразными кронами. Но уже теперь эти—не цвѣты и не листья, а безчисленныя пузырчатыя коробочки миндальной формы, заключающія въ себѣ созрѣвшія сѣмена.

Увѣряютъ, будто молодыя головки ассы-фетиды, вываренныя въ кипяткѣ, теряютъ свой запахъ и считаются очень лакомымъ кушаньемъ у киргизовъ. Я этому, признаюсь, не особенно вѣрю, потому что трудно найти болѣе цѣпкій запахъ, какъ у этого отвратительнаго растенія.

Мы ѣдемъ лѣсами ассы-фетиды цѣлыхъ 64 версты подъ рядъ. По-прежнему въ этомъ царствѣ зловонія—никакой жизни. Какая то кустистая, высокая трава съ колосиками голубыхъ цвѣтовъ, въ родѣ вероники, — заполонила степь такими же сплошными коврами вездѣ, гдѣ нѣтъ ассы-фетиды. Природа и въ растительномъ мірѣ поступаетъ такъ же, какъ въ области этнографіи, гдѣ одни пространства заполняются сплошнымъ киргизомъ, другія—сплошнымъ калмыкомъ или туркменомъ, не допускающими среди себя ничего чужого. Черепахи попадаются теперь уже рѣдко, сезонъ ихъ, повидимому, прошелъ. Птицъ въ Голодной степи тоже нѣтъ. Только одни плоскоголовые и широкогрудые орлы сидятъ неподвижными бурыми копнами среди бурой травы, иногда всего въ двухъ шагахъ отъ нашей тройки, и зорко слѣдятъ за нами своимъ безстрашнымъ и безпощаднымъ взглядомъ хищника, который не дрогнетъ ни отъ грохота тарантаса, ни отъ звона почтовыхъ колокольчиковъ.

А на самой дорогѣ совсѣмъ новая, оригинальная жизнь! Въ каждомъ блинѣ навоза безчисленное множество жуковъ, черныхъ, какъ чернила, и крупныхъ, какъ слива. Это жуки-гробокопы, одѣтые въ глубокій трауръ, какъ подобаетъ гробокопу. Они покрываютъ дорогу частыми гнѣздами, обсыпая своею тѣсною кучкою тотъ островокъ навоза, въ которомъ вывелся каждый рой. Гробокопы теперь всѣ до единаго въ хлопотливой и безостановочной работѣ, точно муравьи, строющіе свой муравейникъ. Каждый изъ нихъ преусердно закапываетъ задними ножками свои яички въ шарики навоза. Потѣшно видѣть, съ какимъ увлеченіемъ и настойчивостью, словно глубоко убѣжденныя въ необходимости своей работы, трудятся эти маленькія твари надъ этимъ важнымъ дѣломъ, обезпечивающимъ будущую

судьбу ихъ поколѣнія. Шарики навоза изъ горошинки вырастаютъ мало-по-малу въ вишню, изъ вишни въ цѣлое маленькое яблочко, которое уже не безъ усилій приходится катить заботливому жучку. Скатываютъ они свои шарики въ ямки и засыпаютъ ихъ старательно землею, чтобы они оставались въ ней спокойно и безопасно впредь до будущей весны. Они и землю выгребаютъ и нагребаютъ словно природными лопатами все такъ же своими задними лапками.

Эти черные жуки-монахи, жуки-могильщики, да желтая фаланга, бѣгающая по песку, будто на ходуляхъ, на своихъ высокихъ ногахъ,—единственныя насѣкомыя, оживляющія теперь Голодную степь.

Но чтобы она не казалась слишкомъ безжизненною и не отпугивала отъ себя впечатлительнаго путника, лукавый духъ пустыни строитъ по всему горизонту всякія обманчивыя марева, соблазняющія глазъ. Прозрачныя озера и рѣки, обросшія кустами, зеленѣющіе острова, верблюды на гигантскихъ ногахъ, головой достающіе до облаковъ, цѣлыя поселенія кибитокъ, высокихъ, какъ деревья, тихо качаются и цѣликомъ опрокидываются своими отраженіями въ тихо плывущихъ струяхъ зеркальнаго воздуха, нагрѣтаго песками. Марево приподнимаетъ ихъ въ эти видные намъ воздушные слои Богъ знаетъ изъ какой далекой и невидимой намъ дали... Сравнительно съ ними даже громадные каменные шалаши древнихъ кудуковъ — кажутся прилегшими къ землѣ. Эти удивительные кудуки, которые я подробно описывалъ при своей поѣздкѣ въ Ташкентъ, хотя и приписываются народной молвой Тамерлану, но безъ всякихъ убѣдительныхъ доказательствъ. Болѣе грамотные люди считаютъ ихъ созданіями Абдуллъ-хана, жившаго около двухъ столѣтій позднѣе Тамерлана, но и то, кажется, безъ особенныхъ основаній.

Ровно сто верстъ ѣхали мы Голодною степью: 16 верстъ отъ Сыръ-Дарьи до Малека, 33 версты до Мурза-Рабата, 31 версту до Акстафы и 20 верстъ до Учь-Тюбе; двѣ версты не доѣзжая этой станціи, начинаются уже посѣвы хлѣба, арыки, кибитки киргизовъ, кишлаки сартовъ. Отъ Учь-Тюбе до Джизака одинъ сплошной, зеленый лугъ, со множествомъ верблюдовъ, лошадей, быковъ, овецъ, людей, тополей, кишлаковъ. Горы дѣлаются ближе и яснѣе. Далекая снѣговая цѣпь глядитъ изъ-за нихъ, ослѣпительно сверкая на солнцѣ.

Мы передъ Джизакомъ, у воротъ въ самыя плодородныя долины стараго Бухарскаго ханства.

Джизакская крѣпость, защищавшая столько вѣковъ входы съ сѣвера въ благодатную Заравшанскую долину, оставила по себѣ кровавую, хотя и славную, память для насъ, русскихъ. Она была взята послѣ жестокаго боя генераломъ Крыжановскимъ въ 1866 году. Русскаго приступа боялись страшно и ждали давно. Бухарцы укрѣпляли эту пограничную твердыню свою цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ; вокругъ крѣпости вывели тройной рядъ стѣнъ, очень высокихъ и толстыхъ. Доступъ къ нимъ преграждался тремя рвами, полными воды, 10-ти аршинной глубины; вездѣ были устроены барбеты и башни, на стѣнахъ разставлено болѣе полсотни пушекъ; и за этими-то неприступными оградами засѣло 10.000 самыхъ храбрыхъ воиновъ эмира, набранныхъ изъ авганцевъ, туркменъ, персіянъ и пр. Начальникомъ гарнизона сдѣланъ былъ извѣстный храбрецъ Алаяръ-ханъ, поклявшійся умереть съ мечемъ въ рукѣ. Онъ приказалъ завалить крѣпостныя ворота, чтобы ни у кого не родилось даже мысли отворить ихъ русскимъ.

28-го октября началась бомбардировка города, 30-го послѣдовалъ рѣшительный приступъ, а черезъ часъ русскіе орлы уже были владыками Джизака. Бухарцы дрались отчаянно, и 6.000 труповъ ихъ покрыли улицы, кромѣ 2.000 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ. Алаяръ-ханъ и 16 бековъ (изъ 18) пали честно въ рукопашномъ бою. Большая часть города была раз-

рушена ядрами и еще до сихъ поръ не оправилась отъ погрома.

На Джизакской станціи мы съ удовольствіемъ напились свѣжаго молока, которое можно было купить на базарѣ, и не теряя времени за самоваромъ, рѣшились ѣхать дальше, хотя солнце уже совсѣмъ садилось. На станціи ночевало столько народа, что оставаться здѣсь казалось просто невозможнымъ. А мы между тѣмъ хорошо знали, что придется переѣзжать ночью въ 8-ми мѣстахъ рѣчку Елань-Уте, которая образуетъ такъ называемыя Тамерлановы ворота въ горномъ кряжѣ, отдѣляющемъ эту мѣстность отъ бассейна рѣки Заравшана, и которая вьется самою капризною змѣею между отрогами этого кряжа. Названіе «Елань-Уте», какъ увѣряли меня, собственно и значитъ «Змѣя проползла». Къ довершенію опасности, въ ямщики намъ попался совсѣмъ молодой киргизенокъ, столько же безстрашный, сколько неопытный въ путевыхъ дѣлахъ. Мы очень скоро замѣтили, что съ нимъ намъ будетъ чистая бѣда въ случаѣ какихъ-нибудь критическихъ обстоятельствъ, поэтому я гналъ его впередъ безъ всякаго милосердія, пока еще что-нибудь можно было видѣть, разсчитывая нагнать на дорогѣ двѣ тройки съ почтою, выѣхавшія на Самаркандъ нѣсколько ранѣе насъ. Лихой киргизенокъ въ этомъ отношеніи былъ очень покладистъ и несся во всю прыть по каменистымъ дорогамъ горной долины. Онъ и самъ, повидимому, сообразилъ, что безъ старыхъ бывалыхъ ямщиковъ, провожавшихъ почту, ему никакъ не справиться темною ночью съ многочисленными опасными бродами Елань-Уте, которую выпавшіе дожди вздули въ бушующій потокъ. Тарантасъ нашъ прыгалъ вкривь и вкось, пересчитывая камни, рытвины, косогоры, треща по всѣмъ суставамъ, заворачивая такъ круто на поворотахъ горной дороги, что ежеминутно могъ перевернуться колесами вверхъ; а отчаянный киргизенокъ дико вопилъ на своихъ отчаянно мчавшихся коней, безостановочно полосуя ихъ кнутомъ, по чемъ только попадало. Мы съ ужа-

сомъ увидѣли, подъѣхавъ къ рѣкѣ, что это была совсѣмъ не та Елань-Уте, пробиравшаяся своими безчисленными рукавчиками по сухимъ голышамъ широкаго русла, которую мы переѣзжали два мѣсяца тому назадъ по дорогѣ изъ Самарканда въ Ташкентъ. Теперь это была широкая, глубокая и очень быстрая рѣка, навзрѣзъ наполнявшая своими свинцовыми волнами обыкновенно сухое каменистое русло, и не подававшая ни малѣйшей надежды на возможность переѣхать ее гдѣ-нибудь въ бродъ. Почты еще не было видно, и приходилось плыть на удачу,—попадемъ или не попадемъ на подобающій намъ путь. Я не могъ постигнуть, какимъ это образомъ такія опасныя и частыя переправы, какъ въ Елань-Уте, не охраняются отъ правительства опытными перевозчиками-киргизами съ арбою и прочими принадлежностями, какъ это заведено на Ахангренѣ и при многихъ другихъ переправахъ. Не говоря уже о частныхъ проѣзжающихъ, чиновники правительства, ѣдущіе по дѣламъ службы, и казенныя почты съ посылками и деньгами, послѣ каждаго дождя или таянья снѣга въ горахъ, подвергаются здѣсь риску залиться вмѣстѣ съ своими лошадьми, или по меньшей мѣрѣ принять холодную ванну. Но разсуждать уже было поздно, необходимо было дѣйствовать, и притомъ очень быстро, чтобы имѣть время нагнать почтовыя тройки, хотя бы передъ слѣдующими еще болѣе опасными переправами и по крайней мѣрѣ бѣдовать вмѣстѣ съ народомъ въ эту скверную ночь, которую не было больше надежды провести мирно на какой-нибудь тихой станціи...

Киргизенокъ долго разсматривалъ своими рысьими глазами чуть замѣтные въ полутьмѣ слѣды колесъ на пескѣ того берега, угадывая мѣстечко, гдѣ ему нужно будетъ выѣхать изъ рѣки; потомъ вдругъ ударилъ рѣшительно по лошадямъ и съ плескомъ и громомъ ввалился грузнымъ тарантасомъ въ бурную рѣку... Волны упрямо сбивали въ бокъ нашу привычную почтовую тройку; колеса то и дѣло подскакивали на камняхъ и проваливались въ ямы, вода доходила много выше дрогъ, но

все-таки, къ нашему великому благополучію, не залила глубокій кузовъ тарантаса, хотя мы, въ ожиданіи этого неизбѣжнаго событія, заранѣе подобрали ноги на сидѣнье. Къ удивленію нашему, киргизенокъ не обмахнулся и попалъ какъ разъ въ узаконенное мѣсто. Недоѣзжая втораго брода, мы нагнали, наконецъ, тяжело нагруженныя почтовыя тройки. Къ нимъ пристала еще какая-то перекладная съ проѣзжимъ, такъ что насъ собралась теперь цѣлая «оказія», какъ говорили въ свое время на Кавказѣ, или цѣлый караванъ своего рода, выражаясь по туркестански. Въ такой многолюдной компаніи и съ такимъ бывалымъ народомъ, какъ ямщики,—сразу стало спокойнѣе на сердцѣ, и самая ночь словно вдругъ просвѣтлѣла. Второе плесо Елань-Уте разлилось широко, словно какая-нибудь серьезная рѣка, и въ ночной темнотѣ казалось, будто другого берега совсѣмъ не видно. Это было очень скверно, потому что единственнымъ обозначеніемъ направленія брода служатъ слѣды колесъ на обоихъ берегахъ. Всѣ четыре ямщика, не исключая и нашего мальчишки, слѣзли съ облучковъ и, подойдя всей своей кучкой вплотную къ волнамъ бурлившаго потока, открыли промежъ себя военный совѣтъ. Мы, конечно, ни слова не могли понять изъ ихъ гортанной киргизской рѣчи и въ безмолвномъ терпѣніи дожидались, на что они рѣшатся. Потолковавъ нѣсколько довольно длинныхъ минутъ, ямщики наши отважно крикнули наконецъ: «гайда!» и побѣжали всякій на свое мѣсто. Перекладная полѣзла первая, за нею обѣ почты, и уже сзади всѣхъ, обезпеченный опытомъ впереди насъ ѣхавшихъ, увѣренно двинулся и нашъ ковчегъ Ноевъ. Не постигаю, какимъ звѣринымъ чутьемъ руководились эти дикари-ямщики, выбирая съ такою точностью среди темной водной пучины свой путь, который извивался, какъ колѣна змѣи, то вправо, то влѣво, то вверхъ, то внизъ по рѣкѣ. Сначала мы долго ѣхали, вѣрнѣе сказать, плыли вдоль рѣки навстрѣчу ея теченію, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ тарантасъ нашъ не выдержитъ стремительнаго напора волнъ и опрокинется колесами вверхъ. Потомъ

мы повернули вправо и переѣхали поперекъ рѣку. Слава Богу, и въ этомъ мѣстѣ вода не хватала черезъ край кузова, и мы отдѣлались только одними тревожными ожиданіями. На третьемъ переѣздѣ мы миновали тѣснину Тамерлановыхъ воротъ съ ихъ черною пещерою налѣво, съ ихъ историческою надписью на скалѣ правой стороны.

Скала эта имѣетъ саженъ 70 высоты, надпись помѣщается довольно низко, не выше 15—16 аршинъ отъ земли, такъ что легко читать снизу. Собственно говоря, надписей двѣ, сдѣланныя въ совершенно различное время, различными людьми и по различнымъ поводамъ. Начертаны онѣ крупными буквами на персидскомъ языкѣ, который здѣсь понимаетъ всякій деревенскій мулла, всякій уличный писецъ, такъ какъ это языкъ обычныхъ письменныхъ сношеній между туземцами Бухары и Самарканда.

Хотя простой народъ приписываетъ эти надписи никому другому, разумѣется, кромѣ своего излюбленнаго хана Тимура, именемъ котораго окрещена и вся тѣснина, но, къ великому разочарованію его, знающіе люди прочли на мнимой Тамерлановой скалѣ совсѣмъ чуждыя ему имена и событія. Одна надпись гласитъ:

«Съ помощью Господа Бога, великій султанъ, завоеватель царей и народовъ, тѣнь Бога на землѣ, опора велѣній Сунны и божественнаго закона, правитель и защитникъ вѣры, Улугъ Бегъ Гуруганъ (да продлитъ Богъ дни его царствованія и правленія!) предпринялъ походъ въ страну моголовъ и благополучно возвратился отъ того народа въ эти страны въ 828 году».

Улугъ-Бегъ былъ внукъ Тимура, прославившійся покровительствомъ наукъ, искусствъ и магометанской религіи, основатель знаменитыхъ медрессе и обсерваторіи въ Самаркандѣ, а 828 г. геджры соотвѣтствуетъ 1425 году нашей эры.

Вторая надпись еще позднѣйшаго времени (1571 г.) и принадлежитъ тоже очень извѣстному эмиру самаркандскому, строителю цистернъ и мостовъ,—Абдуллѣ-хану:

«Пусть странники въ пустынѣ, путешествующіе по землѣ и водѣ, знаютъ, что въ 979 году была здѣсь битва между арміей намѣстника халифа, тѣни всемогущаго, великаго Хакана-Абдуллы-хана, сына Искендеръ-хана, состоявшей изъ 30.000 воиновъ, и арміей Дервишъ-хана и Баба-хана и другихъ сыновей Баракъ-хана. Въ этой арміи было 50 родственниковъ султана и 400.000 воиновъ изъ Туркестана, Ташкента, Ферганы и Дешта-Кипчака. Армія Государя, по счастливому сочетанію созвѣздій, одержала побѣду, одолѣвъ вышеупомянутыхъ султановъ и предавъ смерти столькихъ изъ нихъ, что отъ народа, убитаго во время сраженія и въ плѣну, въ теченіе мѣсяца кровь текла поверхъ водъ рѣки Джизака. Пусть всѣ это знаютъ!» горделиво объявляетъ на весь свѣтъ кичливый побѣдитель.

Но намъ было теперь не до Тамерлана и не до археологическихъ надписей. Эти постоянныя нырянья тарантаса въ незнакомыхъ пучинахъ водъ, глубины которыхъ никто не могъ узнать впередъ, притомъ въ темную и непривѣтливую ночь, среди скалъ и пропастей, невольно очень скверно дѣйствовали на наши нервы. Мутныя воды потока неслись внизъ съ одуряющею быстротою, и среди глухаго молчанья ночи какъ-то угрожающе гудѣли между камней, будто вольные духи этого пустыннаго ущелья, трубящіе въ свои боевыя трубы. Непостижимыя и лошади у киргизовъ! Онѣ смѣло лѣзутъ по брюхо, по горло въ стремнины рѣки и тащатъ тяжело нагруженные экипажи по глубокимъ осыпямъ голышей, покрывающимъ дно рѣки, по подводнымъ камнямъ и корчагамъ; изъ рѣки еще вытаскиваютъ эти экипажи на крутые берега и бѣгутъ потомъ, не останавливаясь, одинъ десятокъ верстъ за другимъ.

А дѣлать нечего, одинъ за однимъ переправились мы благополучно черезъ всѣ восемь плесовъ Елань-Уте; подъ конецъ мы ужь нѣсколько освоились съ этими варварскими переправами вплавь и не малодушествовали такъ, какъ въ первые три, четыре переѣзда. Но тѣмъ не менѣе трудно описать нашу ра-

дость когда киргизенокъ объявилъ намъ, что мы переѣхали послѣдній бродъ, что рѣки больше теперь не будетъ.

Ущелье тянется однако еще далеко за Елань-Уте, всего больше, чѣмъ на 20 верстъ. Было черно, какъ въ чернильницѣ, когда наши 4 тройки влетѣли на всѣхъ рысяхъ въ освѣщенный красноватымъ огнемъ фонарей туземный базаръ, откуда еще не разошлись запоздалые посѣтители, мирно потягивавшіе на своихъ «супахъ» и кроватяхъ неизбѣжный «кокъ-чай» изъ росписныхъ «піоля». Съ тревогой и неудовольствіемъ косились они на эти несущіяся во тьмѣ русскія тройки, чуть не задѣвавшія своими колесами ихъ чай-хане и лавченки. Но вотъ уже мелькаютъ ярко освѣщенныя окна станціи, гдѣ ждетъ насъ вполнѣ заслуженный отдыхъ, и сейчасъ задымится привѣтливый русскій самоваръ...

Тпру!! звонки смолкаютъ, мы стоимъ подъ крыльцемъ, и чьи-то услужливыя руки помогаютъ намъ выкарабкаться изъ нашего глубокаго ковчега.

III.

„Разноситель золота“.

Но намъ и на другой день не пришлось избавиться отъ досадныхъ переправъ въ бродъ, — этого истиннаго кошмара несчастныхъ туркестанскихъ путешественниковъ, который ложится пятномъ на русскаго цивилизатора Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, при тѣхъ средствахъ и при той громадной власти, которыми мы здѣсь располагаемъ, рѣшительно понять нельзя, почему мы оставляемъ въ состояніи первобытнаго варварства всѣ эти опасныя и разорительныя для народа переправы черезъ рѣки. То, что могли бы стоить мосты, окупилось бы очень скоро и быстротою сообщеній, и сохраненіемъ въ цѣлости множества товаровъ и скота, которые теперь нерѣдко портятся и гибнутъ при переправахъ въ высокую воду. Ужъ если монголецъ Тимуръ,

или какой-нибудь Абдулла-ханъ могъ устроить великолѣпный каменный мостъ черезъ разливы Заравшана, то неужели Россія наканунѣ 20-го вѣка не въ состояніи выполнить того, на что нашлись силы и средства у азіатскихъ кочевниковъ 14 или 15 столѣтія?

Раньше я имѣлъ уже случай разсказать читателю, со словъ испанскаго путешественника 15-го столѣтія Рюи Гонзалеса, какую просвѣщенную заботливость проявлялъ Тимуръ относительно дорожныхъ сообщеній въ своей колоссальной имперіи. А у другого, еще болѣе стариннаго путешественника, венеціанца Марко Поло, объѣхавшаго всѣ страны Азіи еще во второй половинѣ 13-го вѣка, при самыхъ первыхъ ханахъ Монгольской имперіи, можно найти очень поучительныя свѣдѣнія объ устройствѣ почтовой гоньбы въ степяхъ и горахъ Азіи Чингисъ-ханомъ и его наслѣдниками.

«Изъ города Канбалу въ другія провинціи ведутъ множество дорогъ, и на каждой изъ нихъ, т.-е. на каждой большой дорогѣ, на разстояніи 25 или 30-ти миль, находится станція съ домами, устроенными для путешественниковъ, и называется яшбъ, или почтовый домъ. Это всегда большое, красивое строеніе со многими, хорошо убранными комнатами, обитыми шелковою матеріей и снабженными всѣми удобствами. Всякій король могъ бы остановиться въ такомъ домѣ и жить прилично своему сану, ибо въ окружающихъ городахъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ можно достать все нужное, а нѣкоторые изъ этихъ станцій снабжаются постоянно провизіей отъ двора. На каждой станціи стоятъ всегда на готовѣ 400 хорошихъ лошадей, для того, чтобы послы, ѣдущіе по дѣламъ Его Величества, равно какъ и гонцы его, могли мѣнять ихъ и, оставивъ своихъ утомленныхъ лошадей, получить свѣжихъ. Даже въ гористыхъ округахъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ, и гдѣ не было деревень, а города далеко отстоятъ одинъ отъ другого, Его Величество велѣлъ воздвигнуть подобнаго рода постройки, снабженныя всѣмъ необходимымъ, а главнымъ образомъ лошадьми. Онъ по-

сылалъ разныхъ людей на житье въ эти мѣста для обработыванія земли и исполненія всѣхъ нуждъ почты; такимъ путемъ образовались большія деревни.

«Благодаря устройству подобныхъ домовъ, посланники и царскіе гонцы съ большимъ удобствомъ и весьма легко проѣзжали по разнымъ провинціямъ имперіи. И во владѣніи великаго хана находятся такимъ образомъ не менѣе 200.000 лошадей подъ вѣдомствомъ почты, и для нея содержатся 10.000 домовъ. Трудно описать—какой степени быстроты достигаютъ этой удивительной системой».

Искренно изумляется порядкамъ азіатскихъ варваровъ гражданинъ просвѣщеннѣйшей европейской республики того времени.

«При промежуточныхъ станціяхъ,—повѣтствуетъ онъ далѣе,—есть писецъ, обязанный записывать день и часъ, въ который прибылъ одинъ курьеръ, а другой отправился; кромѣ того, назначаются особые чиновники, которые каждый мѣсяцъ объѣзжаютъ всѣ станціи, просматриваютъ книги и наказываютъ курьеровъ, не употребившихъ надлежащую скорость при исполненіи своихъ обязанностей».

Иначе говоря, у азіатскихъ варваровъ, кочевавшихъ въ кибиткахъ, уже болѣе 600 лѣтъ тому назадъ, почтовая часть была организована такъ же правильно и удобно, какъ она организована сравнительно въ позднѣйшее время во многихъ европейскихъ государствахъ. Конечно, это происходило подъ вліяніемъ древняго центра цивилизаціи Китая, который былъ покоренъ монгольскими кочевниками вмѣстѣ съ другими странами Азіи, и который тотчасъ же невольно оказалъ могущественное воздѣйствіе на весь бытъ своихъ дикихъ владыкъ. Это во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ помнить слишкомъ заносчивымъ представителямъ европейской цивилизаціи, наивно воображающимъ, что только и свѣта было для міра, что́ изъ ихъ окна.

Вообще по этому поводу среди большинства читающей публики существуетъ слишкомъ много заблужденій, объясняемыхъ между прочимъ малымъ знакомствомъ нашихъ съ древнимъ бы-

томъ и исторіею азіатскихъ народовъ. Старинные европейскіе путешественники, какъ Марко Поло, Рубруквисъ, Плано-Карпини, Рюи Гонзалесъ и другіе, — несмотря на огромный интересъ ихъ, — многимъ извѣстны только по именамъ. А между тѣмъ стóило бы задуматься надъ многимъ, что̀ передаютъ они, прежде чѣмъ произносить обычный безапелляціонный приговоръ надъ варварствомъ азіатовъ, такъ ревностно исцѣляемымъ благодѣяніями европейской цивилизаціи.

Марко Поло, много лѣтъ проживавшій среди монголовъ и своими глазами видѣвшій всѣ туземные порядки, передаетъ очень любопытныя вещи о внутреннемъ управленіи громадной Монгольской имперіи и объ отношеніяхъ великаго хана къ своимъ безчисленнымъ народамъ.

По его словамъ, великій ханъ ежегодно посылаетъ довѣренныхъ людей узнать, не постигли ли какую-нибудь мѣстность неурожай, саранча, наводненія или другія бѣдствія. Съ пострадавшаго поселенія не только не взыскиваются подати но ему выдается изъ царскихъ житницъ нужное количество хлѣба на пропитаніе и обсѣмененіе полей. Съ этою цѣлью въ урожайные годы ханъ закупаетъ во всѣхъ провинціяхъ большіе запасы зерна, которые сохраняются безъ малѣйшей порчи по 3 и по 4 года въ прекрасно устроенныхъ для этого житницахъ. Точно также, въ случаѣ падежа скота, ханъ приказывалъ раздавать пострадавшимъ отъ бѣдствія—коровъ и быковъ изъ собственныхъ стадъ, такъ какъ всѣ области его царства ежегодно присылали ему скотъ въ видѣ десятинной подати отъ своихъ произведеній.

«Всѣ мысли великаго хана,—прибавляетъ Марко Поло,—направлены къ тому, чтобы помочь народу въ его нуждахъ для того, чтобы подданные его были въ состояніи жить своимъ трудомъ и улучшить свое положеніе».

Бѣднымъ города, въ которомъ жилъ великій ханъ, постоянно отпускался всякій необходимый провіантъ отъ царскаго двора, по особымъ смѣтамъ, разсчитаннымъ на цѣлый годъ по числу

членовъ семейства. Для нихъ ткались также одежды изъ шерсти и шелка въ особо устроенной мастерской, гдѣ каждый ремесленникъ города былъ обязанъ работать даромъ одинъ день въ недѣлю.

«Не проходило дня безъ того, чтобы назначенные для этого чиновники не роздали до 20.000 посудинъ съ рисомъ, просомъ и пшеномъ. Вслѣдствіе этой удивительной щедрости хана, народъ почитаетъ его какъ божество», разсказываетъ Марко Поло.

Для безопасности пути среди безпредѣльныхъ степей и пустынь своей имперіи ханъ повелѣлъ по обѣимъ сторонамъ большихъ дорогъ садить вездѣ быстрорастущія деревья, на два шага другъ отъ друга, чтобы лѣтомъ пѣшеходы могли пользоваться ихъ тѣнью. Тамъ же, гдѣ сыпучіе пески и скалистыя горы не позволяли расти деревьямъ, велѣно было ставить камни и столбы для указанія дороги. Особые чиновники наблюдали за тѣмъ, чтобы эти правила исполнялись и чтобы дороги содержались въ порядкѣ.

Цивилизація того времени простиралась до того, что въ китайскихъ провинціяхъ имперіи уже тогда употребляли, какъ весьма обыкновенный предметъ, тотъ самый каменный уголь, который европейскіе экономисты считаютъ теперь, такъ сказать, вѣрнѣйшимъ показателемъ степени гражданственности и экономическаго благосостоянія народа.

Марко Поло описываетъ этотъ уголь, какъ «особенный черный камень, который горитъ подобно углю и поддерживаетъ огонь гораздо лучше дровъ, такъ что если его зажечь вечеромъ, то онъ прогоритъ всю ночь и не погаснетъ даже утромъ».

Населеніе тѣхъ провинцій истребляло огромное количество топлива, «ибо нѣтъ ни одной личности, которая бы не посѣщала теплыя ванны, по крайней мѣрѣ, 3 раза въ недѣлю, а зимой даже каждый день, если это возможно. Всякій вельможа имѣетъ ванну у себя въ домѣ для своего употребленія», сообщаетъ обстоятельный венеціанскій путешественникъ эту также харак-

терную черту современной европейской цивилизаціи, усвоенную еще въ такіе далекіе вѣка глупыми азіатами.

Ассигнаціи и банковые билеты,—изобрѣтеніе новой Европы,—были въ употребленіи у хановъ Монгольской имперіи еще въ 13 вѣкѣ. Марко Поло съ удивленіемъ описываетъ «монетный дворъ» великаго хана въ городѣ Канбалу, гдѣ изъ коры тутовыхъ деревьевъ дѣлали бумагу чернаго цвѣта; ее рѣзали потомъ на кусочки разной величины, выбивали на ней цифру денежной суммы, которую она должна была изображать, и снабжали подписями нѣсколькихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ этимъ дѣломъ; послѣ того являлся главный чиновникъ хана и прикладывалъ къ каждому билету порученную ему царскую печать, обмакнутую въ киноварь.

«Такого рода бумажная монета находится во всей странѣ, и никто подъ страхомъ смертной казни не смѣетъ отказаться взять ее въ уплату», прибавляетъ Марко Поло.

Нашъ извѣстный знатокъ Китая, монахъ Іакинфъ Бичуринъ, въ своей любопытной, хотя и старой книгѣ, «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», переведенной съ китайскаго, упоминаетъ, между прочимъ, что ассигнаціи ввелъ первый разъ среди монголовъ прославленный китайскими лѣтописцами мудрецъ и совѣтникъ Чингисъ-хана, Ели-Чуцай.

Этого имени невозможно пройти молчаніемъ, говоря о монголахъ и монгольскихъ ханахъ. Рѣдкое историческое лицо даже новѣйшей европейской имперіи можетъ сравняться съ этимъ почти невѣдомымъ у насъ государственнымъ мужемъ далекой средневѣковой Азіи нравственною высотою своего духа, мудростью и величіемъ своихъ взглядовъ на задачи государственнаго управленія. Ели-Чуцай происходилъ изъ прежняго царскаго дома Ляо, лишеннаго престола, и покорился Чингису послѣ взятія имъ теперешняго Пекина. Чингисъ призвалъ его къ себѣ и предложилъ Чуцаю помогать ему противъ враждебнаго ему царскаго дома Гиль.

«Еще при дѣдѣ и родителѣ моемъ я служилъ, обратясь ли-

цомъ къ сѣверу; бывши прежде подданнымъ, могу ли питать двоедушіе и враждовать противъ прежняго государя и отца?» смѣло отвѣтилъ Ели-Чуцай. Отвѣтъ его такъ поразилъ грубаго варвара, что онъ оставилъ его при себѣ для совѣтовъ по разнымъ дѣламъ. Ели-Чуцай зналъ математику и особенно былъ глубокъ «въ метафизическомъ познаніи естества», т.-е. въ астрономіи. Онъ предсказывалъ Чингису по звѣздамъ судьбу его предпріятій и поднесъ ему новый календарь, котораго правильность изумляла потомъ европейскихъ путешественниковъ въ Монголіи.

При Угедеѣ (или Октаѣ) ханѣ всѣ монгольскіе вельможи настоятельно совѣтовали хану перебить до одного человѣка всѣхъ китайцевъ, а земли ихъ обратить въ пастбища, потому что, хотя они и завоевали китайскій народъ, но пользы отъ него никакой не видно.

Ели-Чуцай остановилъ этотъ варварскій совѣтъ и убѣдилъ хана обложить всѣ земли умѣренною податью, назначить пошлины съ вина, соли, желѣза, со всякаго торговаго человѣка, съ горъ и водъ.

«Хотя мы имперію получили, сидя на лошади, сказалъ онъ императору, но управлять ею, сидя на лошади, не возможно». По его совѣту, ханъ рѣшился призвать къ должностямъ ученыхъ людей и издать для каждой мѣстности особыя постановленія, прекративъ своевольный грабежъ и казни своихъ прежнихъ правителей. Съ этихъ поръ народомъ стали управлять гражданскіе начальники, особыя казначейскія палаты стали завѣдывать сборомъ денегъ и хлѣба.

Когда Угедею подали въ первый разъ вѣдомости о полученныхъ государственныхъ доходахъ, ханъ, не вѣря своимъ глазамъ и радостно улыбаясь, спросилъ Ели-Чуцая:

«Какимъ образомъ умѣлъ ты произвести такое притеченіе денегъ и тканей?»

Въ тотъ же день онъ вручилъ ему свою печать и поручилъ ему всѣ безъ исключенія дѣла управленія.

Ели-Чуцай возсталъ противъ обычая хановъ раздавать области и города въ кормленіе князьямъ и любимцамъ своимъ, и старался повсюду вводить вмѣсто нихъ чиновниковъ отъ двора съ опредѣленнымъ жалованьемъ, строго запрещая имъ взыскивать съ народа самовольные поборы. Каждое мѣсто управленія получило свою казенную печать, были выпущены бумажныя ассигнаціи на 50.000 центовъ серебра; для упорядоченія разъѣздовъ князей и ханскихъ родственниковъ были введены подорожныя и опредѣлено, кто можетъ брать сколько лошадей; мѣры и вѣсъ приведены были къ однообразію во всѣхъ областяхъ громадной имперіи, и подати вездѣ уравнены. Ели-Чуцай всѣми силами боролся противъ продажи мѣстъ и неправосудія, и нерѣдко выпрашивалъ у жестокосердыхъ хановъ пощаду заключеннымъ и осужденнымъ.

«Ели-Чуцай имѣлъ великія дарованія и далеко провосходилъ прочихъ. Съ праводушіемъ служилъ при дворѣ и не унижался передъ силою», говоритъ о немъ китайскій историкъ.

«Когда представлялъ о пользѣ и невыгодахъ отечества, о благѣ и страданіяхъ народа, показывалъ силу въ словахъ и ревность въ видѣ. Монгольскій государь сказалъ ему однажды: «ты опять хочешь плакать за народъ?»

Ели-Чуцай очень любилъ образованіе, его заботами было учреждено при дворѣ хана историческое общество, куда были выписаны историческія лѣтописи изъ разныхъ городовъ имперіи, и ученый Лянъ-Чже съ двумя помощниками опредѣленъ былъ исторіографомъ хановъ. По смерти его, у него нашли вмѣсто предполагаемыхъ сокровищъ, которыя онъ могъ бы такъ легко собрать, пользуясь безграничнымъ довѣріемъ хановъ, — только нѣсколько тысячъ старинныхъ и новѣйшихъ книгъ, картинъ и древнихъ надписей на металлѣ и камняхъ.

Ели-Чуцай принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ мужамъ высокаго разума и великаго сердца, которые въ самые далекіе и грубые вѣка клали свою жизнь на привитіе мирныхъ человѣчныхъ нравовъ двуногому звѣрю, не вѣдавшему другихъ позы-

вовъ кромѣ грабежа и убійства, которые сѣяли съ мучительнымъ трудомъ среди повсемѣстной дичи варварскаго быта первыя сѣмена просвѣщенія, труда и порядка; человѣчество не должно забывать этихъ передовыхъ борцовъ своей цивилизаціи.

Китай воздвигъ Ели-Чуцаю статуи въ храмахъ своихъ, какъ богоподобному существу. Но никто не умѣлъ выразить такъ все великое историческое значеніе Ели-Чуцая, какъ наивныя слова о немъ китайской исторіи Ганъ-Му:

«Если бы не было тогда Ели-Чуцая, то неизвѣстно, что̀ послѣдовало бы съ родомъ человѣческимъ!»

Умеръ Ели-Чуцай вполнѣ достойно всей жизни своей.

Когда вдова хана Угедея ханша Наймачинь поручила всѣ дѣла своему любимцу Ульдуръ-Хамару и требовала отъ Ели-Чуцая, чтобы онъ приложилъ царскую печать къ одному изъ незаконныхъ распоряженій временщика, то Ели-Чуцай сказалъ твердо: «правительство имѣетъ законы въ руководство. Вы нынѣ желаете въ противность имъ. Я не смѣю исполнить ваши повелѣнія!»

Ханша приказала тогда отрубить руки каждому, кто не будетъ подписывать приказъ Ульдуръ-Хамара.

Ели-Чуцай сказалъ на это:

«Если дѣло не противно порядку, то я считаю обязаннымъ привести оное въ исполненіе, но если не должно производиться, то не буду уклоняться и отъ смерти; не говорю объ отсѣченіи рукъ».

Онъ тогда же заболѣлъ и умеръ отъ горя.

Заравшанъ, по-арабски, «разноситель золота», въ старину назывался у туземцевъ Когикъ, а у древнихъ греческихъ географовъ Политиметъ.

Его разливы хотя и нѣсколько разъ пересѣкали нашу дорогу, но, вопреки ожиданія, оказывались совсѣмъ мелкими. Только одинъ послѣдній главный рукавъ его, подъ горою Чапанъ-Ата, уже очень недалеко отъ Самарканда, надулся такъ,

что даже смѣльчаки-киргизы пришли въ раздумье. Здѣсь на берегу стоитъ кибитка съ сторожевыми киргизами, которые и перевозятъ путешественниковъ черезъ рѣку въ высокой арбѣ. Переправа въ экипажахъ буквально невозможна; мы убѣдились въ этомъ собственными глазами, отправивъ впередъ черезъ рѣку нашъ извѣдавшій всякія мытарства тарантасъ. Его налило водою по уши, и много разъ онъ былъ близокъ къ тому, чтобы нырнуть въ рѣку совсѣмъ съ головой, несмотря на то, что его провожали ловкіе верховые киргизы, поддерживавшіе его со стороны теченія за привязанныя къ осямъ веревки. Когда вещи были уложены въ арбу, и жена съ помощью моей и киргизовъ только-что взобралась въ нее сзади, чтобы усѣсться на своихъ чемоданахъ и подушкахъ, подбрюшный ремень, замѣняющій въ киргизской упряжкѣ нашъ черезсѣдельникъ, вдругъ лопнулъ, оглобли прянули вверхъ, потянувъ за собою оторопѣвшую лошадь,—и валкая двуколесная арба мгновенно перекинулась назадъ. Конечно, и жена, и чемоданы, и подушки, — все посыпалось на землю, и если бы мы не стояли тутъ же, пожалуй, дѣло не обошлось бы безъ серьезнаго ушиба. Сейчасъ же запрягли другую арбу, въ которую мы съ женою помѣстились уже безъ вещей, а вещи отправились отдѣльно въ первой арбѣ, которой упряжку скоро исправили...

Наша арба претерпѣла тоже не мало въ этой переправѣ. Паденіе воды здѣсь такъ быстро, что струи ея просто мелькаютъ передъ глазами. Вода этой «золотоносящей» рѣки—словно въ насмѣшку настоящая текучая грязь, до того она теперь мутна и черна; неровное каменное дно образуетъ на каждомъ шагу маленькіе водовороты, и чтобы устоять противъ этого сбивающаго съ ногъ напора водъ, лошадямъ необходимо идти грудью почти на встрѣчу потоку, перерѣзая рѣку вкось; отъ верченія и неистоваго стремленія пляшущихъ кругомъ водъ голова кружится, въ глазахъ рябитъ, и вамъ кажется, что и арбу, и лошадь, и всѣхъ насъ постоянно относитъ бокомъ внизъ по рѣкѣ; но это только иллюзія глазъ. Киргизъ-возница обманы-

ваетъ бѣшеную рѣку и, приближаясь къ противоположному берегу, вдругъ поворачиваетъ такъ, что арба какъ разъ выѣзжаетъ въ томъ мѣстѣ, которое ему нужно. Вода все время заливала оглобли арбы и изрѣдка поплескивала и къ намъ подъ ноги. Но все-таки мы переправились на ту сторону совсѣмъ сухіе, счастливые сознаніемъ, что это послѣдняя переправа въ бродъ, послѣдняя станція нашего «почтоваго» пути въ Туркестанѣ.

На той сторонѣ Заравшана высятся величественныя развалины громаднаго каменнаго моста. Это массивныя арки изъ маленькихъ, превосходно выжженныхъ кирпичиковъ, напоминающія своею смѣлостью и грандіозностью древнія римскія постройки. Уцѣлѣло всего двѣ арки, примыкающія къ горѣ, остальныя давно разрушены и разнесены волнами бѣшеной рѣки. Туземцы, конечно, считаютъ эти арки остатками Тамерланова моста. Кто же, кромѣ великаго Желѣзнаго Хромца, былъ бы въ силахъ перекинуть такой гигантскій и такой красивый мостъ черезъ разливы неукротимаго «разносителя золота»? А между тѣмъ историческія данныя называютъ строителемъ моста Абдуллу-хана, знаменитѣйшаго изъ династіи Шейбанидовъ, что, вѣроятно, не мало огорчило бы искреннихъ поклонниковъ Желѣзнаго Хромца, если бы они были способны повѣрить такой обидной для нихъ исторической справкѣ.

Гора, вѣнчающая Заравшанъ, живописно увѣнчана муллушкою мусульманскаго хаджи и какими-то развалинами. Этотъ старинный мазаръ собственно и далъ названіе горѣ Чапанъ-Ата. Чапанъ значитъ то же, что малороссійскій чобанъ, то-есть пастухъ, а ата—отецъ,—«отецъ пастуховъ».

Мусульманская легенда говоритъ, что на этомъ холмѣ остановились отдыхать три первыхъ арабскихъ миссіонера, пришедшіе сюда проповѣдывать исламъ. Они зарѣзали барана, сварили его и положили жребіемъ рѣшить, кому идти съ проповѣдью въ какую сторону. Хаджи, который здѣсь погребенъ и котораго прозвали потомъ «отецъ пастуховъ», вынулъ изъ котла баранью

голову, поэтому получилъ право перваго выбора. Онъ направился въ Самаркандъ. Второй его товарищъ вынулъ сердце барана и рѣшился возвратиться въ Мекку, третьему досталась задняя часть, и онъ пошелъ въ Багдадъ. Съ этихъ поръ Самаркандъ сталъ называться головою ислама, а Мекка его сердцемъ. На горѣ Чапанъ-Ата стояла когда-то и знаменитая обсерваторія Улугъ-Бега, внука Тимурова; здѣсь вычислялись и его астрономическія таблицы. А въ нѣдрахъ горы—ломка прекраснаго камня, который, кажется, самъ просится въ устои моста.

Русское національное самолюбіе требуетъ этого прежде всего, не говоря уже о томъ безразсудномъ рискѣ которому мы подвергаемъ, кромѣ обыкновенныхъ проѣзжихъ, своихъ губернаторовъ, генераловъ и всякое здѣшнее начальство, заставляя ихъ при каждомъ проѣздѣ по дѣламъ службы купаться съ опасностью жизни въ этомъ бѣшеномъ потокѣ.

Впрочемъ, этотъ досадный намъ «бѣшеный» потокъ—величайшее благословеніе цѣлаго края и недаромъ издревле называется туземцами «разносителемъ золота». Это буквально поилецъ и кормилецъ всей обширной Бухарской равнины, этого сердца центральной Азіи, обратившій ее въ земной рай своего рода.

Заравшанъ собираетъ свои воды изъ ледниковъ Тянь-Шаня, въ той части его, которая носитъ теперь названіе Кашгаръ-Давалъ, въ большое Черное озеро, Искендеръ-Куль, окрещенное до сихъ поръ священнымъ для азіатовъ именемъ великаго македонскаго завоевателя, проводившаго черезъ эти мѣстности свои непобѣдимыя фаланги.

До горы Чапанъ-Ата Заравшанъ течетъ однимъ русломъ, но у Чапанъ-Ата устроена старинная плотина, которая разбиваетъ воду Заравшана на два большихъ рукава: Акъ-Дарью, или Бѣлую рѣку, и Кара-Дарью—Черную рѣку.

Акъ-Дарья собственно и есть естественное продолженіе Заравшана, питающее своими водами большую половину Заравшанской долины, между прочимъ и городъ Бухару.

Русло же Кара-Дарьи устроено руками человѣка, хотя и очень давно, и поэтому значительно меньше Акъ-Дарьи. Издревле же установилась и цѣлая сложная система арыковъ для проведенія водъ Заравшана въ каждый уголокъ каждаго поля, сада и огорода этой кишащей плодородіемъ страны. Глубокіе и широкіе каналы. изъ которыхъ иные имѣютъ до 10-ти саженъ ширины и по виду своему похожи на порядочныя рѣки,—разносятъ воду въ хитросплетенную сѣть болѣе мелкихъ арыковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ кишлакамъ. Нужно было воспитать въ себѣ тысячелѣтіями то изумительное искусство проводить воду всюду, гдѣ она нужна, такъ просто, удобно и дешево, какъ умѣютъ проводить ее мѣстные жители, унаслѣдовавшіе, повидимому, оросительный талантъ древнихъ туземныхъ народовъ, бактрійцевъ и согдовъ. Никакіе математическіе разсчеты нашихъ инженеровъ не могутъ въ этомъ случаѣ сравниться съ безошибочнымъ чутьемъ мѣстнаго жителя, который, по признанію самихъ спеціалистовъ нашихъ, безъ всякихъ нивелировъ и другихъ геодезическихъ инструментовъ, заставляетъ воду течь туда, куда мы никакимъ образомъ не ухитримся направить ее.

Каждый кишлакъ, каждый хозяинъ кишлака имѣютъ точно опредѣленныя права, когда и насколько времени могутъ они пользоваться водою предназначеннаго имъ арыка, заливая ею время отъ времени борозды своего поля. Жители изстари привыкли съ такимъ благоговѣніемъ относиться къ этому праву воды, безъ котораго немыслима здѣсь ни жизнь, ни хозяйство, что о самовольныхъ нарушеніяхъ сосѣдями строго установленнаго распредѣленія водныхъ правъ каждаго хозяина почти никогда здѣсь не слышно. Напротивъ того, общій арыкъ могучимъ образомъ объединяетъ и сближаетъ жителей его береговъ которые невольно устанавливаютъ между собою своего рода общинную жизнь, имѣя одни и тѣ же интересы, исполняя однѣ и тѣ же обязанности и защищая одинаковыя права. Каждый годъ два раза требуется по нѣскольку десятковъ тысячъ рабочихъ чтобы поправлять большую плотину, раздѣляющую Акъ-Дарью отъ

Кара-Дарьи, и эти рабочіе наряжаются сообща всѣми кишлаками, поля которыхъ орошаются этими рѣчками. Точно такими же совмѣстными усиліями жителей производятся всѣ работы, необходимыя для поддержанія второстепенныхъ плотинъ и арыковъ; въ теченіе столѣтій выработались на этотъ счетъ подробныя и точныя правила, строго всѣми соблюдаемыя. Вода, орошеніе поля имѣютъ такое подавляющее значеніе въ хозяйствѣ и жизни этихъ сухихъ горячихъ равнинъ, что владѣтель верхняго теченія рѣки, располагающій главнымъ притокомъ ея водъ, невольно дѣлается грозою страны, лежащей ниже и вынужденной жить водами той же рѣки. Во многихъ случаяхъ такое роковое положеніе дѣлъ вызываетъ прямое господство верхнихъ областей рѣки надъ нижними. Въ этомъ смыслѣ завоеваніе русскими Самарканда и съ нимъ вмѣстѣ жизненнаго узла Заравшана, плотины Чапанъ-Ата, откуда онъ посылаетъ свои «золотоносныя» струи въ Бухару и другіе низовые города, само собою отдало въ наши руки все Бухарское ханство, по крайней мѣрѣ ту неистощимую житницу его, которая лежитъ по берегамъ, притокамъ и арыкамъ Заравшана, отъ Самарканда до Бухары, и называется Міанкальскою долиною,—въ томъ числѣ и саму правовѣрную столицу бухарскихъ эмировъ, — «Бухараель-Шерифъ».

Благодаря постоянному обильному орошенію Заравшана, Міанкальская долина—одинъ сплошной роскошный садъ; когда озираешь ее сверху, съ гребня какой-нибудь сосѣдней возвышенности, она течетъ и вьется среди ровной степи, словно какая-то широкая темнозеленая рѣка. Кишлаки идутъ за кишлаками, одинъ многолюднѣе, одинъ богаче другого, почти безъ перерыва утопая въ этихъ густыхъ садахъ, окаймленные правильными четырехъугольниками полей, обработанныхъ, какъ самый превосходный огородъ, и ярко зеленѣющими лугами клевера. Ни одинъ клочекъ земли не гуляетъ безъ какого-нибудь дорогого и выгоднаго растенія. Тутъ все: табакъ, рисъ, хлопчатникъ, кукуруза, дыни; тутъ шелковица и виноградъ, персикъ и фисташка...

Неурожаевъ тутъ не бываетъ, потому что засуха невозможна, и всякій хозяинъ съ увѣренностью можетъ разсчитывать на предположеный имъ доходъ съ своего участка земли. Поэтому здѣшнее земледѣліе нисколько не похоже на ту рискованную игру, какую мы ведемъ на нашихъ черноземныхъ поляхъ, всецѣло зависящихъ отъ случайностей атмосферы.

Обычай орошать свои сады и поля водами рѣки, несомнѣнно. наслѣдіе глубочайшей древности.

Въ Библіи, въ книгѣ пророка Іезекіиля, говорится, повидимому, про тѣ самыя страны Средней Азіи, которыя, подобно нынѣшней Бухарѣ, входили въ составъ Ассирійской, Мидійской и потомъ Персидской монархіи, и уже тогда не могли производить ничего безъ помощи арыковъ:

«Вотъ Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ съ красивыми вѣтвями и тѣнистою листвою, высокій ростомъ... *Воды ростили его, бездна поднимала его, рѣки ея окружали питомникъ его, и она проточки свои посылала ко всѣмъ деревамъ полевымъ*».

У Геродота есть одно мѣсто, которое также подтверждаетъ существованіе въ его время оросительныхъ работъ въ Азіи и еще очевиднѣе относится къ Туркестану, скорѣе всего именно къ Заравшанской долинѣ:

«Въ Азіи, — говоритъ греческій историкъ,—есть такая равнина, которая по всѣмъ сторонамъ горами смыкается. Но горы имѣютъ пять прорѣзовъ. Сія равнина прежде всего принадлежала хорасміянамъ, живущимъ на горахъ, также ирканіенамъ, парѳянамъ, сорангеямъ и ѳоманіянамъ. Но съ тѣхъ поръ какъ персы владѣть начали, принадлежитъ она царю. Изъ лежащихъ вокругъ горъ выходитъ великая рѣка *Акъ*, именуемая (Акъ-Дарья, т.-е. Заравшанъ). Оная *напояла прежде сего земли всѣхъ вышеобъявленныхъ народовъ, будучи проведена прорѣзами особливо во всякій народъ*. А когда досталась она персамъ, долженствуетъ такую терпѣть нужду: у прорѣзовъ горъ сдѣлалъ царь плотины и заставки. Какъ водъ выходъ заперъ, ровное мѣсто внутри горъ стало озеромъ, потому что рѣки туда впадаютъ, но не

имѣютъ выхода оттуда. Итакъ, до сего водою пользовавшіеся претерпѣваютъ нынѣ великій вредъ. Ибо хотя зимою Богъ и даетъ имъ дождь, какъ и прочимъ людямъ, но лѣтомъ, когда они *просо и кунжутъ сѣютъ*, недостатокъ имѣютъ въ водѣ. Итакъ, если имъ недостаетъ воды приходятъ они сами и жены ихъ въ Персію, и, приступая ко двору царскому, вопятъ и плачутъ. Тогда *повелѣваетъ царь отворить шлюзы тѣмъ, которые имѣютъ великую нужду въ водѣ. Напоивши довольно ихъ землю, запираютъ оные опять и отворяютъ другіе для другихъ*, имѣющихъ въ водѣ крайнюю нужду. Симъ отверстіемъ, какъ я слышалъ, достаетъ онъ, опричь податей, много денегъ. Такимъ порядкомъ сіе происходитъ».

Трудно сомнѣваться, что эти пять «прорѣзовъ» Геродота — просто на просто пять главныхъ каналовъ, на которые прежде всего раздѣлялась рѣка Акъ, теперешній Заравшанъ, и изъ которыхъ уже расходились во всѣ стороны другіе мелкіе каналы. Очевидно, персидскіе цари ввели болѣе правильную систему въ пользованіи водою и обложили это пользованіе извѣстною пошлиною, которая потребовала надзора и мѣръ строгости, и, конечно, вызвала въ народѣ вопли недовольства, дошедшіе до слуха любознательнаго греческаго историка.

Что древніе завователи и владыки Средней Азіи вообще не упускали забирать въ свои руки эту главную артерію мѣстной жизни и извлекать изъ нея возможно бо̀льшій доходъ, разумѣется само собою.

Конечно, въ этомъ смыслѣ нужно понимать слова пророка Іезекіиля въ томъ полномъ высокой поэзіи разсказѣ его объ Ассурѣ, на который мы только-что ссылались:

«За то, что ты высокъ сталъ ростомъ и вершину твою выставилъ среди толстыхъ сучьевъ, и сердце его возгордилось величіемъ его. *За то я отдалъ его въ руки властителю народовъ; онъ поступилъ съ нимъ какъ надобно;* за беззаконіе его я отвергъ его. Я сдѣлалъ сѣтованіе объ немъ, затворилъ ради его бездну

и остановилъ рѣки его, и задержалъ большія воды, и омрачилъ по немъ Ливанъ, и *всѣ дерева полевыя были въ унынiи по немъ*».

Іезекіиль жилъ ранѣе Геродота, въ 6-мъ вѣкѣ до Р. Хр., во времена Навуходоносора; въ этомъ же вѣкѣ посѣтилъ среднеазіатскія пустыни, проѣздомъ изъ Экбатаны, то-есть Мидіи, въ Индію знаменитый греческій математикъ и философъ Пиѳагоръ, который тоже упоминаетъ объ орошеніи среднеазіатскихъ земель.

«Мы разсматривали Артоксану, столицу государства Арійскаго, получившаго имя свое и *изобилiе отъ рѣки Арiя,* протекающей близъ *озера Зере, которое напояетъ земли Зарангейскія*». Какъ ни соблазнительно сходство названій озера Зере и земли Зара-нгейскія съ Зара (или Зере)вшаномъ, но тѣмъ не менѣе нужно думать, что Пиѳагоръ скорѣе говоритъ здѣсь о рѣкѣ *Гери-рудъ* и теперешнемъ Мервскомъ оазисѣ, тѣмъ болѣе, что онъ, предпринявъ путешествіе въ Индію «черезъ сѣверныя пустыни», уклонился нѣсколько *къ югу, чтобы избѣжать песковъ,* окружающихъ границы Гедрозіи и Арахозіи».

Водамъ Заравшана Туркестанъ былъ главнымъ образомъ обязанъ тѣмъ, что въ древнѣйшія времена онъ считался одною изъ богатѣйшихъ мѣстностей Азіи. По словамъ Геродота, онъ составлялъ при Даріи Гистаспѣ двѣ лучшихъ сатрапіи Персидскаго царства, 14-ю и 16-ю. Четырнадцатую населяли главнымъ образомъ *сара*нгеяне, или зарангеяне, народъ напоминающій своимъ именемъ и *сар*товъ, и *Зара*вшанъ. Эта сатрапія была третьею во всей громадной монархіи Дарія по количеству податей, которыя она выплачивала царю.

Вмѣстѣ съ 16-й сатрапіей, населенной хоразмiянами (Хоразмъ, или Ховарезмъ — теперешняя Хива) и парѳянами, эти двѣ области вносили ежегодно 900 талантовъ серебра, между тѣмъ какъ прославленный своимъ обиліемъ Египетъ уплачивалъ только 700 талантовъ.

Впрочемъ, Заравшанъ служилъ въ древности не только для орошенія полей, но еще и важнымъ торговымъ путемъ. Въ настоящее время онъ немного не доходитъ до Аму-Дарьи, те-

ряясь въ пескахъ, болотахъ и небольшомъ озерѣ Денгизъ. Но въ прежнее время, когда воды его были несравненно обильнѣе, онъ составлялъ естественный путь для товаровъ всякаго рода, направлявшихся изъ горныхъ мѣстностей и плодородныхъ долинъ внутренняго Туркестана къ великому теченію Оксуса.

Самаркандъ и окрестные города издревле стали крупными рынками для торговли запада съ Китаемъ и Индіей, поэтому китайскіе и индѣйскіе товары шли въ Европу частью прямо по Оксусу, частью по Заравшану и потомъ по Оксусу.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Оксусъ нѣсколько столѣтій тому назадъ впадалъ не только въ Аральское, но и въ Каспійское море.

Римскій географъ Страбонъ положительнымъ образомъ говоритъ о томъ, что самые значительные товары сплавлялись по Оксусу къ Гирканскому (т.-е. Каспійскому) морю, а оттуда въ Евксинское море, конечно, черезъ Куру и Ріонъ. А существованіе до сего времени Узбоя, стараго русла Аму-Дарьи, впадающаго въ Каспій при Красноводскомъ заливѣ,—можетъ убѣдить въ этомъ историческомъ фактѣ всякаго, кто незнакомъ съ книжными свидѣтельствами объ этомъ древнихъ писателей.

Китайскій путешественникъ Чжанъ-Кань посѣтилъ Туркестанъ во 2-мъ вѣкѣ до Рожд. Хр. въ качествѣ посланника къ тогдашнимъ туркестанскимъ властямъ, и на основаніи его донесеній составлена была первая китайская исторія Туркестана. Исторія эта описываетъ, между прочимъ, одно изъ туркестанскихъ владѣній Аньси, съ главнымъ городомъ Паньду, на р. Гуй-Шуй; населеніе тамъ было сплошное и насчитывалось до 100 большихъ и малыхъ городовъ; а жители его вели «*торговлю съ сосѣдями и сухимъ, и водянымъ путемъ даже за нѣсколько тысячъ ли*». Это описаніе особенно напоминаетъ собою долину рѣки Заравшана, когда она сохраняла еще свою былую связь съ Аму-Дарьей.

За Заравшаномъ до самаго Самарканда идутъ желтоватые, глинисто-песчаные холмы, которые въ эту минуту усѣяны сидящими, бѣгающими и играющими овражками. Здѣшніе овражки не пятнистые, въ мелкомъ горошкѣ, какъ у насъ, въ Новороссіи, а сѣровато-желтенькіе, одноцвѣтные, съ пушистыми хвостиками, которые волокутся за ними по землѣ. Они притомъ много жирнѣе, тяжелѣе и неповоротливѣе нашихъ. Повидимому, никто не трогаетъ ихъ здѣсь, не мѣшаетъ имъ плодиться и толстѣть. По крайней мѣрѣ, они не обнаруживаютъ никакого волненія при приближеніи нашего тарантаса, а продолжаютъ себѣ спокойно торчать свѣчками надъ своими норками, усѣвшись на заднихъ лапкахъ и потѣшно сложивъ на груди, словно чинныя дѣти, свои коротенькія переднія лапки. Другіе также спокойно бѣгаютъ взапуски другъ за другомъ, дерутся, пищатъ, кувыркаются, и стремглавъ, будто для собственной забавы, опрокидываются, головой внизъ, хвостикомъ вверхъ, въ свои подземныя норки. Ихъ тутъ—числа нѣтъ!..

При въѣздѣ въ Самаркандъ приходится спуститься по крутой горѣ къ превосходному и довольно длинному каменистому мосту черезъ глубокій оврагъ, прорѣзанный древнимъ арыкомъ, и потомъ подняться на такую же крутую и длинную гору. Киргизскія лошади взлетѣли однако на нее вскачь вмѣстѣ съ тяжелымъ тарантасомъ. Удивительныя легкія, удивительная выносливость! Видъ съ моста на провалы арыка, на всю эту лежащую у нашихъ ногъ узкую, обрывистую трещину, заросшую старыми садами, застроенную восточными домами,— чрезвычайно живописенъ. Но когда поднимешься на гору, тамъ сейчасъ же охватываетъ васъ совсѣмъ другой пейзажъ: безотрадные печальные холмы, сплошь покрытые безчисленными сартскими могилами, тысячами глиняныхъ кучъ, напоминающихъ муравьиныя кочки, съ изрѣдка разбросанными среди нихъ каменными горбушками гробницъ, да одинокими мазарами, пріосѣненными конскими хвостами и разноцвѣтными тряпками на высокихъ шестахъ.

Самаркандъ, какъ всѣ мусульманскіе города востока, обсыпанъ кругомъ своими кладбищами.

Тѣмъ поразительнѣе послѣ этихъ пустынныхъ вершинъ спускъ въ Самаркандъ. Сверху онъ виденъ весь, съ своими садами, базарами, мечетями, развалинами. Онъ кажется отсюда очень небольшимъ. Всѣ его знаменитыя постройки словно сбиты въ одну кучу. Издали уже сверкаютъ и изумляютъ взоръ своими голубыми фаянсовыми куполами полуразбитые колоссы его историческихъ мечетей и медрессе, возвышающіеся надъ хаосомъ ничтожныхъ плоскокрышихъ домишекъ, какъ уцѣлѣвшіе сторожевые богатыри среди поверженной въ прахъ рати. Сейчасъ же при въѣздѣ, налѣво отъ насъ, въ пазухѣ горнаго склона, пріютилась самая живописная и характерная изъ всѣхъ древнихъ построекъ Самарканда,—мусульманскій монастырекъ своего рода, Шахъ-Зинде, съ своими многочисленными изящными куполъчиками и башенками, сходящими словно по ступенямъ лѣстницы внизъ горы. Немного дальше Шахъ-Зинде, прямо противъ насъ, за базарной площадью, обстроенною по-русски лавченками и галлереями домовъ, загроможденною верблюдами, арбами, народомъ, высятся чудныя развалины мечети *Биби-Ханымъ*, нѣкогда самаго художественнаго созданія изъ всѣхъ архитектурныхъ знаменитостей Тамерланова города. Еще глубже, въ самомъ центрѣ города, скучились другъ противъ друга по тремъ сторонамъ одной и той же площади три громадныя медрессе, со своими гигантскими минаретами, составляющія главную славу и главное украшеніе Самарканда. И наконецъ еще дальше, на противоположномъ концѣ города, свѣтится своею свѣтло-голубою круглою шапкою уединенная мечеть Тамерлановой гробницы.

Тарантасъ нашъ уже гремитъ по каменистымъ улицамъ Тимурова города и прорѣзаетъ его насквозь, направляясь въ роскошныя зеленыя аллеи русскаго Самарканда, такъ мало похожія своимъ широкимъ просторомъ и чистымъ воздухомъ на тѣсные вонючіе закоулки азіатскаго города.

ЧЕНИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ПЕРВОЙ МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

IV.

Медресе Ригистана.

Улицы, лавки, базарная толпа туземнаго Самарканда уже не представляютъ собою ничего новаго послѣ Бухары, Ташкента, Кокана, Маргелана. Куда ни глянешь, вездѣ слишкомъ знакомые типы, картины и сцены. Въ Самаркандѣ къ тому же нѣтъ тѣхъ громадныхъ крытыхъ базаровъ, которыми славятся другіе большіе города Туркестана, и въ которыхъ обыкновенно сосредоточиваются самыя характерныя черты жизни среднеазіатскаго города.

Но за то, когда вы всползете въ своей извощичьей колясочкѣ,—величаемой вездѣ у насъ на югѣ фаэтономъ,—изъ зеленыхъ садовъ русскаго города, черезъ узкую и грязноватую базарную улицу, въ самое нутро туземнаго города и очутитесь среди четырехъ-угольной площади, кишащей чалмами и халатами, — вы сразу поймете, почему городъ Тимура пользуется такою давнею и повсемѣстною славой, и зачѣмъ съ такимъ любопытствомъ стремятся въ него путешественники по Средней Азіи.

Вы въ Ригистанѣ, сердцѣ Самарканда. Тутъ кругомъ главныя святыни его, его слава, его ученость, его богатство; на этой царственной площади объявлялись народу милость и кара жестокаго властителя; производились всенародныя казни, провозглашалась война, сообщались вѣсти о побѣдахъ и пораженіяхъ, шумными пиршествами и ликованіями праздновались счастливыя событія ханства. И до сихъ поръ Ригистанъ сохранилъ въ нѣкоторой степени это значеніе широкой народной трибуны, своего рода Аѳинской агоры, гдѣ самодѣльные ораторы, богословы и политики не перестаютъ по-своему поучать народъ, жаждущій новостей всякаго рода, и гдѣ вѣсти изъ самыхъ далекихъ угловъ Азіи распространяются бродячими дервишами и смѣлыми торга-

шами, переплывающими на своихъ четвереногихъ корабляхъ безбрежныя пустыни, — быстрѣе всякихъ телеграфовъ и телефоновъ.

Недавно еще раздавали народу на этой площади такъ называемый «царскій пилавъ» бухарскаго эмира, для котораго тутъ же на открытомъ воздухѣ варились въ котлахъ нарубленные въ куски бараны, облитые бараньимъ жиромъ, мѣшки риса и моркови, въ то самое время, какъ рядомъ съ этими апетитно пахнувшими котлами торчали колы съ головами казненныхъ людей, и палачи рѣзали горла попавшимъ въ плѣнъ врагамъ совершенно такъ же, какъ тѣмъ баранамъ, изъ которыхъ готовили «царскій пилавъ»...

По срединѣ площади—могильный камень какого-то хазрета (святого), увѣнчанный знаменами и, очевидно, глубоко чтимый. Вокругъ него суевѣрные наѣздники степей, туркмены, узбеки, киргизы, обводятъ по три раза своихъ больныхъ лошадей, чтобы получить исцѣленіе ихъ молитвами святого, вѣроятно, тоже одного изъ древнихъ наѣзниковъ степей, положившаго душу свою на защиту ислама.

Прежде, при эмирахъ, вся площадь была застроена лавками. Но, къ счастью, большой пожаръ въ первый же годъ русскаго владычества очень кстати истребилъ всѣ эти клѣтушки и мазанки, а русское начальство уже не позволило больше загромождать единственную сколько-нибудь просторную площадь города. Черезъ эту расчистку Ригистана особенно выиграли окружающія его знаменитыя медрессе, составляющія теперь главную славу и привлекательность Тимурова города. Поднимешь на нихъ глаза, и окаменѣешь на мѣстѣ.

Съ трехъ сторонъ Ригистана—поднимаются эти чудные колоссы древнихъ медрессе.

Въ срединѣ «Золотая мечеть»—«Тилла-Кари», — налѣво отъ нея «Ширъ-Даръ», и направо—мечеть «Улугъ-Бега».

Всѣ они какъ будто одинаковы и размѣрами, и архитектурнымъ стилемъ своимъ, и отдѣлкою подробностей. Но всмотри-

тесь ближе, — и вы поразитесь изумительнымъ разнообразіемъ частностей, своеобразностію художественнаго замысла каждой изъ нихъ.

Тилла-Кари сохранилась лучше всѣхъ изъ нихъ и, кажется, всегда была самая богатая, самая красивая. «Тилла»—бухарская золотая монета, равная 4-мъ рублямъ, и «тилла-кари» собственно значитъ «крытая золотыми монетами». Это назнаніе, конечно,— обычные цвѣты восточнаго краснорѣчія; но во всякомъ случаѣ, если купола этой исторической мечети и въ самомъ дѣлѣ были когда-нибудь покрыты тиллами, то Самаркандъ грабили съ тѣхъ поръ столько разъ и его собственные междоусобствующіе правители, и многочисленные внѣшніе враги, что никакая высота минаретовъ и стѣнъ его не могли бы предохранить отъ расхищенія эту для всѣхъ соблазнительную золотую покрышку его.

Я уже не разъ описывалъ въ прежнихъ очеркахъ моего туркестанскаго путешествія впечатлѣніе своеобразной среднеазіатской архитектуры. Въ Самаркандѣ я ее встрѣчаю не въ первый разъ. Я уже ранѣе наслаждался мечетями Бухары и знаменитою урдою кокандскаго хана. И тѣмъ не менѣе я пораженъ и подавленъ этими обступившими меня чудесами свѣта своего рода.

Колоссальная стѣна, словно цѣликомъ вылитая изъ пестраго голубого фарфора, поднимается надъ вашею головою, образуя въ своей серединѣ такой же громадный альковъ чудной формы,— гигантскія сомкнутыя ворота, въ таинственныя сѣни молитвы. Это такъ называемый «пикъ-ташъ», характерная и вездѣ здѣсь господствующая форма арабо-персидской архитектуры.

Этотъ сверкающій альковъ, въ свою очередь, весь въ маленькихъ альковчикахъ и нишахъ, удивительно кстати разнообразящихъ его слишкомъ обширный и однообразный обхватъ.

Изящныя голубыя колонки, легко, будто затѣйливо сплетенные снурки, взбѣгаютъ по угламъ стѣны, по очертаніямъ алькововъ, до граненыхъ карнизовъ, тройнымъ монистомъ опоясывающихъ вершину стѣны. А съ обѣихъ сторонъ ея подни-

маются высоко въ синее небо такіе же пестро-голубые, такіе же ослѣпительно сверкающіе своими фаянсовыми изразцами, — стройные круглые минареты, будто два могучія кверху парящія крыла. Минареты эти увиты, словно гирляндами цвѣтовъ, вплоть до самыхъ фарфоровыхъ куполовъ своихъ, голубыми, синими, желтоватыми и зеленоватыми фарфоровыми изразцами, а круглыя шейки ихъ обмотаны тройною строкою корана, такъ же писанною темно-синимъ фарфоромъ.

И медрессе Тилла-Кари, и Ширъ-Даръ, и Улугъ-Бегъ всѣ кажутся фарфоровыми. Они гладки, какъ фарфоръ, они сверкаютъ на солнцѣ, какъ фарфоръ, подъ своею стеклянною глазурью, они расписаны весело и красиво, какъ драгоцѣнная фарфоровая игрушка.

Чудная игрушка, которая поднимается своими куполами и башнями выше нашихъ колоколенъ, которая заслоняетъ своимъ величественнымъ ослѣпительнымъ фасадомъ всю сторону площади, которая охватываетъ цѣлые кварталы сплошнымъ кольцомъ своихъ келій, галлерей и мечетей.

Искусно полированные изразцы, которыми выложены эти чудныя зданія древности, расписаны то голубыми, то синими и зеленоватыми арабесками по бѣлому, а изрѣдка желтому полю, то, наоборотъ, бѣлыми арабесками по синему и голубому полю. Каждая башенка минарета, каждый поясъ стѣны имѣютъ свой особый замысловатый узоръ, безпрестанно мѣняющійся, которымъ не налюбуется очарованный глазъ. Это такъ не похоже на все то, что привыкъ вездѣ видѣть, это такъ ласкаетъ вкусъ и взоръ художественнымъ ладомъ линій и красокъ, при всей ихъ восточной пестротѣ, затѣйливости и неожиданности. Смѣлыя архитектурныя линіи этихъ своеобразныхъ построекъ удивительно отвѣчаютъ фантастическимъ изгибамъ узора, а бирюзовый цвѣтъ фарфоровыхъ куполовъ и купольчиковъ, вѣнчающихъ, словно архіерейскими митрами, мечети и минареты ихъ, кажется, окрашиваетъ этимъ нѣжнымъ голубымъ колеромъ, будто послѣдній ударъ художественной кисти, всѣ эти сверкаю-

щія громады, исписанныя сверху до низу бѣло-голубыми и синевато-зелеными загадочными письменами.

Подавляющая громадность, съ одной стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то хрустальная легкость и прозрачность этихъ несравненныхъ созданій ислама—вводятъ непривычный глазъ въ совершенную иллюзію; чудится, будто созерцаешь не грубое построеніе рукъ человѣческихъ, а фантастическіе чертоги арабской волшебной сказки,—одно изъ чарующихъ сновидѣній «Тысячи и одной ночи»...

Описать перомъ ихъ впечатлѣніе на душу художника такъ же невозможно, какъ передать его карандашомъ, фотографіею или кистью... Эту громадность, этотъ радостный блескъ, эту ликующую красоту художественнаго созданія — не умѣстишь на листѣ бумаги, на кускѣ холста, не уловишь мазкомъ тусклой краски.

Сверкающіе изразцы, которыми одѣты будто драгоцѣннымъ ковромъ знаменитыя самаркандскія медрессе, приготовлялись въ Персіи персидскими мастерами, которые во множествѣ выписывались сюда Тимуромъ и его преемниками, строителями этихъ медрессе... «Желѣзный Хромецъ» чрезвычайно дорожилъ всякими искусниками въ полезныхъ ремеслахъ, учеными и художниками своего времени. Завоевывая азіатскія страны, разрушая царства и безпощадно истребляя ихъ населеніе, Тимуръ въ то же время осыпалъ своими милостями и заботливо охранялъ безопасность какого-нибудь прославленнаго богослова или астролога и переселялъ, не жалѣя никакихъ расходовъ, въ свою любимую столицу, въ «земной рай» Самарканда, искусныхъ рѣзчиковъ, серебряниковъ, каменщиковъ, столяровъ, садовниковъ, ткачей, оружейниковъ.

Въ этомъ онъ подражалъ другому великому монгольскому завоевателю—Чингизъ-Хану, передъ дѣяніями котораго Тимуръ всегда благоговѣлъ и постоянно бралъ ихъ себѣ въ образецъ. Какъ Чингизъ посылалъ въ свою далекую китайскую столицу садовниковъ и ткачей изъ завоеванныхъ странъ, такъ и Тимуръ

вывезъ въ Самаркандъ лучшихъ ткачей ковровъ и шелковыхъ матерій изъ Дамаска и Индіи, мастеровъ бумажныхъ матерій изъ Алеппо, портныхъ изъ Ангоры, ювелировъ изъ Турціи и Грузіи; знаменитые зодчіе, собранные изъ Индіи, Шираза, Испагани, Дамаска, обязаны были строить великія зданія, мечети, академіи, дворцы, мавзолеи,—во славу великихъ побѣдъ Тимура или въ память дорогихъ ему людей, въ разныхъ городахъ его необъятной имперіи, но особенно въ его родномъ городѣ Кешѣ, теперешнемъ Шехри-Зябѣ, гдѣ были похоронены его родители, и Самаркандѣ, любимомъ прабываніи его самого и его многочисленныхъ женъ.

Приготовленіемъ фаянсовыхъ изразцовъ для украшенія зданій прославился въ Персіи особенно городъ Кашанъ, который и до сихъ поръ сохранилъ свою старую репутацію и свое старое ремесло.

Поэтому и самые изразцы эти самаркандцы называютъ, по старой привычкѣ, «каши». Но ученые историки архитектуры увѣряютъ, что Персія унаслѣдовала обычай украшать свои храмы и дворцы несгораемыми матеріалами и негніючими фарфоровыми коврами и вѣнчать ихъ цвѣтными фарфоровыми шапками,—еще отъ древнихъ ассирійцевъ, загадочная цивилизація которыхъ теряется въ доисторическомъ мракѣ.

Какъ-то не смѣло входитъ непривычный человѣкъ подъ величественную арку этихъ колоссальныхъ воротъ алькова. Маленькія дверочки, которыхъ сначала даже не замѣчаешь, среди пестраго убранства «пикъ-таша», среди изящныхъ углубленій и выступовъ его нижняго пояса,—ведутъ васъ черезъ характерные и живописные сводистые притворы, изукрашенные каменною рѣзьбою,—внутрь двора, просторнаго, какъ площадь, голаго, какъ пустыня. Тамъ тишина монастыря. Да это и есть мусульманскій монастырь своего рода. Четыре великолѣпные пикъ-таша,—стѣны-альковы, — безмолвными громадами поднимаются со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, одѣтые въ тѣ же

сплошныя сверкающія брони изъ голубой и синей фаянсовой глазури, какъ и наружный фасадъ медрессе, и увѣнчанные вздутыми, какъ дыни и какъ дыня рубчатыми куполами, голубой эмали.

Только альковы ихъ много глубже наружнаго. Внутри лѣваго алькова—мечеть съ киблою и небольшою каѳедрою.

Въ ней же стояла толпа молящихся. Въ противуположность нашимъ православнымъ храмамъ,—весьма впрочемъ не лестную для нихъ,—турецкая мечеть всегда полна тишины и благоговѣнія. Молящіеся стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, какъ бы передъ лицомъ незримаго Бога, безшумно воздымая руки горѣ, безшумно простираясь ницъ по направленію священной для нихъ Каабы, обозначаемой углубленіемъ киблы. Никто не позволяетъ себѣ оглядываться на сосѣдей, никто не смѣетъ произнести слова, помимо словъ молитвы. Ковры и войлоки, покрывающіе обыкновенно полъ мечети, и трогательный обычай мусульманъ снимать съ ногъ грязную обувь передъ входомъ въ мечеть,—еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе благоговѣйной тишины, столь приличествующей дому молитвы и столь необходимой для него.

Мнѣ невольно пришли на память, при видѣ этихъ беззвучно ступающихъ по коврамъ босыхъ ногъ, этихъ оставленныхъ у порога многочисленныхъ башмаковъ и туфель, выразительныя въ своей величественной простотѣ слова древней книги Моисеева Пятикнижія:

«И сказалъ Богъ: не подходи сюда; сними обувь твою съ ногъ твоихъ; ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, есть земля святая».

Въ главной мечети въ глубинѣ двора, прямо противъ входа, кибла еще сохранила на своей изящной отдѣлкѣ слѣды прежней позолоты, и есть основаніе думать, что названіе, «Тилла-Кари», «Золотой мечети«—обязано именно этимъ нѣкогда золотымъ киблямъ древняго медрессе.

Тилла-Кари воздвигнута узбекскимъ героемъ 17-го столѣтія Ялангъ-Ташъ-Багадуромъ, визиремъ имама Кули-хана, тѣмъ самымъ, который построилъ и лѣваго сосѣда ея, медрессе Ширъ-Даръ, изъ похищенныхъ при разореніи Мешеда обломковъ священной для мусульманъ гробницы имама Ризы.

Ялангъ-Ташъ, по примѣру Тимура, щедро одарилъ доходными землями построенныя имъ духовныя академіи; богатые вакуфы Тилла-Кари и Ширъ-Дара теперь занимаютъ все пространство между Нурпаемъ и горами Тимъ-Дагъ, къ юго-западу отъ города Катты-Кургана. На счетъ этихъ доходовъ содержится ежегодно 112 софтъ въ Тилла-Кари и 120 софтъ въ Ширъ-Дарѣ.

На каждыхъ двухъ софтъ полагается отдѣльная комната съ кухонкой. Такихъ комнатъ въ Тилла-Кари 56, въ Ширъ-Дарѣ 64.

Эти келіи мусульманскихъ богослововъ расположены въ два этажа, занимая собою всю окружность двора отъ одной мечети-портала до другой. Ихъ дверочки и окошечки съ оригинальными ставенками, разукрашенныя восточною рѣзьбою, всѣ выходятъ внутрь двора, образуя собою какъ бы двухъярусную круговую галлерею, а со стороны улицъ высятся только сплошныя, фаянсомъ одѣтыя, стѣны, недоступныя, какъ крѣпость.

На уютныхъ балкончикахъ въ амбразурѣ окошекъ мирно сидятъ, поджавъ ноги, отдыхающіе софты въ красныхъ и бѣлыхъ чалмахъ, многіе уже съ длинными и даже сѣдыми бородами, какъ подобаетъ истому муллѣ.

Мы заглянули въ кельи нѣкоторыхъ, чтобы полюбоваться строгимъ порядкомъ и чистотою ихъ скромнаго, истинно монашескаго убранства.

Ширъ-Даръ и Улугъ-Бегъ устроены внутри приблизительно такъ же, какъ и Тилла-Кари. «Ширъ-Даръ» значитъ «носящая льва». Дѣйствительно, надъ аркою главнаго портала въ верхнихъ углахъ его можно замѣтить не особенно искусныя изображенія голубыми и желтыми изразцами персидскаго льва и солнца. Ширъ-Даръ, пожалуй, еще красивѣе Тилла-Кари, потому

что главный фасадъ его, кромѣ двухъ чудныхъ, словно выточенныхъ изъ фарфора минаретовъ, увѣнчанъ еще двумя голубыми эмалевыми куполами самаго типическаго восточнаго рисунка.

Медрессе Улугъ-Бекъ — самое древнее изъ трехъ. Оно воздвигнуто въ 1420 г. внукомъ Тимура — ханомъ Улугъ-Бегомъ, извѣстнымъ покровителемъ наукъ и искусствъ. Здѣсь было основано имъ гнѣздо математиковъ и астрологовъ, и на одномъ изъ минаретовъ была устроена обсерваторія, отъ которой не осталось теперь никакихъ слѣдовъ.

Минареты Улугъ-Бека какъ будто покривились на сторону. Но жители увѣряютъ, что это обманъ глазъ, вызываемый тѣмъ, что одна стѣна сдѣлана прямо, а другая наклонной. На одномъ изъ этихъ минаретовъ, вышиною около 22 саженъ, нѣкій отчаянный мулла во время возстанія самаркандцевъ противъ русскаго гарнизона, ухитрился установить фальконетъ, изъ котораго усердно палилъ въ русскихъ. Генералъ Кауфманъ, вѣроятно, въ пылу негодованія противъ коварной измѣны самаркандцевъ, приказалъ казнить храбраго богослова, не поощривъ его патріотической удали.

Мы посѣтили дворы и этихъ двухъ медрессе. Въ Улугъ-Бегѣ келіи софтъ уже значительно меньше. Ихъ всего 24, и онѣ тянутся кругомъ въ одинъ, а не въ два яруса.

Всѣ три великія медрессе Ригистана, и болѣе всѣхъ медрессе Улугъ-Бега, въ большомъ запустѣніи и даже отчасти въ разрушеніи. Мечети обнажены отъ всякихъ украшеній, глазуревые изразцы осыпались во множествѣ, внутри двора даже цѣлыми сплошными стѣнами; нѣкоторые минареты наполовину обрушились. Однако запустѣніе это началось далеко не въ послѣднее время и не можетъ быть поставлено на счетъ русскому владычеству. Напротивъ того, русская власть гораздо болѣе содѣйствуетъ поддержанію этихъ историческихъ реликвій, чѣмъ это дѣлали правовѣрные эмиры Бухары. Вамбери въ своей извѣстной книгѣ приводитъ любопытныя слова одного туземнаго лѣтописца Самарканда, увѣряющаго, что мечеть Улугъ-Бега еще въ 1701 г.

была въ такомъ плохомъ состояніи, что въ ней «вмѣсто учениковъ поселились совы, и на дверяхъ вмѣсто шелковыхъ занавѣсей повисла паутина».

Но все-таки въ общемъ эти историческія зданія до сихъ поръ вполѣ сохраняютъ и свой архитектурный стиль, и свою оригинальную прелесть.

Гораздо сильнѣе ихъ пострадали постройки временъ Тимура, очутившись теперь на окраинахъ города, и еще болѣе драгоцѣнныя для историка, археолога и художника.

V.

Биби-Ханымъ и «Желѣзный Хромецъ».

Вѣнцомъ мусульманскихъ храмовъ Средней Азіи нужно признать полуразвалившееся теперь медрессе Биби-Ханымъ на большой базарной площади, черезъ которую въѣзжаютъ въ Самаркандъ изъ такъ называемыхъ Бухарскихъ Воротъ, — Дервазъ-Бухара.

Биби-Ханымъ была любимая жена Тимура, красавица-китаянка, дочь китайскаго императора. Она-то и построила въ 1385 г. эту величайшую и прекраснѣйшую изъ всѣхъ мечетей Самарканда. Для этой постройки были выписаны лучшіе мастера не только изъ Персіи, но еще изъ Китая и Индіи. Китай,— исконная страна фарфоровыхъ башенъ,—внесъ незамѣтную струю въ характеръ той фарфоровой мозаики, которою, будто нетлѣнною парчею, одѣты съ головы до ногъ уцѣлѣвшіе колоссы Биби-Ханымъ.

Биби-Ханымъ было много пространнѣе, выше и красивѣе, чѣмъ всѣ медрессе Ригистана. Это видно даже по развалинамъ ея. Землетрясеніе раскололо громадное зданіе на нѣсколько кусковъ, и теперь громоздятся среди праха будто отдѣльныя самостоятельныя постройки, совершенно разобщенные другъ съ другомъ четыре гигантскихъ остова.

Устояли на ногахъ только самыя массивныя части зданія; передній входный порталъ съ минаретомъ, такъ называемый «пикъ-ташъ», задняя мечеть подъ куполомъ, тоже въ видѣ стѣны-алькова, и тоже съ минаретомъ при ней, — да два боковыхъ портала, увѣнчанные куполами, теперь уже разрушенными. Промежуточныя части, гдѣ помѣщались комнаты софтъ, такъ называемыя «гудирасы», и остальные минареты обратились теперь въ прахъ.

По описаніямъ старыхъ арабскихъ путешественниковъ, въ Биби-Ханымъ было когда-то 480 колоннъ изъ тесанаго камня, но теперь уже нельзя видѣть ни одной.

Впрочемъ, и то, что̀ еще стоитъ, грозитъ неминуемымъ паденіемъ. Чудные купола голубой эмали, вздутые по обыкновенію въ видѣ дыни, съ такими же выпуклыми округленными ребрами, какъ у дыни, теперь наполовину раскрыты, точно и вправду взрѣзанная ножемъ дыня съ опустѣвшимъ нутромъ.

Минареты удивительной легкости, стройности и изящества, такъ характерно воплотившіе въ себѣ стремленіе къ небу фантастической молитвы мусульманина, будто гигантскія свѣчи изъ граненаго фарфора, водруженныя цѣлымъ народомъ у входа въ домъ божій, теперь оборваны и обглоданы совсѣхъ сторонъ, и изъ-подъ спавшей съ нихъ драгоцѣнной мозаиковой парчи краснѣетъ, будто окровавленное сырое мясо изъ-подъ содранной кожи, обнаженная кирпичная кладка, тонкая и искусная, какъ кружевное плетенье. Въ довершеніе сходства то и дѣло торчатъ изъ этой кирпичной кладки, будто кости изъ мяса, задѣланныя въ ней бревна, поддерживавшія прежде тяжелую броню глазури.

Уцѣлѣвшія стѣны зданія уже взялись глубокими трещинами, пронизывающими ихъ съ макушки до пятокъ зловѣщими черными змѣями, и настолько всѣ разсѣлись, что страшно приблизиться къ нимъ. Когда стоишь совсѣмъ подъ ними, то эти неправельно расколовшіяся каменныя громады кажутся скорѣе рядомъ капризно-очерченныхъ исполинскихъ утесовъ, непомѣрно

узкихъ и высокихъ, готовыхъ ежеминутно рухнуть съ своей неустойчивой основы.

Вскинешь глаза наверхъ, и инстинктивно отскочишь въ сторону, потому что какъ разъ надъ головою вашею виситъ прямо въ воздухѣ ничѣмъ уже болѣе не подпертый обломокъ верхней стѣны, пока еще спаянный съ остальною постройкою силою своего закаменѣвшаго цемента, но ожидающій перваго хорошаго толчка, перваго порыва зимней бури, чтобы сорваться внизъ...

Въ иныхъ мѣстахъ, вмѣсто этой скипѣвшейся въ одинъ сплошной камень кирпичной кладки, повисла косякомъ въ воздухѣ и легонько покачивается надъ вашею головою въ угрожающей позѣ, будто сорвавшаяся съ крюковъ дверь, цѣлая роскошная панель изъ голубыхъ и зеленыхъ мозаикъ.

Придите сюда черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю, и уже, пожалуй, не увидите ея больше. Эта фаянсовая мозаика отстаетъ отъ своихъ расшатанныхъ кирпичныхъ стѣнъ, какъ обои отъ отсырѣвшей штукатурки.

Но, несмотря на всѣ эти признаки разрушенія, глазъ художника еще вполнѣ можетъ оцѣнить и грандіозныя очертанія архитектурныхъ линій древняго храма, и ни съ чѣмъ несравнимую прелесть его своеобразныхъ украшеній. Еще купола его спорятъ своими бирюзовыми сводами съ лазурью безоблачнаго неба, которую смѣлый духъ человѣческій силится возсоздать здѣсь на землѣ хитростью рукъ своихъ, чтобы прикрыть этимъ искусственнымъ сводомъ небеснымъ мѣсто своего поклоненія Небесному Отцу. Въ странѣ, вѣчно созерцающей надъ своей головой безоблачную синеву, у народа, для котораго бирюза самый любимый и самый драгоцѣнный камень, лазуревые купола, голубые и синіе покровы стѣнъ, конечно, должны были стать вѣнцомъ всякой красоты.

Но однако и мы, жители туманнаго сѣвера, никакъ не насладимся этою никогда невиданною нами красотою! Драгоцѣнныя ткани фарфоровой мозаики одѣваютъ своею нетлѣнною ризою большую часть уцѣлѣвшихъ стѣнъ. Это персидскіе ковры своего

рода, самаго затѣйливаго и изящнаго узора, безконечно утѣшающаго глазъ. Особенно тонка и изящна художественная плетеница этихъ зеленоголубыхъ арабесковъ на стѣнахъ минаретовъ. Среди сплошной пестроты стѣнъ вставлены другъ надъ другомъ, будто врѣзанныя въ стѣну, скрижали съ знаменательными надписями, изящныя рамки, окаймляющія собою мозаиковый узоръ другого стиля и колера, такъ кстати разнообразящія эту удивительную голубую пестроту и еще болѣе придающія ей видъ какого-то волшебнаго фарфороваго ковра.

Можно подумать, что эти стѣны старой мусульманской академіи предназначены были своимъ строителемъ поучать богословъ ислама таинственной мудрости не только внутри ихъ келій на пергаментѣ корана, но и самою наружностью своею, обращенною въ гигантскую книгу своего рода, испещренную загадочными письменами, всѣмъ видимую и всѣмъ открытую.

Не знаю, одно ли это пустое суевѣріе народа, или въ немъ заключается какая-нибудь доля правды, только мой туземный чичероне, купецъ Шамтудиновъ, достаточно уже оцивилизованный сношеніями съ русскимъ военнымъ міромъ, пресерьезно увѣрялъ меня, показывая мнѣ расписныя стѣны Биби-Ханымъ, будто у нихъ есть ученые муллы, которые могутъ прочесть всѣ эти недоступныя простому смертному мозаиковыя арабески, строками которыхъ увиты сверху донизу старые Тимуровы минареты и альковы великолѣпныхъ порталовъ. Во всякомъ случаѣ мозаиковыя арабески верхнихъ карнизовъ въ этихъ порталахъ и минаретахъ—несомнѣнныя строки арабскихъ куфическихъ надписей. Ихъ читаетъ здѣсь всякій мулла.

Эти тройныя строки красиво связанныхъ между собою угловатыхъ буквъ, изображенныхъ темносиними изразцами, разнообразными въ каждой строкѣ, составляютъ удивительно характерный и изящный карнизъ каждаго портала, каждой башенки, шейку которой онъ обматываетъ кругомъ, какъ тройное ожерелье тѣсно нанизанныхъ другъ на друга синихъ бусъ. Ниже этого карниза опоясываетъ весь круглый барабанъ главной ме-

чети еще одна широкая строка корана, писанная тою же синею эмалью, только громадными буквами, которыя можно читать за цѣлую версту.

Шамтудиновъ увѣрялъ насъ, будто голубая глазурь, изъ которой состоитъ стѣнная мозаика, наводится на кирпичи уже на мѣстѣ, когда стѣны сложены. Этому можно повѣрить потому, что такія фарфоровыя стѣны дѣйствительно кажутся гладкими и сплошными, какъ зеркало. Но я рѣшительно протестовалъ въ безмолвіи своей души противъ дерзкаго притязанья кичливаго самаркандца, будто его чалмоносные сограждане съумѣютъ и въ настоящее время приготовить голубую мозаику получше той, какая одѣваетъ мечеть Тимуровой возлюбленной.

Мы не могли увидѣть мозаиковыхъ половъ знаменитаго медрессе, о которыхъ упоминаетъ Вамбери въ своемъ описаніи Самарканда, поражающемъ всякаго читателя, лично побывавшаго въ городѣ Тимура, крайне странною неполнотою, неточностью и даже положительною невѣрностью своихъ свѣдѣній; оттого-то многіе знатоки востока основательно заподозрѣли хвастливаго венгерца, будто бы совершившаго свое туркестанское путешествіе съ опасностью жизни подъ одеждою турецкаго дервиша, что онъ никогда не заглядывалъ въ описанный имъ городъ, а писалъ со словъ своихъ туземныхъ знакомцевъ и по книгамъ другихъ путешественниковъ.

Впрочемъ, никто не станетъ этому удивляться послѣ того, какъ нашъ извѣстный знатокъ восточныхъ языковъ и исторіи востока, профессоръ Григорьевъ, въ своемъ мастерскомъ критическомъ разборѣ пресловутой «Исторіи Бухары», помѣщенномъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за ноябрь 1873 года и переведенномъ цѣликомъ въ прекрасной книгѣ американца Скайлера: „Turkistan, notes of a journey“ etc. въ прибавленіяхъ къ 1-му т.,—разобралъ по косточкамъ его книгу, такъ довѣрчиво принятую за непогрѣшимый авторитетъ европейской публикою, и доказалъ съ математическою ясностью ребяческое невѣдѣніе этимъ знаменитымъ венгерскимъ оріен-

талистомъ самыхъ основныхъ фактовъ въ исторіи среднеазіатскихъ народностей и полное незнакомство его съ богатою литературою этого предмета.

Мы нашли внутри разрушеннаго медрессе только одну грубую каменную гробницу, которую Шамтудиновъ назвалъ намъ, конечно, гробницею Биби-Ханымъ.

Это чистая фантазія современныхъ самаркандцевъ, повидимому, также мало знакомыхъ съ исторіею своего города, какъ и самозванный венгерскій изслѣдователь ея. Въ книгѣ Скайлера приведено любопытное преданіе, сохранившееся по поводу смерти Биби-Ханымъ и устраняющее всякую возможность предположить, чтобы грубый камень медрессе могъ быть ея гробницею: какой-то прорицатель-дервишъ предсказалъ Биби-Ханымъ, что она умретъ отъ укуса тарантула, и она упросила грознаго супруга своего похоронить ее не въ землѣ, какъ хоронили всѣхъ мусульманъ, а надъ землею, въ гробу. Тимуръ заранѣе построилъ великолѣпное медрессе и мечети надъ будущею могилою своей любимицы. Онъ уже былъ тогда больной и на носилкахъ проводилъ часть дня на постройкѣ, кидая, по монгольскому обычаю, мясо и деньги въ ямы строющагося фундамента. Подъ медрессе были устроены своды и склепъ для гробницы.

Разъ, когда Биби-Ханымъ осматривала готовую мечеть, изъ склепа выползла большая змѣя и улеглась грѣться на солнцѣ. Спутники царицы хотѣли убить ее, но Ханымъ остановила ихъ и приласкала ядовитую гадину. Потомъ Ханымъ умерла и была похоронена въ склепѣ подъ сводами мечети, въ деревянномъ гробу, забитомъ золотыми гвоздями. На нее надѣли всѣ ея драгоцѣнности. Ночью воры забрались въ склепъ и сняли съ умершей эти дорогія украшенія. Но змѣя, спасенная доброю царицей, сторожила ея гробъ и умертвила всѣхъ похитителей. Утромъ ихъ нашли у порога склепа со всѣми похищенными сокровищами. Никто не рѣшался отнести ихъ обратно въ гробницу Ха-

нымъ. Наконецъ отыскался одинъ рѣшительный старецъ, который согласился отнести ихъ въ склепъ. Но только что онъ вошелъ туда, дверь склепа захлопнулась сама собою, и уже никогда болѣе никто не видалъ злополучнаго старца.

Когда русскіе, расчищая развалины медрессе, нашли маленькую мечеть, всѣми забытую и совсѣмъ загороженную сосѣдними постройками, то туземцы объявили, что это и есть усыпальница Биби-Ханымъ. Скоро крыша этой разоренной мечети обрушилась и провалила собою полъ. Подъ ними открылся просторный склепъ съ гробовыми камнями, и на нихъ разныя древнія надписи; но, къ сожалѣнію, въ этихъ надписяхъ не было упомянуто ни одного имени. Это не помѣшало однако правовѣрнымъ посѣтителямъ базара сейчасъ же распустить слухъ, что древняя змѣя, до сихъ поръ охраняющая покой своей спасительницы, стала каждый день выползать изъ склепа и грѣться на солнышкѣ.

Въ главную мечеть медрессе Биби-Ханымъ входили прежде черезъ два двора, очертанія которыхъ хорошо замѣтны и теперь. По сторонамъ двора, какъ и во всѣхъ медрессе Ригистана, очевидно, только подражавшихъ великому медрессе Тимура,—шли кельи учениковъ академіи. Разсказываютъ, будто въ нихъ жила цѣлая тысяча софтъ, и каждый получалъ на свое содержаніе изъ богатыхъ вакуфовъ, завѣщанныхъ Тимуромъ, по сто золотыхъ тиллъ.

Недалеко отъ главнаго входа въ медрессе, среди пустыря, заваленнаго обломками, стоитъ огромный массивный столъ изъ бѣлаго мрамора, котораго верхняя доска образуетъ какъ бы двѣ страницы громадной раскрытой книги. Это такъ называемый «рааль»—столъ для чтенія корана,—неизбѣжная принадлежность всякой мечети.

Шамтудиновъ увѣрялъ насъ, будто на этомъ столѣ возсѣдалъ и читалъ народу священную книгу пророка самъ великій эмиръ Тимуръ. Подъ этотъ низенькій столъ, утвержденный на десяти короткихъ и толстыхъ мраморныхъ ножкахъ, вѣрующіе

мусульмане пролѣзаютъ по нѣсколько разъ, съ твердою надеждою излѣчить этимъ благочестивымъ упражненіемъ свою страдающую спину или поясницу.

Медрессе Биби-Ханымъ разрушено землетрясеніемъ еще задолго до русскаго владычества. Варвары-жители съ тѣхъ поръ дѣятельно помогаютъ докончить разрушеніе этого славнаго созданія Тимуровыхъ временъ. Они не только растаскиваютъ днемъ и ночью обвалившіеся камни и карнизы, но еще усердно отламываютъ все, что̀ можно отломить отъ уцѣлѣвшихъ частей строенія. Цѣлыя сосѣднія улицы выстроены изъ праха великаго медрессе. Само оно также не остается безъ пользы для практическихъ обитателей Самарканда. Въ широкомъ охватѣ его изразцовыхъ стѣнъ загоняются ослы и лошади, пригоняемые на базаръ, а прежде помѣщался хлопковый рынокъ. Конскій рынокъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ развалины медрессе. Проѣзжающіе въ городъ черезъ Дервазъ-Бухара,—Бухарскія Ворота,—караваны верблюдовъ и арбъ—располагаются здѣсь на просторѣ широкой площади, устроенной уже русскими на мѣстѣ старыхъ кладбищъ.

Какой-то живописный мавзолей, напротивъ медрессе Биби-Ханымъ, тоже когда-то одѣтый въ фаянсовыя одежды, а теперь голый кирпичный и уже полуразрушенный, служитъ безмолвнымъ напоминаніемъ этого недавняго прошлаго.

Впрочемъ, нѣсколько шаговъ подальше, на песчано-мѣловатыхъ холмахъ, сосѣднихъ съ Шахъ-Зинде, Божья нива тянется на далекое пространство.

Великолѣпныя развалины Биби-Ханымъ и поэтическія легенды, съ ними связанныя, рисуютъ въ особенномъ свѣтѣ грознаго завоевателя Азіи.

Тотъ самый варваръ-кочевникъ, который при завоеваніи Индіи хладнокровно отдаетъ приказъ зарѣзать сто тысячъ плѣнныхъ и насильно обращаетъ въ палачей всѣхъ своихъ воиновъ,

который возитъ за собою, какъ звѣря въ желѣзной клѣткѣ, побѣжденнаго имъ могучаго соперника, горделиваго владыку половины Азіи, издѣваясь надъ его несчастіями,—этотъ самый человѣкъ проявляетъ въ то же время трогательную нѣжность къ любимой женщинѣ, самымъ искреннимъ образомъ благоговѣетъ передъ знаніями и мудростью ученыхъ людей, осыпаетъ золотомъ художниковъ и богослововъ, создаетъ академіи, больницы, мечети, библіотеки, находитъ наслажденіе въ изяществѣ дворцовъ и цвѣтущихъ садовъ, въ веселыхъ остроумныхъ бесѣдахъ.

Для своей молодой жены, принцессы Токель-Ханымъ, онъ строитъ чудный лѣтній дворецъ Дилкуша.

На нѣсколько миль кругомъ Самарканда онъ разбиваетъ настоящіе райскіе сады съ бесѣдками и лѣтними дворцами, съ фантанами, въ брызгахъ которыхъ прыгаютъ, къ безконечному изумленію наивныхъ зрителей, красные и синіе шары.

Султанъ Баберъ, основатель имперіи великаго могола въ Индіи, послѣдній Тимуридъ Туркестана,—въ интересныхъ «Запискахъ» своихъ описываетъ многіе изъ лѣтнихъ садовъ, устроенныхъ Тимуромъ въ Самаркандѣ. Одинъ садъ «Багъ-и-мадьянъ» («садъ равнины») былъ, между прочимъ, у самаго подножія холма Чупанъ-Ата или Когика, какъ его называетъ Баберъ. Въ серединѣ сада стоялъ великолѣпный дворецъ въ два яруса «Шехиль-Ситунъ» («40 колоннъ») съ 40 тесанными столбами кругомъ и съ 4-мя необыкновенно изящными рѣзными минаретами по угламъ. Тамъ же былъ построенъ, вѣроятно, для любимой жены его Биби-Ханымъ, дочери китайскаго императора, роскошный китайскій павильонъ, весь обложенный китайскими фарфоровыми изразцами. Теперь не сохранилось никакого слѣда этихъ построекъ.

Любопытно читать въ запискахъ испанца Гонзалеса Клавиго, на которыя я уже не разъ ссылался, подробное описаніе той невѣроятной роскоши, съ которою праздновалъ свои нескончаемые пиры этотъ кровожадный монголъ.

Особенно блестящи были празднества Тимура въ прелестной равнинѣ Канигулѣ, около Самарканда, гдѣ было разбито до 15.000 палатокъ и гдѣ онъ щедро угощалъ всю монгольскую знать. Громадные шатры изъ дорогихъ шелковыхъ матерій восточной пестроты, каждый въ нѣсколько комнатъ, поддерживались золотыми и голубыми столбами и натягивались красными шелковыми веревками. На углахъ ихъ красовались летящіе золотые орлы. Все было расшито тончайшими узорами, увѣшано и устлано драгоцѣннѣйшими коврами Персіи и Кашмира, искусно украшено серебромъ и золотомъ.

Самъ Тимуръ присутствовалъ на этихъ пирахъ, разодѣтый очень богато, но совершенно по-монгольски. Чалмы онъ не носилъ, а надѣвалъ высокій коническій колпакъ съ драгоцѣнною рубиновою грушею на верху, осыпанный брилліантами и жемчугомъ. Въ ушахъ у него, по-монгольскому обычаю, висѣли длинныя серьги тоже огромной цѣны.

Тысячи гостей садились за столы, и всѣ пили изъ золотыхъ кубковъ и чашъ, осыпанныхъ каменьями, ѣли съ золотыхъ блюдъ. Золотыя деревья, толщиною въ человѣческую ногу, съ плодами, листьями и птицами изъ разноцвѣтныхъ. дорогихъ камней, рубиновъ и яхонтовъ, столы литаго золота, съ изумрудною крышкою, золотые, литые шкафчики украшали трапезную палату.

Подавались цѣликомъ жареные кони, массы жареныхъ, вареныхъ и соленыхъ барановъ, громаднѣйшія чаши съ виномъ обходили гостей. Тимуръ, несмотря на то, что былъ магометанинъ, самъ пилъ вино и позволялъ всѣмъ пить за своими пирами. Длинная аллея открытыхъ бочекъ, полныхъ виномъ, вела къ шатру эмира, чтобы простой народъ могъ свободно приходить и пить, сколько кому хотѣлось.

Слоны, затѣйливо раскрашенные въ зеленую и красную краску и обученные разнымъ играмъ, забавляли гостей, вмѣстѣ съ плясунами, атлетами и фокусниками.

Женщины присутствовали на этихъ пиршествахъ съ откры-

тыми лицами, какъ до сихъ поръ ходятъ киргизки и туркменки, и не отставали отъ мужчинъ.

Напивались до того, что многіе изъ потомковъ Чингиса и Тимура умирали отъ delirium tremens.

Но оторвитесь отъ этихъ картинъ и посмотрите на того же Тимура совсѣмъ въ другой роли:

Вотъ онъ при осадѣ Испагани, отдавая его на разграбленіе побѣдителей, строго приказываетъ своимъ воинамъ не трогать квартала, гдѣ живутъ персидскіе ученые.

Вотъ онъ въ завоеванномъ Гератѣ или Алеппо входитъ въ долгіе диспуты съ тамошними мусульманскими философами и богато награждаетъ тѣхъ изъ нихъ, кто смѣлѣе и стойче другихъ опровергалъ его собственные взгляды.

Вотъ онъ увозитъ изъ Бруссы заботливо, какъ драгоцѣнное сокровище, цѣлую библіотеку на мулахъ въ свой излюбленный Самаркандъ.

Вездѣ, гдѣ онъ находитъ среди побѣжденныхъ и завоеванныхъ извѣстныхъ ученыхъ и искусныхъ художниковъ, онъ оберегаетъ ихъ, какъ зеницу ока, и старается привлечь къ себѣ всякими милостями и соблазнами.

Въ родной ему Кешъ, который онъ прежде думалъ сдѣлать свою столицею, онъ собралъ ученыхъ изъ всѣхъ знаменитыхъ въ его время академій Ховарезма (т.-е. Хивы), Бухары, Ферганы.

Его грубая, звѣрская душа была, однако, доступна великодушію, справедливости и глубокому чувству благодарности.

Нельзя не вспомнить безъ изумленія, какъ этотъ дикій вождь азіатской орды, давившій копытами коней толпы дѣтей, высланныхъ къ нему съ мольбою о пощадѣ, терпѣливо сносилъ обидныя шутки своего насмѣшливаго собесѣдника-поэта Ахмеда-Кермани. Разъ онъ былъ въ банѣ вмѣстѣ съ нимъ и съ другими друзьями своими.

— Во чтобы ты оцѣнилъ меня, еслибы я продавался?—спросилъ Ахмеда Тимуръ.

— Не больше двадцати-пяти асперсовъ,—отвѣтилъ Ахмедъ.

— Какъ? да вѣдь одна рубашка на мнѣ стоитъ этихъ денегъ?—возразилъ озадаченный эмиръ.

— Конечно,—смѣло сказалъ Ахмедъ, — я и разумѣлъ одну рубашку, потому что ты самъ по себѣ не стоишь ни полушки.

И властитель Азіи безмолвно перенесъ эту дерзкую остроту.

Своему воспитателю, Сеиду Берке, который еще въ дѣтствѣ предрекъ ему великую будущность, Тимуръ воздвигнулъ великолѣпную мечеть-мавзолей и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ нимъ.

А когда онъ возвратился изъ своихъ побѣдоносныхъ походовъ, покоривъ своей власти всю Западную Азію, Багдадскій халифатъ, Россію, Грузію, Арменію, первымъ движеніемъ его сердца было броситься въ Кешъ, къ гробницѣ отца, и тамъ громогласно прочесть благодарственную «фатиху».

Тимуръ съ большимъ уваженіемъ смотрѣлъ на обязанности вождя и правителя народа и мѣрилъ ихъ строгою мѣркою.

— Правитель области, котораго почитаютъ меньше, чѣмъ плеть, которою онъ наказываетъ, совсѣмъ недостоинъ быть правителемъ!—говорилъ онъ своимъ намѣстникамъ.

Государственная печать его содержала въ себѣ знаменательный девизъ: на ней были изображены три круга, какъ символъ его владѣній въ трехъ частяхъ свѣта, а кругомъ было написано: «въ правдѣ спасенье».

Онъ не любилъ пышныхъ титуловъ и въ своихъ грамотахъ всегда писалъ просто: «я, рабъ Божій, Тимуръ, говорю слѣдующее»:

Самыя завоеванія его не были однимъ только ненасытнымъ стремленіемъ безбрежнаго славолюбія и властолюбія, а дѣломъ его глубокаго внутренняго убѣжденія, исполненіемъ священнаго призванія своего рода.

— Какъ одинъ Богъ на небѣ, такъ долженъ быть и одинъ владыка на землѣ!—громко провозглашалъ онъ.

Свои постоянныя войны онъ оправдывалъ нравственною обязанностью передъ людьми и Богомъ.

«Всякій побѣдоносный государь», говорилъ онъ въ своихъ запискахъ, «обязанъ освобождать всѣ народы отъ ихъ утѣснителей, и это сознаніе заставило меня предпринять завоеваніе Хоросана и очистить царства Фара, Ирака и Шама (Дамаска) отъ ихъ безпорядковъ».

Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавлялъ: «правленіе народомъ можетъ быть установлено только съ мечемъ въ рукѣ!».

Если имѣть въ виду эти основныя убѣжденія Тимура и вспомнить притомъ, какое образцовое и разумное управленіе водворилъ онъ своею неумолимою строгостью во всѣхъ многочисленныхъ странахъ, подвластныхъ его трону, гдѣ до него царила постоянная смута, безпорядки и несправедливость, то всѣ кажущіяся злодѣйства этого, во всякомъ случаѣ, геніальнаго правителя и воина получатъ совсѣмъ иное освѣщеніе.

Одною жестокостью и дикостью степной удали невозможно было бы создать имперію, которая простиралась отъ Гоби до Мраморнаго моря и отъ Иртыша до Ганга, невозможно было бы заставить цѣлую Азію съ благоговѣніемъ поминать въ теченіе 600 лѣтъ имя Тимура, какъ величайшаго изъ государей.

Безпощадность и кровожадность, которую проявлялъ этотъ грозный завоеватель Азіи, нельзя мѣрить на нашъ современный европейскій аршинъ. Въ его время, у хищныхъ и воинственныхъ народовъ, среди которыхъ онъ появился и дѣйствовалъ,—безпощадность и кровожадность въ войнѣ были общею религіею своего рода, нравственною обязанностью всякаго удалого воина.

Безпощадность эта почти всегда обращалась только на непокорныхъ, на вѣроломныхъ, и почти каждая выдающаяся жестокость Тимура обрушивалась на его враговъ, какъ возмездіе за какую-нибудь ихъ прежнюю жестокость или измѣну. Ко всѣмъ же, кто покорялся добровольно, Тимуръ былъ очень милостивъ.

Нравы азіатовъ были при немъ во всякомъ случаѣ не менѣе жестоки, чѣмъ его собственные; они и до нашего времени остались почти такими же. Если стать перечитывать новѣйшую исторію разныхъ кокандскихъ, хивинскихъ и бухарскихъ ханствъ, то передъ злодѣйствами, наполняющими каждую страницу ихъ, поблѣднѣютъ всѣ кровожадные подвиги Тамерлана, тѣмъ болѣе, что ихъ трусливыя и вѣроломныя злодѣйства лишены того величаваго героическаго характера, тѣхъ смѣлыхъ замысловъ, которыми были проникнуты ужасы Тамерлановыхъ войнъ.

Нужно вспомнить еще, черезъ какую безпощадную школу провела судьба Тимура прежде, чѣмъ собранные на всенародный «маслагатъ» въ древнемъ Балхѣ знатные беки подняли его на традиціонномъ бѣломъ войлокѣ и торжественно провозгласили эмиромъ всего Туркестана.

Оставленная Тимуромъ автобіографія коротко, но очень выразительно описываетъ тѣ страшныя лишенія и опасности, которыя онъ переносилъ, бѣжавъ съ горстью приверженцевъ отъ хана Туклука изъ Самарканда въ пустыню, гдѣ ему по цѣлымъ мѣсяцамъ приходилось странствовать съ женою безъ пищи и питья, и попадаться въ плѣнъ къ дикимъ ордамъ туркменовъ.

Его нога, раненная въ битвѣ и давшая ему его историческое прозвище «хромаго Тимура»—Тимурленга, переиначеннаго европейцами въ Тамерлана,—была только однимъ изъ немногихъ воспоминаній тѣхъ постоянныхъ опасностей и страданій, которымъ онъ подвергался въ свою бурную юность.

Она-то и выковала въ немъ спартанскую простоту его вкусовъ, его нечеловѣческую выносливость въ трудахъ походовъ и битвъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и неумолимую жестокость къ врагамъ, никогда не дававшимъ ему пощады съ своей стороны.

Да, по-правдѣ сказать, если судить безпристрастно, намъ ли еще, гуманнымъ европейцамъ конца 19-го столѣтія, сынамъ любвеобильной христіанской цивилизаціи, — изумляться безпо-

щадной жестокости азіатскаго варвара 14-го вѣка, послѣ того какъ всѣ силы нашего генія и нашей учености, всѣ заработки нашихъ трудовыхъ классовъ мы до сихъ поръ направляемъ, отчаянно соревнуя другъ передъ другомъ, на изобрѣтеніе самыхъ усовершенствованныхъ смертоносныхъ орудій для истребленія людей и обращаемъ цѣлые народы свои въ колоссальные боевые лагери, готовые по первому знаку броситься на уничтоженіе другъ друга.

Неужели тѣ сравнительно наивные и сравнительно невинные пріемы устрашенія врага, которые употребляли азіатскія орды Тимура, вся эта рѣзня плѣнныхъ одного по одному, все это топтаніе людей конями, всѣ эти пирамиды головъ, водружаемыя на площадяхъ взятыхъ городовъ,—могутъ хотя близко сравниться съ тѣми научно-разсчитанными тонкостями современнаго военнаго искусства Европы, гдѣ безъ всякихъ яростныхъ криковъ, съ полнымъ хладнокровіемъ и даже съ состраданіемъ, въ присутствіи заботливо приглашенныхъ врачей и сестеръ милосердія, въ сосѣдствѣ великодушно заготовленныхъ лазаретовъ, сотни тысячъ скорострѣльныхъ ружій разомъ образуютъ своего рода атмосферу летящихъ пуль, въ которой мгновенно исчезаютъ съ лица земли, таютъ, какъ воскъ на огнѣ, цѣлыя рати храбрецовъ, не имѣя даже возможности увидѣть врага и схватиться съ нимъ.

VI.

Мавзолей Тимура.

Совсѣмъ близко отъ Биби-Ханымъ и Дервазъ-Бухара, на склонахъ желто-сѣрыхъ, песчано-глинистыхъ холмовъ, сплошь покрытыхъ и сплошь изрытыхъ старыми могилами, въ уединенномъ поворотѣ уже загородной дороги, виднѣется цѣлою семьей своихъ живописныхъ и характерныхъ купольчиковъ древній мусульманскій монастырекъ Шахъ-Зинде.

Онъ уже давно манилъ меня къ себѣ, издали восхищая глазъ при каждомъ моемъ въѣздѣ въ Самаркандъ меланхолическою поэзіею своихъ тѣсно скученныхъ, словно жмущихся другъ къ другу, башенекъ подъ вздутыми рубчатыми митрами, поблекшими отъ времени.

Кажется, будто они вылѣзли, какъ грибы изъ этой древней почвы, пересыщенной могилами, такого же глинистаго цвѣта, такого же могильнаго вида, какъ сама она.

Рѣдко можно встрѣтить даже въ глуби Азіи такой глубоко восточный, такой глубоко азіатскій характеръ постройки. Это уже полная противоположность великимъ медрессе Тимура, Улугъ-Бега и Ялангъ-Таша.

Тутъ нѣтъ ни фарфоровыхъ стѣнъ, охватывающихъ цѣлые кварталы, ни колоссальныхъ «пикъ-ташей» съ минаретами-исполинами, подавляющихъ собою весь городъ, горделиво выставляющихъ себя напоказъ за десятки верстъ. Тутъ все удивительно скромно, въ крошечныхъ размѣрахъ, въ тѣсномъ пространствѣ, все будто прячется отъ праздныго взора.

Издали—это просто живописная кучка глиняныхъ муллушекъ, забравшаяся въ уединенную пазуху горы.

Но зато вблизи—это такая красота, такая драгоцѣнная архитектурная и археологическая жемчужина, какихъ уже не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Средней Азіи.

Весь Шахъ-Зинде, можно сказать, представляетъ изъ себя одну узкую лѣстницу, съ многочисленными площадками, взбирающуюся сорока довольно крутыми ступенями на верхъ горы и обставленную по сторонамъ сплошными рядами крошечныхъ мечетей, мавзолеевъ, корридорчиковъ и разныхъ уютныхъ таинственныхъ каморокъ...

Это не столько монастырь, сколько усыпальница, поэтому-то она и выросла здѣсь, среди полчищъ древнихъ могилъ, поэтому-то она и запечатлѣна такою скромною и трогательною поэзіею.

Шестьдесятъ семей благочестивыхъ муллъ кормятся этою

историческою могилою, одною изъ величайшихъ святынь для всей Средней Азіи, куда бредутъ толпы поклонниковъ изъ Бухары, Кокана, Балха и Герата.

Передъ входными воротами внизу горы водруженъ неизбѣжный при могилѣ «хазрета» высокій шестъ съ хвостомъ яка на мѣдномъ шарѣ. Два ряда сѣдобородыхъ муллъ почтеннаго вида, въ зеленыхъ и бѣлыхъ громадныхъ тюрбанахъ, безмолвно вытянулись по обѣ стороны въ темномъ сводистомъ проходѣ воротъ. Всѣ они стоятъ здѣсь, въ ожиданіи приношеній благочестивыхъ правовѣрныхъ, притекающихъ къ могилѣ ихъ святого патрона, и нельзя пройти мимо, не заплативъ этимъ нѣмымъ стражамъ мусульманской святыни обязательной входной пошлины своего рода.

Эти хаджи, хозяева монастыря, не вполнѣ однако монахи. Всѣ они живутъ съ своими семьями въ городскихъ домахъ неподалеку отъ Шахъ-Зинде и проводятъ въ монастырѣ только день. На ночь же остаются здѣсь только человѣкъ пять, шесть очередныхъ старцевъ, караулящихъ святыню. Содержатся они на добровольныя приношенія. Кто дастъ овцу, кто верблюда, кто деньги, кто хлѣбъ; впрочемъ, у нихъ много и вакуфныхъ земель, пожертвованныхъ на монастырь еще Тимуромъ.

Одинъ очень старый хаджи медленно и словно нехотя выдѣлился изъ рядовъ и пошелъ передъ нами. Оказалось, что онъ ни слова не зналъ по-русски, такъ что намъ пришлось переговариваться съ нимъ черезъ Шамтудинова, который благоговѣйно прикоснулся своими обѣими ладонями къ его худой, какъ скелетъ, рукѣ.

Старикъ былъ впрочемъ очень неразговорчивъ и, надо думать, покорялся своему жребію невольнаго чичероне съ глубокимъ внутреннимъ прискорбіемъ. Онъ понималъ, конечно, что невозможно было загородить входъ сюда владыкамъ и побѣдителямъ его родного города, но тѣмъ не менѣе его очевидно мучила во все время нашего пребыванія въ Шахъ-Зинде досадная обязанность водить невѣрныхъ собакъ-урусовъ,—враговъ и

сокрушителей мусульманства, по самымъ завѣтнымъ святынямъ его, оскверняя ихъ нечестивымъ лицезрѣніемъ гробницу величайшаго изъ ревнителей ислама.

Каменная лѣстница, которою поднимаются наверхъ, была прежде покрыта плитами бѣлаго мрамора, но мраморъ былъ расхищенъ въ теченіе времени, и теперь незамѣтно и слѣда его. Мы сочли въ этой лѣстницѣ 41 ступень, когда поднимались по ней; перечли потомъ, когда спускались, показалось 37. Старый хаджи, черезъ Шамтудинова, увѣрялъ насъ, будто никто никогда не можетъ сосчитать настоящее число этихъ ступеней,—одинъ, молъ, считаетъ 30, другой 40, и всегда будто бы такъ. Мы уже не рѣшились спросить хмураго старика, ради чего собственно ихъ «хазретъ» подшучиваетъ такъ надъ своими наивными поклонниками.

Лѣстница вьется на гору глубокимъ корридоромъ своего рода, обставленная съ обѣихъ сторонъ постройками. Мечетей здѣсь не перечтешь. Каждая изъ нихъ гробница какой-нибудь родственницы Тимура,—строителя этого чуднаго монастыря-могилы. Въ каждую нужно подниматься съ площадки лѣстницы по нѣсколькимъ боковымъ ступенямъ. Всѣ эти маленькія часовенки изящны, какъ драгоцѣнныя бездѣлушки, и одна прелестнѣе другой. Вблизи даже купольчики ихъ, вздутые, какъ дыня, кажутся не сѣрыми, какъ издали, а голубыми. По крайней мѣрѣ съ внутренней стороны на нихъ еще большею частью уцѣлѣла нѣжная бирюзовая эмаль, удивительно ласкающая глазъ. Нижняя часть мечетей почти всегда осьмигранная, а верхняя—или круглая или тоже какая-нибудь граненая. А такъ какъ всѣ наружныя стѣнки ихъ выложены художественною разноцвѣтною мозаикою самыхъ очаровательныхъ, фантастически затѣйливыхъ и невообразимо разнообразныхъ рисунковъ,—то онѣ производятъ общее впечатлѣніе какихъ-то граненыхъ изъ пестраго фарфора башенокъ-игрушекъ. Мы останавливались чуть не по получасу около каждой изъ нихъ, будучи не въ силахъ оторвать отъ нихъ своихъ глазъ, наслаждаясь непостижимою отчетливостью и тон-

костью отдѣлки малѣйшихъ подробностей, изумляясь настойчивому терпѣнію и художественной изобрѣтательности старыхъ мастеровъ, съумѣвшихъ росписать этими непогибающими фарфоровыми красками съ макушки до пятокъ, снаружи и внутри, столько строеній...

Тутъ не одна темно-синяя и лазорево-голубая эмаль, почти безраздѣльно господствующая въ громадныхъ «пикъ-ташахъ» Биби-Ханымъ и Ригистана. Тутъ уже примѣшивается вездѣ, гдѣ нужно, и желтая, и золотая, и зеленая мозаика; радостная гармонія ея колеровъ, чудное сочетаніе и смѣлые изгибы линій въ ея своеобразныхъ арабескахъ,—положительно неописуемы. Колонки, окаймляющія двери, окна, углы, ниши,—всѣ изъ вьющихся фарфоровыхъ цвѣтовъ. Круглые и многогранные медальоны изъ сквозной мозаики врѣзаны въ гладкія, какъ хрусталь, стѣнки, будто драгоцѣнныя инкрустаціи.

Нигдѣ нѣтъ однообразія и повторенія. Роскошное восточное воображеніе работало здѣсь во всемъ жару вдохновенія. Тамъ таинственная ниша, тамъ красивый и неожиданный выступъ, тамъ сверкающая грань, тамъ стройная колонка, тамъ художественная строка корана, опоясывающая золотымъ поясомъ подножіе голубого купола. Вездѣ поэзія—прозы нигдѣ.

Рѣзныя дверочки артистической работы изъ массивнаго темнаго орѣха или шелковицы, съ рѣзными мѣдными приборами старинныхъ узоровъ, и изящныя точеныя рѣшоточки окошекъ. такого же темнаго дерева, вырѣзаются особенно эффектно среди сверкающихъ голубыхъ изразцовъ. Внутри та же красота; тѣ же обои драгоцѣнной фарфоровой парчи одѣваютъ кругомъ потолки и стѣны. Сводистая подкладка купольчиковъ росписана внутри этими разноцвѣтными изразцами пестро и ярко, какъ праздничная тюбетейка щеголеватаго сарта; а углы сведены въ оригинальныя ячеистыя ниши изъ бѣлаго мрамора и прозрачнаго гипса, которыя мнѣ уже не разъ случалось встрѣчать въ архитектурѣ мусульманскихъ мечетей Каира.

Въ полу каждой часовни вдѣланы простые дикіе камни, при-

крывающіе собою, вмѣсто всякихъ пышныхъ гробницъ, прахъ похороненныхъ домочадцевъ Тимура.

Настоящихъ мечетей тутъ собственно немного; большая же часть башенекъ—мавзолеи умершихъ. Мечети больше сгруппированы въ концѣ, то-есть вверху лѣстницы. Послѣдняя мечеть значительно обширнѣе другихъ, кибла ея и вся панель внутренней стѣны отдѣлана мозаикою, передъ киблою неизбѣжное страусовое яйцо, сверху спускается очень неказистая жестяная люстра, которыми вообще, по странному обычаю мусульманъ, не могутъ похвастать самыя богатѣйшія мечети Стамбула, Каира и др. центровъ ислама. На громадномъ «раалѣ», имѣющемъ видъ раскрытой на-двое каменной книги, покоится коранъ, тоже громадной величины, не менѣе 3 футовъ длины, писанный на древнемъ пергаментѣ, съ изящно раскрашенными заглавными буквами. Впрочемъ, это не тотъ славный коранъ, писанный рукою Магометова спутника, калифа Османа, и обрызганный его кровью, которымъ такъ долго славился Самаркандъ и который привлекалъ къ себѣ издалека поклонниковъ магометанъ.

Османовъ коранъ, писанный куфическими буквами на кожѣ газели, хранился въ мечети Ходжа-Ахрара, который вывезъ его изъ Стамбула, какъ драгоцѣнный подарокъ калифа, исцѣленнаго молитвами Ходжи. Но при генералѣ Кауфманѣ муллы этой древней мечети рѣшились продать его русскимъ за 125 рублей, и теперь онъ украшаетъ собою Императорскую публичную библіотеку Петербурга.

Когда мы проходили въ мечеть, намъ видны были открытыя дверочки полутемныхъ келій, въ которыхъ опрятно были разложены тюфячки и одѣяла старцевъ, караулящихъ свою святыню, ихъ мѣдные узкогорлые кувшинчики и чайнички, все скромное монашеское хозяйство ихъ. Много муллъ, поджавъ ноги, отдыхало на коврикахъ въ самой мечети, тихо покачиваясь и перебирая пальцами чотки.

Нашъ провожатый Шамтудиновъ пожималъ имъ всѣмъ руки

обѣими своими руками съ какою-то подобострастно-привѣтливой миной, и муллы съ своей стороны отвѣчали ему съ такою же приниженною вѣжливостью и тоже двумя руками, сгибая спину, ловили его за руку въ знакъ своего особеннаго почтенья. Эти неискреннія, безъ нужды преувеличенныя выраженія взаимной почтительности, очевидно, очень цѣнимыя на востокѣ, производятъ тяжелое впечатлѣніе на европейца, привыкшаго къ гораздо большей простотѣ и достоинству человѣческихъ отношеній. Шамтудиновъ почти всякому старцу совалъ въ руку какую-нибудь монетку, но одинъ только мулла въ отвѣтъ на его дары подалъ ему пшеничную лепешку, извиняясь, что теперь некогда угостить его чѣмъ-нибудь лучшимъ.

Изъ этой мечети мы прошли въ гробницу Шахъ-Зинде, вѣнчающую всю эту маленькую лавру мечетей и часовенъ. Огромное зеленое знамя пророка, покрытое пылью вѣковъ и водруженное на бамбучинѣ въ бревно толщиною, стоитъ передъ темною орѣховою рѣшеткою, окруженное другими такими же знаменами. На стѣнахъ налѣплены рисунки, привезенные изъ Мекки, и арабскіе стихи, тамъ писанные. Цѣлая толпа муллъ сидѣла на колѣнахъ передъ рѣшоткою и усердно молилась. Шамтудиновъ былъ, видимо, смущенъ, вводя насъ въ это мусульманское святилище. Онъ говорилъ едва слышнымъ голосомъ и благоговѣйно кланялся мулламъ, одаряя всѣхъ ихъ деньгами. Мы прильнули лицомъ къ отверстіямъ рѣшетки и увидѣли за нею сложенную изъ кирпичей гробницу, покрытую кучей разноцвѣтныхъ одеждъ, ковровъ и всякой рухляди,— благочестивыхъ приношеній поклонниковъ на могилу «хазрета».

«Шахъ-Зинде»—собственно не имя его, а только прозванье монастыря. По-русски это значитъ «живой царь». Звали же здѣшняго мусульманскаго святого Кассимъ-ибнъ-Аббасъ. Онъ былъ арабъ изъ племени Корейшитовъ и одинъ изъ первыхъ проповѣдывалъ вѣру Магомета, увлекая народъ своею горячею проповѣдью. Враги захватили его на этомъ именно мѣстѣ, гдѣ теперь мы стоимъ, и отрубили ему голову, но проповѣдникъ

ислама не хотѣлъ отдаться на поруганье язычникамъ и, схвативъ въ руки отрубленную голову, прыгнулъ съ нею въ колодезь. Намъ показывали въ сторонѣ отъ лѣстницы цистерну, гдѣ, по убѣжденію здѣшнихъ муллъ, истинно вѣрующій и теперь еще можетъ видѣть обезглавленнаго «живого царя». Онъ скрывается пока въ глубинѣ водъ, готовый въ предназначенный Аллахомъ день снова появиться среди правовѣрныхъ на защиту вѣры пророка. Даже называли годъ, когда Шахъ-Зинде долженъ былъ непремѣнно выйти изъ своего многовѣковаго убѣжища и изгнать изъ священнаго города мусульманъ собакъ-русскихъ.

Но, къ великому огорченію муллъ и ихъ довѣрчивыхъ слушателей, этотъ годъ давно прошелъ, и Шахъ-Зинде все еще продолжаетъ пребывать на днѣ своего колодца, а собаки-русскіе—господствовать въ Самаркандѣ и осквернять своимъ присутствіемъ могилу святого мужа.

Мы подарили богомольнымъ старцамъ то, что имъ подобало, и, выйдя изъ гробницы, поднялись еще вверхъ. Тамъ тоже полуразрушенныя часовни по обѣ стороны лѣстницы чудной архитектуры, словно выточенныя изъ чистѣйшей бирюзы. Три крутыхъ ступеньки далѣе, и мы на вершинѣ холма. Голубые купола-митры Шахъ-Зинде у нашихъ ногъ. Кругомъ охватываетъ насъ безбрежное кладбище, съ безчисленными горбами своихъ могилъ и песчаныхъ кургановъ. И одинокая часовня Чупанъ-Ата на своей горѣ, и великолѣпныя развалины Биби-Ханымъ среди шумной толкотни людей и животныхъ, и Ригистанъ съ своими колоссами-медрессе, подавляющій собою облегшіе его тѣсные кварталы глиняныхъ домиковъ,—все видно намъ отсюда, какъ на ладони.

Когда мы спускались обратно внизъ съ лѣстницы, такъ и хотѣлось остановиться на каждомъ шагу и передать кистью всю эту своеобразную красоту мусульманской лавры. Сверху удивительный видъ на эти темныя ворота внизу, охраняемыя бѣлыми чалмами, на эти таинственные уголки и изгороты, ку-

польчики, террасы, дверочки, на эти чудныя изваянія часовенъ и мечетей, на характерныя и величественныя фигуры муллъ, въ серьезномъ безмолвіи неспѣшно сходящихъ и поднимающихся по ступенямъ лѣстницы, въ ихъ живописныхъ мантіяхъ и чалмахъ, яркая пестрота которыхъ такъ эффектно выдѣляется среди голубыхъ изразцовъ и бѣлыхъ ступеней.

Прямо противъ воротъ Шахъ-Зинде теперь разбитъ тѣнистый и обширный садъ. Это уже созданіе русскихъ. Подъ садъ пришлось отвести опять-таки одно изъ кладбищъ, окружавшихъ городъ. Теперь тамъ проведены арыки, перекинуты мостики, насыпаны аллеи, разбиты цвѣтники. Въ базарные дни массы сартовъ, таджиковъ, киргизовъ набиваются въ него. Мы тоже прошлись по всѣмъ его аллеямъ, любуясь его розами и отдыхая въ прохладѣ деревъ послѣ полдневнаго пекла.

Но мы напрасно искали какихъ-нибудь слѣдовъ того «лѣтняго дворца Тимура», который такъ краснорѣчиво описывалъ въ своемъ «Путешествіи по Средней Азіи» Вамбери, называвшій, впрочемъ, этимъ именемъ самый монастырь Шахъ-Зинде. Что въ немъ похожаго на дворецъ и гдѣ вообще видѣлъ венгерскій путешественникъ все то, что онъ приписываетъ этому дворцу, эти «нѣсколько маленькихъ корридоровъ, ведущихъ въ большую комнату», эти «нѣсколько комнатъ съ кирпичными пестрыми стѣнами и мозаичными полами, которые кажутся потому совсѣмъ новыми», эту «мрачную тропинку, которою можно пройти къ могилѣ святого» и т. п.—пусть это объяснитъ самъ ученый оріенталистъ, воображеніе котораго можно дѣйствительно признать вполнѣ восточнымъ.

Я же могу сказать только одно, что кто разъ видѣлъ своими глазами «Хазрети-Шахъ-Зинде»,—никогда не могъ бы написать о немъ того, что̀ написалъ Вамбери, и умолчать о томъ, о чемъ онъ не заикнулся ни словомъ.

«Тюрбети-Тимуръ», гробница знаменитаго Тамерлана,—которую сарты называютъ также и «Гуръ-Эмиръ», совсѣмъ на противоположномъ (то-есть южномъ) концѣ города; къ ней приходится подъѣзжать уже черезъ густыя зеленыя аллеи русскаго Самарканда, особенно отрадныя въ жаркій лѣтній день.

Тѣнистый садикъ изъ бѣлыхъ акацій, катальпъ, айвы, примыкаетъ къ одной изъ такихъ улицъ-аллей. Садикъ устроенъ, должно быть, уже русскими съ разнообразными дорожками, скамеечками, клумбами. Генералъ Абрамовъ и его позднѣйшій замѣститель были большіе любители и знатоки древоводства, и оставили завидное наслѣдство Самарканду, обративъ его въ сплошной паркъ и снабдивъ его черезъ это превосходнѣйшимъ воздухомъ, хотя Самаркандъ славился своимъ прекраснымъ климатомъ еще въ древнія времена.

Тутъ же въ саду небольшой стоячій прудокъ,—обычный бухарскій «хоузъ»—въ тѣни деревъ, подъ сѣнью маленькой старой мечети. Сарты съ видимымъ удовольствіемъ разгуливаютъ кучками по саду и посиживаютъ, болтая, на его скамейкахъ.

Гробница Тимура снаружи очень напоминаетъ своими мозаиковыми порталами и эмалевымъ голубымъ куполомъ въ формѣ рубчатой дыни Биби-Ханымъ и медрессе Ригистана, только въ ней нѣтъ, конечно, двора, обставленнаго кельями софтъ. Да по размѣрамъ она нѣсколько менѣе ихъ. По изяществу же своихъ глазуревыхъ изразцовъ и арабесокъ, по тонкому вкусу своего архитектурнаго стиля—это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ древнихъ зданій Самарканда.

Отъ садика оно отдѣляется каменною оградою, охватывающею его со всѣхъ сторонъ. Ворота съ островерхою аркою, между двухъ башенъ-столповъ,—покрыты, какъ и вся мечеть, сверкающей черепицей, расписанною по бѣлому голубыми и синими узорами. Оріенталисты прочли на этихъ воротахъ арабскую надпись:

«Строилъ это ничтожный рабъ Мухамедъ, сынъ Мухамеда,

изъ Испагани», что́ несомнѣнно доказываетъ персидское происхожденіе архитектуры древнихъ самаркандскихъ и бухарскихъ мечетей и медрессе. Вамбери однако вмѣсто Мухамеда прочелъ Абдулла, и, конечно, я не берусь судить, кто въ этомъ случаѣ правъ.

Внутри ограды — мечеть съ обычнымъ «пикъ-ташемъ» и двумя минаретами. Восьмиугольный серединный барабанъ мечети, увѣнчанный куполомъ, будто высоко вздутымъ сарацынскимъ тюрбаномъ изъ голубой шали, опоясанъ подъ нимъ въ нѣсколько рядовъ карнизами съ мелкими куфическими строками корана изъ эмали болѣе темныхъ синихъ цвѣтовъ, въ то время какъ остальная окружность башни сплошь обвита крупными арабесками свѣтло-голубыхъ и зеленыхъ мозаикъ. Минареты удивительной стройности одѣты въ ту же голубую стеклянную одежду, только еще болѣе тонкую и разнообразную. Какъ и всѣ древнія мечети Самарканда, Тюрбети-Тимуръ уже осыпанъ собственными развалинами. Когда-то со всѣхъ его сторонъ высились такіе же величественные порталы, какъ и у главнаго входа, но теперь отъ нихъ уцѣлѣли только основанія. Фарфоровая броня его тоже выкрошились и осыпалась очень замѣтно. Голубая чалма центральнаго купола въ нижней половинѣ своей совсѣмъ оголена отъ эмали и стала теперь черною.

Съ трудомъ отбившись отъ необыкновенно назойливыхъ мальчишекъ, преслѣдовавшихъ насъ своими надоѣдливыми предложеніями показать намъ всѣ рѣдкости Тюрбети-Тимура и купить у нихъ подобранные ими кусочки голубыхъ мозаикъ,—мы вошли въ маленькую боковую дверочку мечети, гдѣ сейчасъ же наткнулись на молящагося муллу. Онъ оставилъ свою молитву и повелъ насъ темными корридорчиками внутрь мечети. Въ боковой комнатѣ, у окошка, на шкурѣ газели сидѣлъ очень старый мулла въ очкахъ, съ бѣлою до-желта бородою, и читалъ коранъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что́ совершалось вокругъ. Повидимому, онъ жилъ въ этой комнатѣ, охраняя гробницу великаго эмира.

Проводникъ нашъ повернулъ направо, и мы очутились подъ серединнымъ куполомъ. Сюда проникалъ мягкій и спокойный свѣтъ сквозь цѣлый рядъ высоко поднятыхъ окошекъ. Съ угловъ висѣли на подобіе балдахиновъ характерныя алебастровыя ниши изъ заостренныхъ глубокихъ ячеекъ, о которыхъ я уже упоминалъ, описывая Шахъ-Зинде.

Нижній поясъ стѣнъ выложенъ сплошными шестигранными табличками какого-то сверкающаго полупрозрачнаго камня, вродѣ алебастра или сердолика.

Мулла назвалъ его почему-то яшмою. Мѣстами эта хрустальная стѣна украшена дивною тонкою рѣзьбою съ остатками чуть видной теперь позолоты. Выше нея идетъ отдѣльный поясъ мраморныхъ украшеній и надписей. А еще выше, къ куполу, стѣны были, повидимому, обиты раззолоченною бумагою, которая теперь уже почти вся стлѣла и виситъ оттуда не совсѣмъ пристойными лохмотьями.

По срединѣ мечети за очень низенькой оградой бѣлаго мрамора лежитъ, на мраморномъ пьедесталѣ, продолговатый, довольно узкій камень изъ чернаго нефрита въ формѣ простаго ящика. Это гробъ великаго Тимура. Онъ окруженъ многими другими камнями бѣлаго и сѣраго мрамора, съ длинными надгробными надписями. Это гробницы его учителя, внуковъ, правнуковъ, въ томъ числѣ Улугъ-Бега, строителя великой мечети. На гробѣ Тимура начертаны его титулы и годъ его смерти, 807 годъ геджры, что соотвѣтствуетъ нашему 1405 году.

Въ головѣ всѣхъ гробницъ стоитъ какая-то странная мраморная посудина съ отверстіями, въ формѣ сартовской муллушки, куда, вѣроятно, кладется ѳиміамъ и жертвы по покойникамъ. Два огромныя бревна, изъ толстаго бамбука, съ знаменемъ и висящимъ конскимъ хвостомъ, стоятъ у этой муллушки. Нужно думать, что это подлинные стяги грознаго завоевателя Азіи, пережившіе его на столько столѣтій.

Отдѣльно отъ общей ограды, взаду мечети, гробница какого-то муллы временъ Тамерлана, насколько я понялъ своего прово-

жатаго, тоже съ знаменемъ и хвостомъ на бревнѣ, воткнутомъ въ головную часть гробницы. Я думаю, что это и есть гробница Миръ-Сеида-Берека-Шейха, того наставника юности Тимура, который предсказалъ ему будущую славу его, и рядомъ съ которымъ хотѣлъ быть непремѣнно похороненъ Тамерланъ. Но такъ какъ другіе путешественники увѣряютъ, что могила Шейха-Берке по срединѣ мечети рядомъ съ чернымъ камнемъ Тимура, а я не могъ добиться точнаго показанія отъ своего проводника, то и предоставляю рѣшать этотъ вопросъ тѣмъ ученымъ, которые сами могутъ прочесть арабскія надписи на могильныхъ камняхъ.

Подъ мечетью идетъ сводистое подземелье, которое собственно и служитъ могильнымъ склепомъ Тимуру и его загробнымъ спутникамъ. Мы зажгли свѣчки, врученныя намъ муллою, и спустились туда по винтовой лѣсенкѣ сквозь круглую черную дыру. Кирпичные своды склепа не украшены ничѣмъ, хотя Вамбери увѣряетъ, что арабески этого подземелья совершенно похожи на чудныя арабески мечети. Два старые деревянные подсвѣчника, стоящіе на полу, не казистаго и грязнаго вида, утыканные по четыремъ своимъ рогулькамъ неопрятными сальными свѣчками, слабо освѣщаютъ низенькое, но просторное подземелье. Подъ каждымъ верхнимъ гробомъ, какъ разъ противъ соотвѣтствующаго ему мѣста, лежатъ плиты сѣраго мрамора со множествомъ надписей, прикрывающія прахъ умершихъ. Только плита самого Тимура высѣчена, какъ мнѣ показалось, изъ того же алебастра или яшмы, которымъ обложены стѣны верхней мечети. Тимуръ умеръ семидесяти одного года на походѣ противъ Китая въ своемъ становищѣ подъ Отраромъ, отъ утомленія и суровой погоды, которыхъ уже не могъ болѣе выносить его слишкомъ остарѣвшій организмъ.

Мулла пригласилъ насъ положить въ двѣ впадины этой плиты нѣсколько серебряныхъ монетъ, предназначенныхъ на освѣщеніе подземелья. А когда мы поблагодарили тѣмъ же спо-

собомъ его самого, то онъ сообщилъ намъ тономъ, не допускавшимъ возраженій, что еще необходимо подарить что-нибудь «мутавели», то-есть главному настоятелю и хозяину мечети, которымъ и оказался тотъ именно сѣдой мулла, что читалъ коранъ въ боковой комнатѣ...

«Тюрбети-Тимуръ» былъ найденъ русскими въ самомъ жалкомъ и запущенномъ видѣ. Русское мѣстное правительство назначило особую сумму, чтобы привести въ приличный видъ этотъ замѣчательный историческій памятникъ. Сарты же, при всемъ своемъ благоговѣніи къ имени ихъ великаго «Амира Тимура», готовы бы были растаскать по камешкамъ и его гробницу, какъ они растаскали мавзолей его любимой жены. Кстати, туземцы наотрѣзъ отказываются вѣрить, чтобы ихъ славный завоеватель былъ хромой. Я не говорю о мѣстныхъ ученыхъ которые, вѣроятно, знаютъ объ этомъ изъ книгъ. Но купцы, подобные нашему Шамтудинову, составляющіе громадное большинство населенія, смѣются надъ этимъ.

— Какой хромой! что вы! самоувѣренно поправилъ меня мой путеводитель.—Это былъ страшный богатырь, а не хромой. А Тимурленгъ его назвали потому, что онъ сдѣлалъ много великихъ дѣлъ...

Вотъ и подите съ ними!..

VII.

Промыслы самаркандцевъ.

Я не буду описывать другихъ мечетей Самарканда. Ихъ тутъ великое множество. Но послѣ знаменитыхъ созданій Тимурова вѣка и великихъ медрессе Ригистана онѣ уже не представляютъ никакого интереса. Кромѣ мечетей мы изрядно таки пострaнствовали и по лавкамъ Самарканда; хотѣлось таки познакомиться съ прославленнымъ шелковымъ производ-

ствомъ его, да и необходимо было накупить мѣстной всякой всячины, чтобы повезть азіатскихъ гостинцевъ въ Россію.

Только въ одномъ Самаркандѣ изо всѣхъ большихъ городовъ Средней Азіи нѣтъ крытаго базара.

Прежде онъ не только былъ, но и славился на весь Туркестанъ. Испанскій путешественникъ 14-го вѣка Гонзалесъ Клавиго видѣлъ своими глазами, какъ Тамерланъ строилъ въ своемъ любимомъ городѣ цѣлую улицу, крытую сводомъ, съ окнами, лавками, фонтанами, немилосердно разрушая для этого дома жителей, не спрашивая ихъ и ничего за это не платя, такъ что, по словамъ Клавиго, многіе жители разбѣжались отъ этого изъ Самарканда. Постройку вели день и ночь, смѣняя партіи рабочихъ; но все-таки Клавиго не могъ дождаться ея окончанія, до того она обширна.

При Тимурѣ, какъ я уже говорилъ раньше, заведены были въ Самаркандѣ самыя разнообразныя производства, и, повидимому, съ его только времени пріобрѣли славу шелковыя и хлопчатобумажныя издѣлія Самарканда, его ковры, сѣдла, оружіе и ювелирныя работы.

По крайней мѣрѣ хлопчатникъ разводился при немъ въ огромномъ множествѣ, такъ же, какъ виноградники, рисъ, дыни и плодовые сады. Въ этомъ отношеніи за пять столѣтій заведено въ Самаркандѣ не много новаго.

Если вѣрить Гонзалесу, при Тимурѣ въ Самаркандѣ было не менѣе 150,000 жителей, такъ что множество народа жило прямо въ пещерахъ и кибиткахъ. А ужасъ передъ грознымъ именемъ »Амира« во всей Азіи былъ таковъ, что не было страны, гдѣ бы купецъ, снабженный ярлыкомъ великаго хана, не могъ вполнѣ безопасно провезти свои товары.

Не мудрено, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, когда всѣ богатства завоеванныхъ странъ стекались въ Самаркандъ, онъ сдѣлался не только центромъ богословской и математической учености всей Трансъ-Оксаніи, но и однимъ изъ важныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ ея. Онъ сталъ,

какъ и Бухара, естественнымъ посредникомъ между Китаемъ и Индіею съ одной стороны, а съ другой стороны—Европою и западомъ Азіи.

Недаромъ самое имя его «Самаръ-кендъ» означаетъ по-татарски «богатое селенье».

Но, признаюсь, современный Самаркандъ не особенно удивилъ и плѣнилъ меня своими товарами. Въ извѣстныхъ здѣсь магазинахъ Бухарина и потомъ «Двухъ братьевъ», кажется, больше московскихъ товаровъ, чѣмъ туземныхъ. И, что̀ меня поразило, самые характерные восточные рисунки, самая яркая азіатская пестрота, всѣ эти стамбульскіе ковры-скатерти, всѣ эти узорчатыя тармаламы, всѣ красные и желтые ситцы съ крупными букетами, во вкусѣ сартовъ и киргизовъ,—все это оказалось по справкѣ неподдѣльнымъ произведеніемъ нашихъ московскихъ фабрикъ! Напротивъ того, все, что̀ намъ показывали изъ шелку мѣстнаго производства—удивительно скромныхъ тоновъ и рисунковъ, песочные, сѣренькіе, клѣтчатые, блѣдно-лиловые, на подобіе нашихъ холстинокъ, однимъ словомъ, все такъ же рабски скопировано съ русскаго вкуса, какъ московскіе фабрикаты съ азіатскаго. Это отчасти понятно, потому что туземцы мало требуютъ чистыхъ шелковыхъ матерій, и онѣ продаются почти исключительно на-сторону. Коранъ запрещаетъ правовѣрному носить чистый шелкъ, можетъ быть, во избѣжаніе лишней роскоши, поэтому туземцы, главнымъ образомъ, носятъ полушелковыя, полубумажныя и чисто бумажныя ткани сусу, адрясъ, аладжу; и тѣ уже, конечно, вполнѣ приноравливаются къ ихъ вкусамъ и цвѣтомъ, и узоромъ своимъ. Самое качество самаркандскихъ шелковыхъ тканей очень незавидное. Онѣ невозможно узки и жидки, и мнутся, какъ кисея. Сравнительно съ французскою или даже московскою плотною и широкою шелковою матеріею—это что-то совсѣмъ жалкое, и покупать ее можно только въ видѣ мѣстнаго воспоминанія, но уже никакъ не ради удобства или выгоды, тѣмъ

болѣе, что онѣ въ концѣ концовъ выходятъ нисколько не дешевле нашихъ хорошихъ русскихъ шелковъ.

Мы посѣтили, благодаря любезности Шамтудинова, и нѣкоторыя мѣстныя фабрики шелководства. Какъ здѣшніе магазины—крошечныя лавченки съ самымъ скуднымъ запасомъ товара, такъ и здѣшнія фабрики — одно только мелкое кустарное производство. Каждый магазинъ имѣетъ обыкновенно своихъ кустарей, которые постоянно работаютъ по его заказу. Два, три станка—самое большое, — помѣщаются въ какой-нибудь тѣсной глиняной избушкѣ, къ которой пробраться нужно черезъ ножомъ прорѣзанныя щели между грязными, полуслѣпыми домишками, гдѣ съ трудомъ могутъ разойтись двое встрѣтившихся человѣка. На станкахъ натянуты шелковыя нити разныхъ цвѣтовъ. По какой-нибудь синей основѣ искусникъ-сартъ ловко перебрасываетъ челнокъ то съ бѣлымъ, то съ сѣрымъ шелкомъ, выводя на память довольно затѣйливые узоры. Берда подтягиваются на блочкахъ, сверху висятъ мѣшки, набитые пескомъ, а надъ ними большія веретена, съ которыхъ сматываются, по мѣрѣ надобности, шелки, натянутые концами въ основу. Вообще ничего особенно поучительнаго, а тѣмъ менѣе интереснаго.

Шелководство во всемъ Туркестанѣ носитъ на себѣ этотъ мелкій кустарный характеръ, и, можетъ быть, отъ этого именно оно изстари играетъ такую важную роль въ экономической жизни мѣстнаго населенія. Кочевники, правда, совсѣмъ имъ не занимаются; ни узбеки, ни киргизы. Но за то вездѣ, гдѣ таджики составляютъ главную массу населенія — шелководствомъ занимается старый и малый. Оттого-то Самаркандъ и Бухара, а на сѣверѣ Ходжентъ и Фергана — стали главными гнѣздами шелководства.

Промыселъ этотъ старъ, какъ міръ, и Азія — его законная хозяйка. По древнимъ хроникамъ китайцевъ, царица ихъ Силингъ, жена императора Вандъ-Ти, приблизительно въ эпоху Моисея, первая изобрѣла искусство разматывать коконы шел-

ковичнаго червя и приготовлять изъ нихъ нити. Изъ Китая искусство это перешло мало-по-малу въ Японію, Индію, Персію, а уже оттуда проникло черезъ Мервъ въ Бухару и Самаркандъ. Вѣроятно, въ память китайской изобрѣтательницы, въ Самаркандѣ, да и вездѣ въ средней Азіи, воспитаніемъ червя занимаются почти исключительно женщины. Весною, когда листъ тутоваго дерева начинаетъ распускаться, онѣ набираютъ грену, то-есть яички шелкопряда въ небольшіе мѣшочки изъ здѣшней «маты» (по-русски «бязь») и носятъ ихъ на груди, пока отъ теплоты ихъ тѣла грена не оживится. Сартянки увѣряютъ, что если мужчина только посмотритъ глазомъ на червяка передъ тѣмъ, какъ ему завиваться въ коконъ, то червякъ сейчасъ же пропадетъ. Къ сожалѣнію, туземки воспитываютъ своихъ червей черезъ-чуръ небрежно. Въ тѣхъ же душныхъ и вмѣстѣ холодныхъ сакляхъ, въ которыхъ они живутъ, въ тѣснотѣ и вони, онѣ кормятъ и шелковичныхъ червей, оставляя тамъ же гнить ихъ трупы и не очищая ничѣмъ воздуха. Все это вліяетъ очень вредно на смертность червей и качество будущихъ коконовъ. Тѣмъ не менѣе средняя Азія и особенно Бухара и Самаркандъ славились въ теченіе многихъ вѣковъ своимъ шелководствомъ, хотя выводимыя ими очень показныя на видъ крупныя породы коконовъ были гораздо рыхлѣе и хуже маленькихъ тугихъ коконовъ Японіи, Китая и южной Европы.

Но въ 1885 году, уже при русской власти, туркестанское шелководство было поражено страшнымъ бичемъ. Всѣ безъ исключенія мѣстные черви оказались пораженными болѣзнью «пебриной», отъ которой въ пятидесятыхъ годахъ совсѣмъ почти погибло шелководство Италіи и Франціи. Тогда, по распоряженію туркестанскаго губернатора, была открыта въ Ташкентѣ первая гренажная станція подъ управленіемъ Вилькинса, дѣятельности которой шелководство средней Азіи, быть можетъ, обязано своимъ спасеніемъ. Необходимо было отыскать и распространить по всѣмъ угламъ средней Азіи незараженную пебриною, вполнѣ здоровую грену. Микроскопическія изслѣдованія убѣдили,

что изъ туземныхъ породъ, которыя сначала думали было возстановить, невозможно было найти одной здоровой бабочки изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Оказалось неизбѣжнымъ выписать иностранную грену изъ здоровыхъ мѣстностей. Гренажная станція перепробовала 10 различныхъ породъ и, убѣдившись въ непримѣнимости къ Туркестану болѣе нѣжныхъ породъ, остановилась на сравнительно грубой корсиканской породѣ, грену которой и стала распространять безплатно между туземцами въ очень значительныхъ количествахъ. Впослѣдствіи станція г. Вилькинса выработала путемъ послѣдовательнаго скрещиванія самобытную породу червя, гораздо болѣе устойчивую. Для болѣе удобнаго сбыта и болѣе дѣятельныхъ изслѣдованій, кромѣ ташкентской станціи открыты были еще три отдѣленія, въ Самаркандѣ для всей Самаркандской области и Бухары, въ Петро-Александровскѣ для Хивинскаго ханства и въ Маргеланѣ для Ферганы и Ходжента. За неимѣніемъ на мѣстѣ спеціалистовъ, были приглашены любители изъ молодыхъ врачей, и они отлично принялись за дѣло, изучивъ его очень быстро.

Въ настоящее время почти повсемѣстно новая грена вытѣснила туземную, которой даже лучшіе сорта, какъ варданзи, бушри (т.-е. бухарская), хивинская и др., хуже европейской уже потому одному, что черви этихъ крупныхъ породъ живутъ обыкновенно 45 дней, въ то время, какъ европейскіе сорта только 32, 30 и даже 28 дней, слѣдовательно, поѣдаютъ гораздо больше пищи, требуютъ больше ухода и подвергаются большимъ шансамъ погибнуть отъ какихъ-нибудь случайностей.

Туземные способы размотки шелка тоже примитивные и долго служили препятствіемъ къ широкому развитію мѣстнаго шелководства. Когда же сарты переняли отъ русскихъ усовершенствованные способы размотки шелка, промышленность эта замѣтно двинулась впередъ. Вмѣсто какихъ-нибудь 90 руб. за пудъ, какъ это было при занятіи нами края, сартъ сталъ продавать свой шелкъ по 240 и 250 руб. за пудъ и въ количествахъ, въ 20 разъ большихъ, чѣмъ прежде.

Изъ одного золотника корсиканской грены явилась возможность получить до 20 фунтовъ коконовъ, что равняется двумъ фунтамъ чистаго шелку.

Насколько можетъ быть важно для насъ туркестанское шелководство,—видно изъ сопоставленія общихъ цифръ добычи шелка въ 1890 году: всѣ страны Европы, кромѣ Россіи, вмѣстѣ съ Египтомъ, Азіатской Турціей, Аравіей и Японіей, добыли шелка только 575.000 пудовъ въ годъ, а Россія съ своимъ Закавказьемъ и Среднеазіатскими областями одна успѣла добыть 113.000 пудовъ. Конечно, это еще далеко до добычи Китая, который вырабатываетъ въ годъ шелку болѣе, чѣмъ всѣ страны Европы и Азіи (кромѣ Россіи), именно 579.000 пудовъ, цѣнностью на 125.000.000 руб.; но все-таки это подаетъ надежду, что, при разумномъ направленіи въ будущемъ этой важной и доходной промышленности, Россія совсѣмъ перестанетъ нуждаться въ привозномъ европейскомъ шелкѣ, котораго она пока еще вынуждена выписывать въ готовомъ видѣ до 30.000 пудовъ, платя за него Европѣ отъ 320—370 руб. за пудъ, между тѣмъ какъ сама она продаетъ той же Европѣ свой сырецъ не дороже 220—240 руб.

Въ самаркандскомъ шелкѣ различаются два сорта: первый, такъ называемый «чилля», а второй — изъ оческовъ и плохихъ сортовъ коконовъ — «куляба» и *сарнекъ*. Сарнекъ въ огромномъ множествѣ идетъ къ намъ въ Россію, вслѣдствіе своей необыкновенной дешевизны, отъ 30—35 руб. за пудъ. Его даже везутъ къ намъ изъ Кашгара, гдѣ онъ еще дешевле, чѣмъ въ Туркестанѣ. Русскіе фабриканты что-то не берутся за устройство шелковыхъ фабрикъ въ самомъ Туркестанѣ, а больше выписываютъ отсюда шелкъ въ свои московскія фабрики. Первушинъ первый попробовалъ было открыть фабрику шелковыхъ издѣлій въ Ташкентѣ, а Хлудовъ — въ Ходжентѣ, — еще въ первыя времена занятія края,—но предпріятія ихъ не удались, и послѣдователей у нихъ, кажется, не явилось.

Гораздо болѣе заинтересовало насъ знакомство съ самаркандскимъ винодѣліемъ, этою совершенно новою отраслью среднеазіатской промышленности, которой предстоитъ впереди огромная будущность. Виноградъ не воздѣлывается ни въ Индіи, примыкающей къ Средней Азіи съ юга-запада, ни въ Сибири, ограничивающей ее съ сѣвера. А Индія и Сибирь цѣлые два міра, такъ что въ этомъ отношеніи туркестанское винодѣліе заранѣе обезпечено двумя громаднѣйшими сосѣдними рынками, въ которыхъ врядъ-ли будетъ возможно конкуррировать съ туркестанскими винами привознымъ винамъ болѣе отдаленныхъ странъ. Если вспомнить еще, что западная и юго-западная Азія—почти сплошь населены магометанами, слѣдовательно, сама религія ставитъ тамъ почти необоримыя препятствія къ развитію винодѣлія, то положеніе нашего Туркестана, какъ единственнаго почти производителя вина во всемъ громадномъ материкѣ Азіи,—окажется въ высшей степени благопріятнымъ и совершенно исключительнымъ.

Понятно поэтому, что новыя обширныя царскія имѣнія Байрамъ-Али на Мургабѣ предполагаютъ сосредоточить свою хозяйственную производительность преимущественно на виноградѣ и завести винодѣліе въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Мервскій оазисъ, въ которомъ расположено это имѣніе, по своему южному климату, можетъ оказаться еще удобнѣе для виноградарства, чѣмъ долины Сыръ-Дарьи и Заравшана, такъ какъ самые нѣжные и сахарные сорта винограда, не переносящіе болѣе суроваго климата сѣверныхъ областей Туркестана, должны прекрасно вызрѣвать въ жаркой природной теплицѣ Байрамъ-Али.

Утѣшительно и то, что по крайней мѣрѣ въ этой доходной отрасли мѣстной промышленности, сарты не въ силахъ будутъ отбить у русскихъ лавочку, какъ они это устраиваютъ постепенно и неотразимо со всѣми другими торговыми и фабричными предпріятіями русскихъ въ Туркестанѣ. Сартъ по своему религіозному закону не смѣетъ дѣлать вина, не смѣетъ пить вина и продавать вино. Пить его онъ еще пьетъ и довольно

много, хотя тайкомъ, пожалуй, будетъ и продавать тайкомъ, но ужъ устроить винодѣліе тайкомъ, конечно, ему будетъ невозможно.

Сарты, впрочемъ, много сажаютъ винограда; въ Ферганѣ, въ долинѣ Заравшана—виноградники почти въ каждомъ кишлакѣ; даже туркмены Закаспійской области и тѣ воздѣлываютъ виноградъ. Виноградарство завелось въ Туркестанѣ съ незапамятныхъ вѣковъ, еще въ библейскія времена, при ассирійскихъ царяхъ, при Кирахъ и Даріяхъ персидскихъ. При Тимурѣ, какъ мы только-что видѣли, въ долинѣ Заравшана было очень много виноградниковъ и даже открыто пили вино за пирами «Амира». Теперешнее виноградарство сартовъ существуетъ исключительно ради изюма, котораго азіаты потребляютъ громадныя количества. Поэтому и сорта винограда почти не разбираются, а сажается всякая порода, лишь бы въ ягодахъ ея было достаточно сахара и мясистости. Только одинъ ранній сортъ, поспѣвающій уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, и извѣстный здѣсь подъ именемъ «чилеки», не годится на изюмъ и съѣдается въ свѣжемъ видѣ. Впрочемъ, вообще туземные сорта винограда очень хороши для вина и мало уступаютъ многимъ крымскимъ и европейскимъ сортамъ. Особенно славятся здѣсь «чарасъ», изъ котораго дѣлается любимѣйшее красное вино туркестанцевъ, «хусаине» и «буаки», дающіе не совсѣмъ легкое, но очень пріятное бѣлое вино, «султани», «ханскій», изъ котораго приготовляются и красныя, и бѣлыя вина, предпочитаемыя туземцами всѣхъ другихъ, и проч.

Наши русскіе крупные винодѣлы Туркестана широко воспользовались этими мѣстными сортами, завоевавшими себѣ здѣсь прочное право гражданства, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно стараются акклиматизовывать невѣдомыя еще въ Туркестанѣ европейскія породы винограда, безъ которыхъ, конечно, не можетъ быть вполнѣ основательнаго винодѣлія. Собственно говоря, во всемъ Туркестанѣ можно считать трехъ серьезныхъ русскихъ винодѣловъ: Иванова, Первушина и Филатова. Они по-

дѣлили между собою забранныя области такъ, что Ивановъ съ Первушинымъ основались больше на Сыръ-Дарьѣ, а Филатовъ устроилъ свое винодѣліе въ Самаркандѣ. Его-то именно и посѣтили мы.

Винодѣліе Филатова помѣщается почему-то не въ русской, а въ туземной части Тимурова города. Въѣзжаешь въ него черезъ довольно обширный виноградникъ, тщательно огороженный отъ сосѣднихъ владѣній. У Филатова 7-мь десятинъ виноградника въ городѣ, да 25 десятинъ въ 8-ми верстахъ отъ Самарканда; не знаю, есть ли у него также виноградники въ Сыръ-Дарьинской и Ферганской области. Во всякомъ случаѣ Ивановъ, кажется, самый крупный русскій виноградарь изъ всѣхъ троихъ. Уже въ 1890 году, во время туркестанской выставки, у него было 50 десятинъ виноградниковъ вблизи Ташкента, и онъ собиралъ съ нихъ среднимъ числомъ 20.000 пудовъ винограда. Первушинъ въ то же самое время имѣлъ только 16-ть десятинъ и собиралъ только около 5,000 пудовъ, такъ что Филатовъ, повидимому, занимаетъ въ этомъ отношеніи второе мѣсто. Но вообще русское виноградарство въ Туркестанѣ еще совсѣмъ ничтожно по своимъ размѣрамъ. Достаточно сказать, что 66 десятинъ виноградниковъ Иванова и Первушина съ ихъ 25.000 пудами ягодъ приходились въ 1890 году на 2.740 десятинъ всѣхъ виноградниковъ Сыръ-Дарьинской области, дававшихъ $2^1/_2$ милліона пудовъ винограда и почти исключительно принадлежащихъ сартамъ и нераздѣлимымъ отъ нихъ таджикамъ,—процентъ совсѣмъ ужъ жалкій!

Виноградники Филатова ведутся по-европейски, шпалерами, такъ же, какъ и у его ташкентскихъ конкуррентовъ. Кромѣ лучшихъ мѣстныхъ сортовъ, только-что мною названныхъ, разводятся всѣ главные европейскіе, крымскіе и кавказскіе сорта.

Въ туземныхъ же виноградникахъ Самарканда и Бухары я видѣлъ совсѣмъ другой способъ разведенія винограда. Туземцы

подрѣзываютъ его очень низко къ корню и привязываютъ къ небольшимъ колышкамъ, которые они называютъ «казыкъ», съ тою цѣлью, чтобы кисти не лежали на землѣ. Въ Ташкентѣ и Ферганской области опять-таки своя мода: втыкаютъ въ землю обоими концами согнутые въ дугу длинные ивовые прутья въ видѣ цѣлаго ряда параллельныхъ арокъ и даютъ виноградным лозамъ виться по нимъ, образуя своего рода крытыя сводистыя аллеи, хотя и слишкомъ низкія для прогулки подъ ними. Кисти черезъ это не прикасаются, конечно, къ землѣ, но зато висятъ подъ густою листвою, въ постоянной тѣни, почему поспѣваютъ позднѣе, чѣмъ бы могли, и даютъ ягоды бѣдныя сахаромъ, болѣе кислыя, чѣмъ бы слѣдовало.

Во всякомъ случаѣ и въ Самаркандѣ, и на Сыръ-Дарьѣ, и даже въ гораздо болѣе южной Закаспійской области виноградъ переноситъ морозы только хорошо укрытый, почему лозы его здѣсь необходимо засыпать на зиму землею, что̀ обязательно дѣлаютъ и русскіе, и туземцы.

Но зато туркестанскіе виноградники имѣютъ ни съ чѣмъ несравнимое преимущество передъ виноградниками Европы и другихъ странъ: вслѣдствіе широко распространенной системы орошенія, каждый здѣшній виноградникъ можетъ быть при первой же надобности залитъ водою своего арыка, хотя бы на 40 дней. А такое продолжительное дѣйствіе воды, какъ показалъ опытъ, убиваетъ навѣрняка всякіе слѣды филоксеры. Такимъ образомъ туркестантскимъ виноградникамъ не можетъ грозить тотъ безпощадный повсемѣстный бичъ, который почти совершенно уничтожилъ виноградарство южной Франціи и Италіи, который уже заразилъ значительное количество крымскихъ виноградниковъ и угрожаетъ заразить кавказскіе, вынуждая не только владѣльцевъ виноградниковъ, но и земства, и правительства къ очень значительнымъ расходамъ на почти безплодную борьбу съ нимъ.

Это обстоятельство также должно послужить очень важнымъ

благопріятнымъ условіемъ для будущаго развитія винодѣлія въ Туркестанѣ.

Кстати упомяну, что здѣшніе винодѣлы въ видахъ предупрежденія филоксеры стали разводить въ послѣдніе годы столь извѣстный въ Крыму сортъ чрезвычайно душистаго и мясистаго столоваго винограда—изабеллу, и прививаютъ къ ней разные другіе сорта; опытъ показалъ, какъ увѣряютъ они, что на корняхъ изабеллы филоксера не появляется никогда.

Черно-синяя кожица изабеллы въ то же время служитъ здѣшнимъ винодѣламъ для окраски вина въ густой красный цвѣтъ, точно такъ же, какъ и кавказскій сортъ чернаго винограда «сапперави», сообщающій вину еще болѣе яркій цвѣтъ.

Нѣсколько большихъ каменныхъ корпусовъ помѣщаютъ въ себѣ винодѣліе Филатова. Тутъ и бондарня для бочекъ, и много другихъ хозяйственныхъ дополненій. Главный винодѣлъ г. Т. оказался молодымъ человѣкомъ изъ хорошо мнѣ знакомаго Магарачскаго училища винодѣлія, ученикъ извѣстнаго всему Крыму старика Сербуленки.

Онъ очень любезно вызвался показать и объяснить намъ всѣ подробности своего заведенія. Огромные подвалы идутъ двумя сводистыми ярусами другъ надъ другомъ. Исполинскія дубовыя бочки въ 300 и 400 ведеръ каждая, тщательно закованныя въ массивные желѣзные обручи, покоятся правильными рядами на своихъ подставкахъ, какъ осадныя пушки на лафетахъ. Бочки эти получаются изъ Казани, гдѣ онѣ готовятся на заказъ. Желѣзные жомы разныхъ конструкцій, большею частью выписанные изъ Франціи, машины для выборки вѣточекъ изъ мязги, машины для отдѣленія сока отъ кожицы, спиртометры и вѣсы всякаго рода,—цѣлый вообще арсеналъ собранъ въ особомъ машинномъ отдѣленіи. Заведеніе приготовляетъ въ настоящее время до 20.000 ведеръ вина, въ 1890 году оно приготовляло 16.000, а въ 1881 году, при началѣ своего существованія, только 1.200 ведеръ.

По словамъ винодѣла, съ одной десятины виноградника получается 1.200—1.500 пудовъ винограда, а изъ каждаго пуда добывается $^4/_5$ ведра вина. Это результатъ очень удовлетворительный, если принять въ соображеніе, что, въ приложеніи ко Всеподданнѣйшему отчету военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области за 1889 годъ, урожай съ одной десятины виноградника за нѣсколько лѣтъ выведенъ въ 1.350 пудовъ для лучшихъ виноградниковъ, 500 пудовъ для среднихъ и 450 пудовъ для худшихъ, что̀ даетъ въ среднемъ выводѣ около 800 пудовъ съ десятины.

Цѣнность вина очень измѣнчива, и опредѣлить ее трудно. Въ упомянутыхъ сейчасъ интересныхъ данныхъ Всеподданнѣйшаго отчета, собранныхъ генераломъ Гродековымъ, цѣны винъ Иванова опредѣлены въ 8—20 руб. за ведро, и отъ 40 к. до 1 рубля за бутылку; цѣны винъ Первушина въ 6—12 руб. за ведро и отъ 30—60 к. за бутылку; у маленькихъ же, такъ сказать, кустарныхъ производителей, изъ числа туземцевъ, не имѣющихъ фирмы и не соблюдающихъ никакихъ сортовъ, кромѣ различія бѣлаго вина отъ краснаго, цѣны на вино вдвое меньше, приблизительно 3 рубля за ведро и 20—30 коп. за бутылку.

Филатовскія вина продаются приблизительно по тѣмъ же цѣнамъ, какъ Иванова. Но, кажется, они обгонятъ ихъ качествомъ. Въ конторѣ главнаго винодѣла, гдѣ мы отдыхали отъ довольно продолжительнаго осмотра, виситъ на стѣнахъ множество дипломовъ на золотыя и серебряныя медали Филатову, полученныя имъ за свои вина съ разныхъ выставокъ русскихъ и французскихъ. Кромѣ того, намъ показывали недавно полученную изъ Петербурга телеграмму министерства Императорскаго Двора, въ которой выражалась Филатову похвала за отличное качество его винъ, поднесенныхъ Его Величеству генераломъ Розенбахомъ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ Туркестана.

Мы съ женою тоже могли оцѣнить замѣчательное достоинство этихъ винъ, смакуя янтарную душистую влагу ихъ послѣ утомительнаго осмотра погребовъ. Нужно думать, конечно, что

намъ предложили на пробу лучшіе сорта, которые не всегда могутъ попасть въ продажу, но тѣмъ не менѣе, для меня не сомнѣнно, что самаркандскія вина Филатова способны уже выдержать соперничество съ любыми кавказскими и крымскими.

VIII.

Геройская цитадель.

Отъ русскаго винодѣлія самый естественный переходъ къ русскому городу. Я уже умѣлъ случай, описывая нашу поѣздку въ Ташкентъ, набросать общую картину русскаго Самаркандскаго поселка. Даже и послѣ всего видѣннаго нами въ Ташкентѣ и Маргеланѣ, чудныя зеленыя аллеи Самарканда производятъ самое радостное впечатлѣніе. Столько воздуха, свѣжести, влажности, столько весны и жизни въ этихъ такъ называемыхъ «городскихъ улицахъ», журчащихъ ручьями и гораздо болѣе напоминающихъ своими полчищами деревьевъ-великановъ, безконечными перспективами своихъ аллей какой-нибудь громадный паркъ для прогулокъ, чѣмъ прозаическое мѣстопребываніе русской военной и гражданской администраціи. Кромѣ тѣнистыхъ, длинныхъ и широкихъ улицъ, обсаженныхъ въ четыре ряда деревьями и окаймленныхъ съ каждой стороны быстро текущими арыками, въ Самаркандѣ есть и настоящій паркъ, съ дорожками, клумбами, цвѣтниками, скамейками, есть и помимо него хорошенькій городской садикъ.

Изъ нашихъ военныхъ правителей Туркестана нашлось, по счастью, нѣсколько разумныхъ и знающихъ людей, которые поняли всю важность для здоровья жителей,—для здоровья русскаго солдата, особенно нуждающагося въ здоровьи, — чистаго воздуха, прохлады и тѣни. Жизнь въ этихъ сухихъ азіатскихъ равнинахъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ сряду не вѣдающихъ дождей и облачныхъ дней, сдѣлалась бы положительно невыносимою и убійственною для русскаго человѣка, привыкшаго къ туманамъ,

заморозкамъ и постояннымъ дождичкамъ родной стороны. Туземецъ отыскиваетъ себѣ прохладу, тѣнь и сырость—въ своихъ полутемныхъ глиняныхъ мазанкахъ, да въ садахъ своихъ кишлаковъ. Но русскаго солдата и чиновника невозможно было загонять въ душныя и вонючія берлоги сарта, а показалось гораздо удобнѣе обратить въ тѣнистое и прохладное обиталище весь русскій поселокъ съ его домами и улицами. И вотъ дворы и улицы этого поселка превращены въ сады, эти каменныя мостовыя орошены какъ луга веселыми струями арыковъ.

Черезъ это, небольшое русское населеніе Самарканда захватило подъ свои жилища очень большія пространства. Нужно было дать просторъ всему, и двору, и площади, и парку, и мостовой, и арыку, и аллеямъ-тротуарамъ.

Улицы русскаго Самарканда разлинеены параллельными и пересѣкающимися прямыми линіями правильно, какъ геометрическій чертежъ, и довольно многочисленны. Православная церковь его небольшая, но красивая, въ русскомъ стилѣ, съ хорошею живописью строгаго характера, съ рѣзнымъ иконостасомъ изъ темнаго орѣха. Напротивъ нея большой домъ военнаго собранія, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ. Тутъ же близко и такъ называемое общественное собраніе, гдѣ собираются уже не военные, а «вольные» по общепринятому здѣсь потѣшному термину для обозначенія всѣхъ штатскихъ вообще, служащихъ и не служащихъ. Домъ военнаго губернатора съ очень эффектнымъ подъѣздомъ, хотя и въ одинъ этажъ ради прохлады и безопасности отъ землетрясеній, занимаетъ своимъ превосходнымъ фруктовымъ садомъ, паркомъ и разными хозяйственными учрежденіями цѣлый обширный кварталъ, кругомъ обнесенный каменною стѣною.

Самаркандъ, какъ я уже говорилъ, болѣе всего обязанъ своими насажденіями первому генералъ-губернатору своему Кауфману и извѣстному туркестанскому садоводу, генералу Корольков, который былъ здѣсь, если не ошибаюсь, помощникомъ военнаго губернатора раньше, чѣмъ его назначили военнымъ

губернаторомъ Ферганской области. Впрочемъ, много потрудился надъ этимъ добрымъ дѣломъ и первый военный губернаторъ Самарканда, генералъ Абрамовъ.

Особенную пользу въ этомъ отношеніи принесли цѣлому краю казенные питомники деревьевъ, учрежденные при Кауфманѣ въ Самаркандѣ и Маргеланѣ. Здѣсь они велись подъ главнымъ наблюденіемъ Королькова и Невѣсскаго, знатоковъ и любителей садоводства. Питомники эти выписывали и приручали къ мѣстному климату всякія породы полезныхъ деревьевъ, продавали по самой дешевой цѣнѣ и даже разсылали даромъ, чтобы пріохотить туземцевъ, молодые саженцы и сѣмена. Оттого-то въ улицахъ и паркахъ Самарканда, кромѣ давно распространеннаго въ Туркестанѣ гигантскаго пирамидальнаго тополя, можно найти теперь во множествѣ клены, айлантъ, гледичію, катальпу (бигнонію), бѣлую акацію и проч. Трудами нашихъ военныхъ садоводовъ-акклиматизаторовъ въ садовое хозяйство Средней Азіи введены также многія плодовыя деревья, дающія болѣе нѣжные и болѣе дорогіе плоды. Туркестанъ вообще, въ особенности же долина Заравшана съ Самаркандомъ, издревле была страною садоводства и плодоводства. Но въ грубыхъ рукахъ сарта и таджика плоды, обильно растущіе въ его садахъ и даже дико въ лѣсахъ, не достигали той сочности, душистости и тонкости вкуса, которыхъ требуетъ отъ фруктовъ избалованный европеецъ. Фисташка, урюкъ (абрикосъ), персикъ, маленькія довольно жесткія яблоки и груши, да дешевая ягода тута и джигды (eleagnus hortensis)—вотъ обычныя произведенія туземныхъ садовъ. Урюкъ имѣетъ особенно важное значеніе въ хозяйственной жизни сарта. Онъ питается имъ почти круглый годъ, такъ же, какъ дынями и арбузами своими, пожевывая сухую, вяленую или свѣжую ягоду, смотря по времени года, съ лепешкою на бараньемъ салѣ. Въ настоящее время въ садахъ Заравшанской долины можно найти и гранатникъ, и фигу, и самые нѣжные сорта персиковъ, грушъ и яблокъ. Только апельсинъ и лимонъ не могутъ выносить рѣзкихъ перемѣнъ здѣш-

няго климата, точно такъ же, какъ не выносятъ его жаровъ и сухости ягоды нашего русскаго сѣвера — клюква, морошка, брусника.

Русскій городъ раздѣляетъ отъ туземнаго — Самаркандская цитадель, по мѣстному «аркъ». Это самая естественная и самая откровенная спайка между завоевателями и завоеванными. Что тамъ ни говори, какими розовыми взглядами ни утѣшай себя, а все-таки необходимо быть готовымъ на всякій случай и ожидать всего того, чего можно ожидать. Какъ ни смирны сарты, какъ ни поглощены они теперь своею торговлею, ремеслами и полевымъ хозяйствомъ, не можетъ быть однако никакого сомнѣнія, что при первыхъ серьезныхъ неудачахъ русскаго оружія въ Азіи, въ случаѣ возможнаго столкновенія съ какою-нибудь враждебною державою,—мусульманскій фанатизмъ и ненависть побѣжденнаго къ побѣдителю возьмутъ свое. Народъ этотъ еще слишкомъ недавно скрещивалъ оружіе съ теперешнимъ своимъ владыкою, еще слишкомъ мало отвыкъ отъ постоянныхъ междуусобицъ и войнъ съ сосѣдями, однимъ словомъ, еще слишкомъ азіатецъ, чтобы упустить благопріятный случай взяться за ножи и перерѣзать горла поработившимъ его врагамъ. Поэтому ничего не можетъ быть такъ кстати въ этихъ обстоятельствахъ, какъ внушительный буферъ между двумя враждебными народностями въ видѣ пушекъ, направленныхъ жерлами туда, откуда можетъ послѣдовать какой-нибудь непріятный сюрпризъ.

Конечно, можетъ быть, время смиритъ страсти, смягчитъ отношенія, создастъ мало-по-малу какія-нибудь внутреннія связи даже между сартомъ и русскимъ. И дай Богъ, конечно, чтобы это было скорѣе. Но что такого конца придется ждать очень долго и уже, конечно, не одно столѣтіе, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Примѣръ кавказскихъ горцевъ, примѣръ Польши, достаточно убѣдительны въ этомъ отношеніи. Пока же нѣтъ ни малѣйшаго намека на сліяніе, ни малѣйшей надежды на искренность мира и дружбы,—наивно было бы предаваться сантимен-

тальнымъ иллюзіямъ, губить дѣло излишнею довѣрчивостью и вводить въ опасный соблазнъ безъ того легко увлекающійся восточный людъ. Гораздо честнѣе и умнѣе вести дѣло на чистоту и передъ лицомъ несомнѣннаго врага опираться, не таясь отъ него, на штыкъ, а не на тросточку.

Крѣпость имѣетъ внушительный видъ. Въ ней гласисы и парапеты для пушекъ, стѣны и рвы, въ которые проведенъ довольно глубокій арыкъ. Поднимается она надъ городомъ тремя уступами на вершину небольшого холма. Внутри еще сохранилось нѣсколько старинныхъ мечетей и гробницъ, но главный ея интересъ для путешественника—это остатки Тимурова дворца и лежащій въ немъ знаменитый «зеленый камень»—*Кокъ-Ташъ*, на которомъ возсѣдалъ великій монгольскій Амиръ, творя судъ и расправу надъ своими подданными и принимая пословъ со всѣхъ концовъ свѣта.

Дворецъ Тимура обращенъ въ артиллерійскій складъ и держится на замкѣ, подъ карауломъ часового со штыкомъ.

Дворъ, окруженный съ 3-хъ сторонъ очень простою галлереею на деревянныхъ точеныхъ столбикахъ, составлялъ когда-то пріемную залу владыки Азіи. Посрединѣ его нѣчто въ родѣ жертвенника—осьмиугольный камень аршина полтора вышины, выдолбленный сверху на подобіе ступы или небольшой цистерны для воды, чѣмъ онъ, повидимому, и былъ.

Знаменитый «Кокъ-Ташъ» помѣщается какъ разъ противъ входа въ галлерею. Это довольно большой камень 4 или 5 аршинъ длины и аршина 2 ширины сѣраго, а вовсе не зеленаго цвѣта, похожій на мраморъ. Сверху онъ гладко отполированъ, а по бокамъ украшенъ разными арабесками. Лежитъ онъ не прямо на полу, а на кирпичномъ фундаментѣ своего рода, такъ что всего высоты въ этомъ оригинальномъ тронѣ повелителя Азіи будетъ около аршина. При взятіи русскими Самарканда у трона этого еще была цѣла спинка, сдѣланная изъ очень твердаго цемента, которая потомъ обсыпалась. По распоряженію

русскихъ властей, историческій камень окруженъ теперь чугунною рѣшеткою.

Повидимому, онъ былъ прежде подножіемъ трона монгольскихъ хановъ. По разсказамъ султана Бабера, послѣдняго потомка Тимура, — Тимуръ выстроилъ въ самаркандскомъ «аркѣ» своемъ прекрасный четырехъ-этажный дворецъ, который назывался «кокъ-сарай», т.-е. «зеленый или синій домъ». Очень можетъ быть, что онъ былъ окрашенъ въ зеленую или синюю краску или былъ украшенъ голубыми куполами.

Баберъ прибавляетъ, что всѣ ханы тимуровой династіи были возводимы на престолъ обязательно въ кокъ-сараѣ, и здѣсь же всегда лишались жизни тѣ, которые покушались незаконно захватить въ свои руки тронъ Тимура. Оттого-то, по словамъ Бабера, выраженіе «осудить на кокъ-сарай» стали употреблять въ смыслѣ казнить смертью. Всего вѣроятнѣе, Кокъ-Ташъ, бывшій основаніемъ трона Тимура во дворцѣ его, кокъ-сараѣ, получилъ свое имя не отъ зеленаго цвѣта, котораго онъ не имѣетъ, а отъ дворца, въ которомъ онъ лежалъ.

Очень можетъ быть также, что на немъ именно, у подножія престола, рубились и гоовы злополучнымъ претендентамъ на тронъ эмира.

Старое туземное преданіе приписывало Кокъ-Ташу таинственное происхожденіе: онъ будто бы упалъ прямо съ неба, и, вслѣдствіе этого, ни одинъ незаконный ханъ, не принадлежавшій къ роду Тимура, не въ силахъ взойти на него. Въ 1722 году даже вспыхнуло серьезное возстаніе противъ Абдулъ-Феизъ-хана за то, что будто бы онъ не возсѣлъ на Кокъ-Ташъ при вступленіи своемъ на престолъ; вмѣсто него возвели тогда Реджень-хана, заставивъ его продѣлать традиціонный обрядъ возсѣданія на Кокъ-Ташѣ.

Сзади Кокъ-Таша, въ стѣнѣ галлереи, устроена ниша на подобіе киблы мечети, украшенная алебастровыми арабесками. Около нея въ стѣнѣ вдѣлано что-то вродѣ чугуннаго полушарія, вѣроятно, перенесеннаго сюда съ могилы досточтимаго

мусульманскаго святого, какъ можно судить по начертанной тутъ же арабской надписи: «это гробница Шейха Родовери Ишакъ-ель-Хиви. Да проститъ небо грѣхи ему и родителямъ его и всѣмъ усопшимъ мусульманамъ».

На обширномъ пустырѣ между крѣпостью и зелеными аллеями русскаго города—могилы русскихъ воиновъ, павшихъ при славной защитѣ цитадели въ 1868 году.

Каменный памятникъ съ крестомъ, но безъ надписей, возвышается надъ прахомъ храбрецовъ. Только на отдѣльной гробницѣ полковника Соковнина и убитаго вмѣстѣ съ нимъ штабсъ-капитана, фамилію котораго я теперь забылъ,—вырѣзана надпись.

Нельзя не вспомнить и не разсказать объ этомъ славномъ дѣлѣ, которое достойно стать наряду съ геройскою защитою Баязета и другими незабвенными подвигами русскаго воинства.

Это было въ 1868 году. Бухарскій эмиръ, раздраженный своими постоянными неудачами и потерявшій уже сѣверную часть своихъ владѣній, съ Джизакомъ, Яны-Курганомъ и другими городами, рѣшился собрать послѣднія свои силы, чтобы нанести русскимъ рѣшительный ударъ, но, по азіатскому обычаю, продолжалъ лукавить съ генераломъ Кауфманомъ, главнымъ начальникомъ тогдашнихъ русскихъ владѣній въ Туркестанѣ, и тянуть переговоры о мирѣ, чтобы усыпить бдительность русскаго военачальника. Но генералъ Кауфманъ зорко слѣдилъ за приготовленіями бухарцевъ и, чтобы предупредить ихъ нападеніе раньше, чѣмъ они успѣютъ соединиться съ кокандцами и другими среднеазіатскими ханствами, рѣшился самъ двинуться на Самаркандъ.

Весь отрядъ Кауфмана состоялъ изъ 3,500 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллеріи. У эмира же было въ это время 16,500 человѣкъ постояннаго войска съ 150 пушками и, кромѣ того, собрано было болѣе 100.000 наѣздниковъ, вооруженныхъ саблями, ружьями и пистолетами.

На горѣ Чупанъ-Ата, за разливами Заравшана, черезъ ко-

торые мы только-что переправились, всего въ 8-ми верстахъ отъ Самарканда, сдѣлана была бухарцами первая серьезная попытка остановить русское войско. 40 орудій и тысяча стрѣлковъ обстрѣливали съ высотъ Чупанъ-Аты надвигавшійся отрядъ нашъ.

Положеніе нашихъ воиновъ, утомленныхъ безостановочнымъ тридцативерстнымъ походомъ по лѣтней жарѣ, было самое опасное. Пушки вязли въ безчисленныхъ разливахъ рѣки, которую бухарцы нарочно запруживали, гдѣ только могли, лошади обрывались въ канавы и ямы, люди должны были переходить рѣку прямо подъ выстрѣлами непріятелей по плечо въ водѣ. Но, несмотря на все, солдатики наши молодецки переправились черезъ бушующій Заравшанъ и съ дружнымъ «ура!» ударили на врага. Бухарцы, считавшіе свою позицію совершенно неприступной, до того были поражены этимъ смѣлымъ натискомъ русскихъ, что побросали орудія, ружья, даже платья свои, и обратились въ поспѣшное бѣгство.

Испуганные торгаши Самарканда, въ ужасѣ передъ русскою силою, одолѣвшею, какъ имъ казалось, непобѣдимыя препятствія, измѣнически заперли ворота передъ бѣжавшими войсками эмира и не пустили ихъ къ себѣ въ городъ, а сейчасъ же послали къ генералу Кауфману депутацію изъ почетныхъ жителей съ предложеніемъ принять городъ Самаркандъ подъ власть Бѣлаго Царя.

2-го мая русскій отрядъ, торжественно встрѣченный жителями, съ музыкой и пѣснями вступилъ въ древнюю столицу Тимура.

Вѣсть о взятіи русскими священнаго для мусульманъ города привела въ ярость всѣ окрестные народы. Въ самыхъ отдаленныхъ городахъ и селеніяхъ Бухарскаго ханства народъ собирался толпами и вооружался, собираясь идти на выручку своего священнаго города и на истребленіе невѣрныхъ урусовъ. Жители Шехри-Зяба, самые храбрые изъ племенъ Бухарскаго ханства, получили было приказаніе отъ эмира уничтожить до тла

вѣроломный городъ; но потомъ эмиръ раздумалъ и сталъ подсылать къ самаркандцамъ тайныхъ агентовъ своихъ, подбивая жителей единодушно возстать противъ русскихъ и обѣщая имъ прощеніе за измѣну.

Въ то же время эмиръ дѣятельно устраивалъ свою армію и готовился къ новой рѣшительной битвѣ. Генералъ Кауфманъ понималъ, что только быстрый и окончательный разгромъ врага—водворитъ миръ въ странѣ и обезпечитъ за русскими ихъ завоеваніе. Онъ рѣшился самъ двинуться на встрѣчу эмиру и почти со всѣмъ своимъ войскомъ направился въ Катты-Курганъ. Эмиръ ждалъ его верстахъ въ 12-ти отъ Катты-Кургана на крѣпкой позиціи Зера-Булакскихъ высотъ во главѣ 50.000 войска. Въ соединенныхъ же отрядахъ генерала Головачева и генерала Кауфмана насчитывалось всего 2.020 человѣкъ съ 14 орудіями и 6-ю ракетными станками, изъ которыхъ нѣкоторую часть нужно было оставить гарнизономъ въ цитадели Катты-Кургана. Въ 4 часа утра 2-го іюня наши храбрецы бросились въ атаку на Зера-Булакскія высоты, а къ серединѣ дня бухарское войско бѣжало въ страшномъ безпорядкѣ, покинувъ тысячи тѣлъ и всѣ орудія свои, погибая во множествѣ среди безводной степи отъ утомленія, жажды и голода.

Полковникъ Абрамовъ и Пистолькорсъ были во главѣ геройскихъ колоннъ, уничтожившихъ бухарскую силу.

У эмира осталось всего 200 человѣкъ конвоя, съ которыми онъ едва спасся, трепеща за свою судьбу.

Между тѣмъ въ Самаркандѣ происходили скверные дѣла. Послѣ ухода отряда въ Катты-Курганъ, въ гарнизонѣ его оставалось всего на всего 772 человѣка разныхъ оружій. Кромѣ того въ лазаретахъ лежало 450 человѣкъ больныхъ; климатъ Самарканда оказался на первое время очень вреднымъ для русскихъ, такъ что въ день иногда заболѣвало въ отрядѣ человѣкъ по 50-ти.

Шехри-зябцы уже давно собирались напасть на Самаркандъ,

и только страхъ передъ русскими войсками сдерживалъ ихъ. Когда же стало извѣстно, что всѣ почти русскія войска ушли изъ города, и что эмиръ двигается на нихъ съ большими силами, вся окрестная страна одушевленно поднялась на освобожденіе священнаго города. Жители Самарканда, не сомнѣваясь больше, что эмиръ ихъ въ конецъ уничтожитъ русскихъ, всѣ отъ мала до велика присоединились къ нападающимъ.

Маленькій русскій гарнизонъ заперся въ старой бухарской цитадели, которую еще не успѣли приспособить къ надежной защитѣ. Глиняныя стѣны ея во многихъ мѣстахъ обвалились, парапетовъ для пушекъ почти не было, не было и бойницъ для ружейнаго боя; и хотя съ одной стороны подходы къ крѣпости защищались глубокимъ арыкомъ, а съ другой рвомъ и оврагомъ, но за то съ двухъ остальныхъ сторонъ дома сартовъ какіе вплотную примыкали къ стѣнѣ, какіе окружали крѣпость въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ, препятствуя дѣйствію артиллеріи и представляя собою почти безопасное прикрытіе для нападающихъ.

Убѣдившись въ измѣнѣ жителей и видя приближеніе къ городу многочисленныхъ полчищъ шехри-зябцевъ, начальникъ гарнизона полковникъ Штемпель цѣлую ночь исправлялъ стѣны, насыпалъ парапеты, продѣлывалъ въ стѣнѣ отверстія для ружей. Утромъ 2-го іюня, въ тотъ самый день, какъ происходилъ погромъ эмира на Зера-Булакскихъ высотахъ, разъяренные мусульмане съ дикими криками, съ барабаннымъ боемъ и ревомъ трубъ, ободряя другъ друга, кинулись со всѣхъ сторонъ на приступъ цитадели, увѣренные, что первымъ же дружнымъ натискомъ своей 50-ти тысячной вооруженной толпы они задавятъ крошечную горсточку его защитниковъ. На плоскія крыши домовъ, на террасы мечетей, даже на балконы минаретовъ втащили орудія и поставили стрѣлковъ, осыпавшихъ градомъ пуль появлявшихся на стѣнѣ малочисленныхъ русскихъ воиновъ. Вездѣ, на всемъ почти трехъ-верстномъ протяженіи крѣпостныхъ стѣнъ, ничтожному гарнизону нужно было отражать въ

одно и то же время отчаянно влѣзавшихъ на стѣны, безстрашно ломившихся въ ворота фанатическихъ враговъ.

Не разъ бѣлыя чалмы и пестрые значки торжествующихъ азіатовъ съ побѣдными криками появлялись на гребняхъ стѣнъ; но неодолимое мужество геройскихъ защитниковъ всякій разъ опрокидывало ихъ назадъ. Около двухъ деревянныхъ воротъ Бухарскихъ и Самаркандскихъ свалка шла съ особеннымъ остервенѣніемъ. Сартамъ во что бы то ни стало хотѣлось прорваться сквозь нихъ, и они, не жалѣя жизни, съ крикомъ и гамомъ напирали на ворота. Бросили наконецъ подъ нихъ мѣшки съ порохомъ, и обое воротъ запылали. Сквозь образовавшіяся отверстія храбрѣйшіе изъ азіатовъ съ неистовыми криками уръ уръ! (бей ихъ) уже проникли было въ крѣпость, но штыки и жестокій ружейный огонь положили ихъ всѣхъ на мѣстѣ.

Подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, среди непотухавшаго пожара, сдѣлали наскоро передъ сожженными воротами завалъ изъ мѣшковъ съ землею, привезли орудіе и подъ прикрытіемъ этого импровизированнаго бруствера встрѣтили мѣткими залпами картечи врывавшихся въ открытую пасть воротъ азіатовъ.

Но народа нигдѣ не хватало. Солдаты выбивались изъ силъ. Тогда на выручку товарищей явился лежавшій больнымъ въ лазаретѣ подполковникъ Назаровъ и съ нимъ всѣ больные, которые только могли двигаться.

Назаровъ нечувствительно очутился во главѣ защитниковъ. Онъ одушевлялъ всѣхъ своею беззавѣтною рѣшимостью, быстротой и находчивостью своихъ распоряженій. Онъ неутомимо бросался отъ одного опаснаго мѣста къ другому и встрѣчалъ врага вездѣ, гдѣ только колебались силы защитниковъ. Между тѣмъ огромныя толпы сартовъ, вооруженныхъ чекменями, укрывшись стѣною отъ выстрѣловъ, съ упорною энергіею спѣшили разрушить глиняное основаніе стѣны. Другія толпы взлѣзали на стѣны по крышамъ домовъ, къ нимъ примыкавшихъ. Дружный залпъ ружей очистилъ стѣны. Но битва продолжалась до глубокой ночи на всѣхъ пунктахъ.

На второй день приступъ возобновился еще съ бо́льшимъ отчаяніемъ. Сартамъ удалось-таки проломать въ нѣсколькихъ мѣстахъ крѣпостную стѣну, и они ворвались сквозь ея проломъ внутрь цитадели, завалы изъ мѣшковъ тоже были раскиданы, и остервенѣлые мусульмане уже бросились тащить къ себѣ орудіе.

— «Братцы! Орудіе берутъ!» раздается отчаянный крикъ.

Художникъ Верещагинъ, безъ шапки, съ развѣвающимися волосами, выскакиваетъ изъ рядовъ.

— «Сюда, ребята! Кто со мной!» взываетъ онъ къ своимъ.

Въ эту же минуту Назаровъ, еще въ больничныхъ туфляхъ, въ желтой шелковой рубашкѣ, съ чехломъ вмѣсто фуражки на головѣ, съ револьверомъ и шашкою бросается впередъ.

— «За мною, ребята! ура!»

Штыки ударили, и шехри-зябцы, устлавъ трупами дорогу, были мгновенно выброшены назадъ за ворота.

Положеніе гарнизона, однако, было настолько критическое, что командиръ уже отдалъ приказаніе, въ случаѣ взятія крѣпости, отступать во дворецъ эмира, защищаться тамъ до послѣдней крайности, а если непріятель все-таки одолѣетъ, взорвать себя вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ.

Къ счастью, въ 3 часа пополудни непріятель прекратилъ приступъ. Лучшая часть его, шехри-зябцы, получивъ извѣстіе о зера-булакскомъ погромѣ эмира, ушли къ вечеру во-свояси.

Но еще огромныя массы азіатцевъ наполняли Самаркандъ, они цѣую ночь палили съ высокихъ мечетей въ работавшихъ солдатъ, старавшихся исправить проломы и завалить сожженныя ворота.

На 3-й и на 4-й день осады, замѣтивъ ослабленіе непріятеля, Назаровъ, въ сопровожденіи безстрашнаго художника Верещагина, купца Трубчанинова и другихъ храбрецовъ, сдѣлалъ съ горстью солдатъ нѣсколько вылазокъ въ городъ и сжегъ примыкавшіе къ стѣнамъ дома, въ которыхъ укрывались осаждавшіе. Въ одной изъ такихъ вылазокъ едва не погибъ нашъ

славный живописецъ, которому здоровенный сартъ совсѣмъ собрался разбить голову своимъ желѣзнымъ «батикомъ», если бы этого сарта не прикололъ во-время подоспѣвшій солдатикъ.

Осада и приступы самаркандцевъ продолжались цѣлыхъ 7 дней; несчастному гарнизону некогда было ни ѣсть, ни спать, ни отдыхать, воды для питья не доставало. Половина солдатъ была переранена, остальные утомлены до крайности. А осадѣ и битвамъ не предвидѣлось между тѣмъ конца. Въ это время персъ, посланный въ отрядъ Кауфмана, возвратился съ радостною вѣстью, что силы эмира сокрушены, и что побѣдители уже возвращаются въ Самаркандъ. Неописанный восторгъ охватилъ весь гарнизонъ, когда комендантъ громко прочелъ передъ фронтомъ письмо генерала Кауфмана. Солдаты обнимались, цѣловались, падали на колѣна и благодарили Бога за неожиданное спасеніе.

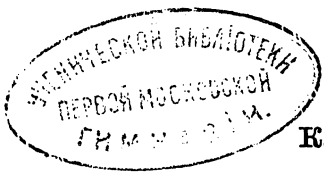
8-го іюня, въ 7-й день осады, непріятель сталъ вдругъ очищать городъ. Онъ уже видѣлъ, что подходили войска Кауфмана. Русскій отрядъ съ боемъ вошелъ въ городъ гоня передъ собою непріятеля и очищая отъ него сады и сакли, откуда встрѣтили его жестокою пальбою. Гарнизонъ сдѣлалъ вылазку навстрѣчу своимъ, и черезъ нѣсколько часовъ послѣднее сопротивленіе самаркандцевъ было подавлено.

Къ 12 часамъ дня городъ совсѣмъ былъ очищенъ отъ врага, Улицы представляли изъ себя груду развалинъ. Вездѣ валялись обгорѣлые и разлагающіеся трупы, скелеты лошадей, ядра, картечь, оружіе, изорванное платье. Смрадъ отъ горѣвшихъ человѣческихъ тѣлъ былъ невыносимый.

Крытый базаръ Самарканда, полный безчисленныхъ лавокъ съ товаромъ, Кауфманъ велѣлъ сжечь въ наказаніе измѣны и на два дня отдалъ городъ на грабежъ солдатамъ. Жителей, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, вѣшали на обгорѣлыхъ столбахъ базара, разстрѣливали по большимъ дорогамъ...

Такъ закончился этотъ по-истинѣ гомерическій семидневный бой ничтожной кучки русскихъ героевъ съ пятидесятитысячною азіатскою ордою...

Я позволилъ себѣ разсказать о немъ съ такими подробностями, потому что читающая публика наша слишкомъ мало знакома съ событіями нашихъ далекихъ окраинъ, а такая славная страница русской исторіи не должна быть и не можетъ быть забыта русскими людьми...



IX.

Калай-Афросіабъ.

Намъ хотѣлось познакомиться съ ближайшими окрестностями Самарканда. Шамтудиновъ вызвался показать намъ самыя интересныя изъ нихъ, Даньяре и Калай-Афросіабъ.

Самаркандъ кругомъ охваченъ прахомъ своей былой исторіи, хотя, къ сожалѣнію, ученые археологи почти ничего еще не успѣли сдѣлать для разслѣдованія этой глубоко исторической почвы его. Могильные пустыри тянутся на далекое разстояніе въ ту сторону, гдѣ по преданіямъ былъ старый городъ.

Въ вѣка непрерывавшихся войнъ и разрушеній города, какъ растенія съ истощенной ими почвы, постепенно подвигались съ прежде насиженныхъ гнѣздъ въ ближайшее сосѣдство, потому что много легче было строить на новомъ мѣстѣ безхитростныя новыя жилища изъ глины и дикаго камня, чѣмъ рыться въ грудахъ развалинъ стараго пепелища.

Теперешній Самаркандъ, повидимому, возникъ не ранѣе Тимура, стало быть, съ конца 14-го столѣтія; но и изъ Тимурова города онъ занимаетъ только нѣкоторую часть. Султанъ Баберъ, великій моголъ, потомокъ и восторженный почитатель Тимура, оставилъ въ своихъ «Запискахъ» 1497 года такое подробное описаніе любимаго имъ Самарканда, въ которомъ онъ столько лѣтъ жилъ, и откуда его столько разъ изгоняли,—что нельзя сомнѣваться въ сравнительной громадности прежняго города.

Длина его наружныхъ стѣнъ была 12-ть «парасанговъ»,

т.-е. 14 часовъ пути, 12 воротъ вело въ городъ и четверо воротъ въ аркъ, или цитадель, обнесенную другими стѣнами.

Черезъ рѣку Когикъ, какъ тогда называли Заравшанъ,—перекинутъ былъ массивный мостъ «Пуль-и-Мугакъ» («глубокій мостъ»),—вѣроятно тотъ самый, котораго одинокими грандіозными арками, уцѣлѣвшими до сихъ поръ, мы любовались, въѣзжая въ Самаркандъ; городъ занималъ тогда оба берега рѣки, и вокругъ холма Когика,—теперешняго Чупанъ-Ата—тянулись знаменитые своею роскошью сады Тимура и его даровитаго внука и подражателя Улугъ-Бега, подробно перечисляемые и описываемые Баберомъ: «райскій садъ», «сѣверный садъ«, «паркъ перепелокъ», «картина свѣта», «Дилькуша или отрада сердца», самый чудный изъ всѣхъ, въ которомъ стоялъ большой дворецъ, украшенный по стѣнамъ картинами индійскихъ походовъ Тамерлана,—«садъ совершенства», «садъ чинаръ»; на юго-западномъ склонѣ Чупана вблизи великолѣпной 3-хъ ярусной обсерваторіи Улугъ-Бега, полной дорогихъ астрономическихъ приборовъ, которую этотъ покровитель наукъ устроилъ для исправленія астрономическихъ таблицъ своего предшественника Ходжа-Назиръ-Аль-Тузи, и которую потомъ такъ варварски разрушилъ Шейбани-ханъ, изгнавшій изъ Самарканда династію тимуридовъ, разбитъ былъ садъ «Багъ-и-Майданъ»—«садъ равнины», и въ немъ построенъ Улугъ-Бекомъ его дивный «Шехиль-Ситунъ» «дворецъ сорока столбовъ».

Второй ярусъ дворца весь состоялъ изъ галлерей, поддержанныхъ узорчатыми колоннами и окружавшихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ серединный павильонъ; а по угламъ этого великолѣпнаго зданія поднимались стройныя башни четырехъ минаретовъ.

Каждая колонна, по разсказамъ Бабера, была выточена изъ камня особымъ образомъ; однѣ изъ нихъ были сквозныя, другія витыя, и всѣ изумительной работы и вкуса. Тамъ же стоялъ чудный «фарфоровый павильонъ», за которымъ отправлено было въ Китай особое посольство. Къ садамъ этимъ примыкали

роскошные луга, которымъ восточная фантазія придавала такія же поэтическія названія, какъ и садамъ, «рудникъ розъ», «обиталище хана» и пр.

Жителей въ тогдашнемъ Самаркандѣ было не менѣе 150.000, многимъ не хватало домовъ, и они жили въ пещерахъ и кибиткахъ.

Посолъ кастильскаго короля Генриха Рюи-Гонзалесъ-ди Клавиго разсказываетъ, какъ очевидецъ, что Тимуръ выбиралъ изъ плѣнныхъ всякихъ хорошихъ мастеровъ и населялъ ими Самаркандъ. Гонцы его звали къ Тимуру народъ изъ Персіи, Хоросана, чтобы заселять земли, и болѣе 150.000 человѣкъ переселилось такъ еще при Клавиго. Городъ сдѣлался центромъ самой дѣятельной торговли, служа посредникомъ между Китаемъ и Индіей съ одной стороны, Греціей и Италіей — съ другой.

Обаяніе имени Тимура было такое, что даже въ враждебныхъ ему и далекихъ странахъ не смѣли притѣснять купцовъ, имѣвшихъ его охранныя грамоты, и товары изъ Самарканда безопасно могли проникать во всѣ тогдашнія государства.

Неудивительно, что султанъ Баберъ не находилъ достаточно громкихъ словъ, чтобы выразить богатство и красоту своей излюбленной столицы.

«Самаркандъ городъ дивной красоты», говоритъ онъ. «Одна изъ отличительныхъ особенностей его та, что каждая торговля имѣетъ свой отдѣльный базаръ, такъ что разныя торговли не смѣшиваются въ одномъ и томъ же мѣстѣ».

«Во всемъ обитаемомъ мірѣ,—выражается онъ въ другомъ мѣстѣ своихъ «записокъ»,—мало городовъ, такъ прекрасно расположенныхъ, какъ Самаркандъ».

«Отъ дней святаго пророка никакая страна не производила столько имамовъ и отличныхъ богослововъ, какъ Мавераннагаръ».

Въ это время, вѣроятно, и сложилась восточная поговорка: «Самаркандъ есть лицо земли, а Бухара—мозгъ ислама».

Впрочемъ, не одинъ Баберъ и не одни туземцы восхищались старымъ Самаркандомъ. Такое же восторженное описаніе его можно найти и у испанскаго посла Клавиго, на котораго мы уже не разъ ссылались, и у арабскихъ географовъ, и у китайскихъ путешественниковъ. Вообще долина Заравшана считалась тогда всѣми единогласно земнымъ раемъ своего рода, и изъ описаній ея видно, что въ древніе вѣка она была во всякомъ случаѣ не менѣе цвѣтуща и плодоносна, какъ и теперь, а жители ея считались образцомъ тогдашней среднеазіатской цивилизаціи.

Китаецъ Гіюянъ-Цангъ, посѣтившій Самаркандъ въ 630 году нашей эры, стало быть, еще до арабовъ, вотъ какъ описываетъ эту страну:

«Столица Самокина защищена природными препятствіями и обладаетъ многочисленнымъ населеніемъ. Драгоцѣннѣйшіе товары чужихъ земель собираются въ огромномъ множествѣ въ этомъ царствѣ. Почва жирна и плодородна, даетъ обильныя жатвы. Лѣсныя деревья представляютъ великолѣпную растительность, цвѣты и плоды ростутъ въ изобиліи. Этотъ край производитъ множество превосходныхъ лошадей. Жители отличаются отъ другихъ народовъ большою ловкостью въ искусствахъ и ремеслахъ. Климатъ мягкій и умѣренный, нравы проникнуты энергіею и храбростію. Это царство занимаетъ середину варварскихъ странъ. Во всемъ, что касается до нравственнаго поведенія и правилъ приличія, сосѣди и отдаленные народы подражаютъ ему. Царь полонъ храбрости, и сосѣднія царства повинуются его приказаніямъ. У него очень много войска и многочисленная конница. Большая часть его воиновъ изъ племени Се-кіе. Се-кіе по природѣ храбры и стремительны и съ радостью идутъ на смерть. Когда они сражаются, никакой непріятель не устоитъ противъ нихъ».

Арабскіе писатели, проникшіе въ Туркестанъ уже значительно позднѣе, вторятъ почти во всемъ этому отзыву китайскаго путешественника.

Мукадези пишетъ, напримѣръ: «Согдъ — великолѣпный округъ съ главнымъ городомъ Самаркандомъ; это связанныя другъ съ другомъ деревни, окруженныя деревьями и садами, отъ Самарканда почти до Бухары. Нельзя видѣть ни одной деревни раньше, чѣмъ въѣдешь въ нее, по причинѣ деревьевъ, ее окружающихъ и въ ней растущихъ. Это—прекраснѣйшая страна на землѣ Божіей, богатая деревьями, полная рѣкъ, оглашаемая пѣніемъ птицъ».

Еще въ болѣе поэтическихъ краскахъ воспѣваетъ эту страну Истанхри: «Согдъ простирается отъ границъ Бухары, вправо и влѣво вдоль долины Согдъ до границы Буттама, не прерываясь на протяженіи 8 дней пути. Она полна луговъ, садовъ, полей, вездѣ текущія воды и ключи. Зелень деревьевъ и посѣвовъ простирается по обоимъ берегамъ долины, окруженной обработанными полями. За ними опять пастбища для верблюдовъ. Вся Согдъ кажется одеждою изъ зеленаго бархата, расшитою голубыми жилами текучихъ водъ и украшенною бѣлыми городками и домиками».

Если долина Заравшана,—прежняя Согдъ,—до сихъ поръ сохраняетъ свой цвѣтущій и населенный видъ, то о ближайшихъ окрестностяхъ Самарканда, тѣхъ именно, гдѣ нѣкогда красовались сады и дворцы тимуридовъ,—уже ни въ какомъ случаѣ нельзя теперь сказать ничего подобнаго.

Впрочемъ, если вспомнить, что̀ вытерпѣлъ въ разныя времена этотъ злополучный «райскій городъ», то не придется и удивляться могильному виду его окрестностей.

Собственно арабскій Самаркандъ, гнѣздо ислама,—былъ разоренъ въ конецъ еще Чингисъ-ханомъ, этимъ геніемъ разрушителемъ всѣхъ славныхъ древнихъ городовъ средней Азіи. Онъ обратилъ въ развалины Сигнахъ, Ходжентъ, Джендъ, Бухару, Бактру, теперешній Балхъ, Мервъ, Гератъ.

Ходжентъ защищалъ воинъ-герой Тимуръ-меликъ.

«Если бы Рустемъ былъ еще живъ, онъ могъ бы быть у

него оруженосцемъ», выражались про Тимура на своемъ цвѣтистомъ языкѣ восточные историки.

Послѣ отчаянной защиты, Тимуръ покинулъ городъ и пробился на судахъ по Сыръ-Дарьѣ въ глубину степей, откуда ушелъ въ Ховарезмъ.

Чингисъ обратился тогда на Бухару и взялъ ее. Верхомъ на конѣ въѣхалъ этотъ неустрашимый язычникъ въ главную святыню мусульманъ «мечеть пятницы».

—Что это, дворецъ султана? спросилъ Чингисъ.

—Нѣтъ, это домъ бога! отвѣчали муллы.

Тогда онъ соскочилъ съ коня, взошелъ на высокую каѳедру и громко крикнулъ своимъ монголамъ:

—Сѣно скошено! кормите своихъ коней!

Это былъ сигналъ ко всеобщему грабежу и разрушенію. Все было уничтожено огнемъ и мечемъ, кораны изорваны, священные «раалы» обращены въ ясли, имамы и муллы—въ конюховъ и плясуновъ.

—Вы спрашиваете, кто я, говорящій вамъ? объявилъ пораженному ужасомъ народу грозный кочевникъ. Знайте же, что я бичъ Божій! Если бы вы не грѣшили, Богъ не послалъ бы меня сюда наказать васъ!

Болѣе 30,000 жителей Бухары были казнены, женщинъ и дѣтей безчестили на улицахъ и площадяхъ на глазахъ родителей. Самаркандъ готовился къ отчаянному отпору. Въ немъ заперлось 110.000 войска, изъ которыхъ 60.000 было турокъ и 50.000 туземцевъ-таджиковъ. При нихъ было 20 боевыхъ слоновъ. Чингисъ направилъ на этотъ знаменитый городъ всѣ свои орды, и всего черезъ 3 дня кроваваго боя городъ сдался ему. Только одна цитадель, защищаемая храбрымъ туркомъ Альпъ-ханомъ, держалась еще долго. Наконецъ и Альпъ убѣдился, что сопротивленіе безполезно; съ тысячью своихъ воиновъ онъ пробился сквозь всѣ полчища Чингиса и ушелъ въ степь. Остальное войско сдалось, надѣясь на слово монголовъ, но въ ту же ночь всѣ эти 30.000 турокъ съ своими князьями

были перерѣзаны. Крѣпость и городъ были сравнены съ землею, и такимъ образомъ исчезло «самое цвѣтущее и блестящее мѣсто на всемъ земномъ шарѣ», по выраженію арабскихъ историковъ.

Самаркандскіе знаменитые садовники, ткачи, мастера разныхъ ремеслъ были разосланы по городамъ Монголіи; всѣ цвѣтущія области Средней Азіи надолго обратились въ пустыню.

Впрочемъ, судя по китайскимъ путешественникамъ того времени, въ этихъ описаніяхъ арабскихъ историковъ, вѣроятно, было много преувеличеній, вызванныхъ естественнымъ ужасомъ и ненавистью.

По крайней мѣрѣ китаецъ Чангъ-Чюнъ, жившій въ Самаркандѣ зиму 1222 года, т.-е. всего только одинъ годъ послѣ Чингисова разгрома, разсказываетъ, что хотя изъ ста тысячъ семействъ, жившихъ прежде въ Самаркандѣ, осталась едва четвертая часть, и ежедневно происходило много разбоевъ,— но все-таки городъ не былъ разрушенъ, и сады, виноградники, огороды—продолжали обрабатываться попрежнему.

«Калай-Афросіабъ»—обширный каменистый холмъ въ формѣ громаднаго шатра съ обрывистыми скатами, верстахъ въ 2-хъ отъ теперешняго города. Но его соединяетъ съ нимъ непрерывная пустыня камней, могилъ и мусора.

Въ глубокой узкой балкѣ, опоясывающей подножіе Калай-Афросіаба, маленькій стоячій прудокъ, у котораго въ этотъ развалъ полуденнаго зноя живописно сбилось стадо толстохвостыхъ овецъ. Тутъ же около глинянаго кувшина съ водой спалъ глубокимъ сномъ, опрокинувшись навзничь и разметавъ руки подъ невыносимымъ припекомъ солнца, молодой полуголый пастушенокъ атлетическихъ формъ. Онъ словно ждалъ художника, который бы набросалъ на полотно его могучій обнаженный торсъ и сухіе мускулы, упругіе и лоснящіеся, будто отлитые изъ темной бронзы.

Извозчикъ нашъ, однако же, на-отрѣзъ отказался подни-

маться на вершину Калай-Афросіаба по вьющейся змѣею крутой и узкой дорожкѣ, жестоко исковерканной дождями. Лошадь его и безъ того отчаянно носила животомъ и обливалась потомъ. Пришлось карабкаться наверхъ на своихъ на двоихъ, что показалось намъ не совсѣмъ удобнымъ въ такое пекло и среди такой известковой пыли.

Да, по правдѣ сказать, и смотрѣть-то на верху было нечего. Камни и курганы, — курганы и камни! Все это — остатки глубочайшей древности; но именно вслѣдствіе того, что древность эта уже черезъ-чуръ глубока, а въ значительной степени и оттого, что подвиги Чингиса повторялись здѣсь не разъ и ранѣе, и послѣ него,—въ Калай-Афросіабѣ не уцѣлѣло на поверхности земли ничего кромѣ кучъ мусора и могилъ.

Въ глубинѣ же его почвы хотя и происходили нѣкоторыя раскопки, но, признаюсь, мнѣ не случилось близко ознакомиться съ ними, и я не слыхалъ, чтобы они привели къ какимъ-нибудь существеннымъ находкамъ. Знаю только, что изъ этой мѣстности извлечены интересныя монеты Греко-Бактрійскаго царства, основаннаго полководцами и наслѣдниками Александра Македонскаго, и носящія на себѣ изображенія царей Деметрія, Евтидема, Антимаха и другихъ. По образцу этихъ древнихъ монетъ издавна старались чеканить свои собственныя грубыя монеты полуварварскіе ханы Средней Азіи.

— Тутъ былъ давно-давно нашъ старый городъ... годовъ тысячи двѣ, а можетъ быть, и три тому назадъ... сообщилъ намъ Шамтудиновъ. Гдѣ эти кучи—все дома были... Порыться поглубже, еще фундаменты видны... Тутъ люди много выкапываютъ изъ земли разныхъ дорогихъ вещей: бирюзу и деньги находятъ, оружіе старинное, посуду всякую, и фарфоровую, и стеклянную, похожую на ту, что изъ Китая теперь привозятъ,—изразцы тоже голубые, которыми мечети обдѣлываютъ... А я думаю, если настоящимъ образомъ за дѣло взяться, докопаться какъ можно глубже, — то и большія сокровища можно тамъ отыскать!.. добавилъ съ искреннимъ убѣжденіемъ Шамту-

диновъ. Человѣка только такого не найдется смѣлаго и съ деньгами хорошими.

— Кому жъ теперь принадлежитъ это мѣсто? спросилъ я.

— Городу! да кому оно теперь нужно? Тутъ только овцамъ побродить въ сырое время, больше ничего, а сѣять никакъ нельзя — мусоръ вездѣ, камень. Только разъ въ годъ сюда народъ собирается: въ новый годъ нашъ. Тогда весь городъ тутъ бываетъ, и даже губернаторъ, и начальники всѣ. Цѣлую недѣлю живутъ, хотя бываетъ и дождь, и снѣгъ. Палатки разбиваютъ, кибитки ставятъ, а кто и домикъ себѣ маленькій сложитъ изъ камней, печи вездѣ подѣлаютъ, пекутъ, варятъ, скачки большія устраиваются, музыка играетъ, всякое веселье.

— А когда у васъ бываетъ новый годъ?

— Да вѣдь у насъ не равно. У насъ всѣ праздники передвижные, не такъ, какъ у васъ. Нынѣшній годъ въ одно число а на слѣдующій годъ десятью днями раньше. А еще черезъ годъ, опять на 10 дней раньше. И все такъ.

Это ежегодное переселеніе цѣлаго города на цѣлыхъ семь дней въ такой знаменитый день, какъ новый годъ, и въ такую безотрадную пустыню, какъ Калай-Афросіабъ, гдѣ не увидишь ни одного деревца, ни одного кустика, — убѣдительнѣе всего подтверждаетъ, что на этомъ мѣстѣ дѣйствительно долженъ былъ стоять нѣкогда древній Самаркандъ, память котораго осталась священною въ преданіяхъ народа, не смотря на рядъ протекшихъ вѣковъ.

— Отчего вы называете это мѣсто Калай-Афросіабъ? спросилъ я Шамтудинова.

— А тутъ крѣпость его была, царя Афросіаба. Это былъ очень великій царь, всѣ народы побѣдилъ. Онъ и построилъ нашъ Самаркандъ, давно, давно, никто и сказать не можетъ когда.

Мы подошли въ это время къ краю высокаго отвѣснаго обрыва. Въ глубинѣ его, подъ нашими ногами, бурлила не особенно широкая, но быстрая рѣка, катившая свои глинистыя

волны къ руслу Заравшана. За нею уже зеленѣли вдали плодоносные берега Заравшанской долины, сады и дувалы, виднѣлись голые холмы самаркандскихъ кладбищъ, съ характерными купольчиками Шахъ-Зинде, высились въ знойномъ туманѣ голубые колоссы Биби-Ханымъ.

— Какая эта рѣка, Шамтудиновъ? спросилъ я.

— Это рѣка Сіоба. Надъ нею стояла крѣпость царя Афросіаба. Народъ нашъ говоритъ, будто царь Афросіабъ былъ страшный великанъ; онъ садился обыкновенно на этомъ самомъ обрывѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, а ноги спускалъ въ Сіобу рѣку Вотъ онъ какой былъ огромный!

Меня невольно поразило это созвучіе рѣки Сіобы и царя Афросіаба. Кто знаетъ, не связаны ли были чѣмъ между собою рѣка и легендарный царь, и не дала ли еще рѣка самое имя легендарному царю?

Царь Афросіабъ въ Средней Азіи и въ Персіи — это нѣчто въ родѣ нашего царя Гороха, — герой сказочнаго времени и сказочныхъ свойствъ. Ему приписываютъ не только основаніе Самарканда, но и основаніе Бухары. Его побѣдами и завоеваніями одинаково полны легенды персовъ, турокъ и всей Средней Азіи. Онъ былъ самымъ могущественнымъ и главнымъ царемъ туранцевъ въ ихъ непрерывной борьбѣ съ иранцами. Персидская поэма «Шахъ-Наме» описываетъ Афросіаба (Франгресіанъ) совершенно такими чертами, какъ будто это былъ хаканъ какого-нибудь позднѣйшаго турецкаго племени. По одному персидскому сказанію, владѣнія Афросіаба простирались на югъ до границы теперешняго Хоросана. И замѣчательно, что при описаніи этой границы народное сказаніе упоминаетъ мѣстности, которыя до сихъ поръ носятъ тѣ же имена и въ настоящее время составляютъ пограничные съ Персіею города русскихъ владѣній, какъ, напр., Сераксъ и Асхабадъ.

Сказаніе повѣствуетъ именно, что иранскій царь Маноширъ заключилъ съ Афросіабомъ договоръ, по которому граница между

ихъ царствами должна была пройти тамъ, куда упадетъ пущенная Афросіабомъ стрѣла. Стрѣла эта достигла Маздорана («Большихъ Воротъ»), мѣста между Тусомъ и Сераксомъ. Другое названіе этой цѣпи горъ—Асхабадъ, прибавляетъ сказаніе.

Теперешняя рѣка Теджентъ, или Герирудъ, отдѣляющая Персію отъ нашей Закаспійской области и называвшаяся въ древности рѣкою Охъ, отдѣляла древній Иранъ отъ кочевій туранцевъ, такъ что мы, русскіе, являемся наслѣдниками этихъ туранцевъ и ихъ полумиѳическаго царя-завоевателя Афросіаба. Изъ древней персидской «книги царей» видно однако, что туранцы эти, — какими исчадіями злого духа ни считались они культурнымъ иранцемъ тѣхъ далекихъ вѣковъ, — въ сущности имѣли и языкъ, и обычаи, и даже внѣшность, очень близко напоминавшіе самихъ иранцевъ.

Кромѣ того, туранцы эти, съ которыми боролась все время древняя династія иранскихъ царей «Кавія», наслѣдовавшая свои права отъ первоначальной династіи — «Парадата», — считали своихъ вождей такими же потомками Парадаты и вели съ Кавіями родовую кровавую месть.

Только туранцы были тогда кочевники и разбойники, а иранцы—осѣдлые земледѣльцы, купцы и ремесленники, жестоко страдавшіе отъ постоянныхъ набѣговъ своихъ враждебныхъ сосѣдей, родичей ихъ по крови. А, главное, тутъ замѣшалась упорная религіозная вражда. Туранцы были носители буддизма, проникшаго къ нимъ изъ Китая и Тибета, а иранцы — огнепоклонники, фанатическіе послѣдователи своего пророка Заратустры, или Зердушты, болѣе извѣстнаго намъ подъ именемъ Зороастра.

Многіе историческіе факты заставили ученыхъ предположить, что туранцы были не кто иные, какъ тѣ самые саки, которыхъ мѣстопребываніе въ разныхъ мѣстностяхъ Средней Азіи въ теченіе долгихъ вѣковъ свидѣтельствуется многими древними писателями. Эти саки вмѣстѣ съ массагетами бились съ легіонами Александра Македонскаго на берегахъ Сыръ-Дарьи, эти саки

упоминаются при исчисленіи сатрапій Персидскаго царства на разобранной оріенталистами большой надписи Дарія Гистаспа въ Багистанѣ, и даже гораздо ранѣе, въ полулегендарные вѣка Нина, Семирамиды,—сѣверною границею Ассирійскаго царства, въ составъ котораго входила Бактрія и Арахозія, считалась, по Ктезію, «земля согдовъ и саковъ».

Въ позднѣйшее время, во время Греко-Бактрійскаго царства, саки упоминаются какъ могучее и храброе племя, жившее у истоковъ Оксуса, на горныхъ возвышенностяхъ Памира и въ сосѣднихъ съ нимъ областяхъ, вблизи отъ сѣверныхъ границъ Индіи.

А между тѣмъ, нашъ извѣстный оріенталистъ профессоръ Григорьевъ предполагаетъ съ достаточною правдоподобностью, что саки были, въ свою очередь, наши предки славяне, впослѣдствіи передвинувшіеся изъ своей первобытной среднеазіатской родины въ равнины Европейской Россіи.

Средняя Азія недаромъ называлась у классическихъ писателей «officina gentium», такъ сказать, «лабораторіей народовъ». Воспоминаніе о томъ, что изъ нея, какъ изъ первобытной колыбели своей, разошлись по Европѣ, по южной и западной Азіи, — всѣ такъ называемыя арійскія, или индо-европейскія племена, — было долго живо въ преданіяхъ и поэзіи древнихъ народовъ.

Славяне и германцы, греки и римляне, также какъ персы и индусы,—всѣ, повидимому, были когда-то, на зарѣ вѣковъ, обитателями суровыхъ горныхъ мѣстностей, изъ которыхъ одна до сихъ поръ именуется «крышею міра», и которыя въ древнѣйшихъ преданіяхъ иранцевъ извѣстны были подъ общимъ именемъ Айріана-Веджа.

Древнѣйшій памятникъ духовной жизни иранцевъ — Зенда-веста, въ той главѣ своей, гдѣ Агурамазда (т.-е. Ормуздъ) исчисляетъ свои созданія рядомъ съ «созданіями» врага своего Анграмаинуи (т.-е. злого духа, Аримана), первобытною землею человѣчества называетъ ту Арійскую землю, гдѣ десять мѣся-

цевъ царствуетъ зима, и только два мѣсяца лѣто; Гаву, «жилище Сугда», онъ приводитъ уже какъ «второе созданіе добраго духа», и уже потомъ Муру, Бахдги, Гаруи и т. д.

Сугда—это, безъ сомнѣнія, Согдъ, Согдіана, область теперешняго Самарканда, которая удержала это имя и во времена Александра Македонскаго, и въ вѣка арабовъ; Муру — это Мервъ, Бахдги—Бактра, или Балхъ, Гаруи—Гери, Гератъ.

Такимъ образомъ исторически-религіозная книга древнихъ персовъ рисуетъ картину постепеннаго распространенія арійцевъ съ суровыхъ горныхъ высотъ Памира и другихъ отроговъ Тянь-Шаня, сначала на западъ, въ цвѣтущія долины Заравшана, потомъ на югъ по теченію Мургаба и Оксуса.

Такое великое значеніе въ исторіи человѣчества Средней Азіи вообще и въ частности долины Заравшана—дѣлаетъ вдвойнѣ интереснымъ близкое знакомство съ ними, и въ нѣкоторомъ смыслѣ обязываетъ насъ изучать внимательно эту колыбель человѣческаго младенчества, память о которой должна быть священна для всякаго мыслящаго человѣка.

Нельзя не обратить при этомъ вниманія на странное совпаденіе названій, можетъ быть, вовсе не случайное и далеко не безъинтересное для русскаго чувства: по Ктезію, первобытная столица саковъ, признаваемыхъ за славянъ, предковъ русскихъ, нѣкоторыми учеными нашими, въ этомъ первобытномъ среднеазіатскомъ мѣстопребываніи ихъ—была Рос-анака. До сихъ поръ на мѣстѣ предполагаемой древней родины ихъ, выше Шигнана, лежитъ область Рос-нанъ, Рос-анъ, или Рошанъ. Въ сосѣднемъ Дардистанѣ, южнѣе Яссина, существуетъ мѣстность съ такимъ же точно именемъ.

Не позволяя себѣ никакихъ рискованныхъ выводовъ, все-таки нельзя не соблазниться довольно правдоподобнымъ предположеніемъ, что еще до выхода славянскаго племени изъ первобытной его азіатской родины въ равнины Волги и Днѣпра могла уже существовать обособившаяся славянская вѣтвь россовъ, или руссовъ, имя которыхъ было извѣстно классическимъ пи-

сателямъ во всякомъ случаѣ гораздо раньше, чѣмъ началась оффиціальная исторія Россіи.

Замѣчательно, что Александръ Македонскій приблизительно въ этой же горной мѣстности взялъ себѣ красавицу жену Роксану, дочь туземнаго князя Оксіярта. Эта *Роксана* тоже звучитъ какъ-то очень родственно для моего русскаго слуха, особенно если вспомнить, что имя это встрѣчается и въ русской исторіи, и что очень серьезные историки считаютъ нашими предками жившихъ въ южныхъ равнинахъ Россіи *роксолановъ*, или *россъ*-алановъ.

Какъ бы то ни было, а племенное родство наше съ легендарнымъ самаркандскимъ царемъ Афросіабомъ, котораго старыя владѣнія, по неисповѣдимой волѣ судебъ, мы получили недавно въ наслѣдство силою своего меча, и по примѣру котораго мы разнесли по всей Азіи свою грозную славу—все-таки достойно стать, по крайней мѣрѣ, открытымъ вопросомъ.

Городъ, построенный Афросіабомъ на берегу рѣки Сіобы, среди равнинъ котораго мы теперь бродимъ, несомнѣнно былъ тою Маракандою, столицею Согдіаны, которую вслѣдствіе постоянныхъ возстаній ея воинственныхъ жителей столько разъ приходилось брать Александру Македонскому—или Искандеру Дулькарнаину (т.-е. двурогому), какъ называютъ его среднеазіатскіе туземцы. Наружныя стѣны Мараканды простирались тогда на 70-ть стадій, а внутри стоялъ еще замокъ, или цитадель, обнесенный стѣною,

Александру не легко досталось завоеваніе Согдіаны; ему пришлось пролить въ ней, можетъ быть, еще больше крови, чѣмъ пролилъ ея здѣсь впослѣдствіи Чингисъ, считавшій себя бичемъ божіимъ. По разсказамъ Діодора Сицилійскаго, напр., за одно только избіеніе Спитаменомъ отряда Фарнуха на островѣ Политимета,—македонскій завоеватель предалъ пламени и разграбленію всѣ города и селенія Согдіаны и *изрубилъ 120.000 ея жителей*, такъ что Заравшанъ (Политиметъ) окрасился кровью.

Клитъ, наперсникъ македонскаго героя, убитый, къ слову сказать, своимъ царственнымъ другомъ въ той же Мараканде и получившій отъ Александра Согдіану въ управленіе, а вместѣ съ тѣмъ и въ кормленіе, жаловался на это Александру:

«Далъ ты мнѣ Согдіанское владѣніе, которое многократно бунтовало и котораго не только укротить, но и покорить невозможно».

Согдіана описана Курціемъ, біографомъ Александра, очень точно и довольно близко къ тому, какова она и теперь:

«Согдіана страна по большей части пуста. Въ ширину ея на 800 почти стадій однѣ только степи находятся, а въ длину простирается она весьма далеко. Черезъ оную страну течетъ рѣка весьма быстрая, Политиметъ отъ жителей называемая, которая между тѣсными берегами теченіе свое продолжаетъ, потомъ въ пропасть падаетъ и подъ землю уходитъ».

Изъ этого можно заключить, что и во время Македонскаго завоеванія Заравшанъ не достигалъ своимъ устьемъ Аму-Дарьи, а пропадалъ въ пескахъ и болотахъ, какъ и теперь пропадаетъ онъ въ болотистомъ озерѣ Караколь.

Согдіана или Согдъ въ древности была именно восточная, къ горамъ прилежащая, часть Бухарскаго ханства, съ долиною Заравшана, съ теперешними городами Самаркандомъ, Шехри-Зябсомъ (древній Кешъ), Карши (прежній Нахшебъ) и пр.

Она составляла часть Трансоксаны, или Зарѣчья Оксуса, которое у арабовъ очень долго называлось Мавареннагръ, въ которое входила кромѣ Согда еще и теперешняя Бухара съ окружающими ее степями.

Мѣстность же теперешняго Джизака, Чиназа, Ура-Тюбе и Ходжента — называлась Осрушна, а теперешнее Хивинское ханство, то-есть область нижняго Оксуса, извѣстно было съ глубочайшей древности подъ именемъ Ховарезма или Харезма.

Имя Согдъ или Сугды упоминается, какъ я уже сказалъ, еще въ Зендавестѣ; но отецъ исторіи Геродотъ первый позна-

комилъ съ этимъ именемъ европейцевъ, перечисляя въ своей исторіи податные округа, устроенные Даріемъ Гистаспомъ.

Въ 16-й податной группѣ были соединены этимъ замѣчательнымъ правителемъ древности сосѣдніе четыре народа: парѳянъ, хоразміевъ, согдовъ и аріевъ.

При исчисленіи Геродотомъ народовъ, двинутыхъ Ксерксомъ въ Грецію, эти народы опять повторяются рядомъ: парѳяне, хоразміи, согды, бактры и пр.

Впослѣдствіи европейскіе ученые открыли и прочли надписи временъ Дарія въ Персеполѣ и Багистанѣ, вполнѣ подтвердившія свѣдѣнія всегда изумительно точнаго греческаго историка. Въ надписяхъ этихъ область Сугда или Сугуда постоянно упоминается рядомъ съ Бахтрисъ и Хуварезміа, своими дѣйствительными сосѣдями.

Согдъ и ея столица Мараканда до Кира и Дарія были вмѣстѣ съ пограничною къ ней Бактріей—главнымъ жизненнымъ центромъ огнепоклонничества. Здѣсь же еще ранѣе совершился первый переходъ арійцевъ отъ кочевого патріархальнаго быта къ высшему политическому бытію.

Персидскія преданія разсказываютъ, будто Александръ Македонскій, въ сознаніи этого великаго мѣстнаго значенія Согда и Мараканды и въ цѣляхъ примиренія съ собою неукротимыхъ жителей, положилъ въ одинъ изъ главныхъ храмовъ Мараканды, на вѣчную память о себѣ съ подобающими священными обрядами, писанный золотомъ экземпляръ Зендавесты.

Вообще онъ скоро понялъ необходимость привязать къ себѣ туземное населеніе разными благоразумными мѣрами и въ этихъ именно цѣляхъ вступилъ въ родство съ вліятельными магистанами Бактріи, женившись на дочери одного изъ нихъ.

Эта мудрая политика его много помогла потомъ созданію Греко-Бактрійскаго царства при его преемникахъ, а имя его сдѣлалось мало-по-малу народною славою, въ глазахъ всѣхъ среднеазіатскихъ племенъ и окружилось героическими леген-

дами. До сихъ поръ владѣтельные ханы Бадахшана, Вахана, Шагнана, Рошана и Дарваза съ гордостью считаютъ себя потомками великаго Искандеръ-Дулькернаина, а озеро Искандеръ-Куль окрещено его именемъ.

Даже на берега нашего тихаго Дона въ глушь скиѳскихъ степей проникло въ свое время и оставило по себѣ память имя этого изумительнаго человѣка. Страбонъ описываетъ «жертвенникъ Александра Македонскаго» на верхнемъ теченіи Дона, на томъ мѣстѣ, до котораго будто бы дошелъ великій завоеватель древности.

Нѣкоторые отечественные археологи готовы даже видѣть этотъ мнимый жертвенникъ въ столпахъ «Донской Бесѣды», упоминаемыхъ въ книгѣ Большого Чертежа, ниже впаденія въ Донъ р. Быстрой Сосны. Но, конечно, это одно заблужденіе. Искандеръ-Дулькернаинъ никогда не былъ у насъ на Дону и не могъ поэтому ставить на немъ жертвенниковъ. Тотъ же Донъ, о которомъ говорятъ его біографы и разные классическіе писатели, и на которомъ Александръ дѣйствительно воевалъ со скиѳами (саками, массагетами и дагіянами), былъ не что иное, какъ древній Яксартъ, теперешняя наша Сыръ-Дарья,— эта непобѣдимая грань всѣхъ завоевателей древности, начиная отъ Семирамиды до Кира и Александра.

X.

Гробница Даньяра.

Шамтудиновъ предложилъ намъ докончить осмотръ самаркандскихъ окрестностей гробницею Даньяра.

Мы опять спустились съ каменистаго шатра Калай-Афросіаба назадъ въ глубокую балку и опять поднялись на гору. Черезъ нѣкоторое время мы вступили въ провалье оврага, постепенно сходящаго къ рѣкѣ Сіобѣ. Немного не доходя до берега рѣки, мы очутились передъ маленькой мечетью съ обыч-

ною открытою галлерейкой на столбахъ. Стѣны галлереи всѣ исписаны карандашемъ по-сартски и по-русски. Въ глубинѣ мечети ходъ въ темную пещерку, теперь совсѣмъ пустую. Передъ мечетью, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, тянется, головою къ рѣкѣ, громадная и уродливая гробница. Она, повидимому, сложена изъ кирпича и оштукатурена бѣлою известью. Размѣры ея просто невѣроятны и озадачиваютъ всякаго. Мы намѣрили въ ней 27 аршинъ длины, а другіе увѣряютъ даже, что длина ея 30 аршинъ, т-е. 10 саженъ. Ширина же и высота ея не болѣе 1 аршина, такъ что она имѣетъ видъ какого-то неуклюжаго печного борова. Въ головахъ ея возвышеніе аршина въ 2 высоты, заваленное жертвенными рогами; къ нему прислонена, стоящая на гробницѣ, мраморная доска со строками корана. Рядомъ съ этою исполинскою гробницею нѣсколько другихъ могильныхъ камней бѣлыхъ и черныхъ, и водруженъ цѣлый рядъ разноцвѣтныхъ знаменъ, укрѣпленныхъ на толстыхъ древкахъ съ конскими хвостами и мѣдными шарами, — обычные символы похороненныхъ здѣсь мусульманскихъ хаджи. Стоитъ тутъ также какая-то печурка изъ обожженной глины въ формѣ колпака, съ отверстіями кругомъ, повидимому, для свѣчей и ладона, а можетъ быть, и для какихъ-нибудь жертвъ.

Я никогда не встрѣчалъ подобныхъ на мусульманскихъ кладбищахъ и потому набросалъ ее въ свой путевой альбомъ.

— Чья же это гробница? въ недоумѣніи спросили мы у нашего провожатаго.

— Это—гробница Даньяра!—отвѣтилъ Шамтудиновъ.

— Кто жъ это такой былъ Даньяръ? Эмиръ вашъ или какой-нибудь имамъ?

Шамтудиновъ помолчалъ немного, что-то раздумывая, и сказалъ не совсѣмъ увѣренно:

— Нѣтъ, онъ не былъ ни эмиръ, ни мулла, а такъ, старшина народа... давно, давно... еще здѣшніе люди не были мусульманами.

— Чего же гробница его такая длинная?

— Самъ былъ, значитъ, такой большой... старинный человѣкъ... Кто жъ его знаетъ!.. уклончиво говорилъ Шамтудиновъ.

— А это ему знамена поставлены съ конскими хвостами?

— Нѣтъ, нѣтъ! тутъ кромѣ него много народа похоронено. Это святымъ хаджи поставлено... Хазретъ... На войнѣ которые убиты, за вѣру свою пострадали... Видите, камни возлѣ лежатъ...

Имени Даньяра, т.-е. Даніила, нѣтъ среди мусульманъ, и знающіе люди предполагаютъ, что эта гробница — одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древняго христіанства, когда-то сильно распространеннаго въ этихъ мѣстахъ, подобно тому, какъ въ Ошѣ служитъ такимъ же памятникомъ Соломоновъ тронъ, Хазретъ-Эюбъ и другіе остатки угаснувшаго христіанства, о которыхъ я уже имѣлъ случай бесѣдовать съ читателемъ въ своихъ очеркахъ Ферганы.

Христіанство держалось въ Средней Азіи не только во времена, близкія къ апостоламъ, но въ теченіе почти всѣхъ среднихъ вѣковъ.

По преданіямъ, апостолъ Ѳома пронесъ Евангельскую проповѣдь до Китая и Индіи, и несомнѣнные историческіе факты подтверждаютъ вѣроятность этого колоссальнаго миссіонерскаго подвига апостола-скептика.

По крайней мѣрѣ въ 3-мъ вѣкѣ нашей эры послѣдователи христіанскаго ученія уже во множествѣ встрѣчаются среди персовъ, китайцевъ и жителей Средней Азіи.

Въ 334 году въ Тусѣ и Мервѣ основываются архіепископства, изъ которыхъ мервское въ 420 году превращается въ цѣлую митрополію. Страны глубокой Азіи достались, впрочемъ, на долю не оффиціальному христіанству, признанному византійскими императорами и вселенскими соборами, а несторіанской вѣтви христіанства, объявленной ересью и преслѣдовавшейся властями. Послѣдователи Несторія бѣжали отъ гоненій грековъ на дальній востокъ и тамъ находили покровительство у сассанидовъ, заклятыхъ враговъ греческой имперіи.

Собственно въ Самаркандѣ епископство было основано между 411 и 415 годами. Въ половинѣ 6-го вѣка византійскіе историки уже упоминаютъ «христіанъ Оксуса», а въ 3-мъ вѣкѣ геджры, слѣдовательно, приблизительно въ 9-мъ столѣтіи,—въ гористыхъ окрестностяхъ Самарканда получаетъ извѣстность значительная христіанская община въ городѣ Зердехирдѣ.

Въ концѣ того же 9-го вѣка существовало христіанское поселеніе въ Таразѣ около города Хазрета, теперешняго Туркестана, одного изъ уѣздныхъ городовъ Сыръ-Дарьинской области; тамъ была выстроена большая церковь, которую эмиръ Измаилъ обратилъ потомъ въ мечеть. Но, однако, фанатизмъ мусульманскаго вождя не могъ окончательно уничтожить укоренившагося здѣсь еще съ 4-го вѣка христіанства, потому что несторіанское епископство продолжало существовать въ окрестностяхъ Хазрета еще въ 14-мъ вѣкѣ, слѣдовательно, цѣлыхъ 10 вѣковъ послѣ перваго основанія здѣсь несторіанской общины.

Князь Земпадъ, одинъ изъ первыхъ сановниковъ Арменіи, посѣтилъ Самаркандъ въ 1246 году, слѣдовательно всего черезъ 25 лѣтъ послѣ нашествія монголовъ Чингиса на Согдіану, и однако въ сохранившемся до насъ письмѣ его изъ Самарканда онъ пишетъ о благопріятномъ состояніи христіанства и о многихъ привилегіяхъ, которыя даровалъ имъ грозный монголъ.

«Мы нашли много христіанъ, разсѣянныхъ по востоку, и многія красивыя церкви, высокія, древнія, хорошей архитектуры, разграбленныя турками», — сообщаетъ между прочимъ этотъ просвѣщенный армянскій путешественникъ.

«Когда христіане этихъ странъ явились предъ лицо дѣда нынѣ царствующаго хана (слѣдовательно, передъ лицо Чингиса), онъ принялъ ихъ съ большимъ почетомъ и даровалъ имъ свободу богослуженія и обнародовалъ указы, чтобы предотвратить отъ нихъ всякій законный поводъ къ жалобамъ за обиды на словахъ или дѣломъ. И такимъ образомъ сарацыны, которые обращались съ ними презрительно, въ свою очередь, терпятъ такое же обращеніе вдвойнѣ».

Французскій монахъ Рубруквисъ, посланникъ короля Людовика Святого къ Мангу, великому хану монголовъ, — посѣтилъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ 13-го столѣтія городъ несторіанскихъ христіанъ въ Туркестанѣ, повидимому, тотъ самый Таразъ, о которомъ я говорилъ выше, и куда годъ спустя ѣздилъ вслѣдъ за нимъ армянскій царь Гайтанъ.

Но самыя важныя свѣдѣнія о широкомъ распространеніи христіанства въ Средней Азіи, Китаѣ и Индіи передаетъ въ своемъ чрезвычайно интересномъ путешествіи извѣстный венеціанскій путешественникъ Марко Поло, объѣхавшій въ 1286 г. всю Азію и лично видѣвшій христіанъ и ихъ церкви во множествѣ самыхъ отдаленныхъ провинцій и городовъ не только Татаріи и Туркестана, но даже на берегахъ Тихаго и Индѣйскаго океановъ. Всѣ христіане, встрѣченные имъ въ этихъ недоступныхъ европейцу мѣстностяхъ, держались, какъ онъ выражается «ученія Нестора» т.-е. Несторія.

Такая повсемѣстная распространенность христіанъ на дальнемъ востокѣ значительнымъ образомъ зависѣла отъ сочувственнаго отношенія къ христіанству великихъ хановъ Монголіи, тогдашнихъ владыкъ азіатскаго востока, бывшихъ еще въ то время язычниками.

Великій ханъ Кублай, при дворѣ котораго жилъ Марко Поло, одно время даже думалъ принять христіанство и послалъ съ этою цѣлью къ папѣ Николу и Маттео Поло, отца и дядю знаменитаго путешественника. Онъ публично объявлялъ, что почитаетъ Іисуса Христа истиннымъ Богомъ, съ великимъ благоговѣніемъ сохранялъ у себя масло изъ лампадъ Святаго Гроба, которое ему привезли по его просьбѣ братья Поло, и каждый христіанскій праздникъ приказывалъ приносить къ себѣ Евангеліе, торжественно воскурялъ передъ нимъ ѳиміамъ и потомъ набожно цѣловалъ его и заставлялъ цѣловать всѣхъ придворныхъ своихъ. Въ его войскѣ было много христіанъ, и они изображали на знамени своемъ святой крестъ. Евреи и магометане смѣялись надъ ними, упрекая, что крестъ не спасаетъ ихъ отъ смерти,

и что самое знамя ихъ съ крестомъ было опрокинуто въ битвѣ. Тогда Кублай-ханъ призвалъ къ себѣ магометанъ и сказалъ имъ грозно: «не смѣйте никогда обвинять въ несправедливости Бога христіанъ, который есть воплощеніе добра и справедливости».

Очень любопытна причина, по которой Кублай-ханъ не принялъ окончательно христіанства.

Онъ сказалъ по этому случаю Николаю и Маттео Поло: «христіане здѣшнихъ странъ—люди невѣжественные и ничего не знающіе, которые не могутъ сдѣлать никакого чуда; тогда какъ язычники дѣлаютъ все, что хотятъ. *Когда я сижу за столомъ, то чаши, стоящія посреди комнаты, подходятъ ко мнѣ, полныя вина и другихъ напитковъ, безъ помощи человѣческой руки. Язычники имѣютъ власть повелѣвать погодой и дѣлать многія чудеса подобнаго рода. Вы сами свидѣтели того, что идолы ихъ могутъ говорить и предсказывать будущее.* Если бы я принялъ вашу религію и объявилъ себя христіаниномъ, то мои придворные и другіе люди, противники этой вѣры, спросили бы меня, какія уважительныя причины заставили меня креститься? Но вы поѣзжайте къ своему первосвященнику и попросите его отъ моего имени, чтобы онъ прислалъ сюда сто человѣкъ, хорошо изучившихъ вашъ законъ, которые могли бы убѣдить язычниковъ и показать имъ, что сами одарены тѣмъ же искусствомъ, но не пользуются имъ, потому что оно происходитъ отъ вліянія злыхъ духовъ. Когда я буду свидѣтелемъ этого, то наложу запрещеніе на религію язычниковъ и позволю окрестить себя. Слѣдуя моему примѣру, и все дворянство также приметъ эту религію, а за ними и весь народъ, такъ что число христіанъ этой страны превзойдетъ число тѣхъ, которые населяютъ вашу землю».

Марко Поло видѣлъ въ Индійской провинціи Малабарѣ даже гробницу св. апостола Ѳомы, перваго просвѣтителя этихъ странъ и насадителя всѣхъ христіанскихъ церквей въ Средней Азіи, Китаѣ и Индіи, замученнаго въ этомъ мѣстѣ. Тамъ была построена церковь и домъ для богомольцевъ и, по словамъ Марко

Поло, каждый день совершались многія чудеса черезъ посредство святого апостола.

Побывалъ предпріимчивый венеціанецъ и въ Самаркандѣ, который онъ называетъ «великолѣпнымъ городомъ, украшеннымъ чудными садами, населеннымъ христіанами и сарацынами».

Ему разсказали тамъ о слѣдующемъ чудѣ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Самаркандѣ царствовалъ братъ великаго хана Джагатай; къ великой радости христіанъ, *онъ крестился*, и тогда они, съ его согласія, построили большую церковь и посвятили ее св. Іоанну Крестителю. Весь сводъ церкви былъ искусно поддерживаемъ только одною мраморною колонною, подъ пяту которой подложили квадратный камень, взятый, съ дозволенія хана, изъ магометанской мечети. Но послѣ смерти хана сарацыны испросили разрѣшеніе у новаго хана взять обратно изъ христіанской церкви священный для нихъ камень и собрались вырвать его изъ-подъ колонны, разсчитывая сокрушить этимъ и своды церкви. Но по усердной молитвѣ христіанъ, къ изумленію и ужасу невѣрныхъ, въ день, назначенный для вынутія камня, колонна сама поднялась на 3 пяди вверхъ и повисла въ воздухѣ, продолжая попрежнему поддерживать сводъ.

Есть много вѣроятій предположить, что мѣсто, на которомъ мы теперь стоимъ и которое освящено гробницею съ христіанскимъ именемъ, сохранившимся въ теченіе вѣковъ,—было однимъ изъ центровъ той древней общины несторіанскихъ христіанъ, которая обратила нѣкогда въ христіанство монгольскаго хана и построила церковь св. Іоанна Крестителя въ одномъ изъ предмѣстій Самарканда. Очень можетъ быть, что Даньяръ или Даніилъ былъ какимъ-нибудь особенно почитаемымъ епископомъ или священникомъ этой христіанской паствы, и что гробница его продолжала по преданію свято чтиться туземцами даже и послѣ того, какъ жестокія насилія фанатическихъ мусульманскихъ эмировъ Туркестана вынудили потомковъ прежнихъ христіанъ принять исламъ и погасили такимъ образомъ во всей

Средней Азіи уже довольно ярко сіявшій тамъ свѣтъ христіанства. А въ теченіе столькихъ протекшихъ вѣковъ память народа могла такъ легко перемѣшать воспоминаніе о благочестивомъ христіанскомъ мужѣ съ позднѣйшими своими мусульманскими хазретами, которыхъ продолжали хоронить въ томъ же освященномъ преданіями мѣстѣ.

Впрочемъ, христіанство въ Средней Азіи угасло не сразу подъ напоромъ мусульманской нетерпимости и изувѣрства. Сохранились по крайней мѣрѣ свѣдѣнія, что въ 14-мъ вѣкѣ, именно въ 1328 году, еще существовало епископство въ Семискантѣ, какъ называли Самаркандъ со словъ китайскихъ писателей,— «in civitate Semiscatensi».

XI.

Возвращеніе.

Мы проснулись уже въ Бухарѣ. Плодоносную Міанкальскую долину Заравшана пришлось пролетѣть ночью. Эта русская Бухара или Новая Бухара растетъ, люднѣетъ и богатѣетъ съ каждымъ днемъ. Множество дѣловыхъ коммерческихъ физіономій толпится на вокзалѣ, вокругъ вокзала и въ вагонахъ, и все большею частью народъ полновѣсный, толстякъ на толстякѣ. Странное ли это свойство здѣшняго торговаго люда, или таково вліяніе здѣшняго климата, располагающаго къ полнотѣ, но только здѣсь замѣтно господствуетъ типъ ожирѣвшаго человѣка. Чусанчу на всѣхъ, а многіе и совсѣмъ безъ церемоній; въ русскихъ рубахахъ, въ австрійкахъ, во всемъ, что только полегче, попрохладнѣе. Все это агенты, коммисіонеры, приказчики разныхъ торговыхъ фирмъ, заводовъ и фабрикъ. Желѣзная дорога, которой сулили такой застой и столько разнородныхъ опасностей, вызвала между тѣмъ къ жизни всѣ мѣстности, черезъ которыя она прорѣзалась, могуче двинула впередъ всѣ отрасли мѣстной промышленности и создала множе-

ство новыхъ предпріятій даже тамъ, гдѣ никто не могъ ихъ предполагать.

Достаточно сказать, что еще въ 1889 году черезъ Самаркандъ провозилось всего не болѣе 400.000 пудовъ хлопка и не болѣе 300.000 пудовъ хлѣба, а теперь, всего черезъ какихъ-нибудь четыре года,—хлопка провезено уже болѣе 2 милліоновъ пудовъ и такое же количество зерновыхъ хлѣбовъ, общее же количество грузовъ поднялось съ 4 милліоновъ до 8 милліоновъ пудовъ! Такой быстрый ростъ торговли потребовалъ съ своей стороны значительнаго расширенія площади посѣвныхъ полей, слѣдовательно усиленія орошенія, что благодѣтельнымъ образомъ отразилось на самомъ хозяйствѣ края. Косвеннымъ образомъ вліяніе желѣзной дороги почувствовалось даже въ такихъ отдаленныхъ отъ нея мѣстностяхъ, какъ Сыръ-Дарьинская и Ферганская области, въ которыхъ также значительно увеличилось производство всѣхъ предметовъ вывоза, особенно же хлопка. Но ужасное состояніе дорогъ въ дождливыя времена года и огромныя разстоянія дѣлаютъ слишкомъ затруднительною и мало выгодною доставку товаровъ съ верблюжьими караванами изъ Ташкента и Кокана въ Самаркандъ. Наемныя цѣны верблюдовъ растутъ не по днямъ, а по часамъ и въ теченіе какихъ-нибудь 4-хъ лѣтъ съ 3-хъ рублей поднялись уже до 8-ми. Киргизы-лаучи, т.-е. проводники верблюдовъ, иногда бросаютъ тюки прямо въ степи, подвергая ихъ всевозможнымъ порчамъ отъ дождей и непогодъ, и вмѣсто условленнаго срока доставляютъ иногда цѣлыми мѣсяцами позже, соблюдая разные свои личные разсчеты и нисколько не заботясь объ интересѣ хозяевъ. Вслѣдствіе этого ни одинъ солидный торговецъ не можетъ ручаться за срочную поставку товара, и нерѣдко случается, что транспорты товаровъ, высланные вполнѣ своевременно изъ разныхъ мѣстностей Ферганской или Сыръ-Дарьинской области, приходятъ въ портъ Узунъ-Ада уже по закрытіи навигаціи.

Вообще доставить товаръ изъ Маргелана или Кокана, всего за какія-нибудь 400, или 500 верстъ до Самарканда, обхо-

дится вдвое дороже, чѣмъ провозъ этого товара на протяженіи 1.350 верстъ отъ Самарканда до Каспійскаго моря. Все это указываетъ на крайнюю необходимость продолжить Самаркандскую желѣзную дорогу до Ташкента и Маргелана, чтобы дать свободный выходъ промышленности этихъ многолюдныхъ, богатыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно глухихъ мѣстностей. Нельзя сомнѣваться, что тогда доходы Среднеазіатской желѣзной дороги быстро удвоятся, а торговая и промышленная жизнь Туркестана закипитъ ключемъ. Въ этомъ смыслѣ и было подано недавно туркестанскому генералъ-губернатору ходатайство среднеазіатскихъ промышленниковъ и торговцевъ, покрытое болѣе, чѣмъ 1.000 подписей.

Бухара,—несмотря на свою отдаленность отъ Оки и Волги, издревле вела торгъ съ Нижнимъ и Москвою. И теперь связь ея съ Нижегородскою ярмаркою самая тѣсная и выражается крупными, милліонными суммами. Въ настоящее время открыто въ Бухарѣ даже и отдѣленіе Московскаго международнаго банка, но оно пока мало развиваетъ свои операціи, по той простой причинѣ, что здѣшнія русскія и бухарскія фирмы, торгующія хлопкомъ, пользуются самымъ широкимъ и легко доступнымъ кредитомъ у мѣстныхъ «сарафовъ», т.-е. банкировъ-милліонеровъ, каковы Мирза-Худъ, Миръ-Хикметъ и пр. Стали открываться въ Бухарѣ, по примѣру Самарканда и Ташкента, и разные заводы. Въ самомъ городѣ дѣйствуютъ, напр., хлопко-очистительные заводы Штейна и другой большой заводъ съ маслобойнею Джевецкаго, а въ ханствѣ Бухарскомъ такіе же заводы устроены въ Чарджуѣ (Кудрина) и Катты-Курганѣ (Юговича). Есть еще спичечная фабрика саратовскаго купца Епифанова, кожевенный заводъ Ибрагимова (въ 40 верстахъ отъ Бухары) и др. Транспортныхъ конторъ въ Бухарѣ цѣлыхъ пять: «Надежда», «Россійскаго общества», «Лебедь», «Кавказъ и Меркурій» и «Каспій»; послѣдняя контора отправляетъ въ Россію особенно много хлопка и всякаго другого товара. Шелководство, сильно было опавшее въ послѣднее время, съ проведеніемъ желѣз-

ной дороги начало опять замѣтно подниматься въ Бухарѣ и доставляетъ эмиру ежегодно изрядную сумму. Съ каждыхъ 3-хъ пудовъ итальянскихъ коконовъ бухарецъ получаетъ до 10-ти фунтовъ чистаго шелка, который можетъ быть проданъ на здѣшнихъ базарахъ, если цѣны крѣпки, за 600 тенегъ, т.-е. около 120 рублей. Такой значительный доходъ естественно поощряетъ туземцевъ къ усиленію производства шелка, требующаго такъ мало затратъ съ его стороны.

Русская Бухара населена однако далеко не одними русскими. Большинство жителей тутъ все-таки сарты, но много и персіянъ, и евреевъ, поляковъ, армянъ, грузинъ. Всѣхъ жителей уже больше полуторы тысячи, русскихъ изъ нихъ немного меньше половины. Черезъ какихъ-нибудь 5 лѣтъ тутъ уже будетъ, навѣрное, насчитываться цѣлый десятокъ тысячъ, особенно если сюда будетъ проведенъ водопроводъ, такъ какъ Русская Бухара до сихъ поръ пользуется ежедневно привозимою Аму-Дарьинскою водою, не особенно, конечно, вкусною въ жаркое время года, когда особенно бываетъ дорога для всякаго свѣжая вода.

Поѣздъ нашъ окруженъ въ настоящую минуту цѣлою ордою ярко разодѣтыхъ бухарцевъ. Всѣ они лѣзутъ толпами въ такъ называемые «мусульманскіе вагоны», съ огромными узлами въ паласахъ и коврикахъ, съ мѣдными кувшинами и чайниками, оставляя въ покоѣ, къ нашему немалому благополучію, наши русскіе вагоны, гдѣ имъ негдѣ сидѣть поджавъ ноги, и гдѣ имъ неудобно творить узаконенный намазъ на глазахъ «невѣрныхъ собакъ» москововъ.

Отъ Бухары до Фараба, то-есть до самыхъ береговъ Аму-Дарьи, и отъ Чарджуя, то-есть опять-таки отъ береговъ Аму-Дарьи, до Мерва—сыпучіе и жгучіе пески. Съ нихъ пышетъ на насъ какимъ-то каленымъ зноемъ, какъ съ горячаго утюга. Черезъ жары въ Чарджуѣ уральскіе казаки не вынесли даже своего обычнаго товара—севрюжьей икры; въ жару и самая рыба

не ловится, вѣроятно, тоже нѣжится въ какихъ-нибудь береговыхъ норахъ.

Съ Чарджуя уже начинаются суровыя смуглыя физіономіи туркменовъ, воинственныя бороды, высокія бараньи шапки. На многихъ видны наши георгіевскіе кресты.

Сухое и суровое племя песковъ, одѣтое въ черное, заступаетъ мѣсто пестрыхъ обитателей веселаго зеленаго оазиса.

Мы то и дѣло сбираемся всею своею компаніею въ вагонѣ-буфетѣ: это очень умная и полезная выдумка, какъ нельзя болѣе подходящая къ условіямъ Закаспійской желѣзной дороги. Песчаная пустыня въ этомъ отношеніи сравнялась съ многоцивилизованною Америкою и обогнала всѣ дороги Европейской Россіи. Въ Туркменіи безъ вагона-буфета путешественникамъ положительно пришлось бы умирать отъ голода и жажды. Переѣзды тутъ длиннѣйшіе, жара мучительная, съ песчаныхъ бархановъ пышетъ какъ съ раскаленнаго утюга.

На рѣдкихъ станціяхъ, затерянныхъ среди песковъ, большею частію нѣтъ воды, которую привозятъ на станцію въ особыхъ «водяныхъ» поѣздахъ, а ужъ о какой-нибудь провизіи и говорить не стóитъ. Откуда взять ее? А если бы и ухитрились достать гдѣ-нибудь—она погибала бы безъ пользы, потому что поѣзда ходятъ не всякій день, а мѣстнаго потребленія, разумѣется, никакого. Совсѣмъ другое дѣло буфетъ, сопровождающій поѣздъ, и, стало быть, день и ночь открытый къ услугамъ каждаго проѣзжаго. Онъ забираетъ провизію вездѣ, гдѣ только можно, и въ Узунъ-Ада, и въ Асхабадѣ, и въ Чарджуѣ, и въ Бухарѣ, и въ Самаркандѣ,—и такимъ образомъ постоянно питаетъ самъ себя. Отъ нечего дѣлать, публика пьетъ и ѣстъ здѣсь съ утра до ночи, и сбытъ вообще у буфета преизрядный, особенно же всякихъ прохладительныхъ и горячительныхъ напитковъ. Походный ледникъ, дающій возможность пить среди 50 градуснаго зноя воду, вино и пиво со льдомъ,—не мало увеличиваетъ этотъ сбытъ. Одно нехорошо, что буфетъ нерѣдко дѣлается сценою разныхъ

несовсѣмъ удобныхъ выходокъ со стороны подгулявшихъ гостей, нравы которыхъ и въ трезвомъ видѣ не отличаются излишнею деликатностію. Кромѣ того, самое помѣщеніе буфетовъ въ товарномъ вагонѣ, приспособленномъ къ этой спеціальной цѣли, нельзя считать особенно удачнымъ. Трясетъ такъ, что боишься откусить кусокъ хрустальнаго стакана или проглотить свои собственные зубы. А черезъ это вино и чай расплескиваются до невозможности. Для чая выдуманы, правда, очень глубокіе и большіе бокалы или кубки, которые доливаются до половины и только этимъ сберегаютъ заключенную въ нихъ драгоцѣнную влагу. Мы сидимъ, поминутно смѣняя горячій чай ледянымъ пивомъ и вино—зельтерскою водою, и чѣмъ больше пьемъ, тѣмъ больше мучаемся жаждою, не зная, куда-жъ дѣваться и что же наконецъ дѣлать?

Компанія у насъ собралась довольно оживленная: г-нъ П., начальникъ телеграфа въ Бухарѣ, съ которымъ мы познакомились у г-на Лессара, и съ нимъ двѣ дамы, изъ знакомаго намъ семейства. Одна изъ нихъ, г-жа Г., молодая вдова, служащая здѣсь врачомъ, съ маленькою дочкою, другая сестра Г., дѣвушка, воспитанница с.-петербургской консерваторіи. Ѣдетъ съ нами же и какой-то оріентологъ, уже довольно пожилой, изучавшій надписи на различныхъ памятникахъ Самарканда. Онъ имѣетъ видъ армянина, но говоритъ по-нѣмецки, называетъ себя шведомъ и преподаетъ, по его словамъ, восточные языки въ Гельсингфорсскомъ университетѣ на правахъ частнаго лектора. Увѣряетъ, что знаетъ пятнадцать различныхъ языковъ и говоритъ на восьми. Теперь снималъ въ Самаркандѣ различныя надписи, покупалъ у туземцевъ старинныя ихъ книги и собирается издать сочиненіе о древностяхъ Самарканда. Его очень занимаетъ мысль о постройкѣ въ Самаркандѣ какого-нибудь особенно великолѣпнаго православнаго храма, который затмилъ бы собою всѣ древнія мечети Тимура и Улугъ-Бека, и слава котораго разнеслась бы по всему мусульманскому міру Азіи. Онъ убѣжденъ почему-то, что такое наглядное проявленіе

русскаго богатства и искусства совершенно необходимо въ этихъ варварскихъ странахъ, среди народовъ, у которыхъ фантазія развита гораздо болѣе, чѣмъ разсудокъ, и сильнѣе всего вліяетъ на ихъ поступки и привязанности. Поразить воображеніе восточнаго жителя какимъ-нибудь грандіознымъ сооруженіемъ,—по мнѣнію этого оріенталиста, — значитъ внушить ему величайшее уваженіе къ народу, способному на подобныя созданія.

Г-нъ П. и г-жа Г., близко ознакомившіеся съ жизнью Туркестана, не нахвалятся ею. Ихъ приводитъ въ восторгъ и здѣшняя природа, и здѣшніе нравы, гораздо болѣе простые и дружественные, чѣмъ въ Россіи, куда ихъ вовсе теперь не манитъ. Но о Бухарѣ и бухарскихъ порядкахъ г-нъ П. разсказывалъ намъ въ то же время вещи, не особенно располагающія жить въ этомъ гнѣздѣ истой азіатчины всякаго рода. Онъ увѣрялъ насъ, между прочимъ, что тамъ до сихъ поръ убійцу выдаютъ головою родственникамъ убитаго, которые преспокойно рѣжутъ на глазахъ всѣхъ горло преступнику.

Одинъ юноша, напримѣръ, на свадьбѣ любимой имъ дѣвушки, убилъ своего соперника-жениха. Его схватили и выдали роднымъ убитаго. Старуха, мать покойнаго, собственноручно перерѣзала ему горло, и бухарцы искренно восхваляли ее, какъ свято исполнившую великую нравственную обязанность родоначальницы семьи.

П. увѣрялъ насъ также, что сажаніе на колъ, сбрасываніе съ вершины минарета, рѣзаніе головъ и всякія другія старинныя публичныя казни, недавно отмѣненныя бухарскимъ эмиромъ по требованію русской власти,—отмѣнены только формально, а втихомолку продолжаются себѣ вездѣ, гдѣ бухарцы не разсчитываютъ, что объ этомъ можетъ узнать русскій представитель. На-дняхъ еще жизнь, честь, собственность каждаго бухарскаго подданнаго, какъ бы онъ ни былъ богатъ и знатенъ, всецѣло принадлежали эмиру. Эмиръ безъ всякой церемоніи посылалъ брать себѣ въ жены и наложницы дочерей сво-

ихъ подданныхъ,—и никто не осмѣливался однимъ словомъ перечить ему, почитая для себя великимъ благополучіемъ такое лестное вниманіе бадаулета.

Старый эмиръ, отецъ теперешняго, прослышалъ какъ-то, что въ Бухарѣ есть одна удивительная красавица. Онъ тотчасъ же приказалъ, безъ дальнѣйшихъ размышленій, привести ее къ себѣ во дворецъ, чтобы помѣстить ее въ число своихъ безчисленныхъ женъ. Но молодая дѣвушка была влюблена въ одного бухарскаго бека и уже на-дняхъ готовилась, съ согласія своихъ родныхъ, выйти за него замужъ. Чтобы спастись отъ предстоявшей ей участи, она прибѣгнула къ хитрости. Когда ея родители и сановники эмира привели ее передъ свѣтлыя очи повелителя правовѣрныхъ, смѣлая дѣвушка, сейчасъ же послѣ привѣтственнаго «селямъ алекюмъ», прежде чѣмъ очарованный ею старикъ успѣлъ отвѣтить обычное «алекюмъ селямъ», поднесла ему вдругъ хлѣбъ и соль. По мусульманскому закону это означало, что она проситъ эмира быть ея посаженымъ отцомъ; отказаться отъ этой почетной просьбы никто не въ правѣ, и жениться на дѣвушкѣ, обратившейся съ такою просьбою, уже невозможно безъ вопіющаго оскорбленія священныхъ правъ шаріата. Эмиръ вскинулъ разъяренныя очи на спутниковъ хитрой красавицы и всѣхъ ихъ предалъ потомъ мучительной казни, но требованія шаріата все-таки исполнилъ, сдѣлался посаженымъ отцомъ своей невѣсты и наградилъ ее богатымъ приданнымъ.

Теперь, конечно, волей-неволей правитель Бухары и его приближенные вынуждены сообразоваться хотя сколько-нибудь съ взглядами русскихъ на управленіе народомъ и, хотя съ искренними вздохами сожалѣнія, отучаться понемножку отъ излюбленныхъ обычаевъ стариннаго деспотизма и варварства. На дняхъ еще, по разсказамъ П., эмиръ послалъ телеграмму царю съ заявленіемъ, что на память о счастливомъ событіи 17-го октября, онъ основываетъ на свой счетъ въ Бухарѣ безплатную лѣчебницу для туземцевъ, туземокъ и русскихъ. Чтобы рѣшиться

лѣчить въ общественномъ учрежденіи, черезъ русскихъ докторовъ, мусульманскихъ женщинъ, нужно было пойти наперекоръ самому слѣпому и отчаянному фанатизму бухарскихъ имамовъ.

Опять мы проносимся по песчаному океану каракумовъ, по голымъ, глинистымъ степямъ текинскихъ оазисовъ. Послѣ тѣнистыхъ садовъ и плодородныхъ долинъ Заравшана—мрачно смотритъ на насъ эта разбойничья страна, ощетинившаяся на всякомъ шагу своими глиняными башнями, крѣпостцами, сторожевыми столбами.

Въ каждомъ аулѣ кала съ зубчатыми стѣнами, каждый домъ аула—готовая бойница. И народъ кругомъ смотритъ серьезно и мрачно, неподвижнымъ взглядомъ хищной птицы. Вездѣ черныя бороды, черные смѣлые глаза, черныя мохнатыя шапки—настоящія стаи черныхъ орловъ, готовящихся на добычу.

Когда поѣздъ шумно проносится мимо этой безмолвной, враждебно смотрящей толпы, осыпавшей одинокую русскую станцію, дѣлается какъ-то жутко за своихъ безстрашныхъ земляковъ, остающихся одинъ-на-одинъ съ этими прирожденными разбойниками, чуть не вчера еще таскавшими на веревкахъ русскихъ плѣнниковъ.

Особенно жутко смотрѣть на крошечныя путевыя караулки, совсѣмъ затерянныя въ песчаныхъ барханахъ. Съ радостнымъ волненіемъ выглядываютъ съ порога ихъ многотерпѣливые русскіе солдатики, слѣдя оживленнымъ взоромъ за бѣгомъ нашего людного и шумнаго поѣзда, изъ котораго глядятъ на нихъ родныя лица и одежды, откуда доносится къ нимъ дорогая сердцу, знакомая рѣчь. Прогремитъ, пронесется мимо желѣзная стоножка, выпуская клубы пара,—и потонутъ они опять съ своей жалкой будочкой, въ океанѣ песчаныхъ холмовъ, вдвоемъ въ этой надвигающейся ночной тьмѣ, среди звѣрей и хищныхъ кочевниковъ.

Два раза мы едва не переѣхали стада верблюдовъ, плавно и неспѣшно переходившія черезъ рельсы дороги. Ночью одного горбача столкнули-таки съ насыпи, а теперь пустили въ ходъ всѣ тормазы, дали задній паръ, отчаянно свистѣли на всю пустыню, чтобы только дать время этимъ двугорбымъ философамъ спокойно прослѣдовать поперекъ желѣзнаго пути.

Пограничныя горы Персіи уже давно провожаютъ насъ слѣва, а пустыня справа. Уже чуется впереди нетерпѣливо ожидаемый конецъ этого томящаго путешествія среди безоблачной синевы раскаленнаго неба и желтыхъ равнинъ раскаленнаго песка. Отъ Кизиль-Арвата какъ-будто уже начинаетъ немного потягивать прохладнымъ запахомъ моря. Воображеніе опережаетъ время и рисуетъ себѣ яркія картины скораго возвращенія изъ этой надоѣвшей азіатчины на далекую милую Русь.

Наконецъ, однимъ яснымъ, раннимъ утромъ желтая, до обжога нагрѣтая равнина, вдругъ, словно разомъ, обрѣзалась на западномъ горизонтѣ своемъ, и за нею засіяла колышащаяся скатерть прохладныхъ, синихъ водъ.

Передъ нами было Каспійское море.

Вотъ уже мы минуемъ послѣдніе прибрежные барханы, запутаннымъ архипелагомъ островковъ и мысовъ осыпающіе берегъ Каспія. Поѣздъ нашъ быстро извивается между синихъ проливовъ и желтыхъ холмовъ и, наконецъ, выноситъ насъ на унылую отмель Узунъ-Ада, заваленную бѣлыми грудами хлопка.

Но этотъ «Узунъ-Адъ» уже кажется намъ теперь, послѣ испытанной туркменской пустыни, не адомъ, а желаннымъ раемъ.

Давно неисцытанною свѣжестью тянетъ намъ въ лицо изъ неохватно-громадной водной чащи могучаго Каспія. Легкій вѣтерокъ весело покачиваетъ пароходы и парусныя суда на яркосиней скатерти бухты, суля намъ впереди другіе, болѣе милые берега. Армянское и персидское населеніе кишитъ у гавани. Это уже послѣднее напоминаніе Азіи и востока, изъ которыхъ сердце рвется на свою русскую родину тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ ближе подвигаешься къ ней...

Намъ уже видно, какъ пароходъ «Кавказа и Меркурія» разводитъ свои пары. Радостно спѣшимъ мы выбраться изъ душныхъ и пыльныхъ вагоновъ, чтобы бѣжать на пристань слѣдомъ за своими чемоданами.

Полуголые персы-атлеты, словно вылитые изъ бронзы, ухватили ихъ съ быстротою молніи и мчатъ къ пароходу на своихъ бритыхъ головахъ. Теперь бы только не опоздать захватить удобную семейную каюту... Живѣе впередъ!..

Слава Богу, вотъ мы и на палубѣ, вотъ уже любезный капитанъ устраиваетъ насъ на нашемъ новоселью...

Прощай старая Азія, прощай Туркестанъ!..

УЧЕНИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ПЕРВОЙ МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

Часть VI.

ДОМОЙ ПО ВОЛГѢ.

I.

Дербентъ,—«городъ желѣзныхъ воротъ».

Пароходъ нашъ смѣло и прямо, будто по твердо пробитой дорогѣ, несется изъ Баку навстрѣчу волнамъ моря, которыя разгулявшійся сѣверякъ довольно рѣзво гонитъ на югъ отъ безчисленныхъ рукавовъ и островковъ Волжскаго устья. Бѣлые барашки, которыми вспѣнивается неохватная ширь Каспія вездѣ, куда хватаетъ мой глазъ,—очень оживляютъ безъ того оживленный пейзажъ. Словно все море населено невидимыми веселыми звѣрями, которые съ дикою удалью скачутъ, опережая другъ друга, ныряютъ со всего разбѣга въ синей пучинѣ и опять выныряютъ оттуда съ плескомъ и хохотомъ, потрясая курчавыми гривами...

Весело встрѣчать и бѣгущіе навстрѣчу пароходы и парусники, нагонять и обгонять вяло перепалзывающія груженныя баржи, глубоко ушедшія въ воду своими тяжеловѣсными корпусами, словно старинный грузный экипажъ въ осеннюю грязь.

Удивительно, какъ всѣ эти дымящія и недымящія суда могутъ вѣрно направлять свой путь по одной и той же общей

линіи, ничѣмъ не отмѣченной на влажной пучинѣ, гдѣ они встрѣчаются и расходятся другъ съ другомъ, какъ почтовыя тройки на большой дорогѣ.

— Кто? какой? чей?—только и слышится на палубѣ.

Читаешь на носу имя «Хамидъ» или «Будда».

— А, это Нобелевскій!—говорятъ въ толпѣ.

И оттуда съ тѣмъ же любопытствомъ устремлены на вашъ пароходъ многочисленные взгляды.

Промелькнули,—и нѣтъ никого; бѣгутъ безостановочно и вашъ, и ихъ пароходъ,—и отъ этого двойного бѣга вамъ кажется, что они не проходятъ, а стрѣлою проносятся мимо другъ друга.

Нашъ быстроходъ обгоняетъ всѣхъ легко, чуть не шутя. То и дѣло показываются дымки вдали, то и дѣло капитанъ и штурманъ заботливо вглядываются въ трубу и торопливо вертятъ колесо руля то вправо, то влѣво.

Раньше всѣхъ показывается слѣва на гористомъ мысѣ Апшеронскій маякъ, пароходъ забираетъ ближе къ нему.

Низкій и длинный островъ съ двумя маяками («Исакова коса») вырѣзается на синемъ фонѣ моря, будто линія, проведенная карандашемъ. Телеграфные столбы берега тоже заворачиваютъ къ маяку, и тутъ начинается электрическій подводный кабель, поперекъ всего Каспійскаго моря на Туркменскій берегъ въ Красноводскъ. Это самое короткое разстоянье между западнымъ и восточнымъ побережьями Каспія. Вокругъ высокой башни маяка нѣсколько построекъ въ родѣ тюрьмы или крѣпостного каземата, мрачныхъ и безотрадныхъ. Не завидую обитателямъ этого пустыннаго замка, оберегающаго пустыни моря. Берегъ здѣсь вообще унылый,—низкій, песковатый, безъ всякой зелени, и безъ радующихъ долей. Рѣдко бросится въ глаза какой-нибудь поселочекъ въ курчавыхъ деревьяхъ. А по мысамъ опять маяки!.. Хотя вѣтеръ довольно свѣжій, а не качаетъ нисколько. Острая грудь могучаго парохода взрѣзаетъ волны какъ разъ навстрѣчу имъ и плавно, не колыхнувшись ни вправо, ни

влѣво, несется впередъ. Къ вечеру исчезъ и берегъ, все слилось въ одинъ туманный движущійся и плещущій хаосъ, среди котораго съ дѣтски довѣрчивымъ чувствомъ отдаешься нѣжущему комфорту и цивилизованной обстановкѣ пароходной жизни, мирно присаживаясь къ яркому свѣту лампъ, за столы, сверкающіе стекломъ и фарфоромъ, за тарелку горячаго супа и стаканъ искристаго вина...

Утромъ стало легонько покачивать.

— Должно быть, къ Дербенту подходимъ, тамъ всегда качаетъ, потому что приходится повертывать поперекъ волны...— замѣтилъ за чаемъ опытный пассажиръ.

Послѣ чаю мы съ женою вышли на палубу. Было только 8-мь часовъ, и Дербентъ уже стоялъ надъ нами. Дербентъ по картинамъ представлялся мнѣ совсѣмъ другимъ. Я воображалъ себѣ скалу, омываемую моремъ и осыпанную восточными домиками. А тутъ зеленый склонъ могучаго горнаго хребта, который въ этомъ мѣстѣ значительно положе и ровнѣе, чѣмъ въ другихъ, болѣе обрывистыхъ скатахъ своихъ. Пята этого хребта довольно широкая низина въ уровень съ моремъ, покрытая садами; къ югу ихъ особенно много. На этой низинѣ русскія казармы, палатки лагеря. Городъ поднимается отъ моря къ горамъ легкимъ изволокомъ; выше его на кручѣ, подъ стѣнами старой крѣпости, персидскій городъ.

Русскій бѣлый соборъ съ зеленою луковицею купола и характерная восьмиугольная башня съ островерхимъ шатромъ армянской церкви поднимаются въ близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга изъ сбитыхъ въ кучу домиковъ, а ихъ обѣихъ вѣнчаетъ сверху персидская мечеть съ раздутымъ дынею куполомъ, какъ высоко воздвигнутый стягъ недавно еще господствовавшаго здѣсь магометанства.

Бѣлая старинная башня маяка стоитъ ближе всѣхъ къ морю. Очевидно, это одна изъ уцѣлѣвшихъ башень старой крѣпости. Ихъ, впрочемъ, тутъ видны еще десятки.

Мы дали схлынуть первой любопытной толпѣ, навалившейся въ огромную лодку, и отправились въ городъ почти въ пустой лодкѣ, на которой пріѣхали къ пароходу телеграфисты. Переѣздъ на парусѣ отъ парохода до пристани всего четверть часа. Впрочемъ, пристани, собственно говоря, тутъ нѣтъ никакой. Огромные тесанные камни правильной кладки торчатъ изъ моря въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, по сторонамъ этой такъ называемой пристани. Это основанья башень, когда-то стоявшихъ здѣсь и защищавшихъ подступы съ моря къ Дербенту. Нужно думать, что и Дербентскій берегъ, какъ берегъ Баку, постепенно понижается въ теченіе вѣковъ, и что укрѣпленья, бывшія когда-то на берегу, очутились уже подъ волнами моря, подобно подводной башнѣ и стѣнамъ Бакинской бухты, которыя я только что осматривалъ.

Въ Дербентѣ съ глубочайшей древности былъ узкій проходъ по берегу моря изъ Азіи въ Европу; проходъ этотъ защищался сильными укрѣпленіями и запирался желѣзными воротами. Самое имя Дербентъ—значитъ «желѣзныя ворота». Я видѣлъ одно полотнище ихъ, кованное истинно-циклопическимъ образомъ и совсѣмъ почти изъѣденное ржавщиной, въ знаменитомъ Имеретинскомъ монастырѣ Гелати, близъ Кутаиса; тамъ оно стоитъ около гробницы Димитрія, отца великаго грузинскаго царя Давида Возобновителя, какъ трофей его побѣды надъ мусульманами. Ворота эти были построены въ 1063 году ханомъ Шавиромъ, и Димитрій отнялъ ихъ, взявъ приступомъ Ганджу, теперешній Елизаветполь, столицу ганджинскихъ хановъ.

Мѣстность Дербента дѣйствительно напрашивается на то, чтобы запирать здѣсь на ключъ кавказскіе проходы. Цѣпь горъ начинается только отъ Дербента, а къ сѣверу отъ него — уже равнина.

Немудрено поэтому, что владѣтели Кавказа, такъ часто чередовавшіеся здѣсь во времена оны, всѣ съ жадностью бросались на Дербентъ и, во что бы ни стало, стремились владѣть имъ. Двойной рядъ зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, до сихъ поръ отлично

уцѣлѣвшихъ, давно уже перепоясывалъ этотъ горный склонъ спускаясь отъ верхней, неприступной цитадели, поднятой на самую кручу горъ, къ низинѣ всѣмъ доступнаго морского берега. Купцы и промышленники также давно засѣли между этихъ крѣпкихъ стѣнъ, подъ защитой скалистой цитадели и завели безопасную торговлю въ этомъ удобномъ уголкѣ на рубежѣ Европы и Азіи, земли и моря, кавказскихъ горъ и русскихъ степей, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ устьемъ великой торговой рѣки русской. Поэтому, Дербентъ издревле сталъ извѣстнымъ не только какъ важнѣйшая пограничная крѣпость, неприступная по своему положенію, но еще какъ торговый и промышленный городъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ къ Россіи приморскихъ рынковъ для восточныхъ товаровъ. Онъ сдѣлался черезъ это своего рода владыкой Каспійскаго моря, и проницательный взглядъ Петра Великаго постигъ сразу, что кто хочетъ овладѣть Каспіемъ, прежде всего долженъ овладѣть Дербентомъ, ключемъ его. Петръ и поступилъ такъ. Когда онъ задумалъ утвердиться прочною ногой на Каспійскомъ морѣ, то лично взялъ Дербентъ во главѣ своей маленькой арміи, а вслѣдъ за Дербентомъ отворили ему свои ворота почти всѣ прибрежные города Каспія. По договору 12 сентября 1723 года Дербентъ со всѣмъ Каспійскимъ побережьемъ былъ уступленъ Персіей Россіи на вѣчныя времена, и только совершенное непониманіе послѣдующими правителями нашихъ жизненныхъ задачъ на Востокѣ могло отдать эту важную мѣстность безъ всякой войны обратно въ руки нашихъ враговъ.

Стѣна начинаетъ охватывать васъ съ обѣихъ сторонъ съ первыхъ же шаговъ. Она какой-то циклопической кладки изъ огромныхъ, но плотно притесанныхъ камней, сложенныхъ насухо; то и дѣло встрѣчаются всходы и парапеты; когда глядишь издали, какъ она лѣпится наверхъ своею желтовато-бѣлою зубчатою лентой, поднимаясь будто ступеньками съ уступа на уступъ, при всякомъ поворотѣ, при всякомъ подъемѣ своемъ, опираясь на массивныя башни, — то невольно переносишься

мыслью въ далекіе средніе вѣка, когда безъ этихъ зубцовъ, стѣнъ и башенъ была немыслима жизнь человѣка и когда самый маленькій городъ имѣлъ ту же живописную и романтическую физіономію, какою мы теперь любуемся въ своеобразномъ древнемъ городѣ Кавказа.

Особенно характерны многочисленныя ворота персидскаго стиля съ изящными арками и колонками.

Въ иныхъ мѣстахъ стѣна уже совсѣмъ разрушена, въ другихъ она еще очень высока и не тронута временемъ. Должно быть, она не разъ была надстраиваема въ верхнихъ своихъ поясахъ, болѣе всего поврежденныхъ; нижняя же основа ея носитъ на себѣ всѣ признаки очень древней кладки, которую, навѣрное, не приходилось возобновлять многіе вѣка.

Мы наняли извозчика, которыхъ, къ удивленію моему, здѣсь оказалось очень много. За часъ они берутъ 60 к., а за подъемъ до крѣпости 1 р. Это большое удобство, потому что тащиться пѣшкомъ по жарѣ на такую длинную и крутую гору, да еще по каменной мостовой среди горячихъ каменныхъ улицъ,—удовольствіе небольшое, а для непривычнаго человѣка, пожалуй, даже и неисполнимое. Русскихъ построекъ тутъ уже довольно много, и, глядя на нѣкоторыя изъ нихъ, я сильно подозрѣвалъ, что они значительною долей выстроены изъ даровaго матеріала, находящагося въ такой соблазнительной близости,—именно, изъ той самой исторической стѣны, на которую мы теперь засматриваемся и которая, должно-быть, оттого-то и пришла мѣстами въ такой разрушенный видъ. Кажется, и самый православный храмъ сложенъ изъ этихъ древнихъ камней. Есть нѣсколько сносныхъ и приличныхъ построекъ русскаго образца, но громадное большинство домовъ — скорѣе низкія, грязныя сакли, чѣмъ дома. Нечистоплотность вездѣ—воистину восточная. Нигдѣ никакого слѣда благоустройства. Улицы словно сто лѣтъ не метены, не чищены, не политы. Вездѣ пыль и навозъ. Нигдѣ на улицѣ ни одного деревца. Ближе къ морю, правда, разбитъ довольно тѣнистый городской садъ и устроены бесѣдки для му-

зыки, но самый городъ не защищенъ ничѣмъ отъ убійственнаго припека солнца. Каменные домишки насыпаны по голому склону горы, какъ куски колотаго сахара. Есть, впрочемъ, какъ подобаетъ уѣздному городу Россійской Имперіи, — зданіе «присутственныхъ мѣстъ», увѣнчанное вывѣской.

Лавченокъ здѣсь—видимо-невидимо; но все это по восточному: товаръ каждой лавки умѣстится въ одномъ порядочномъ сундукѣ. Больше всего бросаются въ глаза мѣдныя лавки и мастерскія мѣдниковъ. Кажется, это спеціальность Дербента.

Однако, въ самый лабиринтъ верхнихъ персидскихъ кварталовъ извозчикъ насъ не повезъ; по ихъ вьющимся неровнымъ переулочкамъ можно проѣхать только верхомъ и ходить пѣшему. Мы выѣхали за городскую стѣну, на южную сторону, и стали карабкаться вдоль нея къ скалѣ, на которой стоитъ цитадель, оставляя вправѣ персидскую часть города. На половинѣ дороги мы остановились осмотрѣть очень интересныя древнія ворота, поразившія меня своимъ изящнымъ архитектурнымъ стилемъ. Старикъ мусульманинъ, сидѣвшій въ этихъ воротахъ, увѣрялъ насъ, что они выстроены 4.000 лѣтъ тому назадъ; самъ онъ, очевидно, вѣрилъ съ полною искренностью въ эту почтенную цифру. Ворота — въ обычномъ персидскомъ вкусѣ, съ двойною аркою. Наружная арка тщательно отдѣлана характерною каменною рѣзьбой, а внутри стоитъ надъ воротами наивно-грубая, дѣтски-изваянная статуетка льва, герба Персіи. Тутъ же врѣзано нѣсколько плитъ съ старинными надписями.

— Никто не можетъ прочесть, что здѣсь написано! таинственно сообщилъ намъ старикъ Дербентецъ. Это не по-персидски и не по-арабски, это «куфи!» а «куфи» никто понять не можетъ!

Изъ этихъ древнихъ воротъ открывается преживописная перспектива узенькой улочки персидскаго города, тѣсно обставленной кубиками слѣпыхъ плоскокрышихъ домовъ... А за стѣною, въ полѣ, противъ тѣхъ же историческихъ воротъ, подъ густою тѣнью стараго орѣха,—поэтическій фонтанъ, съ каменною терасой для отдыха, окруженный оградою и всегда осаждаемый

толпами водоносицъ съ кружками и громадными кувшинами на плечахъ.

Мы все время дѣлаемъ зигзаги, чтобы подняться на кручу каменной горы, покрытой, впрочемъ, въ это время года довольно высокою травою. Круча эта мало по малу обращается въ громадное кладбище. Вездѣ видишь словно гигантскіе расшатанные зубы—узкіе и высокіе могильные камни, торчащіе во всѣ стороны изъ земли.

Среди зеленой травы они производятъ впечатлѣніе бѣлыхъ костяковъ, которыми ощетинилось это поле смерти. Хорошенькія, изрядно-таки крупныя змѣйки то и дѣло перепалзываютъ черезъ дорогу, ныряя подъ камни и прячась въ высокой травѣ. Чѣмъ ближе къ крѣпости, тѣмъ могильные камни дѣлаются чаще и красивѣе. Многіе изъ нихъ расписаны затѣйливыми узорами яркихъ красокъ, на подобіе разноцвѣтной эмали персидскихъ серегъ и запястій, или раскрашенныхъ потолковъ мечети. Восточный узоръ этого рода неподражаемо хорошъ вездѣ, гдѣ бы ни встрѣтилъ его.

Крѣпость забралась совсѣмъ на отдѣльную скалу, въ уединеньи отъ остального города, хотя тяжко вспалзывающія снизу зубчатыя стѣны, охраняющія городъ съ обѣихъ сторонъ, ухватываются за нее своими каменными лапами.

Крѣпость занимаетъ покатое темя скалы, сходящее книзу тремя уступами. Яруги охватываютъ эту скалу съ востока и сѣвера, а съ запада она виситъ надъ глубокимъ обрывомъ, который совсѣмъ нешуточно хмурится сквозь растрескавшіеся крѣпостные зубцы. Только съ южной стороны къ ней свободно подходятъ горныя дороги, направляющіяся къ морю и въ сѣверныя равнины Кавказа. Неприступная Дербентская крѣпость пересѣкла ихъ въ этомъ мѣстѣ своими высокими стѣнами и башнями, мимо которыхъ проѣздъ былъ невозможенъ. Крѣпко окованныя желѣзомъ массивныя древнія ворота, запирающія входъ въ крѣпость, уцѣлѣли до сихъ поръ.

Прежде въ крѣпости, вѣроятно, жило много народа и начальствующихъ людей. Въ юго-западномъ углу ея сохранилось какое-то большое запустѣвшее зданіе изъ бѣлыхъ камней, въ разныхъ мѣстахъ стоятъ солдатскія казармы, раскинуты фонтаны и глубокія цистерны для воды, искусно обдѣланныя бѣлымъ тесаннымъ камнемъ, хотя, къ сожалѣнію, уже запущенныя и высохшія; близъ южной стѣны даже что-то въ родѣ сада изъ большихъ бѣлыхъ акацій и разныхъ другихъ тѣнистыхъ деревьевъ.

Съ уступа на уступъ крѣпостной скалы приходится подниматься по ступенямъ: въ иныхъ мѣстахъ зубцы стѣны приходятся въ уровень съ теменемъ скалы, въ другихъ—стѣна поднимается надъ нею на нѣсколько сажень, такъ что нужно взбираться на нее, какъ на колокольню.

Я взобрался на самый верхъ самой верхней башни, чтобы полюбоваться широкою панорамой моря и берега, которая открывается съ нея. Ярко красные цвѣты мака и зеленыя метелки всякихъ полевыхъ травъ убираютъ теперь своимъ мирнымъ уборомъ когда-то грозную твердыню. Дербентъ виденъ отсюда à vol d'oiseau и уже кажется расположеннымъ не по склону крутой горы, а на совершенно гладкой равнинѣ; даже персидскій городъ, ближе всѣхъ придвинувшійся къ крѣпости, и тотъ виденъ отсюда въ той же странной иллюзіи зрѣнія. Только теперь вполнѣ ясно, что Дербентъ гораздо обширнѣе, чѣмъ онъ казался намъ снизу, въ своемъ неизбѣжномъ раккурсѣ. Море чудной синевы стелется впереди и поднимается къ горизонту своимъ неохватнымъ просторомъ. Нашъ статный пароходъ, будто живое энергическое существо, дышетъ и пышетъ клубами горячаго пара, еще неподвижный на своихъ якоряхъ. Цѣлая флотилія парусныхъ лодочекъ рѣетъ бѣлыми чайками между нимъ и городскою пристанью, а тамъ въ туманныхъ горизонтахъ дали темнѣютъ силуэты пароходовъ и кораблей, что бѣгутъ другъ за другомъ, и одни навстрѣчу другимъ по никѣмъ не проведенному водному пути изъ Баку въ Астрахань, изъ Астрахани въ Баку,

точно обозы извозчиковъ на большихъ дорогахъ нашей черноземной Россіи...

Спустившись опять внизъ, мы съ удовольствіемъ побродили нѣсколько минутъ послѣ долгаго солнечнаго пекла въ освѣжающей тѣни городского сада и посѣтили кстати историческую землянку около крѣпостной стѣны, въ которой, по преданію, жилъ Великій Петръ во время взятія Дербента.

Рынокъ дербентскій богатъ всякими овощами: капуста, картофель, виноградъ ростутъ здѣсь роскошно по низинамъ, окаймляющимъ море. Дербентское вино вкусно и недорого. Въ поощреніе мѣстнаго производства мы купили нѣсколько кусковъ страшно пестрой и страшно яркой персидской набойки для покрывалъ, столько же грубой и кволой, сколько дешевой, которая приготовляется тутъ же на вашихъ глазахъ туземными мастерами, и стоитъ всего 50—60 коп. за кусокъ.

Любители могутъ также пріобрѣсти себѣ здѣсь коллекцію очень красивыхъ морскихъ раковинъ, которыми запаслись всѣ наши пассажиры. На пароходъ мы вернулись уже на четырехъ веслахъ, ибо погода стихла и парусъ окончательно отказался дѣйствовать. Это взяло, конечно, гораздо болѣе времени, такъ что мы едва не запоздали къ отходу парохода. Завтракъ уже стоялъ на столѣ, что было очень кстати послѣ нашихъ утомительныхъ странствованій по горамъ; къ дессерту еще болѣе кстати появилась душистая клубника, привезенная изъ города персидскими торговцами вмѣстѣ съ букетами роскошныхъ майскихъ цвѣтовъ...

Хотя мы еще у береговъ Кавказа, но кавказскихъ горъ уже больше не видно. За Дербентомъ тянется, и то очень далеко, только низенькая и ничѣмъ не интересная горная цѣпь. Петровскъ гнѣздится на зеленомъ и невысокомъ береговомъ кряжикѣ. Кругомъ него такія же зеленыя и невысокія горы съ осыпями камней внизу. Сосѣднія деревеньки разбросаны до-

вольно близко, а къ берегу притулились рыбачьи хуторки. Городокъ довольно красивъ издали. Порта въ сущности нѣтъ, но онъ сдѣланъ искусственно: молъ изъ бѣлыхъ тесаныхъ камней, заваленный внутри обломками простого дикаго камня, направляется длинною прямою стрѣлою къ сѣверу, отгораживая собою отъ моря заливъ своего рода, въ которомъ могутъ покойно стоять на якоряхъ приходящія суда. Молъ этотъ—любимая и всегда сухая прогулка для немногочисленной здѣшней публики, которая спѣшитъ сюда къ приходу каждаго срочнаго парохода, чтобы развлечься, за неимѣніемъ болѣе пріятныхъ развлеченій, хотя пріѣздомъ и отъѣздомъ своихъ знакомыхъ.

Другой брекватеръ, много короче, тянется поперечно къ первому. Это наваленные неправильными грудами тяжелые массивы, сдѣланные изъ связанныхъ гидравлическимъ цементомъ тесаныхъ камней. Все вмѣстѣ и образуетъ нехитрую Петровскую гавань, въ которой кромѣ нашего парохода уже уставилось на якоряхъ нѣсколько судовъ. Отъ города до порта уложены рельсы, чтобы облегчить нагрузку и выгрузку товаровъ. На холмѣ, какъ разъ надъ гаванью, большія зданія казеннаго вида, кажется, бывшіе военные склады, и около нихъ что-то въ родѣ форта съ низенькими круглыми башнями. А еще выше форта бѣлая башня маяка. На берегу—большой бѣлый домъ въ два этажа съ мезониномъ.

— Что̀ это за домъ?—спрашиваю я у извозчика, на которомъ мы рѣшились съѣздить посмотрѣть городъ.

— Инженеръ живетъ, что бухтою завѣдываетъ. Тутъ много теперь пустыхъ большихъ домовъ; склады сукна, и всякія строенія казенныя пустуютъ теперь. Господъ начальственныхъ тутъ теперь нѣтъ, ну и не нужно никому! А прежде тутъ округъ былъ, начальники большіе жили... Деньжищъ сколько увалили на постройки эти, а теперь прахомъ все пошло...

Городъ расположенъ къ югу отъ бухты. Мы проѣхали по всѣмъ его главнымъ улицамъ. Онъ порядочно великъ, на всякомъ шагу магазины, конторы, торговля; но особенно тутъ

много ренсковыхъ погребовъ. Они сверкаютъ сквозь свои широкія окна живописными рядами разукрашенныхъ бутылокъ и штофиковъ, соблазняя на всякомъ шагу прохожихъ и проѣзжихъ. Ясно, что Петровскъ—торговый центръ очень большой округи, которая все это выпиваетъ и раскупаетъ. Съ открытіемъ желѣзной дороги онъ несомнѣнно сдѣлается очень серьезнымъ коммерческимъ портомъ и немало подорветъ, пожалуй, и Баку, и Астрахань, такъ какъ множество русскихъ и европейскихъ товаровъ двинутся черезъ него, какъ по ближайшему пути въ Закаспійскій край, Туркестанъ и Персію, а азіатскіе товары изъ этихъ странъ по той же причинѣ потянутся къ нему. Геніальный глазъ Петра Великаго угадалъ такимъ образомъ отдаленную торговую будущность даже и этого глухого уголка.

Мы провели вечеръ въ тѣнистомъ и хорошо устроенномъ городскомъ саду, съ удовольствіемъ слушая въ тихой темной аллеѣ родные звуки малороссійскихъ и русскихъ пѣсней, исполняемыхъ военнымъ оркестромъ, и возвратились на свой пароходъ уже въ совершенную темноту. Солдатъ-перевозчикъ усадилъ насъ въ огромную лодку, биткомъ набитую татарами и персіянами, и мы медленно поплыли по черной безднѣ водъ къ чудовищному черному силуэту нашего парохода, смутно вырѣзавшемуся своими снастями на безлунномъ небѣ... Онъ уже весь обвѣсился фонарями—красными, бѣлыми и зелеными, и сверкалъ ими по-очередно на насъ, уступая капризамъ волны, словно циклопъ своимъ страшнымъ одинокимъ глазомъ, отыскивающій убѣжавшую отъ него жертву...

II.

Устье Волги.

Съ ранняго утра мы въ открытомъ морѣ. Никого не видно ни впереди, ни назади, ни направо, ни налѣво. Не качнетъ ни разу, хотя свѣжая волна бѣжитъ на встрѣчу, и вѣтеръ дуетъ въ лицо.

Я все время съ большимъ интересомъ бесѣдую съ человѣкомъ, съ которымъ случайно познакомился на пароходѣ, и который представляетъ изъ себя характерный типъ волжскаго торговца; по виду онъ не то купецъ, не то мужичекъ, волоса въ скобку, говоритъ простонародною рѣчью, съ сильнымъ нажимомъ на *о*, съ чисто русскими безцеремонными словечками, особенно по адресу жидовъ, но отлично понимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самые сложные финансовые и экономическіе вопросы, ворочаетъ огромными дѣлами, имѣетъ нѣсколько пароходовъ и наливныхъ баржъ, и держитъ у себя въ Царицынѣ управляющимъ бывшаго контръ-адмирала. Это извѣстный по всему Каспію одинъ изъ братьевъ А...

Мнѣ сказали, будто онъ даже совсѣмъ неграмотенъ и едва выучился царапать свою фамилію, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ настолько выдающійся промышленный и торговый мѣстный дѣятель, что его вызывали не разъ какъ эксперта въ разныя петербургскія коммиссіи, и онъ самъ лично ѣздилъ въ Англію заказывать себѣ шкуну.

Мнѣ уже отчасти знакомъ этотъ типъ русскаго практическаго здравомысла-самоучки, который чаще всего встрѣчаешь именно на Волгѣ, въ томъ смѣломъ и способномъ мужичествѣ, что́ прокладываетъ себѣ дорогу отъ лаптей прямо къ милліонамъ, своими разнообразными разсчетами и пріемами соперничаетъ съ многознающимъ иностранцемъ и составляетъ, строго говоря, основную силу всей нашей промышленной и торговой жизни. Съ другой стороны, это типъ глубоко историческій, типъ того смѣтливаго и предпріимчиваго великорусса, который, при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, утверждалъ потихоньку свое владычество надъ цѣлою частью свѣта и своими не показными, но неутомимыми трудами умѣлъ создать мало-по-малу могучее русское царство. Это типъ хотя и мужицкій по рѣчи, по внѣшности, далеко однако не темный. Напротивъ того, люди этого типа всегда радуютъ и удивляютъ меня широтой и безпристрастіемъ своихъ сужденій и свѣтлымъ взглядомъ на наше

будущее, чего меньше всего ожидаешь отъ нихъ. Эти малограмотные люди искреннѣе, чѣмъ кто-нибудь, вѣрятъ въ необоримую силу просвѣщенья, въ очевидную пользу науки, въ необходимость школы для послѣдняго пахаря. Они гораздо либеральнѣе и въ мнѣніяхъ своихъ, и, особенно, въ дѣйствіяхъ многихъ профессіональныхъ либераловъ, и хотя ничего не знаютъ объ Америкѣ и никогда не были въ ней, но въ сущности гораздо похожѣе на американцевъ по своему характеру и всѣмъ дѣламъ, чѣмъ многіе изъ нашихъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ американизма. Эти крѣпкія русскія головы и крѣпкіе русскіе характеры въ несокрушимо крѣпкомъ простонародномъ тѣлѣ на все смотрятъ прямо и вездѣ дѣйствуютъ съ спокойною рѣшительностью, безъ нервности, безъ иллюзій, но и безъ малодушныхъ разочарованій. Знанія ихъ, конечно, ограничены, но зато удивительно тверды и опредѣленны, память дѣвственная, настоящая мужицкая, всегда владѣющая необходимымъ запасомъ цыфръ, и такая же мѣткая мужицкая наблюдательность, отъ которой ничто не укроется... Они вездѣ остаются сами собою: въ дамской гостиной, въ пріемной сановника, на биржѣ и въ толпѣ рабочихъ. Ведутъ твердо свою линію, держатъ зорко и подъ часъ жестко свой разсчетъ, и не стараются разыгрывать изъ себя никакой роли.

Какъ вы смотрите на нихъ, нравятся ли вамъ ихъ манеры и рѣчи — это ихъ нисколько не тревожитъ, и они надъ этимъ нисколько не задумываются. Они не хотятъ казаться ничѣмъ, кромѣ того, что они есть, ни нѣмцами, ни американцами, ни учеными экономистами, ни милліонерами, сыпящими золото. Но они зато и не стыдятся того, что въ нихъ есть, и каковы они; они не конфузясь крестятся при васъ на святыя иконы и Божьи храмы, не конфузясь ѣдятъ постное въ посты, не конфузясь среди расфранченной публики ходятъ штаны въ сапоги и длинно-полый кафтанъ на плечахъ... Въ этой простотѣ и цѣльности — ихъ великая сила. Цивилизацію, научныя изобрѣтенія они уважаютъ не потому, чтобы считали ихъ за какой-нибудь суевѣрный

фетишъ, которому почему-то обязательно для всѣхъ покланяться, а потому, что на каждомъ шагу своей практической жизни, своихъ собственныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, убѣждаются въ несравнимомъ превосходствѣ просвѣщенья и благоустройства надъ невѣжествомъ и безпорядкомъ, честныхъ и знающихъ спеціалистовъ надъ темными и плутоватыми людишками, учившимися на мѣдный грошъ.

По словамъ моего бывшаго собесѣдника рыболовное дѣло Астрахани и ея прибрежій—въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ. Базилевскіе, извѣстные петербургскіе золотопромышленники, Сапожниковъ, Хлѣбниковъ и нѣкоторые другіе—главные хозяева здѣшняго рыбнаго дѣла.

Хлѣбниковъ, который изъ купцовъ сдѣлался предводителемъ дворянства, считается особенно дѣльнымъ и умнымъ промышленникомъ.

Самая доходная статья здѣшняго рыболовства, такъ называемая «мужицкая рыба» — вобла и сельдь. Воблы ловится въ годъ до 500 милліоновъ штукъ и болѣе. Сельди стали сильно уменьшаться въ числѣ. У Сапожникова обыкновенно ловилось до 50 милліоновъ сельдей, а въ нынѣшнемъ году не болѣе 4, 5 милліоновъ. На осетринѣ не разбогатѣешь, потому что она требуется однимъ богатымъ, все равно какъ желѣзная дорога извлекаетъ свои доходы съ пассажировъ не 1-го класса, а 3-го, гдѣ ѣздитъ рабочій людъ. Въ торговлѣ выгодно только то, что нужно всему народу. Ловъ воблы и сельди — въ апрѣлѣ, вообще же временемъ рыболовства считается весна, отъ 1-го марта до 9-го мая, и осень, съ 7-го сентября до 14-го ноября. Рабочему платятъ за 2 мѣсяца отъ 10—25 рублей на хозяйскихъ харчахъ. Нанимаютъ только на эти сроки, потомъ промыслы пустѣютъ; продолжается только укладка рыбы въ бочки. Зимой хотя ловятъ, но мало, и сейчасъ же пускаютъ въ продажу, не заготовляя въ прокъ. Главные рыбные заводы не въ самой Волгѣ, а въ ея рукавахъ, которыхъ тутъ насчитываютъ до 360, начиная

отъ самаго восточнаго, такъ называемаго Бузана... Впрочемъ, заводы тянутся и по Волгѣ, вплоть до Царицына. Цѣны на рыбу въ Астрахани часто выше московскихъ, но въ обыкновенное время здѣсь можно имѣть свѣжую икру не дороже 60 коп. за фунтъ. Самая цѣнная и вмѣстѣ необходимая вещь на рыбномъ заводѣ — это ихъ громадные ледники. Въ ледъ врубаются громадныя деревянныя вмѣстилища, залитыя смолой, для разсола рыбы. Въ такое помѣщенье входитъ до 300.000 головъ сельди, а подобныхъ помѣщеній въ хорошемъ ледникѣ бываетъ до 200. Воблу не солятъ, а сушатъ, нанизывая на веревки. Ея обыкновенно такое множество, что точный счетъ очень затруднителенъ. Изъ сѣтей ее сыплютъ въ особыя лодки, такъ называемыя «прорѣзы»; носятъ носилками и считаютъ только каждыя десятыя носилки. Счетъ же точный дѣлается уже при самой продажѣ. Съ 9-го мая до 1-го іюля рыбная ловля запрещается. Санитарная коммиссія зорко смотритъ, чтобы на ловляхъ соблюдалась строгая чистота, и заводчики часто обижаются на ея излишнюю требовательность. По разсказамъ моего спутника, бывшій астраханскій губернаторъ, князь В., много облегчилъ положеніе заводчиковъ, лично входя въ ихъ дѣла и не допуская неосновательныхъ придирокъ. Разъ на одного заводчика сосѣдъ его подалъ доносъ, что у него вся мука для рабочихъ полна червей. Вслѣдствіе этого доноса коммиссія запечатала складъ муки, и 500 рабочихъ остались безъ куска хлѣба. Заводчикъ бросился, по обыкновенію къ князю. Тотъ немедленно самъ отправился съ нимъ на заводъ, но по дорогѣ неожиданно заѣхалъ на заводъ доносчика и осмотрѣлъ его собственную муку. Захвативъ два куля ея, онъ приказалъ просѣять ихъ черезъ сито, и въ 7-ми пудахъ муки нашелъ $1^1/_2$ фунта червей, между тѣмъ какъ въ мукѣ обвиненнаго ихъ оказалось всего $^1/_4$ фунта.

У другого заводчика коммиссія арестовала мильонъ головъ воблы, будто бы вонючей. Заводчикъ кинулся сейчасъ къ князю, который точно также лично разслѣдовалъ дѣло. Оказалось, что коммиссія арестовала совсѣмъ сырую рыбу, которая черезъ это

стала сейчасъ-же портиться въ мѣшкахъ; на веревкахъ же она въ 3 дня отлично высохла и стала очень вкусною. Приглашенные члены коммиссіи, попробовавъ этой рыбы, должны были признать, что она дѣйствительно была вполнѣ годною въ продажу.

Вообще я слышалъ горячія похвалы князю В.

«Такіе только люди царю и нужны: дѣятельные, умные и честные!» характеризовалъ его мой энергическій собесѣдникъ.

Странно, что до сихъ поръ не могутъ проложить телеграфнаго кабеля изъ Астрахани къ такъ называемымъ «9 футамъ», то-есть станціи, гдѣ останавливаются морскіе пароходы, и откуда пассажиры пересаживаются на волжскіе пароходы. Увѣряютъ, будто это было бы непосильно дорого, и оттого до сихъ поръ телеграфъ проведенъ только на «Бирючью Косу», за 30 верстъ отъ «9 футовъ».

На «9 футахъ» перегружаются и всѣ нефтяныя наливныя суда, что особенно убыточно и неудобно. Хотя дѣло поставлено по возможности практично, такъ что въ одинъ часъ успѣваютъ перелить до 10.000 пудовъ нефти, но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ перегруживаніи товара среди открытаго моря огромная помѣха торговлѣ. Часто случается, что сильный вѣтеръ съ моря дуетъ нѣсколько дней и все время не даетъ судамъ перегружаться; а нерѣдко буря и топитъ злосчастныя суда, вынужденныя проводить въ ожиданіи перегрузки дни и даже недѣли среди бушующихъ волнъ, ничѣмъ не защищенныя отъ шторма. Съ другой стороны, нѣтъ никакой возможности устроить пристань среди открытаго моря. Морской ледоходъ, могучій какъ нигдѣ на бурномъ старомъ Каспіи, сокрушилъ бы въ одно мгновенье самыя крѣпкія сооруженія человѣка.

Углубить фарватеръ морского залива и устье Волги—стоило бы колоссальныхъ милліоновъ и не повело бы въ сущности ни къ чему, потому что песокъ безостановочно плыветъ по Волгѣ и безостановочно засариваетъ всѣ рукава и фарватеры ея.

А. сообщилъ намъ, что Астрахань не ведетъ торговли нефтью, покупая ее только для себя; вся же здѣшняя торговля каспій-

скою нефтью сосредоточивается въ Царицынѣ, этой громадной всероссійской цистернѣ для керосина, откуда онъ развозится въ вагонахъ по лицу всей Россіи.

Безъ Ротшильда и Нобеля, по мнѣнію А., у насъ бы стало все нефтяное дѣло. Московскіе купцы, по его словамъ, могли бы двинуть на него сотни милліоновъ рублей, да предпочитаютъ рѣзать купоны, а когда Нобель завелъ нефтепроводы и разныя заводскія усовершенствованія, всѣ бросились съ него списывать, и дѣло сразу ожило. Американская компанія привезла съ собою 14 милліоновъ долларовъ, чтобы устроить нефтепроводъ изъ Баку въ Батумъ; имъ отказали, а теперь сами не знаютъ, куда дѣвать нефть. Продаютъ ее на мѣстѣ по 1 коп. за пудъ, керосинъ по 7 коп.; а тутъ еще правительство пошлину наложило невозможную: 40 коп. съ пуда! Ежемѣсячно изъ Баку перевозятъ черезъ Каспійское море въ Волгу 35 — 40 милліоновъ пудовъ керосина. За одинъ разъ всѣ каспійскія суда могутъ перевезти 18 милліоновъ пудовъ: 9 милліоновъ парусныя суда и 9 милліоновъ паровыя. Паровое судно можетъ обернуться раза 3—4 въ мѣсяцъ, а парусное только одинъ разъ.

По словамъ А., лучшіе наши волжскіе пароходы строятся въ Нижнемъ и окрестностяхъ его. Курбатовскій заводъ въ Нижнемъ производитъ самъ рѣшительно всѣ составныя части пароходовъ, ничего не выписывая изъ-за границы. Особенно славится на Волгѣ своимъ мастерствомъ строитель пароходовъ Калашниковъ. Онъ — совершенный самоучка, какъ это часто бываетъ у насъ на Руси, но за свое необыкновенное искусство будто бы получилъ званіе инженеръ-технолога и право читать лекціи о постройкѣ пароходовъ, какъ увѣрялъ меня А. Его пароходы отличаются удивительною способностью сидѣть очень мелко и ходить быстро, а въ то же время замѣчательно красивы. Въ настоящее время онъ, кажется, разошелся съ хозяевами и бросилъ заводъ, наживъ, впрочемъ, себѣ хорошее состояніе. Много пароходовъ строитъ и Сормовскій заводъ, въ 12-ти верстахъ выше Нижняго.

Въ Рыбинскѣ тоже есть три пароходныхъ завода Журавлева. Вообще теперь все пошли пароходы собственнаго издѣлія.

Зевеке, хозяинъ извѣстной пароходной фирмы, удачно соперничающей съ «Кавказомъ и Меркуріемъ», былъ прежде приказчикомъ Журавлева и убѣдилъ его построить еще невѣдомые тогда на Руси шесть американскихъ двухъэтажныхъ пароходовъ, которыми теперь кишитъ Волга, и которые составляютъ одно изъ великихъ удовольствій волжскихъ прогулокъ. Образовалась Волжско-Камская компанія, но она скоро разорилась отъ неумѣлаго веденія дѣлъ, и Зевеке купилъ тогда за собственный счетъ всѣ его пароходы, построилъ къ нимъ еще девять новыхъ и сталъ получать большіе барыши, потому что вся публика бросилась на эти, въ высшей степени, удобные, роскошные и помѣстительные пароходы. Но все-таки изъ числа пароходныхъ волжскихъ тузовъ наиболѣе крупными считаются до сихъ поръ Журавлевъ, Любимовъ и братья Каменскіе, гоняющіе свои пароходы, кромѣ Волги, еще по Камѣ и сибирскимъ рѣкамъ.

Нынѣшній годъ вода въ Волгѣ поднималась очень невысоко, въ Нижнемъ на 4 аршина, въ Царицынѣ на 3, а въ Астрахани всего только на 2 аршина, чего уже давно не бывало, и что́ вредно отозвалось на укосахъ травъ по дальнимъ заливнымъ лугамъ. По причинѣ этой же мелководности съ нѣкоторыхъ рѣкъ, впадающихъ въ Волгу, не могло прійти до сихъ поръ много лѣсныхъ каравановъ, вслѣдствіе чего цѣна на лѣсъ сильно поднялась. Впрочемъ, эта дороговизна не продержится долго, такъ-какъ она же и вызоветъ самый усиленный подвозъ лѣса на всемъ, на чемъ только можно.

Меня особенно утѣшала въ А. его спокойная и незыблемая, истинно-крестьянская вѣра въ то, что земля и вода неистощимы, что онѣ будутъ вѣчно кормить человѣка, если только къ нимъ приложить настойчивый и разумный трудъ. Это отрадная противоположность обычнымъ малодушнымъ взглядамъ нашего помѣщичества, будто ничто не даетъ дохода, все въ убытокъ и будто у насъ на Руси ничѣмъ заняться нельзя. Въ этомъ ска-

зывается глубокая разница между человѣкомъ-работникомъ и человѣкомъ-бѣлоручкой, питомцемъ гувернантокъ и классическихъ школъ, который не пріученъ ни къ какому настоящему дѣлу. Богатство Россіи было и будетъ создано, конечно, не этими бѣлоручками, а подлинными русскими характерами, съ ихъ смѣлою предпріимчивостью и быстрою практическою сметкой.

Цѣлый день мы идемъ, какъ въ океанѣ, не видя нигдѣ ни островка, ни куска берега. Пароходы и тѣ встрѣчаются теперь рѣдко; они идутъ другимъ, не нашимъ курсомъ, прямо на Астрахань, не заходя въ Петровскъ. Слѣдить за ними—теперь единственное наше развлеченіе. Зато въ волнахъ моря то и дѣло качаются тюлени. Сначала они напугали меня. Стою, задумавшись у борта, пристывъ глазами къ морю, и вдругъ вижу въ волнахъ его какое-то круглое, словно человѣческое лицо... Лицо это смотритъ прямо мнѣ въ глаза своими черными, умными глазами и, кажется, употребляетъ всѣ усилія, чтобы не отстать отъ парохода... У меня сдавилось сердце. Что это? утопающій? Откуда онъ можетъ быть?.. Повелъ глазами немного дальше, тамъ опять такой же утопающій, съ такимъ же заливаемымъ волнами круглымъ лицомъ, обращеннымъ къ пароходу, словно въ безмолвной мольбѣ... Глянулъ въ сторону—тамъ и еще и еще тѣ же головы, тѣ же умоляющіе взгляды... У меня сразу прояснилось въ мозгу:

— Господи! да это тюлени... Какъ не узналъ я ихъ съ перваго взгляда!..

Тюленямъ, должно быть, тоже скучно, какъ и намъ среди вѣчнаго однообразія моря: они обрадовались случаю, что увидѣли нашъ красивый, пышущій дымомъ пароходъ и бросились на перегонки съ нимъ, какъ дельфины въ Черномъ морѣ... Только тюлени гораздо спокойнѣе дельфиновъ, какъ и подобаетъ неповоротливому жителю сѣвера. Они не кувыркаются черными колесами, словно подводныя мельницы, какъ это любятъ выдѣлывать шаловливые любимцы древняго Эллина, а просто по цѣ-

лымъ часамъ плывутъ за пароходомъ, высовывая изъ воды только свои темныя, гладкія, какъ соболь, мордочки, да бѣлыя мѣховыя манишки своихъ душекъ.

Къ вечеру, однако, виднѣлась около парохода всего только одна глазастая, круглая мордочка. Она настолько напоминала человѣческую, что, по инстинктивной привычкѣ судить по себѣ, мнѣ становилось какъ-то жутко за нее... Такое крошечное, одинокое тѣльце копошится вдругъ своими безсильными лапками надъ этою бездонною взволнованною пучиной, среди этого безбрежнаго простора; пароходъ бѣжитъ впередъ своими увѣренными, могучими толчками, а это отчаянно борющееся тѣльце тонетъ за нимъ во мракѣ надвигающейся ночи, точно гибнущій безъ помощи человѣкъ...

А вотъ и еще зоологія! какая-то крошечная, желтенькая птичка, вѣроятно, неосторожно залетѣвшая на пароходъ съ берега Петровска, охваченная ужасомъ незнакомаго ей безбрежнаго моря, судорожно бьется по палубѣ, между веревочныхъ лѣстницъ и канатовъ, тщетно бросаясь во всѣ стороны, пытаясь найти гдѣ-нибудь привычную зеленую лужайку или спасительный кустъ... Она прячется отъ преслѣдующихъ ее со всѣхъ сторонъ страховъ въ темныхъ углубленіяхъ кожуха и дрожитъ тамъ лихорадочною дрожью, можетъ быть, горько вспоминая о своемъ неблагоразумно-покинутомъ родномъ гнѣздѣ.

Несмотря на сильный вѣтеръ и волны, пароходъ нашъ идетъ такъ спокойно, что кажется мы не двигаемся съ мѣста. Колесные пароходы въ этомъ отношеніи несравненно пріятнѣе винтовыхъ, особенно, если они устроены такъ хорошо, какъ нашъ. Вѣтеръ сдѣлался совсѣмъ свѣжимъ, когда мы въ глубокой темнотѣ стали входить въ какой-то пловучій городокъ огней. Это такъ называемые «12 футовъ», первый аванпостъ берега, гдѣ вынуждены останавливаться самые крупные пароходы. Тутъ и пловучій маякъ, безъ устали мигающій своимъ глазомъ циклопа. Какъ разъ въ полночь черная непроглядная тьма ночи еще разъ

вдругъ заискрилась роями огней, трепетавшихъ, казалось, у самаго уровня моря. Весь горизонтъ, насколько онъ намъ виденъ, охваченъ этими огнями. Это и есть пресловутые «9 футовъ», гдѣ приходится перегружаться и намъ на рѣчной пароходъ. Не видно рѣшительно ничего. Ночь слила въ одинъ черный сплошной хаосъ небо и море, но эти вездѣ мигающіе и трепещущіе огоньки—эти висящіе въ неопредѣленномъ пространствѣ бѣлые, зеленые и красные фонари,—убѣдительно говорятъ вамъ о томъ, что тутъ вездѣ кругомъ васъ многолюдная человѣческая жизнь...

Тутъ тоже пловучій маякъ съ ослѣпительно яркими перемѣняющимися огнями, своего рода неусыпный часовой этой черной пучины моря и ночи...

Пароходъ нашъ прорѣзаетъ насквозь эту невидимую бездну разсыпанныхъ огней, но мы уже не слышимъ, какъ и гдѣ останавливается онъ. Мы заснули глубокимъ сномъ. Спать, однако, пришлось недолго. Съ 4 часовъ утра уже начался шумъ и говоръ собиравшейся на палубѣ публики, грохотъ цѣпей, вытягивавшихъ товары изъ трюма, крики лодочниковъ, осадившихъ пароходъ. Въ 5 часовъ и мы съ женой вышли на палубу полюбоваться оригинальнымъ пловучимъ городкомъ. Нигдѣ на цѣлую версту ничего, кромѣ пароходовъ, кораблей, баржъ. Все качается и суетливо двигается. Пароходы медленно тащутъ на буксирѣ цѣлую вереницу баржъ, налитыхъ нефтью, лодки снуютъ вездѣ, какъ извозчики на многолюдныхъ улицахъ столицы, пловучія пристани, пловучія конторы на якоряхъ, пловучіе бассейны для слива нефти.

Разноцвѣтные флаги пароходныхъ компаній и торговыхъ фирмъ весело вѣютъ на своихъ высокихъ шестахъ, зазывая къ себѣ пловучихъ посѣтителей, какъ вывѣски городскихъ гостинницъ зазываютъ къ себѣ проѣзжаго.

Пароходовъ тутъ цѣлое полчище. Они уже всѣ развели свои пары и—украшенные кудрявыми султанами дыма—маневрируютъ въ ожиданіи отплытія. Всевозможныя имена географіи,

литературы, календаря—прочтете вы на ихъ щеголеватыхъ кормахъ. Къ намъ тоже подходитъ пароходъ съ золотою надписью: «Константинъ Кавосъ». Публика, давя другъ друга, шумно валится на него, стараясь захватить мѣстечко поудобнѣе. Вотъ всѣ мы, однако, размѣстились кое-какъ; но отплывать еще нельзя. Къ намъ подъѣзжаетъ другой пароходикъ съ таможенными чинами. Они чего-то ищутъ, осматриваютъ что-то, но почти исключительно среди армянъ и персіянъ, не безпокоя «порядочную» публику. У нихъ особенное чутье на тотъ людъ, у котораго можно откопать контрабанду.

Наконецъ, и мы тронулись впередъ. Яркое радостное утро очень кстати засіяло надъ веселымъ и оригинальнымъ пейзажемъ, который разстилался теперь кругомъ насъ.

Съ биноклями въ рукахъ, мы съ женой не слѣзали съ палубы. Налѣво вдали виднѣлся живописный «маякъ четырехъ бугровъ». Буграми здѣсь называются острова. Это имя лучше всего показываетъ, что здѣшніе острова—простые наносы песку. Жителю гладкой равнины моря всякое выростающее на ней возвышеніе естественно кажется бугромъ. На буграхъ этихъ все богатыя рыболовныя селенья съ бѣлыми соборами, тесомъ крытыми домами. На мысахъ и отмеляхъ ихъ торчатъ тростниковые шалаши на высокихъ столбахъ, такъ называемые здѣсь *балыгини*, гдѣ сушатъ балыкъ и всякую вяленую рыбу.

Одни за другими чередуются вдали эти острова, селенья, хуторки. Давно я не любовался такою веселою и оживленною картиной. Вездѣ парусныя суда и лодки; они оцѣпили горизонтъ моря, словно бабы-птицы, загоняющія рыбу; они рѣютъ вдали и вблизи, впереди и сзади насъ, вырѣзаясь на синевѣ моря живописными косыми парусами, будто бѣлыя чайки своими крыльями. А пароходы и пароходики въ свою очередь безостановочно бѣгутъ и съ моря въ Волгу, и сверху, изъ устья великой рѣки, пыхтя своими трубами и обмѣниваясь оглушительными свистками, отъ которыхъ, кажется иногда, лопнетъ барабанная перепонка. На бортѣ каждаго кто-нибудь махаетъ бѣлымъ

флагомъ, чтобы условиться безъ разговоровъ съ встрѣчнымъ пароходомъ, какой стороны кому держаться...

Пароходы эти рѣдко бѣгутъ въ одиночку: почти всякій тащитъ за собою цѣлый хвостъ баржъ, смотря по своимъ силамъ. Въ иной баржѣ сто, въ иной полтораста тысячъ пудовъ нефти, и такихъ махинъ ползетъ нѣсколько на буксирѣ одного парохода. Послѣ долгихъ впечатлѣній среднеазіатскихъ пустынь, они мнѣ напоминаютъ вереницы тяжко нагруженныхъ верблюдовъ, которыхъ ведетъ впереди на ушатомъ маленькомъ осликѣ или сухощавомъ конькѣ, навязавъ ихъ всѣ какъ баранки на одну мочалку, какой-нибудь одинокій старикъ-лаучъ или мальчишка киргизенокъ.

— Это *Нина Сапожникова,* это *Алексѣй Сапожниковъ*, а это *Туркменъ*, это *Михаилъ Ивановъ!* поминутно слышится на нашей палубѣ, словно въ привѣтствіе пробѣгающимъ мимо знакомымъ пароходамъ. Одинъ хвалитъ одного, другой другого, разсуждая какой изъ нихъ быстрѣе, какой поворотливѣе, какой сильнѣе, какой изящнѣе,,любуются, хвастаютъ, укоряютъ, спорятъ и горячатся совсѣмъ такъ, какъ любители бѣговъ толкуютъ о бѣгущихъ на призъ рысакахъ; простой народъ, пожалуй, еще горячѣе и искреннѣе, чѣмъ даже «порядочная» публика. И пароходы, должно быть, чувствуютъ и знаютъ это, по крайней мѣрѣ, капитаны ихъ, потому что и они, завидя впереди внимательныхъ зрителей, охорашиваются по-своему и стараются пронестись по возможности лихо. Ихъ тутъ въ самомъ дѣлѣ такая же пропасть, какъ рысаковъ на любомъ городскомъ гуляньи. Кажется, только проѣзжая Волгу, можно оцѣнить сколько-нибудь вѣрно торговую предпріимчивость и промышленную силу Россіи.

Съ «9-ти фунтовъ» вода уже дѣлается грязно-бурою и прѣсною на поверхности, хотя въ глубинѣ она еще совсѣмъ соленая. Могучій потокъ Волги не скоро теряется даже въ громадной чашѣ моря, а прорѣзаетъ ее на много верстъ, почти видимый глазомъ, не смѣшиваясь съ морскою водой...

Мѣстами, впрочемъ, вода здѣсь не только бурая, но и совсѣмъ

черная или подернутая какимъ-то металлически-мраморнымъ налетомъ отъ утекающей изъ баржъ нефти; такія лужи пахнутъ обыкновенно прескверно и, вѣроятно, отравляютъ рыбу, хотя новѣйшіе изслѣдованія и опыты опровергаютъ это повсюду распространенное убѣжденіе, а приписываютъ постоянно возрастающее уменьшеніе рыбы въ Волгѣ исключительно невѣжеству самихъ рыболововъ, которые заграждаютъ своими сѣтями входъ рыбѣ изъ моря въ рѣку для метанья икры и оставляютъ безполезно гибнуть на землѣ массы мелкой рыбешки, попадающейся въ сѣти и остающейся на берегахъ рѣки послѣ весенняго разлива.

Правая сторона взморья верстъ на 60, до села Хорбая съ давнихъ поръ, еще со временъ Петра I, принадлежитъ Сапожниковымъ. У нихъ тутъ выстроенъ на островѣ Житномъ великолѣпный дачный домъ и усадьба, разведенъ прекрасный садъ. Богачи-хозяева угощали на этой дачѣ покойнаго Императора Александра Николаевича, во время его путешествія по Волгѣ. Государь посѣтилъ тогда и нѣсколько рыбацкихъ селеній и заходилъ совершенно невзначай во многіе крестьянскіе дома. Его очень пріятно поражала необыкновенная чистота и приличіе домашней жизни каждаго здѣшняго бѣдняка.

Лѣвая половина взморья—казенная. Поселившіяся на островахъ рыбацкія села платятъ казнѣ за право рыбной ловли за каждую такъ называемую «путину» по 50 рублей отъ большой барки и по 25 рублей отъ будары.

Путинъ двѣ въ году, одна отъ 1-го марта до 15-го мая, другая отъ 1-го сентября до 14-го ноября; слѣдовательно, крупная посудина платитъ 100 руб. въ годъ, а мелкая—50 руб. въ годъ. Въ остальное время года рыбу ловить запрещается.

Часть залива, что̀ начинается прямо отъ «девяти футовъ», называется «Сайгачій ильмень»; дальше идетъ еще вторая половина залива, *Варашкинскій ильмень*, за с. Хорбаемъ, гдѣ находятся извѣстные рыбные заводы Хлѣбниковыхъ. За заливами пойдутъ рукава Волги. Всѣхъ ихъ очень много, не перечтешь; но главныхъ считается четыре: настоящая Волга, Шаврова,

Болда и Бузанъ. Сапожниковымъ принадлежитъ главная Волга и небольшой рукавъ Травинъ, Базилевскому — часть Бузана, остальные рукава во владѣніи казны. «Бирючья коса» намъ видна слѣва. До нея отъ «9 футовъ» верстъ 25, если не 30. Тамъ старый большой храмъ, какой-то большой домъ, телеграфъ. Ждутъ не дождутся, чтобы телеграфный кабель былъ проложенъ оттуда до самыхъ «9 футовъ», что̀ крайне необходимо.

Нѣкоторые острова приходится прорѣзать довольно близко, и намъ тогда отлично видны богатыя рыбацкія села, расположенныя на ихъ берегахъ. Тутъ есть, между прочимъ, обширныя владѣнія княгини Долгорукой, большею частью купленныя теперь Хлѣбниковыми. «Рыбная ватага» Хлѣбниковыхъ, на правой сторонѣ, очень благоустроена. Множество красивыхъ кирпичныхъ казармъ для рабочихъ, огромные «лари» въ ледникахъ для солки рыбы. Ледники эти выступаютъ изъ земли только своими длинными, круглыми крышами съ одушинами вмѣсто трубъ. Тутъ же и домъ съ садомъ, и церковь. Нѣсколько дальше мы проѣхали другое имѣніе тѣхъ же владѣльцевъ, съ кирпичнымъ заводомъ, съ цѣлою флотиліей заготовленныхъ на берегу и только-что оконопаченныхъ «неводныхъ» лодокъ и «прорѣзей» для рыбы. Для пріема и разборки рыбы тянутся по берегу просторныя галлереи, открытые сараи для вяленья рыбы, а за ними другіе глухіе сараи съ чанами, въ которыхъ происходитъ засолъ рыбы.

Острова всѣ похожи другъ на друга, какъ пальцы руки. Зеленая береговая опушка кругомъ и песчаные бугры въ серединѣ. На зеленыхъ луговинахъ бродитъ прекрасный сытый скотъ, коровы и лошади; по песочкамъ видны арбузныя бахчи, посѣвы картофеля.

При хуторахъ, при рыбныхъ заводахъ—все чаще начинаютъ попадаться калмыцкія палатки, очень похожія на киргизскія.

Съ дебаркадера Бирючьей Косы сѣла къ намъ на пароходъ цѣлая толпа калмыковъ, калмычекъ и калмыцкихъ «гюляновъ», то-есть, поповъ. Простые калмыки обстрижены по-русски, въ скобку, и носятъ на головѣ мѣховыя шапки, расширенныя кверху,

съ красными пуговицами на донышкѣ. Калмычки въ такихъ же халатахъ и шапкахъ, какъ и ихъ супруги, съ такими же, какъ у нихъ скуластыми бронзовыми лицами и еле прорѣзанными косыми глазами. Только и можно отличить ихъ отъ мужчинъ по косамъ, что висятъ на плечахъ. Но «Гюляны»—тѣ совсѣмъ особенный народъ! Головы у нихъ выбриты какъ ладыжки, а на ихъ идіотскихъ, словно чѣмъ-то обиженныхъ и горько плачущихъ рожахъ, выдѣляются двумя черными піявками коротенькіе усы. Одѣты они въ красное съ головы до ногъ: красныя шапки съ малиновою опушкою, красный, широкій халатъ сверхъ другого, малиноваго, красные сафьянные сапоги, и вмѣсто пояса ярко-пестрая красная шаль съ длинными концами. Они важно покуриваютъ трубки и держатся, гордые своимъ жреческимъ пурпуромъ, въ отдаленіи отъ низкой черни.

Вотъ мы въѣзжаемъ въ довольно узкій рукавъ—«Мочильный», чѣмъ дальше отъ входа, тѣмъ онъ дѣлается все шире и начинаетъ извиваться змѣею вправо, влѣво, чуть не назадъ; мѣстами онъ рѣзко переламывается подъ прямымъ угломъ, и лоцману парохода нужно хорошо знать свой фарватеръ, чтобы не потеряться среди безчисленныхъ проливовъ, каналовъ, заводей, которые на каждомъ шагу открываютъ свои устья и кажутся незнакомому глазу самымъ естественнымъ продолженіемъ Волжскаго русла.

Кругомъ цѣлый лабиринтъ острововъ и отмелей, покрытыхъ сочною травой, заросшихъ тальникомъ, камышами, а то и желтѣющихъ своими песочными горбами; это истинное рыбное царство тянется на многіе десятки верстъ въ длину и ширину, образуя собою дельту великой русской рѣки. Отъ «9 футовъ» до Астрахани съ юга на сѣверъ—цѣлыхъ 144 версты, а съ запада на востокъ будетъ верстъ подъ двѣсти.

Картина изумительнаго простора, удобства и обилія, хотя и давно початаго, но до сихъ поръ еще неистощимаго. Тутъ есть гдѣ разгуляться и рыбѣ, и рыболову, и дикой птицѣ, и скотинѣ,

и кораблю... Оттого въ этой странѣ острововъ и проливовъ цѣпко угнѣздилось многочисленное и предпріимчивое населеніе, какъ на большихъ торговыхъ дорогахъ возникали, бывало, сплошныя селенья постоялыхъ дворовъ. По этой водной «большой дорогѣ» не обминешь пловучихъ обозовъ на парахъ и на парусахъ. Везутъ хлопокъ изъ Туркестана, керосинъ изъ Баку, фрукты изъ Персіи, рыбу изъ Каспія,—и конца нѣтъ этимъ смѣняющимъ другъ друга пароходамъ и баржамъ.

III.

Древняя столица Хозаръ.

Вотъ, наконецъ, Волга повалила прямымъ широкимъ столбомъ и на фонѣ ея синихъ водъ и синяго неба засвѣтились вдали, будто выросли на нашихъ глазахъ изъ пучинъ водныхъ бѣлыя башни астраханскихъ церквей.

Соборъ поднимался раньше всѣхъ высоко надъ невидимымъ еще городомъ своими многочисленными главами, словно огромный корабль, разубранный бѣлыми парусами по всѣмъ своимъ высокимъ мачтамъ.

Астрахань, какъ Москва, какъ всякій старинный русскій городъ, — бѣлокаменная—и это необыкновенно красиво, когда видишь ее издали, отчетливо вырѣзанною на синей скатерти водъ.

Цѣлый лѣсъ мачтъ, снастей, пароходныхъ трубъ заслоняетъ собой этотъ вырастающій изъ рѣки городъ, когда начинаешь приближаться къ его пристани. Продвинуться черезъ безчисленные караваны баржъ и пароходовъ, заполнившіе эту пристань,— дѣло не совсѣмъ легкое. Я прочелъ только одно имя Гордѣя Чернова на двѣнадцати огромныхъ баржахъ, тянувшихся чернымъ монистомъ справа отъ насъ. У Нобеля тутъ цѣлое адмиралтейство, у другихъ крупныхъ фирмъ тоже; всѣ они расположены отдѣльными группами, словно островами, одно вслѣдъ за другимъ. Дальше за ними стоятъ на якоряхъ полчища парохо-

довъ, бѣлопузыхъ, краснопузыхъ, чернопузыхъ, то о двухъ, то объ одной трубѣ, словно какія-то разноцвѣтныя гигантскія птицы, спустившіяся на отдыхъ. Трубы отчаянно свистятъ и перекликиваются другъ съ другомъ и желѣзныя громады продвигаются и поворачиваются въ этой живой тѣснотѣ точно и въ самомъ дѣлѣ живые. Красота, жизнь, движеніе, какое рѣдко гдѣ увидишь. Ливерпуль своего рода, да и только! А глянешь вдаль—тамъ какъ распахнутыя настежь ворота въ широкую, гостепріимную Русь,—могучій величественный столбъ Волги прорѣзаетъ зеленые берега, унося на своихъ синихъ волнахъ такія же многочисленныя вереницы черныхъ и красныхъ корпусовъ, дымящихъ трубъ, парусовъ, снастей и мачтъ.

У пристани «Кавказа и Меркурія» высятся трехъэтажныя чудовища, такъ называемыхъ американскихъ пароходовъ, — настоящіе пловучіе дворцы съ роскошными террасами, балконами, галлереями, сверкающіе двойнымъ рядомъ своихъ оконъ и яркою бѣлизной своихъ стѣнъ... Это уже удобства спеціально примѣненныя къ путешествію по Волгѣ, къ спокойному и комфортабельному наслажденію ея красотами. Мы озаботились прежде всего захватить себѣ помѣщенье на день нашего отъѣзда въ одномъ изъ такихъ помѣстительныхъ ковчеговъ современной цивилизаціи, далеко оставившихъ за собой тѣ скромныя удобства, какія могъ доставить себѣ нашъ блаженный пра-отецъ Ной въ своемъ темномъ ящикѣ изъ «негніющаго древа Гоферъ»...

Мѣсто, гдѣ выросла съ незапамятныхъ временъ Астрахань,— замѣчательное мѣсто. Трудно сомнѣваться, что сама Волга постепенно засорила свое широкое устье песками и иломъ, которые она катитъ каждую весну на протяженіи своихъ 3.300 верстъ и принимаетъ изо всѣхъ своихъ безчисленныхъ притоковъ, снося все это добро изъ году въ годъ въ бездонное хранилище Каспія; она создала, такимъ образомъ, въ теченіе тысячелѣтій свою теперешнюю дельту, весь этотъ перепутанный и раскинутый больше

чѣмъ на сотню верстъ лабиринтъ низменныхъ острововъ, песчаныхъ бугровъ, мелей, плавней, проливовъ, ильменей, рукавовъ и заводей; въ томъ числѣ создала, конечно, и островъ, на которомъ возникла Астрахань, — эти пресловутые бугры — Заячій, Голодный, Ильинскій, Кисилевъ, Паробочевъ, Казачій и всякіе другіе. Называются они буграми, а въ сущности всѣ они, кромѣ довольно высокаго Заячьяго бугра, на которомъ засѣлъ старинный Астраханскій кремль и главныя улицы ея,—одна сплошная приморская низина, можно сказать, даже впадина своего рода, потому что она опущена на 10 саженъ ниже уровня океана и каждую весну затоплялась бы разливами рѣки, если бы съ глубокой старины люди не боролись противъ захватовъ воды и не защищали отъ нея своихъ поселеній многочисленными насыпями и плотинами.

Въ настоящее время эти «голландскія диги» своего рода тянутся въ разныхъ мѣстахъ кругомъ Астрахани чуть не на пространствѣ 30 верстъ. Наша Астрахань является поэтому не только Каспійскою Александріей, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и Каспійскимъ Амстердамомъ.

Оттого-то она подобно этимъ городамъ и пріобрѣла съ сѣдой древности такое большое торговое значеніе на всемъ азіатскомъ Востокѣ и сдѣлалась безспорною владычицей Каспія.

Хозары въ VIII вѣкѣ, безъ сомнѣнья, унаслѣдовали свою столицу Итиль или Атель, какъ называетъ ее императоръ Константинъ Багрянородный, когда-то процвѣтавшую на этой самой дельтѣ Волги, отъ гораздо болѣе древнѣйшихъ народовъ, которыхъ сдвигали отсюда поочереди къ Западу кочевыя племена, постоянно напиравшія изъ азіатскихъ степей. На памяти историковъ сами Хозары и Гузы сдвинули отсюда Печенѣговъ. Иначе трудно понять, почему уже въ первыя времена Хозарскаго владычества и рѣка Волга успѣла прозваться Итилью, да, повидимому, и вся окрестная страна называлась тѣмъ же именемъ, какъ объ этомъ положительно говоритъ извѣстный арабскій географъ X вѣка Эль-Балхи. «Хозаръ—имя народа», увѣряетъ

онъ, «страна же называется «Итиль» по рѣкѣ, протекающей ею и впадающей въ Каспійское море. Эта страна имѣетъ мало городовъ, нѣтъ въ ней богатствъ и лежитъ она между Каспійскимъ моремъ, Серирмъ (Дагестаномъ?), *Русами* и Гузами (Команами)».

Вообще арабскіе путешественники и историки X и XII вѣка, съ которыми Европа познакомилась довольно поздно, оставили хотя короткія и отрывочныя, но все-таки достаточно точныя свѣдѣнія о древней Хозаріи и ея Волжской столицѣ Итили,— родоначальницѣ нашей Астрахани.

Болгарскій царь Альмусъ, жившій тоже на Волгѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи въ началѣ X вѣка, былъ обращенъ въ исламъ и просилъ халифа правовѣрныхъ прислать ему «наставниковъ и людей, способныхъ строить мечети»; въ числѣ этихъ посланцевъ былъ и Ибнъ-Фодланъ (или Фопланъ), проѣхавшій черезъ страну Хозаръ и оставившій намъ свое знаменитое описаніе приволжскихъ странъ и народовъ.

Лѣтъ черезъ двадцать послѣ него написалъ о томъ же свою книгу другой извѣстный мусульманскій путешественникъ Масуди, а еще ранѣе Фодлана Арабъ Ибнъ-Дастъ, котораго крайне любопытная рукопись «О Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ», хранящаяся въ королевской библіотекѣ Лондона, была въ первый разъ издана въ 1869 году нашимъ знатокомъ восточныхъ языковъ профессоромъ Хвольсономъ.

Хозарское царство простиралось въ цвѣтущее свое время до горъ Кавказа и даже до береговъ Аракса, захватывало собой не только низовья Волги, но и берега Дона, и Крымскій полуостровъ. Столица ихъ Итиль была населена разноплеменнымъ торговымъ народомъ и занимала въ то время не одинъ, какъ теперь, а оба берега Волги, тогдашняго Итиля. Въ восточномъ городѣ жили купцы и народъ, исповѣдывавшій мусульманскую вѣру; въ западномъ городѣ—войско и правительство, которое держалось еврейской вѣры. Ибнъ-Дастъ разсказываетъ по этому поводу:

«Царь у Хозаръ прозывается Ишà; верховный же государь у нихъ Хозаръ Хаканъ. Но этотъ послѣдній только по имени государь, дѣйствительная же власть принадлежитъ Ишà»,

«Верховный глава ихъ исповѣдуетъ вѣру еврейскую, равно какъ Ишà, военачальники и вельможи. Прочіе же Хозары исповѣдуютъ религію, сходную съ религіею Турокъ».

«Ишанъ»—и до сихъ поръ почетное духовное званіе у Хивинцевъ и Бухарцевъ, а Хаканами (все равно, что Каганъ, ханъ) очень долго, до самаго XI вѣка, назывались у восточныхъ народовъ даже наши русскіе князья.

Любопытно, что въ древней Астрахани, то-есть Итилѣ, арабскіе путешественники раньше всего познакомились съ нашими предками, Славянами и Руссами и сообщили о нихъ наиболѣе достовѣрныя и драгоцѣнныя для науки свѣдѣнія.

По обилію и точности этихъ свѣдѣній видно несомнѣнно, что предки наши были съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ своими людьми въ древнемъ Итилѣ на Волгѣ, на Каспіѣ.

Видно, что они были уже въ IX и X вѣкѣ осѣдлыми туземцами Волги, хотя бы только и въ верхнихъ частяхъ ея теченья. А что̀ всего главнѣе,—и что̀ иначе и быть не могло,—несомнѣнно видно, что Русскіе были Русскими гораздо раньше, чѣмъ историкамъ-Нѣмцамъ угодно было произвести ихъ отъ скандинавскихъ, сирѣчь нѣмецкихъ, Варяговъ.

При описаніи своего переѣзда черезъ Каспій въ Туркменію, составляющихъ начало настоящаго труда, я уже имѣлъ случай коснуться этого любопытнаго вопроса и привести достаточно вѣскія доказательства своей мысли изъ сочиненій древнихъ арабскихъ путешественниковъ и историковъ.

Арабскіе писатели-современники видѣли своими глазами тогдашнихъ русскихъ, покупали у нихъ и продавали имъ, говорили съ ними, проѣзжали ихъ земли, и описали съ живой натуры ихъ бытъ, наружность и характеръ, такъ что никакой зломудрствующій ученый скептицизмъ не въ силахъ пошатнуть этихъ убѣдительнѣйшихъ свидѣтельскихъ показаній.

Древніе Руссы были извѣстны всѣмъ народамъ, какъ предпріимчивые торговцы и храбрѣйшіе воины; такими описываютъ ихъ и арабскіе путешественники.

«*Русь мужественны и храбры*, разсказываетъ Ибнъ-Дастъ.— *Когда они нападаютъ на другой народъ, то не отступаютъ, пока не уничтожатъ его.*

«Ростомъ они высоки, красивы собою и смѣлы въ нападеніяхъ: всѣ свои набѣги и походы производятъ на корабляхъ».

«*Шальвары носятъ они широкія:* 100 локтей матеріи идетъ на каждыя. *Собираютъ они ихъ въ сборки у колѣнъ*, къ которымъ и привязываютъ».

Замѣчательно, какъ описанье Руссовъ Ибнъ-Даста совпадаетъ съ описаніемъ «*народа славянъ*», помѣщенномъ въ церковной исторіи Іоанна, епископа Ефесскаго, современника Юстиніана:

«На 3-й годъ по смерти императора Юстиніана и царствованія Тиверія побѣдоноснаго (то-есть 581 г.) *выступилъ проклятый народъ Славянъ* и производилъ набѣги на *всю Элладу, мѣстности Солуня и всю Фракію*. Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошили, жгли, грабили страну и овладѣли ею. Они поселились въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала».

«Даже до нынѣшняго времени (583 г. по Р. Хр.) живутъ, сидятъ и покоятся они въ римскихъ провинціяхъ безъ заботы и страха, грабя, убивая и поджигая, такъ что они богатѣли и пріобрѣтали золото, серебро, стада, лошадей и много оружія. *Они выучились и вести войны лучше Римлянъ*, они, эти глупые люди, которые не дерзали показываться внѣ лѣсовъ и не знали, что̀ такое оружіе. Кромѣ 2 или 3 дротовъ, они не имѣли оружія».

Нельзя не вспомнить здѣсь еще нѣкоторыхъ сказаній Арабовъ о древнихъ русскихъ, хотя и приведенныхъ мною ранѣе при описаніи Каспія, такъ какъ они прямо касаются исторіи Итиля, то-есть теперешней нашей Астрахани:

Арабъ Ибнъ-Хордабехъ во 2-й половинѣ IX вѣка вотъ что̀ писалъ о торговлѣ русскихъ въ Итилѣ: «что же касается до

русскихъ купцовъ, *принадлежащихъ къ славянамъ*, то они изъ отдаленнѣйшихъ *странъ Славянскихъ* привозятъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи къ берегу Румскаго моря (то-есть Чернаго), гдѣ они даютъ $^1/_{10}$ Византійскому императору. Иногда они *на корабляхъ ходятъ по рѣкѣ Славянъ* (то-есть Волгѣ) *и разъѣзжаютъ по заливу Хазарской столицы* (Итиля), гдѣ они платятъ $^1/_{10}$ царю страны. Оттуда отправляются они въ Каспійское море и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно. Иногда они возятъ свой товаръ на верблюдахъ до Багдада.

Въ VIII вѣкѣ Средняя Азія и Багдадъ дѣйствительно вели *торговлю съ Волгой мѣхами* и особенно черною лисицей, любимымъ мѣхомъ для царскихъ одѣяній, и всегда на звонкую монету, а не мѣною, какъ въ Византіи.

Ибнъ-Дастъ подтверждаетъ эти извѣстія о торговомъ движеніи Руссовъ по Волгѣ.

«Всѣ изъ *Руссовъ*, *живущихъ по обоимъ берегамъ Волги*, говоритъ онъ,—везутъ въ Болгары товары свои, какъ-то: мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи и т. п.».

Масуди съ своей стороны сообщаетъ:

«*Руссы и еще другіе Славяне имѣли въ Итилѣ постоянныя жилища* въ одной части города, гдѣ жили купцы и имѣли особаго судью изъ своей среды».

«Мѣха бобровые, вывозимые въ различныя страны (изъ Хазаріи), говоритъ арабскій географъ Эль-Балхи, находятъ только въ тѣхъ рѣкахъ, которыя текутъ въ странахъ Болгара, Руси и «*Куэба*» (Кіева).

«*Русь состоитъ изъ 3 племенъ*, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ: одно, ближайшее къ Болгару, и царь ихъ живетъ въ столицѣ по имени *Куэба*: городъ больше Болгара. Второе, отдаленное отъ нихъ племя, называется *Селавія* (*Славія*). Третье племя называется *Барманія* (Біармія, Пермь).

По Масуди «*Руссы живутъ на берегахъ Чернаго моря*, по которому ходятъ исключительно ихъ же суда», и притомъ «*Руссы состоятъ изъ многихъ народностей* разнаго рода».

Этими единогласными свидѣтельствами древнихъ арабскихъ писателей вполнѣ объясняется, почему по лѣтописи Несторовой Днѣпръ впадаетъ въ Понтійское море, «иже словеть *Русское*», и почему эта Хозарская и Болгарская рѣка Итиль была уже въ IX и X вѣкѣ *рѣкою Славянъ*», стало быть, тою же «матушкою Волгой» русскаго человѣка, какою ее застаетъ оффиціальная русская исторія.

Все это, конечно, нисколько не вяжется съ излюбленною и совершенно нелѣпою нѣмецкою сказкой о названіи Славянъ Руссами въ концѣ IX вѣка, будто по имени маленькой дружины чужеземныхъ князей.

Самое названіе Волги, конечно, глубоко русское, какъ я уже имѣлъ случай доказывать, и есть не что иное, какъ «волога», полнозвучная народная форма книжной формы «влаги», аналогичная золоту и злату, городу и граду, и сохранившаяся въ названіи города Вологды, а можетъ быть даже въ имени рѣки Волхова, такъ точно, какъ Вольга, Волегъ Всеславичъ нашихъ былинъ именуется нерѣдко Волхомъ Всеславичемъ. Въ Курской губерніи до сихъ поръ въ большемъ употребленіи среди народа слова съ корнемъ «волг»: «*волгнуть*», «*отволгнуть*»—значитъ сырѣть, отсырѣть, пропитаться влагой; *волжаный*—сырой, богатый влагою, *волжанчикъ*—растеніе съ гибкимъ и крѣпкимъ стеблемъ, растущее на влажныхъ, болотистыхъ почвахъ, употребляемое народомъ на кнутовища.

Волга, влага, стало быть, означала на языкѣ древняго славянина-Русса воду по преимуществу, большую воду, точно такъ, какъ на языкѣ многихъ кочевыхъ народовъ древности эту большую воду обозначалъ Донъ. (Донъ, Don-au, Don-aper, Don-aster, Нор-Донъ, Аръ-Донъ и проч.).

Волга и ея южная столица Итиль продолжали служить очень долго путемъ сообщенія Европы съ Азіею, и въ Венеціанскихъ архивахъ найдены въ послѣднее время записки многихъ итальянскихъ путешественниковъ XVI и XVII вѣка, которые пользовались Московіею и ея «великою рѣкой» для того,

чтобы пробраться хотя кружнымъ, но зато болѣе безопаснымъ, путемъ черезъ Астрахань и Каспій въ Персію и другія азіатскія страны.

По свидѣтельству Іосафата Барбаро и Амброзіо Контарини, послѣ побѣдъ Чингисъ-хана и распаденія Латинской Имперіи торговые пути измѣнили свое направленіе: товары внутренней Азіи стали подыматься вверхъ по Инду до древней Бактріаны, оттуда въ семь дней перевозились на верблюдахъ до Икара, впадающаго въ Оксусъ, по которому достигали Чернаго моря и Астрахани, пройдя черезъ богатыя ярмарки Самарканда и Бухары; оттуда товары шли вверхъ по Волгѣ до Донской луки и по Дону до Таны, у его устья на Азовскомъ морѣ. Сюда приставали за товарами Венеціанскія галеры.

Астрахань вплоть до XVIII вѣка остается на азіатскомъ торговомъ маршрутѣ Венеціанцевъ. Черезъ нее же слѣдовали и послы западныхъ государствъ, отправлявшіеся Польшею и Москвою къ разнымъ азіатскимъ властителямъ.

Нѣкоторые любопытные двевники этихъ путешествій собраны въ книгѣ Итальянца Берше «Венеціанская республика и Персія», и изложены были г. А. Веселовскимъ въ «Записк. Императорскаго Географическаго Общества» за 1869 г. (т. 2), откуда мы и беремъ эти подробности.

Іоаннъ Грозный, захвативъ въ 1554 г. послѣ погрома Казанскаго царства и Астраханское царство, вполнѣ понималъ торговое значеніе его древней столицы, тѣмъ болѣе, что кромѣ далекаго и холоднаго Бѣлаго моря въ Россіи того времени совсѣмъ еще не было морей, и попытки этого умнаго государя пробиться черезъ Ливонію къ Балтикѣ, черезъ Крымъ къ Черному морю еще не могли осуществиться. Замѣчательно, что тогдашніе «книжные люди» увѣрили Іоанна, что Астрахань древнее достояніе князей Россійскихъ, ибо тамъ будто бы княжилъ нѣкогда Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, такъ какъ они считали Астрахань, можетъ быть, по созвучію именъ, за древнюю Тмутаракань. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ, что въ пре-

даніяхъ народа еще цѣла была до XVI столѣтія, хотя и смутная, память о долгомъ пребываніи русскихъ въ древнемъ хозарскомъ Итилѣ.

Имя это не существуетъ уже въ XIII столѣтіи, при нашествіи Монголовъ, а на мѣстѣ древняго Итиля появляется въ нашихъ лѣтописяхъ городъ Асторокань, или Астрахань, вѣроятно, получившій имя отъ какого-нибудь Астара-хана. Послѣ паденія Золотой орды, которой онъ принадлежалъ, городъ этотъ дѣлается столицей особаго царства, возникшаго въ числѣ другихъ изъ развалинъ нѣкогда великой орды.

Впрочемъ, описатели Астрахани увѣряютъ, будто столица татарская Асторокань или Цистархань, лежала верстъ 5, 6 выше теперешней Астрахани, *на правомъ берегу Волги*, въ урочищѣ, называемомъ «Шореный (а по нѣкоторымъ «жореный») Бугоръ», гдѣ замѣтны слѣды развалинъ и до сихъ поръ, и находятъ въ землѣ много старинныхъ вещей.

Хотя я не изучалъ исторіи Астрахани настолько, чтобы оспаривать это мнѣніе, однако, признаюсь, я не особенно довѣряю ему и не знаю, на чемъ оно основано.

Самуилъ Гмелинъ во 2 т. своего «Путешествія по Россіи», предпринятаго имъ по порученію Императорской Академіи Наукъ въ 1769 и 1770 году, сообщаетъ объ этой мѣстности такого рода историческія и географическія свѣдѣнія:

«На западномъ (слѣдовательно, правомъ) гористомъ берегу Волги, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ купца Ключерева находится ватага, и на томъ самомъ, гдѣ прежде копали селитру, видны на одномъ бугрѣ оставшіяся развалины стариннаго города, гдѣ еще и понынѣ корыстолюбивые люди упражняются въ копаніи, потому что прежде сего старыя татарскія серебряныя и золотыя монеты, кольца, серьги, зарукавья и прочее тамъ находили. Россіяне сіе мѣсто называютъ Жоренымъ Бугромъ.

Сколь долго Астрахань стояла на томъ мѣстѣ, по тѣхъ поръ и *называлась она Тмутараканомъ*, и повѣствованіе, у г. Ломоносова находящееся, что царь Ярославъ Владиміровичъ съ бра-

томъ своимъ Мстиславомъ имѣлъ войну съ княземъ Тмутараканскимъ, и наконецъ вступилъ съ нимъ въ союзъ, отчасти доказываетъ, что *требованіе Россіи на Астрахань еще къ временамъ прежде владѣнія царя Ивана Васильевича относится*, и съ другой стороны справедливость, что прежде Астрахань называлась Тмутараканомъ, симъ уже подтверждается.

Впрочемъ я не знаю, чтобы было причиною, не только перемѣнивъ имя Тмутаракань назвать *Аджи Дарханомъ* (Астраханью), но и перенесть городъ съ западнаго берега Волги *на восточный, на то мѣсто, на которомъ онъ взятъ побѣдоноснымъ оружіемъ царя Ивана Васильевича*».

Не касаясь страннаго отождествленья Астрахани съ Тмутараканью, въ которомъ, безъ сомнѣнія, сказались уцѣлѣвшія преданія временъ Ивана IV, изъ этого извѣстія все-таки слѣдовало заключить, что столица послѣдняго Астраханскаго хана Ямгурчея была во всякомъ случаѣ на нынѣшнемъ мѣстѣ Астрахани, что́ весьма убѣдительно подтверждается и существованіемъ въ современной намъ Астрахани особой части города, за р. Кутумомъ, до сихъ поръ называемой «Ямгурчеевымъ городкомъ» («Ямгурчеева крѣпость» по Гмелину). Кромѣ того, дошедшія до насъ историческія свѣдѣнія о взятіи Русскими Астрахани не даютъ, кажется, возможности предположить, чтобы взятый царемъ Иваномъ городъ Ямгурчея былъ когда-нибудь покинутъ Русскими и перенесенъ на другое мѣсто; напротивъ того, онъ съ первыхъ же дней завоеванія и во все послѣдующее время продолжалъ постоянно обноситься стѣнами, башнями и валами.

Гмелинъ хотя и сообщаетъ при дальнѣйшемъ описаніи Астрахани, «будто царь Иванъ Васильевичъ какъ скоро освободилъ Астрахань отъ рукъ татарскихъ, то и городъ съ того мѣста, гдѣ онъ другой разъ заложенъ былъ, и гдѣ во время осажденія Россійскаго находился, *на 60 верстъ отъ нынѣшняго селитренняго городка* внизъ по теченію Волги къ Каспійскому морю *въ короткомъ времени перенести*, изъ припасовъ стараго города новую Астрахань заложить и крѣпкою стѣною изъ обожженныхъ кир-

пичей состоящею обнести повелѣлъ»; однако многія изъ этихъ сообщаемыхъ имъ обстоятельствъ находятся въ очевидномъ противорѣчіи и съ его собственными словами и съ утвержденіями тѣхъ, что́ татарскую Астрахань видятъ на правомъ берегу Волги, и съ подлинными извѣстіями лѣтописей. Такъ, самъ Гмелинъ помѣщаетъ свой селитренный городокъ («Жореный Бугоръ») «въ осьми верстахъ ниже Нижняго города Астрахани»; слѣдовательно, теперешняя Астрахань, по его словамъ, должна бы была находиться на 68 верстъ ниже самой себя. Съ другой стороны, Никоновская лѣтопись, очень обстоятельно разсказывающая всѣ подробности взятія Астрахани, описываетъ городъ Астрахань, изъ котораго бѣжалъ ханъ Ямгурчей, какъ очень торговый городъ, населенный множествомъ иноземныхъ купцовъ, разбѣжавшихся во время войны, и, очевидно, игравшій очень важную роль въ коммерческой жизни востока; только что Русскіе успѣли утвердиться въ немъ, посадивъ вмѣсто Ямгурчея Ногайскаго хана Дербыша-Алея, какъ всѣ окрестные и даже довольно далекіе народы спѣшатъ прислать пословъ съ просьбами пропустить для торга въ Астрахань ихъ купцовъ.

«А изо многихъ земель присылали, изъ Шевкалъ, изъ Шемахеи, изъ Дербени, изъ Юргенча, о братствѣ и любви, и на веснѣ хотятъ со многими торги быти въ Асторохань...»

«Пришли гости изъ Шемахеи, Дербени, Шевкалъ, Тюмени, Юргенча, Сарайчика, со всякими товары...»

«Пришли въ Москву послы изъ Юргенча отъ царя Ходчима, посолъ Тенишъ-Азей съ товарищи, съ поминки и великимъ челобитьемъ о любви, чтобы государь *вемлъ дорогу гостемъ* дати и его бы берегъ...»

«Пришли послы изъ Бухаръ, изъ Шамархани отъ царя бухарскаго и шамарханскаго, Азамай-Азей да Шихъ, съ любовнымъ челобитьемъ: *просятъ дороги гостемъ.*»

А Юргенчъ — это былъ теперешній Хивинскій Ургентъ при впаденіи Аму-Дарьи въ Аральское море, Шамархань—теперешній Самаркандъ.

Если же такая живая торговля возобновилась тотчасъ по занятіи Астрахани русскими, если сами русскіе, какъ свидѣтельствуетъ тоже лѣтопись, не имѣли никакого повода разорять татарской Астрахани, сдавшейся почти мирно, а только «*укрѣпимся въ градѣ* и по Волгѣ казаковъ и стрѣльцовъ разставили», то какимъ образомъ и по какому побужденію могла на глазахъ исторіи уйти со своего стараго мѣста на новое татарская Астрахань?

Всѣ эти сомнѣнія наши пусть, впрочемъ, разрѣшаютъ люди, знающіе въ этомъ вопросѣ больше насъ.

IV.

Историческіе памятники Астрахани.

Астраханскій портъ, когда-то бывшій казеннымъ, теперь уже не существуетъ; въ 1867 году, по случаю обмелѣнія устья Волги, онъ былъ переведенъ въ Баку, а всѣ его учрежденія вмѣстѣ съ механическимъ заводомъ, докомъ и пр. и вся территорія его уступлены были въ безвозмездное пользованіе пароходному обществу Кавказъ и Меркурій, которое обязалось передъ правительствомъ отправлять за извѣстное вознагражденіе почтовую службу на Волгѣ и Каспіѣ, получая помильную плату за свои морскіе рейсы и является вслѣдствіе этого полуоффиціальнымъ учрежденіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторымъ монополистомъ, чему не мало завидуютъ другія пароходныя компаніи Волги. Мы высадились именно въ бывшемъ портѣ на такъ называемой «косѣ», которая не особенно давно была островомъ, отдѣлявшимся рукавомъ рѣки отъ Заячьяго бугра, на которомъ расположенъ Астраханскій Кремль и главныя улицы города. Впослѣдствіи рукавъ обмелѣлъ, и островъ приросъ къ Заячьему бугру. Около порта находится и устье Варваціева канала, вдоль котораго разбитъ довольно тѣнистый бульваръ и черезъ который перекинуто

нѣсколько мостовъ. Этотъ каналъ—спасеніе Астрахани отъ весеннихъ потоповъ и отъ болотныхъ міазмовъ.

Русская Венеція расположена среди такого множества болотъ, озеръ, заводей и всякихъ другихъ стоячихъ водъ и грязей, что кромѣ природныхъ протоковъ, какова, напримѣръ, рѣчка Кутумъ, или Царевъ, оказалось необходимымъ дать еще искусственный истокъ почвенной влагѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишнее русло для весеннихъ водъ. Варваціи, богатый грекъ, одушевленный высокими общественными стремленіями, отличавшими первую половину царствованія Александра Благословеннаго, положилъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія громадный по тому времени капиталъ (свыше 600.000 рублей) на оздоровленіе города, устроилъ на свой счетъ каналъ, соединяющій рѣку Кутумъ съ Волгою изъ неоконченнаго и засореннаго стараго канала. Онъ зовется до сихъ поръ по имени этого благодѣтеля-гражданина, просвѣщенной щедрости котораго обязаны многія общеполезныя учрежденія Астрахани и Таганрога, гдѣ Варваціи также истратилъ не одну сотню тысячъ рублей.

Въ дни Гмелина между Кутумомъ и Волгою еще существовалъ старый каналъ, и, повидимому, отъ него-то и распространились лихорадочные міазмы, дѣлавшіе губительнымъ для пріѣзжихъ климатъ Астрахани.

Каналъ этотъ, по словамъ Гмелина, уже тогда стóилъ 100.000 рублей, «но сверхъ того, что, можетъ быть, нѣкоторые надзиратели, при оном бывшіе, нѣсколько набогатились, *онъ не оконченъ и не приноситъ ни малой пользы*; да и по нынѣшнему виду кажется, что онъ отдѣлается еще не скоро».

Безъ сомнѣнія, эти же почвенныя и климатическія условія, вѣчная грязь и сырость въ соединеніи съ тропическою жарою къ тому же среди края, кишащаго всякими вкусными и дешевыми плодами и овощами, арбузами, дынями, персиками, абрикосами, виноградомъ, при обычной нечистоплотной обстановкѣ восточныхъ жилищъ и восточныхъ улицъ, и при восточномъ невѣжествѣ населенія относительно всякаго рода гигіеническихъ

требованій,—издревле обратили Астрахань въ постоянное гнѣздо чумы и холеры, которыя всякій разъ разносились по Россіи не иначе, какъ черезъ эту древнюю столицу Хозаръ.

Астрахань можно по справедливости назвать воротами азіатскихъ эпидемій, и не даромъ даже въ наши дни здѣсь, а ни въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, пришлось бороться съ «черною смертью», всѣмъ намъ памятною подъ кличкою Ветлянской чумы.

Въ садикѣ на берегу Варваціева канала мы осмотрѣли павильонъ, въ которомъ сохраняются священныя для Астраханцевъ реликвіи великаго царя—основателя русскаго флота и русской морской торговли. Тутъ, во-первыхъ, «*плезиръ-яхта*», на которой Петръ катался по Волгѣ съ императрицей Екатериною, тутъ его же «верейка», хрустальный кубокъ, изъ котораго онъ пилъ вино, много разнаго оружія того времени и всякихъ кораблестроительныхъ инструментовъ вмѣстѣ съ моделями морскихъ судовъ. Увѣряютъ, будто въ упраздненномъ теперь адмиралтействѣ хранилась прежде и дубинка Петра, оставленная имъ въ видѣ зерцала своего рода на внушительную память бунтливымъ Астраханцамъ, но она впослѣдствіи исчезла неизвѣстно куда.

Слѣды геніальнаго преобразователя Россіи и въ Астрахани остались такими же неизгладимыми, какъ и вездѣ, куда только проникали его орлиный взглядъ и его энергическая рука. Онъ первый устроилъ Астраханскій портъ и доки для судовъ, рѣшившись сдѣлать Астрахань опорнымъ пунктомъ въ своей борьбѣ съ Персіею за обладаніе Каспійскимъ моремъ, точно такъ, какъ онъ сдѣлалъ Воронежъ кораблестроительнымъ базисомъ для отвоеванія у Турціи Азовскаго моря и свободнаго прохода въ Черное, а Петербургъ—для господства надъ Финскимъ заливомъ и Балтикою.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ птенцовъ Петра, извѣстный недругъ Бирона, Артемій Волынскій, былъ посланъ Петромъ въ Астрахань, чтобы подготовлять все нужное для великаго предпріятія, и очень много помогъ Петру своими умными

совѣтами и проницательнымъ взглядомъ на восточныя задачи Россіи.

Въ 1722 году, только-что окончивъ Ништадскимъ миромъ великую Сѣверную войну, Петръ самъ пріѣхалъ черезъ Коломну по Окѣ и Волгѣ въ Астрахань и изъ нея уже предпринялъ свой Кавказскій походъ, окончившійся покореніемъ Тарковъ и Дербента, а впослѣдствіи Баку, Решта, Астрабада и всего Каспійскаго побережья.

Но, распоряжаясь о сооруженіи близъ Астрахани крѣпости на морѣ и о заведеніи морского флота, ведя войну и присоединяя новыя страны, великій хозяинъ земли Русской не забывалъ и экономическихъ интересовъ этого южнаго края. Около Сарая, древней столицы хановъ Золотой Орды, онъ насаживаетъ тутовыя деревья, устраиваетъ въ Астрахани заводъ для размотки шелка, выписываетъ изъ чужихъ земель дорогіе сорта винограда и разводитъ въ той же Астрахани нѣсколько десятковъ виноградниковъ, какъ онъ разводилъ ихъ ранѣе по Дону, въ землѣ Донскихъ казаковъ, въ Павловскѣ и Воронежѣ.

Нужно впрочемъ замѣтить, что колоссальная тѣнь Петра невольно заслонила собою многія замѣчательныя начинанія, которыя еще ранѣе его предпринималъ его скромный, но тоже мудрый отецъ.

«Тишайшій царь», которому приходилось вырывать Астрахань изъ злодѣйскихъ рукъ Стеньки Разина, и его длиннобородые и долгополые бояре, хотя и не путешествовали по Голландіямъ и Англіямъ, а все-таки хорошо понимали государственное значеніе Астрахани, какъ единственнаго почти морского порта тогдашней Россіи. Алексѣй Михайловичъ также, какъ и Петръ Великій, стремился сдѣлать Астрахань гнѣздомъ русской морской силы и уже построилъ съ этою цѣлью первый русскій морской корабль «Орелъ»,—истиннаго дѣдушку русскаго флота, — къ несчастью, скоро сожженный въ Астрахани шайками Стеньки Разина и потому не доставшійся въ наслѣдство его геніальному сыну.

Точно также хорошо понималъ Алексѣй Михайловичъ и зна-

ченье Астрахани, какъ своего рода природной теплицы, единственнаго уголка тогдашней Россіи, который можно было назвать югомъ и откуда можно было получать разные нѣжные плоды и фабричныя растенія. «Тишайшій» царь первый приказалъ своимъ воеводамъ разводить въ старой Хозарской столицѣ хлопокъ, марену и виноградныя лозы.

Кремль—самая характерная и самая старинная часть Астрахани. Онъ выстроенъ еще въ XVI столѣтіи Иваномъ Грознымъ, скоро послѣ завоеванія Астраханскаго царства и владычествуетъ на своемъ бугрѣ надъ всѣмъ городомъ точно также, какъ надъ самимъ кремлемъ господствуетъ своими высоко приподнятыми золотыми главами и крестами, его старинный соборъ.

Въ прежніе годы, когда царственная рѣка омывала подошву Заячьяго холма и когда зубчатыя стѣны и мшистыя башни кремля отражались вмѣстѣ съ главами его церквей въ широкомъ зеркалѣ Волги, видъ на древній Астраханскій кремль былъ, конечно, еще живописнѣе. Но мы и теперь утѣшались сердцемъ, созерцая эту старую русскую твердыню, первое гнѣздо настоящей народной силы нашей, до котораго мы добрались, наконецъ, послѣ столькихъ скитаній по мусульманскому востоку, сквозь который еще съ такимъ трудомъ пробивается своими первыми ростками русскій духъ.

Обыкновенно стараются знакомиться съ Волгою сверху внизъ, отъ Ярославля къ Нижнему, отъ Нижняго къ Астрахани, и очень можетъ быть, что для изученія собственно Волги, ея постепенно развивающейся мощи и шири, послѣдовательнаго разростанія красоты ея береговъ, — такой порядокъ осмотра Волги самый разумный.

Но мы съ женою были, напротивъ того, особенно довольны, что намъ пришлось проѣхать великую русскую рѣку не съ ея начала, а съ ея конца. Намъ, погрузившимся въ нашемъ туркестанскомъ путешествіи выше головы въ азіатчину и татарщину всякаго рода, было необыкновенно поучительно это обрат-

ное движеніе отъ Бухары и Кокана къ Нижнему и Москвѣ. Мы, такъ сказать, могли руками осязать, какъ мало-по-малу убывала кругомъ насъ азіатчина и мусульманство, и какъ все гуще, все сплошнѣе начинала разливаться вокругъ насъ русская волна. Родныя лица и одежды, родной языкъ, родной обычай, родной видъ городовъ и деревень, полей и лѣсовъ—все это надвигалось намъ навстрѣчу сначала чуть замѣтно, потомъ наполовину, потомъ все съ мѣньшею и мѣньшею примѣсью чуждыхъ стихій и наконецъ полилось цѣликомъ одно чисто-русское уже безъ всякой лигатуры...

Въ этомъ смыслѣ и Астрахань, которая обычному путешественнику по Волгѣ, плывущему внизъ изъ Нижняго, кажется какимъ-то татарско-калмыцко-персидскимъ городомъ, Вавилонскимъ смѣшеньемъ языковъ, своего рода преддверіемъ мусульманской Азіи,—произвела на меня съ женою, послѣ Самаркандовъ и Бухаръ, впечатлѣніе глубоко-русскаго и глубоко-православнаго города. Ея индійскіе базары и персидскія мечети безслѣдно тонули въ нашихъ глазахъ среди десятковъ тысячъ русскихъ домовъ, среди многочисленныхъ русскихъ церквей, среди многолюдной толпы русскихъ мужиковъ и купцовъ.

Чувствуется всѣмъ существомъ, что мы наконецъ и вправду «выдрались на Русь», какъ говорили когда-то убѣгавшіе изъ крымскаго полона русскіе полонянники.

Можетъ быть, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, и ни при какомъ другомъ случаѣ русскій человѣкъ не ощущаетъ всѣми инстинктами своими такъ живо, какъ здѣсь, на рубежѣ Азіи и Россіи, что самое Русское въ Руси—это ея православіе.

Золотыя маковки православныхъ храмовъ и торжественный звонъ ихъ колоколовъ будятъ родное чувство жарче и сильнѣе, чѣмъ все остальное, что видитъ глазъ, что слышитъ ухо. И тогда понимаешь, почему въ теченіе всей своей длинной и суровой исторіи русскій народъ самоотверженно ложился костьми, защищая прежде всего церкви Божіи, и въ одной только вѣрѣ православной всегда видѣлъ тотъ общій государственный стягъ,

который въ годины бѣдствій стягивалъ къ себѣ въ одну тѣсную народную семью разрозненныхъ усобицами князей и враждовавшіе другъ съ другомъ города и области. Православіе—было патріотизмомъ русскаго человѣка, оттого всѣ враги земли его, какой бы ни были они чуждой ему вѣры, казались ему безразлично—«нехристями» и «бусурманами».

Я рѣдко видѣлъ такой строго-русскій и такой поразительно величественный храмъ, какъ Астраханскій Успенскій соборъ. Онъ стоитъ на самой высокой точкѣ самаго высокаго изъ Астраханскихъ бугровъ и такъ высокъ самъ по себѣ, что виденъ отовсюду съ Волги за многіе десятки верстъ, вѣнчая какъ вѣнцомъ своею бѣлою башнею и золотыми крестами царицу Каспія. Высота собора тридцать сажень. Но онъ кажется еще выше оттого, что зданіе поднимается вверхъ стройнымъ и вмѣстѣ массивнымъ четырехъ-угольнымъ столбомъ безъ всякихъ уступовъ и съуженій и уже на огромной высотѣ заканчивается пятью тѣсно сближенными и словно заостренными башеньками своихъ куполовъ...

Стиль храма простъ и могучъ. Нѣсколько огромныхъ оконъ въ характерныхъ карнизахъ и надъ ними ниши съ строгою темною живописью. Но всѣ отношенія архитектурныхъ линій удивительно удачны и соразмѣрны, и общій видъ храма необыкновенно радуетъ глазъ.

«Такого лѣпотнаго храма нѣтъ во всемъ моемъ государствѣ!» выразился о немъ Петръ Великій, когда увидѣлъ въ первый разъ это художественное созданіе митрополита Сампсона, выпросившаго у царя разрѣшеніе построить новый соборъ на мѣстѣ обветшавшаго храма Иванова времени, уже грозившаго разрушеніемъ. Сохранились любопытныя свѣдѣнія о стоимости этой громадной постройки, которая въ наше время, конечно, потребовала бы добраго милліона, а въ блаженные старые годы обошлась всего въ нѣсколько тысячъ рублей. Достаточно сказать, что главному архитектору Дороѳею Мякишеву за *12 лѣтъ руко-*

водства и наблюденіе за работами уплачено было всего *сто рублей, то-есть по 8 р. 33$^{1}/_{3}$ к. въ годъ!*

Можетъ быть, удаленность Астрахани отъ С.-Петербурга и исключительное распоряженіе постройкою русскаго митрополита безъ всякаго вмѣшательства голландскихъ и шведскихъ техниковъ,—спасло Астраханскій соборъ отъ искаженія величественнаго стиля русской старины тѣми безвкусными и безхарактерными иноземными новшествами, которыя такъ непріятно поражаютъ глазъ художника во всѣхъ храмахъ, построенныхъ при ближайшемъ участіи Петра.

Какъ всѣ большіе храмы старой Россіи, Астраханскій соборъ двухъ-ярусный. Нижній ярусъ — особенно своеобразной и типической русской архитектуры. Онъ нѣсколько шире верхняго и поддерживаетъ его своими низкими несокрушимыми сводами и цѣлою круговою галлереею старинныхъ каменныхъ арочекъ съ ключами по серединѣ. Очень высокое и широкое «красное крыльцо» изъ тесаннаго камня величественно поднимается двумя поворотами къ верхнему ярусу церкви, соединяясь на верху съ каменною открытою террасою, обходящею кругомъ весь соборъ и ведущею въ то же время въ архіерейскіе покои.

Подъ низкими мрачными сводами нижняго яруса — церковь Владимірской Божіей Матери, служившая всегда усыпальницей астраханскихъ владыкъ. Она вся въ темной закоптѣлой живописи, какъ подобаетъ усыпальницѣ. Тутъ много историческихъ гробницъ; тутъ и архіепископъ Ѳеодосій, неустрашимо обличавшій Гришку Отрепьева, и митрополитъ Іосифъ, замученный злодѣями Разинской шайки, и создатель храма митрополитъ Самсонъ, смирявшій при Петрѣ бунты Астраханцевъ; здѣсь же двѣ царскія гробницы, хотя и не русскихъ царей, а грузинскихъ— Вахтанга и Теймураза.

Впрочемъ гробницъ собственно не видно никакихъ, а только однѣ надписи на чугунныхъ плитахъ. Всѣ стѣны полуподземной церкви покрыты именами погребенныхъ здѣсь архіереевъ, такъ что этотъ темный храмъ обратился въ огромный, не истребляе-

мый временемъ синодикъ своего рода, по которому потомки могутъ поминать въ теченіе долгихъ вѣковъ своихъ усопшихъ архипастырей.

Старый Николаевскій солдатъ, типическій церковный сторожъ, какихъ уже теперь рѣдко увидишь,—позвякивая связкою огромныхъ ключей на цѣпяхъ, водилъ насъ съ искреннимъ благоговѣніемъ отъ могилы одного великаго старца къ другому и повѣствовалъ о нихъ благочестивыя легенды, сохранившіяся въ памяти народа. Онъ увѣрялъ насъ, что и Іосифъ, и Сампсоній—почиваютъ нетлѣнные въ своихъ гробахъ, что это удостоились видѣть собственными глазами соборный протопопъ и печникъ, когда перестроивалась печь въ церкви и приходилось потревожить поневолѣ усыпальницу старыхъ владыкъ.

Николаевскій ветеранъ съ непоколебимою увѣренностью разсказалъ намъ, какъ съ высоты каменной террасы, на которую мы съ нимъ поднялись по «красному крыльцу», былъ когда-то сброшенъ злодѣями митрополитъ-мученикъ.

Я оставилъ его при этомъ блаженномъ вѣрованіи, которое онъ, конечно, внѣдряетъ ничто же сумняся и въ души наивныхъ богомольцевъ, приходящихъ помолиться въ Успенскій соборъ. Мнѣ было жаль разрушить его складную повѣсть, такъ подходящую и къ этому высокому красному крыльцу, и къ этому сосѣдству съ архіерейскими покоями. Къ сожалѣнію, и терраса, и крыльцо и самый соборъ были выстроены только въ 1696 г., то-есть ровно черезъ 25 лѣтъ послѣ убіенія митрополита Іосифа. Сбросили же его вовсе не съ крыльца и не съ террасы, а съ «раската», то-есть съ колокольни. Подъ соборною колокольнею находились такъ-называемыя «Соборныя, или Пречистенскія ворота», которыми проходили изъ Кремля въ Бѣлый городъ, также обнесенный въ старину каменною стѣною. Черезъ эти-то Пречистенскія ворота и ворвался Стенька Разинъ въ Кремль, когда измѣнники-стрѣльцы и мятежные Астраханцы помогли ему овладѣть надежно укрѣпленною крѣпостью Бѣлаго города. Умный и смѣлый воевода Прозоровскій былъ не въ силахъ ни-

чего сдѣлать противъ мятежнаго духа, охватившаго разомъ и населенье, и войско при одномъ слухѣ о приближеніи къ Астрахани «батюшки Степана Тимофеича» съ его удалою вольницею. Онъ выслалъ-было противъ него въ Царицынъ подъ начальствомъ князя Львова около полусотни струговъ съ стрѣльцами и пушками, выслалъ туда же цѣлый полкъ конницы по берегу Волги, разсчитывая сразу задавить разбойника такою грозною силою. Но Стенька хорошо зналъ настроенье черни и смѣло двинулся навстрѣчу царскому войску точно такъ же на стругахъ, и по берегу, гдѣ шелъ съ казаками его кровожадный сподвижникъ атаманъ Васька Усъ.

Не успѣли стрѣльцы завидѣть вдали лодки мятежниковъ, какъ на всѣхъ царскихъ стругахъ раздались радостные клики, привѣтствовавшіе Степана Тимофеича. Начальники были тутъ перебиты и потоплены, и ликующіе измѣнники всѣмъ своимъ многолюднымъ воинствомъ повернули вслѣдъ за стругами Разина на разгромъ Астрахани.

Нѣмцы, составлявшіе первый экипажъ перваго русскаго корабля «Орла», со страха разбѣжались и ушли въ Персію, Татары тоже бѣжали. Но защитниковъ внутри города еще оставалось довольно.

Вечеромъ 27-го іюня Стенька двинулся на приступъ города, а къ ночи онъ уже былъ на его стѣнахъ. Въ то время, какъ воевода Прозоровскій съ братомъ и сыномъ своимъ и начальными людьми собиралъ всѣ свои силы у Вознесенскихъ воротъ, чтобы встрѣтить тамъ врывавшихся мятежниковъ, стрѣльцы и жители, посланные защищать стѣны, сами подавали знаки разбойникамъ и помогали имъ влѣзать на стѣны. Городъ очутился во власти Стеньки. Храбраго воеводу, насквозь проколоннаго копьемъ, едва успѣли унести въ Кремль и положили въ Успенскій соборъ. Митрополитъ, обливаясь слезами, пріобщилъ раненаго Св. Тайнъ. Успѣвшіе спастись стрѣлецкія головы, дворяне, приказные, купцы и всякіе достаточные люди, которые знали, чего имъ нужно было ожидать отъ обезумѣвшей черни, вмѣстѣ

съ дѣтьми и женами своими заперлись въ Кремлѣ и въ церквахъ. Поутру взятъ былъ и Кремль, потому что измѣна охватила рѣшительно всѣхъ. Черезъ разломанныя Пречистенскія ворота шайки разбойниковъ ворвались на соборную площадь. Двери собора, гдѣ мучился раненый воевода, защищалъ его братъ Михайло Прозоровскій. Онъ палъ убитый, не уступивъ ни шага. Въ притворѣ храма, полнаго женщинъ и всякаго народа, разъяренныхъ мятежниковъ встрѣтилъ неустрашимый пятидесятникъ Флоръ Дура, охранявшій воеводу съ той минуты, какъ его принесли сюда. Съ невѣроятною храбростью долго бился онъ одинъ противъ цѣлой толпы и положилъ кругомъ себя груды труповъ. Наконецъ мятежники выломали церковныя двери и изрубили его въ куски. Умиравшаго воеводу потащили на раскатъ и сбросили оттуда, всѣхъ схваченныхъ въ церкви перерубили и перекололи. Монахъ Троицкаго монастыря, куда Стенька велѣлъ таскать изъ собора трупы убитыхъ въ немъ, насчиталъ 600 труповъ. Девять храбрецовъ рѣшились не сдаваться злодѣямъ и, засѣвъ въ соборной колокольнѣ, до самаго полудня отстрѣливались тамъ отъ мятежниковъ, окружившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Перестрѣлявъ всѣ пули, они стали заряжать ружья мѣдными и серебряными монетами; когда у нихъ вышла наконецъ послѣдняя щепотка пороха, самые отчаянные изъ нихъ, помолясь Богу, сами бросились внизъ съ раската, чтобы не попадаться въ руки мучителей, остальныхъ схватили и истязали злодѣи.

Митрополитъ Іосифъ уцѣлѣлъ ненадолго: послѣ разгрома Астрахани и всеобщаго избіенія начальныхъ людей, мужественный архипастырь одинъ остался представителемъ порядка и правды въ городѣ, затопленномъ кровью и преданномъ всякимъ неистовствамъ. Онъ получалъ Государевы указы, увѣщавшіе мятежниковъ покориться истинному Государю своему, и безстрашно читалъ ихъ въ церквахъ и на народныхъ сходкахъ. Мало того, онъ самъ являлся съ священниками своими въ казацкій кругъ и обличалъ злодѣевъ.

Обращаясь къ стрѣльцамъ-измѣнникамъ Астраханскаго гарнизона, онъ говорилъ имъ въ присутствіи казаковъ:

«Вамъ надлежитъ сихъ Донскихъ разбойниковъ перехватать, наложить на нихъ цѣпи и оковы, и если сіе сдѣлаете и обратитесь къ своей должности, то получите отъ Государя прощенье за преступленія ваши!»

— Кого намъ хватать? Мы всѣ разбойники! отвѣчали ему стрѣльцы, а казаки проникались къ нему ненавистью и поминутно грозили раскатомъ. Наконецъ они рѣшились погубить его. 11-го мая они потребовали его въ свой кругъ. Уже многіе изъ дворянъ митрополичьяго дома и приближенныхъ ему священниковъ были казнены, и митрополитъ понялъ, что часъ его насталъ. Онъ велѣлъ звонить во всѣ колокола и, облачившись въ архіерейскія одежды, окруженный священниками, отправился на кругъ. Главнымъ атаманомъ въ Астрахани, по уходѣ Стеньки Разина подъ Симбирскъ, оставался свирѣпый Васька Усъ.

Въ отвѣтъ на его грубые вопросы, митрополитъ сталъ уговаривать казаковъ оставить злодѣйства и просить прощенье у Царя. Разъяренные казаки бросились на него и хотѣли срывать съ нею архіерейскія одежды. Тогда святитель самъ приказалъ священникамъ разоблачить себя и остался въ одномъ черномъ подрясникѣ, который онъ носилъ прямо на тѣлѣ.

Злодѣи повлекли владыку на Зеленый Дворъ и стали тамъ пытать его огнемъ, поджаривая ему на горячихъ угольяхъ спину и животъ. Но Іосифъ только громко молился, ничего не отвѣчая мучителямъ. Обожженнаго, почернѣвшаго, покрытаго кровавыми ранами, мятежники потащили на соборную колокольню и сбросиля внизъ съ раската. Святитель-мученикъ упалъ передъ дверями колокольни, къ ногамъ Васьки Уса. Съ суевѣрнымъ ужасомъ въ угрюмомъ молчаніи смотрѣли на совершенное ими злодѣйство, сами глубоко пораженные имъ, изверги... Они уже не дерзали отогнать отъ трепетавшаго еще тѣла праведника священниковъ, съ воплями прибѣжавшихъ къ нему изъ собора. Священники отнесли тѣло Іосифа въ соборъ, облачили въ свя-

тительскія одежды, положили въ гробъ, который онъ самъ заранѣе приготовилъ себѣ, и на другой день похоронили его въ той самой церкви, на мѣстѣ которой митрополитъ Сампсонъ выстроилъ потомъ свой чудный соборъ.

Немудрено, что въ памяти народной этотъ патріотъ-митрополитъ, этотъ святитель-герой считается святымъ мученикомъ, и надъ гробомъ его до сихъ поръ постоянно служатся панихиды притекающими сюда богомольцами.

Въ верхнемъ соборѣ также стоитъ его гробница и сохраняется какъ святыня его окровавленная мученическая одежда.

Сторожъ ввелъ насъ въ этотъ верхній храмъ черезъ старинную огромную желѣзную дверь, покрытую очень искусными рельефными фигурами двуглавыхъ орловъ, травъ и цвѣтовъ. Внутри соборъ такъ же величественъ, какъ и снаружи. Какая-то особенная приподнятость вверхъ и особенное обиліе свѣта. Высота его чувствуется уже при самомъ взглядѣ на колоссальный восьмиярусный иконостасъ, подобныхъ которому мало найдешь среди древнихъ соборовъ Россіи. Онъ занимаетъ всю ширину и почти всю высоту этого высочайшаго храма. Художественно вырѣзанныя золоченыя колонки затѣйливой рѣзьбы отдѣляютъ другъ отъ друга иконы всѣхъ восьми ярусовъ, замѣняя собою рамы. Всѣ иконы писаны по старинному на золотомъ фонѣ и золотыми же чертами, оригинально оттѣняющими обычную раскраску священныхъ фигуръ. По рисунку, по колориту онѣ дышутъ до-Никоновскою стариною, хотя и писаны при Петрѣ. Только огромныя иконы нижняго ряда въ массивныхъ разсолоченныхъ серебряныхъ окладахъ. Высокія и широкія царскія врата—даръ мѣстныхъ богачей Сапожниковыхъ,—стоившія 135.000 р., изъ чистаго серебра. Престолъ тоже обложенъ кругомъ вмѣсто парчевой одежды серебряными досками, въ которыхъ болѣе 3-хъ пудовъ вѣса. Алтарь и богатѣйшая разница полны драгоцѣнной утвари, Евангелій, архіерейскихъ митръ, панагій, одеждъ, среди которыхъ много историческихъ реликвій своего рода, между прочимъ и мученическая одежда митрополита Іосифа, обожжен-

ная и залитая его кровью. Сокровищамъ этой ризницы цѣны нѣтъ. Одно только Евангеліе съ доскою изъ чистаго золота, около пуда вѣсомъ, усыпанное алмазами, яхонтами и изумрудами, стоитъ 120.000 рублей. Одна архіерейская митра оцѣнивается въ 150.000 рублей, другая въ 50.000 рублей. Алтарь съ пола до свода разрисованъ небольшими картинами стариннаго наивнаго рисунка, изображающими, словно иллюстрированная Библія, всѣ событія Ветхаго и Новаго завѣта. Четыре громадные пилона по серединѣ собора поддерживаютъ на большой высотѣ основанье главнаго купола. Они раздѣланы подъ сѣрый мраморъ, какъ и стѣны собора; внизу эти массивные столбы обставлены со всѣхъ 4-хъ сторонъ высокими, сверху закругленными иконами новѣйшей живописи, которыя издали кажутся ихъ оригинальными пьедесталами.

Въ соборѣ до сихъ поръ уцѣлѣло сѣдалище митрополита, устроенное такъ же, какъ и царское, подъ рѣзнымъ кувукліемъ, изъ золоченыхъ колонокъ...

Изъ собора насъ повели черезъ площадь въ бывшій Троицкій монастырь, который годами гораздо старше Успенскаго собора. Снаружи онъ напоминаетъ Чудовъ монастырь московскаго кремля, но внутри уже почти все передѣлано заново. Екатерина обратила этотъ монастырь, какъ и многіе другіе, въ приходскую церковь; тогда же въ ней было устроили нѣчто въ родѣ высшаго училища.

Путешественникъ Екатерининскихъ временъ Самуилъ Георгъ Гмелинъ, «докторъ врачебной науки», какъ онъ величаетъ себя въ своемъ извѣстномъ «Путешествіи по Россіи», передаетъ такія свѣдѣнія объ этомъ учебномъ заведеніи:

«Сей монастырь послѣ помянутой перемѣны служитъ поводомъ сдѣлать публичную школу, при заведеніи которой господинъ губернаторъ Бекетовъ единственно то имѣлъ намѣреніе, чтобы самымъ дѣломъ доказать свою ревность и любовь къ отечеству. По усерднымъ представленіямъ сего господина губер-

натора должно бы было изъ сего учрежденія быть такой семинаріи, гдѣ бъ всѣ тѣ молодые люди, кои охоту и желаніе оказали, *а особливо Астраханскихъ горнизонныхъ солдатъ дѣти* Европейскимъ и азіатскимъ языкамъ, географическимъ, историческимъ и математическимъ наукамъ обучаться могли, и гдѣ бъ точное надзираніе имѣть надлежало, кои изъ учениковъ подали о себѣ надежду, что они со временемъ въ состояніи отправлять пристойныя имъ званія, и потому точно опредѣлять къ коимъ они себя одинъ передъ другимъ способными оказали. Сіе представленіе Его Превосходительства отъ высшихъ мѣстъ не могло быть не опробовано. Въ самомъ дѣлѣ *набрано было великое множество учащихся* и дѣйствительно оное снабдено всякими учителями».

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, что́ сталось впослѣдствіи съ этимъ интереснымъ заведеніемъ, гдѣ дѣти русскихъ гарнизонныхъ солдатъ еще за сто лѣтъ до насъ изучали «философическія науки» и восточные языки.

Тутъ же около бывшаго Троицкаго монастыря и еще одинъ уцѣлѣвшій памятникъ древней исторіи Астрахани—Никольскія ворота въ Кремлевской стѣнѣ. Маленькая церковь надъ нею была построена очень скоро послѣ взятія Астрахани Царемъ Иваномъ Грознымъ, поэтому она старше даже Троицкаго монастыря.

Но, конечно, она уже не разъ была съ тѣхъ поръ передѣлана внутри и только сохранила свой внѣшній видъ кремлевской башни да нѣсколько старинныхъ иконъ.

Сквозь соборныя, или Пречистенскія ворота выѣзжаешь изъ кремля въ бывшій Бѣлый городъ по такъ называемой Большой, или Московской улицѣ, на которой сосредоточены всѣ лучшіе дома и магазины Астрахани. На площади, пересѣкающей эту улицу, мы посѣтили еще одинъ древній храмъ Рождества Богородицы, чуть-ли не изъ числа первыхъ церквей, построенныхъ послѣ занятія русскими Астрахани. Церковь эта двухъ-ярусная

какъ и Успенскій соборъ, но, повидимому, значительно старше его по архитектурному стилю. Множество древнихъ иконъ, ее наполняющихъ, заслуживаютъ вниманія любителей старинной иконописи. Все это громадные черные лики, производящіе странное впечатлѣніе своими дѣтски-наивными и дѣтски неумѣлыми чертами; Иванъ Креститель съ крыльями, загадочныя апокалипсическія фигуры, способныя скорѣе смутить воображеніе молящагося, чѣмъ умилить его душу,—и вездѣ, конечно, массивные серебряные оклады большой цѣны.

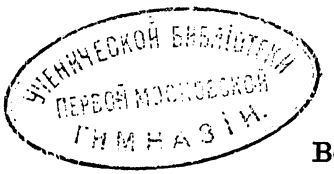
Наши старовѣры Рогожскаго или Преображенскаго кладбищъ дорого бы, я думаю, дали за такое рѣдкое собраніе несомнѣнно древне-русскихъ иконъ.,.

Иконостасъ въ 5-ть ярусовъ и тоже съ рѣзными золочеными колонками, какъ Успенскій соборъ. Тутъ же гробницы какихъ-то грузинскихъ царевичей, будто бы строителей храма, какъ объяснилъ намъ церковный сторожъ. Но онъ не зналъ ихъ именъ, а мы не могли разобрать ихъ на полустертыхъ надписяхъ...

Мы закончили осмотръ города прогулкою по довольно тѣнистому и длинному Александровскому бульвару. Съ своими хорошенькими павильонами и фонтанами онъ придаетъ городу много оживленія и свѣжести. Посрединѣ бульвара стоитъ бронзовый памятникъ Александру 2-му, «Царю Освободителю», именемъ котораго и названъ бульваръ. Высокая фигура покойнаго Государя поставлена просто и величественно, и задумчиво-доброе выраженіе его лица передано очень удачно. Горностаевая порфира спадаетъ съ его царственныхъ плечъ и свѣшивается изящными складками съ пьедестала памятника...

Стиль памятника близко напоминаетъ манеру Микѣшина и его Екатерину Вторую передъ Александринскимъ театромъ Петербурга. Но я не знаю, навѣрное, кто авторъ этого Астраханскаго монумента. Меня уже не въ первый разъ поразило непостижимое для меня обстоятельство, отчего это города нашихъ далекихъ окраинъ, наименѣе русскіе изъ всей Россіи, наименѣе заинтересованные крѣпостнымъ вопросомъ,—Ростовы, Одессы,

Астрахани, почтили торжественными монументами память Царя-Освободителя гораздо раньше и искреннѣе, чѣмъ это сдѣлали самые русскіе и самые коренные изъ русскихъ городовъ?



V.

Волжскій народъ.

Сквозь сладкій сонъ въ покойной помѣстительной каютѣ всю ночь слышишь неистовые порывы бури, которая бьется своими злыми крыльями въ нашъ бѣгущій пароходъ, словно хочетъ силой остановить его или опрокинуть въ пучину Волги; даже легонько покачиваетъ, какъ на морѣ въ мертвую зыбь. Толчки машины, упрямо одолѣвающей бурю и безустанно ворочающей свои тяжелые поршни въ глубокомъ нутрѣ парохода, отдаются даже здѣсь въ каютѣ, сквозь мягкіе матрацы кроватей. Въ сосѣдней каютѣ маленькія дѣтишки жалобно вскрикиваютъ каждый разъ, какъ раздается жалобный вопль пароходной трубы, подающей знаки встрѣчнымъ пароходамъ среди черной тьмы ночи. Это ѣдутъ вмѣстѣ съ нами двѣ молоденькія, хорошенькія маменьки, сами чуть не дѣти и обѣ уже съ дѣтьми. Онѣ отправляются однѣ-одинешеньки изъ Баку въ Петербургъ.

Утромъ, еще не пивши кофе, мы вышли съ женой на верхнюю террасу двухъэтажной рубки. Вѣтеръ не унялся и срывалъ насъ внизъ, такъ что пришлось держаться за перила.

Впереди и кругомъ—бурая, бѣшено несущаяся намъ навстрѣчу пустыня Волги. Ширь страшная, даже и послѣ моря. Волга скатывается здѣсь въ Каспій однимъ широкимъ, могучимъ столбомъ, безъ изгибовъ и развѣтвленій. Буро-лиловыя волны ея не плещутъ высоко, какъ морскія волны, а стремительно гонятся вѣтромъ противъ бѣгущаго на всѣхъ парахъ парохода, мелькая въ глазахъ, такъ что не успѣваешь уловить ихъ. Бѣлыя змѣи пѣны распалзываются затѣйливыми узорами по этому сизому фону, и

безчисленные мелкіе барашки кудрявятся на всей этой неоглядной скатерти несущихся водъ, точно настоящія бѣлыя стада...

Судовъ не видно ни одного. Воскресный ли день или буря остановила ихъ, только всѣ они теперь на берегу или у берега. Только одно дерзкое суденышко треплется вдали своимъ оборваннымъ парусомъ, поминутно словно клюя носомъ, спотыкаясь и ковыляя на волнахъ. Оно, очевидно, хочетъ обмануть и рѣку, и вѣтеръ, пробираясь какъ-то наискось съ лѣваго берега къ правому, на пятиглавую церковь большаго села.

На правомъ берегу—высокомъ и обрывистомъ—все села. Лѣвый берегъ—это ярко-зеленые, болотистые и лѣсистые острова, да желтыя отмели, на которыхъ никакого жилья. За этими островами и песчаными косами, тянущимися на нѣсколько верстъ въ глубину, течетъ Ахтуба, самый важный рукавъ Волги, почти такой же полноводный, какъ она сама, отдѣляющаяся отъ главнаго русла еще выше Царицына и самостоятельно впадающая въ Каспійское море немного ниже Краснаго Яра. Такимъ образомъ коренной лѣвый берегъ Волги, на которомъ возможно постоянное жительство человѣка,—начинается, собственно говоря, только за Ахтубой, внѣ предѣловъ весенняго разлива водъ. На правомъ нагорномъ берегу, котораго обрывы поднимаются сажень на семь или десять надъ рѣкой, то и дѣло видны селенья. Все это хорошіе, тесомъ крытые дома, большіе храмы, похожіе на городскіе соборы; сейчасъ сказывается зажиточность, постоянный доходный промыселъ прибрежнаго населенія. Но ужь живописности и уютности въ этихъ селахъ никакой. Они торчатъ на своихъ голыхъ глиняныхъ обрывахъ безъ малѣйшаго деревца, безъ садовъ и рощъ, такія же голыя, такія же пыльно сѣрыя, какъ эта глина... Прозаичность житейскихъ вкусовъ русскаго крестьянина выражается здѣсь во всей полнотѣ. Тутъ все для промысла и ничего для украшенія жизни. Рыбныя ватаги тоже часты и тоже всѣ съ праваго берега. То и дѣло сѣрѣютъ вдали низенькіе бревенчатые ледники съ множествомъ дверей въ которыхъ сохраняется рыба.

Енотаевскъ мы проѣхали ночью, а теперь проѣзжаемъ мимо печальной памяти Вотлянки, Пришибинской и другихъ станицъ Астраханскаго казачества. Земли праваго берега главнымъ образомъ принадлежатъ астраханскимъ казакамъ, этимъ рыболовамъ по призванью. Но песчано-глинистая почва праваго берега значительно хуже по плодородію сочныхъ земель лѣваго, принадлежащихъ бо́льшею частью юртовскимъ и кундровскимъ Татарамъ, за которыми дальше въ глубину материка тянутся уже кочевья киргизовъ Букѣевской орды, точно такъ, какъ за казацкими землями праваго берега вплоть до самой границы Донскаго войска идутъ юрты калмыковъ.

Мы, стало быть, и здѣсь еще не выдрались настоящимъ образомъ изъ азіатчины, изъ монгольства: оно продолжаетъ охватывать насъ со всѣхъ сторонъ. Особенно если вспомнить, что и само теперешнее Астраханское казачье войско составлено было въ первый разъ императрицею Анной Ивановной изъ мѣстныхъ калмыковъ, принявшихъ крещеніе. Только при Александрѣ Благословенномъ къ этимъ «православнымъ» калмыкамъ былъ присоединенъ подлинный православный народъ,—тѣ Волжскіе казаки, которые не захотѣли въ 1777 году переселиться на Кавказъ, да городовыя команды приволжскихъ низовыхъ крѣпостей: Енотаевска, Чернаго и Краснаго Яра. Оттого-то до сихъ поръ «калмыцкіе базары», «калмыцкіе хурулы» перемѣшиваются на правомъ берегу Волги, особенно ближе къ Астрахани, съ казачьими станицами; оттого же и въ типѣ всѣхъ вообще нашихъ казаковъ, не только астраханскихъ, но и уральскихъ, и оренбургскихъ и донскихъ—замѣтно еще такъ много монгольства и Азіи, естественнаго наслѣдія тѣхъ вѣковѣчныхъ степныхъ сосѣдей ихъ, которые всегда незамѣтно мѣшались съ ними и бытомъ и кровью.

Астраханское казачество живетъ привольно. Зѐмли у него хотя не важнаго качества, но просторныя, что̀ для степняка особенно цѣнно. Ихъ всего около 25.000 душъ обоего пола, а земли немного меньше 700.000 десятинъ, такъ что на мужскую душу

приходится около 56 десят., а одной удобной около 30 десятинъ. Это даетъ имъ возможность очень выгодно заниматься скотоводствомъ и коневодствомъ вездѣ, гдѣ любимое ихъ рыболовство для нихъ не такъ удобно. По статистическимъ даннымъ на каждый казачій дворъ приходится кругомъ по 5 головъ крупнаго рогатаго скота, по 6 головъ мелкаго и по 2 лошади, что̀, вѣроятно, рѣдко встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Но все-таки главный промыселъ казаковъ — рыболовство. Оно больше всего сосредоточено между Астраханью и Енотаевскомъ, въ этомъ основномъ гнѣздѣ и калмычества и казачества. Тамъ же и бо̀льшая часть казацкихъ земель.

Послѣ завтрака я спустился на палубу къ носу парохода, гдѣ одиноко сидѣлъ матросикъ съ длиннымъ шестомъ.

— Что, развѣ мелко здѣсь, мѣрять приходится? спросилъ я его.

— Нѣтъ, теперь еще не мѣримъ. Пароходъ всего три съ половиной фута сидитъ, а вода еще жирна, не совсѣмъ слила; мѣряемъ въ межень; тогда нельзя безъ этого, какъ разъ наткнешься.

— Ты откуда будешь?

— А мы тутъ всѣ почитай съ одного мѣста.—Тамбовскіе, и лоцманы, и матросы.

— Лоцманъ-то у васъ не одинъ?

— Какъ же можно одинъ? Старшій лоцманъ всю ночь работаетъ, а младшій—днемъ. У насъ вѣдь разомъ трое штурвальныхъ нужно: за два колеса двигаемъ, не за одно.

— Лоцману небось больше всѣхъ достается?

— А какже-жъ? Лоцманъ весь фарватеръ на память долженъ знать, за все и отвѣчаетъ. Командиру при немъ дѣловъ немного. Опять же у него помощникъ. Командиръ съ 12 часовъ ночи до 4 утра, помощникъ въ остальное время.

— Жители-то какіе живутъ по берегу? спросилъ я.

— Казаки больше астраханскіе; они хлѣбомъ ма̀ло занимаются, не то что у насъ въ Тамбовѣ; больше скотиной да рыбой; лошади тоже есть... Сѣна жъ у нихъ не въ проѣдъ! Степи...

— А калмыковъ тутъ нѣтъ?

— Есть и калмыки, зря тоже живутъ: рядомъ съ казаками, смотришь, и ихъ жилье. Ужъ и народецъ! Какъ издохнетъ у казака овца тамъ, курица или скотина какая, сейчасъ это къ калмыкамъ отволокетъ, калмыкамъ продастъ. Калмыкъ тотъ окромя падали никакой убоины не станетъ ѣсть; а падаль жретъ: «что Богъ убилъ, то, говоритъ, и можно человѣку ѣсть», а самъ ни за что тебѣ даже пѣтуха не зарѣжетъ... избави Богъ!.. Это—по его—грѣхъ. А вотъ кобылятину лопать да дохлятину—это ему законъ... искренно расхохотался матросъ.

«А вѣдь тоже у него какъ у людей, продолжалъ онъ мнѣ разсказывать, послѣ нѣкотораго молчанія, молельни тоже позаведены; все равно, какъ бы наша церковь сказать, а по ихнему хурулъ прозывается. Соберутся это косоглазые, въ дудки, въ сопѣлки гудятъ, въ барабаны бьютъ, не хуже у насъ, въ Тамбовѣ, въ балаганахъ на масляницу; это они богу своему молятся... Иконы у нихъ тоже поразвѣшаны, только безобразныя, смотрѣть скверно: чортъ не чортъ, и паукъ не паукъ, а лапы тоже, какъ у паука, во всѣ стороны. Я эти всѣ причиндалы ихъ видѣлъ, какъ управляющаго мы своего съ губернаторомъ новымъ въ калмыцкій базаръ возили. Дѣвокъ это всѣхъ ихнихъ, калмыцкихъ, посогнали пѣть, плясать по ихнему заставили, ну и попамъ ихнимъ тоже приказано было обѣдню калмыцкую отслужить, какъ у нихъ заведено. Все я тамъ у нихъ разсмотрѣлъ, только хорошаго ничего не видалъ... Скверность одна!.. Есть изъ нихъ, которые и въ нашу вѣру преклонились; какіе богатенькіе, — тѣ больше норовятъ... Народъ вѣдь и у нихъ тоже заживный попадается. Верблюда много держатъ, лошадей, скота всякаго. Всѣмъ занимаются, что́ и прочіе народы...

А то хохлы еще тутъ живутъ. Тоже надѣлы имъ земельные понарѣзаны, какъ по закону слѣдуетъ, въ достаткѣ тоже живутъ, не бѣдно. Прежде бичевой барки, бывало, таскали по берегу, бурлаки были, не мало тоже мучился народъ; а теперь ужъ сколько лѣтъ ничего этого не стало. Все пароходъ потянулъ. Потому дешево. Семь копѣекъ съ пуда отъ Астрахани до

Нижняго. Какъ тутъ не везти? На что ужъ нашъ пароходъ почтовый, и тотъ 18 к. беретъ; а домчитъ живо, и не увидишь какъ. Другіе того меньше берутъ, 12, 10 к.

— На веслахъ развѣ вверхъ не ходятъ?—спросилъ я.

— На веслахъ какже-жъ можно?—снисходительно усмѣхнулся матросъ. — Въ этакую гору куда-жъ противъ волны лѣзть? Въ два часа изъ силъ выбьешься, все равно назадъ повернетъ. А рѣка сама пять верстъ въ часъ уходитъ, такъ это другая статья! Только знай отъ мелей шестомъ отталкивайся, а то, сама тебя какъ на салазкахъ съ горы скатитъ, въ какой хочешь баржѣ...

Мы начинаемъ наконецъ нагонять одинъ за однимъ буксирные пароходы, которые тащутъ вверхъ каждый по двѣ, по три нагруженныхъ баржи. Веревочныя подушки висятъ на всѣхъ ихъ бортахъ, чтобы не стукались они другъ о друга. Съ трудомъ борются они противъ вѣтра и волнъ, дружно бьющихъ имъ на встрѣчу, и колеса ихъ работаютъ какъ-то неровно и нерѣшительно, будто уставшія руки...

Начинаютъ встрѣчаться понемногу и неуклюжія «бѣляны», сплавляемыя внизъ къ Астрахани изъ верхнихъ притоковъ Волги, богатыхъ дешевымъ и вмѣстѣ прекраснымъ лѣсомъ. «Бѣляна»— прехарактерная штука, чисто волжская. Въ ней есть какая-то своеобразная красота, которая заставляла меня во все время моей поѣздки по Волгѣ съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ всматриваться въ каждую проплывающую мимо бѣляну.

Издали смотрѣть — это настоящій ковчегъ Ноевъ: на совершенно плоской, громадной баркѣ, которую можно назвать скорѣе плотомъ,—до того низки ея боковыя стѣнки,—воздвигнутъ цѣлый громоздкій корабль, вышиной не менѣе двухъ, трехъ саженъ, какъ слѣдуетъ въ обычной формѣ корабля, съ кормою и носомъ, но только корабль этотъ сложенъ просто-на-просто изъ искусно положенныхъ другъ на друга сосновыхъ бревенъ, или досокъ, ничѣмъ въ сущности не связанныхъ, кромѣ хитро-

умной кладки. Въ громадномъ кузовѣ этого корабля, снизу, вы можете видѣть три или двѣ круглыя двери, которыхъ сквозныя дыры чернѣютъ на свѣтломъ фонѣ свѣжаго лѣса, словно устья какихъ-нибудь темныхъ пещеръ. Эти сводистые проходы, прочные какъ настоящая постройка, нарочно оставляются снизу для того, чтобы лѣтній воздухъ продувалъ сырой лѣсъ и чтобы гребцамъ можно было свободно переходить когда нужно съ одного борта баржи на другой. Нельзя достаточно налюбоваться на эту оригинальную постройку, словно разлиневанную геометрически правильными слоями или мастерски сплетенную изъ ровныхъ деревянныхъ брусьевъ. На бѣлянѣ нѣтъ ни мачты, ни паруса, ни дымовой трубы. Только наверху этихъ досчатыхъ или бревенчатыхъ ярусовъ, будто капитанская рубка на палубѣ настоящаго корабля,—торчитъ воротъ, да двѣ-три тесовыхъ караулочки для рабочихъ на случай дождя. На носу бѣляны, не сзади, какъ у другихъ судовъ, а впереди, привязано огромное рулевое бревно, которымъ направляется тяжкій и неповоротливый ходъ бѣляны. Гонится она исключительно однимъ теченьемъ рѣки, такъ какъ бѣляны спускаются только сверху внизъ, изъ лѣсныхъ дебрей Камы и Ветлуги, гдѣ ихъ обыкновенно и строютъ. Должно быть, этотъ своеобразный и удивительно красивый и вмѣстѣ удобный способъ укладки лѣсныхъ матеріаловъ выработался среди ветлужскихъ лѣсниковъ еще въ старые вѣка. Бѣляны въ этихъ лѣсахъ строютъ обыкновенно зимой, когда нѣтъ другихъ работъ. Выстроютъ сначала дно, то-есть нижнюю плоскую баржу, потомъ съ обычнымъ своимъ мастерствомъ нагрузятъ ее бревнами, досками, тесомъ, дранью, чѣмъ вообще нужно,—и поджидаютъ себѣ не спѣша весенней воды. По половодью спускаютъ ихъ внизъ и продаютъ въ низовыхъ городахъ не только лѣсъ, но и самое бѣляну.

Когда бѣляна не слушается руля, заводятъ на лодкѣ, и опять-таки спереди, особые якоря и направляютъ ее куда слѣдуетъ уже якорями; кромѣ того, чтобы нѣсколько сдержать порывистый ходъ бѣляны въ вѣтеръ или волну, сзади кормы ея спускается

на канатѣ въ воду особая «волокуша»—тяжелая чугунная гиря въ нѣсколько десятковъ пудовъ, которая тащится по дну рѣки и такимъ образомъ тормозитъ слишкомъ быстрое движеніе бѣляны. Но несмотря на всѣ эти предосторожности, бѣляны то и дѣло наноситъ на мели и на береговыя косы, особенно въ сильный вѣтеръ и при крутыхъ колѣнахъ рѣки. Вообще возни съ ними не оберешься. Въ свѣжій вѣтеръ онѣ должны смирнехонько стоять на якоряхъ, пока стихнетъ погода, иначе ихъ унесетъ Богъ знаетъ куда. По ночамъ онѣ тоже должны непремѣнно останавливаться на ночлегъ. Оттого-то бѣляны доходятъ съ верховыхъ рѣкъ до Астрахани, хотя и по теченію, не раньше какъ въ мѣсяцъ. Можно сказать, бѣляна ползетъ, а не плыветъ по рѣкѣ. Матросъ меня увѣрялъ, будто на большой бѣлянѣ необходимо имѣть по крайней мѣрѣ человѣкъ сто рабочихъ.

«Потому дѣловъ съ нею дюже много, объяснялъ тамбовецъ, махинища тяжелая, товару на ней нагружено, гляньте-ка, страсть какая! упрется носомъ въ песокъ или камень,—какъ ты ее сдвинешь?»

Дѣйствительно, знающіе люди передавали мнѣ, что на бѣляну очень нерѣдко грузятъ лѣсу милліонъ и даже полтора милліона пудовъ. Съ такимъ грузомъ и вправду нелегко повернуться, тѣмъ болѣе, что широкій и высокій корпусъ ея лѣсныхъ ярусовъ придаетъ бѣлянѣ большую парусность.

У Никольской станицы Волга дѣлаетъ замѣтный поворотъ. Къ Никольской пристаютъ всѣ пароходы. Мы съ женою вышли здѣсь первый разъ на берегъ и сразу попали въ толпу казаковъ и казачекъ, совавшихъ намъ наперерывъ другъ передъ другомъ коробки съ свѣжею икрою и разную рыбу. Всѣ наши пассажиры,—и, конечно, мы въ томъ числѣ, понакупили себѣ очень обильный запасъ только что выпущенной, почти еще сладкой, икры, которую мы истребляли потомъ за своими завтраками безъ всякаго милосердія и съ дѣтскимъ аппетитомъ. Рѣдко, впрочемъ, и попадается случай отвѣдать такой неподдѣльно свѣжей икры,

такъ сказать, на мѣстѣ ея происхожденія, да къ тому же не по 2 и по 3 рубля за фунтъ, какъ мы платимъ за нее въ Москвѣ и Петербургѣ, а всего только по 70 коп.—Туземцы же, навѣрное, покупаютъ здѣсь эту самую икру копѣекъ по 40 или 50 за фунтъ.

Пристани стали теперь быстро чередоваться одна за другою. Послѣ Никольской станицы Черный Яръ,—уныло-пустынный городокъ на крутомъ голомъ обрывѣ,—когда-то сторожевой острожекъ древнерусской порубежной черты, одна изъ первыхъ военныхъ стоянокъ нашихъ на низовьяхъ великой рѣки, водворявшихъ съ такими усиліями русскую государственную власть среди грабительскихъ калмыцкихъ и ногайскихъ ордъ Волжскаго побережья. Теперь тутъ уѣздный центръ и довольно значительныя скотныя и рыбныя ярмарки.

Владиміровка хотя и слобода, а смотритъ гораздо больше городомъ, чѣмъ этотъ жалкій Черный Яръ. Только она уже не на кручахъ праваго берега, а на луговой низинѣ лѣваго. Собственно говоря, сама Владиміровка стоитъ нѣсколько дальше на Ахтубѣ, а не на Волгѣ; къ Волгѣ же присосѣживается только своего рода пригородъ ея, «Соляная пристань», но ее безразлично называютъ теперь Владиміровкою. Двѣ хорошія церкви, превосходно выстроенные крестьянскіе дома, иные даже въ два этажа,—на всемъ слѣды благосостоянія и крупнаго заработка. Всѣ пароходныя общества имѣютъ здѣсь свои конторы и пристани, и даже набережная этого мужичьяго села на большомъ протяженіи вымощена камнемъ. Очень обширная мельница перемалываетъ на берегу соль и нагружаетъ ее прямо на баржи и пароходы. Соль собственно и есть спеціальный товаръ Владиміровки и главный источникъ ея обогащенія. Отсюда идетъ желѣзная дорога въ Баскунчакъ, къ извѣстному соленому озеру у горы Богдо. Владиміровка не больше какъ торговая пристань Баскунчакскаго озера.

Нашъ пароходъ принялъ во Владиміровкѣ довольно много товаровъ, поэтому и постоялъ здѣсь довольно долго.

Впрочемъ, намъ не скучно: общество самое разнородное и оживленное. Нашъ первый классъ—роскошь что такое: изящная столовая въ 2 свѣта, вся выклеенная панелями дорогого дерева, гостиная съ бархатною мебелью, бронзой, зеркалами, коврами; къ вашимъ услугамъ и пьянино, и библіотека, и письменные столы со всѣми принадлежностями, и разныя игры... Буфетъ прекрасный, — живыя стерляди, прекрасная осетрина, икра на рѣдкость, всякая провизія то и дѣло обновляется въ попутныхъ городахъ. Спаленки наши—тѣ же нумера хорошей гостинницы, обставленныя всѣмъ необходимымъ, только, конечно, потѣснѣе. А наверху, кругомъ этой двухъэтажной гостинницы, выстроенной среди палубы огромнаго парохода,—террасы и галлереи для прогулокъ, великолѣпный видъ на Волгу, на волжскіе берега, на пробѣгающіе мимо волжскіе пароходы.

Наблюдателю-художнику этюды психологическіе, этюды пейзажные—на каждомъ шагу.

Вотъ сидитъ передъ вами характерная группа настоящихъ волжскихъ фигуръ — сѣдоусые, большеглазые, грузные армяне съ крѣпкими носами, согнутыми какъ клювы хищныхъ птицъ, съ неподвижно-алчнымъ взглядомъ этихъ птицъ. Это все нефтяные и рыбные промышленники, хотя и одѣтые въ цивилизованныя жакетки и цилиндры, но насквозь пропитанные торгово-хищными инстинктами древняго Хозара, отъ котораго они унаслѣдовали свое ремесло. Они истребляютъ—съ аппетитомъ крупнаго звѣря — икру, стерлядей, апельсины, обильно поливая ихъ шампанскимъ, и съ еще большимъ аппетитомъ услаждаютъ другъ друга единственно отрадною, и, повидимому, единственно постижимою для нихъ бесѣдою — о пароходахъ, цѣнахъ нефти, тарифахъ, удачныхъ сдѣлкахъ; сотни тысячъ и милліоны рублей то и дѣло звенятъ въ ихъ разговорѣ, они въ самомъ дѣлѣ ворочаютъ въ эту минуту въ своихъ карманахъ кучи золота. И ни на одномъ этомъ выразительномъ, звѣрски красивомъ лицѣ, исполненномъ хищнической смѣлости и хищническнй смѣтки,—не прочтете слѣда какой-нибудь иной думы, иного ощущенія, кромѣ ожесто-

ченной жажды наживы, проникающей всякую складку ихъ лица, и горящіе жаднымъ огнемъ черные глаза, и мясистыя чувственныя губы, и крючковатые носы, неподатливые какъ желѣзная долбня.

Все-таки, пожалуй, отрадно, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ вмѣсто какого-нибудь Стеньки Разина или Ѳедьки Шелудяка на Волгѣ упражняютъ свою хищническую удаль такіе сравнительно мирные и безопасные хищники...

Армяне, евреи—такъ же какъ обармянившіеся и объевреившіеся русскіе—далеко однако не составляютъ всей нашей компаніи.

Съ нами ѣдутъ и представительницы прекраснаго пола, не имѣющія рѣшительно ничего общаго съ хозарами и Стенькой Разинымъ.

Кромѣ двухъ миловидныхъ молоденькихъ маменекъ, о которыхъ я уже упоминалъ, въ столовой и гостиной нашихъ цѣлое дамское общество, и все больше, кажется, шведки и нѣмки. Одна шведка огромнаго роста и еще болѣе огромнаго аппетита, отправлявшаяся изъ Баку въ Гельсингфорсъ, бѣлокурая, какъ альбиноска, особенно забавляла меня. Она то и дѣло вздыхала о завтракахъ, закускахъ, чаяхъ и обѣдахъ, то и дѣло заказывала себѣ не въ счетъ абонемента всякаго рода порціи, чтобы наполнять чѣмъ-нибудь досадные часы ожиданія. Весело было смотрѣть, какъ эта полновѣсная и грузная барыня, просившаяся своей могучей фигурой прямо въ иллюстрацію Нибелунговъ или какихъ-нибудь Скандинавскихъ героическихъ сагъ, съ дѣтскою рѣзвостью и съ дѣтскимъ хохотомъ торопливо бѣжала вмѣстѣ съ обѣими молоденькими маменьками на каждую пристань, куда пароходъ притыкался хотя бы на пять минутъ, чтобы успѣть купить у толпящихся на берегу торговокъ какой-нибудь пшеничный папушникъ, пряникъ, коробку икры, ягодъ, чего-нибудь вообще, что можно пожевать на дорогѣ.

Любопытный и типичный человѣкъ попался мнѣ среди этой разношерстной публики,—старшій братъ того А., что ѣхалъ со

мною изъ Баку до Астрахани. Такой же самоучка и самородокъ, та же мужицкая рѣчь на *о*, со всякими «таперича» и «хоша»,— и, кажется, еще дѣльнѣе, умнѣе и рѣчистѣе, чѣмъ братъ. Началъ тоже съ нуля, а теперь—свой механическій заводъ для постройки судовъ, свои морскіе суда и пароходы, обширная торговля керосиномъ. Дѣла ихъ шли лучше, пока братъ не захотѣлъ отдѣлиться отъ него, при чемъ порядочно таки отъ этого пострадалъ. Одинъ взялъ дѣло въ Баку, другой въ Астрахани. Они первые стали возить нефть въ наливныхъ баржахъ и получили за это на Московской Всероссійской выставкѣ золотую медаль и золотой жетонъ. Со старшимъ А. не разъ совѣтовались по мѣстнымъ промышленнымъ и торговымъ дѣламъ очень высокопоставленные администраторы, и ему хорошо извѣстны иныя петербургскія сферы.

А. вообще не охотникъ до Петербурга и его канцелярій, и довольно остроумно подсмѣивается надъ непрактичностью нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему руководителей русской промышленной жизни. Интриги и личности при разрѣшеніи важныхъ торговыхъ вопросовъ, по его мнѣнію, часто губятъ у насъ дѣло.

А. сильно настаиваетъ на необходимости для Россіи особаго министерства торговли, съ денежнымъ бюджетомъ милліоновъ въ 50. Въ настоящее же время, по его мнѣнію, для Министерства Финансовъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности, при многочисленныхъ прямыхъ обязанностяхъ его, знакомиться хотя бѣгло со всѣми выступающими на очередь вопросами, со всѣми заявляемыми нуждами, проектами, просьбами въ области торговли. Поневолѣ приходится на все отвѣчать отказомъ.

— Возьмите, напримѣръ, былъ со мною случай лѣтъ десять тому назадъ или больше,—разсказывалъ мнѣ между прочимъ А.— Вздумалъ я построить на своемъ заводѣ въ Астрахани морскую шкуну. Обшивного желѣза достать у насъ нельзя. Чтобы въ Нижнемъ купить, нужно было ждать цѣлый годъ, а мнѣ къ спѣху. Хлопочу въ департаментѣ, чтобы разрѣшили мнѣ безпошлинно привезти желѣзо изъ-за границы,—не дозволяютъ; а какъ же я имъ

говорю, можно привозить изъ-за границы цѣлое судно, тамъ построенное, обшитое тѣмъ же желѣзомъ? То вотъ можно, выходитъ, а русскому строителю это же желѣзо привезти къ себѣ нельзя! Вотъ и подите съ ними, доказывайте имъ. Одинъ изъ ихнихъ умниковъ главныхъ мнѣ даже посовѣтовалъ шкуну въ Англіи заказать, да въ Каспійское море по Волгѣ и доставить, что такъ будто дешевле обойдется. Я говорю ему, а какъ же по рѣчкамъ, по каналамъ, — развѣ морское судно можетъ пройти? Оно и не войдетъ въ каналъ-то. Такъ онъ тогда только спохватился, что чушь сморозилъ. Вотъ еще за сахаръ выдумали акцизъ возвращать! Продалъ за границу, такъ получай себѣ съ казны по 2 руб. съ пуда. У мужика за подати корову послѣднюю сводятъ, а спекуляторъ какой-нибудь, что никогда и сахаромъ не занимался, накупитъ сахару на заводахъ, продастъ за границу и является себѣ въ казначейство: пожалуйте 200.000! Ну, а кто пшеницу за границу продастъ, тотъ почему же ничего не получаетъ?

Я спросилъ своего собесѣдника о нефтяныхъ дѣлахъ, о вліяніи на нихъ Ротшильда.

— Да, вотъ говоритъ все, что Ротшильды и Нобели вредъ намъ, русскимъ, приносятъ. А безъ нихъ однако наши русскіе капиталы лежали себѣ спокойно да полеживали. Коли казна 5 процентовъ на рубль платитъ безъ труда и безъ риска всякаго, кому охота придетъ работать, предпріятія затѣвать? Иностранецъ потому сюда капиталъ свой тащитъ, что у него онъ за 2, за 1, за $^1/_2$ процента помѣщается, а за очень крупные капиталы даже еще съ него за сохраненье требуютъ. У насъ, кромѣ того, мѣры выдумываютъ ни съ чѣмъ несообразныя, сами же мы и выдумываемъ. Не хуже вотъ на съѣздѣ нефтепромышленниковъ постановленіе сдѣлали, чтобы нефтяные заводы не имѣли собственныхъ средствъ перевозки, а разверстку чтобъ сдѣлать, кому сколько цистернъ желѣзная дорога доставляла. У кого цистерны были, такъ желѣзная дорога платила отъ себя по 260 рублей за цистерну, да помимо разъ 15 по 50 рублей они зарабатывали, опять 750 руб.; стало-быть, 1.010 рублей ежегодно выручали съ

цистерны; а она вся 1.800 рублей стоитъ. Ни рабочихъ имъ не нанимать, ни завода не устраивать, только денежки въ карманъ класть. Потомъ ужъ отмѣнили эту глупость, по моему таки предложенію; назначили по 72 рубля платы въ годъ за право держать на рельсахъ желѣзной дороги свой вагонъ-цистерну, и заводамъ держать тоже дозволили, какъ и другимъ...

А. разсказывалъ очень грустныя вещи о томъ вредѣ, который, по его словамъ, былъ нанесенъ здѣшнему скотоводству новыми законоположеніями о чумѣ рогатаго скота.

— Вчисту́ю народъ разорили! горячился онъ.—Больше тысячи штукъ скота порѣзали за зиму, одинъ Богъ знаетъ изъ-за чего! Народъ просто въ отчаяніе пришелъ. Пріѣзжаю я какъ-то въ село одно. Смотрю, яму огромную копаютъ, народу согнано страсть сколько... Это что такое? спрашиваю. А, это мужики отвѣчаютъ, скотъ нашъ будутъ сейчасъ рѣзать... Ветеринары, все больше нѣмцы, понасланы были, молодежь, ничего толкомъ не понимаютъ. Одна скотина больна, они все стадо рѣжутъ. Бѣда да и только! Недаромъ бунты черезъ нихъ по деревнямъ пошли. Спрашиваю мужиковъ, да почемъ же они знаютъ, какая скотина больна? Да, говорятъ, стекло подъ хвостъ втыкаютъ. Скотина, извѣстно, боится, не даетъ вставлять, взбѣгается по полю, ну, разумѣется, жаръ у ней внутри больше станетъ,—вотъ онъ ее сейчасъ и подъ ножъ! Больна, дескать! жаръ большой. А она совсѣмъ здоровая!—Да вы-бъ, говорю, ледку бы ей всунули, вотъ оно бы жару и не было. Смѣются мужики, мы, говорятъ, и то пробовали; даже больной клали, и той не узнавалъ... Эта, говоритъ, здорова, жару совсѣмъ нѣтъ. Лѣчить-то, значитъ, не умѣютъ, а больше рѣзать. Это на что-жъ похоже? Это и мясникъ зарѣзать съумѣетъ, безъ доктора. А имъ деньги казенныя платятъ за то, что скотину зря переводятъ. Стало быть коли и человѣкъ одинъ заболитъ, такъ всѣхъ рѣжь? Вѣдь это, батюшка мой, разбой называется, а не лѣченіе...

Разговорились мы, между прочимъ, и о прошломъ съ А.

— Мы, батюшка, народъ простой, рабочій, сами себя сдѣлали,

какъ умѣли, съ насъ не взыщите, на насъ пятака мѣднаго никто не потратилъ, съ самоувѣренною улыбкой говорилъ А. Мы вѣдь и Волгу, и Каспійское море не по книжкамъ изучали, а собственными боками. Съ мальства всѣ берега Каспійскіе обшарили, каждую бухточку, каждый островокъ въ лицо знаемъ. Отецъ рыбой занимался, и мы съ нимъ. Въ камышахъ зимою ночевали, на льдинахъ насъ уносило, къ туркменамъ попадались, — мало ли чего бывало! Всѣмъ нашимъ военнымъ экепедиціямъ въ Закаспійскій край мы помогали: и Маркозову и Скобелеву. Я вѣдь отлично знаю и Скобелева, и Черняева и всѣхъ, кто тамъ дѣйствовалъ. Здоровую только ошибку они сдѣлали: отрѣзали нашу границу по рѣчку Атрекъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ удобныхъ гаваней, а въ холодныя зимы на 21 дюймъ море замерзаетъ. Имъ бы непремѣнно нужно было до Черной рѣчки отхватить. Тамъ море никогда не замерзаетъ. Персамъ все равно, тѣ ничего-бъ не сказали. А въ случаѣ чего имъ можно было бы за это въ Муганской степи сколько нужно отрѣзать. 300 верстъ пароходомъ сдѣлать не трудно, зато ужъ безъ перегрузки и войска, и товары—прямо можно было бы тогда на желѣзную дорогу доставлять. Большая-бъ вышла разница!

Вѣра А. въ Скобелева, въ Николая Павловича, въ Петра Великаго, во всѣхъ героевъ русской народной фантазіи и во всѣ ходячіе анекдоты о нихъ, утѣшающіе народное самолюбіе,—самая наивная, не допускающая никакихъ сомнѣній и оговорокъ, и непоколебимая ничѣмъ; при своей огромной памяти и огромномъ природномъ умѣ, А. составилъ себѣ очень стойкое и полное, хотя и своеобразное представленіе объ историческихъ событіяхъ и политическихъ вопросахъ, интересныхъ для русскаго человѣка, не на основаніи книгъ, какъ большинство изъ насъ, а на основаніи своихъ личныхъ встрѣчъ и бесѣдъ съ разными людьми и собственныхъ своихъ впечатлѣній и выводовъ изъ совершившагося на его глазахъ.

VI.

Царицынскій плесъ.

Мы съ женою съ любопытствомъ обошли всѣ уголки громаднаго парохода, чтобы ознакомиться съ его чисто-американскимъ устройствомъ. Страна господствующей демократіи, разумѣется, не могла оставить безъ извѣстнаго комфорта и самую небогатую публику. По ея образцу, и на нашемъ пароходѣ, не говоря уже о второмъ классѣ, мало отличающемся по существеннымъ удобствамъ отъ перваго,— даже третій классъ устроенъ съ большою заботливостью и приличіемъ. У всякаго пассажира своя отдѣльная койка, спальни просторны и чисты, отлично защищены отъ непогодъ всякаго рода, особая кухня и буфетъ,—далеко не то, однимъ словомъ, что мы привыкли разумѣть подъ названіемъ 3-го класса на нашихъ морскихъ пароходахъ, гдѣ эта злополучная палубная публика терпитъ всевозможныя стѣсненія и неудобства и имѣетъ буквально только полъ, на которомъ въ правѣ протянуться среди скота, бочекъ, тюковъ и шагающихъ черезъ головы матросовъ. Здѣсь даже 4-й классъ, помѣщающійся на палубѣ, какъ въ прочихъ пароходахъ 3-й классъ, прикрытъ деревянными широкими навѣсами отъ дождя и солнца и вообще несравненно удобнѣе обычныхъ третьихъ классовъ.

Водилъ насъ по всѣмъ этимъ пароходнымъ закоулкамъ любезный помощникъ капитана Б., оказавшійся крымчакомъ, изъ Ѳеодосіи, нѣсколько знавшій меня еще во время моего директорства въ Крыму, и большой почитатель моихъ «Очерковъ Крыма». Морякъ, вездѣ бывалый, онъ разсказывалъ намъ любопытныя вещи о своихъ кругосвѣтныхъ странствованіяхъ и, между прочимъ, очень разутѣшилъ русскую душу нашего собесѣдника А., сообщивъ намъ оригинальный китайскій законъ, практикующійся въ Ханькоу, по которому европеецъ за убійство китайца платитъ всего 25 — 50 долларовъ пени, а за убійство европейца

китайцемъ сажаютъ на колъ не только самого убійцу, но и его жену и дѣтей, а въ иныхъ случаяхъ даже и сосѣдей!..

— Вотъ бы такой закончикъ у насъ на Кавказъ или въ Туркестанъ ввести... Поубавили бы азіаты свои разбои!—съ хохотомъ увѣрялъ А.

Весенній разливъ еще не совсѣмъ успѣлъ войти въ берега, и Волга несется внизъ еще очень широкою и эффектною скатертью. По случаю половодья не поставлены еще и баканы, и пока еще вездѣ удобный фарватеръ. Впрочемъ, помощникъ капитана передавалъ намъ, что вообще дѣло лоціи ведется на Волгѣ очень небрежно, точно такъ же, какъ и расчистка русла. Кое-гдѣ попадаются казенныя драги, но толку отъ нихъ мало, хотя деньги тратятся большія. Чтобъ устроить подходъ водою къ Саратову, затратили огромныя суммы, а все-таки пристань въ 3-хъ верстахъ отъ города. Впрочемъ, прежде она ушла отъ него даже на 12 верстъ, которыя приходилось къ тому же проѣзжать по пескамъ. Волжскіе пески и камни приносятъ огромные убытки пароходчикамъ. Одинъ только Зевеке въ прошломъ году погубилъ два свои парохода, посадивъ ихъ на камни.

Правый берегъ теперь ушелъ отъ насъ довольно далеко, загородившись низкими островами и густою уремой; лѣвый тоже весь въ лѣсистыхъ луговыхъ островахъ. Селъ уже не видно; только кое-гдѣ, при устьѣ какого-нибудь «волжка» (туземное названіе рукавовъ Волги), попадаются рыбацкія ватаги и «учуги», стоятъ около нихъ барки, валяются на берегу опрокинутыя пузомъ вверхъ неводныя лодки.

Птицъ тутъ совсѣмъ не видно, къ моему удивленію.

Въ устьѣ рѣки мы видѣли и цаплей, и бакановъ, и чаекъ, а тутъ однѣ только галки; да и тѣ боятся перелетать черезъ ширь рѣки, версты въ три, четыре; боятся высоко подняться надъ водою, такъ что чуть не задѣваютъ воды крыльями; нѣкоторые смѣльчаки, впрочемъ, пробуютъ погарцовать и повыше, въ воздушной безднѣ; но ихъ сейчасъ же относитъ вѣтромъ на-

задъ, какъ лодку сильнымъ теченіемъ. Вѣтеръ вѣтромъ, а мнѣ кажется еще, что въ такомъ длинномъ руслѣ, прорѣзающемъ на нѣсколько тысячъ верстъ толщи земли, долженъ постоянно тянуть сквознякъ своего рода, какъ въ какой-нибудь трубѣ. Быстрина рѣки, подгоняемая жестокимъ вѣтромъ, кажется еще вдвое больше отъ бѣга парохода. Встрѣчныя бѣляны всѣ постановились на якоря. Издали ярусы плотно сложеннаго на нихъ теса кажутся папушами листового табаку; такъ уменьшаетъ размѣры всѣхъ предметовъ эта могучая ширь Волги. Навстрѣчу намъ пробѣжалъ нефтяной пароходъ Нобеля, а вотъ пассажирскій— «Рюрикъ» промчался, словно бравый рысакъ на городскомъ гуляньи, промелькнулъ и исчезъ за поворотомъ берега. Около 8 часовъ вечера провалилъ мимо насъ, обмѣнявшись съ нашимъ хриплымъ рыканьемъ и помахавъ, по обычаю, бѣлымъ флагомъ громадный пловучій домъ «Пушкинъ»; такой же трехъэтажный, такой же длинный-предлинный, какъ и нашъ, онъ работалъ своими огромными колесами съ точностью и спокойствіемъ хорошей швейной машины и пронесся, не шелохнувшись ни однимъ суставомъ своимъ, до краевъ переполненный людьми, машинами и грузомъ.

А буксирныхъ пароходовъ мы нагоняемъ безъ счета. Всѣ тянутся вверхъ съ вязанками баржъ въ хвостѣ. Это истинные спасители человѣка отъ изнурительной и унизительной работы вьючнаго скота. Буксиры эти замѣнили собою несчастнаго бурлака, всю жизнь тянувшаго, бывало, по этимъ тысячеверстнымъ берегамъ свою каторжную лямку. Умное изобрѣтеніе техника сдѣлало то, чего не могли бы достигнуть самыя горячія проповѣди моралиста. Въ этомъ извѣстная нравственная сила цивилизаціи, науки; она волею-неволею освобождаетъ человѣка отъ рабскихъ обязанностей, даже безъ всякихъ возвышенныхъ цѣлей съ своей стороны, однимъ естественныхъ ходомъ своихъ открытій и изобрѣтеній...

Волга—это такая мощь, такой просторъ, такая самобытность... цѣлый особый міръ, имѣющій свои явленія, свои законы, свою поэзію. Поневолѣ этотъ особый міръ долженъ былъ воспитать и свою особую нравственность. Здѣсь само собою зарождается чувство раздолья, удали, беззавѣтной смѣлости, — инстинкты вольнаго орла, передъ которымъ вездѣ просторъ, вездѣ добыча. У него острые когти, крѣпкій клювъ, — стало быть, онъ тутъ хозяинъ надо всѣмъ, что не имѣетъ такого клюва и такихъ когтей, что не въ силахъ спастись отъ его хищнаго налета на болѣе быстрыхъ крыльяхъ, что тащится черепахой на канатѣ или на неуклюжихъ веслахъ впереди его легкой разбойничьей лодки. Никакихъ другихъ нравственныхъ побужденій, никакой жалости, никакого колебанія. Одна разыгравшаяся на свободѣ буйная силушка, та нерастраченная еще историческою жизнью сырая народная силушка, что, по чудному выраженію старинной русской пѣсни, «по жилушкамъ живчикомъ переливается,—грузно мнѣ отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени». Никого кругомъ нѣтъ, кромѣ дремучихъ лѣсовъ, безмолвно таящихъ свои суровыя тайны, кромѣ голыхъ неприступныхъ обрывовъ да глубокихъ омутовъ Волги, нѣмыхъ и темныхъ какъ могила. Кого бояться, кого стыдиться, у кого спрашивать позволенія въ этой текучей тысячеверстной пустынѣ? Моя тутъ воля, — и все тутъ мое! Я тутъ властенъ царить, какъ этотъ степной вѣтеръ, что̀ рветъ и треплетъ въ клочья облака по поднебесью, что съ молодецкимъ свистомъ хлещетъ своимъ бѣшенымъ бичемъ, будто лихой кочевникъ пустыни табунъ одичавшихъ лошадей, упрямыя волны рѣки... «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью, разыгралась непогодушка!» Эта старая пѣснь Волги сама поется здѣсь и этимъ вѣтромъ-бурею, и этими хлещущими и плещущими волнами, что̀ несутся стремглавъ, кружа мнѣ голову, навстрѣчу несущемуся на всѣхъ крыльяхъ пароходу. Поэзія «удàлаго добраго мо̀лодца», разбойничьи идеалы Стеньки Разина и Ваньки Каина рѣютъ въ этомъ суровомъ воздухѣ рѣчной пустыни... Вездѣ имъ тутъ по колѣно море, все имъ тутъ трынъ-трава! Чужая душа—

копѣйка, за то и своя не дороже! Разлетѣлся на свою добычу съ вольной выси поднебесной, не считая, не мѣряя, ударилъ желѣзнымъ клювомъ,—одолѣлъ—хорошо, мое счастье, а пропалъ—туда и дорога!

Когда ѣдешь долго по Волгѣ, изо дня въ день, не только дни, но и ночи, и видишь всю эту неизмѣримую массу водъ, несущихся изъ-за тысячъ верстъ, черезъ цѣлыя огромныя области, изъ невѣдомыхъ лѣсныхъ трущобъ Вологды, Костромы, Вятки, Перми, наливающихъ тамъ внизу цѣлое море; видишь эти безчисленные села и города, эти разноплеменные народы, къ ней прильнувшіе, ею живущіе, черпающіе въ ней свой смыслъ и силу; видишь эти нескончаемые караваны нагруженныхъ баржъ, бѣлянъ, барокъ, расшивъ, эти флотиліи пароходовъ, — понимаешь тогда всѣмъ существомъ своимъ, что Волга дѣйствительно должна была представляться наивному воображенію дикаря язычника, первобытнаго обитателя ея береговъ, какою-то живою всесильною богиней, требующею поклоненія и жертвъ. Она была въ его глазахъ *Волгой-матушкой* не въ видѣ только метафоры или ласковаго эпитета, а дѣйствительно матерью, родительницей всего, кормилицей его, заботницей обо всемъ, что было нужно ему.

Это инстинктивное поклоненіе Волгѣ-матушкѣ, царственной рѣкѣ земли русской, унаслѣдовалъ отъ древнихъ предковъ своихъ и русскій человѣкъ, тоже издревле жившій на ея берегахъ. Царственная рѣка во всѣ вѣка, которые помнитъ исторія, была невольною владычицей всей русской земли. Жили на ней Хозары,—и брали тогда дань съ Кіева и Чернигова, съ сѣверянъ и вятичей. Разбили на ней, вѣка спустя, монголы свою «Золотую Орду», — и вся Русь отъ Новгорода до Волыни очутилась въ ихъ господствѣ. Русь Кіевская, Русь Новгородская, стала подпадать подъ крѣпкую руку младшей сестры своей Москвы тѣмъ больше и крѣпче, чѣмъ ближе къ Волгѣ подвигалось московское княжество, поглощая собою постепенно Ростовъ, Суздаль, Вла-

диміръ, Рязань, Нижній. Завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царства царемъ Иваномъ Грознымъ было прежде всего завоеваніемъ Волги, — и удивительнымъ образомъ опять эта власть надъ царственною русскою рѣкой совпала, какъ и прежде, со властью надъ всею землей русскою, съ истиннымъ началомъ русскаго царства.

«Каменный Яръ», какъ всѣ бывшіе сторожевые городки праваго волжскаго берега, забрался на высокій голый мысъ, стѣной обрывающійся въ рѣку. И здѣсь ни деревца, ни травки, ни кустика; только тѣсные ряды сваленныхъ въ одну кучу сѣрыхъ тесовыхъ домовъ, изъ которыхъ подымаются двѣ каменныя церкви. Эти волжскіе села-городки живо напоминаютъ тѣ безыскусственные рисунки древне-русскихъ городовъ и селеній, какіе сохранилъ намъ въ своемъ любопытномъ путешествіи по Россіи Герберштейнъ. Въ высшей степени прозаическіе, лишенные красоты и вкуса, они тѣмъ не менѣе живутъ себѣ, повидимому, припѣваючи, при рыбѣ и денежкахъ, вѣроятно, нисколько не огорчаясь досадными впечатлѣніями художника-туриста.

Удивительно разнообразны вкусы человѣка! Сарту довольно глиняной норы, горсти рису, ломтя дыни,—но зато необходимъ зеленый садъ, расшитые шелкомъ башмаки, раззолоченный халатъ. Русскій мужикъ будетъ жить всласть на голомъ обрывѣ, уныломъ какъ могила, но зато подавай ему рубленый домъ, щи съ рыбой, кашу съ саломъ и водки вдоволь.

При Екатеринѣ II Каменный Яръ назывался «Каменнымъ форпостомъ»; въ немъ стоялъ тогда обычный казацкій караулъ, какъ это было устроено тогда по всей такъ называемой «Царицынской линіи» для охраны почтоваго тракта изъ Саратова въ Астрахань, шедшаго вдоль праваго берега Волги. Гмелинъ, посѣтившій эти форпосты, съ большимъ состраданіемъ разсказываетъ объ участи бѣдныхъ донскихъ воителей, державшихъ здѣсь караулъ.

Они, по словамъ его «употребляются къ тому, чтобы дорогу по Волгѣ между Царицыномъ и Чернымъ Яромъ отъ давно уже тамъ извѣстныхъ разбойниковъ, коихъ еще и нынѣ нѣсколько бываетъ, очищать.

«На каждыхъ 25 или 30 верстахъ на западномъ берегу рѣки Волги находятся порядочно небольшимъ редутомъ окруженныя караульни, и при оныхъ живутъ въ бѣдныхъ землянкахъ по 24 казака, кои состоятъ подъ смотрѣніемъ сотника. По прошествіи каждыхъ четырехъ мѣсяцевъ они смѣняются, и по году или около двухъ лѣтъ служатъ на линіи. Сіи на форпостахъ находящіеся казаки отправляютъ также и почты: они должны проѣзжающимъ съ порядочными подорожными давать подводы и на казенныхъ судахъ употребляемы быть въ греблю. Если хочешь бѣдную тварь въ свѣтѣ себѣ представить, то должно на память привести донского казака, на линіи стоящаго.

«Здѣсь поступаютъ съ ними такъ, какъ едва ли прилежный хозяинъ поступаетъ со своимъ скотомъ».

Вѣтеръ все крѣпчалъ и къ вечеру превратился въ жестокую бурю. Солнце сѣло багровое, въ кровавомъ заревѣ. Быть, значитъ, бурѣ и завтра.

Сарепту мы проѣхали ночью и проснулись уже у Царицына. Царицынъ—тоже въ свое время сторожевой городокъ, построенный на высокомъ гористомъ берегу. Сначала тянется огромное богатое село, у ногъ котораго на рѣкѣ цѣлый лѣсокъ мачтъ; все это парусники съ хлѣбомъ; за ними начинается длинный рядъ пароходныхъ пристаней Самолета, Волжскаго Общества, Кавказа и Меркурія, Зевеке и проч. Тутъ ужъ больше цивилизаціи, Европы: дымятъ трубы, шумятъ колеса, раздаются свистки. Надъ пристанями, по горѣ — только-что разбитый бульваръ съ обычными бесѣдками для шипучихъ водицъ, зелеными скамеечками, зелеными рѣшеточками. Къ бульвару этому отъ каждой пристани поднимается крутая деревянная лѣстница, по одной изъ которыхъ и мы съ женою должны были взобраться, чтобы

ознакомиться хотя бѣгло съ знаменитымъ въ своемъ родѣ торговымъ городомъ волжскаго низовья.

Мы наняли извозчика и довольно скоро объѣхали все, что стóило смотрѣть въ Царицынѣ. По правдѣ сказать, тамъ смотрѣть ровно нечего.

Рядъ порядочныхъ домовъ на набережной, у пристани, красивый домъ водопровода, въ самомъ низу, и затѣмъ просторная, какъ выгонъ-торговая площадь съ примыкающими къ ней одной, двумя улицами, еще смотрятъ сколько-нибудь городомъ. Въ общемъ же—впечатлѣніе громаднаго ярмарочнаго села, куда начинаетъ вторгаться то тамъ, то здѣсь городская цивилизація въ видѣ большихъ каменныхъ домовъ, хорошо снабженныхъ магазиновъ, торговыхъ складовъ и проч. Есть даже гимназія, женская гимназія и разныя другія просвѣщенныя учрежденія. Но надъ всѣмъ господствуетъ, все потопляетъ въ себѣ—пыльный и грязный мужицкій базаръ. Царицынъ въ сущности—одинъ гигантскій хлѣбный лабазъ, къ которому все остальное прилѣплено только случайно, словно ради приличія. Даже церкви его—скорѣе деревенскія, чѣмъ городскія. Нѣтъ ни одной выдающейся, достойной украсить собою богатый торговый городъ и стать его центромъ. Пять церквей стоятъ почти рядомъ другъ съ другомъ, можетъ быть, потому, что всѣ стояли въ старое время въ городскомъ острожкѣ, окруженныя стѣною...

Дебруинъ, проѣзжавшій здѣсь по Волгѣ въ 1703 г., видѣлъ еще вокругъ Царицына деревянныя стѣны и башни.

Площадь не мощена, да и изъ улицъ чуть ли не одна всего мощеная, много двѣ.

Русскій уѣздный городъ сказался въ этомъ, несмотря на торговлю и богатство, несмотря на пароходы и желѣзныя дороги. Но рядомъ съ хлѣбнымъ Царицыномъ стóитъ взглянуть на другой, новѣйшій Царицынъ — Царицынъ нефтяной. Онъ отодвинулся по берегу Волги версты на 2 отъ стараго центра и начинается хорошенькимъ Нобелевскимъ городкомъ, такъ живо напомнившимъ мнѣ Бакинскій городокъ Нобеля. Нобелевскій го-

родокъ словно окопался кругомъ глубокими оврагами и зеленѣетъ своими садиками на высокомъ полуостровѣ Волги, рядомъ съ безнадежно-голыми обрывами своихъ сосѣдей. Тутъ прекрасные каменные дома заводовъ и до полутораста хорошенькихъ деревянныхъ домиковъ для служащихъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое скромное хозяйство и свой скромный комфортъ. Внизу опять пристани всѣхъ возможныхъ пароходныхъ компаній, флотилія собственныхъ пароходовъ и баржъ, наверху цѣлыя баттареи сѣрыхъ желѣзныхъ башенъ для храненія нефти и керосина, цѣлые поѣзда вагоновъ-цистернъ, двигающіеся по рельсамъ собственной Нобелевской дороги, соединяющей его заводы съ Грязе-Царицынскою желѣзнодорожною линіей.

Изъ баржъ и пароходовъ гигантскіе насосы прямо перекачиваютъ керосинъ и нефть наверхъ, въ желѣзныя башни. За Нобелевскими заводами и Губонинскими соляными складами идутъ, также отдѣльными поселками, раздѣляясь другъ отъ друга небольшими промежутками, заводы и цистерны сначала Тагіева, потомъ Стефанини, товарищества «Нефть», и проч. и проч. Каждое владѣнье вооружено своего рода нефтяными баттареями, и всѣ эти желѣзныя круглыя башни, словно знамена различныхъ націй, окрашены въ разнообразные цвѣта, по которымъ издали узнаешь ихъ. Но ужъ тутъ никакихъ садиковъ, никакой зелени, и, повидимому, никакого слѣда заботы о людяхъ, работающихъ съ утра до ночи и съ ночи до утра на этихъ заводахъ. Вездѣ кругомъ одни голые обрывы да глиняные пустыри.

Царицынъ занимаетъ особенно выгодное положеніе на Волгѣ, также какъ его сосѣди Сарепта съ юга и Дубовка съ сѣвера. До этой мѣстности Волга, начиная отъ Самары, течетъ на юго-западъ у подножія скалистаго хребта, который составляетъ ея правый берегъ. Но немного ниже Царицына она вдругъ словно натыкается на какую-то невидимую преграду, и рѣзко отбрасывается на юго-востокъ, покидая свой горный хребетъ, и уже съ тѣхъ поръ ее провожаютъ вмѣсто настоящихъ горъ простые глинистые обрывы берега.

Въ томъ же самомъ мѣстѣ и Донъ, все время текущій на юго-востокъ, какъ бы стремясь къ сліянію съ Волгой, наталкивается на отроги праваго хребта Волги, которые уходятъ отъ нея въ степь подъ именемъ Эргеня, и еще круче, чѣмъ она, вдругъ поворачиваетъ къ юго-западу, такъ что устья этихъ двухъ великихъ рѣкъ, чуть не сливающихся вмѣстѣ у Царицына, оказываются въ концѣ концовъ на разстояньи многихъ сотенъ верстъ другъ отъ друга: одно въ Азовскомъ, а другое въ Каспійскомъ морѣ.

Это-то тѣсное сближенье Дона съ Волгой около Дубовки и Царицына, это выгодное положенье Царицына въ крутомъ поворотѣ Волги, издревле придали поселкамъ этой мѣстности важное значенье. Трудно сомнѣваться, что упоминаемый арабскимъ писателемъ X вѣка Ибнъ-Дастомъ—торговый Хозарскій городъ Сарашенъ и былъ тѣмъ самымъ татарскимъ «Сара-чинъ» («желтые пески»), который русскіе люди передѣлали впослѣдствіи въ понятный ихъ уху Царицынъ.

По предположенію Карамзина, Хозарскій Саркелъ, или Бѣлая Вежа, главнѣйшій населенный центръ Дона въ древніе вѣка, находился близъ того именно крутого колѣна Дона, которымъ онъ подходитъ къ Царицыну.

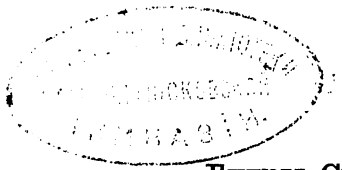
Дикія тюркскія племена, нѣкогда кочевавшія въ степяхъ южной Россіи, пользовались этимъ мѣстомъ сближенья великихъ русскихъ рѣкъ для того, чтобы перетаскивать свои хищническія ладьи изъ одного главнаго воднаго пути въ другой. Наши предки славяне точно также пользовались этимъ удобнымъ волокомъ при своихъ набѣгахъ на Поволжскія и Каспійскія страны, какъ мы знаемъ это изъ подробныхъ разсказовъ древнихъ арабскихъ писателей.

Впослѣдствіи по этимъ же естественнымъ волокамъ двигались изъ Дона въ Волгу и изъ Волги въ Донъ Донскіе и Волжскіе казаки, понизовая разбойничья вольница, а подъ часъ и царскія рати. Оттого-то съ древнихъ временъ существовалъ въ этомъ мѣстѣ между Волгой и Дономъ, сейчасъ же выше Цари-

цына, земляной валъ съ укрѣпленіями, преграждавшій путь хищнымъ кочевникамъ въ глубину Россіи. Слѣды этого вала, поддерживаемаго еще при Петрѣ Великомъ, видны до сихъ поръ.

Оттого же Царицынъ съ первыхъ дней своего построенія при царѣ Иванѣ Грозномъ сталъ своего рода передовымъ редутомъ русскаго царства противъ кочевой азіатчины и Волжскихъ разбойниковъ, а впослѣдствіи, по замиреньи Поволжья и водвореньи здѣсь сильной государственной власти, обратился въ важный торговый пунктъ.

Дубовка нѣсколько ранѣе Царицына воспользовалась исключительными выгодами мѣстности и уже давно была соединена съ Качалинскою станицей Дона конно-желѣзною дорогой, теперь упраздненною. Еще раньше геніальный взглядъ Петра едва было не соединилъ каналомъ Волгу съ бассейномъ Дона. Только каналъ этотъ рылся нѣсколько сѣвернѣе, у города Камышина, изъ маленькой рѣчки Камышенки въ рѣку Иловлю, которая верховьемъ своимъ подходитъ почти вплотную къ Волгѣ и еще ближе къ Камышинкѣ, а затѣмъ течетъ параллельно съ Волгой до впаденья своего въ Донъ какъ разъ у того мѣста, гдѣ онъ круто поворачиваетъ на юго-западъ. Собственно говоря, Иловля съ Камышинкой и служили издревле путемъ воднаго сообщенія Дона съ Волгой, и волокъ судовъ происходилъ всего только на ничтожномъ разстояньи, отдѣляющемъ верховья Иловли и Камышинки. Въ настоящее время, съ постройкой коротенькой желѣзной дороги отъ Царицына до станицы Донской и цѣлой системы другихъ желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ Царицынъ черезъ Грязи и Орелъ со всѣми областями и торговыми центрами Россіи, точно также, какъ съ западною границей и приморскими портами,—значенье понизоваго Волжскаго порта всецѣло перешло въ Царицынъ. Онъ сталъ естественнымъ центромъ торговыхъ сношеній Каспія и Волжскаго низовья съ остальною Россіей и обратился мало-по-малу въ громадный складъ соли, рыбы, нефти и хлѣба, превысивъ своимъ населеньемъ многіе губернскіе города.



VII.

Бугры Стеньки Разина.

За Царицыномъ пейзажъ Волги совершенно измѣняется. Степная Волга, Волга киргизовъ и калмыковъ, можно сказать, кончается здѣсь. Кончается (или вѣрнѣе начинается) сейчасъ же противъ Царицына и Ахтуба, эта рѣка кочевниковъ, орошающая ихъ улусы. Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ она отдѣляется отъ коренной Волги, стоитъ городъ Царевъ, вѣроятно, бывшій «Сарай» хановъ Золотой Орды,—бывшая столица кочевій,—до сихъ поръ полная древнихъ развалинъ и насыпей.

Кончается на правомъ берегу и Астраханская губернія, и начинается Саратовская. Царицынъ—уже уѣздный городъ Саратовской губерніи. Вмѣсто калмыцкихъ кочевій у Царицына придвигается чуть не къ самой Волгѣ область Донскихъ казаковъ, такъ что Саратовская губернія отдѣляетъ ее здѣсь отъ Волги только узкимъ клиномъ. По лѣвому берегу, однако, Астраханская губернія тянется еще довольно долго, до впаденія Еруслана, гдѣ уже граница Самарской губерніи. Это степи нѣкогда знаменитаго соляного озера Елтона, значенье котораго подорвано теперь такимъ же обильнымъ солью Баскунчакскимъ озеромъ, гораздо болѣе близкимъ къ Волгѣ. Елтонъ, впрочемъ, продолжаетъ попрежнеиу добычу соли, отправляя ее черезъ Царевъ въ Дубовку, въ Камышинъ, въ Никольскую слободу.

Горные берега Волги много живописнѣе ея низовыхъ береговъ. Они стоятъ отвѣсными стѣнами, раздѣленные своими оврагами, будто крѣпостная ограда, на бастіоны, люнеты и башни,—на такъ называемые здѣсь «столбичи» или «шиханы».

На одномъ изъ такихъ живописныхъ столбичей, что выступилъ обрывистымъ мысомъ въ волны рѣки, у небольшого поворота Волги—расположена Дубовка. Она смотритъ издали гораздо красивѣе Царицына. Хотя Дубовка именуется посадомъ,

но это настоящій городъ, и городъ далеко не маленькій. Съ палубы парохода намъ были видны пять церквей, ближайшихъ къ берегу, а, вѣроятно, ихъ еще больше. И церкви эти—не чета безхарактернымъ церквамъ Царицына: это все бѣлокаменные храмы настоящаго русскаго стиля, среди которыхъ выдѣляется большой и красивый многоглавый соборъ. Такихъ каменныхъ палатъ, какія можно встрѣтить среди домишекъ Царицына,—въ Дубовкѣ, правда, нѣтъ; здѣсь господствуетъ скромный типъ домовъ прежняго уѣзднаго города, но они зато всѣ на виду и очень картинно лѣпятся по обрывамъ скалы. У подножія этой скалы—пристань съ парусными кораблями, пароходами, конторами разныхъ компаній.

На пристани этой бабы продаютъ тарелки ярко-красной клубники, которая только теперь стала здѣсь поспѣвать, и которую мы кончили ѣсть въ Ташкентѣ уже мѣсяцъ тому назадъ. Продаютъ еще какіе-то особенные лохматые коврики мѣстнаго производства, по 5 и 10 рублей за штуку, неособенно прельстившіе меня. Но наша пароходния публика отъ нечего дѣлать дѣятельно раскупала и клубнику, и ковры, къ большому удовольствію дубовскихъ казачекъ. Пароходъ стоялъ здѣсь недолго, и отчаянные парни, съ истинно казацкою удалью, прыгали на него и съ него съ кувшинами молока и съ плетушками яицъ, торопясь закончить свой слишкомъ упрямый торгъ со скупыми пассажирами и рискуя выкупаться въ далеко еще не теплой матушкѣ Волгѣ. Энергическая ругань капитана парохода и угрозы его увезти ихъ въ Камышинъ, дѣйствовали на нихъ, повидимому, очень слабо. Тутъ и другая торговля, болѣе серьезная. Берегъ уставленъ множествомъ свѣже-срубленныхъ еловыхъ домиковъ, поставленныхъ совсѣмъ съ крышами,—покупай себѣ прямо и живи! А на баржахъ, загромоздившихъ пристань, всякій лѣсной товаръ: лыки, дубье, дрань, ободья, уложенные такъ мастерски, что издали кажутся свитыми изъ дерева канатами.— Огромные мучные заводы, всѣ, конечно, паровые,—стоятъ цѣлою цѣпью вдоль берега Волги. Главные заводы—купца Казеева.

У него же въ Дубовкѣ, въ подражанье сарептскимъ Нѣмцамъ. горчичный и пивоваренный заводы. Эта сильно развитая заводская дѣятельность Дубовки дѣлаетъ ее однимъ изъ самыхъ важныхъ промышленныхъ центровъ Саратовской губерніи. Прежде Дубовка была и богатымъ торговымъ пунктомъ, служа главнымъ перепутьемъ между Волгой и Дономъ посредствомъ когда-то бывшей здѣсь конножелѣзной дороги въ Качалинскую пристань Дона. Но теперь ея торговое значенье всецѣло унаслѣдовалъ Царицынъ, и пѣсенка Дубовки спѣта, вѣроятно, навсегда. Вообще Дубовкѣ не везетъ: была она въ свое время городомъ и даже главнымъ мѣстомъ управленья Волжскихъ казаковъ, но увлеклась Пугачевскою смутою,—и была разжалована изъ городовъ въ простой посадъ. Была у нея желѣзная дорога, — и потомъ тоже отнята.

Сама Дубовка, какъ и Царицынъ, какъ и всѣ вообще слободы и городки Волжскаго берега, безотрадно голая, безъ всякой зелени; кварталы тесовыхъ крышъ и заборовъ среди пыльныхъ площадей и улицъ,—и больше ничего. Но окраины ея—сплошные фруктовые сады, которыми вообще славится Саратовская губернія.

А горный берегъ все красивѣе, все интереснѣе. Села попадаются не часто, верстъ черезъ 8—10, но зато большія, богатыя, съ хорошими храмами, настоящія приволжскія слободы: Водяная, Пролейка, Балыклея, противъ которой на лѣвомъ берегу другая Балыклея—Верхняя, потомъ Караваинка, Антиповка Быковы Хутора, поставляющіе на всю Русь православную свои чудные арбузы, извѣстные въ торговлѣ подъ именемъ камышинскихъ.

Хутора эти тоже на лѣвомъ берегу. Вообще отъ Царицына лѣвый берегъ уже покрытъ поселеньями. Это не тѣ луговые, покрытые тальникомъ острова, которые до Царицына отдѣляли отъ коренной Волги русло Ахтубы. Тутъ Волга валитъ однимъ сплошнымъ и прямымъ столбомъ, безъ всякихъ виляній въ стороны, широкою какъ скатерть водною дорогою, между двухъ сво-

ихъ надежныхъ коренныхъ береговъ. Тутъ уже прекращается вмѣстѣ съ окончаніемъ Царицынскаго плеса рыболовное царство, и береговые жители занимаются мелкою рыбою только для себя и между дѣломъ. Впрочемъ, съ 15-го мая наступило время запрета рыбной ловли и здѣсь, и вездѣ, такъ что и рыбаковъ почти не видишь теперь.

Послѣ широкаго раздолья Волги прогулка по всякой русской рѣкѣ покажется скучною. Донъ сравнивать нельзя съ Волгою по ширинѣ, хотя характерная красота его бѣлыхъ мѣловыхъ береговъ въ иныхъ мѣстахъ нисколько не уступаетъ Волгѣ.

Сегодня и день, какъ нарочно, отличный. Сильный вѣтерч, не успокоившійся за ночь, высоко вздымаетъ бурливыя волны и завиваетъ ихъ бѣлыми гривками; въ воздухѣ пріятная свѣжесть, а голубое весеннее небо ласкаетъ глазъ своими мягкими радующими лучами. Вся публика на террасѣ, на галлереяхъ, на палубѣ; всякому хочется подышать полною грудью вольнымъ воздухомъ царственной рѣки и полюбоваться ея мирными картинами, незамѣтно мѣняющимися. какъ стекла волшебнаго фонаря.

Пароходы встрѣчаются что-то рѣдко, но за то вонъ картина, которую уже не такъ часто увидишь теперь на Волгѣ. Тяжело нагруженная барка медлено ползетъ вдоль берега противъ теченья, запряженная парою лошадей, похожихъ на Донъ-Кихотова Россинанта. Лошади тоже бредутъ по мелкой водѣ, и парень-погонщикъ, въ красной рубахѣ, терпѣливо слѣдуетъ по ихъ пятамъ, болтая воду своими огромными сапожищами съ беззаботностью, достойною лучшей участи.

Суденышки съ туго надутыми парусами шибко, будто не своею волею, гонятся мимо насъ попутнымъ вѣтромъ, иногда близкимъ-близко къ бортамъ нашего парохода. Намъ тогда отлично можно разсмотрѣть ихъ безхитростные шалашики изъ ничѣмъ не сбитаго теса, у которыхъ какой-нибудь мужикъ-барочникъ сидитъ со своею бабою въ красномъ сарафанѣ со своими бѣлобрысыми босоногими дѣтишками, всею своею трудовою не-

прихотливою семейкою, вокругъ походнаго котелка или горшечка хлебая деревянными ложками что Богъ имъ послалъ, и жуя съ терпѣливою флегматичностью вола свой неизмѣнный оржаной хлѣбушко.

Ползаютъ тоже по этому бурному раздолью разыгравшейся Волги и мѣстныя крестьянскія лодочки, перебирающіяся съ берега на берегъ, или изъ села въ село. Крестьяне привыкли къ этому страшному звѣрю-рѣкѣ какъ къ чему-то своему, домашнему, и не умѣютъ церемониться съ нимъ, а выѣзжаютъ «на свою рѣку» въ чемъ попало и какъ попало, съ тряпицею вмѣсто паруса, съ течью въ днѣ, съ чуть живою мачтой, хотя матушка-Волга то и дѣло шутитъ съ ними плохія шуточки.

Чѣмъ дальше, тѣмъ оригинальнѣе дѣлаются формы береговыхъ скалъ. То онѣ кажутся какими то хлѣбами, наваленными другъ на друга, то гигантскими черепахами или жабами. Мѣстами горный берегъ распахивается, какъ полы занавѣса, и сквозь ярко-зеленую лощину виднѣются въ ея глубинѣ и хлѣбныя поля, и далекія деревушки, и притаившаяся у устья долинки какая-нибудь рыбацкая хижинка съ привязанною около лодкой.

Вотъ мы наконецъ у Камышина. Тутъ маленькая Швейцарія своего рода. Берегъ очень высокій, пр обрывамъ его вьются тропинки, какъ въ настоящихъ горахъ. Отъ пристани, загроможденной пловучими конторами шаблоннаго вида всевозможныхъ пароходныхъ обществъ и приставшими къ нимъ пароходами и баржами, крутѣйшія и длиннѣйшія лѣстницы ведутъ на набережную. Мы съ женою пошли прогуляться и по ней, и по городу. Набережныя волжскихъ городковъ—всѣ одного типа. Непремѣнно чахлый бульваръ съ зелеными скамеечками и непремѣнно такъ называемый «вокзалъ»,—скромный трактирчикъ съ балконами на Волгу, съ залою для танцевъ, съ арфистками и музыкой. Непритязательная и немногочисленная камышин-

ская публика собирается здѣсь къ приходамъ пароходовъ — хоть немножко развлечься отъ однообразія уѣздной жизни. Но за то видъ на Волгу съ этихъ балконовъ и этого обрыва поразителенъ по могучему размаху и величественной простотѣ своей.

Самъ городъ безотраденъ, какъ всѣ наши уѣздные города. Кирпичные и деревянные сундуки, какіе въ два, какіе въ одинъ этажъ, безъ стиля, безъ красоты, безъ житейскаго удобства, тянутся однообразными рядами вдоль утопающихъ въ пескѣ и пыли улицъ. Церквей много, но тоже безхарактерной и безвкусной архитектуры, а всего больше, конечно, кабаковъ, что подъ разными титулами торчатъ и на углахъ каждаго переулочка, и на площадяхъ, и на улицахъ, при всѣхъ въѣздахъ и выѣздахъ, образуя собою своего рода гостиный дворъ пьянства. У нѣмцевъ такой прибрежный городокъ былъ бы корзинкою цвѣтовъ, хорошенькою игрушечкой, которую ѣздили бы осматривать туристы. А тутъ нигдѣ ни воздуха, ни зелени, ни уютности, ничего того, что дѣлаетъ отраднымъ человѣку его гнѣздо. Когда мы возвратились на пристань, порядочно утомленные ходьбой по камышинскимъ пескамъ, всѣ наши спутники увлеченно занимались торговлею съ представительницами мѣстной промышленности, которыя нанесли на пристань всякихъ вязаныхъ кофтъ, шарфовъ, скатертей и т. п. спеціальныхъ издѣлій Камышина, славнаго, стало быть, не одними только арбузами своими. Впрочемъ, по Волгѣ, больше славна крошечная рѣченка Камышинка, чѣмъ стоящій на ней городъ. Въ старинной пѣснѣ волжскихъ разбойниковъ поется:

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Протекала, пролегала мать—Камышинка рѣка:
Какъ съ собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга.
Она устьицемъ впадала въ Волгу-матушку;
А по славной было матушкѣ—Камышинкѣ-рѣкѣ

Какъ плыли-то, выплывали все нарядные стружки.
Ужъ на тѣхъ ли на стружкахъ удалые молодцы,
Удалые молодцы, воровскіе казаки.

Я уже говорилъ раньше, что это была историческая дорога для переволока съ Дона на Волгу рѣчкою Иловлею. Стенька Разинъ то и дѣло перебѣгалъ этою любимою казацкою дорожкою изъ своего Паньшина городка, изъ своего Донского Кагальника, въ Царицынъ и Астрахань. Камышинка такъ воровато прячется въ своихъ берегахъ, что съ Волги ея почти незамѣтно,— настоящая дорога воровъ. Можетъ быть, потому, что проходъ, по ней такъ скрытенъ, народная фантазія поражалась внезапными частыми появленьями батюшки Степана Тимофѣича съ родного Дона на матушкѣ Волгѣ, и приписывала эти перелазы его колдовской силѣ. До сихъ поръ жители Волги разсказываютъ о чародѣйской кошмѣ-самолеткѣ, на которой лихой атаманъ въ одну минуту переплывалъ рѣки и перелеталъ по воздуху, куда хотѣлъ.

Камышинъ со своими окрестностями и вообще весь этотъ берегъ Волги внизъ до Царицына были первымъ пристанищемъ Стеньки на великой русской рѣкѣ. Этотъ безстрашный хищный коршунъ вилъ себѣ мимолетныя гнѣзда то на одномъ, то на другомъ «шиханѣ» гористаго берега, безопасный, какъ въ крѣпости, на этихъ отвѣсныхъ обрывахъ, окруженныхъ рѣкою и глубокими оврагами, укрытыхъ дремучими лѣсами отъ чужого глаза. Оттого-то начиная отъ Царицына и чуть не до самаго Саратова знающіе люди то и дѣло указываютъ вамъ на берегу Волги мѣста, увѣковѣченныя въ народной памяти именемъ лихого атамана. И все это непремѣнно «бугры». Атаманъ-хищникъ, какъ и хищникъ-птица, долженъ былъ поневолѣ забираться на вершину какой-нибудь скалы, откуда ему было бы ловчѣе озирать издали свою добычу и молніею низвергаться на нее сверху.

Всѣ извѣстія современниковъ о шайкахъ Стеньки сходятся въ этомъ.

«Стоитъ Стенька на высокихъ *буграхъ*, а кругомъ его—полая

вода, ни пройти, ни проѣхать, ни провѣдать, сколько ихъ тамъ есть, ни языка поймать никакъ не можно...» доносилъ, напримѣръ' о немъ Царицынскому воеводѣ вожа Иванъ Бакунинъ.

«Бугровъ Стеньки Разина» на Волгѣ очень много. Мы ихъ видѣли и у Дубовки, и у Караваинки, и за Камышинымъ. Каждое приволжское село въ этомъ отношеніи имѣетъ свои собственныя преданья. Среди живописныхъ «столбичей» горнаго берега намъ показывали и «столъ Стеньки Разина», и «тюрьму Стеньки Разина» въ глубокомъ лѣсномъ логу; одинъ изъ бугровъ называется почему-то «Шапкою Стеньки Разина», можетъ быть, отъ сходства своихъ очертаній съ формою мѣховой шапки. Легенда же увѣряетъ, будто хмѣльной атаманъ послѣ долгой ночной попойки забылъ на этомъ бугрѣ свою соболью шапку.

Разсказовъ волжскихъ жителей о погребахъ и подземныхъ кладовыхъ Стеньки тоже не переслушаешь. Простой народъ вѣритъ здѣсь этимъ разсказамъ съ дѣтскою искренностью, и не одинъ предпріимчивый простолюдинъ убивалъ свои силы и средства, отыскивая по разнымъ старинамъ замѣткамъ эти невѣдомо гдѣ зарытыя сокровища.

Вообще имя Стеньки, пѣсни о подвигахъ Стеньки еще живы на Волгѣ; по правдѣ сказать, живъ еще, должно быть, и духъ его. Стоитъ хотя вспомнить недавніе «холерные погромы» Астрахани и Саратова, такъ живо напомнившіе современной русской цивилизаціи не далеко еще ушедшія отъ насъ старыя времена и старые нравы.

Недаромъ поволжскіе жители изстари привыкли разсказывать, будто ихъ излюбленный атаманъ, батюшка Степанъ Тимофеичъ, какъ великій чародѣй, спасся отъ царской казни и до сихъ поръ живой мучится въ дикихъ горахъ.

Засадилъ его Царь на Москвѣ въ тюрьму, заковалъ въ кандалы, а онъ разорвалъ кандалы, будто нитку, разрывъ-травою, вынулъ изъ печки уголекъ, нарисовалъ на стѣнѣ лодку съ веслами, сѣлъ въ эту лодку и мигомъ перелетѣлъ на Волгу.

Костомаровъ въ своей художественной монографіи «Бунтъ

Стеньки Разина» передаетъ очень характерный разсказъ русскихъ матросовъ, бѣжавшихъ изъ плѣна черезъ Персидскую землю, какъ они встрѣтились въ страшныхъ горахъ на Каспійскомъ морѣ съ Стенькою Разинымъ, уже древнимъ, мохомъ поросшимъ старцемъ.

«Знайте-жъ, я—Стенька Разинъ, сказалъ онъ имъ, меня земля не приняла за грѣхи мои; за нихъ я проклятъ, суждено мнѣ страшно мучиться... Какъ пройдетъ сто лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся, да люди Бога станутъ забывать, и сальныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образами, тогда я пойду опять по свѣту и стану бушевать пуще прежняго!»

Люди, помнившіе эти разсказы, думали въ свое время, что Пугачевъ-то и былъ Стенька Разинъ, вернувшійся по обѣщанію, черезъ сто лѣтъ покарать землю русскую за ея великіе грѣхи.

Пугачевъ раздулъ на Руси пожаръ еще шире и жарче, чѣмъ Разинъ, и жилъ онъ гораздо ближе къ намъ; однако, имя его далеко не такъ популярно въ народѣ; онъ не оставилъ по себѣ на Волгѣ ни поэтическихъ, ни мистическихъ легендъ, и объ немъ не сложилось здѣсь цѣлаго цикла сочувственныхъ пѣсенъ, какъ о «батюшкѣ Степанѣ Тимофеичѣ», незабытыхъ народомъ въ теченіе почти 250 лѣтъ.

Это зависѣло, конечно, отъ коренной разницы въ характерахъ этихъ двухъ великихъ возмутителей земли русской.

Стенька былъ человѣкъ удали и увлеченья, въ нѣкоторомъ родѣ, вдохновенный своимъ подвигомъ кроваваго разгрома, своею ролью освободителя всероссійской голытьбы отъ господъ, отъ законовъ, отъ начальства, отъ работъ и обязанностей... Онъ вносилъ въ свои разбойничьи дѣянья какую-то дикую и кровожадную поэзію, поражавшую фантазію народа. Оттого личность его стала невольно предметомъ поэтическаго творчества въ той народной средѣ, которая его вскормила и пронесла грозною бурею черезъ русскую исторію. Стенька чутьемъ понималъ дѣтскую потребность народа въ картинныхъ и характерныхъ сценахъ, и всегда являлся передъ нимъ въ той сказочной декораціи, которая такъ обаятельно дѣйствуетъ на толпу... Онъ, конечно, не

разыгрывалъ при этомъ искусственной сцены, а былъ вполнѣ искрененъ, какъ сынъ этой же черни, самъ глубоко убѣжденный, что излюбленный голытьбою, ея «батюшка Степанъ Тимофеевичъ» долженъ былъ держать себя именно такъ, какъ онъ держалъ себя.

На его атаманскомъ стругу «Соколѣ» веревки и канаты были свиты изъ чистаго шемахинскаго шелка, паруса были сшиты изъ яркихъ персидскихъ тканей, у самого атамана на плечахъ была великолѣпная соболья шуба, крытая драгоцѣнною восточною парчею, и онъ всегда сидѣлъ на своемъ стругу на высокомъ мѣстѣ, какъ передовое знамя, издали видное всей его разбойничьей дружинѣ.

Въ такія минуты, напр., когда онъ въ пьяномъ порывѣ дикой удали схватилъ вдругъ въ охапку залитую жемчугами и золотомъ любовницу свою, красавицу-персіянку, и съ размаху бросилъ ее въ омутъ рѣки, какъ благодарственную жертву матушкѣ-Волгѣ за всѣ ея милости, — онъ воплощалъ собою въ глазахъ своихъ Волжскихъ и Донскихъ удальцовъ идеалъ атамана-героя, истаго запорожца, для котораго и баба, и золото — только минутная забава, который никого и ничего не пожалѣетъ, что станетъ на дорогѣ его казацкой волюшкѣ...

Но картины картинами, а само собою разумѣется, что повальное обаянье, которое производилъ на народъ этотъ свирѣпый атаманъ, могло объясняться только глубокою близостью его духа къ идеаламъ чернаго народа.

Онъ былъ въ одно и то же время и грозенъ, и простъ. Пилъ въ кабакахъ съ простымъ людомъ простую водку, лежалъ пьяный какъ всѣ, ругался какъ всѣ, но воля его была несокрушима, онъ всякаго сгибалъ въ бараній рогъ, сносилъ головы не задумываясь и топилъ печи живыми людьми. Трудно было сладить съ Стенькой при тогдашнемъ войскѣ, не знавшемъ теперешней желѣзной дисциплины, набиравшемся изъ того же народа, когда навстрѣчу ему выходилъ сказочный народный герой, котораго, по убѣжденью даже воеводъ, не брала ни пищаль, ни сабля, и который громко объявлялъ этому самому народу-воинству:

«Я пришелъ бить только бояръ да богатыхъ господъ, мстить вашимъ утѣснителямъ, а вамъ всѣмъ—воля! идите, куда хотите. А кто хочетъ со мною идти,—будетъ вольный казакъ. Съ бѣдными и простыми я готовъ, какъ братъ, всѣмъ подѣлиться!..»

Вотъ и переходили къ нему цѣлыми полчищами высылаемыя противъ него рати.

И Стенька дѣйствительно держалъ себя съ чернью ласково и привѣтливо, сыпалъ кругомъ золотомъ и серебромъ, по-братски дѣлилъ съ товарищами добычу и оказывалъ нуждающимся всякія милости, кормилъ голодныхъ, а воеводъ и бояръ вѣшалъ будто бы за обиды народа, на показъ толпѣ.

При всей своей дикости и неукротимомъ своеволіи Стенька понималъ чутьемъ, что никакая слава удальца-атамана не можетъ помѣриться въ убѣжденьяхъ русскаго человѣка съ священною властью Царя, помазанника Божія. Поэтому онъ ни разу не выступалъ открытымъ ворогомъ Царя. Напротивъ того, онъ всегда лукаво прикрывался Царскимъ именемъ и поднималъ чернь не на Царя, а на бояръ и господъ.

«Вы бьетесь за измѣнниковъ бояръ, а я съ своими казаками сражаюсь за великаго Государя!» увѣрялъ онъ перешедшихъ къ нему подъ Царицынымъ стрѣльцовъ.

Потомъ, когда онъ задумалъ идти на Москву, и уже невозможно было прятаться за Царя, противъ котораго онъ воевалъ такъ открыто, Стенька придумалъ легенду царевича Алексѣя, умершаго въ томъ же году, и возилъ нарочно съ собою два таинственные струга, одинъ покрытый алымъ бархатомъ, гдѣ будто бы скрывался царевичъ Алексѣй, отыскивавшій свое наслѣдіе, а другой—покрытый чернымъ бархатомъ, гдѣ будто бы ѣхалъ низверженный Царемъ съ престола патріархъ Никонъ... Стенька думалъ такимъ образомъ сохранить въ глазахъ народа надъ своимъ разбойничьимъ замысломъ ореолъ царской власти и православной вѣры, безъ которыхъ русскій человѣкъ не въ силахъ представить себѣ идеала будущаго счастья своего... Оттого даже неудачу и гибель Стеньки народная фантазія приписала тому

единственно, что за звѣрское мучительство и убійство митрополита онъ «былъ проклятъ на семи соборахъ».

Таковъ своеобразный русскій анархизмъ, поскольку онъ высказался въ дѣйствительныхъ народныхъ глубинахъ на страницахъ русской исторіи.

VIII.

Саратовъ.

Къ вечеру стало сильно свѣжѣть; дождь, вѣтеръ и надвигавшаяся темнота согнали всѣхъ съ верхней террасы. Правый берегъ смутно мерещится сквозь эту сѣрую мглу, будто хребетъ далекихъ горъ. Въ охватившей насъ темнотѣ только мелькаютъ временами мимо насъ справа и слѣва, словно съ угрозой заглядывая во внутренность нашего парохода, какіе-то огромные огненные глаза, красные, зеленые, бѣлые... Это фонари разнаго цвѣта, подвѣшанные на разной высотѣ, на мачтахъ проплывающихъ мимо пароходовъ и баржъ.

А у насъ въ изящномъ салонѣ, обложенномъ краснымъ деревомъ, съ электрическими тюльпанами и бархатными креслами,— такъ уютно, свѣтло и весело. Собравшаяся публика безпечно болтаетъ и играетъ кто во что умѣетъ, въ столовой аппетитно стучатъ ножи и звенитъ посуда, на блюдахъ дымятся только-что пойманныя живыя стерлядки подъ грибками, отливаетъ гранатомъ красное вино въ стаканахъ, свѣжія газеты, нескончаемый чай... Совсѣмъ забываешь, что это не домъ, не гостиная въ какомъ-нибудь родномъ городѣ...

Утромъ мы проснулись у Саратова. Къ удивленію моему, пароходъ стоялъ не за нѣсколько верстъ отъ города, какъ этого я ожидалъ, начитавшись въ газетахъ объ обмелѣніи Волги подъ Саратовомъ, а какъ разъ у Саратовскаго берега. Впрочемъ, такое удобство Саратовъ испытываетъ только въ весеннее половодье и вообще въ большую воду; а лѣтомъ пароходы далеко

не доходятъ до городской пристани. Мы сидѣли за завтракомъ, съ тѣмъ утреннимъ юношескимъ аппетитомъ, который нападаетъ даже на пожилыхъ людей въ здоровомъ и веселомъ бездѣльѣ волжской прогулки, а пароходъ нашъ тоже завтракалъ по-своему, насасываясь изъ огромной черной баржи Нобеля густымъ чернымъ супомъ нефтяныхъ остатковъ, — по мѣстному, «мазутомъ».

Саратовъ довольно эффектенъ и обширенъ издали, смотритъ серьезнымъ торговымъ городомъ, достойнымъ великой рѣки. Саратовъ—опять-таки, бѣлокаменный, какъ всѣ русскіе и особенно волжскіе города, и, какъ всѣ эти города, ощетинился башнями многочисленныхъ церквей. Нѣмецкіе, французскіе, итальянскіе города никогда не бываютъ бѣлыми и яркими; напротивъ того, они всегда какого-нибудь темнаго колера. Въ нихъ никогда не сверкаютъ золотые купола, золотые кресты, такъ радующіе глазъ и душу въ старинномъ русскомъ городѣ. Но вдвойнѣ сладостенъ этотъ родной видъ бѣлыхъ стѣнъ и золотыхъ маковокъ сердцу русскаго человѣка, скитавшагося такъ долго, какъ мы съ женой, по чуждымъ землямъ среди чуждыхъ пейзажей. Дома́, однако, и тутъ, какъ вездѣ по берегамъ Волги, насыпаны другъ на друга безъ всякой примѣси садовъ и зелени. Отъ шумной пристани, полной пароходовъ, баржъ, лодокъ, конторъ, идутъ сначала громадныя паровыя крупчатки, составляющія торговую славу и силу Саратова, потомъ такая же громадная тюрьма—чуть ли не лучшій домъ во всемъ Саратовѣ, какъ это нерѣдко бываетъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ,—потомъ красивый домъ-дача Какурина, очень изящнаго стиля, среди сада, надвинувшагося на крутой берегъ Волги.

Саратовъ, кромѣ того, что на берегу рѣки, еще у подножія горы; она прикрываетъ его съ сѣвера, такъ что онъ тянется по изволоку ея.

«Бабушкинъ взвозъ», по которому совершается этотъ подъемъ, не подъ силу не только бабушкѣ, но иному дѣдушкѣ, такъ что нашъ извозчикъ порядкомъ взмылилъ своихъ лошадей, пока до-

ставилъ насъ благополучно на соборную площадь. Тамъ ужъ настоящій большой городъ, даже попахиваетъ чѣмъ-то повыше простого губернскаго. Городской садъ «Липки» съ фонтанами, ротондами, цвѣтниками — содержится отлично; тутъ же соборъ, тутъ же изящный домъ Радищевскаго музея, который годился бы въ любую столицу, и за нимъ очень недурное зданіе театра. Соборъ, впрочемъ, безъ стиля и безъ вкуса, какъ всѣ постройки той эпохи русскаго искусства, когда родная старина намѣренно забывалась, а обновленное національное чувство еще не успѣло заговорить въ образованномъ классѣ русскаго общества. Внутри— какое-то пестрое вычурное рококо по сплошному золоченному фону, рѣдко расположенныя большія иконы,—вообще не удавшаяся помѣсь русскаго съ нѣмецкимъ или итальянскимъ.

Мы подробно осмотрѣли Радищевскій музей,—этотъ просвѣщенный и щедрый даръ своему родному городу нашего извѣстнаго художника-мариниста Боголюбова въ память своего не менѣе извѣстнаго дѣда Александра Николаевича Радищева. Входъ роскошенъ и полонъ вкуса. Лѣстница изъ бронзированнаго чугуна, вылитая тутъ же въ Саратовѣ на заводѣ Черихина, ведетъ въ цѣлый рядъ свѣтлыхъ и отлично отдѣланныхъ залъ, гдѣ собрано много прекрасныхъ картинъ и этюдовъ самого Боголюбова, Бронникова и другихъ художниковъ. Меня особенно заняла великолѣпная вещь Бронникова—«Больной у воротъ католической обители». На мраморномъ балконѣ какого-то богатаго монастыря, на берегу чуднаго голубого моря, гдѣ-нибудь въ Амальфи или Сорренто, въ знойномъ закатѣ лѣтняго вечера прохлаждаются жирные праздные патеры, добродушно посмѣиваясь какому-то веселенькому разсказцу одного изъ своихъ товарищей, между тѣмъ какъ внизу, у воротъ такой же сытый братъ-привратникъ всячески старается усовѣстить глупыхъ итальянскихъ бабъ, притащившихъ такъ не во-время умирающаго больного причастить Святыхъ Таинъ,—не тревожить такими пустяками почтенныхъ отцовъ, отдыхающихъ отъ дневныхъ трудовъ... Въ музеѣ, кромѣ картинъ, есть собраніе китайскихъ и японскихъ вещей, пріобрѣ-

тенныхъ Боголюбовымъ во время своихъ путешествій, старинная французская и португальская мебель XVI и XVII вѣка, фарфоръ, хрусталь, нѣкоторые историческіе и, такъ сказать, біографическіе предметы, какъ, напримѣръ, столъ и кресло, на которыхъ работалъ И. С. Тургеневъ, его рукописи и фотографіи, есть и нѣсколько подарковъ Августѣйшихъ Особъ нашей Царской Фамиліи, при которой Боголюбовъ состоялъ одно время придворнымъ художникомъ. Нѣсколько пустыхъ еще залъ ждутъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній будущаго.

Вообще музей осматривается съ большимъ удовольствіемъ и, при бѣдности въ нашей губернской жизни всякаго рода образовательныхъ развлеченій, несомнѣнно долженъ приносить серьезную пользу.

Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ прекрасному примѣру Боголюбова—дать такое благородное и разумное назначеніе собиравшимся въ теченіе жизни сокровищамъ искусства и накопившимся денежнымъ средствамъ.

Дай Богъ и другимъ нашимъ губернскимъ городамъ побольше подражателей почтенному художнику!

«Нѣмецкая» улица — не хуже любой улицы Москвы: множество магазиновъ, складовъ, всякихъ учрежденій. Но бо́льшая часть оффиціальныхъ зданій на длиннѣйшей «Московской» улицѣ. Тамъ окружный судъ, тамъ судебная палата, домъ губернатора и другія казенныя мѣста. Самая старинная часть города—ближе къ берегу Волги, тамъ, гдѣ древнѣйшіе храмы Саратова—церковь Казанской Божіей Матери и Троицкій соборъ. Казанская построена въ 1605, а Троицкій — въ 1697 году. Впрочемъ, это годъ постройки теперешней каменной двухъ-ярусной церкви; въ деревянномъ же видѣ Троицкій соборъ былъ основанъ еще въ концѣ XVI вѣка при Ѳедорѣ Ивановичѣ, какъ мы прочли на мѣдной доскѣ собора. Внутри этихъ храмовъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ старинныхъ иконъ съ громадными черными ликами, въ серебряныхъ окладахъ своеобраз-

ной работы того времени. Божія Матерь въ бархатномъ сіяніи, густо унизанномъ жемчугомъ и камнями, Іоаннъ Креститель съ какими-то странными чешуйчатыми крыльями, Нерукотворенный Спасъ — весь уже черный, какъ чернило, тоже въ сіяніи, осыпанномъ крупными драгоцѣнными каменьями,— вотъ все, что сохранилось отъ древности, да развѣ еще несокрушимыя чугунныя плиты пола, изъ которыхъ до сихъ поръ ни одна не дала ни одной трещины. Все остальное, очевидно, уже возобновлялось много разъ и потеряло строгій и простой видъ старины подъ безхарактерною пестротой и безвкусною золотою отдѣлкой болѣе поздняго времени. Въ Казанской церкви показали намъ еще Евангеліе Никона, но уже эпохи послѣ исправленія священныхъ книгъ.

Въ Саратовѣ мы видѣли и нѣсколько другихъ церквей, такихъ же древнихъ, судя по архитектурѣ, но всѣ онѣ не восходятъ далѣе, повидимому, второй половины XVII вѣка.

Саратовъ основанъ былъ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ около 1592 года и сначала стоялъ верстахъ въ десяти отъ теперешняго города, на лѣвомъ берегу Волги, у впаденія въ нее маленькой рѣчки Саратовки, но, вѣроятно, вслѣдствіе постоянныхъ нападеній степныхъ кочевниковъ Заволжья былъ перенесенъ на высокій правый берегъ, гдѣ онъ теперь красуется.

Показанія старинныхъ путешественниковъ страннымъ образомъ противорѣчатъ въ этомъ отношеніи церковнымъ свѣдѣніямъ, которыя приведены выше. Такъ, напримѣръ, Олеарій, плывшій по Волгѣ въ Персію посломъ Голштинскаго двора при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, точно такъ же, какъ позднѣйшій путешественникъ, голландецъ Стрюйсъ въ 1668 году, видѣли Саратовъ еще на лѣвомъ берегу укрѣпленнымъ и довольно значительнымъ городомъ. А судя по церковнымъ записямъ въ теперешнемъ Саратовѣ, то-есть Саратовѣ праваго берега, нѣкоторыя церкви были уже построены не только въ 1605 году, но даже въ концѣ XVI столѣтія.

Нужно думать, что или церкви включили въ счетъ своихъ

лѣтъ тѣ года, которые онѣ простояли на лѣвомъ берегу Волги до перенесенія города подъ Соколову гору, или старый Саратовъ продолжалъ существовать нѣкоторое время рядомъ съ новымъ.

При Петрѣ Великомъ, судя по отзыву Корнеля де-Бруина, проѣхавшемъ по Волгѣ въ 1703 году, Саратовъ былъ уже безъ крѣпостныхъ стѣнъ, съ однѣми деревянными башнями, и, по увѣренію де-Бруина, татары и калмыки то и дѣло опустошали его.

Когда на суднѣ, въ которомъ ѣхалъ этотъ путешественникъ, смертельно заболѣлъ одинъ пассажиръ, въ Саратовѣ не нашлось ни одного лѣкаря помочь ему; это обстоятельство, столь обычное въ старой Руси, до крайности удивило просвѣщеннаго голландца, и составило въ его глазахъ самую нелестную репутацію нашему Саратову.

Мы имѣли еще время поѣздить по магазинамъ красныхъ товаровъ, гдѣ жена накупила въ качествѣ волжскихъ гостинцевъ здѣшней знаменитой сарпинки, поражающей своею дешевизною (по 14 и 18 коп. аршинъ) и хорошенькими узорами. Что касается до когда-то славной рыбной ловли Саратова, то она давно отошла въ область преданій вмѣстѣ со многимъ другимъ. «Поѣхать въ Москву за пѣснями, въ Саратовъ за рыбою»,—говорилась когда-то шутливая поговорка. Эта саратовская рыба только и осталась теперь что въ поговоркѣ, да развѣ на гербѣ Саратовской губерніи, въ которомъ Екатерина Вторая приказала помѣстить, на память потомству, три стерляди, должно быть, подъ пару тѣмъ тремъ куропаткамъ, которыя летятъ до сихъ поръ на гербѣ Курской губерніи, но которыхъ въ этой губерніи теперь такъ же мало, какъ рыбы въ Саратовѣ.

Царицынская желѣзная дорога перехватила всю рыбную торговлю Волжскаго низовья, точно такъ же какъ Баскунчакская желѣзная дорога направила весь соленой вывозъ сначала на Владиміровку, а потомъ опять на тотъ же Царицынъ. Всего только нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ Саратовъ былъ главнымъ центромъ соленой торговли, волжскимъ рынкомъ неистощимаго Эльтона. Солевозная дорога была устроена когда-то отъ озера Эль-

тона до Покровской слободы, что напротивъ Саратова на лѣвомъ берегу Волги, шириною въ 40 верстъ! Такъ что безконечные обозы на волахъ, тянувшіеся съ грузами соли отъ Эльтона къ Волгѣ, или за солью отъ Волги къ Эльтону, могли безъ всякихъ хлопотъ кормить даровымъ кормомъ свой скотъ на этомъ привольномъ степномъ шляху. Впослѣдствіи этотъ солевозный шляхъ былъ съуженъ въ десятиверстную полосу...

Вообще желѣзныя дороги, которыя обратили иные наши города и мѣстечки изъ ничтожества въ крупные торговые центры, сослужили очень плохую службу Саратову, оттянувъ отъ него въ разныя другія волжскія пристани тѣ товары, которыми онъ нѣкогда богатѣлъ и славился. Теперь Саратовъ остался только при хлѣбѣ и скотоводствѣ. Въ этомъ отношеніи онъ еще служитъ важнымъ рынкомъ для степныхъ мѣстностей, къ нему прилегающихъ и лежащихъ противъ него, по ту сторону Волги. Особенно большія дѣла онъ ворочаетъ съ пшеницею, крупчатою мукою, саломъ и кожами... Нужно надѣяться, впрочемъ, что превращеніе разорительной Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги, прославившейся на всю Русь своею непостижимою убыточностью, въ большую Рязанско-Уральскую линію, откроетъ для Саратова новую и очень широкую торговую будущность, какъ самаго удобнаго посредника съ Сибирью и Ураломъ, а впослѣдствіи, чего добраго, съ Ташкентомъ и Туркестаномъ.

Эти ожиданія тѣмъ основательнѣе, что въ сущности Саратовъ представляетъ собою пристань Волги гораздо болѣе удобную для снабженія, напр., рыбою или керосиномъ Москвы и всего внутренняго района Россіи, чѣмъ даже Царицынъ, по крайней мѣрѣ, въ лѣтнее полугодіе, такъ какъ удлиненіе дешеваго воднаго пути выгодно вознаграждается въ немъ болѣе короткою желѣзно-дорожною линіею. Впрочемъ, повидимому, въ настоящее время торговый людъ начинаетъ сознавать это преимущество Саратова, и рыбные грузы изъ Астрахани на Саратовъ начинаютъ замѣтно теперь увеличиваться, не говоря уже о рыбѣ уральской, которая постоянно шла на Саратовъ.

Покровская слобода, о которой я сейчасъ говорилъ, смотритъ настоящимъ городомъ; намъ видно съ парохода 5 церквей и много каменныхъ домовъ, хотя слобода сильно заслонена отъ рѣки береговыми рощицами. Въ Покровской слободѣ всякія оффиціальныя учрежденія и власти, такъ что и въ этомъ отношеніи она не уступаетъ уѣздному городу. Слобода эта, расположенная немного ниже устья рѣчки Саратовки, зародилась сама собою, еще изстари, на мѣстѣ бывшаго калмыцкаго кочевья, воспоминаніе о которомъ, вѣроятно, сохранилось въ названіи «Поганаго поля», которымъ мѣстные жители окрестили примыкающую къ слободѣ часть степи. Здѣсь селились бурлаки-солевозы, занимавшіеся доставкою на Волгу эльтонской соли; соль создала, соль и обогатила эту слободу. Въ мрачную эпоху Пугачевщины, когда даже такіе города какъ Саратовъ безъ боя отворяли ворота мятежникамъ, Покровская слобода прославилась тѣмъ, что атаманъ (то-есть староста) ея солевозовъ, по прозванью Кобзарь, отказался признать власть самозванца и былъ повѣшенъ за это Пугачевымъ.

Покровская слобода—уже въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, которая захватила весь этотъ лѣвый берегъ Волги, начинаясь едва не противъ Камышина и кончаясь почти что противъ Тетюшей, Казанской губерніи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ развалинами древнихъ Булгаръ, такъ что она тянется не только рядомъ съ Саратовской, но и рядомъ съ Симбирскою губерніей, прилегающими къ правому берегу Волги. Мѣстность у обоихъ береговъ Волги около Саратова и выше довольно высокая. Все низменные острова, заросшіе тальникомъ и красною лозою, вездѣ лѣски и рощицы; но въ то время какъ лѣвый берегъ ничѣмъ не нарушаетъ своего степного характера, на правомъ виднѣются засѣянныя поля, села съ бѣлыми храмами, весь тотъ знакомый глазу и родной сердцу русскій пейзажъ, который чувствуется особенно живо послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ азіатскаго странствованія.

Пользуясь короткимъ затишьемъ, громоздкія бѣляны, высокія

какъ трехдечные корабли, тихо передвигаются впередъ, послушно слѣдуя, будто вереница нагруженныхъ верблюдовъ за своимъ лаучемъ на маленькомъ осликѣ,—за направляющею ихъ передовой лодочкой, въ то время какъ сзади, въ видѣ хвостовъ этихъ водяныхъ чудовищъ, ползутъ по дну рѣки тяжелыя чугунныя бабки на цѣпяхъ...

Березники—такое же большое гнѣздо сѣрыхъ тесовыхъ крышъ, тѣсно наваленныхъ другъ на друга, какъ и другія волжскія села, и такъ же, какъ они, издалека видно на своемъ обрывистомъ береговомъ мысу, увѣнчанномъ высокою колокольнею. А противъ Березниковъ,—столица здѣшняго нѣмецкаго края, — городъ Баронскъ, онъ же Екатериненштадтъ. Съ парохода намъ видны двѣ нѣмецкія церкви необычайнаго на Руси готическаго стиля и одна православная церковь, хорошіе большіе дома подъ желѣзными крышами, дымящія трубы заводовъ... А берегъ сплошь уставленъ стоящими въ нѣсколько рядовъ высокими многоярусными амбарами для ссыпки хлѣба, издали похожими на элеваторы или крупчатныя мельницы. Я думаю, тутъ ихъ не менѣе полутораста, словно каждый мало-мальски зажиточный обитатель этого нѣмецкаго городка имѣетъ на берегу свою особую ссыпку хлѣба. Нѣмецкая цивилизація сказывается еще и въ томъ, что множество извозчиковъ съ экипажами толпится на берегу въ ожиданіи посѣтителей. Пристаней тутъ нѣсколько, какъ и вездѣ по Волгѣ; каждое пароходное общество имѣетъ свою; только пристани эти, вслѣдствіе мелководья лѣваго берега, посединѣ рѣки, и отъ нихъ необходимо переправляться въ Баронскъ на лодкахъ. Это воздержало насъ отъ желанья полюбоваться на правильно расположенныя чистенькіе улицы и садики германскаго городка и на воздвигнутый среди него въ 1840 году бронзовый монументъ Императрицѣ Екатеринѣ Второй, основательницѣ нѣмецкихъ колоній Саратова и Самары.

За Екатериненштадтомъ до самаго Вольска раскинулось нѣмецкое царство; оно представляетъ собою отрадный оазисъ по хозяй

ственному благоустройству и удобству. Тутъ чуть не всѣ имена швейцарскихъ кантоновъ: и Унтервальденъ, и Люцернъ, и Цугъ, и Золотурнъ, и Цюрихъ, и Базель, и Гларусъ, и Шафгаузенъ... А кромѣ того, много и всякихъ другихъ нѣмецкихъ именъ. Всѣхъ колоній около 15, если не ошибаюсь, и всѣ онѣ выстроены вдоль берега Волги, отступивъ отъ него настолько, чтобы полая вода не могла разрушать ихъ. Въ каждой колоніи непремѣнно церковь съ высокою колокольнею, то въ русскомъ вкусѣ, то съ обычнымъ готическимъ шпилемъ. Эти церкви и колокольни такъ часто мелькаютъ въ глазахъ, что кажется будто все время проѣзжаешь однимъ сплошнымъ, прекрасно построеннымъ иностраннымъ городомъ, полнымъ церквей, что тянется на многія версты вверхъ по теченію Волги. Моему русскому самолюбію не на шутку дѣлается досадно, что иностранцы такъ наглядно доказываютъ нашу неумѣлость, наше относительное варварство, устроившись у насъ же на Волгѣ такъ хорошо и прилично, какъ мы не смѣемъ и думать. Поневолѣ приходитъ въ голову, что попади въ руки иностранцевъ Волга со всѣми ея богатствами, они-бъ показали намъ, что̀ можно сдѣлать изъ нея.

Колонисты-нѣмцы тоже пережили въ свое время тяжкія годины послѣ перваго поселенія своего; они чуть не ежедневно страдали отъ грабежей калмыковъ, башкировъ, киргизовъ и должны были съ оружіемъ въ рукахъ убирать свою жатву или косить сѣно, зорко сторожа съ высоты своихъ колоколенъ приближеніе степныхъ хищниковъ, и высылая караулы на окрестные курганы. Но ихъ нѣмецкая настойчивость и терпѣніе побѣдили все, и когда въ краѣ воцарилось полное спокойствіе, колонисты оказались самымъ богатымъ, самымъ промышленнымъ и самымъ хозяйственнымъ элементомъ мѣстнаго населенія. Они ввели здѣсь обширные посѣвы табаку, горчицы и разныхъ другихъ выгодныхъ растеній, завели всякіе заводы и фабрики, сильнѣйшимъ образомъ подняли садоводство, скотоводство, земледѣліе.

Правда, правительство наше принесло съ своей стороны огромныя жертвы для устройства благосостоянія колонистовъ, а нужно

сказать правду, что никто еще не дѣлалъ опыта, чего бы могъ достичь нашъ русскій крестьянинъ при тѣхъ льготахъ и пособіяхъ, которыя были даны здѣсь нѣмцамъ. Они получили безвозвратно значительныя суммы на переселеніе изъ Германіи, имъ были даны при первомъ устройствѣ цѣлые капиталы взаймы на очень легкихъ условіяхъ; десятки тысячъ казенныхъ рублей были употреблены на одну только покупку лѣса для ихъ домовъ; 30 лѣтъ они не платили никакихъ податей и не исполняли никакихъ натуральныхъ повинностей; получивъ по 20 десятинъ плодородной земли на каждую душу, выговорили себѣ право безпошлинной торговли, свободнаго рыбнаго и звѣринаго промысла, свободнаго куренія пива, и даже могли привезти съ собою изъ Германіи безъ таможеннаго осмотра множество товаровъ для продажи. Не разъ прощали имъ, кромѣ того, милліонныя недоимки ихъ долга казнѣ.

Въ началѣ царствованія Императора Александра I правительство ежегодно тратило до $2^1/_2$ милліоновъ рублей на устройство быта колонистовъ, управленіе которыми было совсѣмъ изъято изъ вѣдѣнія нашей полиціи и судовъ,—этого бича русскаго простонародья того времени, — и поручено было особому главному судьѣ и особой конторѣ, державшимся совсѣмъ иныхъ пріемовъ администраціи, чѣмъ земскіе суды и засѣдатели прискорбной памяти.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не порадоваться, что въ настоящее время подобныя огромныя затраты на водвореніе среди насъ иностранцевъ уже вышли изъ моды и, повидимому, не повторятся больше, такъ какъ дай Богъ, чтобы русской казны хватало на покровительство хотя бы одному русскому народному хозяйству...

А правый берегъ Волги дѣлается все круче, все выше, все лѣсистѣе, по мѣрѣ приближенія къ Вольску. Это начались «Змѣевы горы», гребни которыхъ мѣстами поднимаются футовъ на 500. Тутъ поселеній мало: Бѣлогородня, Воскресенское, Рыбное,—вотъ все, что увидѣли мы съ своего парохода. Курчавыя

шапки горъ и живописныя лѣсныя долинки очень эффектно оттѣняютъ собою эти однообразныя кучи сѣрыхъ домиковъ въ три окна безъ садовъ и огородовъ. Рыбное тянется особенно долго, на цѣлыя версты; должно быть, село это и вправду не на шутку занимается рыбой, потому что просторная отмель его берега вся усѣяна, будто раковинами большихъ устрицъ рыбачьими лодками, вытянутыми изъ воды. Судя, впрочемъ, по темному фону сплошныхъ лѣсовъ, повидимому, и разбойничеству былъ здѣсь въ свое время полный просторъ.

Къ Вольску подъѣзжаешь какъ къ крупному городу. Въ окрестностяхъ его—и хорошенькія дачи въ лѣсу, и трубы заводовъ. Мы остановились около него еще засвѣтло. Признаюсь, я никогда не подозрѣвалъ, чтобы Вольскъ или, правильнѣе, Волгскъ, городъ Волги, былъ такой красивый и обширный городъ. Онъ навзрѣзъ насыпалъ собою широкій живописный амфитеатръ мѣловыхъ горъ, но не умѣстился и въ этой просторной чащѣ, а растекся оттуда своими частыми домиками и пригородными садиками по крутымъ обрывамъ Волжскаго берега, начиная чуть не отъ самаго Рыбнаго, и взобрался въ глубь окружающихъ его горъ, очень эффектно освѣщенный огнями заходившаго солнца, со своимъ огромнымъ соборомъ, воздвигнутымъ среди полчища низенькихъ домиковъ, какъ стягъ среди боевой дружины. Въ Вольскѣ, говорятъ, подъ 40.000 жителей, есть гимназія, типографія, много фабрикъ и большая торговля, хотя онъ сдѣланъ городомъ всего въ концѣ XVIII столѣтія, въ эпоху созданія Екатериною намѣстничествъ и новыхъ городовъ. Прежде это была дворцовая рыбная слобода Малыковка, прославленная въ мѣстныхъ легендахъ тѣмъ, что здѣсь волостной сотникъ Василій Куликъ убилъ нѣкогда громаднаго змѣя-полоза, аршинъ 12-ти въ длину, безпощадно пожиравшаго стада волжскихъ жителей. По крайней мѣрѣ, такъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ бородатыхъ туземныхъ спутниковъ моихъ, у котораго я разспрашивалъ, сидя на верхней террасѣ парохода, про мѣста, гдѣ мы проѣзжали...

— А знаете, батюшка, кто поднялъ эту деревушку изъ ея

ничтожества?—загадочно спросилъ онъ меня.—Кто обратилъ ее въ такой большой городъ?

— Кто такой? не знаю...

— Мужичокъ же простой, сельскій писарь здѣшній, Злобинъ прозывался, хотя человѣкъ ужъ совсѣмъ незлобивый былъ... Давно это было, при Екатеринѣ II еще. Онъ и первымъ головой въ Вольскѣ ходилъ, и большую потомъ силу забралъ, самой царицѣ былъ извѣстенъ, по всей Россіи откупа винные держалъ, озеро Эльтонское у казны снималъ, да дюже много захватилъ разомъ, не хватило пороху — разорился! Свои-жъ землячки и подвели, довѣрился имъ по добротѣ своего сердца, а они растащили у него все... Теперь и праха не осталось отъ милліоновъ его... Теперь тутъ другіе большіе тузы ворочаютъ,—слыхали, небось? въ Москвѣ и въ Астрахани, и въ Нижнемъ, и по Волгѣ всей гремятъ: Сапожниковы. Тутъ ихъ гнѣздо самое. Дома какіе, сады! Немного развѣ не десять тысячъ въ годъ за садъ одинъ съемщики московскіе платятъ... Амбаровъ у нихъ тутъ сколько, мельницъ! Купцы ужъ на что капитальные! Церквей сколько на свой счетъ понастроили!..

— Что-жъ, больше хлѣбомъ здѣсь торгуютъ?..

— Разумѣется, хлѣбомъ; пшеницей особливо. Видѣли вонъ, какъ подъѣзжали мы къ городу, ссыпокъ сколько понастроено?.. Саломъ тоже здоровая торговля идетъ, свѣчу стеариновую здѣсь работаютъ... Садовъ потомъ много яблочныхъ, и дорогіе даже сады есть, обширные... Кругомъ города все фруктовые сады, всякій тутъ ими занимается, потому—выгодно; да и грунтъ земли, способный — известочка. Тутъ вѣдь у города страсть сколько земли,—кажись, не сорокъ ли тысячъ десятинъ? У Москвы столько нѣтъ, потому что прежде слобода была мужицкая, вотъ и захватили себѣ въ старину земли, сколько душенькѣ ихъ хотѣлось, не мѣривши...

Молодой мѣсяцъ еле только показался своимъ блѣднымъ рогомъ и сейчасъ же ушелъ за темные силуэты лѣса. Небо вы-

звѣздило какъ-то лихорадочно-ярко, и послѣ заката солнца сдѣлалось холодно до нестерпимости.

Въ салонахъ нашихъ даже протопили не на шутку, потому что всѣ дамы перепростудились за одну зорю. Въ газетахъ мы прочли, что въ Твери эти дни навалило снѣга на 2 вершка. Въ Петербургѣ тоже снѣгъ, и даже въ Москвѣ 26-го мая выпалъ небольшой снѣжокъ и стоятъ сильные ночные морозы. Вотъ тебѣ и возвратились на Русь! Потянула на насъ послѣ туркестанскихъ жаровъ роднымъ сиверомъ родная землица-матушка!

Въ глубокую ночь пронесся навстрѣчу намъ, глухо гудя машинами и колесами, ярко освѣщенный электрическими лампами во всѣхъ своихъ многочисленныхъ окнахъ громадный двухъ-ярусный американскій пароходъ, казавшійся отъ отраженія въ водѣ четырехъ ярусным. Онъ промелькнулъ мимо насъ неожиданно и быстро, какъ видѣніе, и понесся будить дальше сонныя воды и сонные берега Волги.

Мы со своимъ пароходомъ, должно быть, тоже кажемся жителямъ берега фантастическимъ огненнымъ видѣніемъ, прорѣзающимъ темноту ночи четырьмя рядами несущихся впередъ огненныхъ глазъ...

Мы еще не спали, когда пароходъ нашъ остановился у пристани села Балакова. Это одно изъ самыхъ большихъ торговыхъ мѣстечекъ Волги, давно ожидающихъ своего обращенія въ городъ, вмѣстѣ съ Покровскимъ и Дубовкой.

Балаково уже не на правомъ, Саратовскомъ, а на лѣвомъ, Самарскомъ, берегу Волги, и послѣ Самары самая важная хлѣбная пристань губерніи. Ссыпокъ и амбаровъ тутъ многія сотни. Видны большіе городскіе дома, много судовъ на пристани; но кромѣ хлѣба и сала, обычныхъ предметовъ вывоза волжскихъ пристаней, здѣсь еще крупная лѣсная торговля. Балаково снабжаетъ всевозможнымъ лѣснымъ товаромъ верховыхъ притоковъ Волги безлѣсные степные уѣзды Самарской губерніи—Николаевскій и Новоузенскій, лежащіе по сосѣдству съ нимъ. Балаково,

какъ и Вольскъ, какъ и Хвалынскъ, который будетъ сейчасъ же за Балаковымъ, — гнѣзда раскольниковъ-старовѣровъ. Имъ эти города обязаны своимъ богатствомъ, своею торговлей и промышленною предпріимчивостью. Разсадникомъ здѣшняго раскола издавна служила рѣка Большой Иргизъ, протекающая нѣсколько сотъ верстъ по Николаевскому уѣзду и впадающая въ Волгу нѣсколько ниже Балакова, почти какъ разъ напротивъ Вольска; она вся была покрыта когда-то раскольничьими скитами. Самъ теперешній уѣздный городъ Николаевскъ не что иное, какъ раскольничья слобода Мечетное, построенная на Иргизѣ первыми выходцами-раскольниками еще въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II.

IX.

Самарская лука.

Хвалынскъ, послѣдній городъ Саратовской губерніи, такъ печально прославившійся въ недавніе дни своими холерными буйствами, мы проѣхали въ 3 часа ночи и, конечно, проспали, безъ малѣйшаго на то неудовольствія съ нашей стороны.

Когда же мы вышли утромъ на верхнюю террасу, мы уже проплывали справа берегами Симбирской губерніи и готовились подходить къ Сызрани. Утро стояло такое же ясное и такое же холодное, какъ и прошедшая ночь. На пристаняхъ народъ былъ въ полушубкахъ, а дамы въ ротондахъ, несмотря на 29-е мая.

Подъѣздъ къ Сызрани очень оригиналенъ. Его высокій соборъ давно уже дразнитъ насъ, то и дѣло появляясь передъ нашими глазами съ какого-то скрытаго отъ насъ берега. Мы сначала подъѣзжали къ этому собору, потомъ уѣзжали отъ него, потомъ опять вернулись къ нему. А все дѣло въ томъ, что Сызрань стоитъ на одномъ изъ «воложковъ» Волги, а не на коренномъ руслѣ ея. Насъ все время отдѣлялъ отъ этого воложка длинный островъ, который мы наконецъ миновали, и

тогда только завернули назадъ, внизъ по теченію, чтобы добраться до Сызрани; но и тутъ дѣло не обошлось просто. Мы прошли пристань и городъ, потомъ какъ-то хитро перевернулись въ узенькомъ воложкѣ и пристали наконецъ къ городу, носомъ прямо въ Волгу. На Сызранской пристани то же, что вездѣ— суда, ссыпки, крупчатые заводы, ничего особенно интереснаго для досужаго путешественника, чуждаго торговыхъ дѣлъ, хотя Сызрань была въ XVII столѣтіи довольно важною порубежною крѣпостью, очень выгодно защищенною съ одной стороны пучинами Волги, съ другой—крутыми обрывами рѣки Сызрана и впадающей въ нее Крымзы.

Крѣпостныхъ стѣнъ Сызрани давно уже нѣтъ, но часть города, гдѣ скучены старыя церкви и еще болѣе старая каменная башня, вмѣстѣ съ присутственными мѣстами, до сихъ поръ величается по привычкѣ «кремлемъ». Сызранская хлѣбная пристань всегда была извѣстна по Волгѣ, но съ проведеніемъ къ ней желѣзныхъ дорогъ черезъ Моршанскъ и Ряжскъ, она соединилась прямыми путями со всѣми внутренними и пограничными рынками Россіи, и въ то же время посредствомъ Самаро-Оренбургской и Самаро-Златоустовской дорогъ вошла въ непосредственныя сношенія съ Заволжьемъ,Ураломъ и Сибирью. Такое завидное положеніе Сызрани въ узлѣ важныхъ торговыхъ путей, конечно, отозвалось на ея торговлѣ въ высшей степени благопріятно. Одно большое неудобство и несчастіе для Сызрани— это то, что ея «Сызранская волошка» или «воложекъ» доступна для пароходовъ только весною вскорѣ послѣ полой воды, а лѣтомъ дѣлается слишкомъ мелкою для судоходства. По этой причинѣ и линія желѣзной дороги прошла не черезъ самый городъ, а немножко сѣвернѣе его, и станція желѣзной дороги была выстроена въ с. Батракахъ, въ 10-ти верстахъ къ востоку отъ Сызрани, уже на берегу коренной Волги.

Батраки тянутся по крутому берегу длинною линіей своихъ избъ. У Батрацкой пристани стояло много судовъ, но нашъ пароходъ не счелъ почему-то нужнымъ заходить въ нее. Нѣсколько

лѣтъ тому назадъ въ Батракахъ была учреждена для опыта единственная на Руси переселенческая контора, такъ какъ по Самаро-Оренбургской и Самаро-Уфимской линіи происходило главное движеніе крестьянъ внутреннихъ губерній, переселяющихся въ Пріуральскія и Сибирскія губерніи и въ степныя области Туркестана, Тургайскую, Акмолинскую, Семирѣченскую и другія. Предполагалось здѣсь сортировать партіи и направлять ихъ въ мѣстности, гдѣ дѣйствительно могли быть свободныя для поселенія и удобныя земли. Но опытъ, повидимому, совершенно не удался. Средства конторы были слишкомъ ничтожны для колоссальнаго дѣла, которое она должна была регулировать, и самые взгляды правительства на цѣли и способы переселенія не успѣли установиться настолько твердо, чтобы такое полезное и необходимое учрежденіе, какъ переселенческія конторы,—могло достигнуть серьезнаго развитія. Вмѣсто открытія на ряду съ Батрацкою на главныхъ переселенческихъ трактахъ другихъ подобныхъ конторъ и снабженія ихъ потребными средствами, эта единственная контора была скоро закрыта, и переселенческое дѣло,—этотъ, быть можетъ, важнѣйшій и труднѣйшій вопросъ современной экономической жизни русскаго народа,—осталось попрежнему безъ правительственнаго руководства и помощи, къ несомнѣнному и трудно вознаградимому ущербу для будущности нашего крестьянства. Въ Батракахъ устроилась и другого рода новинка,—чуть ли тоже не единственные въ Россіи асфальтовые заводы. Когда ѣдешь близко отъ праваго берега Волги, то въ отвѣсныхъ обвалахъ берега ясно видны черные слои извести, пропитанной горною смолою, чередующіеся съ обыкновенною бѣлою известью, мергелемъ и др. породами. Эти асфальтовые слои залегаютъ очень близко къ поверхности земли, такъ что добыча ихъ должна быть совсѣмъ не затруднительна. Мѣстные жители передавали мнѣ, что Батрацкій асфальтъ чрезвычайно богатъ горючими смолистыми частями, сравнительно съ европейскимъ, что залежи его здѣсь неистощимы, и что требованія на него ежедневно возрастаютъ въ громадныхъ размѣ-

рахъ, такъ что иностраннаго асфальта почти уже вовсе нѣтъ теперь на русскихъ рынкахъ, да и за границей батрацкій асфальтъ начинаетъ понемногу соперничать съ тамошнимъ. А между тѣмъ производство асфальта зародилось здѣсь немного болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Главную заслугу въ открытіи и разработкѣ Батрацкаго асфальта приписываютъ г. Воейкову, который устроилъ здѣсь первый заводъ, въ настоящее время принадлежащій Сызранскому товариществу и имѣющій оборотовъ на сотни тысячъ рублей. Другой большой заводъ принадлежитъ Печерскому товариществу. Печерскимъ здѣшній асфальтъ называется потому, что онъ добывается больше всего въ береговомъ кряжѣ Печерскихъ горъ, что тянутся верстъ на 35 или 40 къ востоку отъ Сызрани, отъ Батрака и Старыхъ Костичей до села Печерскаго.

Печерскими эти горы названы оттого, что разливы Волги источили ихъ рыхлую известково-мергелистую почву множествомъ «печоръ» или пещеръ.

Вообще береговыя возвышенности этой части Волги носятъ названія разныхъ горъ: между Сызранью и Хвалынскомъ идутъ «Чернозатонскія горы» по имени села Чернаго Затона, ниже Хвалынска до Вольска — Дѣвичьи горы, а южнѣе Вольска, по странѣ нѣмецкихъ колоній, Змѣевы горы.

Батраки незамѣтно сливаются съ такимъ же безконечнымъ селомъ Старыя Костичи, близъ которыхъ построенъ знаменитый желѣзный мостъ черезъ Волгу. Собственно, мостъ находится въ селѣ Новыя Костичи, лежащемъ уже на лѣвомъ берегу Волги, въ 20-ти верстахъ отъ Сызрани.

Нужно сказать, что сейчасъ же отъ Сызрани начинается рѣзкій поворотъ Волги къ востоку, а если ѣхать сверху внизъ Волги, то вѣрнѣе сказать, что у Сызрани западное направленіе Волги рѣзко измѣняется на южное.

Длинная и чрезвычайно крутая петля, которую мечетъ Волга на срединѣ своего пути и которая извѣстна подъ именемъ Самарской луки, поворачиваетъ на востокъ нѣсколько выше уѣзднаго города Ставрополя, переламывается подъ такимъ же пря-

мымъ угломъ на югъ у Царева Кургана, потомъ у Самары поворачиваетъ также круто на западъ, и только отъ Сызрани опять принимаетъ свое господствующее южное и слегка юго-западное направленіе. Вотъ у начала этой-то петли или этой «луки Самарской», желѣзная дорога и перекинула черезъ Волгу, на лѣвый берегъ ея, къ торговой Самарѣ, свою желѣзную аріаднину нить, соединившую дичь и глушь нашей Сибири съ Германіей, Франціей, Италіей и всѣми цивилизованными странами премудрой Европы. Издали Волжскій мостъ кажется удивительно легкимъ, чуть не воздушнымъ. Не вѣрится, чтобы эти тонкія черныя ниточки, протянутыя чуть замѣтною сѣткою надъ широкою пучиною рѣки, были несокрушимымъ путемъ, по которому проносятся день и ночь за Волгу и изъ-за Волги сотни милліоновъ пудовъ всевозможнаго товара. Не вѣрится, чтобы эта черная палочка, движущаяся по этимъ паутинкамъ, была цѣлымъ поѣздомъ тяжелыхъ вагоновъ. Но морской бинокль убѣждаетъ васъ, что это дѣйствительно поѣздъ, и что онъ дѣйствительно двигается по желѣзному мосту.

Когда подъѣзжаешь ближе къ этому мосту, и уже отлично разглядываешь всѣ его каменные устои и желѣзныя фермы, опять беретъ сомнѣніе, опять вы во власти иллюзіи глазъ. Отказываешься допустить, чтобы громадная мачта парохода нашего могла пройти подъ арками моста, на видъ далеко не высокими. Навѣрное, и она опустится въ рѣшительную минута на бортъ парохода на какомъ-нибудь невидномъ намъ могучемъ шалнерѣ, какъ опускаются мачты почти всѣхъ парусныхъ судовъ, проходящихъ на нашихъ глазахъ подъ этимъ мостомъ. Вотъ уже кажется мы всего въ трехъ шагахъ отъ моста, а мачта наша продолжаетъ выситься надъ нимъ чуть не цѣлою четвертью своею; неужели-жь она въ самомъ дѣлѣ зацѣпится сейчасъ за ферму и разлетится въ куски. Пароходъ надвигается на мостъ такъ ходко, такъ увѣренно... И вдругъ, мы уже подъ прикрытіемъ, внезапно осѣнившей насъ, желѣзной сѣти, а мачта наша

стоитъ попрежнему стройно и невредимо, а надъ нею остается еще добрая сажень свободнаго пространства...

Только вблизи убѣждаешься во всей колоссальности этого моста; но она не поражаетъ глазъ вслѣдствіе удивительной легкости постройки и гармоніи ея частей. Сквозная плетеница желѣзной тесьмы, вѣсомъ въ полмильона пудовъ и около полторы версты длиною, повисла подъ широкою гладью Волги, едва, повидимому, прикоснувшись концами своихъ коготковъ къ стройнымъ каменнымъ быкамъ, высокимъ и узкимъ какъ башни.

12 другихъ такихъ же башенъ-устоевъ поддерживаютъ этотъ рѣшетчатый мостъ среди водной пучины, на разстояніи 52 саженъ другъ отъ друга. Эти узкіе почти двадцати-саженные столбы, облицованные спереди тесанными гранитными глыбами, будто боевою бронею противъ натиска льдовъ, внизу опираются на широкихъ каменныхъ пятахъ, которыя въ свою очередь выведены на громадныхъ желѣзныхъ кессонахъ, загнанныхъ глубоко въ грунтъ рѣчного дна, и тоже наполненныхъ каменною кладкою. Желѣзныя рѣшетчатыя фермы моста еще поднимаются на высоту $5^1/_2$ сажень надъ своими опорами, такъ что поѣзда желѣзной дороги проносятся надъ Волгою, можно сказать, на высотѣ любой колокольни, поэтому совсѣмъ не удивительно, что нашъ пароходъ прошелъ подъ этими гигантскими арками, ни чуть не склоняя долу своей мачты.

Волжскій мостъ, названный Александровскимъ, въ память покойнаго Государя Александра Николаевича, при которомъ онъ былъ построенъ, во всякомъ случаѣ составляетъ славу русскаго строительнаго искусства, и сама Европа признаетъ это. Въ цѣломъ мірѣ сыщется мало сооруженій, которыя могли бы стать на ряду съ нимъ по своей грандіозности.

Мостъ черезъ древній Оксусъ, по которому мы недавно проѣзжали на пути изъ Бухары въ Мервъ, конечно, вдвое длиннѣе Александровскаго моста, но онъ деревянный, можно сказать, временный, притомъ не поражающій ни стройностью линій своихъ, ни легкостью, ни высотою.

Александровскій мостъ построенъ по чертежамъ извѣстнаго нашего спеціалиста по мостовымъ сооруженіямъ профессора Бѣлелюбскаго. Собственно же строителями его были сначала инженеръ Струве, прославившійся своими мостами черезъ Днѣпръ и Неву, а потомъ, по случаю отказа его, инженеры Михайловскій, какъ подрядчикъ и Березинъ, какъ техникъ. Обошелся мостъ болѣе 7 милліоновъ рублей, и строился онъ, считая съ перерывами, 5 лѣтъ.

Царица русскихъ рѣкъ дѣлала съ своей стороны все, чтобы обращать въ ничто дерзкіе замыслы инженеровъ, и не дать имъ перепоясать свои отъ вѣка вольныя струи желѣзною рабскою цѣпью. Съ Волгою ладить инженерной наукѣ приходилось много труднѣе, чѣмъ съ какой-нибудь иною большою рѣкой. Въ весеннее половодіе она поднимаетъ свои воды на высоту 6 саженъ выше обычнаго уровня и достигаетъ болѣе 12 саженъ глубины, разливаясь въ то же время на 7 и на 8 верстъ въ ширину, и стремясь внизъ къ старому Каспію съ быстротою 420 футовъ въ одну минуту, иначе сказать, пробѣгая въ 1 часъ болѣе 7 верстъ. При такихъ условіяхъ работы дѣлаются совершенно невозможными, и приходится ждать около 3-хъ мѣсяцевъ, пока воды не войдутъ въ свое обычное русло. Нужно прибавить къ этому грозный Волжскій ледоходъ, который бываетъ здѣсь не только весною, но обыкновенно и осенью, передъ окончательнымъ наступленіемъ зимы. Громадныя льдины страшной тяжести несутся другъ за другомъ и другъ на друга съ одуряющею быстротою и сокрушаютъ, какъ игрушку, всякую начатую работу, все, что не успѣваютъ укрѣпить къ тому времени надежнымъ образомъ. Всѣ эти неодолимыя условія мѣстности несомнѣнно задержали успѣшный ходъ работъ и невольно удорожили ихъ стоимость.

Пароходы могутъ проходить только подъ нѣкоторые изъ 13-ти пролетовъ Волжскаго моста, для чего на этихъ пролетахъ выставлены особые значки. Но вообще пароходы минуютъ мостъ

безъ всякой тревоги и опасности. Совсѣмъ другое дѣло злополучныя бѣляны. Эти неуклюжія, высоко и тяжело нагруженныя суда, сидящія въ водѣ до самыхъ бортовъ, безъ парусовъ, безъ пара и безъ веселъ, отчаянно мучаются, пока имъ удается коекакъ проползти подъ назначенные для нихъ пролеты моста, гдѣ стремнина рѣки неудержимо наноситъ ихъ на каменные устои.

Вонъ цѣлыхъ четыре лодки-поводыря тащутъ за собою на буксирѣ собравшійся въ кучу караванъ этихъ громоздкихъ карапузовъ, надрываясь отъ усилій, и съ боя овладѣвая каждымъ шагомъ впередъ. Мы уже ушли Богъ знаетъ какъ далеко отъ моста, а они все безплодно копошатся у его каменной пяты. Еще, пожалуй, труднѣе справиться съ пролетами моста лѣснымъ плотамъ, которые плывутъ сверху на низъ, обширные, какъ площади, съ построенными сверху бревенъ домиками для рабочихъ, съ перилами кругомъ, настоящія пловучія пристани, оторванныя отъ какого-нибудь городского берега.

Теченіе вертитъ ими во всѣ стороны, и они то и дѣло упираются далеко раскинутыми углами то въ одинъ, то въ другой устой моста, сами себѣ загораживая ходъ.

«Самарская лука» особенно оживлена и заселена. Села почти сплошныя—и на правомъ, и на лѣвомъ берегу! Многія изъ нихъ напоминаютъ имя какого-нибудь славнаго Волжскаго удальца былыхъ вѣковъ.

Тутъ село Ермаково, сохраняющее въ своемъ имени память о Ермакѣ Тимофеичѣ, разбойничавшемъ здѣсь раньше, чѣмъ онъ обратился въ знаменитаго покорителя Сибири, и село Кольцово въ память товарища Ермака, извѣстнаго эсаула Кольцо.

По широкой глади рѣки двигаются безостановочною чередой громоздкія, какъ Ноевъ ковчегъ, бѣляны, новенькія съ иголочки, весело сверкающія на солнцѣ свѣжимъ деревомъ своихъ досокъ и бревенъ, бѣгутъ пароходы и баржи. Цѣлая пловучая литература: «Пушкинъ», «Гоголь», «Некрасовъ»; а вотъ огромный американскій пароходъ «Боярыня», двухъ-ярусный, какъ и нашъ,

биткомъ набитый публикою; публика и ихняя, и наша наверху, и—проплывая мимо другъ друга, всѣ привѣтливо машутъ другъ другу платками, словно неожиданно встрѣтившіеся родственники.

Самара видна какъ будто на кругломъ пригоркѣ, выходящемъ въ Волгу, сначала неизбѣжный нефтяной городокъ изъ желѣзныхъ башенъ-цистернъ, чисто береговыя батареи, защищающія городъ, вытянутый вдоль берега надъ рядомъ пристаней и баржъ. Большинство судовъ стоитъ, впрочемъ, на срединѣ рѣки, гдѣ запасаются и нефтью для отопленія. Передъ самою Самарою—островъ среди рѣки. Все кругомъ въ деревьяхъ, смотритъ весело. Городъ довольно красивъ, хотя и не на особенно высокомъ берегу. Всѣ церкви его видны разомъ, видно много большихъ каменныхъ домовъ; но бѣлыхъ среди нихъ меньше, чѣмъ нештукатуренныхъ, кирпичныхъ, очевидно, только что торопливо воздвигнутыхъ ради торговой наживы. Многоэтажныя паровыя крупчатки воздымаются на первомъ планѣ, огромныя какъ соборы, и Самарскія церкви кажутся издали гораздо ниже ихъ; повидимому, онѣ тутъ на первомъ планѣ во всѣхъ смыслахъ. Сейчасъ чувствуется городъ горячей хлѣбной торговли.

Короткія улицы Самары рядами спалзываютъ къ Волгѣ по склону холма; но главныя улицы тянутся наверху, параллельно берегу. Дворянская—лучшая изъ нихъ. Украшеніемъ ея и всего города служитъ памятникъ Императору Александру Николаевичу. Онъ стоитъ на площади, окруженный хорошенькимъ просторнымъ цвѣтникомъ.

На постаментѣ изъ краснаго гранита сидятъ по угламъ четыре черныя бронзовыя фигуры—и среди нихъ стоитъ статуя Царя-Освободителя. Она также вылита изъ темной бронзы, работы академика Шервуда. Поза, фигура Императора, его манера носить фуражку и шинель все вышло очень удачно; только всегда доброму и мягкому лицу покойнаго Государя придано слишкомъ бравурное, не характерное для него выраженіе. Конечно, эта статуя увѣковѣчиваетъ великій историческій моментъ высокой нравственной рѣшимости Александра, которая и должна

была сказаться, по мысли художника, въ этой вызывающей смѣлости его взгляда, но, мнѣ кажется, все-таки было бы ближе къ истинѣ сообщить чертамъ добраго Государя ихъ обычную доброту и чуждое всякаго вызова твердое упованіе на помощь Всевышняго.

Въ сидящихъ четырехъ фигурахъ—главные моменты царствованія Александра II. Русскій мужикъ съ грамотою 19-го февраля въ рукахъ, осѣняющій себя крестнымъ знаменіемъ. Средняя Азія въ видѣ восточной женщины, низлагающей свой вѣнецъ къ ногамъ русскаго Царя, умиротворенный черкесъ, переламывающій пополамъ безполезную теперь шашку свою, и Болгарія, разорвавшая свои цѣпи.

Было бы, пожалуй, умѣстнѣе посадить фигуру христіанской Болгаріи на переднемъ фасадѣ памятника, въ pendant къ освобожденному русскому мужику, а покоренный мусульманскій Туркестанъ перенести назадъ къ такому же мусульманскому и такому же покоренному кавказскому собрату его.

На углахъ и на бокахъ восьмигранаго пьедестала записаны золотыми буквами всѣ важныя государственныя дѣянія, совершенныя Царемъ-Освободителемъ, и, пробѣгая ихъ въ этомъ общемъ длинномъ спискѣ, невольно исполняешься сознаніемъ громадности его историческаго труда и его историческихъ заслугъ.

Памятникъ стоитъ на очень видномъ и эффектномъ мѣстѣ, примѣтный отовсюду, и очень кстати вѣнчающій своею величественною статуей берегъ Волги. Подобные историческіе и художественные памятники во всякомъ случаѣ рекомендуютъ просвѣщенность города и его гражданскія чувства, чѣмъ, къ сожалѣнію, не особенно часто отличаются наши провинціальные города.

Кромѣ насъ съ женою, много простого люда, повидимому, тоже прибѣжавшаго съ пароходовъ, съ любопытствомъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ ходило кругомъ памятника, всматриваясь въ каждую подробность и выслушивая объясненія болѣе знающихъ.

— Странно, что художникъ изобразилъ крестьянина сидящимъ

въ то время, какъ онъ крестится; русскій человѣкъ непремѣнно встанетъ, когда молится!—сказалъ я громко своей женѣ, не замѣтивъ, что около насъ стояли непрошенные слушатели.

— Батюшка!—вдругъ растроганнымъ голосомъ возразилъ мнѣ высокій сѣдой старикъ съ бородою Гостомысла,—бываетъ, и сидя перекрестишься, встать не поспѣешь, коли радость большую услышишь...

Дворянская улица очень недурна, хорошіе дома, хорошіе магазины, очень красивая и эффектная католическая церковь, величественный пятиглавый соборъ единовѣрцевъ, кажется, самый древній въ городѣ, но зато мостовыя отвратительны до невозможности, орудія мучительства своего рода. Мы испытали ихъ своими боками, объѣздивъ все, что могли найти интереснаго въ Самарѣ,—этомъ громадномъ волжскомъ базарѣ, не сохранившемъ въ себѣ почти никакихъ памятниковъ древности.

Зато съ искреннимъ удовольствіемъ отдохнули мы въ Струковскомъ саду надъ кручею Волги, съ его водопадиками, фонтанами, цвѣтниками, лѣтнимъ клубомъ и очень удобнымъ вокзаломъ, окруженнымъ галлереями, лѣсенками, террасами и балкончиками; съ выступовъ широкой набережной аллеи,—любимой прогулки самарцевъ,—вправо и влѣво—открытый видъ на Волгу и на безконечныя перспективы ея живописныхъ береговъ...

Театръ помѣщается на самомъ концѣ Дворянской улицы, въ видѣ нѣсколько фантастическаго русскаго терема, краснаго съ головы до ногъ, съ шпилями, башенками и высокими кровлями шатромъ.

Большой пятиглавый соборъ византійскаго стиля во имя св. Александра Невскаго, съ высокою колокольней, еще не вполнѣ отдѣланъ; за нимъ, на сѣверной окраинѣ города такой же пятиглавый Иверскій женскій монастырь съ своими церквами и обильнѣйшемъ колодцемъ ключевой воды, охваченный зубчатою стѣною.

Когда мы отходили отъ города на своемъ пароходѣ, насосавшемся досыта нефти изъ Нобелевской баржи, и оглянулись

на покидаемую нами Самару, городъ показался намъ гораздо красивѣе и характернѣе, чѣмъ при подходѣ нашемъ къ нему. Скученные вмѣстѣ громадные каменные корпуса многоярусныхъ крупчатокъ и Жигулевскій пивоваренный заводъ съ ихъ дымящимися трубами, роскошный Струковскій садъ, нависшій надъ берегомъ Волги, шпили и шатры театральнаго замка, и надъ ними два пятиглавые собора съ колокольнями, видные теперь отъ макушки до пятокъ,—все это составляло очень яркую и живописную картину.

У подножія Самарскаго холма тянется за городомъ цѣлый городокъ новыхъ бревенчатыхъ срубовъ съ крышами и безъ крышъ, срубленыхъ въ дешевыхъ лѣсахъ Костромской и Нижегородской губерній и выставленныхъ здѣсь на продажу лѣсными торговцами. Потомъ лѣвый берегъ сразу дѣлается скалистымъ и обрывистымъ, съ густыми шапками лѣсной поросли.

Дача Аннаева, выстроенная въ стилѣ средневѣковаго французскаго замка, ярко вырѣзается среди этого темнаго лѣсного фона на вершинѣ крутого зеленаго холма прямо надъ пучиною Волги своими бѣлыми круглыми башнями и высокою красною кровлей, между тѣмъ какъ внизу холма весело выглядываютъ изъ разныхъ угловъ того же темнаго лѣса бѣлые зубцы приворотной башни и разныя хозяйственныя и увеселительныя постройки, разбросанныя по береговымъ обрывамъ. На этой же дачѣ извѣстное кумысное заведеніе. Дачи идутъ и дальше по берегу, но уже совсѣмъ не такія красивыя.

Самара выросла съ 1851 года, въ какія-нибудь сорокъ лѣтъ, изъ маленькаго уѣзднаго города, съ 15.000 жителей, какимъ она тогда была, въ большой торговый городъ, число жителей котораго уже близко подбирается теперь къ ста тысячамъ. Превосходная пристань и желѣзныя дороги, соединявшія ее съ Европою и Азіею, сдѣлали ее важнѣйшимъ хлѣбнымъ и сальнымъ рынкомъ Волги.

Рѣка Самара, у устья которой построенъ городъ, вскрывается

нѣсколькими днями раньше Волги, такъ что зимующія въ ней суда раньше другихъ могутъ нагружаться хлѣбомъ и саломъ и идти въ Рыбинскъ сейчасъ же по проходѣ льда на Волгѣ, пока не наступитъ самая большая полая вода.

Казанскіе и нижегородскіе хлѣбные караваны, хотя зимуютъ и значительно ближе къ Рыбинску, могутъ выступить въ путь только нѣсколькими днями позднѣе, и потому Самара всегда опережаетъ ихъ. Ея положеніе на желѣзнодорожномъ сибирскомъ пути, который неминуемо долженъ обратиться въ путь международный, сулитъ Самарѣ еще болѣе блестящее будущее, хотя обороты ея торговли и безъ того растутъ не по днямъ, а по часамъ. Вообще Самара дышетъ новизною, молодостью, предпріимчивостью, — вся она въ будущемъ, а не въ прошедшемъ, это своего рода Волжская Одесса, точно такъ, какъ Нижній— Волжская Москва.

X.

Жигулевы горы.

Сейчасъ же за Самарою оба берега Волги дѣлаются настоящими горами. На лѣвомъ берегу онѣ идутъ живописными каменистыми обрывами въ курчавыхъ шапкахъ лѣсовъ, изрѣдка перерѣзаясь глубокими лѣсными ущельями. Справа тоже высокія горы, сплошь укрытыя лѣсами. Этотъ проходъ великой рѣки между стѣснившими ее двумя горными стѣнами называется «Самарскими воротами».

«Соколиныя горы» справа насъ, на лѣвомъ берегу, суровыя, крутыя. Слѣва, на правомъ берегу—«Сѣрная гора», 700 футовъ высоты.

«Самарскія ворота» кончаются у крутого поворота Волги съ востока на югъ. Отроги горъ лѣваго берега уходятъ, все понижаясь, внутрь страны, вдоль берега впадающей здѣсь въ Волгу рѣки Соки, и незамѣтно теряются въ степяхъ.

Одинокая шапка «Царева кургана» одна высится, будто мрачный сторожъ этого дикаго берега, у самаго перелома Волжскаго русла. Въ древности это былъ одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ волжскаго русла, гдѣ удобнѣе всего можно было останавливать плывущія по рѣкѣ суда. Царевъ курганъ озираетъ надалеко всю окрестность. Несомнѣнно, что курганъ этотъ всегда игралъ большую роль въ исторіи волжскихъ разбоевъ и волжскихъ войнъ. Но преданія о немъ слишкомъ перепутались, чтобы можно было теперь разобраться въ нихъ съ какою-нибудь опредѣленностью. Кто увѣряетъ, что курганъ былъ насыпанъ Мамаемъ или Батыемъ, кто разсказываетъ, что это царь Иванъ Грозный, отправляясь забирать татарскія царства по Волгѣ,— «царство Казанское, а мимоходомъ — Астраханское», — велѣлъ каждому воину своему принести на это мѣсто горсть земли, изъ которыхъ и выростая цѣлая гора. По крайней мѣрѣ, такъ поютъ объ этомъ мѣстныя пѣсни...

Впрочемъ, изслѣдователи почвеннаго строенія «Царева кургана» убѣдились, что гора эта вовсе не насыпная, а такая же природная, и такого же точно геологическаго состава, какъ всѣ вообще горы Самарской луки. Поводъ къ легендамъ далъ, вѣроятно, ея наружный видъ, который дѣйствительно напоминаетъ своею правильною округлостью искусственно насыпанный холмъ.

Царевъ курганъ всего 140 футовъ вышиною, но имѣетъ мѣстоположеніе довольно неприступное, такъ какъ съ двухъ сторонъ его отдѣляетъ отъ степи рѣка Сока, а съ третьей стороны рѣчка Куруль, не говоря уже о Волгѣ; да и бока его обрывисты.

Наверху кургана виднѣется какая-то вышка, въ родѣ тѣхъ которыя ставились на казацкихъ пикетахъ въ Кубанской и Терской области, хотя издали нельзя было разсмотрѣть хорошо.

За Царевымъ курганомъ, послѣ рѣзкаго поворота Волги, лѣвый берегъ ея опять заслоняется низменными лѣсистыми островами, а Соколиныя горы темнѣютъ уже вдали.

Но зато на правомъ берегу начинается теперь сплошной кряжъ знаменитыхъ «Жигулевыхъ горъ», подъ тѣнь которыхъ и пере-

бирается нашъ пароходъ, сторонясь подальше отъ песчаныхъ отмелей, острововъ и косъ лѣваго берега. «Жигули»—это слава и краса Волги, вмѣстѣ съ Самарскими воротами живописнѣйшій уголокъ изо всей живописной и величественной панорамы колоссальнаго Волжскаго русла. Теперь мирные туристы, дамы и дѣти спокойно пріѣзжаютъ сюда изъ всевозможныхъ мѣстъ Россіи, а подчасъ и Европы, чтобы полюбоваться восходомъ или заходомъ солнца за фантастическими вершинами Жигулей и отражающею ихъ въ себѣ широкою скатертью Волги. Но еще не особенно далеко то время, когда имя Жигулей произносилось съ искреннимъ ужасомъ, и всякій, кто приближался на суднѣ къ ихъ лѣсистымъ обрывамъ, крестился и предавалъ Богу душу свою. Народъ довольно своеобразно объясняетъ себѣ названіе «Жигули». Разсказываютъ, будто волжскіе удальцы, гнѣздившіеся въ этихъ горахъ и поджидавшіе здѣсь суда, плывущія внизъ или вверхъ, имѣли скверную привычку парить зажженными вѣниками злополучныхъ судохозяевъ, допытываясь у нихъ, гдѣ спрятаны деньги или товары подороже. Насколько въ этомъ правды судить теперь мудрено. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Самарская лука, и особенно Жигули изстари и до нашихъ дней служили любимымъ притономъ всякаго бѣглаго, воровского и разбойничьяго сброда.

Недаромъ сложилась старая мѣстная пѣсенка: «Волга рѣченька бурлива, говорятъ; подъ Самарою разбойнички шалятъ».

Здѣсь воинствовали въ свое время и Ермакъ, и Стенька Разинъ, и Шелудякъ, и Кондрашка Булавинъ, и всякіе знаменитые, такъ сказать, историческіе разбойники. Но сюда же, въ эти непроходимыя лѣсныя трущобы Самарской луки, отрѣзанныя отъ міра съ трехъ сторонъ могучимъ столбомъ Волги и отвѣсными обрывами ея берега, а съ четвертой стороны тоже отдѣленныя будто крѣпостнымъ рвомъ русломъ рѣчки Усы,—спасалась отъ царскихъ приставовъ и «даней многихъ», отъ солдатчины, паспортовъ и крѣпостной неволи всякая бродячая голь.

«Измѣрять ихъ невозможно для того, что по горамъ лѣсъ

частникъ»—коротко, но выразительно доносили въ XVII вѣкѣ царю про земли Самарской луки мѣстные воеводы.

Неприступныя кручи горъ, заросшія лѣсами, и многочисленныя природныя пещеры въ ихъ известковыхъ толщахъ, вѣдомыя только самимъ лѣснымъ обитателямъ, долго дѣлали безплодными всѣ усилія правительства истребить здѣсь разбойничество. Разбойники, засѣвшіе при этой естественной заставѣ волжскаго пути, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій брали правильную дань своего рода съ товаровъ, провозимыхъ съ Нижняго на низъ и снизу на Казань и Нижній. Выработана была и своего рода правильная система этого, такъ сказать, узаконеннаго грабежа. Сопротивляться не рѣшался почти никто. Бурлаки и судовые рабочіе въ душѣ гораздо болѣе сочувствовали удалой вольницѣ, ряды которой они же и пополняли при первомъ удобномъ случаѣ, чѣмъ своимъ ограбленнымъ хозяевамъ, которые не особенно баловали ихъ жалованьемъ, харчами и добродушнымъ обращеніемъ; поэтому при первомъ зловѣщемъ и хорошо знакомомъ крикѣ «сарынь на кичку!» «кичка носъ!»—всѣ и на берегу, и на палубѣ падали лицомъ на землю и лежали, боясь пошевельнуться, но волжскіе удальцы расправлялись съ хозяевами и отбирали себѣ все, что имъ было по вкусу.

Еще въ наши дни, при покойномъ Императорѣ Николаѣ, въ Жигуляхъ разъѣзжали постоянныя военныя команды, обязанныя ловить разбойниковъ и охранять отъ нихъ проходящія мимо суда.

Впрочемъ, судя по разсказамъ мѣстныхъ жителей, команды эти своими придирками, произволомъ и взяточничествомъ досаждали волжскому торговому люду, пожалуй, не меньше тѣхъ вольныхъ грабителей, отъ которыхъ онѣ должны были защищать его.

Разбойничество въ Жигуляхъ прекратилось только съ конца сороковыхъ годовъ, когда на Волгѣ явились первые пароходы, противъ которыхъ роковой кличъ «сарынь на кичку!» не оказывалъ больше никакого волшебнаго дѣйствія, и которыхъ мо-

гучій огнедышащій бѣгъ не по силамъ было остановить самому отчаянному разбойничьему суденышку.

Трепещущіе огоньки судовыхъ фонарей мелькаютъ, будто какія-то таинственно пролетающія фосфорическія бабочки, на фонѣ темныхъ водъ и темныхъ горныхъ громадъ.

Сумерки охватываютъ насъ не только оттого, что солнце зашло за горы, но еще больше оттого, что пароходъ нашъ двигается какъ разъ подъ этими горами. Зато же и видны онѣ намъ, несмотря на полусумракъ, до послѣдняго камушка. Подъ суровою сѣнью этихъ разбойничьихъ горъ пріютились кое-гдѣ на рѣдкихъ клочкахъ низменнаго берега, уютно обсѣвъ только-что заваренный подъ костромъ котелокъ съ кашей, ночующіе рыбаки или артель судовыхъ рабочихъ. Бѣлый косой парусъ осторожно пробирается сквозь эту прозрачную полутьму поближе къ высокимъ скаламъ берега, чтобы легче одолѣвать напоръ рѣки, слишкомъ уже непосильный на серединѣ. То и дѣло безшумно и быстро, будто не своею волей, проносятся мимо насъ плоты бревенъ и дровъ, съ громадными рулями впереди и сзади, съ избушками и воротами наверху, съ неподвижными будто окаменѣлыми отъ удивленія фигурами людей. Въ другомъ мѣстѣ буксирный пароходъ съ многочисленными фонарями на всевозможной высотѣ, съ зеленымъ ярко-рдѣющимъ глазомъ справа, тащитъ съ усиліемъ вверхъ противъ теченія и тоже поближе къ берегу двѣ или три черныя, какъ гроба, безмолвныя баржи, еле мигающія своими одинокими тусклыми фонариками, мотающимися наверху мачты.

Изрѣдка попадается въ низкой разсѣлинѣ этихъ сплошныхъ обрывистыхъ стѣнъ, у подножія этого колоссальнаго каменнаго амфитеатра волжскаго берега, какое-нибудь невѣдомое селеніе, утонувшее въ зелени, переливающее своими веселыми огоньками среди сгустившагося мрака лѣсного ущелья. Но всѣ эти проявленія жизни такъ рѣдки здѣсь. Неприступные известковые обрывы, обросшіе, какъ черепа волосами, глухими лѣсными

дебрями, гдѣ безопасно гнѣздится до сихъ поръ медвѣдь и всякій дикій звѣрь, тянутся на многіе десятки верстъ, почти нигдѣ не оставляя мѣста для жилища человѣка, для высадки его судовъ. Не даромъ этотъ утесистый горный кряжъ заставилъ свернуться въ кольцо около своихъ ногъ ударившуюся въ него со всего бурнаго налета исполинскую голубую змѣю Волги.

Селеній мало въ Жигулевыхъ горахъ. Которыя и есть, тѣ засѣли въ глубокихъ буеракахъ, разрывающихъ изрѣдка горный кряжъ. На самихъ же горахъ — ничего, кромѣ лѣсовъ и фантастическихъ утесовъ.

Мы съ женой просидѣли не одинъ часъ на палубѣ, молча любуясь этимъ постепенно развертывавшимся передъ нами свиткомъ суровыхъ и величественныхъ картинъ. Хотя онѣ и лишены были теперь прелести утренняго солнечнаго освѣщенія, но зато рисовались передъ нами въ самомъ характерномъ видѣ своемъ, особенно близко подходившимъ къ ихъ былому роковому значенію въ исторіи Волги...

Бѣлые осколы и осыпи, опрокинувшіеся цѣликомъ вмѣстѣ съ вѣнчающими ихъ черными чащами въ омуты могучей рѣки, курчавые силуэты самыхъ капризныхъ формъ, пирамидами, куполами, столообразными твердынями, зубчатыми замками, кажутся вдвое грознѣе и вдвое живописнѣе отъ этого фантастическаго отраженія ихъ въ рѣкѣ, гдѣ въ смутномъ мерцаніи сумрака они кажутся вырастающими изъ какой-то незримой подводной бездны.

Эти природныя пирамиды и осадные замки—не безъименныя груды камней. Славныя когда-то по Волгѣ разбойничьи имена оставили имъ въ наслѣдіе свою злополучную славу. Степану Тимоѳеичу и здѣсь, конечно, отведено главное мѣсто, какъ вездѣ по Волгѣ.

«Стенькиныхъ кургановъ» тутъ не одинъ. Вотъ мы проѣзжаемъ въ тѣни «Лысой горы», чуть ли не самой высокой вершины Жигулей, достигающей 840 футовъ. Ее посѣтилъ при проѣздѣ своемъ въ Астрахань Великій Петръ и начерталъ на

ней своею царскою рукой годъ своего посѣщенія, теперь уже давно стертый временемъ.

Въ глубокомъ буеракѣ за Лысою горой — старинное село Моркваши, которое снабжаетъ теперь известкою Самару и все Поволжье.

За Морквашинскимъ буеракомъ — опять на цѣлыя версты подъ рядъ стѣны горъ. Мѣстные старожилы указываютъ намъ характерныя вершины «Двухъ братьевъ» и «Дѣвичьяго кургана», неразлучныя, конечно, съ легендами...

Еще болѣе глубокая и узкая трещина разсѣкаетъ сплошную горную твердыню у села Жигулей, давшихъ свое имя береговымъ горамъ. Это такъ называемая «Жегулевская труба». Она словно откалываетъ отъ сосѣднихъ возвышенностей живописный утесистый выступъ горъ, который невольно приковываетъ къ себѣ взглядъ своими характерными обрывами и господствующимъ положеніемъ надъ горами и рѣкой... Это «Молодецкій камень»,— по преданію, тоже становище Стеньки Разина; на вершинѣ его до сихъ поръ видны, какъ мнѣ передавали волжскіе жители, остатки укрѣпленія. Тутъ же сейчасъ и устье довольно оригинальной рѣки Усы, имѣвшей такое важное значеніе въ исторіи волжскихъ разбоевъ.

Уса—рѣченка не особенно маленькая, все теченіе ея немного больше ста верстъ; но она ни при истокѣ, ни при устьѣ, ни во все продолженіе теченія своего не хочетъ отстать отъ своей матери Волги. Начинаясь почти у самаго города Сенгилея (Симбирской губ.), стоящаго на Волгѣ, она, такъ сказать, провожаетъ Волгу, послушно слѣдуя за всѣми ея изворотами: у Костычей она едва не впадаетъ въ Волгу, но вдругъ рѣзко поворачиваетъ вмѣстѣ съ Волгою въ крутую петлю Самарской луки, и, войдя въ нее, разомъ мѣняетъ свое восточное направленіе на сѣверное, перерѣзаетъ будто канавою шейку Самарской луки и впадаетъ въ Волгу, какъ разъ противъ стоящаго на лѣвомъ берегу ея города Ставрополя. Этотъ поворотъ на сѣверъ происходитъ въ такой близости отъ Волги, именно отъ южнаго ко-

лѣна Самарской луки, что вольные казаки и волжскіе удальцы, грабившіе купеческія суда, чтобы не попадаться подъ выстрѣлы Самарской крѣпостцы и на глаза самарскимъ воеводамъ, обыкновенно переволакивали по-суху свои косныя лодки изъ южнаго колѣна луки въ Усу и какъ снѣгъ на голову преграждали путь выходившимъ изъ Самары товарамъ у Молодецкаго камня, въ сѣверномъ колѣнѣ Самарской луки; или же, наоборотъ, такъ же внезапно появлялись изъ-подъ Молодецкаго камня въ южномъ предѣ луки, благодаря все той же Усѣ. Въ этомъ отношеніи Уса играла ту же роль, какъ рѣчка Камышинка, о которой я разсказывалъ раньше.

Село Переволока, расположенное у самаго поворота Усы на сѣверъ и очень близко отъ берега Волги, сохранила въ своемъ имени въ назиданіе потомству эту былую историческую роль рѣчки Усы, которая кромѣ того служила удобнымъ защитнымъ рвомъ своего рода для укрывавшейся внутри Самарской луки, въ лѣсныхъ дебряхъ и пропастяхъ Жигулевскихъ горъ всякаго рода бродячей вольницы. Еще раньше въ Самарской лукѣ были Улусы ногайскихъ татаръ, защищенные укрѣпленными мѣстами. Противъ этихъ татарскихъ аванпостовъ Московское царство воздвигнуло свои передовые караулы. У самаго конца Жигулевскихъ горъ и вмѣстѣ съ тѣмъ у самаго начала Самарской луки (если считать по теченію), при поворотѣ Волги чуть не подъ прямымъ угломъ, возвышается, отступя версты 4 отъ берега, одна изъ самыхъ высокихъ вершинъ Жигулевской цѣпи, ея послѣдняя или, вѣрнѣе, ея первая гора,—«Караульный бугоръ», около котораго расположено старинное село Усолье. Бугоръ этотъ недаромъ называется «Караульнымъ». Съ него безъ труда можно видѣть на огромное пространство и русло Волги, и Заволжье, и прилегающія мѣстности Симбирской губерніи. На этомъ-то бугрѣ высилась въ старое время сторожевая башня и стояла царская сторожа, высматривая движеніе татаръ и оберегая русскія суда отъ нападенія грабителей. Русскіе поселенцы еще въ половинѣ XVI вѣка угнѣздились въ Усольѣ и сосѣднихъ бере-

говыхъ уголкахъ Самарской луки, добывая соль изъ соляныхъ ключей. Усолье обратилось тогда въ порубежный городокъ, обнесенный стѣнами, башнями, валами; ногайскіе татары съ своей стороны перегородили узкій проходъ между Волгою и Усой тремя рядами валовъ, сохранившимися до нашего времени у селенія «Валовъ», недалеко отъ Переволоки.

Усолье съ большею частью земель Самарской луки принадлежало нѣкогда любимцу императора Петра Великаго Меньшикову; а теперь принадлежитъ извѣстнымъ богачамъ графамъ Орловымъ-Давыдовымъ, предку которыхъ, знаменитому Орлову, подарила эти земли Екатерина II.

До самой полночи мы съ женой любовались своеобразною картиной этихъ нѣкогда грозныхъ, пустынныхъ горъ, видныхъ намъ, несмотря на полусумракъ ночи, съ удивительною отчетливостью очертаній; чернозеленый тонъ лѣсовъ, бѣлизна обрывовъ, выступы камней, капризныя тѣни утесовъ — все было видно такъ хорошо, что можно было хоть рисовать ихъ... Какая-то особенная поэтическая тишина покоилась теперь на этихъ погруженныхъ въ сонъ лѣсахъ, на этихъ нѣмыхъ твердыняхъ, неподвижно отражавшихся въ затихшихъ пучинахъ рѣки. Полусказочныя старыя легенды, слышанныя мною, носились, казалось, словно незримыя ночныя птицы, не только въ головѣ моей, но и надъ этими горными дебрями, въ торжественномъ величіи и таинственномъ молчаніи провожавшими цѣлые часы сряду нашъ тоже наконецъ смолкнувшій и погруженный въ сонъ пароходъ.

Мы не спали еще, когда пароходъ приставалъ къ Ставрополю, теперь простому уѣздному городу Самарской губерніи, а когда-то столицѣ калмыцкаго войска, которое угнали потомъ при императорѣ Николаѣ на пограничную Оренбургскую линію поближе къ родной ему Азіи, упразднивъ существовавшій здѣсь калмыцкій судъ, калмыцкую канцелярію и всякія спеціально калмыцкія учрежденія.

Множество бѣлянъ, баржъ, плотовъ остановилось здѣсь на ночлегъ, бросивъ якоря. Сплавныя суда не могутъ двигаться цѣлую ночь, а должны давать отдыхъ своимъ немногочисленнымъ рабочимъ, какъ долгіе извозчики волей-неволей даютъ отдыхъ своимъ лошадямъ.

Только проѣхавъ Караульный бугоръ и налюбовавшись досыта ночною панорамой Жигулей, которые здѣсь наконецъ обрываются, опоясавъ Волжскую луку на протяженіи цѣлыхъ девяноста верстъ, мы съ женой рѣшились покинуть уже совсѣмъ безлюдную террасу парохода и тихо спустились въ свою уютную каюту...

XI.

Отъ Симбирска до Казани.

Ночью буря расходилась хоть бы и на морѣ. Развело сильную волну, двухъэтажный пароходъ нашъ трещалъ по всѣмъ швамъ и покачивался такъ, какъ будто мы были еще на суровомъ Каспіѣ, а не на матушкѣ Волгѣ. Подходъ къ Симбирску мы проспали, а такъ какъ пароходъ еще опоздалъ изъ-за бури чуть не на цѣлый часъ, то намъ уже оставалось слишкомъ мало времени, чтобы съѣздить въ Симбирскъ. Да въ такую погоду, признаться, и не манило никуда!

Городъ въ 4-хъ верстахъ отъ берега, лѣзть къ нему нужно по крутѣйшей и грязнѣйшей горѣ, а тутъ дождь, буря, качаетъ не только пароходъ, но и самую пристань, къ которой онъ присталъ, со всѣми ея зыбучими сооруженіями. Скверно глядѣть на берегъ. До сихъ поръ еще ничего подобнаго не попадалось въ приволжскихъ городахъ. Черный какъ вакса черноземъ берега, размытый дождемъ и прибоемъ волнъ, ползетъ и обваливается въ рѣку; не обсаженная ничѣмъ дорога, похожая скорѣе на русло болотистой рѣчки, мечетъ свои безнадежныя петли то вправо, то влѣво по крутѣйшему скату, напрасно отыскивая сколько-нибудь

удобный подъемъ, а по ней карабкаются внизъ, словно въ далекую старину въ глуши деревенскихъ проселковъ, цѣлые обозы нагруженныхъ телѣгъ. Тесовыя лачуги разбросаны кое-гдѣ кругомъ, покосившіеся деревянные амбары, кажется, приготовились валиться въ рѣку; судовъ никакихъ, только нѣсколько пустыхъ досчатыхъ пристаней трясутся и качаются вмѣсто судовъ на расходившейся волнѣ.

Въ «путеводителѣ» я прочелъ о какомъ-то прекрасномъ шоссе въ городѣ, такъ называемомъ Петропавловскомъ спускѣ; но съ нашего парохода мы никакъ не могли открыть его существованія. Только красивый двухъярусный ресторанъ съ башнями подъ островерхними шатрами, въ quasi-древнемъ русскомъ стилѣ, да новая каменная церковь на уступѣ горы — сколько-нибудь говорили намъ о близости губернскаго города, которому почему-то присвоена молвой привилегія «дворянскаго города» по преимуществу. Для меня, впрочемъ, эта картина интересна, какъ уцѣлѣвшій образчикъ того, чѣмъ были еще недавно волжскіе города, въ тѣ дни, когда не было на Волгѣ пароходовъ, керосина и желѣзныхъ дорогъ.

Собственно говоря, въ Симбирскѣ смотрѣть рѣшительно нечего, кромѣ памятника нашему знаменитому исторіографу Карамзину, уроженцу Симбирской губерніи. Памятникъ русскому историку и русскому патріоту вполнѣ умѣстенъ въ такомъ историческомъ и патріотическомъ городѣ. Трудно приписать одной случайности ту мужественную стойкость, которую проявлялъ Симбирскъ въ зловѣщія эпохи, колебавшія русское царство, — сначала при Стенькѣ Разинѣ, потомъ при Пугачевѣ. Симбирскъ спасъ Россію отъ неудержимо разгорѣвшагося пожара народной анархіи, спасъ стольную Москву отъ похода на нее волжской вольницы,—разгромивъ въ 1670 году подъ своими стѣнами непобѣдимаго вождя мятежной черни—Степана Тимофеича, послѣ того, какъ Саратовъ, Самара, Царицынъ и множество другихъ волжскихъ городовъ малодушно сдавались ему безъ сопротивленія и съ хлѣбомъ солью выходили къ нему навстрѣчу. Симбирску минуло едва

20 лѣтъ съ основанія его, какъ пришлось ему стать грудью противъ грознаго атамана, одно имя котораго поднимало народъ и бунтовало стрѣльцовъ. Стенька цѣлый мѣсяцъ томилъ приступами и осадой мужественнаго воеводу Милославскаго, котораго деревянная крѣпостца оставалась, какъ Ноевъ ковчегъ среди потопа, среди охваченныхъ мятежомъ окрестныхъ областей. Но изъ Казани пришелъ наконецъ къ нему на выручку съ вѣрнымъ войскомъ своимъ, пробившись оружіемъ черезъ возставшіе уѣзды, храбрый князь Юрій Барятинскій, и въ жестокой сѣчи расколотилъ въ прахъ нестройныя полчища Разина. Самъ Стенька, заговоренный колдовствомъ отъ пуль и желѣза, былъ раненъ саблей въ голову, нога его прострѣлена пищалью, и самъ онъ совсѣмъ было попался въ могучія руки одного отчаяннаго алатырца Семена Степанова, уже повалившаго его на землю, если бы, къ несчастію, герой алатырецъ не былъ тутъ же изрубленъ казаками. Послѣ послѣдняго неудачнаго приступа къ городу, Стенька собралъ въ тайный кругъ своихъ казацкихъ есауловъ и глубокою ночью бѣжалъ съ казаками на низъ, оставивъ свое обманутое воинство и весь свой станъ въ добычу воеводамъ. По утру, когда открылся обманъ, мятежники въ ужасѣ бросились къ Волгѣ на струги и суда, давили и топили другъ друга, тонули въ рѣкѣ, падали мертвые подъ пулями и саблями. Барятинскій безпощадно преслѣдовалъ ихъ, разстрѣливая суда, сотнями забирая въ полонъ. Весь крутой берегъ Волги, который теперь передъ нами, былъ устланъ трупами. Почти никто не ушелъ. Тутъ же началась и короткая расправа. На далеко вдоль берега Волги разставлены были висѣлицы; вѣшали, разстрѣливали, четвертовали всѣхъ подъ рядъ безъ дальнѣйшихъ разспросовъ и слѣдствій...

Побѣда Барятинскаго какъ волшебствомъ развѣнчала миѳологическую непобѣдимость Степана Тимофеича. Царскіе воеводы двинулись въ возмутившіеся города и начали ихъ приводить одинъ за однимъ подъ законную власть. Два Долгорукихъ, Юрій и Данила, Милославскій, князь Щербатовъ добивали въ разныхъ мѣстахъ остатки воровскихъ шаекъ и отодвигали все дальше и

дальше книзу безмѣрно разросшіеся предѣлы мятежа. Самара и Саратовъ, недавно еще торжественно встрѣчавшіе «батюшку Степана Тимофеича», заперли теперь передъ нимъ ворота, и разбитый атаманъ изъ Царицына долженъ былъ перетянуть съ Волги на родной Донъ въ излюбленный Качалинскъ опять къ своей отчаянной казацкой голытьбѣ.

Ѳедька Шелудякъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и способныхъ подручниковъ Стеньки, пришелъ, правда, еще разъ подъ Симбирскъ и даже два раза бросался на приступъ противъ него, но воевода Петръ Шереметевъ, сдѣлавъ вылазку изъ города, нанесъ мятежникамъ такое пораженіе, что они едва успѣли бѣжать изъ-подъ стѣнъ Симбирска, оставивъ въ рукахъ воеводы всѣ пушки, ружья, запасы и много плѣнныхъ.

Симбирскій разгромъ былъ лебединою пѣснью Стеньки. Отъ него мало-по-малу отступилась не только Волга, Яикъ, Терекъ, но и родной ему Донъ, и Корнило Яковлевъ, хитроумный глава домовитыхъ казаковъ, смекнувъ, что Стенька спѣлъ свою пѣсенку, рѣшился наконецъ покончить съ нимъ, заковавъ въ освященные кандалы чернокнижника Стеньку, и повезъ его въ Москву поклониться его злодѣйской головой Царю-батюшкѣ...

Во времена Пугачевщины Симбирскъ также чуть ли не одинъ изъ всѣхъ волжскихъ городовъ остался вѣренъ законной государынѣ и не попалъ въ руки самозванца. Напротивъ того, самозванецъ попалъ къ нему въ руки, потому что, послѣ побѣды Михельсона, Суворовъ препроводилъ Емельку Пугачева въ желѣзной клѣткѣ къ графу Панину,—именно, въ Симбирскъ, и уже изъ Симбирска онъ былъ отправленъ на казнь въ Москву.

Эти славныя страницы не должны никогда забываться въ исторіи Симбирска; своего рода оффиціальнымъ признаніемъ ихъ служитъ гербъ Симбирска, данный ему императрицей Екатериной, изображающій собою бѣлый столбъ съ царскою короной наверху,—символъ той надежной опоры, которою былъ въ свое время для царской власти этотъ вѣрный городъ...

Нерѣдко слышатся укоризны людей, мало поучавшихся исто-

ріи, по поводу тѣхъ богатствъ и тѣхъ исключительныхъ почестей, которыя выпали на долю представителямъ нѣкоторыхъ старинныхъ нашихъ родовитыхъ фамилій. Конечно, нравственному чувству человѣческому всегда отраднѣе видѣть болѣе равномѣрное распредѣленіе между людьми земныхъ благъ; но чтобы быть вполнѣ справедливыми, было бы полезно почаще вспоминать и тѣ, иногда поистинѣ невознаградимыя заслуги родоначальниковъ и предковъ этихъ самыхъ фамилій, которыми полны лѣтописи Русской исторіи, которыя мы обыкновенно очень мало знаемъ, но которыя убѣждаютъ безпристрастнаго человѣка, что почетные титулы и обширныя земли бо́льшею частью давались въ свое время избраннымъ людямъ далеко недаромъ...

Берегъ за Симбирскомъ покрытъ лѣсами; изъ лѣсовъ выглядываютъ дачи, очень привлекательныя издали. Одна изъ этихъ дачъ, по увѣренію мѣстныхъ жителей,—усадьба Киндяковой, съ «обрывомъ», прославленнымъ въ романѣ Гончарова. Симбирскій берегъ Волги вообще много лѣсистѣе саратовскаго, а въ то же время и гораздо заселеннѣе.

А буря между тѣмъ разыгралась не на шутку; вѣтеръ дуетъ противъ теченія и взбиваетъ настоящія морскія пѣнистыя волны; волны эти упрямо хлещутъ въ пароходъ, въ камни берега, отъ нихъ все трещитъ и гудитъ кругомъ. Густыя свинцовыя тучи сплошь заволокли небо, и холодный дождь больно сѣчетъ лицо; сиверъ такой вдругъ завернулъ — чистый ноябрь! Дамы наши перезябли, надѣли теплыя кофты, пальто, пледы, поскучнѣли и пріуныли. Дѣти капризничаютъ, вынужденныя сидѣть взаперти. Благо еще салонъ нашъ весь въ окнахъ кругомъ, точно фонарь, такъ что во всѣ стороны все хорошо видно. Не везетъ намъ что-то съ Волгой! Или, лучше сказать, Волга хочетъ показаться намъ не своими поэтическими пейзажами, а суровыми характерными чертами своей исторической физіономіи, подходящими къ обстановкѣ бурлаковъ и разбойниковъ, разбитыхъ судовъ, потонувшихъ людей...

Всѣ сплавныя баржи, лодки, бѣляны стоятъ на якоряхъ, хотя теперь и не ночь. Буря ихъ унесла бы Богъ знаетъ куда. Но мы не теряемъ бодрости, утѣшая себя, какъ истинные русскіе люди, которымъ не въ новинку всякое долготерпѣніе.

«Дождикъ вымочетъ,—солнце высушитъ», «нѣтъ денегъ—значитъ передъ деньгами», а «непогода—непремѣнно передъ погодой».

И мы оказались правы: съ 2 часовъ дня небо вдругъ какъ-то непостижимо быстро расчистилось, словно гуменной токъ, разметенный заботливымъ хозяиномъ; все разомъ поголубѣло, прояснилось, засверкало красками. Но буря не утихла, хотя и потеплѣло.

Правый берегъ становится опять высокимъ и густо-лѣсистымъ, но уже безъ тѣхъ своеобразныхъ пирамидъ и конусовъ, которыми любуешься въ Жигуляхъ. Въ тѣни лѣсовъ и скалъ пріютилось, что-то въ родѣ раскольничьяго скита — сѣрая тесовая молеленка съ покривившимся крестомъ, и около нея нѣсколько скученныхъ сѣрыхъ избъ.

Но это, однако, не раскольничій скитъ, а православная часовня; мѣсто это зовется «Богородицкимъ рынкомъ» и еще «Старыми Тетюшами». Окрестная мордва увѣряетъ, что когда-то въ этомъ тѣсномъ береговомъ уголку стоялъ ихъ укрѣпленный городокъ, перенесенный потомъ на горы. А изъ уцѣлѣвшей грамоты царя Ѳедора Ивановича видно, что съ 1589 года здѣсь существовалъ Никольскій монастырь, разоренный въ половинѣ XVII вѣка волжскими разбойниками. Въ концѣ XVIII вѣка на мѣстѣ сожженнаго монастыря рыбаки нашли чудно-свѣтившуюся икону Казанской Божіей Матери, которая до сихъ поръ хранится въ соборѣ города Тетюшей и очень почитается мѣстными жителями.

Сѣрая часовенка и обозначаетъ собою мѣсто обрѣтенія иконы; сюда также приходятъ въ извѣстные дни богомольцы изъ окрестныхъ уѣздовъ, а рабочіе мимоидущихъ судовъ ни за что не пропустятъ случая пристать къ берегу, и помолиться въ старой часовенкѣ.

Съ часовенкой связано довольно поэтическое преданіе. Разсказываютъ, что какой-то болгарскій царекъ, въ одномъ изъ набѣговъ своихъ на Русь, взялъ въ плѣнъ молодую русскую княжну; красавица ни за что не соглашалась измѣнить своей православной вѣрѣ, и влюбленный въ нее мусульманинъ дозволилъ ей въ дни поста удаляться на тотъ берегъ Волги—молиться христіанскому Богу на томъ самомъ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь часовня...

Названіе «Богородицкій рынокъ» не должно вводить въ заблужденіе читателя. На Волгѣ, и даже на Дону «рынками» называютъ не базары, какъ у насъ, а мысы, обрывистые выступы берега,—вѣроятно, отъ корня «рыть». Впрочемъ, возможно допустить, что и обычное наше слово рынокъ въ смыслѣ базара могло произойти отъ того же берегового мыса большой рѣки, представлявшаго особыя удобства для остановки судовъ и выгрузки товаровъ для продажи. Такъ какъ въ старину товары больше всего двигались по судоходнымъ рѣкамъ, то и первыя мѣста продажи ихъ могли называться именемъ тѣхъ береговыхъ выступовъ, къ которымъ приставали суда, а впослѣдствіи имя это могло быть усвоено всякому мѣсту торга вообще.

Вотъ справа и самъ городъ Тетюши. Это уже пошла Казанская губернія. Городъ прячется наверху очень высокой и крутой горы, совсѣмъ голой и совсѣмъ красной отъ потековъ желѣзной руды. Только главы храма Божьяго, да тесовыя кровли крайнихъ домиковъ выглядываютъ изъ-за гребня горы, словно какая-нибудь сторожевая засада, охраняющая берегъ. Дорога продѣлана наискось по обрывамъ берега, очень длинная, съ живописными поворотами. Внизу обычныя ссыпки, пристани,—характерная физіономія, общая всѣмъ приволжскимъ городамъ. Тетюши, впрочемъ, городокъ, далеко не важный по своей торговлѣ. Единственное право его на вниманіе—это сѣрная руда, которая разрабатывается въ его окрестностяхъ, и которая при болѣе счастливыхъ условіяхъ могла бы имѣть серьезную будущность.

Теперь мы забрались въ истую татарщину. Когда-то здѣсь

было самое сердце волжской Болгаріи. Почти напротивъ города Тетюшей, на лѣвомъ берегу Волги, до сихъ поръ высятся полуразвалившіяся башни и палаты города Болгаръ, древней столицы когда-то могущественнаго болгарскаго царства, съ которымъ старая Русь воевала, не покладая меча, начиная отъ Святослава и Владиміра Святого до самаго основанія царства казанскаго, новаго и еще болѣе жестокаго врага, зародившагося на развалинахъ болгарскаго царства.

Къ сожалѣнію, эти любопытныя развалины—въ 5—6 верстахъ отъ Волги, такъ что на посѣщеніе ихъ необходима была бы особая поѣздка, несовмѣстимая съ нашимъ теперешнимъ сплошнымъ рейсомъ отъ Астрахани до Нижняго.

Деревня, сосѣдняя съ историческими развалинами, сохранила за собой историческое имя болгаръ, вѣроятно, слегка измѣненное изъ слова волгаръ, которымъ должны были называться эти старинные жители Волги, точно такъ, какъ Византія называлась у нѣкоторыхъ народовъ Византіей, а Вавилонъ—Бабилономъ.

По крайней мѣрѣ, Никоновская лѣтопись наша прямо говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «взяша Волгоры иже на Волзѣ и на Камѣ».

Слѣды пребыванія болгарскаго народа видны здѣсь и въ разныхъ другихъ мѣстахъ лѣваго берега. При рѣчкахъ Уткѣ и Майнѣ, впадающихъ съ лѣвой стороны въ Волгу, на южной границѣ Казанской губерніи, уцѣлѣло особенно много земляныхъ валовъ, городищъ, кургановъ, очевидно, остатковъ былыхъ болгарскихъ укрѣпленій,—между прочимъ, и древняго болгарскаго города Булымера.

Старыя финскія и тюркскія племена, бывшія въ теченіе вѣковъ хозяевами Волги, до сихъ поръ не покинули ея и остаются даже въ могущественномъ русскомъ царствѣ прежними коренными обитателями ея береговъ. Мордва, когда-то громившая насъ вмѣстѣ съ болгарами, татарами и всякими другими кочевниками, а теперь давно православная и давно земледѣльческая, мало уже различимая отъ чисто-русскаго племени, чуть ли не цѣлымъ

милліономъ душъ засѣла въ приволжскихъ губерніяхъ праваго берега. Чувашей въ казанской губерніи и въ сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ тоже насчитываютъ около полмилліона; это жители горной стороны Волги,—потомки древнихъ буртасовъ, какъ думаютъ нѣкоторые наши ученые; противъ нихъ, на лѣвомъ берегу Волги, а отчасти и рядомъ съ ними, живетъ съ четверть милліона луговыхъ и горныхъ черемисовъ, быть можетъ, остатковъ той, совершенно исчезнувшей теперь Мери, которая въ первые вѣка русской исторіи населяла собой ростовскую область, и которая могла уйти сюда изъ захваченныхъ русскими мѣстъ, спасаясь отъ насильственнаго обращенія въ христіанство, — «ушлецы языка славянскаго земли ростовскія, ушедше бо отъ св. крещенія во идолопоклоненіе и тамо кочевное житіе татарское вѣры безерменскія изволиша», какъ говоритъ о нихъ одна старинная «козмографія».

Не говорю уже о казанскихъ татарахъ, наслѣдникахъ древнихъ болгаръ, несомнѣнно слившихъ подъ своимъ именемъ не только этихъ былыхъ болгаръ, но и разныя другія племена стариннаго волжскаго населенія.

Всѣ эти азіатско-мусульманскія народности, обсѣвшія нашу Волгу, Каму, Оку, Свіягу, Суру, изрядно-таки разбавляютъ азіатчиной славянскую кровь воликорусса, и хотя, съ одной стороны, сильно облегчаютъ этимъ наше неудержимое давленіе на Азію и наше духовное родство съ Азіей, но, съ другой стороны, служатъ несомнѣнными, хотя и мало сознаваемыми у насъ, тормазами развитія культурной жизни въ Россіи.

Окрестности Тетюшей — это одно изъ главныхъ гнѣздъ чувашскаго племени. Что оно дѣйствительно живетъ на горахъ— сомнѣваться нельзя. Горы за Тетюшами почти такъ же высоки, какъ Жигули, хотя далеко не такъ красивы: есть вершины до 70 саженей высоты надъ уровнемъ Волги. Мѣстные жители разсказываютъ намъ удивительныя вещи про оригинальныя пещеры въ этихъ горахъ, то залитыя водой, то наполненныя льдами. Жаль очень, что волжскіе пароходы, преслѣдуя исклю-

чительно торговыя цѣли, не приспособляютъ своихъ рейсовъ хотя бы къ самому кратковременному посѣщенію подобныхъ достопримѣчательностей Волги, какъ это дѣлаютъ пароходы Рейна или швейцарскихъ озеръ. Вотъ мы миновали и село Тенишево на лѣвомъ берегу, откуда ближе всего было бы пробраться къ интереснымъ развалинамъ болгаръ, которыхъ мечеть хорошо видна даже изъ Тетюшей, съ противоположнаго берега Волги. За Тенишевымъ сейчасъ же пристань на «Березовой Гривкѣ», безотрадное совсѣмъ голое мѣсто, гдѣ сиротливо торчитъ одинокая избушка, а около нея толпится кучка извозчиковъ съ таратайками и тарантасами, тщетно ожидающихъ сѣдоковъ съ парохода. Въ бурю далеко не легко даже пароходу пристать къ берегу; у острововъ и береговъ отдыхаютъ буксиры съ своими баржами, чувствуя, что имъ не подъ силу бороться съ такою бурей; стоитъ у пристани и пассажирскій пароходъ «Великій князь Владиміръ», тоже американскій двухъ-этажный, какъ и нашъ, и тоже общества «Кавказъ и Меркурій». На палубѣ множество публики, синѣютъ студенческіе воротники, невольно напоминая близость Казани.

Нашъ пароходъ два раза пытался подойти къ пристани и два раза со срамомъ возвращался назадъ, отбиваемый волной; въ третій разъ онъ отошелъ совсѣмъ далеко отъ берега и съ помощью какой-то уловки капитана причалилъ-таки наконецъ къ берегу, когда «Владиміръ» уже снялся съ якоря.

Отъ пристани Березовой Гривки хорошо виденъ весь заросшій деревьями рукавъ Волги, который отдѣляется отъ нея очень близко отсюда; это извѣстный «Спасскій Затонъ», въ которомъ зимуютъ пароходы «Кавказа и Меркурія», и гдѣ находится его механическій заводъ. Затонъ этотъ не совсѣмъ безопасенъ отъ льдовъ во время полой воды, потому что коса, отдѣляющая его отъ коренной Волги, недостаточно высока.

За Березовою Гривкой берега Волги теряютъ всякую привлекательность, низки, безлюдны; но часовъ въ 7 вечера, когда мы прошли мимо широко отверстой пасти, черезъ которую много-

водная Кама вливается въ Волгу, — горы праваго берега стали опять интересны; онѣ тутъ совсѣмъ голыя, обрывистыя, съ красными и бѣлыми прослойками, въ родѣ полосатаго мрамора; вѣроятно, известняки, чередующіеся съ темно-красною охрой. Форма этихъ горъ тоже довольно причудливая. Мы двигаемся теперь, какъ разъ подъ ними, въ тѣни ихъ отвѣсныхъ будто ножомъ обрѣзанныхъ осколовъ, напоминающихъ правильною волнообразною линіей своей поверхности сплошные ряды гигантскихъ каменныхъ домовъ подъ круглыми зелеными крышами. Иногда бѣлыя стѣны этихъ нерукотворныхъ домовъ сплошь облиты темномалиновою охрой, иногда эти красные потоки только пестрятъ ихъ, будто ручьи льющейся сверху крови. Въ осыпяхъ известняка темнѣютъ пещерки, узкія живописныя ущелья вьются въ пазухахъ горъ, поднимаясь далеко вверхъ, вплоть до надвинувшихся съ материка колоссальнымъ скатомъ хлѣбныхъ полей, которыя намъ видны отсюда со всѣми своими буграми и буераками. Рыбацкія лодки, рыбацкіе шалаши идиллически выглядываютъ изъ такихъ лѣсистыхъ тѣснинъ. На утесѣ живописно высится гдѣ-нибудь высоко надъ нашими головами темный силуэтъ человѣка или лошади, въ неподвижномъ изумленіи провожающихъ насъ взглядомъ; вонъ цѣлая толпа отдыхавшихъ рабочихъ поднялась изъ кустовъ и столпилась на краю отвѣснаго обрыва... А то и цѣлыя села двухъ-этажныхъ домиковъ, съ большими хорошими церквами, любуются нами сверху, и сами вырѣзаются такъ красиво на огнистомъ закатѣ. Вотъ и Татарія,— а вездѣ православные храмы, вездѣ уже крѣпко и широко засѣла русская сила!

На правомъ и на лѣвомъ берегу поминутно мелькаютъ красно-бѣлые и чернобѣлые шесты, такъ называемые здѣсь «маячки», которыми обозначенъ фарватеръ Волги; пароходъ нашъ послушно переваливаетъ съ одного такого маячка на другой, обѣгая мели и острова. Ширь Волги у впаденія Камы еще очень большая, версты три—не меньше; но частые острова и мели сильно стѣсняютъ теченіе. Лѣвый берегъ выше впаденія Камы весь въ

сплошныхъ зарослях лѣсовъ. Подъ защитой этихъ береговъ и островковъ тащатся потихоньку и стоятъ на якоряхъ въ укромныхъ уголкахъ буксиры и баржи, избѣгающіе слишкомъ бурнаго стремени Волги. Только двухъярусныя громады пассажирскихъ пароходовъ смѣло и увѣренно бѣгутъ самою срединой рѣки намъ навстрѣчу. Пробѣжалъ «Тургеневъ», «Императоръ», пробѣжалъ одноярусный «Алексѣй». Встрѣчи эти дѣлаются все чаще и чаще; чуется близость большого города.

ЗООЛОГИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ПЕРВОЙ МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

XII.

Столица казанскаго царства.

Въ 4 часа утра мы были уже на палубѣ. Буря все свирѣпѣла и гнала внизъ волны, черныя и тяжелыя, какъ свинецъ... Народъ былъ вездѣ на ногахъ. Извозчики, забравшіеся съ ночи на пристань, выглядывали настоящими мокрыми курицами. Кромѣ нихъ, впрочемъ, множество конокъ бѣгаетъ между рѣкой и городомъ. Казань, по странной фантазіи ея строителей — не на Волгѣ, а въ 7 верстахъ отъ нея. Можетъ быть, разливы великой рѣки и низменность волжскаго берега заставили былую столицу татарскаго ханства уйти такъ далеко отъ Волги. Впрочемъ всѣ большіе города татарской Азіи, какъ убѣдились мы во время своихъ поѣздокъ по Туркестану,—Бухара, Самаркандъ, Ташкентъ,—выстроены въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега своихъ рѣкъ, повидимому, изъ той же осторожности.

Пристань, гдѣ мы теперь стоимъ, называется «Устьемъ», и сама по себѣ представляетъ довольно безотрадный видъ. Отъ нея до города устроена, хотя и порядочно грубая и очень тряская, но тѣмъ не менѣе исправная мостовая.

Я нанялъ извозчика и, не теряя времени, отправился съ женой осматривать Казань. Раньше, чѣмъ въѣдешь въ городъ, приходится проѣхать Адмиралтейскую слободку; у въѣзда въ нее, на рѣчкѣ Казанкѣ, такъ называемый «Петрушкинъ разъѣздъ»,

нужно надѣяться не имѣющій ничего общаго съ именемъ великаго монарха-преобразователя, котораго неутомимая энергія и здѣсь, въ землѣ дикихъ черемисъ, чувашъ и татаръ, создала когда-то верфи для постройки морскихъ судовъ, предназначенныхъ громить берега Каспія, и рѣчныхъ флотилій, необходимыхъ тогда для очищенія отъ гнѣздившихся повсюду разбойниковъ Волжскаго торговаго пути.

Адмиралтейская слободка, удержавшая за собою до нашихъ дней это старое Петровское названье, теперь, конечно, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ какимъ судамъ и верфямъ, но она обратилась въ цѣлый промышленный городокъ своего рода и то же по почину геніальнаго Царя, который первый завелъ въ Казани кожевенныя фабрики и мыловаренные заводы, понимая, какимъ важнымъ торговымъ и промышленнымъ центромъ должна была стать далекая отъ Москвы Казань для своего Заволжскаго края. Въ Адмиралтейской слободкѣ—извѣстный во всей Россіи заводъ стеариновыхъ свѣчей братьевъ Крестовниковыхъ, занимающій около полуторы тысячи рабочихъ и ведущій милльонные обороты; тутъ же и громадная крупчатка Романова, считающаяся первою на Волгѣ. Улицы вымощены, всѣ порядки городскіе, даже проѣзжая улица называется Московскою, какъ во всѣхъ настоящихъ городахъ. Есть даже больница, учрежденная въ память очень уважаемаго въ Казани профессора, доктора Виноградова.

Заводъ Алафузова, славящійся своимъ кожевеннымъ производствомъ, и его же бумагопрядильная и ткацкая фабрика, вырабатывающіе товару также на милліоны рублей, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Адмиралтейскою слободкой. Вообще Казань кишитъ заводами и фабриками и оборачиваетъ на нихъ огромные капиталы.

Казанскіе торговцы, особенно, конечно, татары, снабжаютъ своею сафьянною и юфтовою обувью, своимъ мыломъ, свѣчами, мукой—Сибирь и даже Среднюю Азію. Слава казанской юфти изстари утвердилась на востокѣ и по всей Волгѣ, даже еще во

времена Болгарскаго царства, такъ что Петръ Великій только возродилъ древній торговый и промышленный духъ казанцевъ, угасшій было послѣ разгрома Казани при Иванѣ Грозномъ.

Адмиралтейская слободка расположена среди низкой равнины, ежегодно затопляемой весеннею водой, на самомъ берегу рѣчки Казанки. Въ половодье суда доходятъ вплоть до нея, и весенняя пристань Казани бываетъ уже не въ Устьѣ, какъ теперь, а у самой Романовской мельницы. Давно уже казанцы ломаютъ себѣ голову, какъ бы имъ устроить здѣсь и постоянную пристань, такъ сказать, перетащить Волгу на 4 версты ближе къ городу. Вопросъ объ устройствѣ такъ называемой «бухты» поднимался не разъ, и были даже попытки устроить ее, окончившіяся весьма печально для легкомысленныхъ предпринимателей,—но по причинѣ огромной стоимости этого сооруженья нѣтъ пока надежды на его скорое осуществленіе. Луговая низина, окружающая Казань, весной обращается въ совершенное море, и тогда Адмиралтейская слободка, Устье, Зелантовъ монастырь, и всѣ окрестные поселки и заводы плаваютъ среди разлива какъ острова архипелага.

Зелантовъ монастырь очень близко отъ Адмиралтейской слободы и очень хорошо виденъ съ дороги на своемъ порядочно крутомъ холмѣ. Его церкви и домики весело выглядываютъ изъ зелени сада, хотя весь этотъ монастырь—одно громадное кладбище.

Мѣстныя преданія увѣряютъ, будто Зелантовъ холмъ насыпанъ изъ подкоповъ во время знаменитой осады Казани въ 1552 году, и будто на холмѣ этомъ стоялъ шатеръ царя Ивана. Гораздо вѣрнѣе, что на холмѣ этомъ, кругомъ монастыря, погребено множество русскихъ воиновъ, павшихъ при осадѣ въ битвахъ съ казанцами. Съ тѣхъ поръ холмъ этотъ сталъ излюбленнымъ мѣстомъ похоронъ для русскихъ жителей города.

Что касается до легендъ Зелантова холма, то онѣ несравненно древнѣе Иванова времени. Зелантъ—это ничто иное какъ татарское имя «Змѣиной горы»—«Джеланъ-тау».

Крылатый змѣй (Джеланъ) о двухъ головахъ, одной змѣиной, другой—бычачьей, жилъ на этой горѣ и ежедневно леталъ пить воду изъ озера Кабана, около котораго основался городъ Казань. Когда мудрые татарскіе колдуны, очистившіе отъ змѣй и кабановъ окрестности новаго города,—ухитрились наконецъ умертвить и этого страшнаго двухголоваго змѣя, обрадованый ханъ, въ память счастливаго событія, сдѣлалъ крылатаго змѣя гербомъ святого города. Гербъ этотъ сохраненъ Казани и подъ русскимъ владычествомъ, какъ самое подходящее изображеніе въ глазахъ нашихъ предковъ той змѣиной лютости и коварства, которыми ознаменовало себя Казанское царство въ исторіи царства Московскаго. Впрочемъ, татарскіе колдуны, повидимому, далеко не вполнѣ очистили отъ зловредныхъ гадинъ окрестности Казани, и исчадія крылатаго Зеланта не исчезли даже подъ сѣнью православнаго монастыря, сооруженнаго въ годъ взятія Казани надъ трупами во брани погибшихъ христіанъ. По крайней мѣрѣ, въ запискахъ г-жи Фуксъ, жены нѣкогда извѣстнаго профессора Казанскаго университета,—разсказывается очень живописно о томъ, какъ ей и спутникамъ ея во время половодья не было возможности пристать ни къ одному острову въ окрестностяхъ Казани, потому что всѣ они кишѣли змѣями, какъ муравьиныя кочки муравьями, и даже выстрѣлы изъ ружья не могли разогнать ихъ.

Каменная дамба версты три длиной соединяетъ Адмиралтейскую слободу съ городомъ. На половинѣ этой дамбы извозчикъ нашъ съѣхалъ влѣво и направился къ странному зданію, давно уже приковавшему мое вниманіе. На небольшомъ холмикѣ среди низкаго луга возвышается тупая каменная пирамида, совершенно напоминающая своею формой тѣ творожныя пасхи, которыя приготовляются у насъ для разговенъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Крошечный крестикъ вѣнчаетъ эту колоссальную пасху изъ тесанныхъ камней. Входы, украшенные низкими дорическими колоннами, напоминающіе собою входы въ

египетскія катакомбы, съ двухъ сторонъ ведутъ въ эту мрачную пирамиду. Старинныя каменныя ядра и старинныя маленькія пушки валяются у входовъ. Мы съ женой взобрались на холмъ и вошли внутрь небольшой церкви, построенной надъ прахомъ русскихъ воиновъ, убіенныхъ при осадѣ Казани. Церковь построена при Императорѣ Николаѣ I и не представляетъ собою ничего замѣчательнаго. Портреты царя Ивана Грознаго и Императора Николая украшаютъ ея стѣны. Гораздо болѣе поразилъ меня погребальный склепъ, въ который мы спустились черезъ другой входъ по темной лѣсенкѣ, съ восковыми свѣчками въ рукахъ. Мы очутились тамъ прямо въ нѣдрахъ могилы. Глухая тьма и духота могилы. Огромный гробъ бѣлаго мрамора стоитъ по серединѣ, полный бѣлыхъ человѣческихъ череповъ, какъ возъ малороссійскаго базара, полный арбузовъ. Но черепа не помѣщаются въ этой просторной посудинѣ: они насыпаны кругомъ, подъ подставкой гроба, они бѣлѣютъ безъ числа сквозь рѣшетчатый полъ склепа, въ нѣдрахъ сырой земли, вездѣ, куда ни проникаетъ глазъ...

Ихъ такое множество здѣсь, что, можно сказать, вся почва состоитъ изъ костей. Невозможно было рыть фундаментъ подъ церковь, по словамъ строителя, потому что чѣмъ глубже копали, тѣмъ больше человѣческихъ костей находили въ землѣ...

Недаромъ сложилась про Казань народная пѣснь:

Казань городъ на костяхъ стоитъ,
Казанка—рѣчка кровава течетъ,
Мелки-ключики горючи слезы,
По лугамъ—лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы,
Молодецкія,—все стрѣлецкія...

Я разсмотрѣлъ многіе черепа: почти всѣ они были пробиты круглыми отверстіями, несомнѣнными слѣдами пуль, или раскололоты сабельными ударами.

Ежегодно въ славный день взятія Казани, 2 октября, служится здѣсь мѣстнымъ архіереемъ торжественная панихида по

этимъ безчисленнымъ невѣдомымъ черепамъ, буквально сложившимъ здѣсь свои головы за вѣру и родину...

Казань только отсюда видна вполнѣ хорошо. Кремль забрался на высокую гору, въ неприступномъ углу между рѣкой Казанкой и болотистою рѣченкой Булакомъ. Древнія стѣны и башни этого Кремля и золотыя маковки старинныхъ церквей составляютъ удивительно характерный первый планъ широкой картины, на которой привольно раскинулся этотъ не на шутку большой городъ.

Казань имѣетъ глубоко православную физіономію, несмотря на нѣсколько десятковъ своихъ мечетей, несмотря на свою многовѣковую мусульманскую исторію. Только и видишь вездѣ, наверху на горахъ и внизу по равнинѣ, кресты, церкви, монастыри. Православіе облегло здѣсь все кругомъ. Въ кремлѣ купола православныхъ храмовъ тѣснятся цѣлымъ золотымъ букетомъ. Чѣмъ ближе къ кремлю, тѣмъ чаще церкви и въ городѣ, чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ рѣже сверкаютъ золотые кресты, и наконецъ только на послѣдней окраинѣ города, за Булакомъ, къ озеру Кабану, гдѣ начинается загнанная подальше отъ православнаго глаза татарская слобода, — начинаютъ подниматься одна за другою стрѣлы мусульманскихъ минаретовъ.

Оттого Казань смотритъ вовсе не Бахчисараемъ и не Бухарой, а чистѣйшею Москвой. Кремль ея особенно напоминаетъ Московскій кремль и несомнѣнно созданъ въ свое время подъ его вдохновеніемъ. И стѣны, и башни сохранились удивительно хорошо. Особенно типична въѣздная башня съ ея затѣйливыми ступенчатыми ярусами, съ ея двуглавымъ орломъ на высокомъ шпилѣ, напоминающая отчасти Сухареву башню Москвы. Это историческія Спасскія ворота, игравшія такую роль въ день взятія Казани. На башнѣ виситъ набатный колоколъ, а на наружной стѣнѣ башни помѣщается за рѣшоткой чудотворный образъ Нерукотвореннаго Спаса, глубоко почитаемый жителями,—

точная копія съ того образа Спаса Нерукотвореннаго, который былъ написанъ на ратной хоругви Царя Ивана.

Эту священную хоругвь Царь собственными руками водрузилъ въ воротахъ взятаго города, и сталъ около нея, чтобы удержать отъ постыднаго бѣгства своихъ побѣдоносныхъ воиновъ, которые въ пылу побѣды разсыпались вдругъ грабить соблазнительныя богатства татарской столицы и едва не были истреблены отчаянными защитниками Казани.

«Уже воины наши въ ужасѣ стали метаться назадъ черезъ стѣны съ громкими криками: «сѣкутъ! сѣкутъ!»

Царь Иванъ блѣдный смотрѣлъ издали на это общее бѣгство и думалъ, что уже вся наша рать выгнана изъ города. Но опытные воеводы, «великіе синклиты, мужи вѣка отцовъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ», по выраженію князя Курбскаго, «самого Царя, хотяще и не хотяще, за бразды коня взявъ, близь хоругви поставиша».

Въ то же время половина отборной двадцати-тысячной дружины, окружавшей Царя, съ старыми воеводами во главѣ ринулась навстрѣчу бѣгущимъ и опрокинула преслѣдовавшихъ татаръ...

Передъ Спасскими воротами ветхій, преветхій упраздненный Ивановскій монастырекъ, и выросшая на его мѣстѣ новенькая церковь русскаго стиля; тутъ же рядомъ крошечный, хотя и пятиглавый, единовѣрческій храмъ очень оригинальной архитектуры.

Черезъ Спасскія ворота въѣхали мы въ кремль. Узкая улица его совсѣмъ задавлена громадными, неуклюжими зданіями присутственныхъ мѣстъ и казармъ, которыя тянутся безконечно длиннымъ сундукомъ по правую сторону улицы. Въ татарское время здѣсь была тронная палата хановъ. Древніе православные храмы идутъ по другой сторонѣ улицы почти сплошнымъ рядомъ. Сначала пятиглавый Спасо-Преображенскій монастырь, мѣсто подвиговъ и погребенія святителей Гурія и Варсонофія,—

покровителей Казани; монастырь былъ и основанъ всего черезъ 4 года по взятіи Казани. Мощи св. Варсонофія до сихъ поръ покоятся въ немъ въ серебряной ракѣ. Но мощи св. Гурія, прежде почивавшія тоже здѣсь, рядомъ съ его духовнымъ другомъ и товарищемъ, въ XVII столѣтіи были перенесены въ Благовѣщенскій соборъ. На дворѣ монастыря, на томъ мѣстѣ, гдѣ были обрѣтены нетлѣнныя мощи обоихъ святителей, построена богатая часовня. Въ монастырѣ почиваетъ также извѣстный въ исторіи смутнаго времени митрополитъ казанскій Ефремъ, который убѣдилъ въ 1613 году царицу инокиню Марѳу отпустить на царство сына ея Михаила Ѳедоровича и возложилъ на него потомъ царскій вѣнецъ.

Рядомъ съ монастыремъ — маленькая церковь Кипріана и Устиніи, еще болѣе древняя и еще болѣе историческая. Она была построена по повелѣнію царя Ивана *въ самый день взятія Казани*, 2 октября 1552 года, когда еще кровь лилась по улицамъ кремля, и, конечно, была тогда срублена изъ дерева; каменная построена была уже гораздо позднѣе, но совершенно тѣхъ же размѣровъ и того вида, какъ и старая деревянная.

Почти того же возраста и того же историческаго значенія Благовѣщенскій каѳедральный соборъ, гдѣ въ драгоцѣнной ракѣ покоятся мощи святителя и просвѣтителя Казани, архіепископа Гурія. Именно, онъ построенъ 6 октября того же 1552 года, всего 4 дня спустя послѣ взятія Казани, сначала также деревянный, а черезъ 10 лѣтъ былъ передѣланъ въ каменный. Царь Иванъ Васильевичъ собственноручно водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ строиться соборъ и гдѣ теперь стоитъ престолъ главнаго алтаря. Соборъ огромный, типичнаго московскаго стиля, съ очевиднымъ подражаніемъ Успенскому, съ высокою колокольней, также не чуждой воспоминанія объ Иванѣ Великомъ; тутъ же, около него, архіерейскій домъ.

Интересно, что святитель Гурій, распоряжавшійся постройкой этого огромнаго храма, истратилъ тогда на него всего немного

больше 1.200 рублей, считая тутъ и матеріалъ, и плату рабочимъ, каменщикамъ-псковичамъ.

Черезъ площадь отъ собора — губернаторскій домъ, когда-то дворецъ казанскихъ хановъ, которыхъ придворная мечеть передѣлана въ домовую губернаторскую церковь. Неразрывною частью этой мечети былъ прежде изящный, многоярусный минаретъ, уцѣлѣвшій до нашихъ дней подъ названіемъ «башни Сумбеки», или Сююмбеки, какъ пишетъ Карамзинъ, на основаніи лѣтописцевъ. Башня Сююмбеки заканчиваетъ собою кремлевскую улицу.

Эта оригинальная башня уходитъ вверхъ стройными ступенчатыми ярусами, одинъ уже другого, и вѣнчается на высотѣ 35 саженъ длиннымъ шпилемъ съ двуглавымъ орломъ. Верхніе ярусы ея—изъ нештукатуреннаго кирпича и, быть можетъ, передѣланы въ позднѣйшее время.

Татары долго вѣровали, что въ золоченомъ яблокѣ на недоступной вершинѣ шпиля хранятся какія-то драгоцѣнныя для нихъ грамоты хановъ, но въ 1830 году, по распоряженію министра Внутреннихъ Дѣлъ, таинственное яблоко было снято и торжественно вскрыто на глазахъ татаръ; оно оказалось пустымъ мѣднымъ шаромъ, насаженнымъ на шпиль вмѣстѣ съ двуглавымъ орломъ, въ дни вовсе не казанскихъ хановъ, а въ не особенно давнее царствованіе императрицы Анны Іоанновны, при которой башня эта была перестроена.

Исторія царицы Сююмбеки, именемъ которой называется этотъ единственный, уцѣлѣвшій въ Казани памятникъ татарской эпохи, интереснѣе и поэтичнѣе самаго памятника. Это благодарная канва для романа и драмы.

Сююмбека была дѣвушка неописанной красоты, дочь ногайскаго князя Юсуфа. 13 лѣтъ ее отдали въ жены ребенку-царю, 15-тилѣтнему Эналею. Но казанцы скоро умертвили Эналея, и новый ханъ Сафа-Гирей, влюбившись до безумія въ ребенка-вдову, почти силой сдѣлалъ ее своею женой. Сююмбека ненавидитъ развратника и пьяницу мужа и терпитъ безысходныя

страданія. Отецъ ея самъ продалъ ее,—и весь, конечно, на сторонѣ противнаго ей хана. 13 лѣтъ продолжаются мученія несчастной женщины, наконецъ Сафа-Гирей умираетъ, и юная красавица-царица остается съ двумя малютками-сыновьями, изъ которыхъ старшему Утемышъ-Гирею, новому царю казанскому, всего 2 года. Сююмбека дѣлается правительницею ханства отъ имени малолѣтняго сына. Молодость скоро беретъ свое, и ею овладѣваетъ страстная любовь къ удалому крымскому улану Кощаку. Кощакъ собирается самъ стать царемъ, женившись на Сююмбекѣ, и разгромить невѣрную Москву. Но казанскіе вельможи недовольны вмѣшательствомъ въ государственныя дѣла молодого и гордаго любимца ханши; вспыхиваетъ бунтъ противъ крымцевъ; Кощака и его ближайшихъ друзей, заклятыхъ ненавистниковъ Россіи, схватываютъ и посылаютъ плѣнниками въ Москву, гдѣ царь Іоаннъ приказываетъ тотчасъ казнить ихъ. Сююмбека въ отчаяніи, въ безысходномъ горѣ, готова пожертвовать всѣмъ царствомъ своимъ, чтобы только отомстить московскому царю за смерть дорогого ей красавца. А политика Москвы не можетъ допустить, чтобы судьбами сосѣдней Казани правила такая враждебная рука. Іоаннъ посылаетъ на престолъ Казанскій прежняго хана Шигъ-Алея, повелѣвая взять Сююмбеку и везти въ Москву.

Воевода князь Серебряный-Оболенскій, по словамъ казанскаго лѣтописца, «вшедъ въ Казань съ 3,000 вооруженныхъ и 1,000 *огненныхъ* стрѣльцовъ, ятъ царицу и со царевичемъ *яко смиренную нѣкую птицу въ палатѣхъ ея*".

«Вшедъ же къ ней воевода съ казанскими вельможами одѣянъ въ золотую одежду и ста предъ нею съемши золотой шлыкъ и рече ей слово тихо и честно: поймана еси вольная царица великимъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ! Той отъемлетъ царство твое и передастъ тя въ руцѣ великому и благочестивому царю Ивану Васильевичу!»

«И влѣзши царица въ мечеть, и раздра верхнія ризы своя, и паде у гроба царева, власы свои терзающе и лице свое деруще».

Самъ воевода, говоритъ лѣтописецъ, плакалъ, смотря на нее. Весь городъ шелъ за царицей до рѣки Казанки, гдѣ ожидала ея богато украшенная ладья. Отъ слабости она едва могла сойти къ пристани и, войдя въ лодку, низко поклонилась народу. Вся толпа пала на землю съ горькимъ рыданіемъ... Царицу съ царевичемъ увезли въ Москву...

Рядомъ съ кремлевскою стѣной, но уже за нею — большой многоглавый соборъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря, обнесенный вмѣстѣ со своею высокою колокольней и разными другими постройками особою каменною оградой. Это тоже одинъ изъ историческихъ памятниковъ царствованія Ивана Грознаго и одна изъ важнѣйшихъ святынь Казани. Здѣсь хранится та прославленная во всей Россіи икона Казанской Божіей Матери, въ честь которой церковь установила празднества два раза въ годъ, 8 іюля и 22 октября. Найдена была эта икона въ первые годы по взятіи Казани въ землѣ, на мѣстѣ страшнаго пожара, истребившаго городъ. Монастырь былъ основанъ, по повелѣнію царя Ивана Васильевича, именно на мѣстѣ обрѣтенія иконы, а 8 іюля было днемъ этого обрѣтенія. Брилліантамъ, алмазамъ, жемчугамъ и всякимъ каменьямъ драгоцѣннымъ, украшающимъ чудотворную икону, нѣтъ ни числа, ни цѣны. Досужіе люди насчитали, будто на двухъ ризахъ и кіотѣ иконы цѣлыхъ 3.000 драгоцѣнныхъ камней! Главная слава иконы возникла въ смутное время земли Русской. Воинская рать, двинувшаяся съ Волги на освобожденіе Москвы, все время несла съ собою списокъ съ иконы Казанской Божіей Матери, и побѣду надъ поляками, спасеніе отечества народъ приписалъ ея помощи. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ построилъ во имя этой иконы Казанскій соборъ въ Москвѣ и учредилъ празднованіе ея 22 іюля, въ день освобожденія Москвы. Но впослѣдствіи Казанская икона, сопровождавшая воинство князя Пожарскаго, перенесена была въ Петербургъ, въ Казанскій соборъ, гдѣ и находится до настоящаго времени.

Путешественника глубоко поражаетъ это обиліе древнихъ православныхъ святынь на тѣсномъ холмѣ Казанскаго кремля, это удивительное превращеніе «змѣинаго магометанскаго гнѣзда» въ одинъ изъ самыхъ яркихъ свѣтильниковъ Христовой вѣры. Въ этомъ оригинальномъ духовномъ характерѣ Казани больше, чѣмъ во всѣхъ вещественныхъ памятникахъ ея, сохранились слѣды той своеобразной эпохи Русской исторіи, которая такъ рѣзко отличалась всѣми своими взглядами и пріемами отъ современной исторіи нашей. Въ вѣка московскихъ царей православіе было глубочайшею коренною основой нашей государственности, нашей народности; русскіе цари, русскій народъ не постигали тогда ничего русскаго внѣ православной вѣры; и сознательно, и безсознательно это чувство руководило всѣми предпріятіями, всѣми людьми. Вѣковая борьба съ многообразными азіатскими хищниками, обложившими кругомъ своими царствами, ханствами, ордами тѣсные предѣлы Московскаго царства, была прежде всего борьбой съ мусульманствомъ. Историческія обстоятельства сложились такъ, что освобожденіе Россіи отъ ига кочевниковъ было вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіемъ христіанъ православныхъ отъ нечестиваго мусульманина; завладѣніе великою славянскою рѣкой, доступъ къ Каспію, доступъ къ Азовскому и Черному морю, обезпеченіе мирнаго русскаго поселянина отъ хищныхъ набѣговъ,—было вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдой православной Руси надъ темнымъ царствомъ Магомета.

Каждый шагъ историческаго роста Россіи того времени былъ смертнымъ ударомъ Исламу въ лицѣ того или другого ханства, и вмѣстѣ новою ступенью для распространенія вѣры православной. Оттого-то церковь православная всегда шла во главѣ этой исторической борьбы, внушала царямъ самый замыселъ ея, подобно попу Сильвестру, вдохновляла ихъ на борьбу, подобно Сергію Радонежскому или Васьяну Рылу, благословляла и торжествовала побѣды, сопровождала воинскія рати и устрояла владычество православія еще на дымящихся огнемъ и кровью развалинахъ завоеванныхъ городовъ и царствъ, раньше чѣмъ

гражданская власть успѣвала вводить въ новыя области свои суды и порядки. Этимъ только и можно объяснить себѣ удивительно полное и скорое внѣдреніе въ русское государственное тѣло чуждыхъ ему политическихъ организмовъ, поразительно быстрое обрусеніе разныхъ Астраханей и Казаней, Тобольскихъ и Иркутскихъ областей, между тѣмъ какъ всѣ наши завоеванія позднѣйшаго времени, всѣ Самарканды, Ташкенты, Варшавы, Гельсингфорсы остаются подолгу враждебными и чуждыми Россіи иностранными государствами своего рода, гдѣ русскій человѣкъ не можетъ чувствовать себя хозяиномъ. Русскіе временъ Московскаго царства были также вѣротерпимы, какъ и мы; они не мѣшали мусульманину исполнять свои мусульманскіе религіозные обряды, строить мечети, почитать муллъ и имамовъ. Но они были искренни и прямо ставили свои задачи. Они завоевывали города и страны для того, чтобы быть хозяевами въ нихъ, и, дѣйствительно, дѣлались немедленно хозяевами безъ всякаго смущенія и уловокъ, съ твердою вѣрой въ свое право; себѣ и своему отводили господствующее мѣсто и сразу создавали въ отвоеванныхъ странахъ такія условія, при которыхъ русскому человѣку было возможно и удобно угнѣздиться въ новомъ гнѣздѣ. То же самое дѣлаютъ и теперь вездѣ, гдѣ это нужно имъ, англичане, нѣмцы и всѣ практическіе народы Европы. Иванъ IV, взявъ Казань, сейчасъ же учреждаетъ въ немъ архіепископство и строитъ рядъ соборовъ и монастырей; сейчасъ же отводитъ подъ русскій городъ Казанскій кремль и всѣ ближайшія къ нему мѣста, удобныя для защиты и торговли, а татаръ, во избѣжаніе всякихъ будущихъ столкновеній и недоразумѣній, выселяетъ въ отдѣльную слободу, гдѣ имъ не мѣшаютъ русскіе, и они не мѣшаютъ русскимъ. Оттого-то въ первые же годы послѣ завоеванія въ татарской Казани уже появляются великіе святители православной церкви, св. Гурій, св. Варсонофій и св. Германъ, появляются православныя иконы, чествуемыя цѣлою Русью, и на дняхъ еще чуждая намъ Казань

дѣлается вообще однимъ изъ твердыхъ столповъ русской народности, русской церкви, русскаго государства.

Мы не хотѣли покинуть Кремля, не обойдя по такъ называемому «купеческому бульвару» его старыя стѣны. Бульваръ этотъ заворачиваетъ по-надъ рѣкою Казанкою и открываетъ видъ на окружающіе Казань луга, на Волгу и ея горную сторону. Памятникъ убитымъ, адмиралтейская слобода съ своими заводами и фабриками, Зелантовъ монастырь, — все теперь у вашихъ ногъ. Кремлевскія стѣны и башни стоятъ со временъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Татарская Казань была окружена не каменною, а деревянною дубовою стѣною: бревенчатые срубы ея были насыпаны плотно утоптаннымъ хрящомъ и иломъ и вмѣстѣ со рвомъ семисаженной глубины представляли собою тоже надежную твердыню, но все-таки, ради опасности «огненнаго запаленья» и гніючести своей, были замѣнены при Грозномъ болѣе долговѣчными каменными стѣнами. Низкая и широкая Тайницкая башня, выходящая къ рѣкѣ Казанкѣ, гдѣ были когда-то Муралеевы ворота, и чрезъ потайной ходъ которой осажденные ходили по ночамъ добывать воду, смотритъ особенно характерно. Многія другія башни Кремля, поминаемыя въ лѣтописяхъ Казанской осады, не были возобновлены Иваномъ, потому что охватъ прежней деревянной крѣпости былъ много обширнѣе позднѣйшей каменной стѣны. Только крестный ходъ, который ежегодно происходитъ здѣсь 2 октября въ день взятія Казани, продолжаетъ по старому обходить не одинъ теперешній кремль, а всѣ тѣ мѣстности, которыя нѣкогда захватывались стѣнами татарской крѣпости.

Отъ Спасскихъ же воротъ идетъ и главная улица Казани— Воскресенская. Тутъ гостинный дворъ, тутъ Дума, тутъ всѣ лучшіе дома и магазины города. Александровскій пассажъ, — пожертвованный городу мѣстнымъ милліонеромъ Александровымъ, украсилъ бы любую столицу. Въ концѣ улицы университетъ съ

клиниками. Огромное зданіе университета — въ просторномъ и благородномъ стилѣ, отличающемъ всѣ постройки временъ Александра I. Когда-то на дворѣ его стоялъ памятникъ Державину, перенесенный съ 1871 года на театральную площадь.

Воскресенскій соборъ большой, пятиглавый сохранилъ свой старинный стиль, несмотря на перестройку.

На этой площади не только очень хорошій и большой театръ, но и весьма представительный домъ Дворянскаго Собранія. Тутъ же Державинскій садъ и памятникъ.

Барельефы на постаментѣ этого памятника нѣсколько сухи, но колоссальная фигура поэта посажена величественно. Академическія традиціи сороковыхъ годовъ, конечно, не дозволили художнику представить поэта иначе, какъ въ безличномъ образѣ классическаго мужа, съ непокрытою головой, въ сандаліяхъ и легкой туникѣ, опирающагося на лиру, чуждаго всякой индивидуальности, всякой національности, всякаго опредѣленнаго вѣка. Это собственно не статуя Гавріила Романовича Державина, а статуя поэта вообще. Вдохновенно счастливый взглядъ поэта и изящно задумчивая поза его переданы очень удачно, но, мнѣ кажется, слѣдовало бы придать лицу поэта болѣе серьезности и грусти. Онъ смотритъ на памятникѣ черезчуръ уже весело, хотя очи его и вперены въ небо, такъ какъ художникъ замыслилъ изобразить Державина въ ту именно минуту, когда онъ сочинялъ оду «Богъ».

Мы объѣхали всѣ болѣе интересныя мѣстности Казани: Проломную улицу, гдѣ главнымъ образомъ кишитъ вся торговля ея, Николаевскую площадь, Покровскую и Грузинскую улицу, лучше другихъ застроенныя; были и около прудка Черноозерской улицы, этого скуднаго остатка когда-то многочисленныхъ «Поганыхъ озеръ» татарской Казани, были и на Арскомъ полѣ, на которомъ пролили въ свое время столько крови русскіе и татарскіе удальцы, на которомъ Япанчи мѣрились своими ратными доблестями съ Воротынскими и Курбскими, а теперь мирно торгуютъ рядомъ другъ съ другомъ русскіе и татарскіе лавочники.

Въ одномъ изъ маленькихъ переулковъ города мы осмотрѣли замѣчательную по архитектурѣ старинную церковь свв. Петра и Павла. Хотя она построена богатымъ казанскимъ купцомъ Михляевымъ, при Петрѣ Первомъ, въ память пребыванія въ Казани этого великаго государя, но архитектура ея скорѣе XVII или даже XVI вѣка; восточною пестротою своего убранства она напоминаетъ отчасти храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ, а стилемъ постройки съ своимъ характернымъ и высокимъ краснымъ крыльцомъ Московскій же Покровскій соборъ. Колокольня, стоящая рядомъ, гораздо миніатюрнѣе самого храма. Онъ весь расписанъ разноцвѣтными травами и арабесками, увитъ по всѣмъ колонкамъ, карнизамъ и наличникамъ оконъ пестрыми гирляндами алебастровыхъ цвѣтовъ, крыши его раздѣланы яркими шахматными полями, подъ куполомъ и кругомъ всего верхняго яруса писанныя красками фигуры святыхъ; такія же фигуры святыхъ вырѣзаны на верху церкви и на оградѣ ея. Словомъ, этотъ оригинальный храмъ расцвѣченъ и расписанъ затѣйливо, пестро и ярко, будто какая-нибудь китайская ваза, и я увѣренъ, что рѣдко можно встрѣтить на Руси другую похожую на нее церковь.

Казань вообще смотритъ уже далеко не простымъ губернскимъ городомъ, а своего рода столицею цѣлаго края. Она полна учебныхъ заведеній всякаго рода, и особенно важна для мѣстнаго населенія своею духовно-просвѣтительною дѣятельностью,—этимъ историческимъ завѣтомъ ея первыхъ святителей. «Братство св. Гурія» неутомимо переводитъ книги Священнаго Писанія на языки чувашъ, черемисъ, татаръ, мордвы и различныхъ сибирскихъ инородцевъ, заводитъ школы, посылаетъ миссіонеровъ не только въ окрестныя мѣста, но и въ далекіе углы Сибири. Особенно много содѣйствуетъ этому, не говоря уже о Казанской Духовной Академіи, превосходно устроенная братствомъ въ татарской части города «инородческая учительская семинарія», гдѣ дѣти инородцевъ приготовляются просвѣщать своихъ собратьевъ русскою цивилизаціей и христіанскою вѣрой. Во время

путешествія моего по Средней Азіи, я встрѣчался со многими изъ воспитанниковъ этой замѣчательной семинаріи, почтенными педагогами-цивилизаторами киргизовъ, сартовъ и туркменъ. Всѣ они съ необыкновенною любовью и уваженіемъ вспоминали самоотверженнаго подвижника науки и вѣры, недавно умершаго директора своего Ильминскаго, замѣчательнаго знатока инородческихъ языковъ, котораго неутомимой ревности семинарія главнымъ образомъ обязана своими плодотворными результатами.

Казань для этого края — естественная просвѣтительница во всѣхъ отношеніяхъ. Недаромъ здѣсь возникъ и очагъ научнаго просвѣщенія,—университетъ. Хотя, быть можетъ, онъ былъ созданъ нѣсколько ранѣе, чѣмъ жизнь предъявила свои требованія на него, по одному теоретическому соображенію въ его будущей пользѣ, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время цѣлая группа русскихъ областей по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ живетъ въ умственномъ смыслѣ силами Казанскаго Университета; его вліяніе отражается даже на губерніяхъ Западной и Восточной Сибири, пока новый спеціально сибирскій университетъ—Томскій,—еще не окрѣпъ и не разросся настолько, чтобы стать самостоятельнымъ разсадникомъ образованныхъ дѣятелей для своей страны.

Казань — представительница своей стороны и въ торговомъ отношеніи. Она стоитъ на старомъ торговомъ и административномъ пути, который споконъ-вѣку шелъ изъ Москвы черезъ Владиміръ и Нижній къ Уралу и въ Сибирь. Въ Казани старая Русь встрѣчалась впервые съ азіатскими элементами. До Казани въ этой же приблизительно мѣстности было Болгарское царство, до Болгарскаго — такая же торговая и богатая Біармія, хотя и невѣдомая намъ въ своихъ точныхъ границахъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно лежавшая въ бассейнѣ Камы. Устье Камы, прикрываемое неприступными для своего времени укрѣпленіями Казани, можно было считать открытыми воротами изъ Россіи въ Заволжье, къ Уралу, въ далекія сибирскія мѣста, въ маловѣдомыя и трудно доступныя области, гдѣ гнѣздились уже не европейскія, а азіатскія народности. Поэтому устье Камы, или

вѣрнѣе городъ, владѣющій имъ, долженъ былъ издревле сдѣлаться громаднымъ торговымъ базаромъ, куда русскій товаръ привозился для обмѣна на азіатскій, а въ то же время долженъ былъ стать и передовымъ боевымъ оплотомъ азіатскихъ народовъ противъ неудержимо разроставшейся силы Московскаго царства. Борьба за Казань, за эти ворота Азіи, была поэтому роковою необходимостью какъ для азіатскаго міра, такъ и для русскаго. Оттого-то Казанское взятіе въ исторіи Россіи имѣло почти такое же значеніе, какъ Куликовская битва, и было торжествуемо современниками какъ величайшее и радостнѣйшее событіе. Сломить Казань—значило сломить Азію въ ея собственной твердынѣ, а не только свергнуть иго ея, какъ это сдѣлалъ Иванъ III, значило, изъ защиты перейти наконецъ въ наступленіе, изъ освободившагося данника Азіи превратиться въ ея владыку.

Дѣйствительно, послѣ присоединенія къ Россіи царства Казанскаго сами собою, какою-то неудержимою силою, сейчасъ же присоединяются къ Россіи сначала царство Астраханское, а скоро послѣ того и Сибирское, — уже доподлинная Зауральская Азія. Это было тогда до того ясно для всѣхъ, что сейчасъ же послѣ взятія Казани при дворѣ царя Ивана появляются послы могущественнѣйшихъ Среднеазіатскихъ властителей, Сибирскаго, Хивинскаго, Бухарскаго, Тюменьскаго и другихъ хановъ, которые никогда почти не посылали прежде пословъ въ Москву, но которые поняли теперь, что Московскій царь сталъ со взятіемъ Казани однимъ изъ великихъ владыкъ Азіи, и потому приходилось волей-неволей искать его дружбы и милостей.

Такое исключительное положеніе Казани поддержало ея торговое и промышленное значеніе и въ составѣ русскаго царства.

Хотя въ послѣдніе годы Казань понесла сильный уронъ вслѣдствіе того, что осталась въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, но въ настоящее время это неудобство уже устранено, и трудно сомнѣваться, что въ недалекомъ будущемъ старый путь къ Уралу на Пермь и Екатеринбургъ превратится въ желѣзный,

и рельсы протянутся отъ Волги до Сибирскихъ притоковъ Оби, въ осуществленіе того, давно замышленнаго плана, который уже началъ было приводиться въ исполненіе постройкою Екатеринбургъ-Тюменьской желѣзной линіи. Во всякомъ случаѣ, даже и безъ прямого соединенія Казани съ Сибирью желѣзнымъ путемъ, сибирская и уральская торговля не минуетъ Казани, по крайней мѣрѣ, въ теченіе большей половины года, когда является возможность сплавлять грузные и дешевые сибирскіе и уральскіе продукты самымъ дешевымъ изъ всѣхъ существующихъ способовъ перевозки,—водою по Камѣ, съ которою не въ силахъ конкурировать никакая желѣзная дорога.

Трудно вообще сомнѣваться, что Казани, при условіяхъ ея географическаго положенія, предстоитъ еще блестящая будущность во всѣхъ отношеніяхъ, и нельзя не пожелать, чтобы въ ожиданіи болѣе широкой, просвѣтительной, торговой и промышленной дѣятельности своей старая столица Едигеровъ и Улумахметовъ обезпечила прочнымъ образомъ свое прямое сообщеніе съ Волгою и ея горнымъ берегомъ.

XIII.

Между Казанью и Нижнимъ.

Накупивъ въ Казани татарскихъ сафьянныхъ издѣлій и свѣжей икры, которая продается здѣсь всего по 1 р. 20 коп. за фунтъ, вмѣсто обычныхъ 3 руб., возвратились мы на свой пароходъ.

Волга у Казани дѣлаетъ очень крутой переломъ: отъ Нижняго до Казани она течетъ съ запада на востокъ, отъ Казани до Ставрополя-Самарскаго, или до Самарской Луки, прямо на югъ.

Казань стоитъ на самомъ колѣнѣ этого прямого угла, какъ вообще всѣ сколько-нибудь значительные волжскіе города непремѣнно отмѣчаютъ собою рѣзкій поворотъ волжскаго русла.

Теперь намъ остается проѣхать послѣднее плёсо Волги, чтобы окончить въ Нижнемъ свое безмятежное и комфортабельное рѣчное путешествіе и перебраться въ шумливые вагоны желѣзной дороги.

Это Казанско-Нижегородское плёсо—одно изъ самыхъ красивѣйшихъ и несомнѣнно самое оживленное изъ всѣхъ пройденныхъ нами звеньевъ Волги. На этомъ быломъ рубежѣ Московскаго и Казанскаго царства сосредоточилась въ теченіе вѣковъ торговля Россіи съ Заволжскою и Камскою Азіей, съ низовьями Волги, съ Каспіемъ... Можно сказать, что отъ Казани до Нижняго—всѣ берега Волги—одна сплошная хлѣбная и лѣсная ярмарка. Здѣсь Казань, здѣсь Лысково, здѣсь Макарьевъ, предокъ Нижегородской ярмарки, здѣсь самъ Нижній-Новгородъ. Цѣлый рядъ селъ праваго берега смѣло можетъ спорить съ любыми уѣздными городами, и каждое изъ нихъ развило какую-нибудь своеобразную отрасль торговли.

Большой Сибирскій трактъ изъ Москвы на Владиміръ и Нижній шелъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ этими самыми береговыми городами и селеньями, черезъ Лысково, Васильсурскъ, Чебоксары и Свіяжскъ. Хотя этотъ сухопутный трактъ потерялъ свое прежнее значеніе со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ и открытія пароходства по Волгѣ и Камѣ, но тѣмъ не менѣе въ свое время онъ тоже содѣйствовалъ благосостоянію этой мѣстности.

Торговое движеніе Казанскаго плёса много усиливается еще и оттого, что въ него несетъ свои воды на сравнительно тѣсномъ пространствѣ цѣлая сѣть рѣчныхъ притоковъ, и съ правой, и съ лѣвой стороны. Не считая уже Камы, которая впадаетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ этого плёса и оказываетъ поэтому громадное вліяніе на его торговлю, въ самое плёсо впадаютъ такія большія рѣки, какъ Сура, протекающая 600 верстъ, Ветлуга длиною въ 700 верстъ, Свіяга и множество другихъ; а съ западнаго конца своего плёсо это подкрѣпляется у Нижняго водами Оки и всего ея громаднаго бассейна, съ которымъ можетъ непосредственно сообщаться.

Къ тому же почти всѣ рѣки, вливающіяся въ это плёсо, протекая бо́льшею частью, какъ Ветлуга, Керженецъ, Рудка и другія, по лѣснымъ мѣстностямъ, и потому богатыя водою, сплавляютъ въ огромномъ количествѣ изъ глуши лѣсовъ драгоцѣнные сами по себѣ, но въ продажѣ очень дешевые лѣсные матеріалы, въ обмѣнъ на которые требуютъ хлѣба и всякихъ промышленныхъ издѣлій для своихъ безхлѣбныхъ мѣстностей. Но береговые городки и селенья этого плёса вмѣстѣ съ торговымъ значеніемъ имѣютъ еще и историческое. Почти всѣ они—памятники той знаменательной эпохи борьбы Москвы съ Казанью, Руси съ татарщиной, которая увѣнчалась покореніемъ трехъ татарскихъ царствъ. Всѣ они возникли въ XVI столѣтіи, при Иванѣ Грозномъ или отцѣ его, какъ передовые редуты надвигавшейся на Азію русской силы. Какъ торговля ихъ была въ свое время *внѣшнею*, пограничною торговлей, такъ и укрѣпленія ихъ были нѣкогда *порубежными* укрѣпленіями, стоявшими на грани земли вражеской, хотя и тому, и другому теперь вѣрится съ такимъ трудомъ! Оттого-то всѣ эти Свіяжски, Чебоксары, Козьмодемьянски смотрятъ до сихъ поръ глухими уголками старинной Москвы, оттого-то въ нихъ такъ выразителенъ до сихъ поръ ихъ православный характеръ, и не столько, кажется, видно домовъ и магазиновъ, сколько церковныхъ главъ и крестовъ...

Однако, нужно прибавить, что если православіе сохранило въ этихъ незначительныхъ теперь городкахъ свое историческое величіе, уже мало соотвѣтствующее ихъ современному положенію, то съ другой стороны и расколъ нашъ крѣпко угнѣздился въ этихъ же самыхъ мѣстностяхъ, въ Ветлужскихъ и Керженскихъ дебряхъ, пользуясь отдаленіемъ ихъ отъ центровъ преслѣдующей власти и недоступностью для полицейскаго сыска...

Свіяжскъ лежитъ на красивой лѣсной возвышенности. Но онъ не на самой Волгѣ, а на Воложкѣ, который уходитъ довольно далеко за острова и мели праваго берега; кромѣ того, на устьѣ рѣки Свіяги. Пароходы не подъѣзжаютъ къ нему, а публика

любуется имъ издали. Изъ темно-курчавой чащи лѣса сначала живописно выглядываютъ по скатамъ горы бѣлыя зданія и купольчики какого-то монастыря, а дальше на очень крутой горѣ тѣснятся дружною кучкой старинные пятиглавые храмы съ золотыми и зелеными маковками на узенькихъ шейкахъ, съ затѣйливо вырѣзанными крестами. Я насчиталъ издали восемь церквей, изъ которыхъ пять кажутся стоящими одна около другой. Очевидно, что это церкви бывшаго кремля, поневолѣ тѣсно скученныя въ своей тѣсной оградѣ. Въ одномъ изъ монастырей Свіяжска мощи св. Германа, одного изъ первыхъ просвѣтителей Казанскаго края. Свіяжскъ былъ построенъ, можно сказать, мимоходомъ, при походѣ царя Ивана на Казань. Среди просторной Сурской низины возвышалась у самаго устья Свіяги естественная крѣпость—крутая лѣсистая гора. Вражеская Казань почти напротивъ нея, всего верстахъ въ 30. Какого еще лучше стана для русской рати? Царь въѣзжаетъ верхомъ на эту «круглую гору» вмѣстѣ съ сопровождавшими его воеводами, Шигъ-Алеемъ и другими казанскими сторонниками своими, и, пораженный необыкновенными выгодами мѣстности, говоритъ окружающимъ: «здѣсь будетъ городъ христіанскій; стѣснимъ Казань: Богъ вдастъ ее намъ въ руки». На слѣдующій годъ (1551 г.) царь посылаетъ дьяка своего Ивана Выродкова «на Волгу въ Углецкой уѣздъ въ Уматыхъ вотчину, церквей и города рубити, и въ судѣхъ съ воеводами на низъ вести». Цѣлая рать съ множествомъ воеводъ послана была къ устью Свіяги ставить новый городъ. Густой лѣсъ, покрывавшій «круглую гору», былъ живо поваленъ топорами ратниковъ, мѣсто расчистили, обмѣрили, освятили, и въ четыре недѣли былъ срубленъ «Новъградъ Свіяжскій, нареченный во Царьское имя Иваньградъ».

Имя это почему-то не удержалось, а Свіяжскъ сталъ съ тѣхъ поръ опорнымъ пунктомъ русскихъ при нападеніяхъ на Казань.

Въ послѣднее время онъ потерялъ всякое значеніе, будучи удаленъ отъ коренной Волги, но новая желѣзная дорога, со-

единившая теперь Свіяжскъ прямо съ Москвой, обратила его въ конечную станцію этой важной линіи, откуда должно быть установлено постоянное пароходное сообщеніе съ Казанью.

Несомнѣнно, это сильно подниметъ старый городокъ царя Ивана.

Волга въ этомъ плёсѣ своемъ далеко уже не такая многоводная, какъ на низу, несмотря на то, что въ нее обильно подливаютъ воды ея лѣсные притоки. Желтые мели то и дѣло просвѣчиваютъ своими голыми черепами сквозь лижущую ихъ волну. Перекаты здѣсь на каждомъ шагу. Пока они еще не особенно опасны, но недѣли черезъ двѣ-три съ ними будетъ чистая мука для тяжело нагруженныхъ судовъ. Опытный помощникъ капитана показываетъ мнѣ въ лицо каждаго изъ этихъ притаившихся подъ водой враговъ своихъ. Сначала Гуляевскій и Макарьевскій, потомъ Ураковскій, потомъ Гремячскій, Кинярскій, потомъ Сумскій, Ѳокинскій, Керженецкій и наконецъ послѣдніе три уже недалеко отъ Нижняго, Собачій пронъ, Телячій бродъ и Подновье. Пароходъ нашъ то и дѣло перерѣзаетъ поперекъ Волгу, справа влѣво, слѣва вправо, обходя мели и направляясь отъ маяка къ маяку. Тутъ уже безъ бакановъ обойтись нельзя, и ихъ красные значки частенько пестрятъ теперь синюю ширь Волги. По берегамъ сплошныя села. Вездѣ большіе бѣлые храмы, двухъэтажные бревенчатые дома, ссыпки, мельницы... Вотъ Козловка, извѣстная по всей Волгѣ своею торговлей яйцами, которыя милліонами идутъ на мыловаренные заводы Казани для приготовленія знаменитаго въ свое время яичнаго казанскаго мыла, уже давно, впрочемъ, потерявшаго свою былую репутацію. Вотъ Сундырь, бывшая вотчина митрополитовъ Крутицкихъ, съ винокуреннымъ заводомъ, съ паровою мельницей, со складами хлѣба.

Вотъ и городъ Чебоксары—столица чувашъ, существовавшая еще при царствѣ Казанскомъ и обращенная изъ села въ городъ послѣ взятія Казани. Чебоксары живописны такъ же, какъ и

Свіяжскъ. Широкій скатъ горы спускается на встрѣчу нашему пароходу, такъ что весь городъ виденъ, какъ на высокой подставкѣ. Это опять какая-то лавра церквей, изъ-за которой не видно скромныхъ домиковъ города. Храмы все древніе, пятиглавые, въ стилѣ Чудова монастыря, и тоже толпятся тѣсною кучкой одинъ около другого, хотя стѣна, ихъ нѣкогда опоясывавшая и державшая ихъ, какъ прутья, въ одной связкѣ, давно уже не существуетъ... Я насчиталъ этихъ церквей 6—7, но меня увѣряли, что ихъ не меньше 14. Онѣ лѣпятся къ самому обрыву берега, котораго красныя глиняныя осыпи очень эффектно вырѣзаются на первомъ планѣ, отражаясь въ волнахъ рѣки. Длиннѣйшія деревянныя лѣстницы карабкаются въ разныхъ мѣстахъ на эти высокіе обрывы, изворачиваясь своими колѣнами то вправо, то влѣво. Внизу обычная хлѣбная пристань со ссыпками и конторами.

Немного подальше отъ города, на уступѣ обрыва, рощица темныхъ елей, и среди нея окруженный каменною оградою древній монастырекъ; внизу на берегу ключъ, осѣненный скромною часовенкой и около нея нѣсколько перекосившихся тесовыхъ келій, вѣроятно для ночлега приходящихъ сюда богомольцевъ. Кругомъ вездѣ остатки бывшаго лѣса, въ которомъ прятался прежде этотъ маленькій скитъ. Древняя Русь сказывается еще здѣсь на каждомъ шагу этими типическими часовенками, монастырями и городками пятиглавыхъ храмовъ... И здѣсь, какъ въ Казани, Иванъ Грозный задавилъ православіемъ туземные культы всѣхъ этихъ чувашъ, черемисъ и татаръ...

Въ $6^1/_2$ часовъ утра мы были подъ Козьмодеміянскомъ. Онъ виденъ далеко издали на высокомъ обрывистомъ мысѣ праваго берега. Съ парохода замѣтны хорошіе большіе дома, много садовъ, много богатыхъ церквей. Козьмодемьянскъ можно назвать столицей черемисъ, какъ Чебоксары—столицей чувашей, хотя черемисы и живутъ бо́льшею частью на луговой сторонѣ Волги. Козьмодемьянскъ—главная лѣсная пристань Волги. Всего въ

10 верстахъ выше него впадаетъ въ Волгу рѣка Ветлуга, а прямо противъ него—рѣка Рудка. На этихъ-то рѣчкахъ строятся бѣляны и вяжутся плоты, которые потомъ спускаются по полой водѣ на Волгу. Въ Козьмодемьянскѣ идетъ ихъ распродажа. Здѣшняя лѣсная ярмарка, на которую съѣзжаются купцы со всего Поволжья, открывается 5-го мая и продолжается до 18-го іюня. Мы попали какъ разъ въ самый разгаръ ея. Оттого-то у пристани Козьмодемьянска такое множество судовъ, а на берегу такія толпы народа. Многіе сотни плотовъ изъ громадныхъ бревенъ охватываютъ собою на нѣсколько верстъ берега Волги, и не доѣзжая Козьмодемьянска, и подъ самымъ Козьмодемьянскомъ, и особенно выше его...

На каждомъ плоту два огромныхъ самодѣльныхъ руля, одинъ впереди, другой назади, и только одна крошечная конурка, на подобіе собачьей, чтобы укрываться отъ дождя и непогоды. Впрочемъ, и она приноситъ мало пользы, потому что плотъ гнется и заливается волною, и отъ этого у рабочихъ ноги день и ночь въ водѣ и постоянно поэтому босыя. Вчерашняя буря такъ основательно потрепала эти плоты, что всѣ рабочіе заняты теперь перевязкой заново и перетягиваніемъ расшатавшихся бревенъ. Задолго до Козьмодемьянска мы уже встрѣчали совсѣмъ разбитые плоты, уносимые теченіемъ, и много плывущихъ одиночныхъ бревенъ. Нельзя сказать, чтобы такія утлыя посудины были вполнѣ безопасны въ хорошую бурю и для самихъ рабочихъ, безпечно почивающихъ на нихъ.

Много буксировъ подтаскиваютъ баржи, навязавъ ихъ по четыре, по пяти на канатъ; вездѣ, куда ни глянешь, мачты, дымы, трубы; два парохода съ трудомъ подвигаютъ вверхъ громадную бѣляну, нагруженную ободьями, лыкомъ, дранью и всякою деревянною мелочью.

Вѣтеръ, наконецъ, стихъ; Волга сравнительно успокоилась; небо прояснилось. Зеленые лѣса безъ перерыва тянутся по берегамъ, красиво отражаясь въ затихшихъ водахъ рѣки. Это все

драгоцѣнные дубовые лѣса, сберегаемые казной еще со временъ Петра Великаго, который даже въ тотъ непросвѣщенный вѣкъ выписывалъ для правильнаго устройства ихъ ученыхъ вальдмейстеровъ-нѣмцевъ и издавалъ драконовскіе законы для ихъ охраны. Въ настоящее время это очень прибыльная статья доходовъ для казны, дающая ежегодно милліоны. Чуваши и русскіе жители пользуются этими лѣсами, чтобы выдѣлывать въ огромныхъ количествахъ дубовую клепку для керосиновыхъ бочекъ, которою снабжается Царицынъ, Баку и всѣ вообще центры нефтяной торговли по Волгѣ и Каспію.

А на правой сторонѣ опять городъ — и опять на высокомъ кругломъ мысу,—это Васильсурскъ, основанный при впаденіи Суры въ Волгу еще раньше Ивана Грознаго, отцомъ его Василіемъ Ивановичемъ. Васильсурскъ уже не въ Казанской губерніи, а въ Нижегородской, хотя и на самой границѣ Казанской. Царь Василій, давшій ему свое имя, думалъ создать здѣсь пограничный торговый центръ, который отбилъ бы постепенно торговлю отъ татарской Казани. Но жизнь не пошла по указанному пути, а пробила свои собственные. Народъ сталъ толпами притекать къ новоустроенной обители Св. Макарія на лѣвомъ берегу Волги, и около монастыря возникла мало-по-малу вмѣстѣ съ городомъ Макарьевымъ всероссійская макарьевская ярмарка, которая только съ 1817 года была переведена въ Нижній-Новгородъ. Василь же остался до нашего времени ничтожнымъ городкомъ, несмотря на Суру, для которой онъ служитъ входною пристанью.

Нужно обогнуть полуостровъ Волги, чтобы подъѣхать къ Василю и увидѣть устье Суры. Одинокая церковь Васильсурска среди немногочисленной кучки домовъ совсѣмъ не подходитъ къ тому общему типу старыхъ Приволжскихъ городковъ, который мы только-что видѣли въ Козьмодемьянскѣ, Чебоксарахъ, Свіяжскѣ. Сура славится своими стерлядами, и въ Васильсурскѣ буфетчикъ нашъ обильно запасся ими, что не замедлило, конечно,

сейчасъ же отразиться на нашемъ ужинѣ. Уже вечерѣло, и на мачтахъ стали зажигать электрическіе фонари, къ счастью, замѣнившіе теперь керосиновые на всѣхъ пассажирскихъ пароходахъ Волги, послѣ страшной катастрофы, всѣмъ еще памятной.

Я искренно смѣялся, наблюдая возню неуклюжихъ матросиковъ нашихъ, вообще не особенно близко знакомыхъ съ физикой и электричествомъ, надъ фонарикомъ главной мачты. Электричество съ чего-то раскапризничалось и никакъ не хотѣло давать намъ свѣта. Вздергивали и сдергивали этотъ несчастный фонарикъ разъ десять, тормошили его туда и сюда, онъ не подавался ни на что,—и не свѣтилъ себѣ ни капельки!..

Помощникъ капитана, распоряжавшійся приведеніемъ его къ чувству долга, стоялъ не на шутку смущенный среди ироническихъ замѣчаній публики.

— Пошлите сюда Семенова... тотъ живо справитъ!.. крикнулъ онъ наконецъ. Привели Семенова, коренастаго малаго съ грубыми лапами и смѣлымъ взглядомъ.

— Нянекъ вамъ нужно! съ однимъ фонаремъ не управитесь! съ презрительною укоризной сквозь зубы пробормоталъ онъ.

Онъ расталкалъ всѣхъ возившихся съ фонаремъ, и началъ самъ возиться съ нимъ уже по-своему... Но и по-своему ничего не выходило; какъ ни подлѣвывалъ и ни дулъ въ него Семеновъ, какъ ни потрясывалъ и ни дергалъ его, дѣло его все-таки не боялось, и свѣта въ фонарѣ по-прежнему не оказывалось...

Сконфуженные сначала предшественники его сразу убѣдились, что Семеновъ понимаетъ не больше ихъ, и сами теперь начали безъ церемоніи учить и корить его...

— Чего дергаешь? Нешто сюда? Эхъ ты... А еще другихъ учишь... Да ты не эту проволоку тяни, а вонъ ту, лѣвую...

Семеновъ нѣкоторое время храбро отбрехивался и отталкивалъ тянувшіяся къ фонарю непрошенныя руки, но потомъ такъ все запуталъ, что его безъ разговоровъ отодвинули въ сторону, и новые добровольцы полѣзли къ упрямому фонарю...

Въ концѣ концовъ пришлось все-таки прибѣгнуть къ огарочку, съ которымъ въ совершенствѣ справляется деревенская баба...

Васильсурскъ весь въ фруктовыхъ садахъ. Садами же занимаются и всѣ большія села праваго берега, которыя лежатъ выше Василя, между нимъ и Исадами,—Θокино, Сомовка, Бармино, Кременка и проч... Признаюсь, мнѣ, жителю такой прославленной яблочной губерніи, какъ Курская, пришлось не безъ удивленія убѣдиться, что коренные сорта русскихъ яблоковъ, чаще всего идущіе въ оптовую продажу и охотнѣе другихъ разводимые въ садахъ нашихъ черноземныхъ губерній, ведутъ свое происхожденіе съ береговъ Волги, изъ сравнительно сѣверныхъ губерній Казанской и Нижегородской. Село Антоновку, напримѣръ, давшую свое имя всѣмъ извѣстнымъ озимымъ яблокамъ, мы проѣхали передъ Казанью, уже миновавъ устье Камы, а Бармино, безъ сомнѣнія, окрестило своимъ именемъ другой повсемѣстно распространенный у насъ и очень любимый сортъ яровыхъ яблокъ Барминокъ, искаженныхъ въ болѣе понятную Боровинку.

Мы проспали Лысково и Макарьевъ и проснулись уже неподалеку отъ Нижняго. Онъ виденъ еще издали на своей крутой горѣ. Не доѣзжая его, огромное село Боръ съ пятью церквами-соборами — на лѣвомъ берегу, Печерскій монастырь — на правомъ. Монастырь очень живописенъ, какъ всѣ наши старинные монастыри, которые выбирали себѣ мѣста, гдѣ было имъ любо, среди простора и дичи, нестѣсненной еще ничѣмъ. Его бѣлые храмы, ограды и кельи ярко вырѣзаются на темномъ фонѣ крутой лѣсной горы, на полускатѣ которой стоитъ онъ, картинно опрокинутый вмѣстѣ съ этими глинистыми обрывами и темно-зелеными лѣсами въ затихшіе омуты Волги.

Мы очутились въ цѣломъ лабиринтѣ баржъ, пароходовъ, плотовъ, бѣлянъ... Они застановили всю Волгу позади насъ, но еще

ихъ больше впереди... Пароходъ нашъ сдерживаетъ свои пары и потихоньку подвигается сквозь эту движущуюся тѣсноту, сквозь это пловучее многолюдство, среди криковъ, возни, звона цѣпей, среди снующихъ вездѣ лодочекъ, облѣпившихъ, будто рои лѣтнихъ мухъ, стада крупной скотины, всѣ эти пароходы, плоты и баржи.

— На пять верстъ, батюшка, такъ стоятъ... Волги за ними не видно!—съ патріотическою гордостью объявилъ мнѣ стоявшій рядомъ на палубѣ нижегородскій житель, который еще наканунѣ познакомился со мной и показывалъ мнѣ всѣ замѣчательности Волги съ такимъ самодовольствомъ, какъ будто онъ былъ не только хозяиномъ всѣхъ этихъ красивыхъ береговъ и богатыхъ селъ, но еще и самъ выдумалъ ихъ.

— Чего бъ имъ въ Окѣ не становиться? Все бы проѣздъ былъ свободнѣе,—замѣтилъ я.

— И тамъ тоже!.. Вотъ посмотрите, какъ пріѣдете!.. — съ хвастливою улыбкой сказалъ нижегородецъ, махнувъ безнадежно рукой.

Кто не видалъ Нижняго-Новгорода съ Волги и Кіева съ Днѣпра, тотъ не знаетъ самыхъ живописныхъ и самыхъ русскихъ мѣстностей Россіи. Ничто не можетъ сравниться съ характерною прелестью этихъ картинъ. Я побродилъ достаточно по свѣту, видѣлъ, слава Богу, всякіе города и рѣки, и смѣло скажу, что для русскаго сердца, для русскаго глаза нѣтъ радостнѣе вида, какъ зубчатыя стѣны Нижегородскаго кремля...

Высоко на горахъ праваго берега Волги, какъ разъ въ томъ углу, гдѣ Ока врѣзается въ нее своимъ могучимъ потокомъ, тянутся надъ пучинами великой рѣки эти зубчатыя стѣны и башни древняго кремля, снизу и сверху охваченныя зелеными садами, а выше ихъ, въ серединѣ ихъ, сіяютъ среди расчистившагося весенняго неба, своими куполами, крестами и маковками, бѣлѣютъ своими пятиглавыми башенками и острыми шатрами колоколенъ, тѣсно сбившіеся вмѣстѣ древніе нижегородскіе храмы,

словно собравшаяся на торжественную молитву неподвижная толпа архіереевъ колоссальнаго роста въ своихъ святительскихъ митрахъ.

Эти кремлевскія стѣны и башни то взбираются на самую кручу горы, то спускаются глубоко внизъ по обрывамъ и уступамъ ея, такъ что даже намъ отсюда они видны кое-гдѣ чуть не въ темя. Древніе храмы точно такъ же, какъ эти боевыя твердыни, тѣсно насыпаны тамъ наверху, внутри кремлевской ограды, и высыпали за стѣны и подъ стѣны, слѣзая къ самому берегу, забираясь въ глубокіе ложки, раздѣляющіе крутые холмы Нижняго-Новгорода, вспалзывая на самыя лбища этихъ холмовъ, и вѣнчая ихъ вездѣ, гдѣ только можно было умѣститься церкви, своими весело сверкающими на утреннемъ солнцѣ православными крестами.

Огромный городъ тоже осыпаетъ съ своеобразною живописностью своими разноцвѣтными домами, устилаетъ своими садами эти холмы, ложки и обрывы, капризно сбѣгаетъ къ берегамъ рѣки, проваливается въ укрытыя отъ взора долинки, карабкается по скатамъ и кручамъ, и вездѣ среди этихъ пестрѣющихъ потоковъ яркихъ крышъ и разноцвѣтныхъ стѣнъ, высоко надъ ними, какъ бодрствующіе пастыри надъ облегающими ихъ стадами овецъ, встаютъ опять тѣ же золотыя и бѣлыя главы церквей, тѣ же заостренныя пирамиды верховъ колоколенъ... Церкви здѣсь почти все—пятиглавые соборы во вкусѣ московскаго Успенскаго собора или Чудова монастыря; даже новые храмы все того же стариннаго народнаго стиля, а не безхарактерныя фантазіи художника.

Этотъ радостный сердцу моему православно-русскій видъ Нижняго-Новгорода, живо возсоздающій тамъ наверху, въ оградѣ кремлевскихъ стѣнъ, характерный типъ древне-московскаго города, кажется еще прекраснѣе оттого, что вмѣсто жалкихъ тесовыхъ домишекъ былыхъ вѣковъ, передъ вами внизу, на берегу Волги, громадныя постройки современной архитектуры, богатѣйшіе торговые склады, кипучая дѣятельность, порядокъ и благоустройство крупнаго европейскаго центра.

Мы высадились на собственной пристани Кавказа и Меркурія и отправились черезъ Нижній базаръ по самой бойкой Рождественской улицѣ его въ верхній городъ.

Нижній базаръ—это сплошныя лавки, склады, конторы, трактиры, гостинницы. Громадный многоэтажный домище Блиновыхъ, чуть ли не первыхъ богачей Нижняго-Новгорода, съ остроконечными вышками въ русскомъ стилѣ, представляетъ изъ себя цѣлый городокъ своего рода. Это «пассажъ», гдѣ помѣщаются всевозможные магазины, гостиницы, склады, конторы, центральный телеграфъ, биржа, всякія торговыя удобства.

Блиновы и Бугровы—это двѣ крупнѣйшія хлѣбныя фирмы Нижняго-Новгорода; третью фирму, тоже на букву Б., я забылъ.

Мой спутникъ, нижегородецъ, очень живописно выразился мнѣ о нихъ:

— Блиновъ, Бугровъ и Б.—это, батюшка, три кита, на которыхъ вся волжская хлѣбная торговля стоитъ.

О первыхъ двухъ изъ этихъ «китовъ» можно прибавить еще, что они стоятъ во главѣ многихъ важныхъ благотворительныхъ предпріятій, не только Нижняго-Новгорода, но и всего вообще Поволжья. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 80-хъ годовъ Блиновъ предложилъ въ даръ городу Казани 500,000 руб. на выкупъ водопровода у Губонина, съ тѣмъ, чтобы всѣ жители города безплатно получали изъ него воду. Бугровъ и Курбатовъ (то же очень богатая нижегородская хлѣбная фирма)—прибавили съ своей стороны по 50.000 руб.

Къ сожалѣнію, эта великодушная, чисто царская, жертва страннымъ образомъ была отклонена тогдашнимъ городскимъ управленіемъ Казани, которое не нашло возможнымъ согласиться на безплатный отпускъ воды всѣмъ жителямъ.

Бугровъ также оставилъ по себѣ добрую память учрежденіемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ ночлежнаго пріюта на 500 человѣкъ и роскошнаго вдовьяго дома.

Немного не доѣзжая Ивановскихъ воротъ, извозчикъ нашъ остановился среди какого-то запруженнаго народомъ и перепол-

неннаго всякими торговыми заведеніями, кипучаго базарчика, въ которомъ Рождественка перекрещивается узкимъ переулкомъ.

— Вотъ на этомъ на самомъ мѣстѣ народъ въ старину собирался, баринъ,—важнымъ тономъ сообщилъ мнѣ нашъ чичероне, указывая кнутомъ на перекрестокъ.—Тутъ самый большой базаръ ихній былъ, толкучка по нашему. На этомъ мѣстѣ Кузьма Мининъ подъ присягу народъ приводилъ, какъ подъ Москву шли... Ополченье называлось... Стараго и малаго, всѣхъ погналъ, однѣхъ бабъ, да дѣвокъ въ городѣ оставилъ... Слыхали, небось, про Минина... Мѣщанинъ онъ нашъ былъ, нижегородскій... изъ мясниковъ... Ему въ Москвѣ мунументъ поставленъ противъ Ивана Великаго и Царь-Колокола... И у насъ здѣсь въ Кремлѣ тоже ему мунументъ стоитъ.

Историческая площадь теперь ничѣмъ не отличается отъ остальной улицы, сплошныхъ лавокъ, складовъ и магазиновъ, а мнѣ кажется, было бы необходимо отмѣтить ее какимъ-нибудь подходящимъ образомъ на память вѣковъ грядущимъ, пока еще не совсѣмъ исчезло въ народѣ воспоминаніе о славныхъ дняхъ ея.

Мы стали подниматься въ верхній городъ по удобному, прекрасно вымощенному въѣзду, который огибаетъ кругомъ скатъ горы. Это «Зеленинскій» въѣздъ; кромѣ него есть нѣсколько другихъ въѣздовъ, тоже очень покойныхъ и пологихъ, такъ что на гору поднимаешься, почти того не замѣчая.

— Тутъ прежде, баринъ, рѣчка была, Почайна; а вотъ теперь упрятали ее, и не видать, какая она такая была!—Съ одобрительною усмѣшкой опять сталъ поучать меня извозчикъ, сразу сообразившій по разговору моему съ женой, что мы пріѣзжіе, и въ первый разъ въ Нижнемъ.

— Вонъ видите, гдѣ дамба каменная,—тамъ, отецъ мой еще помнитъ, рѣчка Почайна бѣжала, овражище страшный былъ, а теперь все вчистую засыпали, базаръ вонъ внизу завели...

Я невольно при этомъ вспомнилъ основателя Нижняго-Новгорода князя Юрія Всеволодовича, который плѣнился горнымъ берегомъ устья Оки, именно потому, что онъ напомнилъ ему жи-

вописные днѣпровскіе берега стольнаго родного Кіева, и чтобы еще больше усилить это сходство, назвалъ Почайной бѣжавшую у горы рѣчку, въ подражаніе кіевской Почайнѣ, и Печерскимъ монастыремъ основанный имъ здѣсь монастырь. А вотъ потомки его тратятъ труды и деньги свои и изощряютъ свою инженерную изобрѣтательность, чтобы спрятать куда-нибудь въ подводныя трубы эту историческую Почайну XIII вѣка, мѣшающую цивилизованной городской жизни высокоумнаго XIX столѣтія, и на мѣстѣ ея разбиваютъ площадь для толкучаго рынка.

Мы остановились на Верхнемъ Базарѣ, среди Благовѣщенской площади. Это главный центръ и главная красота верхняго города; отъ нея расходятся лучами нѣсколько лучшихъ улицъ города. Тутъ старинный Благовѣщенскій соборъ, тутъ старая церковь Алексѣя митрополита, тутъ театръ, городская дума, окружный судъ, гостинный дворъ, гимназія, семинарія и много большихъ и красивыхъ домовъ.

Благовѣщенскій соборъ небольшихъ размѣровъ, но прекраснаго стиля; въ немъ сохранились очень древніе образа еще отъ временъ первыхъ князей нижегородскихъ. Въ маленькой церковочкѣ, стоящей съ нимъ рядомъ и построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ св. митрополитъ московскій Алексѣй отдыхалъ на своемъ обратномъ пути изъ Орды, уже не осталось внутри ничего историческаго.

Гораздо болѣе интереснаго въ этомъ отношеніи увидѣли мы въ кремлевскихъ соборахъ. У насъ не было достаточно времени, чтобы ознакомиться съ торговою дѣятельностью и общественною жизнью Нижняго-Новгорода, и мы рѣшились поэтому ограничиться осмотромъ его историческихъ памятниковъ. Но въ старыхъ русскихъ городахъ историческіе памятники сосредоточены почти исключительно въ ихъ храмахъ, да стѣнахъ и башняхъ кремлевскихъ.

Нижегородскій кремль—рядомъ съ Благовѣщенскою площадью, и мы въѣхали въ него черезъ самую древнюю изъ всѣхъ его башенъ—Дмитріевскую, построенную еще въ татарскую эпоху

суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ. Остальной кремль уже постройка не XIV, а начала XVI вѣка, и притомъ не суздальскихъ, а уже московскихъ князей (именно Василія Ивановича), всегдашнихъ соперниковъ суздальскихъ, успѣвшихъ къ этому времени присоединить ка своему быстро разраставшемуся княжеству и Нижегородскій уѣздъ.

Въ кремлѣ сразу бросаются въ глаза два противоположные другъ другу историческіе пласта. Съ одно стороны, тѣсная кучка многоглавыхъ храмовъ XIV и XVII столѣтій, характерный уголокъ древней Руси, на подобіе того во всей Руси славнаго уголка кремля Московскаго, гдѣ толпятся вокругъ Ивана Великаго Успенскій, Архангельскій, Благовѣщенскій соборы, Чудовъ монастырь и другіе знаменитые храмы Москвы. Съ другой стороны—широкій просторъ военнаго плаца, казенный порядокъ, строй и однообразіе новѣйшей, болѣе практической эпохи, столь же характернаго въ своемъ родѣ царствованія императора Николая. Николай Павловичъ совсѣмъ пересоздалъ Нижній-Новгородъ, затративъ милліоны на его украшеніе и удобство. Почти все, что̀ есть теперь хорошаго и удобнаго во внѣшнемъ устройствѣ Нижняго, обязано тому времени; его прекрасные спуски, его сады, бульвары, дамбы, всѣ лучшія казенныя и частныя зданія города—все это возникло тогда.

Но это же самое стремленіе императора Николая, любившаго во всемъ порядокъ и правильность, вымело изъ кремля множество старыхъ построекъ, его загромождавшихъ, и невольно придало этому гнѣзду старины совсѣмъ не свойственный ему видъ новой военной крѣпости, приспособленной къ парадамъ войскъ, къ пребыванію всякихъ управленій и штабовъ... Теперь здѣсь просторъ и чистота. Огромное зданіе Аракчеевскаго корпуса, переведеннаго сюда изъ села Грузина, Новгородской губерніи, огромное зданіе бывшаго арсенала, губернаторскій домъ, когда-то считавшійся «дворцомъ», гауптвахта, присутственныя мѣста и между ними широкіе плацы, чистенькіе бульвары.

XIV.

Древне-русскіе памятники Нижегородскаго кремля.

Соборъ Михаила Архангела—прапрадѣдъ всѣхъ нижегородскихъ храмовъ и ровесникъ самому Нижнему-Новгороду, потому что построенъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1198 году, еще до нашествія татаръ.

Конечно, онъ не разъ перестраивался послѣ того, но все-таки сохранилъ свой древній видъ и свою удивительную оригинальность.

Куполъ его—острый восьмигранный шатеръ, поднимающійся надъ храмомъ, какъ опрокинутый кубокъ. Простота убранства его уже совсѣмъ старинная; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ и много богатства. Царскія врата изъ кованаго серебра; чудно украшенная икона Печерской Божіей Матери, пудовые оклады образовъ рѣдкой древней живописи.

На особой металлической доскѣ начертана многовѣковая исторія этого маститаго старца-храма, а по стѣнамъ стоятъ гробы многихъ князей нижегородскихъ,—тоже своего рода краснорѣчивыя страницы исторіи.

Каѳедральный соборъ Спаса Преображенія, хотя много моложе своего сосѣда, но еще болѣе его полонъ историческими реликвіями. Основаніе его совпадаетъ если не съ началомъ самого города, то все-таки съ очень важнымъ событіемъ нижегородской исторіи—съ перенесеніемъ въ первый разъ престола великокняжескаго изъ Суздаля въ Нижній. Случилось это въ 1351 году, спустя 150 лѣтъ послѣ построенія Нижняго при великомъ князѣ суздальскомъ Константинѣ Васильевичѣ, которому хотѣлось, въ ожесточенной борьбѣ его съ Москвой, создать при сліяніи Оки съ Волгой и болѣе безопасный отъ напора Москвы и вмѣстѣ болѣе выгодный для торговли центръ своему княжеству.

Преображенскій соборъ напоминаетъ собою московскій Успенскій, только само зданіе поплечистѣе и главы его не золотыя, а бѣлыя, отчего онъ много теряетъ. Внутри его—цѣлый готовый музей древней иконописи, интереснѣе котораго трудно встрѣтить. Древняя Русь живьемъ дышетъ въ общемъ впечатлѣніи его и въ каждой подробности. Пяти-ярусный иконостасъ сплошной позолоты, по старинному прочной, и въ немъ все громадныя иконы необыкновенной ширины, какой уже теперь нигдѣ не увидишь; налѣво отъ царскихъ вратъ сряду пять такихъ огромныхъ образовъ Божіей Матери, направо—пять сряду такихъ же образовъ Спасителя. Живопись еще дѣтской наивности, дѣтскаго неумѣнія. Колоссальные черные лики, способные скорѣе испугать чѣмъ умилить богомольца, головы шире плечъ, руки младенца на груди бородатыхъ великановъ, всѣ смотрятъ мрачно и сурово-требовательно, такъ что ни въ комъ изъ нихъ не признаешь кроткихъ подвижниковъ той религіи любви и всепрощенья, которой они въ дѣйствительности служили всю свою жизнь. Зато всѣ эти лики въ тяжело кованыхъ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, въ сплошныхъ жемчугахъ, въ одеждахъ изъ драгоцѣнныхъ камней... Зато на нихъ все надписи XIV, XV, XVI вѣка... Вотъ огромный образъ Спаса Нерукотвореннаго, перенесенный только изъ Суздаля въ 1352 году, какъ гласитъ его надпись, а въ Суздалѣ пробывшій, можетъ быть, тоже столѣтіе... Въ пару этому Спасу—тоже отдѣльно отъ всѣхъ—громадная икона Скорбящей Божіей Матери, почитаемая чудотворною, тоже вся покрытая золотомъ и драгоцѣнными камнями... И десятки еще другихъ такихъ же древнихъ, такихъ же безмѣрно богатыхъ иконъ.

Доска огромныхъ размѣровъ заключаетъ въ себѣ до пятидесяти святыхъ, изображенныхъ каждый на особой дощечкѣ въ золоченомъ окладѣ тончайшей рѣзьбы, и подъ иконой каждаго святого вложена частица его мощей. Все вмѣстѣ—это цѣлая сокровищница вѣры и археологіи. Въ отдѣльныхъ золоченыхъ кіотахъ помѣщены частицы мощей казанскихъ святителей Гурія, Германа и Варсоноѳія, царицы Елены и другихъ.

Меня остановилъ около себя еще одинъ громадный золоченый кіотъ правой стѣны собора, хотя тутъ уже не было никакихъ слѣдовъ старины. Въ кіотѣ этомъ—совсѣмъ новая картина Вознесенія Христова, окруженная изображеніями всѣхъ тѣхъ святыхъ, дни празднованія которыхъ имѣли какое-нибудь отношеніе къ событіямъ царствованія Императора Александра II. Подъ кіотомъ этимъ въ особой золоченой витринѣ—вѣнокъ бѣлыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ съ гроба Царя-Мученика, привезенный депутаціей отъ Нижегородской губерніи. Рядомъ съ этимъ трогательнымъ вспоминаніемъ объ Освободителѣ народа, старыя хоругви нижегородскихъ князей и цѣлый рядъ досокъ въ стѣнахъ съ надгробными надписями. Тутъ все историческія имена, дышащія далекою стариной;

«Князь Іоаннъ Дмитріевичъ, именуемый «Брюхатый», погибшій въ битвѣ при р. Пьянѣ, «Великій князь Іоаннъ Борисовичъ, именуемый Тугой Лукъ», «Нижняго Новгорода отчичъ и славный богатырь въ земляхъ русскихъ», какъ называетъ его князь Курбскій; родоначальникъ независимыхъ князей нижегородскихъ великій князь Константинъ Васильевичъ съ сыновьями своими Андреемъ и Дмитріемъ, жена Константина Васильевича великая княгиня Анна Грековна и жена Андрея Константиновича—«инокиня Васса, въ схимѣ Ѳеодора» и много другихъ... По другую сторону храма такія же надгробныя надписи надъ гробницами нижегородскихъ архипастырей—Филарета,—перваго и, кажется, единственнаго митрополита этой епархіи, крестившаго Петра Великаго,—Питирима, извѣстнаго борца противъ раскола, и другихъ.

Сами гробницы всѣхъ этихъ святителей, князей и княгинь помѣщаются въ нижнихъ полуподземныхъ сводахъ храма, какъ разъ подъ надписями верхняго храма. Эти массивные словно придавленные своды идутъ подъ всѣмъ соборомъ и представляютъ изъ себя громадный погребальный склепъ. Но склепъ этотъ вмѣстѣ и храмъ. Въ немъ три придѣла: въ серединѣ Казанской Божьей Матери, освободительницы Москвы, направо Дмитрія Со-

лунскаго, въ память князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, налѣво—Козьмы и Дамьяна, въ память Козьмы Минича Сухорукова. Темныя закоптившіяся иконы въ широкихъ и низкихъ иконостасахъ, ряды могильныхъ плитъ за черными рѣшетками, мерцающія кое-гдѣ у образовъ лампады, скорѣе усиливающія, чѣмъ разгоняющія темноту, придаютъ этому подземному храму впечатлѣніе настоящаго могильнаго склепа.

Въ склепѣ этомъ, въ лѣвой сторонѣ его,—главная историческая знаменитость Преображенскаго собора—гробница Козьмы Минина. Она образуетъ собою отдѣльную часовню своего рода, въ которую спускаются изъ верхняго храма. Этотъ спускъ—верхъ художественности. Островерхій кувуклій строго русскаго стиля, расписанный въ пестромъ вкусѣ красокъ и узоровъ Василія Блаженнаго, осѣняетъ собою окруженный рѣшоткой провалъ въ нижній склепъ, куда ведутъ съ двухъ сторонъ двѣ узенькія лѣстницы.

Подъ сѣнью этого же шатра, тутъ же на стѣнѣ верхняго храма, красуется большой ратный стягъ съ изображеніемъ Спаса и вышитыми золотомъ надписями,—точный снимокъ съ того историческаго стяга, подъ которымъ двигалось на освобожденіе Москвы воинство князя Пожарскаго и котораго подлинникъ хранится въ московской оружейной палатѣ. По сторонамъ его два другія знамени, тѣ самыя, съ которыми граждане Нижняго провожали въ Москву это воинство. Древнія хоругви эти, когда-то расшитыя шелками и золотомъ, теперь совсѣмъ изветшали, облѣзли и выцвѣли, хотя изображенныя на нихъ иконы Преображенія Господня и Архистратига Михаила еще можно различить довольно ясно.

Если вы взглянете черезъ верхнюю рѣшотку внизъ, то передъ вами развернется таинственная тьма нижняго подземелья. едва нарушаемая блѣднымъ сіяньемъ лампадъ... Мы тихо спустились внизъ, въ эту мерцающую полутьму.

Тамъ подъ изящнюю аркой изъ бѣлаго мрамора, изрѣзанною мраморными строками надписи, золотая икона Козьмы и Дамь-

яна, и подъ нею массивная гробница чернаго мрамора. Верхняя доска гробницы тоже вся въ надписяхъ стариннаго письма.

Большой крестъ дорогой серебряной рѣзьбы поддерживаетъ двѣ золоченыя лампады, горящія передъ образомъ, надъ этою славною гробницей. Рѣзьба на крестѣ—цѣлый тропарь Животворящему Кресту Господню, искусно вырѣзанный мелкимъ уставомъ. Стѣны часовни не ясно отливаютъ своимъ темномалиновымъ и темно-сѣрымъ мраморомъ, отражая въ нихъ колеблющійся свѣтъ лампадъ. Глубокое благоговѣніе охватило насъ, когда мы очутились въ этой безмолвной полутемной усыпальницѣ. Мы поклонились до земли гробу великаго гражданина русскаго и долго растроганные стояли передъ нимъ.

Великій Петръ самъ почтилъ земнымъ поклономъ гробъ «избавителя Россіи», какъ онъ назвалъ Минина.

30-го мая 1732 года онъ праздновалъ въ Нижнемъ 50-тилѣтіе свое и вмѣстѣ съ тѣмъ 500-лѣтіе города Нижняго. Въ Преображенскомъ соборѣ слушалъ онъ въ этотъ знаменательный день обѣдню и самъ пѣлъ здѣсь съ пѣвчими на клиросѣ и читалъ апостола.

Надъ обрывами Волги еще въ стѣнахъ кремля разбитъ садъ для гуляній. Мы нашли въ немъ много простого народа, который, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ пользуется возможностью подышать чистымъ воздухомъ и посидѣть въ зеленой тѣни деревьевъ. По срединѣ сада памятникъ Минину и Пожарскому. Это небольшой гранитный обелискъ весьма мизернаго вида, совсѣмъ недостойный богатаго торговаго города, столицы Волги своего рода, а еще менѣе такихъ великихъ именъ исторіи.

Камень, слишкомъ узкій и некрасивой формы, вдобавокъ уже треснулъ поперекъ, а внизу залатанъ чѣмъ-то. Барельефы на немъ—какіе-то казенные и словно украденные, до того уже они скудны: два золоченыхъ генія вѣнчаютъ лавровыми вѣнками на одной сторонѣ портретъ Минина, на другой—князя Пожарскаго. Никакой идеи, никакого стиля, никакого изящества. Нижегородцы

утѣшаютъ себя легендой, будто извѣстный памятникъ Минину и Пожарскому, стоящій на Красной площади въ Москвѣ, былъ собственно приготовленъ для Нижняго и попалъ въ Москву совершенно неожиданно. Такъ ли это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ съ того времени можно было безъ особеннаго труда этому городу всесвѣтной торговли—соорудить на одни собственныя свои средства памятникъ великимъ гражданамъ своимъ какой-угодно цѣны.

Бо̀льшая часть кремлевскихъ стѣнъ гораздо ниже сада; всѣ склоны къ нимъ выложены зеленымъ дерномъ, вездѣ проведены опрятныя дорожки. Мы не утерпѣли, чтобы не побродить по зубчатымъ стѣнамъ стараго кремля и забрались съ нихъ на самую высокую башню, съ которой можно было, какъ съ крыльевъ птицы, полюбоваться во всѣ стороны на окрестности Нижняго. Насъ пріятно поразила непривычная русскому глазу чистота и прибранность даже на кремлевскихъ стѣнахъ, никѣмъ почти не посѣщаемыхъ. Видъ съ Николаевской башни—единственный въ своемъ родѣ. И Ока и Волга видны во всей своей красотѣ до горизонта, на десятки верстъ покрытыя судами, плотами, пароходами... Баржи кажутся намъ отсюда сверху какими-то микроскопическими каракатицами или черепахами, медленно ползущими по голубой скатерти водъ, а пароходы—бойкими водяными паучками, торопливо пробѣгающими навстрѣчу другъ другу, и бороздящими это многоверстное голубое зеркало длинными бѣлыми царапинами своихъ пѣнящихся слѣдовъ... За Волгой на неохватныхъ зеленыхъ лугахъ ея еще сверкаютъ, будто крупные осколки стекла, озера, ерики и лужи недавняго весенняго разлива, хватавшаго, повидимому, до далекаго гребня, опоясывающаго горизонтъ. Село Боръ, видное намъ отсюда со всѣми своими многочисленными церквами, плаваетъ тогда, какъ островъ на этомъ Волжскомъ морѣ. Но при всей чудной шири и мощи этого пейзажа, досадно видѣть, что двѣ величайшія рѣки Россіи, главныя артеріи ея промышленной и торговой жизни, Ока и Волга, уже наполовину,—пожалуй, даже на три-

четверти,—выѣдены, словно тѣло болѣзненнымъ наростомъ, песчаными отмелями, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вгрызаются въ ихъ русло, неудержимо наростая и съ обоихъ береговъ и въ серединѣ... Казалось бы, самая упорная борьба противъ этихъ смертоубійцъ великихъ историческихъ рѣкъ могла бы вестись, по крайней мѣрѣ, здѣсь, у подножія древняго кремля, вокругъ пристаней міровой ярмарки.

Съ другой стороны кремля, по такъ-называемой Александровской набережной, тоже разбитъ публичный садъ. Онъ спускается къ Волжскому берегу нѣсколькими террасами... Тутъ разные рестораны, павильоны, все, что́ обыкновенно бываетъ въ такихъ городскихъ садахъ. Садъ содержится въ большомъ порядкѣ, какъ и весь впрочемъ городъ, котораго чистота, удобства и приличіе бросаются въ глаза пріѣзжему, вообще не избалованному въ своей родной странѣ особенно строгимъ благоустройствомъ городовъ...

На Александровской набережной—прекрасные дома мѣстныхъ богачей Руковишникова и Бурмистрова, оба очень изящной архитектуры. Но меня гораздо болѣе интересовала тутъ же стоящая старинная Георгіевская церковь.

Ея стиль совсѣмъ особенный. Хотя церковь эта построена всего въ 1702 году, при Петрѣ I, но она вся проникнута памятью великаго князя Георгія Всеволодовича, полна замѣчательныхъ древностей его времени. Пятиярусный иконостасъ ея, писанный по золотому фону и украшенный вмѣсто иконныхъ рамъ множествомъ сквозныхъ золоченыхъ колонокъ искуснѣйшей рѣзьбы, до такой степени напоминаетъ иконостасъ Астраханскаго собора, своего современника, что кажется работой одного и того же мастера. Царскія врата совсѣмъ особенныя, какихъ я не видалъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ: они глубоко вдѣланы въ иконостасъ, и широкія притолки ихъ изъ такой же тонкой золотой рѣзьбы, какъ и сами врата, такъ что все вмѣстѣ представляетъ собою родъ рѣзнаго шкафа. Ни солнца, ни креста

надъ Царскими вратами нѣтъ; но зато цѣлый рядъ оригинальныхъ деревянныхъ иконокъ, съ изображеніями Іерусалима Небеснаго, Сіона и пр. селеній горнихъ, стариннаго рисунка.

Въ первомъ ярусѣ иконостаса Іерусалимская Божья Матерь, въ видѣ статуи, съ младенцемъ; сторожъ, показывавшій намъ древнія святыни, счелъ нужнымъ разсказать намъ, какъ одинъ архіерей приказалъ когда-то вынести вонъ эту статую, но вдругъ ослѣпъ,—и испуганный велѣлъ возвратить ее назадъ, получивъ послѣ этого исцѣленіе...

Большимъ почитаніемъ пользуется въ Нижнемъ-Новгородѣ пребывающая здѣсь чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи. Она вся залита жемчугомъ и каменьями. Кромѣ того цѣлый кіотъ около нея наполненъ драгоцѣнными приношеніями, сдѣланными ей въ разное время.

Въ правомъ углу у алтаря виситъ нѣсколько безцѣнныхъ старинныхъ складней великихъ князей Суздальскихъ. Всѣ они очень увѣсистые и весьма почтенныхъ размѣровъ, хотя ихъ и носили на груди во время битвъ тогдашніе князья-богатыри. Тутъ же любопытный по своей оригинальности старинный образъ Саваоѳа, отдыхающаго послѣ шести дней творенія. Богъ изображенъ въ видѣ старца, сидящаго *на кровати*, и указывающаго рукой на кругъ, внутри котораго Матерь Божія съ младенцемъ Спасителемъ на рукахъ.

Въ другихъ кругахъ помѣщаются разные святые, а всѣ вмѣстѣ представляетъ собою форму звѣзды. Въ такой же формѣ звѣзды изображена на другихъ иконахъ и Божья Матерь.

Вообще трудно перечислить всѣ археологическія рѣдкости и святыни этой своеобразной церкви.

Мы добросовѣстно объѣхали главныя улицы Нижняго, чтобы ознакомиться, по крайней мѣрѣ, съ наружностью его.

Большая Покровка—своего рода Невскій проспектъ Нижняго; въ длину она чуть не три версты, но зато изрядно тѣсна, и дома на ней не отличаются особенною красотой, за исключеніемъ развѣ очень красиваго дома Кудряшова. Какъ во всѣхъ старыхъ

русскихъ городахъ, узкія улицы Нижняго не обсажены, къ сожалѣнію, деревьями, хотя сады въ немъ изобилуютъ и придаютъ ему особенный видъ своими курчавыми зелеными шапками. Тротуары превосходны, мостовыя въ полной исправности, и вездѣ царитъ чистота и порядокъ, дѣлающій большую честь городу. Мы видѣли здѣсь, хотя и мимоѣздомъ, много учебныхъ заведеній, видѣли Александровскій Дворянскій Институтъ, гимназію, прекрасные дома женскаго епархіальнаго училища и училища реальнаго, два пріюта, богадѣльни и проч.

Съѣхали мы внизъ чрезъ Дворянскую и Малую Покровку уже не по Зеленскому, а по Похвалинскому спуску, названному такъ по имени церкви Похвалы Св. Богородицы. На полугорѣ мы заѣхали въ Благовѣщенскій монастырь, тоже одну изъ древнѣйшихъ святынь Нижняго. По преданіямъ, онъ существовалъ уже въ началѣ XIII вѣка, съ первыхъ дней основанія Нижняго. Архитектура главнаго храма вполнѣ сохранила свой средневѣковой характеръ. Фризы оконъ расписаны синими и красными колонками, низкая сводчатая галлерея окружаетъ храмъ, какъ во всѣхъ старинныхъ церквахъ. Но внутри уже не сохранилось ничего древняго, кромѣ отдѣльныхъ иконъ. На одной изъ нихъ, пожертвованной, по преданію, св. митрополитомъ Алексіемъ, уцѣлѣла надпись X вѣка. Вообще этотъ монастырь полонъ воспоминаній о митрополитѣ Алексіѣ. Нѣкоторые приписываютъ ему даже самое основаніе монастыря. Дворъ монастыря обращенъ въ настоящее кладбище. Тутъ изстари хоронятъ своихъ покойниковъ богатые нижегородскіе граждане, поддерживающіе монастырь своими вкладами. У входа въ монастырскій дворъ церковь св. Митрофана, должно быть, построенная не очень давно—вся синяя сверху до низу. Своею аляповатою архитектурой и грубою окраской она совершенно портитъ общій художественный видъ древней обители.

У самаго конца Похвалинскаго спуска—характерная старинная часовенка Дивійскаго монастыря надъ ключемъ воды, изъ котораго, по преданію, пилъ св. Алексій митрополитъ, отдыхав-

шій здѣсь на возвратномъ пути изъ Орды въ Москву. Вокругъ часовни, внутри ея — толпы народа служатъ молебны чтимой иконѣ и черпаютъ воду изъ священнаго ключа.

Послѣдній старинный храмъ мы осмотрѣли на Нижнемъ Базарѣ, на Рождественской улицѣ, которой названіе далъ именно этотъ храмъ Рождества Богородицы. Церковь эта больше извѣстна въ народѣ подъ именемъ Строгоновской, потому что она построена извѣстными соляными промышленниками Строгановыми въ царствованіе Петра Великаго и до сихъ поръ содержится и поддерживается графами Строгановыми, какъ историческая и вмѣстѣ съ тѣмъ семейная ихъ святыня. Петръ Великій проѣздомъ въ Персидскій походъ 1722 года останавливался въ домѣ Строгановыхъ и слушалъ въ Рождественской церкви всенощную наканунѣ дня своего пятидесятилѣтія.

Мѣстное преданіе приписываетъ нѣкоторыя иконы этой церкви кисти извѣстнаго итальянскаго художника Караваджіо; разсказываютъ, будто Строгановъ за большія деньги перекупилъ у Караваджіо эти иконы, заказанныя ему сперва Петромъ Великимъ для Пѣтропавловскаго собора въ Петербургѣ. Петру итальянскій художникъ написалъ взамѣнъ этихъ другія, но проницательный глазъ монарха узналъ свои иконы, войдя въ Строгановскую церковь и, какъ говоритъ преданіе, приказалъ за это запечатать ее. Красота Строгановской церкви такъ поражала современниковъ, что о ней сложилась такая же легенда, какъ о Василіи Блаженномъ и другихъ знаменитыхъ постройкахъ.

Увѣряютъ, будто строителю ея выкололи глаза, чтобы онъ уже никогда болѣе не могъ построить ничего подобнаго.

И нужно сказать правду, подобный храмъ врядъ ли увидишь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Поднимаются къ нему по крутымъ ступенямъ, потому что онъ стоитъ на каменномъ пьедесталѣ своего рода—на склонѣ горы. Наверху кругомъ церкви садикъ, изъ котораго удобнѣе, чѣмъ съ улицы, осмотрѣть въ подробности эту удивительно оригинальную постройку. Стиль ея напоминаетъ собою въ общихъ чертахъ Покровскій соборъ въ

Москвѣ и извѣстную старинную церковь въ Шереметевскомъ Останкинѣ. Это пятиглавый соборъ съ тѣсно сближенными вокругъ высокой серединной башни четырьмя меньшими башенками, увѣнчанными характерными луковицами и затѣйливо вырѣзанными, обильно развѣтвленными золотыми крестами. Ярусы зданія идутъ кверху, съуживаясь ступенями, радуя глазъ изящною простотой своихъ линій и размѣровъ. Но при этой благородной простотѣ архитектурныхъ очертаній своихъ, Строгановскій храмъ съ головы до пятъ одѣтъ въ самыя фантастическія и пестрыя одежды. Онъ весь расписанъ по малиновому фону травами и арабесками; онъ весь облѣпленъ бѣлыми колонками, бѣлыми карнизиками, бѣлыми фризами, по всѣмъ угламъ и ребрамъ своимъ, по всѣмъ поворотамъ стѣнъ, вокругъ каждаго окошечка, подъ каждой крышкой, подъ каждымъ кокошничкомъ и купольчикомъ. Цѣлые букеты, гирлянды, виноградныя гроздья, акантовые листья, плоды и цвѣты — обсыпаютъ его; и все это не алебастръ, не штукатурка, а мастерски выточенная внутри неподражаемая каменная рѣзьба, которая и могла поэтому несокрушимо продержаться два вѣка. Малиновый фонъ едва просвѣчиваетъ изъ-подъ этой бѣлой инкрустаціи, сообщающей храму видъ чуднаго мраморнаго изваянія. Намъ говорили, будто Англичане не разъ пріѣзжали нарочно смотрѣть эту единственную въ своемъ родѣ постройку. Къ сожалѣнію, изящная колокольня уже падаетъ, верхъ ея снятъ совсѣмъ, ради безопасности, и вотъ уже четвертый годъ медленно тянется ея перестройка. Хотятъ въ точности возобновить и исправить все старое, а нынѣшніе мастера не въ силахъ сдѣлать такой рѣзьбы. Въ самой церкви тоже многое пришло въ ветхость, но службы еще идутъ пока. 20.000 рублей, данные на перестройку графомъ Строгановымъ, какъ передавали намъ, уже израсходованы, а дѣло далеко не доведено до конца, и теперь Строгановская контора ведетъ перестройку на свой счетъ.

Хотя еще далеко до времени Нижегородской ярмарки, однако, было бы совѣстно будучи въ Нижнемъ, не посѣтить «Макарьевской стороны», гдѣ помѣщается это всесвѣтное торжище. Изъ Нижняго Базара въ нее идутъ по очень длинному деревянному мосту, построенному на плашкоутахъ чрезъ самое устье Оки. Теперь ярмарка — безжизненный трупъ, и не можетъ, конечно, дать никакого понятія о томъ движеніи, шумѣ, пестротѣ, многолюдствѣ, богатствѣ, которыми она поражаетъ глазъ и воображеніе путешественника въ началѣ августа, въ разгаръ торга. Но однако и этотъ опустѣвшій и омертвѣвшій футляръ ея, который мы теперь осматриваемъ, интересенъ и удивителенъ не на шутку. Когда глядишь на эти неохватныя безмолвныя пространства, сплошь застроенныя цѣлыми рядами громадныхъ каменныхъ корпусовъ, стоившихъ въ свое время десятки милліоновъ, лавокъ китайскихъ, индѣйскихъ, персидскихъ, бухарскихъ, пассажей, балагановъ, складовъ, трактировъ, съ правильною сѣтью многочисленныхъ кварталовъ, улицъ и переулковъ, съ водопроводами, бульварами, тротуарами и мостовыми, съ тысячами вывѣсокъ, и сотнями именъ всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи торговыхъ и фабричныхъ фирмъ, сибирскихъ, кавказскихъ, польскихъ, съ роскошнымъ дворцомъ Главнаго Дома, въ которомъ одномъ умѣстится цѣлое населеніе, съ великолѣпнымъ ярмарочнымъ соборомъ, осѣняющимъ своими крестами весь этотъ торговый лабиринтъ,—поймешь всю колоссальность этого торжища, и повѣришь его пятисотъ-милліоннымъ оборотамъ...

XV.

Заключеніе.

Нижній-Новгородъ особенно ярко освѣтилъ мнѣ знаменательный для насъ смыслъ того обычнаго пути вспять по Волгѣ, не внизъ, а вверхъ ея, по которому намъ невольно пришлось возвращаться изъ варварскихъ ханствъ Чингиса и Тамерлана въ

сердце Россіи. Съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ все болѣе и болѣе убывала кочевая степь, азіатчина, мусульманство, все сильнѣе и обильнѣе подливала намъ навстрѣчу родная волна русской рѣчи, русскихъ лицъ, русскаго обычая, вставали передъ нами одинъ за другимъ непрерывною чредой все болѣе русскіе, все болѣе историческіе, все болѣе православные города и села; за Астраханью Саратовъ, за Саратовымъ Казань, за Казанью Нижній... Въ Нижнемъ уже чувствуешь себя совсѣмъ на родинѣ, въ самомъ очагѣ ея коренныхъ историческихъ стихій. Это уже не Русь, утвердившаяся среди чуждыхъ народностей, овладѣвшая ими, но еще отовсюду окруженная ими, какъ въ Астрахани или Казани, а исконная, сплошная, настоящая Русь, создавшая здѣсь свой оплотъ еще тогда, когда лицомъ къ лицу съ нею стояли кругомъ могучія враждебныя царства, изъ этихъ стѣнъ напиравшая на нихъ, и въ этихъ стѣнахъ отбивавшаяся отъ ихъ натисковъ.

Этотъ самый Нижній-Новгородъ, который сталъ впослѣдствіи мѣстомъ встрѣчи мирныхъ торговыхъ силъ Азіи и Россіи, посредникомъ въ дружелюбномъ обмѣнѣ ихъ промышленныхъ богатствъ, который овладѣлъ Волгой, какъ ея главный рынокъ и ея главная пристань,—въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ первыхъ годовъ XIII столѣтія, служилъ для русской силы своего рода остріемъ меча, направленнымъ противъ Азіи, противъ кочевниковъ степей, противъ мусульманства, и въ смыслѣ нападенія, и въ смыслѣ защиты. Недаромъ основатель его великій князь Юрій Всеволодовичъ геройски встрѣтилъ своею малочисленною ратью несмѣтныя полчища Батыя и геройски палъ защищая русскую землю, на берегахъ Сити... Это былъ знаменательный прологъ своего рода къ той исторической роли, которая выпала потомъ на долю Нижняго... Нижній боролся съ Болгарами, съ Мордвой, съ Казанью,—и кончилъ тѣмъ, что русская сила разлилась-таки изъ него и на Булгары, и на Мордву, и на Казань, и потомъ дальше внизъ по Волгѣ, за Волгу, за Уралъ... Суздаль и Нижній собирали такъ заботливо

свои полудикія области для того, чтобы передать ихъ потомъ, вмѣстѣ съ собою, народившемуся могучему центру русской силы и будущаго царства Русскаго—Москвѣ. Въ дни своего основанія этотъ Новгородъ былъ, дѣйствительно, Нижній, потому что онъ представлялъ собою крайнее низовье Волги, бывшей тогда въ русскихъ рукахъ. Дальше Нижняго, къ востоку, къ югу отъ него—Волга была еще тогда чужая, не русская, скорѣе Итиль, чѣмъ Волга.

Отслуживъ такую важную историческую службу старой Руси, Нижній-Новгородъ не могъ стать инымъ, какъ глубоко-русскимъ, какъ старинно-русскимъ, какимъ мы и видѣли его теперь. Поразительное сходство его старыхъ соборовъ, его древнихъ иконъ съ кремлевскими соборами, съ древними иконами Москвы,—далеко не случайное сходство, такъ же, какъ не случайно видъ его зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, забравшихся на горы надъ стремнинами Волги, напоминаетъ видъ Кіевской Печерской Лавры отражающейся въ пучинахъ Днѣпра. Это сходство внѣшнихъ чертъ говоритъ прежде всего о внутреннемъ единствѣ духа, оживлявшаго въ свое время основныя гнѣзда русской народности, раздѣленныя другъ отъ друга сотнями и тысячами верстъ. Русскій человѣкъ, молившійся въ Нижнемъ тѣмъ же святымъ угодникамъ, какъ и въ Москвѣ, привыкшій видѣть въ обоихъ городахъ одни и тѣ же монастыри и церкви, тотъ же обычай во всемъ, ту же рѣчь, тѣ же службы, такихъ же архіереевъ и священниковъ, такихъ же князей православныхъ, вѣтви одного и того же чтимаго имъ корня,—конечно, не могъ не болѣть и въ стѣнахъ Нижняго болями Москвы, не могъ не чувствовать здѣсь стыда, горя, негодованія, слыша о чужеземномъ плѣненіи стольнаго города своего и о разореніи земли Русской... Оттого только и могла Волжская, Камская, Пріокская Русь двинуться въ годину бѣдствія на спасеніе Москвы всѣмъ своимъ міромъ православнымъ, готовая лечь костьми за общія святыни, за общую вѣру, за освобожденіе отъ враговъ всѣмъ одинаково родной земли...

Нижній-Новгородъ, вѣрный своей исторической роли, и въ годину лихолѣтія показалъ себя тѣмъ же гнѣздомъ воинствующей народности русской, какимъ онъ былъ въ старые вѣка; онъ всталъ во главѣ народнаго движенія на защиту историческаго существованія Россіи отъ одолѣвавшаго ея польскаго католичества,—мужественно отстоялъ ея независимость и возвратилъ Россіи русскихъ царей и русское православіе. Замѣчательно, что ни бунтъ Стеньки Разина, ни Пугачевщина, овладѣвшіе безъ всякаго труда низовыми городами и областями Волги, и выражавшіе собой бурный подъемъ подавленныхъ государствомъ Московскимъ разрушительныхъ стихій своевольной удали и грабежа, не могли ничего сдѣлать Нижнему-Новгороду, этой неизмѣнной древней твердынѣ русской государственности.

Оттого-то и меня, напитавшагося долгими впечатлѣніями азіатскаго мусульманства, безконечно радуютъ и бодрятъ эти живые отпрыски Москвы въ Астрахани, въ Казани и особенно здѣсь, въ Нижнемъ,—это присутствіе вездѣ здѣсь однородной, крѣпко укоренившейся, неспособной измѣнить себѣ русской силы, радуетъ, что теперешняя, современная намъ Русь хранитъ еще въ себѣ, какъ свою народную святыню, свои древніе храмы и образа, башни и стѣны своихъ кремлей, легенды и памятники своихъ православныхъ обителей. Она чувствуетъ въ нихъ своимъ здоровымъ инстинктомъ истинные корни своей народности, а чѣмъ глубже, чѣмъ древнѣе эти общіе для всѣхъ областей русскихъ историческіе корни, тѣмъ крѣпче и надежнѣе стоитъ могучее дерево народности, тѣмъ своеобразнѣе и цѣннѣе въ общемъ хорѣ народовъ и ея собственныя дѣла и мысли. При такой стойкости народнаго духа уже невозможно, къ счастію, какъ это дѣлается теперь въ типическихъ представителяхъ исторически-обезличенныхъ націй, во всѣхъ этихъ Мексикахъ, Боливіяхъ и Аргентинахъ,—ежедневно выметать, какъ соръ, изъ своей государственной жизни то одинъ, то другой политическій порядокъ, мѣнять, какъ перчатки, правительственный строй и смѣшивать въ одномъ безразличномъ хаосѣ всякія нравственныя

убѣжденія и вѣрованія, замѣняя ихъ единственно прочнымъ и единственно понятнымъ для всѣхъ культомъ—жажды личныхъ выгодъ...

Въ Нижнемъ намъ приходится проститься съ Волгой. Уже проѣзжая по мертвымъ улицамъ ярмарки, изъ-за пресловутаго Кунавина, этого притона всякихъ ярмарочныхъ развлеченій, переименованнаго теперь въ «Макарьевскую часть»,—мы слышали свистки паровозовъ и видѣли черные хвосты дымковъ, которыми невидный нашему глазу желѣзнодорожный вокзалъ курился, какъ притихшій вулканъ сквозь трещины своего кратера...

Приходится проститься и съ этимъ комфортабельнымъ путешествіемъ на пароходѣ, котораго мы не покидали отъ самаго Узунъ-Ада въ теченіе цѣлаго ряда дней; врачи не понапрасну совѣтуютъ лѣчить взволнованные нервы долгими прогулками на пароходѣ по какой-нибудь красивой и интересной рѣкѣ. Эти поѣздки не имѣютъ ничего общаго съ путешествіями на морскихъ пароходахъ съ ихъ качками, морскими болѣзнями, всегда возможными на морѣ трагическими моментами разнаго рода, гдѣ при томъ бѣднымъ заключенникамъ, окруженнымъ бушующими волнами, иногда по нѣскольку дней не приходится видѣть ничего, кромѣ моря да неба. Тамъ самые спокойные невны могутъ серьезно разстроиться.

На рѣкѣ совсѣмъ другое дѣло: опасности здѣсь почти не существуетъ, особенно теперь, когда электричество замѣнило собою газъ и керосинъ, качки никакой, всѣ чувствуютъ себя отлично среди полнаго досуга, удобствъ и многолюднаго общества, всѣ кушаютъ и пьютъ исправно, и, ничѣмъ не страдая, не дѣлая никакихъ усилій надъ собою, не стѣсняя себя рѣшительно ничѣмъ, наслаждаются себѣ въ dolce far niente своего рода ежеминутно мѣняющимися перспективами береговъ, интересными мѣстностями, красивыми городами, мимолетными встрѣчами съ другими пароходами,—и все на чистомъ воздухѣ, среди свѣжаго

и здороваго дыханья могучей рѣки, не сходя со своего покойнаго плавучаго балкона. За нѣсколько дней такой безпечно-отрадной прогулки самые больные нервы убаюкаются, какъ капризный младенецъ на рукахъ доброй няни.

Волга производитъ это цѣлительное дѣйствіе на душу и на тѣло человѣка еще сильнѣе, чѣмъ всякая другая рѣка. Ея могучесть, ея ширь, ея безконечная длина овладѣваютъ мало-помалу всѣмъ существомъ человѣка и уносятъ его, покорнаго, смирившагося, на упругихъ хребтахъ ея весело хлещущихъ волнъ, все впередъ, все дальше, не давая духу человѣка трусливо прятаться въ свою тѣсную себялюбивую скорлупу, раздвигая передъ нимъ вмѣсто досадливыхъ мелочей его будничнаго быта, широкіе, смѣлые горизонты, заставляя его сливаться мыслію съ могучею объективною жизнію всего, что живетъ кругомъ, съ жизнію цѣлаго народа, цѣлой природы...

На меня лично Волга произвела еще особенное впечатлѣніе. Я не зналъ ее въ лицо, вблизи, до этой поѣздки своей, хотя мнѣ и случалось раньше мимоходомъ переѣзжать ее въ разныхъ городахъ ея верховья. Мнѣ было искренно стыдно передъ самимъ собою, въ тайникахъ своей души, что я, русскій человѣкъ до мозга костей, изучившій такъ подробно столько русскихъ окраинъ, исколесившій въ своей жизни и Россію, и Европу, и многія области Азіи и даже Африки, — что я не видалъ до зрѣлыхъ лѣтъ своихъ самой русской Россіи—ея великой рѣки.

И вотъ, наконецъ, Богъ помогъ мнѣ выполнить давній завѣтъ моего сердца,—я увидѣлъ, я узналъ, наконецъ, Волгу. И вотъ теперь, когда мнѣ нужно покидать ее, я чувствую, что въ теченіе этихъ длинныхъ дней и ночей, проведенныхъ на Волгѣ, я незамѣтно привязался къ ней, я влюбился въ нее, какъ влюбился въ свое время въ чудное голубое море Крыма, и что мнѣ просто больно теперь разстаться съ нею... И провѣряя себя, всѣ свои смутныя и разнородныя впечатлѣнія, которыя породила въ душѣ моей Волга, внимательно всматриваясь внутрь тог незримаго таинственнаго зеркала, которое незамѣтно для меня

самого отражало и собирало въ своемъ волшебномъ фокусѣ попадавшіе въ него со всѣхъ сторонъ лучи и краски, я вдругъ почувствовалъ, что Волга нарисовалась во мнѣ, какъ живой, поразительно сходный образъ всей родной мнѣ земли...

Волга—это сама Россія, самъ народъ ея, ея исторія, ея природа. Та же несокрушимая, смиренная мощь безъ хвастливой показности, безъ эффектныхъ романтическихъ пейзажей, тѣ же неохватные ширь и просторъ, не вѣдающіе искусственныхъ граней, та же безпечная и даже безпорядочная раскиданность еще не осѣвшей полусырой силы, мели и перекаты рядомъ съ глубокими пучинами, подмытые берега, залитыя равнины около городовъ рѣдкой красоты, тотъ же роковой, неудержимый бѣгъ въ загадочные туманы дали, полный и смѣлой удали, и неистощимаго долготерпѣнія...

И то же обиліе кишитъ внутри ея водъ и по ея берегамъ, и та же родная поэзія степей и лѣсовъ, щемящая душу своимъ невыразимымъ «жаль», прохватывающая всякую жилку человѣка беззаботнымъ веселіемъ и беззавѣтною удалью, вѣетъ надъ «широкимъ раздольемъ» Волги, какъ вѣетъ она надъ всею жизнью русскаго народа, и въ его многовѣковой исторіи, и теперь на всемъ неоглядномъ просторѣ русской земли...

Евгеній Марковъ.